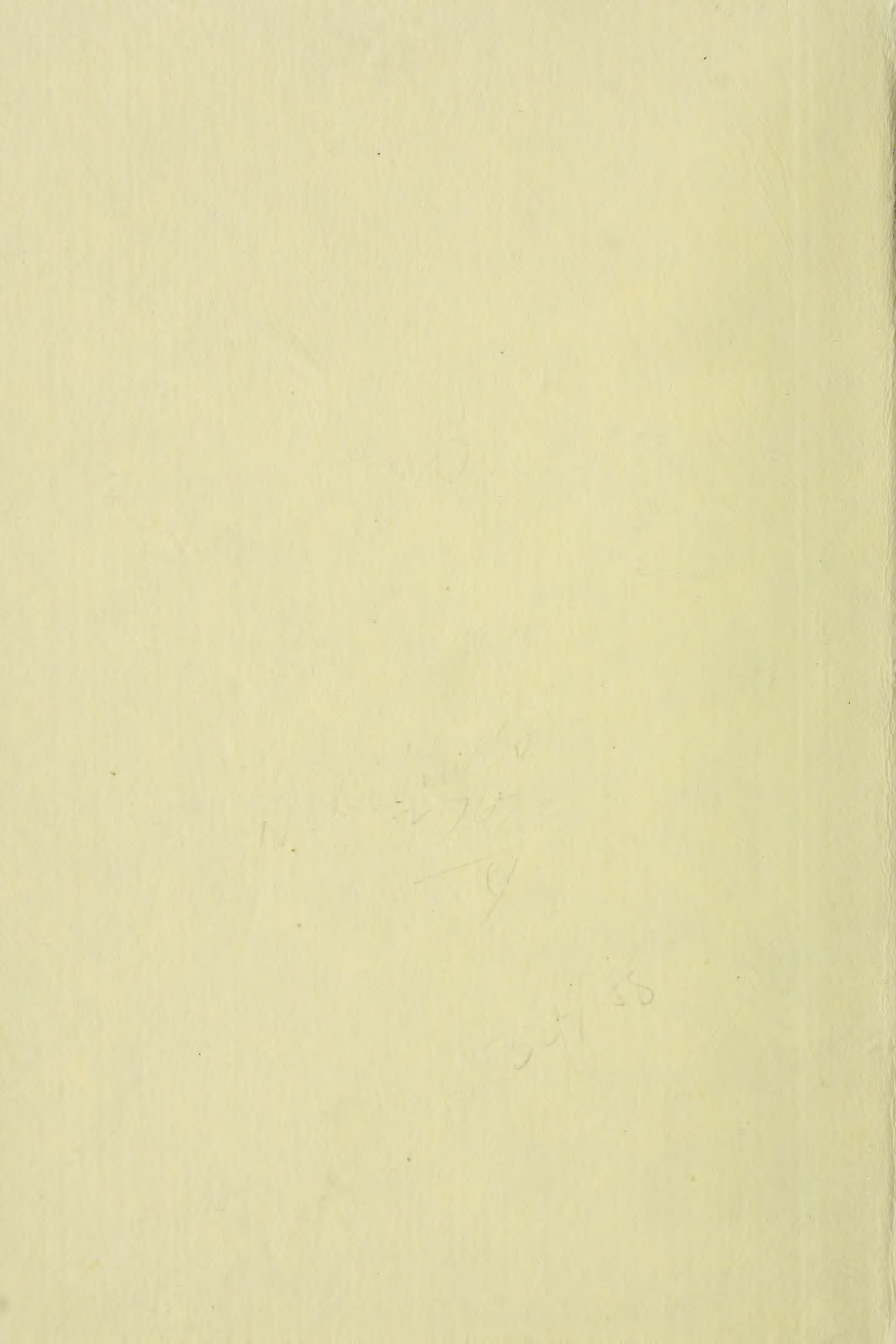

UNIVERSITY OF TORONTO DUPL
3 1761 00269845 4

Александръ Никитенко

Фототипія В. Классенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

МОЯ ПОВѢСТЬ

О САМОМЪ СЕБѢ И О ТОМЪ

«ЧЕМУ СВИДѢТЕЛЬ ВЪ ЖИЗНИ БЫЛЪ»

«Описывай, не мудрствуя лукаво».
А. Пушкинъ.

ЗАПИСКИ
И
ДНЕВНИКЪ

(1826—1877)

А. В. НИКИТЕНКО

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1893

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

Моя повѣсть о самомъ себѣ.

Дневникъ.

1826—1855.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, чему свидѣтель въ жизни былъ. Подъ этимъ заглавіемъ авторъ предлагаемыхъ „Записокъ“ въ 1851 году впервые приступилъ къ литературной обработкѣ своихъ воспоминаній, не переставая тѣмъ временемъ почти ежедневно заносить въ „Дневникъ“ выдающіяся по своему общественному интересу событія и впечатлѣнія. Онъ предполагалъ такимъ образомъ обработать и весь свой „Дневникъ“. Но это удалось ему только въ предѣлахъ весьма небольшой части своихъ воспоминаній. Масса разнородныхъ дѣлъ оставляла ему слишкомъ мало досуга для спокойнаго кабинетнаго труда, не входившаго въ кругъ ежедневныхъ обязательныхъ занятій, и „Повѣсти о самомъ себѣ“ суждено было оборваться на вступленіи автора въ новую жизнь, у порога университета—конечной цѣли всѣхъ его юношескихъ стремленій. Бо̀льшая и, можетъ быть, интереснѣйшая часть воспоминаній Александра Васильевича осталась послѣ него въ сыромъ видѣ, на страницахъ „Дневника“. А „Дневникъ“ онъ велъ съ четырнадцатилѣтняго возраста по самый день кончины, въ іюлѣ 1877 г. Такимъ образомъ накопилась масса тетрадей, а въ нихъ множество фактовъ самаго разнообразнаго содержанія. Приведенные въ порядокъ рукой самого автора, они, конечно, выиграли бы въ изложеніи и въ освѣщеніи, которое сообщило бы имъ его опытное перо. Но мы полагаемъ, что и въ настоящемъ отрывочномъ видѣ они представляютъ много интереснаго и поучительнаго. Записанные подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ факты, безъ искусственной группировки и субъективныхъ выводовъ, часто говорятъ здѣсь убѣдительнѣе самыхъ краснорѣчивыхъ комментаріевъ и въ своей неприкрашенной правдивости представляютъ драгоцѣнный матеріалъ для будущаго историка данной эпохи.

„Повѣсти о самомъ себѣ“ предшествуетъ интимное посвященіе, въ которомъ авторъ предоставляетъ своимъ теперешнимъ издательницамъ право, или, вѣрнѣе, завѣщаетъ имъ распорядиться оставшимися послѣ него рукописями „по внушенію ихъ совѣсти, любви къ нему и чувства долга передъ обществомъ“. Въ виду важности возложенной на нихъ нравственной обязанности и, считая себя только хранительницами этого, больше общественнаго, чѣмъ семейнаго наслѣдства, онѣ еще въ августѣ 1888 года приступили къ печатанію въ „Русской Старинѣ“ сначала „Записокъ“, а затѣмъ и „Дневника“. Съ тѣхъ поръ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, въ теченіе трехъ лѣтъ—съ февраля 1889 и по апрѣль 1892 г. „Дневникъ“ не переставалъ появляться на страницахъ этого повременнаго изданія и прекратился лишь со смертью его уважаемаго редактора М. И. Семевскаго. Но этимъ еще не исчерпывался запасъ ежедневныхъ замѣтокъ Александра Васильевича. Оборванный при первомъ своемъ появленіи на 1872 году, „Дневникъ“ заключаетъ въ себѣ хронику еще пяти послѣднихъ лѣтъ жизни автора, а именно 1873—1877 годовъ. Интересъ, возбужденный въ публикѣ „Записками“ и „Дневникомъ“ на страницахъ „Русской Старины“, сожалѣнія, которыя не разъ выражались по поводу внезапнаго прекращенія послѣдняго, ободряютъ теперь хранительницъ рукописей Александра Васильевича предпринять отдѣльное изданіе ихъ, съ прибавкою вышеупомянутыхъ пяти послѣднихъ лѣтъ. Этимъ онѣ надѣются исполнить свой долгъ и въ отношеніи къ обществу и въ отношеніи человѣка, уму и сердцу котораго были такъ дороги судьбы русской умственной и общественной жизни.

Ред.

МОЯ ПОВѢСТЬ О САМОМЪ СЕБѢ

I.

Гдѣ и отъ кого произошелъ я на свѣтъ.

Въ Воронежской губерніи, что прежде была Слободско-Украинская, у рѣки Тихой Сосны, между небольшими уѣздными городами, Острогожскомъ и Бирючемъ, есть большое село, или слобода, Алексѣевка, населенная малороссіянами, которыхъ русская политика сдѣлала крѣпостными. Они вовсе не ожидали этого, когда тысячами шли, по вызову правительства, изъ Украйны и селились за Дономъ, по рѣкамъ Соснѣ, Калитвѣ и другимъ, для охраненія границъ отъ вторженія крымскихъ татаръ.

Алексѣевская слобода сперва была отдана, кажется, во владѣніе князей Черкаскихъ, а отъ нихъ, по брачной сдѣлкѣ, перешла въ родъ графовъ Шереметевыхъ, владѣвшихъ огромнымъ количествомъ людей, чуть не во всѣхъ губерніяхъ Россіи. У нихъ въ послѣднее время, говорятъ, считалось до ста пятидесяти тысячъ душъ.

Въ слободѣ Алексѣевкѣ жилъ сапожникъ Михайло Даниловичъ, съ тремя прозваніями: Никитенко, Черевика и Медяника. То былъ мой дѣдъ по отцу. Я помню добродушное лицо этого старика, окаймленное окладистою, съ просѣдью, бородою, съ большимъ носомъ, обремененнымъ неуклюжими очками, съ выраженіемъ доброты и задумчивости въ старыхъ глазахъ. Руки его были исчерчены яркими полосами отъ дратвъ. Онъ некрасиво, но добросовѣстно точалъ крестьянскіе чоботы и черевики, былъ чрезвычайно нѣженъ ко мнѣ, ласковъ и добръ ко всѣмъ, но любилъ заглядывать въ кабакъ, гдѣ нерѣдко оставлялъ не только бо̀льшую часть того, что заработывалъ днями тяжкихъ

трудовъ, но и кушакъ свой, шапку и даже кожухъ. Молчаливый, кроткій, благоразумный въ трезвомъ видѣ, напившись, онъ имѣлъ обыкновеніе пускаться въ толки объ общественныхъ дѣлахъ, вспоминать о казачинѣ и гетманщинѣ, судилъ строго о безпорядкахъ сельскаго управленія и наводилъ страхъ на домашнихъ, осыпая ихъ укорами и увѣщаніями, которые нерѣдко подкрѣпляль орудіями своего ремесла, клесичкою (палка для выглаживанія кожи) и потягомъ (ремень для стягиванія ея). Сильно не долюбливалъ онъ, чтобъ его отвлекали отъ чарки призывомъ, подъ какимъ нибудь предлогомъ, домой, къ чему нерѣдко должны были прибѣгать, когда онъ показывалъ явное расположеніе слишкомъ загулять. Онъ не смѣлъ ослушаться и возвращался, но не безъ протеста.—„Вотъ какая ты дурная, не чувствительная, выговаривалъ онъ въ такихъ случаяхъ моей бабушкѣ,—только что началъ я разсуждать о важномъ дѣлѣ съ сябромъ (сосѣдомъ), какъ вдругъ: поди домой! Теперь, чортъ знаетъ, когда соберешься съ мыслями!“

Бабушка была замѣчательная женщина. Дочь священника, она считала себя принадлежащею къ сельской аристократіи и чувствовала свое достоинство. Связи ея и знакомства ограничивались кругомъ избранныхъ лицъ, такъ называемыхъ мѣщанъ, составлявшихъ касту высшаго сословія въ слободѣ. Никогда не видѣли, чтобы она угощалась серебряною чаркою съ кѣмъ либо, кромѣ дамъ, носившихъ, по праздникамъ, кораблики, вмѣсто серпанковъ, на головѣ, кунтуши тонкаго сукна, съ позументомъ на таліи, и черевики на коткахъ, или высокихъ каблукахъ. При всей бѣдности, она свято держалась обычая малороссійскаго гостепріимства и отличалась рѣдкою добротою, дѣлясь послѣдними крохами съ неимущимъ. Въ ней было врожденное благородство, которое замѣняло ей образованіе и сообщало поступкамъ и обращенію ея особенный тонъ приличія. Я помню, какъ ловко умѣла она вести и поддерживать разговоръ съ горожанами, помѣщиками и письменными, какими умными и тонкими замѣчаніями приправляла свои и чужіе разсказы, какъ живо и складно излагала народныя повѣрья и преданія временъ Екатерины II, которую всегда съ благоговѣніемъ называла матушкой-царицей, какъ бойко умѣла спорить и оспаривать, всегда стараясь поставить на своемъ. Она пользовалась отлич-

ною репутаціею. Ее не называли иначе, какъ „умною Степановною“, или „разумною Параскою“.

Дѣдъ мой не достигъ маститой старости: онъ, купаясь, утонулъ въ рѣкѣ, когда ему не было еще шестидесяти лѣтъ. Бабушка осталась съ четырьмя дѣтьми: двумя дочерьми и двумя сыновьями. Изъ дочерей, младшая, Елизавета, доброе и милое существо, любила меня горячо и была участницей моихъ первыхъ игръ, хотя значительно превосходила меня годами. Старшая, Ирина, дурнаго поведенія, часто причиняла глубокую скорбь своей матери, но та, не смотря на это, любила ее чуть ли не больше всѣхъ остальныхъ дѣтей. Изъ двухъ сыновей, старшій, Василій, былъ мой отецъ.

Бабушка Степановна отличалась крѣпкимъ сложеніемъ. Она умерла ста лѣтъ, сохранивъ всѣ свои способности. Только лѣтъ за пять до смерти у ней нѣсколько ослабѣло зрѣніе.

II.

Мой отецъ и моя мать.

Немного свѣдѣній дошло до меня о первыхъ годахъ дѣтства моего отца. Когда ему исполнилось одиннадцать или двѣнадцать лѣтъ, въ Алексѣевку прибылъ уполномоченный отъ графа Шереметева, для выбора мальчиковъ въ пѣвчіе. У отца оказался отличный дискантъ и его отправили въ Москву, для поступленія въ графскую пѣвческую капеллу, которая и тогда уже славилась своимъ искусствомъ.

Тогдашній графъ Шереметевъ, Николай Петровичъ, жилъ блистательно и пышно, какъ истый вельможа вѣка Екатерины II. Онъ къ этому только и былъ способенъ. Имя его не встрѣчается ни въ одномъ изъ важныхъ событій этой замѣчательной эпохи. Въ памяти современниковъ остался только великолѣпный праздникъ, данный имъ въ одной изъ подмосковной вотчинъ своихъ двору, когда тотъ посѣтилъ Москву. Онъ былъ оберъ-камергеромъ, что, впрочемъ, не придавало ему ни нравственнаго, ни умственнаго значенія: онъ всегда оставался только великолѣпнымъ и ничтожнымъ царедворцемъ. Между своими многочисленными вассалами онъ слылъ за избалованнаго и своенравнаго

деспота, не злаго отъ природы, но глубоко испорченнаго счастьемъ. Утопая въ роскоши, онъ не зналъ другаго закона, кромѣ прихоти. Пресыщеніе, наконецъ, довело его до того, что онъ опротивѣлъ самому себѣ и сдѣлался такимъ же бременемъ для себя, какимъ былъ для другихъ. Въ его громадныхъ богатствахъ не было предмета, который доставлялъ бы ему удовольствіе. Все возбуждало въ немъ одно отвращеніе: драгоцѣнныя явства, напитки, произведенія искусствъ, угодливость безчисленныхъ холоповъ, спѣшившихъ предупреждать его желанія—если таковыя у него еще появлялись. Въ заключеніе природа отказала ему въ послѣднемъ благѣ, за которое онъ, какъ самъ говорилъ, не пожалѣлъ бы милліоновъ, ни даже половины всего своего состоянія: она лишила его сна.

За пять или за шесть лѣтъ до смерти онъ пристрастился къ одной дѣвушкѣ, актрисѣ своего собственнаго домашняго театра, которая, хотя не отличалась особенною красотою, однако, была такъ умна, что успѣла заставить его на себѣ жениться. Говорятъ, что она была также очень добра и одна могла успокоивать и укрощать жалкаго безумца, который считался властелиномъ многихъ тысячъ душъ, но не умѣлъ справляться съ самимъ собой. По смерти жены онъ, кажется, окончательно помѣшался, никуда больше не выѣзжалъ и не видался ни съ кѣмъ изъ знакомыхъ. Послѣ него остался одинъ малолѣтній сынъ, графъ Дмитрій. Въ воспитаніи послѣдняго принимала живое участіе императрица Марія Ѳеодоровна. Но природа, щедрая къ нему въ другихъ отношеніяхъ, отказала ему въ способностяхъ, и онъ, несмотря на всѣ заботы о немъ, недалеко ушелъ ни въ наукахъ, ни въ развитіи.

Итакъ, мой отецъ поступилъ въ пѣвчіе. При капеллѣ существовала школа, гдѣ, кромѣ музыки, малолѣтніе пѣвчіе обучались и грамотѣ. Отецъ обнаружилъ рѣдкія способности ко всему, чему его учили. Въ свободное отъ школьныхъ и пѣвческихъ занятій время онъ много читалъ и пріобрѣлъ разнородныя познанія, далеко превышавшія его положеніе. Между прочимъ, онъ выучился французскому языку. Его всѣ любили не только за умъ и талантливость, но и за доброту, за живое и пріятное обращеніе. Скоро онъ сталъ первымъ между товарищами и даже сдѣлался извѣстенъ графу Шереметеву.

Съ умиленіемъ и благодарностью вспоминалъ онъ впослѣдствіи о вниманіи и ласкахъ, которыя оказывалъ ему знаменитый и несчастный Дегтяревскій, немного позднѣе угасшій среди глубокихъ, никѣмъ не понятыхъ и никѣмъ не раздѣленныхъ страданій. Это была одна изъ жертвъ того ужаснаго положенія вещей на землѣ, когда высокія дарованія и преимущества духа выпадаютъ на долю человѣка только какъ бы въ посмѣяніе и на позоръ ему. Дегтяревскаго погубили талантъ и рабство. Онъ родился съ рѣшительнымъ призваніемъ къ искусству: онъ былъ музыкантъ отъ природы. Необыкновенный талантъ рано обратилъ на него вниманіе знатоковъ, и властелинъ его, графъ Шереметевъ, далъ ему средства образоваться. Дегтяревскаго учили музыкѣ лучшіе учителя. Онъ былъ посланъ для усовершенствованія въ Италію. Его музыкальныя сочиненія доставили ему тамъ почетную извѣстность. Но, возвратясь въ отечество, онъ нашелъ суроваго деспота, который, по ревизскому праву на душу геніальнаго человѣка, захотѣлъ присвоить себѣ безусловно и вдохновенія ея: онъ наложилъ на него желѣзную руку.

Дегтяревскій написалъ много прекрасныхъ пьесъ, преимущественно для духовнаго пѣнія. Онъ думалъ, что онѣ исходатайствуютъ ему свободу. Онъ жаждалъ, просилъ только свободы, но, не получая ее, сталъ въ винѣ искать забвенія страданій. Онъ пилъ много и часто, подвергался оскорбительнымъ наказаніямъ, снова пилъ и, наконецъ, умеръ, сочиняя трогательныя молитвы для хора. Нѣкоторыя изъ его сочиненій и до сихъ поръ извѣстны любителямъ церковной музыки.

Отецъ мой, между тѣмъ, спалъ съ голоса. Ему было уже семнадцать лѣтъ, когда, по заведенному въ графской администраціи обычаю, порѣшили отправить его въ одно изъ имѣній на канцелярскую службу. Выборъ палъ на его родину и, какъ онъ находился на счету отличныхъ людей и по способностямъ и по поведенію, ему, несмотря на его молодость, дали въ Алексѣевкѣ важное мѣсто старшаго писаря.

Алексѣевка была обширная и многолюдная слобода. Въ ней считалось до семи тысячъ душъ.

Сверхъ того, къ ней было приписано до девяносто разныхъ малыхъ и большихъ хуторовъ, такъ что все населеніе ея простиралось до двадцати тысячъ слишкомъ душъ. Управлялась

слобода двоякаго рода властями. Однѣ назначались графомъ, а именно: управитель, старшій писарь и повѣренный. Другія избирались общиною и назывались атаманами. Все это вмѣстѣ составляло такъ называемое вотчинное правленіе, въ которомъ старшій писарь, иначе земскій, былъ правителемъ дѣлъ. Наконецъ, существовала еще одна власть: общинное собраніе, міръ, вѣче или, по малороссійски, громада. Сужденію ея подлежали вопросы, касавшіеся благосостоянія и порядка цѣлой вотчины: вопросы финансовые, рекрутская повинность и т. д.

Такъ было въ учрежденіи, на дѣлѣ выходило иначе. Вся правительственная власть сосредоточивалась въ рукахъ графскаго уполномоченнаго или управителя, а сила, двигавшая общественными пружинами и ходомъ вещей—въ рукахъ богатыхъ обывателей, такъ называемыхъ мѣщанъ. Эти мѣщане занимались преимущественно торговлею и многіе изъ нихъ обладали значительными капиталами, тысячъ до двухсотъ и болѣе рублей. Предметъ ихъ торговли составляли хлѣбъ, сало и кожи. Они не отличались добрыми нравами. То были малороссіяне, выродившіеся или, какъ ихъ называли въ насмѣшку, перевертки, успѣвшіе усвоить себѣ отъ москалей одни только пороки. Надутые своимъ богатствомъ, они презирали низшихъ, то есть болѣе бѣдныхъ, чѣмъ сами, сильно плутовали и плутовскимъ продѣлкамъ были обязаны своимъ благосостояніемъ. Жили они роскошно, стараясь подражать горожанамъ, одѣвались въ щегольскіе жупаны, смѣшивая покрой малороссійскій съ русскимъ, задавали частыя попойки, украшали дома свои богато, но безвкусно. Жены ихъ и дочери щеголяли тонкаго сукна кунтушами, шитыми золотомъ очипками, запасками, особенно намистами (ожерельями) изъ дорогихъ крупныхъ кораллов, въ перемѣшку съ серебряными и золотыми крестами и дукатами.

Настоящій малороссійскій типъ лица, нравовъ, обычаевъ и образа жизни сохранялся почти исключительно въ хуторахъ. Тамъ можно было найти истинно гомерическую простоту нравовъ: добродушіе, честность и то безкорыстное гостепріимство, которымъ по справедливости всегда славились малороссіяне. Воровство, обманъ, московская удаль, надувательство были у нихъ вещами неслыханными. Москаль, по ихъ понятію все это вмѣщавшій въ себѣ, былъ словомъ ругательнымъ.

Эти добрые хуторяне, въ своей патріархальной простотѣ незнакомые съ цивилизованными пороками, умѣренные въ своихъ требованіяхъ, жили бы совершенно счастливо, владѣя прекраснѣйшею въ мірѣ землею и платя небольшой оброкъ помѣщику, если бы ихъ не притѣсняли богатые мѣщане. Къ несчастію, богатство и здѣсь, какъ часто бываетъ, составляло могущество, служившее однимъ для угнетенія другихъ. Мѣщане разными способами обижали хуторянъ: они то старались подчинить ихъ своей власти, то захватывали у нихъ клочекъ выгодной земли или лѣса, то обращали на нихъ бремя общественныхъ тягостей, которыхъ сами не хотѣли нести. Все это дѣлалось безнаказанно. Представители графской власти думали только о томъ, какъ бы и имъ обогатиться, а выборные отъ народа, или громада, состояли изъ тѣхъ же мѣщанъ: эти послѣдніе располагали и выборами и голосами въ громадѣ.

Былъ въ слободѣ еще особенный и многочисленный классъ людей—классъ ремесленниковъ: кравцовъ (портныхъ), шевцовъ (сапожниковъ), бочаровъ или бондарей, ковалей (кузнецовъ) и проч. Они уже не занимались земледѣліемъ, но развозили по сельскимъ и городскимъ ярмаркамъ свои издѣлія. Сталкиваясь въ этихъ промышленныхъ странствованіяхъ съ москалями, они заражались ихъ удалью и были большею частью преизрядными плутами.

Вотъ среди какого общества былъ призванъ жить и дѣйствовать на первыхъ порахъ мой отецъ. Онъ прибылъ въ Алексѣевку, кажется, въ 1800 или 1801 году. Ему тогда только что минуло восемнадцать лѣтъ. Мѣщане встрѣтили его недоброжелательно. Они презирали его за молодость и считали недостойнымъ участвовать въ управленіи ихъ общиною. Однако, они скоро утѣшились, предполагая, что за то будутъ имѣть въ немъ покорное орудіе. Но у отца было другое на умѣ. Кромѣ способностей, природа надѣлила его еще пылкимъ, благороднымъ и воспріимчивымъ сердцемъ. Онъ былъ одною изъ тѣхъ личностей, которымъ суждено всю жизнь бороться съ окружающею неурядицею и въ заключеніе становиться ея жертвою. Онъ, какъ я уже говорилъ, значительно образовалъ себя и, на свою бѣду, умственно и нравственно совсѣмъ отдѣлился отъ людей, съ которыми ему надлежало жить и отъ которыхъ онъ зависѣлъ. Образованіе его было случайное,

безъ всякой системы и ни мало не приспособленное къ его будущности. Лишенное практическаго смысла, оно только воспламенило его воображеніе, наполнило голову идеями, не согласными съ окружающею дѣйствительностью, и потому не могло руководить его среди пропастей и грязи, которыя ему суждено было проходить. Оно составляло блестящее, неожиданное, но и опасное преимущество его судьбы.

Отецъ мой совсѣмъ не понималъ своего положенія. Даже примѣръ Дегтяревскаго не научилъ его. Онъ былъ знакомъ только съ героями исторіи и романовъ, а не съ жизнью и дѣятелями своего міра. Цѣня только то, что находилъ или въ высшихъ сферахъ дѣйствительности, или въ фантастическихъ своихъ и чужихъ дополненіяхъ къ ней, онъ съ перваго же шага въ жизни бросился на встрѣчу призракамъ такихъ доблестей, самыя имена которыхъ не были извѣстны не только въ графскихъ вотчинахъ, но и въ другихъ, гораздо болѣе почетныхъ, мѣстахъ русской земли. Приступивъ къ отправленію своей должности, онъ скоро убѣдился, что грубая сила и богатство, а не человѣчность и справедливость располагаютъ дѣлами и жребіемъ людей. Тогда онъ вообразилъ себѣ, что избранъ Провидѣніемъ дать другое устройство своей родинѣ, установить равновѣсіе между людьми привиллегированными и бѣдными и учредить такой порядокъ, чтобы послѣдніе всегда находили защиту противъ самоуправства и произвола первыхъ, то есть онъ предпринялъ дѣло, которое еще никому въ мірѣ не удавалось. Мысль эта до того овладѣла имъ, что онъ забылъ всякую осторожность и скудость средствъ, какими располагалъ для борьбы со зломъ.

Богатые мѣщане сначала пріуныли, заподозривъ въ немъ тайнаго агента графа, но скоро успокоились, увидѣвъ, что во всякомъ случаѣ имѣютъ дѣло съ горячимъ, неопытнымъ юношей, съ которымъ не трудно будетъ справиться: стоитъ только дать побольше розыграться его пылкости и терпѣливо выждать удобную минуту.

На первыхъ порахъ мѣстные аристократы, впрочемъ, еще надѣялись другимъ, мирнымъ способомъ обуздать непрошеннаго реформатора. Они хотѣли женить его на комъ нибудь изъ своихъ и, запутавъ въ родственныя и семейныя связи, сдѣлать его сговорчивѣе. Но отецъ и тутъ пошелъ всѣмъ наперекоръ. Онъ,

дѣйствительно, поспѣшилъ жениться, но въ угоду себѣ, а не другимъ.

Случилось это такъ. Однажды вечеромъ онъ шелъ по мосту черезъ рѣку Сосну. Съ паствы возвращались на ночлегъ стада коровъ и овецъ. Имъ на встрѣчу, по обыкновенію, высыпала изъ деревни толпа женщинъ и между ними одна молодая дѣвушка, привлекательная наружность и скромный видъ которой приковали вниманіе отца. Онъ освѣдомился у подругъ объ ея имени и узналъ, что она дочь небогатаго кравца, шьющаго тулупы, по прозванью Ягнюка. Участь отца была рѣшена: плѣнительный образъ дѣвушки всецѣло овладѣлъ имъ.

Дня три спустя онъ объявилъ родителямъ, что хочетъ жениться. Моя бабушка пришла въ ужасъ, когда узнала, что избранная ея сына не зажиточная мѣщанка, а дочь бѣднаго, ничтожнаго кравца. Важное значеніе въ слободѣ моего отца, перваго, послѣ управляющаго лица, его способности, московское образованіе дѣлали его настоящимъ панычемъ. Все это давало его матери поводъ разсчитывать на гораздо болѣе выгодный для него бракъ. Она надѣялась назвать невѣсткою дочь кого-нибудь изъ первоклассныхъ богачей слободы. Были призваны на помощь всевозможные доводы, просьбы, увѣщанія, чтобы отклонить молодого человѣка отъ неравнаго брака. Все напрасно. Романическая встрѣча, красота дѣвушки, самая бѣдность ея заставляли отца упорно стоять на своемъ.

Но онъ, и въ рѣшимости своей, не по обычаю поступилъ. Вмѣсто того, чтобы заслать къ родителямъ невѣсты сватовъ, онъ самъ явился къ нимъ. Это были малороссіяне стараго закала, въ которыхъ еще не угасъ духъ прежнихъ украинцевъ. Честные и добродушные, они не имѣли ничего общаго съ испорченной средой мѣщанскаго и ремесленнаго сословія. Главное занятіе ихъ составляло земледѣліе, но дѣдъ мой, въ молодости, научился шить кожухи и теперь еще кое-что заработывалъ, въ качествѣ кравца. Семья его, такимъ образомъ, не терпѣла особенной нужды.

Они жили на берегу Сосны, въ небольшой, крытой соломою, но бѣленькой хатѣ, за которою, къ самой рѣкѣ, спускался огородъ, съ грядами капусты, гороха, свеклы, кукурузы и разнаго рода цвѣтами. Тутъ красовались пышныя гвоздики и огромные подсолнечники, пестрѣли разноцвѣтные маки, благоухалъ кану-

перъ, ковромъ разстилались ноготки, колокольчики, зинзиверъ, и—украшеніе могилъ—васильки. Огороду этому, впослѣдствіи, суждено было терпѣть великое опустошеніе отъ моихъ набѣговъ, особенно въ той части, гдѣ вокругъ гибкихъ и длинныхъ тычинокъ вился сладкій горохъ. За рѣкой, противъ самаго огорода, разстилался вишневый садъ—рай моей бабушки, когда она еще была въ дѣвицахъ, потомъ ея дочерей, а въ заключеніе и мой. Тамъ тѣснились яблони, вишневыя и грушевыя деревья, лѣтомъ и осенью обремененныя плодами—отрадой моихъ дѣтскихъ лѣтъ. Но объ этомъ послѣ.

Старики оторопѣли, когда узнали, зачѣмъ явился къ нимъ такой знаменитый гость, какъ старшій писарь, мой будущій отецъ. — „Такъ якъ же тому буты", говорила старуха-мать— „щобъ наша Катря була тоби жинкою? Чи вона жъ тоби пара? Мы люды убоги и прости, а ты бачь письмѐнный, панычъ, да такой еще гарный. У Катри ничего нема, далибугъ, окромѣ якихсь плахтынокъ, сорочекъ, да хустокъ".

Отецъ мой на это разразился чѣмъ-то въ родѣ пламеннаго диѳирамба, изъ котораго старуха, разумѣется ничего не поняла. Въ заключеніе, однако, порѣшили позвать Катрю и спросить у нея, согласна ли она идти замужъ за старшаго писаря, Василья Михайловича. Озадаченная дѣвушка, дрожа и краснѣя, отвѣчала, что сдѣлаетъ, какъ прикажутъ родители.

Недѣли черезъ три съиграли свадьбу—къ тайному неудовольствію матери жениха и къ изумленію Алексѣевскихъ аристократовъ, которые съ этихъ поръ окончательно возненавидѣли отщепенца и укрѣпились въ намѣреніи погубить его.

Мнѣ предстоитъ трудная задача начертить портретъ моей матери, соединивъ черты ея юности, дошедшія до меня по преданію, съ тѣмъ, что уцѣлѣло въ моей собственной памяти отъ ея болѣе зрѣлаго возраста. Она была замѣчательное въ своемъ родѣ явленіе. Жизнь не дала ей ничего, кромѣ страданій, но она съ рѣдкимъ достоинствомъ прошла свой скорбный путь и сошла въ могилу съ ореоломъ праведницы.

Въ молодости она слыла красавицею, да и въ моей памяти рисуется еще такою. Ея тонкія правильныя черты выражали безконечную кротость, а манеры и обращеніе съ лѣтами пріобрѣли особенную плавность и величавость. Росту она была выше сред-

няго и стройно сложена. Черные волосы мягкими прядями лежали вокругъ высокаго лба. Но всего лучше были ея каріе глаза: въ нихъ свѣтилось столько нѣжности и доброты. Кто видѣлъ ее, тотъ непремѣнно чувствовалъ къ ней пріязнь и уваженіе. Безъ всякаго образованія, она обладала счастливыми способностями, при которыхъ женщина легко свыкается съ обычаями, нравами и понятіями другаго болѣе утонченнаго круга. По развитію мой отецъ былъ выше ея. Она это признавала и почтительно передъ нимъ преклонялась, всегда охотно входила въ его виды и сочувствовала, если не романическимъ порывамъ и игрѣ его фантазіи, то благороднымъ стремленіямъ, лежавшимъ въ основѣ его характера. У нея у самой была бездна природнаго ума, который съ теченіемъ времени тоже не преминулъ развиться и окрѣпнуть. То былъ умъ удивительно вѣрный и здравый, безъ малѣйшей заносчивости и тонкій безъ жеманства. Въ немъ она всегда находила прочную точку опоры тамъ, гдѣ болѣе отважный, но менѣе гибкій умъ ея мужа легко терялъ почву подъ ногами.

Событія, наполнявшія жизнь моего отца, какъ настоящія волны, то и дѣло бросали утлый челнъ его изъ одной крайности въ другую. Онъ былъ игрушкою самой странной судьбы, полной противорѣчій и горькихъ разочарованій. Съ одной стороны, онъ какъ бы пользовался выгодами и преимуществами независимаго, даже почетнаго положенія, съ другой—могъ быть попираемъ, какъ червь. Герой по широкому уму, по способностямъ и по гордости, съ какою отстаивалъ свое человѣческое достоинство, онъ, по роли, которая выпала ему въ жизни, былъ жалкимъ актеромъ. Не мало противорѣчій было и въ сношеніяхъ его съ людьми: случай безпрестанно наталкивалъ его на такихъ, которые были гораздо выше его и по систематическому образованію и по общественному положенію. Но они не только охотно водились съ нимъ, какъ съ равнымъ, но многіе изъ нихъ даже состояли въ тѣсной дружбѣ съ нимъ. У меня сохранилась часть переписки моего отца, которая свидѣтельствуетъ объ уваженіи и сочувствіи къ нему этихъ лицъ.

Въ такой-то кругъ житейскихъ условій вошла моя мать, неся имъ навстрѣчу только свое прекрасное сердце, свой непросвѣщенный, но здравый умъ и свой женскій инстинктъ. Она съумѣла найтись въ этомъ чуждомъ ей кругу и соединить строгое испол-

неніе обязанностей своего пола и призванія съ требованіями относительно чрезвычайнаго положенія. На кухнѣ, за прялкой, за иглой она была усердная работница, кухарка, швея, нянька своихъ дѣтей. И ее же потомъ видѣли степенно, скромно, но свободно ведущею бесѣду съ именитыми горожанами, точно она вѣкъ съ ними жила. Она вообще умѣла дѣлать все просто и кстати. Разговоръ ея не отличался бойкостью, но она говорила легко и занимательно, нерѣдко приправляя свою рѣчь оригинальнымъ малороссійскимъ юморомъ.

Но главная сила моей матери заключалась въ сердцѣ и характерѣ. Она была сама доброта и самопожертвованіе. Конечно, она знала, что въ мірѣ есть зло: она сама много отъ него терпѣла, но рѣшительно не понимала, какъ можно дѣлать зло и какъ можно дѣлать на свѣтѣ что другое, кромѣ добра. Ничто не сравнится съ терпѣніемъ и мужествомъ, съ какими она переносила удары судьбы. Она испытала все, что составляетъ отраву жизни: страданія сердца, нужду, всевозможныя лишенія, гоненія и потрясенія самыхъ бурныхъ и неожиданныхъ свойствъ. Бѣды и несчастія, казалось, спорили о томъ, которому изъ нихъ, наконецъ, удастся одолѣть эту прекрасную, благородную душу женщины, виноватой только тѣмъ, что она жила. Но кто видѣлъ, какъ глубоки и жгучи были ея скорби? Одинъ только Богъ развѣ, передъ которымъ она изливала свое сердце въ тихой, покорной молитвѣ, не спрашивая, зачѣмъ, въ силу какихъ законовъ возложено на нее такое тяжкое иго?

Враждебныя обстоятельства, съ теченіемъ времени, произвели нѣкоторыя перемѣны въ характерѣ отца. Въ сущности онъ оставался тѣмъ же, но сталъ недовѣрчивѣе къ людямъ. Взглядъ его на жизнь сдѣлался скептичнѣе, а на собственную судьбу мрачнѣе и тревожнѣе. Характеръ его подруги, напротивъ, все совершенствовался и, подъ давленіемъ бѣдъ, только сосредоточивался и, такъ сказать, округлялся. Замѣчательно, что выросшая среди людей простыхъ и невѣжественныхъ, она, въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, была чужда суевѣрія и предразсудковъ, которые такъ часто принимаются за одно съ религіей. Ея здравый умъ вѣрно отличалъ настоящія требованія всего честнаго и разумнаго отъ искуственнаго и только наружнаго. Она чтила не обычай, а добрые нравы и имъ однимъ придавала важность.

За то религіозныя вѣрованія моего отца, какъ и все въ немъ, отличались своеобразностью и были полны противорѣчій. Напримѣръ, онъ высоко цѣнилъ Вольтера и ни мало не смущался его скептическими воззрѣніями. Самъ, между тѣмъ, былъ набоженъ, не иначе какъ съ уваженіемъ говорилъ о „вещахъ божественныхъ“ и ничуть не пренебрегалъ обрядами церкви. При всякомъ выдающемся событіи въ домашнемъ быту онъ непремѣнно приглашалъ священника служить молебенъ, хотя за это часто не легко бывало заплатить. На молебнахъ онъ всегда съ благоговѣніемъ молился, а вслѣдъ затѣмъ опять отъ души смѣялся антирелигіознымъ выходкамъ Вольтера, особенно его издѣвательствамъ надъ попами и монахами.

III.

Первыя покушенія моего отца водворить правду тамъ, гдѣ ея не хотятъ, и что̀ изъ этого вышло.

Послѣ женитьбы отецъ мой намѣревался жить, по прежнему, съ своими родителями, но это скоро оказалось невоможнымъ. Его мать никакъ не могла простить удара, нанесеннаго ея честолюбію, и, какъ женщина энергическая, рѣзко выражала свое неудовольствіе. За все платилась, конечно, моя будущая мать. Ни молодость, ни красота ея, ни безусловная покорность, ничто не могло смягчить бабушку Степановну. Отцу приходилось или оставаться безмолвнымъ зрителемъ незаслуженныхъ обидъ и оскорбленій, ежедневно наносимыхъ его юной подругѣ, или начать жить собственнымъ домомъ. Онъ избралъ послѣднее, Жалованье онъ получалъ небольшое; но въ Алексѣевкѣ все было дешево, а нужды его семьи незатѣйливы: ему безъ особеннаго труда удалось обзавестись маленькимъ хозяйствомъ. Молодость, относительное довольство, согрѣтый любовью домашній очагъ, а главное—удовлетвореніе малымъ и вѣра въ будущее дѣлали то, что отецъ мой на время счелъ себя счастливымъ. Этотъ моментъ его жизни можетъ быть названъ золотымъ, идиллическимъ періодомъ его существованія. Но идиллія недолго продолжалась: она быстро перешла въ драму, съ печальной развязкой на краю могилы.

Характеръ общественной дѣятельности моего отца не замедлилъ опредѣлиться. Онъ съ первыхъ же шаговъ въ качествѣ старшаго писаря выступилъ защитникомъ слабыхъ и врагомъ сильныхъ. Насталъ рядъ случаевъ, въ которыхъ ярко обнаружилась и его діалектическая ловкость въ оспариваніи несправедливыхъ притязаній и стойкость въ преслѣдованіи злоупотребленій. Это усилило бдительность враговъ и разожгло ихъ злобу. Завязалась ожесточенная борьба. Къ несчастью, отецъ мой стоялъ совсѣмъ одиноко. Ему и въ голову не приходило позаботиться о томъ, чтобы пріобрѣсти себѣ союзниковъ, образовать нѣчто въ родѣ партіи. Онъ ровно ничего не понималъ въ практической мудрости, которая страстями же побѣждаетъ и подчиняетъ себѣ страсти, но въ своей юношеской неопытности думалъ, что достаточно возвысить голосъ въ пользу правды, и ея торжество несомнѣнно. Уроки опыта и впослѣдствіи не научили его этому.

Былъ объявленъ рекрутскій наборъ. Вотчинѣ надлежало поставить извѣстное число рекрутъ. Власти такъ повели дѣло, что богатые, имѣвшіе по три и по четыре взрослыхъ сына, были, подъ разными предлогами, освобождены отъ этой общественной тягости, которая, такимъ образомъ, падала исключительно на бѣдныхъ. Многія семьи лишались послѣдней опоры: лбы забрили даже нѣсколькимъ женатымъ. Такая несправедливость возмутила отца. Онъ горячо вступился за одну вдову, у которой отнимали единственнаго сына и кормильца. Но протестъ его остался безъ послѣдствій. Тогда онъ рѣшился прямо отъ себя написать графу и раскрыть ему всѣ злоупотребленія.

Поднялась страшная суматоха. Отъ графа явились ревизоры, какъ водится, уполномоченные изслѣдовать безпорядки и принять мѣры къ ихъ устраненію на будущее время. Эти почтенные блюстители нравовъ, прежде всего, взяли съ виновныхъ огромныя взятки, а затѣмъ объявили ихъ не только правыми, чуть не святыми, а виновника переполоха, моего отца, признали клеветникомъ. Его отрѣшили отъ должности и, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій графа, посадили въ тюрьму.

Отецъ, однако, не смирился. Онъ вздумалъ перехитрить враговъ и предупредить ихъ донесеніе графу своимъ собственнымъ. Но какъ это сдѣлать? Его, какъ важнаго общественнаго пре-

ступника, зорко стерегли и не давали ему ни бумаги, ни перьевъ, ни чернилъ. Моя мать нашла средство все это доставить ему. Ей позволили навѣщать заключеннаго, и вотъ она, въ одно изъ своихъ посѣщеній, снабдила его бумагой, которую принесла, мелко сложенною, подъ чепцомъ. Этотъ головной уборъ малороссіянокъ, въ то время, былъ очень объемистый и съ упругимъ верхомъ. Туда-же спрятала она и перо, а чернильницу скрыла въ краюшкѣ хлѣба!

Два дня спустя письмо съ описаніемъ гоненій, претерпѣваемыхъ отцомъ, уже было на пути къ графу. Противники не успѣли опомниться, какъ явилось строгое предписаніе пріостановить ходъ дѣла, освободить отца и отправить его, для личныхъ объясненій, въ Москву. Это произвело на всѣхъ дѣйствіе громоваго удара, а отцу моему внушило самыя отважныя надежды. Послѣднія, однако, быстро разсѣялись.

Графъ, правда, благосклонно выслушалъ его, но еще благосклоннѣе отнесся къ навѣтамъ противной стороны. Отца признали человѣкомъ безпокойнымъ, волнующимъ умы и радѣющимъ больше о выгодахъ человѣчества, чѣмъ о графскихъ. Въ заключеніе бѣднягу заковали въ цѣпи и привезли обратно въ слободу, гдѣ велѣли жить подъ надзоромъ мѣстныхъ властей. Отсюда начался рядъ его несчастій—униженій, гоненій и лишеній всякаго рода.

Прежде всего надлежало подумать о насущномъ хлѣбѣ. Отецъ собралъ въ памяти все, чему учился въ Москвѣ, и что успѣлъ почерпнуть изъ чтенія книгъ, и рѣшился пустить въ оборотъ небольшой капиталъ своего знанія. Верстахъ въ пятнадцати отъ Алексѣевки жила, въ небольшой деревнѣ, помѣщица Авдотья Борисовна Александрова. Эта замѣчательная личность, типъ русскихъ помѣщицъ начала нынѣшняго столѣтія, не можетъ быть обойдена молчаніемъ. Къ тому же она была моею крестною матерью. Я помню ее уже лѣтъ сорока. Высокая, довольно полная, съ грубымъ лицомъ и мужскими ухватками, она непріятно поражала рѣзкими манерами и повелительнымъ обращеніемъ. Жила она на широкую барскую ногу, хотя средства ея были невелики. У ней часто собирались гости, особенно офицеры квартировавшаго въ окрестностяхъ полка. Ходила молва, что она охотно угощала ихъ не только сытными обѣдами и наливками,

но и отцвѣтающими своими прелестями. Образованіе ея не шло дальше грамоты, да умѣнія одѣваться и держать себя побарски, сообразно тогдашнимъ обычаямъ и модѣ Претензій за то у нея было пропасть. Она била на барство, и потому сама мало распоряжалась хозяйствомъ, а дѣйствовала въ домашнемъ управленіи черезъ управляющаго, дворецкаго, ключницъ и т. д.

Эта феодальная дама отличалась всѣми свойствами деспота, обладателя нѣсколькихъ сотъ рабовъ, но сама состояла въ рабствѣ у своихъ дурныхъ наклонностей. Бичъ и страшилище подвластныхъ ей несчастливцевъ, она особенно тяготѣла надъ тѣми, которые составляли ея дворню и чаще другихъ попадались ей на глаза. Мои воспоминанія о ней ограничиваются годами моего дѣтства. Но я живо помню, какъ она собственноручно колотила скалкою свою любимую горничную, Пелагею, какъ раздавала пощечины прочимъ, какъ другая ея горничная, Дуняша, съ бритой головой, по нѣсколько дней ходила съ рогаткой вокругъ шеи, какъ всѣхъ своихъ дѣвушекъ сѣкла она крапивой. Подобныя вещи, впрочемъ, никого не возмущали: онѣ были въ нравахъ общества и времени.

Мать четырехъ дѣтей, Авдотья Борисовна выхлопотала позволеніе моему отцу переселиться къ ней, чтобы занять въ ея домѣ должность учителя. И вотъ мы переѣхали въ Ударовку. Если не ошибаюсь, это было въ 1802 году.

Деревня славилась живописной мѣстностью. Барскій домъ стоялъ на высокой горѣ, у подошвы которой течетъ рѣка Тихая Сосна. Начиная съ вершины горы, по скату ея и до самой рѣки, простирался великолѣпный садъ, съ множествомъ плодовыхъ деревьевъ и съ огромными вѣковыми дубами. На противоположной сторонѣ рѣки зеленѣлъ и пестрѣлъ цвѣтами роскошный лугъ, съ живописно разбросанными по немъ купами лозъ и вербы. На одномъ изъ граціозныхъ изгибовъ рѣки стояла водяная мельница. Около пѣнилась и клокотала вода, отдаленный шумъ паденія которой долеталъ до горной вершины. Деревня тянулась по горѣ, противъ барскаго дома. Отцу моему отвели въ ней маленькій, но опрятный домикъ, который примыкалъ къ саду. Здѣсь-то и явился я на свѣтъ, на второй или на третій годъ послѣ водворенія въ Ударовкѣ моихъ родителей, а именно въ 1804 или 1805 году.

IV.

Первые годы моего дѣтства.

Я рано помню себя, но память моя, конечно, удержала только самыя яркія черты лицъ и событій моего перваго дѣтства. Зато воспоминанія эти очень живы и пластичны: лица, событія, мѣстности и теперь еще представляются мнѣ такъ ясно и отчетливо, какъ будто они все еще были у меня передъ глазами. Между тѣмъ мое знакомство съ ними должно быть отнесено къ трехъ и даже двухлѣтнему моему возрасту. Первое воспоминаніе изъ самой отдаленной древности моей исторіи, или изъ самой юной эпохи моей жизни—это воспоминаніе о сильно мучившей меня оспѣ и объ одномъ горбатомъ мальчикѣ, по прозванію Третьякъ, которымъ меня почему-то пугали: вѣроятно, по причинѣ его жалкой наружности, хотя въ ней не было ничего страшнаго или отталкивающаго. Больнаго оспой, меня возили по саду въ тележкѣ.

Я былъ вторымъ ребенкомъ у родителей. Ихъ первая дочь умерла на второмъ году отъ рожденія. Родился я въ мартѣ мѣсяцѣ, кажется, двѣнадцатаго, въ чемъ отецъ мой видѣлъ счастливое предзнаменованіе: это моментъ возрожденія природы въ нашемъ краю. Около этого времени тамъ начинается весна: снѣгъ таетъ, рѣки освобождаются отъ ледяныхъ покрововъ, съ горъ текутъ потоки, въ рытвинахъ и оврагахъ шумитъ вода, зелень едва примѣтнымъ пушкомъ пробивается на деревьяхъ, на поляхъ проглядываютъ первые голубые цвѣтки—красивые пролѣски, воздухъ оглашается пѣніемъ жаворонковъ и похожими на звуки волторны криками журавлей, которые угловатой линіей тянутся къ намъ съ дальняго юга на веселый востокъ.

Воспріемниками моими при крещеніи были помѣщица Александрова и ротмистръ или поручикъ, князь Жеваховъ, очень любившій моего отца. По словамъ матери, я росъ крѣпкимъ и здоровымъ на славу, такъ что мною нерѣдко любовались. Крестная мать ласкала меня и кормила сластями. Я рано началъ ходить и произносить первыя слова. Мое физическое развитіе вообще шло правильно и успѣшно.

Не знаю, почему не привили мнѣ оспы: вѣроятно, потому,

что оспопрививаніе въ то время не было еще такъ распространено въ провинціи, какъ теперь. Это обстоятельство чуть не стоило мнѣ жизни, такъ какъ меня постигла чрезвычайно сильная натуральная оспа. Но съ другой стороны, я, можетъ быть, ей-то и обязанъ своимъ теперешнимъ хорошимъ здоровьемъ. На лицѣ моемъ и теперь еще сохраняются едва замѣтные слѣды этой болѣзни, за то она въ самомъ началѣ жизни разомъ освободила мое тѣло отъ всѣхъ вредныхъ и острыхъ соковъ.

Не могу съ точностью опредѣлить, какъ долго мой отецъ оставался у помѣщицы Александровой: кажется, года три или четыре. Жизнь его у ней текла довольно спокойно. Всѣ любили его, начиная съ помѣщицы и ея дѣтей, до послѣдняго двороваго человѣка. Я былъ впослѣдствіи знакомъ съ двумя молодыми Александровыми, сыномъ и дочерью Ударовской барыни. Они съ благодарностью вспоминали о моемъ отцѣ, какъ о человѣкѣ, которому были обязаны своимъ развитіемъ и тѣми небольшими свѣдѣніями, какія дало имъ ихъ не блестящее воспитаніе. Эти питомцы моего отца вовсе не походили характеромъ на свою бурную и жестокую мать. Они были люди простые и добрые, безъ всякихъ барскихъ или феодальныхъ замашекъ.

Обязательства моего отца съ помѣщицей Александровой пришли къ концу. Ему удалось сколотить изъ жалованья небольшую сумму, на которую онъ купилъ хату въ родной слободѣ. Живо помню я этотъ скромный пріютъ моего дѣтства—хорошенькій малороссійскій домикъ, съ двумя чистыми комнатами, кухнею и кладовой. Онъ былъ крытъ очеретомъ (камышемъ) подъ гребенку, что служило знакомъ уже нѣкоторой роскоши, ибо у прочихъ хуторянъ жилища скромно прятались подъ солому. На дворѣ стояли: большой сарай, конюшня, загородь съ навѣсомъ для коровъ и овецъ и курятникъ. Но мое вниманіе особенно привлекали ворота. Надъ ними, по малороссійскому обычаю, была устроена голубятня, гдѣ жило, вило гнѣздо и выводило потомство многое множество голубей. Эти милыя, граціозныя созданія сильно меня занимали, но и съ своей стороны не чуждались меня. Мое появленіе на голубятнѣ не только не пугало ихъ, а напротивъ, точно доставляло имъ удовольствіе — да я-же никогда и не приходилъ къ нимъ съ пустыми руками. Они порхали и довѣрчиво толпились вокругъ меня, какъ лакомыя дѣти около

ключницы, когда та выходитъ изъ кладовой, обремененная пряниками, орѣхами и другими сластями — и клевали зерна изъ моихъ рукъ.

Меня вообще очень занимали всѣ живыя Божія созданья. Такъ я, между прочимъ, былъ въ большой дружбѣ съ почтеннымъ старымъ псомъ, Гарсономъ, который честно сторожилъ нашъ дворъ, и съ большимъ бѣлымъ котомъ, очень пріятной наружности, но великимъ плутомъ и воромъ. Кухарка и матушка бывали отъ него въ отчаяніи. Кухня и кладовая то и дѣло подвергались его набѣгамъ: онъ таскалъ оттуда провизію, а на мышей не обращалъ никакого вниманія.

Не только мы, но и сосѣди терпѣли отъ его воровскихъ похожденій. У одного изъ нихъ висѣлъ на чердакѣ кулекъ со свинымъ саломъ, заготовленнымъ къ празднику. Подлецъ-котъ умудрился прогрызть кулекъ. Онъ сдѣлалъ въ немъ отверстіе, въ видѣ двери, и устроилъ себѣ тамъ родъ жилища, съ готовымъ столомъ. Сало постепенно исчезало, а котъ непомѣрно жирѣлъ. Скоро отъ сала остались однѣ тоненькія стѣнки. Насталъ канунъ праздника. Хозяинъ отправился на чердакъ, разсчитывая на завтра полакомиться самъ и полакомить семью. Подходитъ къ кульку: оттуда выскакиваетъ котъ, а сала какъ не бывало. Жалобы на вора сыпались со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, порѣшили его повѣсить — и повѣсили. Но видно петля была слабо затянута или кота слишкомъ скоро изъ нея вынули, только онъ ожилъ; крупнымъ и ловкимъ ворамъ, какъ извѣстно, вездѣ удача. Нашлись добрые люди и исходатайствовали коту прощенье, въ надеждѣ, что полученный урокъ не пропадетъ для него даромъ. Дѣйствительно, недѣли три-четыре послѣ того котъ велъ себя примѣрно, но дольше не выдержалъ и сбился на прежнее. Его вторично повѣсили и на этотъ разъ уже оставили висѣть на веревкѣ цѣлые сутки. Я не зналъ обо всѣхъ проказахъ моего пріятеля и горько оплакивалъ его потерю: онъ всегда такъ охотно со мною игралъ!

За дворомъ нашего дома простирался изрядный кусокъ земли, который мой отецъ поспѣшилъ превратить въ садъ. Онъ засадилъ его вишнями, яблонями, бергамотовыми и грушевыми деревьями, черешнями, а также дубомъ и кленомъ. Все это онъ распланировалъ съ искусствомъ, которому удивлялись и завидовали сосѣди. Въ саду, между прочимъ, на круглой площадкѣ былъ

возведенъ небольшой дерновый курганъ: это считалось особенно замысловатою выдумкою. Впрочемъ, садъ былъ еще очень молодъ и бѣдный отецъ не успѣлъ насладиться плодами его.

Учительство и теперь давало ему главный заработокъ. Оно же и впослѣдствіи выводило его изъ бѣды всякій разъ, когда онъ попадалъ въ особенно трудныя обстоятельства. Малороссіяне, по крайней мѣрѣ тогда, выказывали гораздо больше склонности къ ученію, чѣмъ великороссы, и неудивительно, если Малороссія была, до соединенія съ Россіей, образованнѣе, чѣмъ теперь. Въ мое время, въ каждомъ порядочномъ селѣ были школы, содержимыя преимущественно духовенствомъ—всего чаще дьячками.

Курсъ ученія въ этихъ школахъ раздѣлялся на четыре части. Онъ начинался съ азбуки, при чемъ буквы произносились по старинному: азъ, буки, вѣди и т. д. Отъ складовъ переходили къ часослову, затѣмъ къ псалтирю и въ заключеніе уже къ письму. Нѣкоторые ограничивались однимъ чтеніемъ. По окончаніи каждой части курса, ученикъ приносилъ учителю горшокъ молочной каши, а родители ученика, кромѣ платы по условію, вознаграждали его еще вязанкою бубликовъ или кнышемъ (сдобный съ саломъ пшеничный хлѣбъ), а кто побогаче—ягненкомъ, мѣшкомъ муки или пшена и т. д.

Всѣ педагогическіе пріемы въ этихъ школахъ сводились къ употребленію ременной плетки о трехъ или четырехъ концахъ и палей, т. е. ударовъ линейкой по голой ладони. День субботній былъ самый знаменательный въ школьной жизни. По субботамъ обыкновенно сѣкли шалуновъ за проказы, содѣянныя ими въ теченіи недѣли, а школьниковъ, ни въ чемъ не провинившихся, за проказы, которыя могутъ быть сдѣланы впереди.

Были, впрочемъ, и такія школы, гдѣ это повальное сѣченіе не составляло неизбѣжной необходимости. Школа моего отца была одною изъ такихъ и вообще отличалась и тономъ, и способомъ преподаванія. Тамъ дѣти учились чтенію не по часослову и псалтирю, а по книжкамъ гражданскаго шрифта. Кромѣ того, ихъ всѣхъ обязательно обучали письму и ариѳметикѣ. Тройчатка у насъ замѣнялась розгою, но и къ той рѣдко прибѣгали, только въ крайнихъ случаяхъ. За то нашу школу и посѣщали дѣти высшаго слободскаго сословія—мѣщанъ и вообще обывателей, осо-

бенно радѣвшихъ о воспитаніи своего потомства. Были у насъ и пансіонеры изъ дальнихъ хуторовъ и даже изъ города Бирюча.

Плата, взимавшаяся моимъ отцомъ за обученіе дѣтей, была невелика, но онъ пополнялъ ее доходомъ съ земли, которую самъ обработывалъ. Къ тому-же все необходимое для существованія было очень дешево въ нашемъ краю. Это сообщало нашему домашнему быту не только удобства, но и своего рода утонченность, мало извѣстную другимъ жителямъ слободы. Мы пили чай. Иныя блюда за нашимъ обѣдомъ приготовлялись и подавались на столъ по городскому. Отецъ носилъ сюртуки и фраки. Мать, вмѣсто живописнаго малороссійскаго очипка, повязывала голову платкомъ, какъ горожанка, а вмѣсто плахты и корсета, носила довольно нелѣпаго покроя нѣмецкое или, такъ называемое, длинное платье. Меня тоже одѣвали въ сюртучки. Отецъ до педантизма любилъ опрятность въ одеждѣ и въ домѣ, съ чѣмъ охотно сообразовалась и моя мать. Мало того, онъ даже былъ склоненъ къ роскоши и вообще не имѣлъ понятія о томъ, какъ сберегать копѣйку на черный день. Лишь только улучшалось его положеніе, у насъ въ домѣ заводились вещи, безъ которыхъ въ крайности можно было бы обойтись, а угощеніе „добрыхъ людей“, какъ симптомъ общаго малороссійскаго гостепріимства, становилось чаще и обильнѣе.

Разумѣется, это не вело къ упроченію благосостоянія семьи, но благоразуміе и экономія моей матери составляли достаточный противовѣсъ расточительности отца. Да и онъ самъ, при всей своей неразсчетливости, былъ очень умѣренъ въ личной жизни. Онъ не пилъ вина и не любилъ никакихъ крѣпкихъ напитковъ, довольствуясь рюмкою настойки передъ обѣдомъ. За то ему нравились сласти, плоды, варенье, разныя заморскія лакомства, но онъ употреблялъ ихъ умѣренно, наслаждаясь больше ихъ качествомъ, чѣмъ количествомъ. Въ памяти моей запечатлѣлся „сладостный образъ“ нѣкоего Сидорки, который ежегодно привозилъ по зимнему пути изъ Москвы вороха пряниковъ, пастилы, изюму и вообще всякой всячины этого рода. Проѣздомъ къ помѣщикамъ, онъ всегда и къ намъ заглядывалъ, и если отецъ бывалъ при деньгахъ, уѣзжалъ дальше съ значительно облегченными санями.

Мои воспоминанія объ этомъ періодѣ дѣтства, конечно, не

полны и отрывочны. Помню, что я учился читать и писать у отца, вмѣстѣ съ другими школьниками, часто бывалъ у бабушки Степановны, которая въ то время успѣла меня почти совсѣмъ отвлечь отъ другой бабушки или, по малороссійски, „бабуси“ Емельяновны,—игралъ съ теткою Елизаветою въ перушки, воображая въ нихъ гусей, утокъ и куръ, но всего больше любилъ ѣздить съ отцомъ на охоту. Часто мы всею семьею отправлялись въ ближній лѣсъ, гдѣ отецъ отыскалъ красивое мѣстечко, которое мы называли Кривою Поляною. Тамъ, подъ тѣнью роскошнаго дуба, мы пили чай и собирали травы: отецъ, нѣсколько знакомый съ медициною, ихъ сушилъ и употреблялъ въ лекарство.

Эти поѣздки доставляли мнѣ невыразимое удовольствіе. Я, разумѣется, еще не былъ въ состояніи сознательно наслаждаться природой, но меня влекло къ ней инстинктивно. Я бывалъ совершенно счастливъ въ полѣ, въ лѣсу, и всегда охотно промѣнивалъ игры съ другими дѣтьми на уединенную прогулку, вдали отъ человѣческаго жилья. Вообще я не любилъ толпы дѣтей, но съ жаромъ водилъ дружбу съ однимъ или двумя мальчиками, приходившимися мнѣ по сердцу. По временамъ мною овладѣвала страсть къ смѣлымъ похожденіямъ, но это, очевидно, происходило не отъ врожденной храбрости, а отъ непониманія опасности. Однажды я затѣялъ бриться и изрѣзалъ себѣ руки; на одной и до сихъ поръ не исчезли слѣды моей неудачной попытки.

Въ другой разъ, ускользнувъ изъ дому, я побѣжалъ къ рѣкѣ. Тамъ у причала стояла отвязанная лодка. Я мигомъ въ ней очутился. Лодка отдѣлилась отъ берега и потянулась вдоль по теченію. Къ счастью, моя мать была недалеко, въ огородѣ. Она перепугалась, увидѣвъ меня среди узкой, но глубокой рѣки, радостно махающаго ручонками. Кое-какъ уговорила она меня сидѣть смирно и позвала работника. Тотъ вплавь добрался до лодки и благополучно высадилъ меня на берегъ.

Но самый блестящій мой подвигъ состоялъ въ томъ, что я чуть не сжегъ нашей хаты, а съ нею, можетъ быть, и всей деревни. Мой отецъ былъ страстный охотникъ. Смотря на него, и меня разбирало желаніе пострѣлять птицъ. Однажды его не было дома; я обрадовался случаю, снялъ со стѣны ружье, зарядилъ дробью и вышелъ на дворъ. Тамъ, на вербѣ, беззаботно чирикала стая

воробьевъ: они-то и были предметомъ моихъ вожделѣній. Для лучшаго прицѣла, я взобрался подъ кровлю нашего дома и оттуда произвелъ выстрѣлъ. Огонь съ полки попалъ на камышевую крышу—и не миновать бы великой бѣдѣ, если-бъ на дворѣ не оказалось работниковъ. Увидя, что̀ я надѣлалъ, они бросились на крышу и залили огонь, пока тотъ еще не успѣлъ разгорѣться. Вернулся отецъ, узналъ о моей продѣлкѣ и положилъ высѣчь меня такъ, чтобы я вѣкъ это помнилъ: онъ съ точностію исполнилъ свое намѣреніе.

Нельзя сказать, чтобы я вообще былъ сорванецъ. Мнѣ для этого не хватало ни смѣлости, ни развязности. Я, напротивъ, скорѣй былъ робокъ и застѣнчивъ, вѣроятно, отъ строгаго обращенія со мной отца. Но я легко увлекался и, подъ вліяніемъ увлеченія или какого-нибудь пристрастія, дѣлалъ вещи, которыя далеко превосходили дерзостью обычныя шалости моихъ сверстниковъ.

V.

Ссылка.

Пока отецъ мирно занимался воздѣлываніемъ своей землицы и сада, да училъ грамотѣ земляковъ, ему готовилось неожиданное горе. Онъ уже не занималъ никакой оффиціальной должности въ слободѣ и не мѣшался въ ея общественныя дѣла, но враги продолжали подозрительно смотрѣть на него. Онъ былъ, хотя теперь и безмолвный, но все же свидѣтель ихъ беззаконій, и имъ хотѣлось во что бы то ни стало отъ него отдѣлаться. Не знаю, какой предлогъ нашли они, чтобы очернить его передъ графомъ, только изъ Москвы вдругъ явилось предписаніе конфисковать имущество отца, а его съ семействомъ сослать въ отдаленную глушь—а именно, въ одну изъ вотчинъ Смоленской губерніи, Гжатскаго уѣзда, въ деревню Чуриловку. Эта была обыкновенная въ графскомъ управленіи кара за дѣйствительныя или мнимыя провинности.

Незаслуженный ударъ повергъ въ отчаяніе бѣднаго отца. Его маленькое благосостояніе, плодъ нѣсколькихъ лѣтъ честнаго труда, мгновенно разрушалось. Въ данномъ случаѣ не было ни слѣдствія, ни суда; все рѣшалъ слѣпой деспотическій произ-

волъ. Кто знаетъ, какъ малороссіяне привязаны къ родному пепелищу, какъ тоскуютъ, разставаясь съ своимъ яснымъ, теплымъ небомъ и благодатными полями, какъ неохотно братаются съ москалями, тотъ вполнѣ пойметъ, что̀ значила для моихъ родителей неожиданная, роковая ссылка — эта разлука съ родиною, съ природою, привѣтливо отвѣчавшею на ихъ беззавѣтную любовь.

Зачѣмъ-то, не помню, и я былъ позванъ въ вотчинное правленіе. Какъ теперь, вижу я тамъ моего отца. Вотъ онъ посреди грязной комнаты, въ простомъ нагольномъ тулупѣ. Онъ блѣденъ, съ дрожащими губами и глазами, полными слезъ. Вѣрно ему только что объявили графскій приговоръ. А въ домѣ у насъ, тѣмъ временемъ, все было верхъ дномъ: тамъ описывали наше имущество...

Затѣмъ я вижу всѣхъ насъ въ просторныхъ крытыхъ саняхъ. Дѣло было зимой. Возлѣ меня, по одну сторону, угрюмый и мрачный отецъ, по другую мать съ закутаннымъ въ тулупчикъ годовалымъ ребенкомъ на колѣняхъ: это ея второй сынъ, Григорій.

Насъ сопровождали два сторожа. У меня въ памяти врѣзался одинъ изъ нихъ, человѣкъ громаднаго роста, съ хмурымъ лицомъ и необычайной силы. Онъ, шутя, ломалъ подковы и толстые желѣзные ключи, сгибалъ пальцами серебряный рубль, но, при всей своей мощи, былъ добръ и простодушенъ, какъ ребенокъ. Особенно забавлялъ меня одинъ маневръ Журбы — такъ звали силача. Намъ навстрѣчу то и дѣло попадались и заграждали путь обозы съ товаромъ. Тяжело нагруженныя сани не всегда успѣвали свернуть въ сторону такъ скоро, какъ того желалъ Журба, и онъ распоряжался съ ними по своему: хваталъ за углы и, одни за другими, опрокидывалъ въ сугробы. Озадаченные извозчики только почесывали затылокъ, восклицая: „Съ нами крестная сила!“ Подвиги Журбы забавляли меня, а его доброта и ласковое обращеніе служили утѣшеніемъ моимъ родителямъ.

Не могу опредѣлить, сколько времени мы ѣхали. Наконецъ, достигли мѣста нашей ссылки. Глазамъ представилась маленькая деревушка, дворовъ въ тридцать. На занесенной снѣгомъ равнинѣ торчали жалкія курныя избы: точь въ точь болотныя кочки, или копны перепрѣвшаго сѣна. Позади шумѣлъ сосновый боръ. Унылый ландшафтъ наводилъ невыразимую тоску.

Отецъ и мать со стѣсненнымъ сердцемъ переступили порогъ дымной избы, гдѣ имъ было отведено помѣщеніе, вмѣстѣ съ хозяевами. Тѣснота, чадъ, московская неопрятность, не даромъ вошедшая въ пословицу у малороссіянъ, наконецъ, присутствіе тутъ же, въ избѣ, домашняго скота, все это производило безотрадное впечатлѣніе и вызывало брезгливость. Но въ массѣ зла всегда таится частица добра: не надо только упорно закрывать на нее глаза. Вокругъ насъ, что и говорить, все было мрачно и неприглядно, но на печальномъ фонѣ картины не замедлили выступить болѣе отрадныя явленія. Населеніе края встрѣтило насъ самымъ радушнымъ образомъ. Оно отнеслось къ намъ не какъ къ презрѣннымъ ссыльнымъ, а какъ къ людямъ, не по заслугамъ несчастнымъ. Чуриловцы жили среди лѣсовъ, отрѣзанные отъ большихъ путей сообщенія и промышленныхъ центровъ, и потому еще сохраняли первобытную честность и простодушіе. Они вели жестокую борьбу съ неблагодарной почвой сѣвера, буквально обливая ее потомъ, чтобы добыть скудный хлѣбъ, которымъ питались. Но трудъ и бѣдность шли у нихъ объ руку съ чувствомъ братства и съ состраданіемъ къ еще болѣе обездоленнымъ, чѣмъ были они сами. Благодаря имъ, мы и въ ссылкѣ не чувствовали себя одинокими въ той мѣрѣ, какъ этого можно было бы ожидать.

Мало по малу мы обжились на новомъ мѣстѣ. Ближайшею сосѣдкою нашею была старая престарая, но еще бодрая старушка, у которой я вскорѣ сдѣлался ежедневнымъ гостемъ. Она опрятнѣе другихъ содержала свою избенку и топила ее такъ рано, что днемъ въ ней почти не бывало дыму. Это мнѣ особенно нравилось, такъ какъ мы никакъ не могли привыкнуть къ дыму. Но, помимо того, меня привлекали къ старушкѣ еще вкусные горячіе блины, которыми она меня угощала. Чуриловка, почему-то, была особенно бѣдна молодыми дѣвушками. Я помню всего двухъ. Обѣ меня ласкали и баловали, но я предпочиталъ миловидную Домну, красныя щечки и задорно-вздернутый носикъ которой и теперь живо рисуются передо мной.

Мнѣ было уже лѣтъ шесть, семь. Я еще раньше выучился читать и писать. Въ Чуриловкѣ на первыхъ порахъ ученіе мое не шло дальше. Виноватъ, я въ теченіе зимы пріобрѣлъ новое искусство — плести лапти, и очень гордился тѣмъ, что носилъ

обувь собственнаго издѣлія, и такимъ образомъ не отставалъ отъ другихъ мальчиковъ, съ которыми игралъ и бѣгалъ по снѣжнымъ сугробамъ. Настало лѣто. Я ходилъ за грибами, собиралъ щавель, который составлялъ тогда мое единственное лакомство, и молоденькія еловыя шишки, привлекавшія меня красноватымъ цвѣтомъ и тонкимъ смолистымъ запахомъ.

Такъ прожили мы около полугода. Затѣмъ положеніе наше значительно улучшилось. Отецъ сошелся съ окрестными помѣщиками, и нѣкоторые изъ нихъ пригласили его обучать своихъ дѣтей. Особенно сблизился съ нимъ помѣщикъ Петръ Григорьевичъ Марковъ, деревня котораго, если не ошибаюсь, Андроново, находилась верстахъ въ пятнадцати отъ Чуриловки и на такомъ же разстояніи отъ уѣзднаго города Гжатска. Онъ выхлопоталъ у мѣстныхъ властей позволеніе моему отцу жить у него. Мы съ радостью приняли его приглашеніе, хотя не безъ сожалѣній разстались съ добрыми чуриловцами.

Въ Андроновѣ намъ отвели свѣтлое, чистое и уже не дымное помѣщеніе—въ бывшей банѣ. Отецъ, въ положенные дни и часы, занимался съ сыномъ и дочерью Маркова и кромѣ того еще ѣздилъ на уроки къ другимъ помѣщикамъ. Помню, что онъ особенно хорошо отзывался о помѣщикѣ села Звѣздунова, Михаилѣ Степановичѣ Александровѣ. У послѣдняго была уже взрослая дочь, которой отецъ и давалъ уроки. Возвращеніе его оттуда всякій разъ было для меня настоящимъ праздникомъ. Онъ обыкновенно привозилъ съ собою узелъ, туго набитый яблоками, а то и персиками или абрикосами. Въ Звѣздуновѣ были богатыя оранжереи, и ученица отца никогда не забывала присылать мнѣ гостинца.

Въ Андроновѣ произошла существенная перемѣна и въ моемъ личномъ обществѣ. Я водился уже не съ деревенскими мальчиками, а съ дѣтьми помѣщиковъ, которые часто гостили въ Андроновѣ или же пріѣзжали туда на уроки. И я съ ними учился и игралъ. Отецъ и мать строго слѣдили за мною. Они заботились о томъ, чтобы у меня не было дурныхъ привычекъ, и по возможности ограждали меня отъ вліянія дурныхъ примѣровъ. Неудивительно, если я былъ вѣжливъ и послушенъ — послѣднее, впрочемъ, и потому быть можетъ, что меня часто сѣкли. Но, не смотря на строгость отца, я все-таки былъ мальчикъ живой и

понятливый. Я несъ уже нѣкоторыя семейныя обязанности, между прочимъ, смотрѣлъ за младшимъ братомъ Гришею, которому тогда было, кажется, около двухъ лѣтъ. Обязанность эту я исполнялъ не хуже любой няньки. Разъ, впрочемъ, братишка мой сильно напугалъ меня. Дворъ при нашемъ домѣ былъ расположенъ на горѣ, а подъ нею находился прудъ. Гриша, играя, бѣгомъ пустился внизъ по скату и съ размаху полетѣлъ въ прудъ. Не помня себя отъ страху, я бросился за нимъ. Къ счастью, вода оказалась не глубокою, и я, хоть съ трудомъ, но благополучно вытащилъ его на берегъ.

Едва успѣли мы отдохнуть и матеріально оправиться, какъ надъ нами стряслась новая бѣда. Мы помѣщались рядомъ съ господскою кухнею. На дворѣ стояла теплая, сухая осень. Вдругъ, послѣ полудня, на кухнѣ вспыхнулъ пожаръ. Пламя мгновенно распространилось на сосѣднія строенія и въ томъ числѣ охватило нашъ скромный пріютъ подъ соломенной крышей. Мои родители отдыхали послѣ обѣда и не подозрѣвали о грозившей имъ опасности. Къ счастью, пожаръ увидѣлъ помѣщикъ. Онъ ворвался къ родителямъ, разбудилъ и буквально вытолкалъ ихъ изъ горящаго дома. Они, съ просонья, растерялись и второпяхъ хватали ненужныя вещи. Все наше добро сгорѣло. Господскій домъ успѣли отстоять. Мы съ братомъ въ то время играли на дворѣ. Увидѣвъ огонь, я схватилъ Гришу за руку и бросился бѣжать, самъ не зная куда. Мы очутились въ лѣсу. Насъ нашли уже поздно вечеромъ, плачущихъ и дрожащихъ отъ страха и холода.

Отецъ и мать остались, въ полномъ смыслѣ слова, нищими, но имъ и на этотъ разъ помогли добрые люди. Марковъ отвелъ намъ новое помѣщеніе и снабдилъ, на первый случай, платьемъ и самой необходимой домашней утварью. Его примѣру послѣдовали и другіе помѣщики. Но всего трогательнѣе было участіе добрыхъ Чуриловцевъ. Жители маленькой, бѣдной деревушки, въ теченіи нѣсколькихъ дней послѣ пожара, по очереди являлись въ Андроново, таща на худой лошаденкѣ сборъ пособій въ нашу пользу. Новое жилище наше скоро было завалено кусками холста, мѣшками съ мукой, мотками нитокъ, всѣмъ, что эти люди сами добывали съ трудомъ, въ потѣ лица. И все это предлагалось такъ просто, искренно, съ такимъ теплымъ участіемъ,

что мать всякій разъ со слезами умиленія встрѣчала и провожала ихъ.

Наступила вторая зима, и пошелъ второй годъ нашей ссылки. Отецъ оправился отъ пожара. У него было много учениковъ, и наше матеріальное положеніе могло считаться не дурнымъ. Но родителей моихъ съѣдала тоска по родинѣ и мысль, что они все-таки не больше, какъ ссыльные. Отецъ особенно рвался въ Алексѣевку, къ ея благоухающимъ полямъ и рощамъ. Кромѣ того, ему хотѣлось во что бы то ни стало оправдаться передъ людьми. Тѣмъ временемъ умеръ старый графъ. Послѣ него остался единственный сынъ, Дмитрій, за малолѣтствомъ котораго надъ нимъ учредили въ Петербургѣ опеку. Въ числѣ опекуновъ были сенаторы Алексѣевъ, Данауровъ и другіе, все люди съ положеніемъ и вѣсомъ. А главное — попечительство надъ молодымъ графомъ удостоила принять на себя императрица Марія Өеодоровна.

Въ виду, такимъ образомъ, измѣнившихся обстоятельствъ, отецъ мой задумалъ крайне смѣлое дѣло. Онъ уже не разъ писалъ опекунамъ, жалуясь на незаслуженное гоненіе, но письма его оставались безъ отвѣта. Въ настоящее время онъ рѣшился обратиться къ самой императрицѣ и черезъ нея добиться, чтобы ему была оказана справедливость. Онъ хотѣлъ не только вернуться на родину, но и вернуться съ честью и почетомъ. Поэтому онъ, между прочимъ, просилъ, чтобы ему позволили явиться въ Петербургъ для личныхъ объясненій.

Непосредственное обращеніе къ императрицѣ поразило дерзостью друзей моего отца и они старались его отговорить. Но онъ питалъ непоколебимую вѣру въ благость государыни, имя которой съ любовью произносилось во всѣхъ концахъ Россіи, и упорно стоялъ на своемъ. Письмо было написано, скрѣплено подписями гжатскихъ дворянъ, свидѣтельствовавшихъ о безупречномъ поведеніи отца, и отправлено въ Петербургъ. У меня сохранилась копія съ него. Оно поражаетъ искренностью, энергіей и литературнымъ языкомъ. Отецъ вообще хорошо владѣлъ перомъ. Ему впослѣдствіи часто приходилось писать и, между прочимъ, дѣловыя бумаги, по своимъ и чужимъ дѣламъ, и онѣ считались образцовыми.

Упованіе на императрицу не обмануло отца. Въ концѣ зимы

пришло отъ опекуновъ предписаніе вернуть насъ на родину, а отцу, кромѣ того, по его желанію, ѣхать въ Петербургъ. Мои родители ожили. Наши покровители, гжатскіе помѣщики, отъ души радовались успѣху смѣлаго предпріятія отца и устроили намъ почетные проводы. Сборы наши, конечно, недолго длились и мы, еще по зимнему пути, выѣхали въ Алексѣевку, напутствуемые пожеланіями и благословеніями добрыхъ чуриловскихъ друзей.

VI.

Опять на родинѣ.

Возвращеніе на родину отца было настоящимъ для него торжествомъ. Недруги его пріуныли, а все остальное населеніе слободы громко выражало свое удовольствіе. Малороссіяне, какъ извѣстно, народъ поэтическій, и любятъ перекладывать на пѣснь всякое мало-мальски интересующее ихъ событіе или происшествіе. Мы теперь только узнали, что и на нашу ссылку была сложена особая пѣснь. У меня въ памяти уцѣлѣли отъ нея только два первые стиха:

„Ой, проявылыся новыя моды
Що сослалы Василька на холодныя воды"...

Но вотъ мы вернулись, и пѣснь эта замѣнилась поздравленіями и привѣтствіями, которыя со всѣхъ сторонъ сыпались. Первый, встрѣтившій насъ при въѣздѣ въ слободу, былъ священникъ, отецъ Петрій, одинъ изъ лучшихъ друзей отца. Онъ сначала остолбенѣлъ отъ изумленія, потомъ остановилъ лошадей, бросился насъ цѣловать, все время громко славя Бога. Мы насилу вырвались изъ его объятій.

Немного отдохнувъ, отецъ сталъ собираться въ новый путь— въ Петербургъ. Графской конторѣ велѣно было выдать ему деньги на путевыя издержки, но никакъ не торопить и вообще не стѣснять его свободы. Онъ порѣшилъ ѣхать весной. Эта отсрочка была необходима, въ виду плохаго здоровья отца. Несмотря на хорошее сложеніе и на свои двадцать семь лѣтъ, онъ, вслѣдствіе перенесенныхъ тревогъ и вліянія дурнаго климата въ Чуриловкѣ, уже началъ часто недомогать, что отнынѣ составляло не послѣднюю отраву его жизни. Путешествіе въ Петербургъ, въ

глазахъ провинціаловъ того времени, равнялось путешествію на край свѣта. Всѣ провожали отца, какъ на вѣчную разлуку.

Мать, должно быть, осталась безъ всякихъ средствъ къ существованію. У ней на рукахъ, между тѣмъ, было трое дѣтей: третій сынъ ея, Семенъ, родился передъ самымъ отъѣздомъ отца. Помню, что мы, въ его отсутствіе, вели жизнь, полную нуждъ и лишеній, едва имѣли дневное пропитаніе. Намъ ничего не вернули изъ имущества, которое отобрали, ссылая насъ въ Чуриловку. Домъ нашъ, отданный въ чужія руки, былъ въ конецъ раззоренъ, а садъ при немъ, съ такою любовью насаженный отцомъ, срытъ и превращенъ въ голую площадь. Было у насъ еще право на часть дохода съ какой-то мельницы, которую отецъ, передъ ссылкой, взялъ на откупъ, вмѣстѣ съ другими компаньонами. Теперь право это оспаривали: завязалась тяжба, рѣшеніе которой зависѣло все отъ той же, враждебной намъ, графской канцеляріи.

На первыхъ порахъ насъ пріютилъ у себя діаконъ одной изъ слободскихъ церквей. Онъ далъ намъ тѣсное, за то чистенькое помѣщеніе, но обстановка наша была до крайности бѣдна. Все, что было у насъ лучшаго, всѣ вещи, которыми насъ напослѣдокъ одарили гжатскія помѣщицы, постепенно исчезали: мать продавала ихъ, чтобы кормить насъ.

Одѣтъ я былъ теперь не лучше другихъ крестьянскихъ мальчиковъ, въ толстую и не часто смѣняемую рубашонку и порточки, подпоясанные шерстянымъ кушакомъ. Въ парадныхъ только случаяхъ меня, сверхъ того, облекали еще въ нанковый жилетъ, съ строгимъ наказомъ беречь его отъ пятенъ и дыръ. Лѣтомъ я ходилъ босикомъ, отчего ноги мои были изукрашены разнообразными рубцами и царапинами. Выучась въ Чуриловкѣ плести лапти, я охотно носилъ бы ихъ и здѣсь. Но малороссіяне до того гнушались этого рода обувью, что если-бъ я рѣшился выйти въ ней на улицу, мальчишки, чего добраго, закидали бы меня каменьями.

При отцѣ, воспитаніе мое все-таки подчинялось хоть какой нибудь системѣ. Были часы, назначенныя для ученья, или, по крайней мѣрѣ, для сидѣнья за книгой. Затѣмъ я или смотрѣлъ за младшимъ братомъ, или помогалъ по хозяйству матери. Строгое наказаніе ожидало меня за всякую, даже невинную шалость,

за малѣйшій промахъ въ чтеніи или письмѣ. Отецъ ни въ чемъ не поблажалъ мнѣ. У него всегда были наготовѣ для меня розги и лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ ласки. Это не значило, однако, чтобы онъ не любилъ меня или вообще своихъ дѣтей. Нѣтъ, но онъ былъ ожесточенъ несчастіемъ, а это дѣлало его не въ мѣру взыскательнымъ, суровымъ и нетерпѣливымъ, чему, конечно, отчасти способствовала и врожденная пылкость.

Его внутренній міръ былъ полонъ тревогъ. Мысль постоянно влекла его къ лучшему и высшему, а горькая дѣйствительность держала въ зависимости отъ самыхъ ничтожныхъ людей и самыхъ мелкихъ нуждъ. Отсюда неровность въ его поступкахъ, недовольство людьми, событіями и самимъ собою. Семейный бытъ, очевидно, не удовлетворялъ его. Ему хотѣлось трудиться и дѣйствовать не изъ-за одного насущнаго хлѣба, но и для высшихъ цѣлей жизни. Но подобная роль была не для него, и онъ оставался и безъ дѣла, и почти безъ хлѣба. Этотъ внутренній разладъ, конечно, не могъ не отражаться на обращеніи моего отца съ домашними, а изъ нихъ я чаще всѣхъ подвергался вспышкамъ его болѣзненнаго раздраженія. Между тѣмъ, онъ гордился мною и возлагалъ на меня большія надежды.

Съ его отъѣздомъ, я, какъ говорится, очутился на своей волѣ. Отецъ не велѣлъ отдавать меня въ слободскую школу. Онъ, не безъ основанія, полагалъ, что я тамъ скорѣй испорчусь, чѣмъ научусь путному. Да, правду сказать, мнѣ тамъ нечему было учиться: читалъ и писалъ я не хуже самого школьнаго учителя, а въ слободской школѣ только этому и учили. Мать, само собой разумѣется, не могла ни вести меня дальше въ наукѣ, ни слѣдить за моимъ ученіемъ.

Но около этого времени во мнѣ уже начала проявляться самостоятельная страсть къ чтенію. У отца былъ порядочный запасъ книгъ, и я могъ безпрепятственно слѣдовать своему влеченію. Читалъ я, конечно, безъ разбора все, что попадало мнѣ подъ руку—и охотнѣе сказки и повѣсти, чѣмъ учебныя книги. Но это, во всякемъ случаѣ, отвлекало меня отъ грубыхъ игръ моихъ сверстниковъ и помѣшало мнѣ сдѣлаться настоящимъ уличнымъ мальчишкой. Одновременно заговорила во мнѣ и другая склонность—къ авторству. Всѣ клочки бумаги, какіе мнѣ только удавалось добыть, испещрялись изліяніемъ моихъ мы-

слей и чувствъ. Я давалъ имъ форму писемъ къ пріятелямъ, которые, конечно, никогда не получали ихъ, а получивъ, не могли бы прочесть, такъ какъ плохо или вовсе не умѣли читать.

Такимъ образомь я, хотя безсознательно, уже начиналъ жить собственною внутреннею жизнью и искать въ ней замѣны того, чего мнѣ не доставало во внѣшней. Въ кругу дѣтей, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться, я пользовался своего рода почетомъ. Между нами было мало фамильярности, и они безъ всякаго—по крайней мѣрѣ, въ ту пору дѣтства—съ моей стороны желанія или усилія, легко подчинялись моему вліянію. Между тѣмъ я не отличался ни удальствомъ, ни ловкостью. Я не былъ запѣвалою ни въ играхъ, ни въ шалостяхъ, а только слылъ за самаго „ученаго". Этимъ я пріобрѣлъ вѣсъ даже между взрослыми, и нѣкоторые изъ нихъ поручили мнѣ обучать грамотѣ ихъ дѣтей, въ томъ числѣ и нашъ хозяинъ, діаконъ. Мать не нарадовалась, что трудъ мой, такимъ образомъ, являлся какъ бы нѣкоторымъ вознагражденіемъ за данное намъ пристанище.

Между лицами, промелькнувшими предо мной за это время, я хорошо помню старика-священника, отца Стефана, большаго чудака и добряка, но буйнаго, строптиваго нрава. Онъ однажды подрался съ діакономъ въ церкви, за что попалъ подъ судъ, но своевременная взятка въ консисторіи легко выпутала его изъ бѣды. Весельчакъ и гуляка, онъ часто къ намъ приходилъ,—для того, говаривалъ, чтобы насъ развлекать.

Любимымъ моимъ занятіемъ въ ту пору было прислуживать въ церкви во время богослуженій. Съ какою гордостью являлся я передъ прихожанами, съ подсвѣчникомъ въ рукахъ, при выходѣ съ Евангеліемъ, или подавалъ діакону кадило; съ какимъ наслажденіемъ отправлялъ должность звонаря на колокольнѣ! Не обходились безъ меня ни молебны, ни панихиды, ни крестины: при каждой изъ этихъ требъ находилось для меня дѣло, въ родѣ чтенія псалтиря или тому подобное. Случалось, что меня за такіе подвиги награждали двумя, тремя шагами (грошами) или вязанкою бубликовъ, и это несказанно льстило моему самолюбію. Это меня какъ бы уподобляло дьячкамъ, пономарямъ, чтецамъ и звонарямъ, которые казались мнѣ тогда людьми очень важными.

Но всѣ другія удовольствія уступали тому, какое я испыты-

валъ, попадая въ огородъ, въ садъ или въ лѣсъ. У бабушки Емельяновны, какъ я уже говорилъ, былъ, на мое счастье, и огородъ, и „вишневенькій садокъ на тымъ боцѣ“, то есть за рѣкою Сосною. Обѣ мои бабушки, Емельяновна и Степановна, соперничали въ любви ко мнѣ. Первая, по скромности, уступала первенство второй, какъ занимавшей болѣе высокое положеніе въ слободѣ и водившейся исключительно съ попадьями и мѣщанками. Емельяновна робко выражала свою нѣжность ко мнѣ, полагая, что я—„такій письмѐнный (грамотный), такій гарненькій хлопчикъ“, носящій по воскресеньямъ жилетъ, а изрѣдка даже и сапоги, уважаемый въ кругу пономарей и дьячковъ, чуть не „панычъ“,—что я выше ея родственныхъ притязаній и что бабушкѣ Степановнѣ одной принадлежитъ право оказывать мнѣ ласки и получать мои.

Простодушная „бабуся“ и не подозрѣвала, что на ея сторонѣ было огромное въ моихъ глазахъ преимущество — огородъ съ грядами гороха и садъ съ вишнями. Степановна пренебрегала всѣмъ деревенскимъ. Она была горожанка, и дала своему огороду зарости бурьяномъ и кустами паслена, вездѣ готоваго рости безъ претензій на уходъ. Дворъ у нея поражалъ запустѣніемъ; у Емельяновны, напротивъ, онъ былъ полонъ жизни и движенія. Тамъ на привязи мычала корова, горланилъ, важно выступая среди куръ, щеголь-пѣтухъ, степенно прохаживался гусакъ съ гусенятами, въ лужѣ барахтались утята, по бревнамъ бродила рѣзвая коза.

Я любилъ обѣихъ „бабусь“, но предпочиталъ посѣщать, особенно лѣтомъ, менѣе богатую, но болѣе хозяйственную изъ нихъ. Бѣдная старушка бывала внѣ себя отъ радости, когда я къ ней приходилъ. А я, въ свою очередь, чувствовалъ себя съ ней такъ легко и свободно, какъ нигдѣ. Въ ея хатѣ не оставалось уголка который я не изслѣдовалъ бы. А въ огородѣ гряды съ горохомъ и цвѣты составляли мою собственность.

Созрѣвали вишни. Мы съ ненаглядною бабусею садились въ челнокъ и переправлялись на противоположную сторону рѣки— въ садъ. Емельяновна прикрѣпляла къ поясу кувшинъ и собирала въ него свѣжія, сочныя ягоды, а я взбирался на любое дерево и, сидя на вѣткѣ, какъ птица Божія, наслаждался, сколько душѣ угодно. Изрѣдка старческій голосъ увѣщевалъ меня не

ломать вѣтвей, а пуще всего беречься, чтобъ не сломать себѣ шеи, или, какъ новый Авесаломъ, не повиснуть на деревѣ. По временамъ дребезжала трещотка, которою сторожъ разгонялъ безпощадныхъ грабителей вишень—скворцовъ. Эти птицы тучами налетаютъ на сады, и, если дать имъ волю, быстро очищаютъ деревья отъ самыхъ спѣлыхъ ягодъ. Трещотка нѣсколько ограничиваетъ ихъ смѣлые набѣги.

Жарко. Листъ не шелохнется. Мы располагаемся обѣдать, то подъ тѣнью плодовыхъ деревъ, то въ сторожевомъ шалашѣ. Ѣдимъ вареники въ сметанѣ, сало, баранину. Вечеромъ семья собирается ловить въ рѣкѣ рыбу и раковъ. На берегу раскладываютъ огонь и тутъ-же, на мѣстѣ, приготовляютъ изъ добычи ужинъ, за которымъ царствуетъ патріархальное веселье. Особенно оживляла эти мирныя, семейныя трапезы жена старшаго сына бабушки Емельяновны, Галя, или Анна, бойкая, красивая бабенка. Мастерица хозяйничать и стряпать, она бывала не прочь и пококетничать, и посмѣяться, и покапризничать. Меня она то дразнила, то ласкала, такъ что мы съ ней постоянно переходили отъ дружбы къ ссорѣ и обратно.

Припоминая теперь эти деревенскія сцены, я опять цѣликомъ переношусь въ то отдаленное время, когда и на мою долю выпадали минуты полнаго, беззаботнаго счастья. Читая теперь, на разстояніи многихъ лѣтъ, Одиссею, я мысленно живу съ моими милыми хуторянами. Въ нихъ есть, по крайнай мѣрѣ во времена моего дѣтства были, черты, тождественныя съ первобытной простотой и неиспорченностью героевъ Гомера. Мнѣ понятнѣе, ближе становятся образы Эвмена, стараго Лаэрта, Телемаха, старушки няни, когда я смотрю на нихъ сквозь нравы и обычаи моихъ родныхъ малороссіянъ. Это славянское племя, какъ и большинство одноплеменниковъ его, не смогло или не съумѣло создать себѣ независимаго существованія, хотя и стремилось къ тому сильно, по крайней мѣрѣ во времена Хмѣльницкаго. Но въ нихъ, больше, чѣмъ въ сѣверныхъ славянахъ, сохранились коренныя славянскія свойства—любовь къ природѣ и мирные нравы семейно-земледѣльческаго быта. Они именно тѣ поляне, которыхъ такъ привлекательно описываетъ Несторъ.

VII.

По возвращеніи изъ Петербурга отца.

Нерадостныя вѣсти получали мы все это время отъ отца. Онъ благополучно добрался до Петербурга, былъ хорошо принятъ опекунами малолѣтняго графа, но скоро ощутилъ на себѣ пагубное вліяніе сѣвернаго климата. Онъ началъ хворать, долго крѣпился, наконецъ, написалъ матушкѣ, что у него одна надежда на облегченіе—поскорѣй вернуться на родину, домой.

Въ половинѣ сентября у нашей хаты остановилась кибитка со всѣми признаками дальняго пути. Въ ней лежалъ отецъ, до того изнуренный, что его на рукахъ внесли въ горницу. Мать бросилась къ нему, рыдая, въ увѣренности, что ей предстоитъ только закрыть ему глаза. Но такова живительная сила роднаго воздуха, что недѣлю спустя отецъ уже поднялся съ постели, а скоро и совсѣмъ всталъ на ноги. Но полное здоровье къ нему уже болѣе не возвращалось. У него на рукахъ и ногахъ появились раны, которыя то заживали, то опять открывались, и онъ долженъ былъ постоянно за собой наблюдать. Онъ самъ себя лечилъ. У него была куча выписокъ изъ медицинскихъ книгъ и разнаго рода замѣтокъ, извлеченныхъ изъ своего и чужаго опыта. Пользуясь ими, онъ составлялъ лекарства, не хуже провинціальныхъ аптекарей, большею частью изъ травъ и кореньевъ. Такимъ образомъ, у него образовалась довольно полная домашняя аптечка для своихъ и чужихъ нуждъ. Онъ никому не отказывалъ въ пособіи, и совѣты его—всегда даровые—нерѣдко оказывались спасительными въ несложныхъ деревенскихъ болѣзняхъ.

Матеріальное положеніе отца мало улучшилось. Но онъ достигъ въ Петербургѣ главнаго, чего желалъ—полнаго оправданія. Наведенныя справки о немъ подтвердили его собственныя показанія. Одинъ изъ опекуновъ, сенаторъ Алексѣевъ, принялъ теплое участіе въ его судьбѣ. Онъ благосклонно выслушалъ объясненія отца, не разъ запросто и откровенно говорилъ съ нимъ и въ заключеніе предложилъ ему остаться въ Петербургѣ, гдѣ обѣщался его устроить. Это, конечно, могло бы перемѣнить судьбу и отца, и всѣхъ насъ, не плохое здоровье увлекло его обратно на родину. Однако, ему, съ помощью того же сенатора, удалось выхлопотать себѣ полную независимость отъ вотчинныхъ

властей и право жить, гдѣ пожелаетъ. Ему опостылѣло мѣсто, гдѣ онъ испыталъ столько обидъ, и онъ задумалъ переселиться куда-нибудь, въ среду такихъ малороссіянъ, которыхъ еще не коснулась московская цивилизація. Пребываніе въ Петербургѣ принесло ему еще и другое удовлетвореніе. Тяжба за мельницу была рѣшена въ его пользу: товарищей его по арендѣ приговорили выплатить ему всѣ убытки и протори въ размѣрѣ, какой онъ самъ назначитъ. Все вмѣстѣ составляло довольно крупную сумму. Но компаньоны отца, хотя всѣ люди состоятельные, съумѣли такъ разжалобить его, что онъ согласился помириться всего на четырехстахъ рубляхъ ассигнаціями.

Отцу посовѣтовали пустить эти деньги въ оборотъ. Рѣшено было откупить сѣнные покосы, съ тѣмъ, чтобы потомъ съ выгодою перепродавать скошенную траву. Къ несчастію, отецъ, мало знакомый съ торговыми оборотами, ввѣрился одному ловкому промышленнику, который оказался первостатейнымъ плутомъ. Въ заключеніе всѣ деньги перешли въ карманъ компаньона, а у отца осталось на рукахъ нѣсколько, раскиданныхъ по разнымъ лугамъ, копенъ перегнившей травы.

Но, неудачное въ матеріальномъ отношеніи, предпріятіе это имѣло и свою хорошую сторону. Оно служило поводомъ къ восхитительнымъ поѣздкамъ по хуторамъ и полямъ, гдѣ мы часто ночевали подъ открытымъ небомъ, на только что скошенной ароматической травѣ.

Ночлеги эти оставили во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе. Никакое перо не въ силахъ передать очарованія мирныхъ степныхъ сценъ, зрителемъ которыхъ я тогда былъ. Все вокругъ дышало изящной простотой и было полно неуловимой прелести, которую я ощущалъ всѣмъ существомъ. Стрекотаніе кузнечика въ душистой травѣ, шелестъ крыльевъ пролетавшей въ вечернемъ сумракѣ птицы, однообразный крикъ перепела, зарево отъ разложенныхъ косарями костровъ, трепетъ звѣздъ въ прозрачной выси и въ заключеніе постепенное замираніе звуковъ, сливающихся въ торжественное безмолвіе теплой, южной ночи—все это неотразимо дѣйствовало на мое отроческое сердце. Какъ сладко засыпалъ я при тихомъ сіяніи звѣздъ! Какимъ свѣжимъ, бодрымъ просыпался съ первыми лучами солнца, не скрытаго ни стѣнами, ни занавѣсками, но бившаго прямо въ лицо!

Отецъ, какъ я уже говорилъ, очень любилъ охоту. Онъ привезъ изъ Петербурга англійское ружье съ охотничьимъ приборомъ и лягавую собаку. Никогда не бывалъ онъ такъ въ духѣ, даже веселъ, какъ преслѣдуя въ лѣсу голубей или дикихъ утокъ вдоль рѣки и по озерамъ, гдѣ они во множествѣ гнѣздятся въ камышахъ. Тутъ доставалось и грабителямъ нашихъ вишневыхъ садовъ, шпакамъ или скворцамъ, вкусное мясо которыхъ мы высоко цѣнили. Въ охотничью пору у насъ за столомъ не переводилось жаркое, борщъ и кулишъ изъ настрѣлянной отцомъ дичи, и это служило большимъ подспорьемъ въ хозяйствѣ матери.

Я почти всегда участвовалъ въ походахъ отца на воды и въ лѣса. Случалось, что мы далеко забирались въ степь, для охоты за дрофами и стрепаками. Утомленные продолжительной ходьбой, мы заходили на первую попавшуюся пасѣку или бакчу, садились возлѣ дѣда (сторожъ) въ его куренѣ (шалашѣ), вынимали изъ котомки провизію и всѣ вмѣстѣ утоляли голодъ. Дѣдъ дополнялъ нашу трапезу или сотомъ меда, или, какъ жаръ горящими, спѣлыми дынями и арбузами.

Я блаженствовалъ во время этихъ походовъ, хотя роль моя при томъ была не изъ легкихъ. Мнѣ приходилось изображать вьючнаго осла: столько было у меня на плечахъ и въ рукахъ настрѣлянной птицы и всякаго рода поклажи. Иногда намъ случалось переходить сжатое поле. Тутъ крѣпко доставалось моимъ босымъ ногамъ, которыя до крови царапались о колючіе остатки отъ сжатыхъ колосьевъ. Но все это были мелочи, въ сравненіи съ удовольствіемъ, какое я испытывалъ, вмѣстѣ съ Валеткой, бѣгая послѣ выстрѣловъ подбирать убитыхъ шпаковъ или ловить въ осокѣ подстрѣленныхъ утокъ.

Нерѣдко застигала насъ гроза. Въ воздухѣ душно, ни звука, ни движенія. Кипучая жизнь уступаетъ мѣсто томительной истомѣ: природа въ напряженномъ ожиданіи. Съ краю горизонта медленно ползетъ сизая туча. Она ростетъ, клубится, расплывается по небосклону. По ней шныряютъ изогнутыя стрѣлы молній— все ближе, все ярче. Глухой ропотъ грома становится сильнѣе, отрывистѣе—и вдругъ надъ головой оглушительный трескъ, непрерывное, ослѣпительное миганье точно разверзающихся небесъ. На насъ льютъ потоки дождя: за ливнемъ не видно окрестности. Намъ и жутко и весело...

Но мы предвидѣли грозу и заранѣе нашли себѣ пріютъ въ шалашѣ пасѣчника. А какая благодать послѣ грозы! Что за свѣжесть и чистота воздуха! Какъ благоухаютъ лѣсъ и поля! Трава, листья сіяютъ обновленной зеленью. Опять трещитъ кузнечикъ и порхаетъ бабочка, опять щебечутъ птицы: вы точно переживаете новую весну. Вѣчно глядѣлъ бы и не наглядѣлся на эту чудную картину — слушалъ бы и не наслушался этихъ звуковъ безъ словъ, но полныхъ радостной жизни!

Возвращаюсь къ поѣздкамъ по сѣнокоснымъ лугамъ. Одна изъ нихъ чуть не стоила мнѣ жизни. Отецъ обзавелся бойкой лошадкой, на которой и разъѣзжалъ въ таратайкѣ. Мы ѣхали вдвоемъ. Мнѣ страсть хотѣлось сѣсть на передокъ и править лошадью. Отецъ, обыкновенно неподатливый на мои желанія, на этотъ разъ, какъ нарочно, оказался сговорчивымъ. Онъ передалъ мнѣ возжи, и я, къ моей неописанной радости, очутился на передкѣ. Недавно шелъ дождь и смоченный передокъ былъ очень скользокъ, Погоняя лошадь, я какъ-то съ него соскользнулъ и мгновенно, вмѣстѣ съ возжами, очутился подъ таратайкой. Лошадь была молодая и горячая. Почуявъ что-то неладное, она бросилась въ сторону и стрѣлой понеслась по полю. Отецъ обмеръ отъ ужаса. Онъ слышалъ мой крикъ, но не ви дѣлъ меня. Я платьемъ зацѣпился за деревянный шкворень повозки и меня влачило по землѣ. Остановить лошадь было нечѣмъ: я съ перепугу крѣпко ухватился за возжи и не выпускалъ ихъ изъ рукъ. Къ счастью, испуганное животное ограничилось бѣгомъ и не билось копытами: иначе мнѣ бы не сдобровать. Наконецъ, сильный толчекъ стряхнулъ меня на землю: шкворень лопнулъ; лошадь пробѣжала еще съ полверсты уже съ однѣми оглоблями и сама стала. Обезумѣвшій отъ страха за меня, отецъ выскочилъ изъ таратайки, въ увѣренности, что подниметъ только мой трупъ, но увидѣлъ меня уже на ногахъ, почти невредимаго, хотя сильно испуганнаго. Онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ и долго ощупывалъ меня, съ цѣлью удостовѣриться, что я, дѣйствительно, цѣлъ. Ни одинъ изъ моихъ членовъ не пострадалъ, только на лѣвой щекѣ оказался разрѣзъ и на лѣвой же ногѣ сильная ссадина отъ удара о камень. Коекакъ смастерили мы новый шкворень, соединили съ таратайкой

оглобли и переднюю ось и уже шагомъ доплелись до сосѣдняго хутора, гдѣ нашли отдыхъ и радушный пріемъ.

Окрестные хуторяне, вообще, очень любили моего отца. Они не забывали, что онъ пострадалъ, отстаивая ихъ права и интересы. Изъ нихъ мнѣ особенно памятенъ одинъ почтенный старикъ, по прозванью Громовой, жившій на хуторѣ „Кривая Береза". У него была масса сыновей, дочерей, внуковъ и правнуковъ, вращаясь среди которыхъ онъ имѣлъ видъ настоящаго патріарха. Кроткій и нѣсколько важный въ обращеніи, онъ пользовался уваженіемъ своего многочисленнаго семейства, которое чтило въ немъ своего главу и не выходило у него изъ повиновенія. Сыновья его были всѣ грамотные. Одинъ служилъ въ военной службѣ и уже имѣлъ чинъ унтеръ-офицера. Другой готовился тоже въ солдаты и учился у моего отца. Громовой былъ богатъ. Онъ владѣлъ стадами коровъ и овецъ, двумя вѣтряными мельницами, пасѣкой и обширнымъ садомъ. Мы съ отцомъ часто проводили у него цѣлые дни. Онъ принималъ и угощалъ насъ, какъ близкихъ, дорогихъ друзей, и на прощанье еще всегда нагружалъ нашу таратайку всевозможными продуктами своихъ полей, сада и пасѣки.

Неудавшаяся операція съ сѣномъ опять оставила моихъ родителей безъ средствъ. У нихъ теперь не было ни дома, ни земли, никакихъ орудій для добыванія хлѣба физическимъ трудомъ. Отецъ искалъ должности управителя имѣніемъ или стряпчаго по тяжебнымъ дѣламъ: онъ превосходно зналъ законы. Но должность не открывалась. Пришлось снова промышлять учительствомъ. Любознательные малороссіяне и на этотъ разъ не оставили его безъ учениковъ. И вотъ дни наши потекли прежнею чередою, въ непрерывныхъ занятіяхъ и въ борьбѣ съ нуждою.

У моей бѣдной матери скоро открылся и еще новый источникъ огорченій. Романическій, тревожный духъ отца, замкнутый въ слишкомъ тѣсной сферѣ, бился, какъ птица въ клѣткѣ. Онъ постоянно куда-то рвался, чего-то искалъ и, не находя желаемаго, падалъ духомъ и дѣлался жертвою сильнаго раздраженія. Пылкая натура увлекала его за предѣлы домашняго очага, и когда представлялось искушеніе на сторонѣ, онъ не былъ въ силахъ противостоять ему.

Случай сблизилъ его съ одною молодою вдовою, нашею сосѣдкою по хутору. Это была поразительная красавица южнаго типа, съ продолговатымъ, золотисто-смуглымъ лицомъ, съ волосами, какъ вороново крыло, и глазами, въ полномъ смыслѣ слова, „ясными, какъ день, и мрачными, какъ ночь". Непонятно, какъ она могла родиться въ нашемъ краю: ей слѣдовало бы быть уроженкою дальняго юга, Андалузіи. Она провела два года въ Петербургѣ и въ Москвѣ и пріобрѣла тамъ нѣкоторую утонченность, отчего красота ея и природная грація еще возвысились.

Здоровье мужа ея было сильно разстроено, и онъ обратился за совѣтомъ къ моему отцу. Тотъ сразу увидѣлъ, что больному нѣтъ спасенія: онъ страдалъ чахоткою. Но, чтобы не смущать преждевременно, отецъ сталъ навѣщать его и поить какой-то травой. Разъ какъ-то онъ и меня взялъ съ собой. Оказалось, что мы пріѣхали принять послѣдній вздохъ больнаго. Тутъ я въ первый разъ лицомъ къ лицу встрѣтился со смертью и мрачный образъ ея произвелъ на меня неизгладимое впечатлѣніе. Умирающаго окружали священникъ, отецъ мой и еще какія-то лица. Жена рыдала, склонясь къ его изголовью. Я стоялъ въ углу комнаты и со страхомъ и любопытствомъ наблюдалъ за тѣмъ, что происходило. Больной только что исповѣдался и пріобщился. Онъ дышалъ тяжело и прерывисто, долго усиливался говорить и не могъ. Наконецъ, обратясь къ священнику, произнесъ:

— „Не надо ли еще чего исполнить?"

Это усиліе было послѣднимъ: глаза его закрылись, онъ пересталъ дышать.

— „Все кончено", сказалъ отецъ, „вотъ и философія!" На послѣднемъ словѣ онъ сдѣлалъ особенное удареніе: священникъ былъ умный и ученый, и отецъ съ нимъ часто разсуждалъ и спорилъ о философскихъ предметахъ. Во всей этой сценѣ меня всего больше поразило спокойствіе умирающаго. Смерть, такимъ образомъ, представилась мнѣ, на первый случай, не столько въ ужасающемъ, сколько въ торжественномъ видѣ.

Отецъ и по смерти мужа продолжалъ навѣщать красавицу-вдову, которая постепенно привыкла видѣть въ немъ единственнаго друга. Между ними произошло сближеніе, долго бывшее

отравой жизни моей матери. Но она великодушно скрыла въ сердцѣ печаль, ни жалобами, ни упреками не смущая и безъ того удрученной души своего мужа. Она страдала по обыкновенію, тихо, безропотно, ища утѣшенія въ исполненіи обязанностей.

Я, тѣмъ временемъ, росъ безъ особыхъ событій въ моей личной жизни, подвергаясь лишь тѣмъ случайностямъ, какія неизбѣжны въ бѣдномъ быту, гдѣ не до того, чтобы правильно и систематически заниматься развитіемъ дѣтей. Тутъ не было и тѣни воспитанія, а было одно произрастаніе, подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій. Что совершалось во мнѣ, то совершалось само собой, безъ постороннихъ усилій и вмѣшательствъ. Я росъ, какъ ростетъ въ лѣсу молодое деревцо: выдадутся теплые, ясные дни—и оно пускаетъ ростки, зеленѣетъ; наступаетъ морозъ—и листья блекнутъ, свертываются, а готовый распуститься цвѣтъ опадаетъ.

О нравственности моей, правда, до нѣкоторой степени заботилась мать, и я, конечно, ей обязанъ первыми понятіями о чести и долгѣ. Но главнымъ образомъ я былъ предоставленъ самому себѣ и все больше и больше сосредоточивался. При непріятныхъ съ кѣмъ-либо столкновеніяхъ я всегда спѣшилъ уйти въ сторону: убѣгалъ въ сарай и, зарывшись въ сѣно, переживалъ тамъ свое огорченіе, затѣмъ принимался строить самые невѣроятные воздушные за́мки. Шумныя игры дѣтей, вообще, мало меня привлекали: я, въ толпѣ другихъ мальчиковъ, чувствовалъ себя неловкимъ и затеряннымъ. Но съ глазу на глазъ съ избраннымъ товарищемъ я бывалъ живъ, веселъ, изобрѣтателенъ.

Видя мою жадность къ чтенію, отецъ сталъ засаживать меня за серьезныя книги. Но интересъ къ читаемому, въ такихъ случаяхъ, быстро улетучивался. Книги были, большею частью, сухіе учебники, иногда превосходившіе мое пониманіе. Сунутъ мнѣ, напримѣръ, въ руки русскую исторію въ изданіи для народныхъ училищъ:—„Читай!“—скажутъ:—„это полезнѣе тѣхъ-то и тѣхъ-то пустыхъ книгъ и лучше бѣганья по двору“.

Я сижу и читаю о Полянахъ, Древлянахъ, Кривичахъ, Вятичахъ... Меня поражаетъ странность именъ. Перевертываю листы: тамъ перечислены битвы, рѣжутся князья... Но мысль моя уже давно свободной птицей летаетъ въ заколдованномъ царствѣ, гдѣ я самъ полновластный хозяинъ и царь.

VIII.

Новое мѣсто, новыя лица.

Долго ждалъ отецъ; наконецъ, дождался желаемаго мѣста. Въ Богучарскомъ уѣздѣ жила богатая помѣщица, владѣтельница двухъ тысячъ душъ, Марья Ѳедоровна Бедряга. Она предложила отцу должность управляющаго въ своемъ имѣніи, гдѣ и сама пребывала. Условія были выгодныя, особенно при тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ нашей семьѣ: тысяча рублей жалованья при полномъ содержаніи. Мы быстро собрались въ дорогу и выѣхали изъ Алексѣевки лѣтомъ 1811 года.

Путешествіе наше было очень пріятно. Мы ѣхали съ облегченнымъ сердцемъ и съ свѣтлыми надеждами на будущее. Да и путь нашъ лежалъ по одной изъ самыхъ привлекательныхъ мѣстностей. Пространство между Бирючемъ и Богучарами, верстъ около двухсотъ на югъ, представляетъ одну изъ плодороднѣйшихъ въ мірѣ равнинъ. Орошаемая многочисленными притоками Дона, въ живописной рамкѣ отлогихъ холмовъ, усѣянная опрятными малороссійскими хатами, равнина эта поражаетъ роскошью своихъ производительныхъ силъ. Черноземная почва ея сторицею вознаграждаетъ легкій трудъ земледѣльца.

Отсутствіе лѣсовъ составляетъ единственный недостатокъ страны, но и тутъ она не при чемъ. Здѣшняя почва производила ихъ въ изобиліи и, наконецъ, устала производить. Невѣжественные помѣщики, не заботясь о будущемъ, безжалостно истребляли лѣса. Они не щадили даже вѣковыхъ дубовъ.

Населеніе страны было сплошь малороссійское. Крестьяне страдали подъ гнетомъ рабства. У богатыхъ помѣщиковъ, владѣльцевъ нѣсколькихъ тысячъ душъ, они еще были меньше угнетены, состоя большею частью на оброкѣ, хотя и имъ приходилось не мало терпѣть отъ самоуправства управителей и приказчиковъ. За то мелкопомѣстные землевладѣльцы буквально высасывали силы и достояніе у несчастныхъ, имъ подвластныхъ. Послѣдніе не располагали ни временемъ, ни собственностью: первое поглощалось барщиною, вторая находилась въ зависимости отъ жадности и произвола помѣщика. Иногда къ этому присоединялось еще и безчеловѣчное обращеніе, а нерѣдко же-

стокость сопровождалась и развратомъ: помѣщикъ могъ безнаказанно лакомиться каждою красивою женою или дочерью своего вассала, какъ арбузомъ или дынею со своей бакчи.

Разумѣется, и тутъ, какъ вездѣ, были исключенія въ пользу добра, но общее положеніе вещей было таково, какъ я говорю. Людей можно было продавать и покупать оптомъ и въ раздробицу, семьями и по одиночкѣ, какъ быковъ и барановъ. Не только дворяне торговали людьми, но и мѣщане и зажиточные мужики, записывая крѣпостныхъ на имя какого нибудь чиновника или барина, своего патрона.

Своихъ людей не позволялось только убивать. Слова: „я купилъ надняхъ дѣвку или продалъ мальчика, кучера, лакея", произносились такъ равнодушно, какъ будто дѣло шло о коровѣ, лошади, поросенкѣ.

Императоръ Александръ I, въ моментъ своихъ гуманныхъ стремленій, выказывалъ намѣреніе улучшить бытъ своихъ крѣпостныхъ подданныхъ. Были попытки къ ограниченію власти помѣщиковъ, но онѣ прошли безслѣдно. Дворянство хотѣло жить роскошно, какъ говорилось—прилично званію. Оно отличалось безумною расточительностью и потворствомъ своимъ прихотямъ. А крестьяне не понимали, чтобы для нихъ могли существовать другія нравственныя задачи, кромѣ безпрекословнаго повиновенія господской волѣ, и другія удобства жизни, кромѣ дымной избы, да куска чернаго хлѣба съ квасомъ.

Но вотъ мы добрались до мѣста нашего назначенія—слободы Писаревки, расположенной верстахъ въ тридцати отъ уѣзднаго города Богучара. Это большое село вмѣщало въ себѣ до двухъ тысячъ душъ. Глубокій оврагъ раздѣлялъ его на двѣ неравныя части. Меньшая, душъ въ пятьсотъ или четыреста, называлась Заярскою Писаревкою и принадлежала брату Марьи Ѳедоровны Бедряги, Григорію Ѳедоровичу Татарчукову. Къ первой приписано было еще нѣсколько хуторовъ и большое пространство земли.

Писаревка не могла похвалится живописнымъ положеніемъ. Она была раскинута на плоскости вдоль рѣчки Богучара, по берегу которой стояло также нѣсколько большихъ и малыхъ хуторовъ съ ничтожнымъ уѣзднымъ городкомъ того же имени. Господскій домъ, старое деревянное зданіе, былъ ветхъ и невзра-

ченъ. Помѣщица все собиралась его перестроить, но изъ году въ годъ откладывала исполненіе своего намѣренія. Вь заключеніе она предпочла перебраться въ другой домъ. До самой рѣки тянулся обширный садъ, а за рѣкою высился винокуренный заводъ—необходимая принадлежность тогдашняго хозяйства малороссійскихъ помѣщиковъ, пользовавшихся правомъ свободнаго винокуренія.

Намъ отвели недалеко отъ господскаго дома довольно уютный флигелекъ. Въ первые дни насъ истомила скука. Знакомыхъ у насъ еще не было Мы служили предметомъ всеобщаго любопытства и —какъ оказалось послѣ—шпіонства. Отецъ каждое утро уходилъ къ помѣщицѣ, возвращался поздно и тотчасъ погружался въ счеты и хозяйственныя соображенія.

Первое свиданіе его съ помѣщицей прошло бурно. Онъ засталъ ея имѣніе въ страшномъ безпорядкѣ, а крестьянъ безжалостно раззоренными. Благодаря дурному управленію, помѣстье не давало доходовъ, какіе могло давать и которыхъ владѣтельница тщетно добивалась, истощая крестьянъ непосильными работами и повинностями.

Отецъ взялся привести все въ порядокъ, увеличить доходъ помѣщицы и возстановить благосостояніе крестьянъ, но требовалъ полной свободы дѣйствій. Марьѣ Ѳедоровнѣ это не нравилось. Своенравная, какъ истая барыня, она повиновалась только своимъ прихотямъ и капризамъ, и не могла себѣ представить, чтобы какое нибудь существо на ея землѣ смѣло дышать и двигаться не по ея волѣ.

Она была не глупа отъ природы и тотчасъ признала въ отцѣ человѣка способнаго, умнаго и настойчиваго. Но ей хотѣлось воспользоваться его услугами, не уступая ему первой роли, а такъ, чтобы—по крайней мѣрѣ съ виду—она, по прежнему, казалась бы единственной распорядительницей всего. Необходимость, однако, заставила ее уступить. Она дала отцу полную довѣренность и обѣщаніе ни во что не вмѣшиваться.

Но то была лишь временная сдѣлка. Обѣ эти личности—моего отца и помѣщицы Бедряги—очевидно, не годились для мирной дѣятельности сообща. Рано или поздно, между ними неминуемо должны были возникнуть столкновенія и произойти разрывъ, тягостный для обѣихъ сторонъ, но особенно для моего отца,

человѣка бѣднаго и низкаго званія, тогда какъ за Марью Ѳедоровну стояли ея богатство и видное положеніе среди провинціальнаго общества.

На самомъ дѣлѣ помѣщица Бедряга была ни хуже, ни лучше большинства тогдашнихъ русскихъ барынь. Многіе называли ее злою. И она, дѣйствительно, была зла, но лишь въ той мѣрѣ, въ какой невѣжество и неограниченная власть дѣлали, въ эпоху крѣпостнаго права, почти всѣхъ русскихъ баръ.

Ей было лѣтъ за пятьдесятъ. Ни красивая, ни дурная собой, она въ результатѣ не представляла ничего привлекательнаго. Въ ея лицѣ было что-то жесткое и отталкивающее. Она почти никогда не улыбалась, а ея тусклый взглядъ изподлобья ясно говорилъ, что въ ней напрасно стали бы искать теплаго женскаго чувства. Въ обращеніи ея постоянно сквозило раздраженіе: точно она вѣчно на кого-нибудь сердилась. Съ тѣми, однакоже, въ комъ она нуждалась, Марья Ѳедоровна умѣла быть привѣтливою — настолько, впрочемъ, насколько то допускали ея природная суровость и барское высокомѣріе. Она была очень щедра на обѣщанія, но скупа на исполненіе ихъ.

Самую непригляднув черту ея характера составляло ябедничество. Со всѣми своими сосѣдями она или была въ ссорѣ, или судилась. Знакомство съ ней рѣдко обходилось безъ призыва къ суду. Вокругъ нея постоянно вертѣлись разнаго рода ходатаи по дѣламъ, изъ которыхъ большинство, само мало знакомое съ законами, ей только льстило и въ конецъ запутывало ея дѣла.

Она охотно принимала самые нелѣпые проекты, разъ что они клонились къ расширенію ея владѣній и къ усиленію ея вліянія въ уѣздѣ, или обѣщали ей лучшій порядокъ въ управленіи имѣніемъ. Съ такимъ проектомъ всякій имѣлъ къ ней доступъ и всякій хоть не надолго овладѣвалъ ея довѣріемъ. Плутъ, конечно, скоро обнаруживался, и она прогоняла его, но для того только, чтобъ попасть въ руки другому. Честный человѣкъ за то, по странному противорѣчію, не легко добивался ея расположенія и довѣрія.

Въ то самое время, какъ отецъ мой долженъ былъ брать съ боя ея согласіе на мѣры, очевидно, клонившіяся къ ея пользѣ, глупая баба, жидовка Ѳедосья, безъ труда выманивала у нея позволеніе на такія дѣла, съ послѣдствіями которыхъ потомъ

не легко было справляться и самой помѣщицѣ, и ея управляющему.

Марьѣ Ѳедоровнѣ страсть хотѣлось казаться всегда занятою. Ея комната, дѣйствительно, имѣла видъ кабинета дѣловаго человѣка. Столъ былъ заваленъ бумагами, по полу разбросаны кипы ихъ. Она непремѣнно нѣсколько часовъ въ день проводила съ перомъ въ рукѣ, окруженная своими достойными совѣтниками, или слушая тайныя донесенія Ѳедосьи. Она рѣдко кого принимала не по дѣламъ и сама никуда не ѣздила, содержала огромную дворню и человѣкъ до десяти однѣхъ горничныхъ.

Бѣдняжки съ утра до ночи трепетали отъ страха не угодить барынѣ и навлечь на себя ея гнѣвъ, обыкновенно оканчивавшійся отданіемъ ихъ въ руки нѣкоего Степана Стецьки. То былъ хромоногій старикъ и довѣренное въ домѣ лицо, въ вѣдѣніи котораго, между прочимъ, состояла конюшня съ цѣлой коллекціей розогъ. Бѣда несчастнымъ, попадавшимъ въ руки Стецьки! Онъ былъ мастеръ и охотникъ сѣчь, особенно дѣвушекъ: послѣднимъ жутко становилось отъ одного взгляда на него.

Между дѣвушками было не мало смазливыхъ, и въ томъ числѣ одна Христина, игравшая роль въ моей дѣтской біографіи. Горе злополучной, которая не смогла противостоять нѣжному вліянію любви: она подвергалась всевозможнымъ истязаніямъ. Марья Ѳедоровна была неумолимая поборница нравственности и осуждала своихъ горничныхъ на вѣчное цѣломудріе. Она не позволяла имъ даже выходить замужъ.

Само собой разумѣется, что тиранія здѣсь, какъ и вездѣ, не достигала цѣли. Дѣвушки втайнѣ предавались любовнымъ связямъ, тѣмъ съ большимъ увлеченіемъ, чѣмъ строже имъ это запрещалось и чѣмъ безнадежнѣе представлялась имъ будущность. Онѣ заботились о томъ только, чтобы не забеременить, и въ большинствѣ случаевъ имъ это удавалось.

У Марьи Ѳедоровны были дочь и два сына. Дочь, Клеопатра Николаевна, состояла въ бракѣ съ какимъ-то казацкимъ генераломъ, кажется, Денисовымъ. Злость, у матери умѣрявшаяся разсчетомъ и эгоизмомъ, иногда принимавшими характеръ благоразумной осторожности — у дочери не знала границъ. Она была зла со всѣхъ сторонъ, и только зла; не имѣла ни страстей, ни пороковъ, которые, за недостаткомъ лучшихъ свойствъ, смягчаютъ

или, вѣрнѣе, разбавляютъ жестокія натуры. Въ душѣ ея не было ни скупости, ни тщеславія, ни сладострастія, а только одно влеченіе вредить всему, что можетъ чувствовать вредъ, отравлять своимъ прикосновеніемъ все, до чего она дотрогивалась. Мужъ прогналъ ее нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ свадьбы. Она возвратилась къ матери и водворилась у нея, какъ бы для того, чтобы въ свою очередь быть ей бичемъ и казнью. Одна только кремнистая натура Марьи Өедоровны могла выносить присутствіе такого чудовища.

Сыновья ея были немногимъ лучше дочери. Оба служили въ Петербургѣ. Старшій, Самуилъ, впослѣдствіи занималъ должность предсѣдателя уголовной палаты въ Воронежѣ и свирѣпымъ нравомъ изумлялъ самыхъ необузданныхъ помѣщиковъ. Онъ засѣкалъ людей до смерти и былъ не судьей, а палачемъ. Но, говорятъ, онъ не бралъ взятокъ. Другой сынъ Марьи Өедоровны, Өедоръ, отличался не столько злостью, сколько коварствомъ, и велъ безпорядочный образъ жизни. Вотъ пристань, къ которой житейскія волны прибили нашъ утлый челнъ.

Но, повторяю, рядомъ со зломъ непремѣнно гдѣ-нибудь да гнѣздится частичка добра: иначе, въ мірѣ былъ бы нарушенъ законъ вѣчной правды и справедливости. Не удивительно поэтому, если на одной и той-же почвѣ, которая производитъ Бедрягъ, иногда возникаютъ и совсѣмъ другаго рода личности. Заярскою частью слободы Писаревки, какъ уже сказано, владѣлъ братъ Марьи Өедоровны, Григорій Өедоровичъ Татарчуковъ, человѣкъ крайне оригинальный, съ большими странностями, но въ то-же время и очень умный и добрый. Ему въ то время было далеко за шестьдесятъ. Онъ не получилъ основательнаго образованія, потому что такого образованія тогда не существовало въ Россіи. Но природа одарила его счастливыми способностями и рѣдкими въ то время гуманными стремленіями.

Любопытно, откуда, въ половинѣ и въ концѣ прошлаго столѣтія, брались у насъ такіе люди и откуда почерпали они свои міровоззрѣнія. Ихъ вызвалъ къ жизни ударъ, нанесенный въ Россіи невѣжеству богатырскою рукою Петра Великаго, но они были еще рѣдки и только по временамъ вспыхивали, какъ искры, огнивомъ выбиваемыя изъ кремня. Поддержки вокругъ у нихъ не было. Екатерина II, правда, искала славы, которую философы XVIII

вѣка съумѣли сдѣлать привлекательною для властителей—славы очеловѣченія людей. Она покровительствовала уму, талантамъ, наукѣ и искусству, полагая, что все это нужно Россіи не меньше политическаго могущества, и что она тѣмъ самымъ приготовляетъ себѣ въ исторіи мѣсто на ряду съ Петромъ Великимъ. Вслѣдъ за Екатериною и избранные умы, о которыхъ мы говоримъ, испытали на себѣ вѣяніе времени. Не сознавая той страшной бездны, какая отдѣляетъ идею отъ ея осуществленія, и стремленія отъ цѣли, они простодушно зачитывались Вольтеромъ и энциклопедистами и съ жадностью слѣдили за всѣмъ, что тогда печаталось и издавалось на русскомъ языкѣ. А издавалось и печаталось немало, по крайней мѣрѣ, въ сравненіи съ предшествующими временами. Сумароковъ, Новиковъ, Кургановъ, и до сихъ поръ еще неоцѣненные по достоинству, какой-нибудь Ѳедоръ Эминъ, Херасковъ, не говоря уже о Ломоносовѣ, Фонъ-Визинѣ, Державинѣ, давали обильную пищу умамъ. Находились читатели и для такихъ книгъ, какъ юридическія сочиненія Юсти, или „Творенія велемудраго Платона", въ переводѣ Сидоровскаго и Пахомова. Все это, конечно, не приводило ни къ чему положительному, но, по крайней мѣрѣ, вызывало на размышленія и знакомило съ понятіями о лучшемъ порядкѣ вещей, съ нравами, обычаями и жизнью народовъ, опередившихъ насъ въ образованіи. Участвовавшіе въ этомъ движеніи и были люди тогдашняго прогресса, либералы, но не въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, а, если можно такъ выразиться, либералы отрицательные: они не создавали ученій и утопій объ измѣненіи русскаго политическаго строя, но довольствовались убѣжденіемъ, что нравственное и умственное положеніе вещей въ Россіи подлежитъ скорому улучшенію, что все до-петровское въ ней сгнило, и она не замедлитъ быстрыми шагами пойти по пути просвѣщенія.

Къ такимъ-то людямъ принадлежалъ и Григорій Ѳедоровичъ Татарчуковъ. Онъ находился въ тѣсной дружбѣ съ моимъ отцомъ, и я часто видѣлъ его, часто слышалъ его разговоры. изъ которыхъ многіе запали мнѣ въ душу.

Онъ былъ не высокъ ростомъ и немножко сутуловатъ, вѣроятно, отъ привычки ходить потупивъ голову. Лицо его не походило на безжизненно-плоскія или полныя залихватской ноз-

древской удали лица большинства нашихъ помѣщиковъ. Оно дышало умомъ, съ оттѣнкомъ едва замѣтной ироніи. Человѣкъ этотъ мыслилъ: о томъ свидѣтельствовали его большіе, сіявшіе тихимъ блескомъ глаза. Онъ былъ невозмутимо кротокъ: это особенно выражалось въ его улыбкѣ, хотя улыбался онъ рѣдко, сохраняя равновѣсіе и спокойствіе во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ.

Но общему благородству и внутреннему изяществу его особы нелѣпо противорѣчилъ странный цинизмъ его прикладной внѣшности, то есть одежды. Онъ носилъ всегда одинъ и тотъ-же нанковый сюртукъ, испачканный табакомъ, покрытый всевозможными пятнами, засаленный и истертый до крайности. Къ тому же сюртукъ этотъ былъ постоянно растегнутъ, обнаруживая рубашку, въ свою очередь, расходившуюся на груди. Это сильно поражало мое дѣтское стыдливое чувство. Вѣрно для симметріи, и широкій бантъ его панталонъ никогда не застегивался какъ слѣдуетъ. На боку у Григорія Ѳедоровича болтался повѣшенный черезъ плечо большой безобразный мѣшокъ, который онъ называлъ кисетомъ; во рту торчала трубка, оставляемая имъ только, когда онъ спалъ или ѣлъ.

Судя по одеждѣ, вы подумали бы, что передъ вами какой-нибудь Плюшкинъ, скупость котораго перешла заграницы приличій и здраваго смысла. А между тѣмъ, онъ былъ щедръ, вовсе не способенъ на мелочную разсчетливость и во всемъ, кромѣ собственной личности, соблюдалъ чистоту и любилъ изящество, комфортъ. Люди его были одѣты и содержимы на рѣдкость, домъ убранъ не роскошно, но вполнѣ прилично. Садъ, который онъ самъ развелъ, былъ расположенъ съ большимъ вкусомъ. Все окружающее свидѣтельствовало о высокой степени развитія помѣщика, стоявшаго неизмѣримо выше своихъ собратьевъ во всемъ, исключая неряшливаго отношенія къ собственной особѣ.

Тѣмъ страннѣе поражало послѣднее, что Татарчуковъ былъ очень расположенъ къ прекрасному полу. Старость не мѣшала ему предаваться любовнымъ похожденіямъ. Онъ любилъ разнообразіе въ нихъ, и сохранилъ слабость къ женщинамъ до самой смерти, а умеръ онъ восьмидесяти лѣтъ.

На семьдесятъ второмъ или третьемъ году онъ вторично женился на молодой, привлекательной баронессѣ Вольфъ и имѣлъ отъ нея дочь. Отъ первой жены у него были двѣ дочери

и три сына. Изъ нихъ одинъ находился на военной службѣ, другой учился въ московскомъ университетѣ, третій, мальчикъ лѣтъ тринадцати, готовился поступить въ какое-то учебное заведеніе.

Имѣніе Григорія Өедоровича состояло изъ шестисотъ душъ, вмѣсто тысячи, которую онъ долженъ былъ получить по смерти отца. Марья Өедоровна успѣла оттягать отъ него четыреста душъ—обстоятельство, къ которому онъ относился стоически. Сестры онъ не любилъ, но не потому, что она его ограбила, а потому, что составляла полную противоположность ему по сердцу и понятіямъ. Григорій Өедоровичъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ и, что еще важнѣе, всѣ были довольны имъ. Крестьяне обожали его: вокругъ него всѣмъ жилось хорошо и привольно. Не было примѣра, чтобы онъ кого-нибудь обидѣлъ. Съ рѣдкою въ то время сознательностью и добросовѣстностію онъ не разъ говаривалъ моему отцу: „Крестьяне ничѣмъ не обязаны мнѣ; напротивъ, я имъ всѣмъ обязанъ, такъ какъ живу ихъ трудомъ“.

Татарчуковъ не мечталъ ни о какихъ преобразованіяхъ, потому что при коренномъ грѣхѣ нашего тогдашняго общественнаго строя онъ вполнѣ понималъ ихъ невозможность и былъ убѣжденъ, что всякая частная мѣра, направленная къ этой цѣли, будетъ парализована основнымъ государственнымъ началомъ.

При такомъ порядкѣ вещей, онъ считалъ возможнымъ одно: такъ сказать, текущее, личное добро въ кругу, доступномъ его вліянію, и дѣлалъ его благородно, безкорыстно, не уставая, не раздражаясь неблагодарностью, если она встрѣчалась, не ожидая ни отъ кого похвалъ.

Григорій Өедоровичъ не долго служилъ на государственной службѣ и вышелъ въ отставку съ чиномъ прапорщика. Въ немъ ни на каплю не было чистолюбія.

IX.

Наше житье-бытье въ Писаревкѣ.

Отецъ мой съ энергіей отдался занятіямъ по своей должности. И помѣщица, и крестьяне скоро ощутили на себѣ благотворныя послѣдствія его добросовѣстнаго труда. Одна увидѣла, какъ возникалъ порядокъ и являлись выгоды тамъ, гдѣ ихъ

много лѣтъ не видали; другіе начали отдыхать отъ притѣсненій и, среди своей нищеты и раззоренія, предвкушать болѣе счастливую будущность.

Марья Өедоровна принуждена была сознаться, что многимъ обязана моему отцу. Она убѣдилась въ его честности и ввѣрила ему безусловно судьбу своей вотчины. Сама же рѣшилась предпринять давно задуманное путешествіе, съ дочерью, въ Донскія станицы, къ своему зятю, а ея мужу. Она надѣялась помирить ихъ, но, главнымъ образомъ, желала отдѣлаться отъ этой милой особы и навязать ее другому.

Онѣ уѣхали. Отецъ остался полновластнымъ распорядителемъ всѣхъ дѣлъ по имѣнію. Отсутствіе помѣщицы продолжалось около года, и этотъ промежутокъ времени былъ если не самымъ счастливымъ, то, во всякомъ случаѣ, самымъ независимымъ и спокойнымъ для нашей семьи.

Въ Писаревкѣ, тѣмъ временемъ, составилось общество, замѣчательное для того отдаленнаго степнаго края. У отца завязалась тѣсная дружба съ Татарчуковымъ. Григорій Өедоровичъ, какъ я уже говорилъ, только что женился на молоденькой, хорошенькой и образованной дѣвушкѣ, боронессѣ Вольфъ. Она, съ матерью и двумя сестрами, пріѣзжала въ Писаревку погостить и не замедлила покорить сердце своего хозяина.

Эти баронессы Вольфъ были нѣмецкія аристократки, чванившіяся родствомъ съ извѣстнымъ фельдмаршаломъ Л а у д о н о м ъ. Но онѣ обѣднѣли и теперь проживали послѣдніе остатки нѣкогда значительнаго состоянія.

Баронесса Юлія не по влеченію сердца отдала свою руку Григорію Өедоровичу, а подъ давленіемъ бѣдности, которая становилась все тягостнѣе и настойчивѣе. У старухи-матери были еще сыновья. Одинъ служилъ въ военной службѣ и ничѣмъ не могъ помогать семьѣ. Два малолѣтнихъ учились въ кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ, а самый старшій, идіотъ, находился при матери.

Юлія была не красавица, но очень миловидна. Я живо помню ее. Брюнетка средняго роста, съ смуглымъ подвижнымъ лицомъ, она поражала благородствомъ осанки и обращенія, которыми, вообще, рѣзко отличалась отъ провинціальныхъ барынь. Ей тогда только что минуло двадцать лѣтъ, а мужъ ея перевалилъ за

семьдесятъ. И какой мужъ! Онъ, правда, былъ однимъ изъ умнѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей, но отъ него пахло козломъ. Онъ и послѣ брака таскалъ на себѣ все тотъ же засаленный сюртукъ и полуспущенные панталоны. Тотъ же отвратительный мѣшокъ болтался у него за плечами. Сквозь слой грязи, накопившейся на немъ въ теченіе семидесяти лѣтъ, вообще не легко было добраться до перла его души, а тѣмъ болѣе молоденькой, неопытной женщинѣ. Тѣмъ не менѣе у ней, кажется, долго не было привязанности на сторонѣ. Но въ заключеніе ей до того опротивѣла жизнь съ этимъ сатиромъ, что она, послѣ многихъ бурныхъ домашнихъ сценъ, уѣхала-таки отъ него въ Москву. До отъѣзда она, впрочемъ, подарила ему дочь.

Изъ двухъ остальныхъ дочерей баронессы Вольфъ средняя, Каролина, тоже была очень недурна, но старшая, Вильгельмина, ужъ не могла похвастаться ни молодостью, ни красотой.

У Татарчукова, какъ сказано выше, было еще двѣ дочери отъ перваго брака, Любовь и Елизавета. Обѣ толстыя, краснощекія, неуклюжія, онѣ, однако, были такъ умны и добры, что заставляли забывать о своей некрасивой наружности—особенно меньшая, Елизавета, всѣхъ привлекавшая ангельскою кротостью.

Отецъ мой и мать были приняты, какъ родные, въ кругу этой семьи. Разстояніе между ихъ домами было не велико, и они почти постоянно находились вмѣстѣ. Вскорѣ къ нимъ присоединились новыя лица. Москву заняли французы, и жители ея толпами устремились внутрь Россіи, ища убѣжища, гдѣ кто могъ. Второй сынъ Татарчукова, Алексѣй, только что кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ и поспѣшилъ домой къ отцу, на короткое свиданіе: онъ хотѣлъ вслѣдъ затѣмъ принять участіе въ народной войнѣ. Съ нимъ вмѣстѣ, спасаясь отъ непріятеля, прибыли въ Писаревку московскій профессоръ греческой словесности, Семенъ Ивашковскій, съ женою, и молодой человѣкъ, его родственникъ, адъюнктъ того же университета, Михайло Игнатьевичъ Бѣляковъ. Всѣ они нашли пріютъ у старика Татарчукова. Къ нимъ нерѣдко присоединялся еще слободскій священникъ, отецъ Іоаннъ Донецкій—очень умный, съ премилою женою.

Такимъ образомъ, въ Писаревкѣ составился кружокъ людей образованныхъ, какихъ губернія врядъ ли много видѣла за все

время своего существованія. Кружку этому суждено было прожить сильныя драматическія положенія. Въ лонѣ его разыгрались страсти, произошли роковыя сближенія, было испытано не мало радостей, но еще больше пролито слезъ.

Память живо рисуетъ мнѣ образы лицъ, участвовавшихъ въ этой писаревской драмѣ, полной трагическаго интереса. Изъ отдѣльныхъ чертъ, уловленныхъ тогда моей дѣтской наблюдательностью, теперь слагается цѣльная характеристика лицъ и событій, волновавшихъ нашъ маленькій сельскій мірокъ.

О Григоріи Ѳедоровичѣ Татарчуковѣ я уже достаточно говорилъ. Займемся другими.

Профессоръ Ивашковскій былъ типъ ученаго старыхъ временъ: въ немъ буква поглощала смыслъ науки. Его филологическія изслѣдованія не шли дальше кропотливаго собиранія матеріала, съ которымъ онъ, кажется, самъ затруднялся, что дѣлать. Высокаго роста, сутуловатый, онъ ходилъ согнувшись, точно всегда чего-то искалъ подъ ногами. Улыбка рѣдко озаряла его флегматическое лицо, которое, отъ безпрерывнаго углубленія въ древнихъ классиковъ, точно застыло въ одномъ и томъ же выраженіи. За то онъ былъ безконечно добръ, и простодушенъ, какъ дитя. Неспособный ни на какой обманъ, онъ не подозрѣвалъ, что самъ былъ постоянной жертвой обмана: его обманывали жена, прислуга, ученики.

Профессоръ сильно привязался къ моему отцу и, по возвращеніи въ Москву, затѣялъ съ нимъ дружескую переписку. Одно изъ его первыхъ писемъ сопровождалось стихами собственнаго издѣлія, на изгнаніе изъ Россіи французовъ. Я нигдѣ не встрѣчалъ ихъ въ печати и привожу здѣсь затвердившійся у меня въ памяти небольшой отрывокъ, какъ образчикъ поэзіи, въ которой, на радостяхъ избавленія отъ „двунадесяти языковъ“, спѣшили тогда упражняться всѣ призванные и непризванные „пііты“:

Ударилъ грозный часъ и судъ небесъ свершился,
Блиставшій небосклонъ бѣдъ тучею покрылся.
Россія! гдѣ твой миръ, величье, красоты?
Среди державныхъ царствъ номеркла въ блескѣ ты.
Зрю только, какъ враги въ тебѣ злодѣйство сѣютъ,
Мечемъ и пламенемъ ихъ лютость печатлѣютъ.

Унынье разлилось; смерть, стонъ и страхъ
Во всѣхъ отчаянья исполненныхъ сердцахъ.
Гдѣ благочестія курился ѳиміамъ,
Алчба свирѣпствуетъ и дерзка наглость тамъ.
Подверглася и ты, Москва, напасти грозной:
Ликуетъ съ торжествомъ въ стѣнахъ твоихъ Галлъ злостный.
Онъ мнитъ: плѣнивъ тебя, Россію всю попралъ
И полный властелинъ надъ ней со славой сталъ.
Такъ и Европа съ нимъ мечтаетъ изумленна,
Зарей побѣдъ его предтечныхъ обольщенна....

Слѣдуетъ посрамленіе французовъ, ихъ изгнаніе, торжество Россіи, все въ томъ же родѣ, но дальше наизусть не помню.

Михаилъ Игнатьевичъ Бѣляковъ, адъюнктъ по части естественныхъ наукъ, былъ молодой человѣкъ, пріятной наружности и, кажется, больше любившій веселую жизнь, чѣмъ науку. Ивашковскій долго еще служилъ въ московскомъ университетѣ, по открытіи его послѣ наполеоновскаго погрома, и издалъ греко-русскій словарь. Но Бѣляковъ, женившійся на старшей дочери Татарчукова и уѣхавшій съ нею въ Москву, какъ-то скоро затерялся въ столичной толпѣ. Носились слухи, что онъ запилъ, промоталъ приданое жены и въ заключеніе уморилъ ее дурнымъ обращеніемъ, но самъ жилъ еще долго. Въ данный моментъ онъ былъ еще неиспорченный и порядочный молодой человѣкъ. Съ отцомъ моимъ онъ сначала водилъ дружбу, но послѣ женитьбы возгордился и уже не снисходилъ до связи съ простолюдиномъ.

Но перломъ всего писаревскаго кружка былъ сынъ Татарчукова, Алексѣй, который теперь готовился встать въ ряды защитниковъ отечества. Это былъ юноша съ яснымъ умомъ и чистымъ сердцемъ. Его всѣ горячо любили. Съ моимъ отцомъ у него завязалась романическая дружба. Алексѣю Григорьевичу Татарчукову было двадцать лѣтъ, а отцу моему уже за тридцать. При таковомъ неравенствѣ лѣтъ казалось бы невозможною никакая восторженность въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Но міръ, въ которомъ вращалось писаревское общество, былъ какой-то особенный, весь сотканный изъ энтузіазма и восторговъ, такъ что въ немъ вовсе не оставалось мѣста для скромнаго здраваго смысла.

Въ среду этихъ достойныхъ людей вторглась любовь и произвела страшныя опустошенія въ ихъ сердцахъ. Прежде всѣхъ

влюбился старикъ Татарчуковъ въ баронессу Юлію: его любовь имѣла простой исходъ—бракъ. Вскорѣ за нимъ къ ней же воспылалъ мой отецъ. Любовь послѣдняго носила романическій характеръ и даже имѣла роковое вліяніе на его будущность. Какъ зародилась она въ немъ, и подала ли къ тому поводъ сама Юлія— мнѣ неизвѣстно. Могло быть, что она, въ скукѣ своего противоестественнаго брака, благосклоннѣе, чѣмъ слѣдовало, принимала поклоненіе человѣка, еще молодого и способнаго сильно и глубоко чувствовать. Но она не была заурядною кокеткою и врядъ ли поощряла своего обожателя обманчивыми обѣщаніями на взаимность. Да отецъ мой ничего и не добивался отъ нея, кромѣ сочувствія. Любовь его въ настоящемъ случаѣ была чисто идеальная, и это объясняетъ, какимъ образомъ она уживалась въ немъ рядомъ съ дружбою къ мужу.

Молодой Татарчуковъ, едва занеся ногу за порогъ отцовскаго дома, страстно влюбился въ среднюю дочь баронессы Вольфъ, Каролину. Тутъ было все естественно: оба лица, ничѣмъ не связанныя, одинаково молодыя и красивыя, могли бы быть счастливы. Но молодая дѣвушка почему-то равнодушіемъ отвѣчала на страстный порывъ юноши, который и въ могилу унесъ нераздѣленное чувство.

Любовь, такимъ образомъ, сдѣлалась въ Писаревкѣ чѣмъ-то въ родѣ повальной болѣзни. Скоро и Бѣляковъ ощутилъ ея вліяніе надъ собой. Онъ объявилъ себя влюбленнымъ въ старшую дочь Татарчукова, Любовь Григорьевну. Но въ настоящемъ случаѣ значительная часть страсти чуть ли не падала на приданое барышни, которая была некрасива, за то слыла наслѣдницею ста душъ, далеко не лишняго для бѣглаго адъюнкта, ничего съ собой не привезшаго изъ Москвы, кромѣ нѣсколькихъ томовъ Линнея и Бюффона.

Всѣ эти любви, развиваясь въ разныхъ направленіяхъ, скрещиваясь и переплетаясь въ маленькомъ сельскомъ мірκѣ, наконецъ, до того всѣхъ опутали, что совсѣмъ скрыли отъ нихъ остальной міръ. Счастливыми въ этой игрѣ чувствъ были только два человѣка: старикъ Татарчуковъ, обладавшій если не сердцемъ, то особою своей возлюбленной, и Бѣляковъ, который, хотя сначала и встрѣтилъ сопротивленіе со стороны отца своей пастушки, въ заключеніе все-таки женился на ней.

Всѣ эти лица ежедневно собирались то у Татарчукова, то у моего отца, играли въ бостонъ, дружно бесѣдовали, млѣли подъ лучами ласковыхъ взглядовъ своихъ богинь, даже танцовали и слушали музыку.

У Бедряги когда-то существовалъ оркестръ изъ крѣпостныхъ, который теперь былъ распущенъ. Отставные артисты разбрелись кто куда: одни запили и загуляли, другіе занялись сельскими работами. Отецъ самъ былъ музыкантъ и хорошо игралъ на гусляхъ, которые и составляли всегда неизбѣжную принадлежность нашей домашней утвари, какъ бы та ни была скромна. Онъ собралъ разсѣянныхъ виртуозовъ и кое-какъ настроилъ на ладъ и ихъ самихъ, и инструменты ихъ.

Тутъ были: однорукій волторнистъ Иванъ, скрипачъ Бибикъ—онъ же и капельмейстеръ, другой скрипачъ Трофимъ, молодой парень, мой пріятель, всегда готовый, за черносливъ и пряникъ, пропиликать мнѣ: „По мосту, мосту, по калиновому“,—пѣснь, которую, не знаю почему, я особенно любилъ. Были у насъ и контрбасъ, и фаготъ, и флейта, и цимбалы. Тѣ музыканты, рты которыхъ не были заняты дутьемъ въ инструменты, пѣли еще съ двумя или тремя пѣвунами: остальные дружно имъ аккомпанировали.

Такимъ образомъ, въ небольшой комнатѣ, служившей намъ и гостиной, и столовой, и передней, по всѣмъ правиламъ задавались концерты. Всего чаще гремѣлъ: „Громъ побѣды раздавайся“—и всякій разъ къ моему неописанному восторгу.

Но вдругъ надъ нами разразился жестокій ударъ: заболѣлъ молодой Татарчуковъ. Онъ простудился, схватилъ горячку и въ нѣсколько дней умеръ. Смерть эта поразила Григорія Ѳедоровича въ самое сердце: то былъ его любимый сынъ, онъ видѣлъ въ немъ лучшую часть самого себя. Мой отецъ произнесъ на могилѣ умершаго рѣчь и долго не могъ утѣшиться въ потерѣ своего друга. Да и всѣ, знавшіе молодаго человѣка, глубоко скорбѣли объ его преждевременной кончинѣ.

Съ теченіемъ времени, однако, смятеніе, вызванное въ нашемъ обществѣ горестнымъ событіемъ, повинуясь общему ходу человѣческихъ дѣлъ, постепенно улеглось. Мы вернулись къ прежнимъ занятіямъ и утѣхамъ. Только собранія послѣ того уже никогда больше не происходили у Татарчукова, а всегда у насъ.

Странно, что въ этотъ моментъ сильныхъ потрясеній, которыя переживала Россія, не только нашъ тѣсный кружокъ, за исключеніемъ развѣ одного молодаго Татарчукова, но и все окрестное общество равнодушно относилось къ судьбамъ отечества. Отца часто навѣщали сосѣдніе помѣщики и горожане. Всѣ, правда, безропотно несли тягости, вызванныя народною войною, поставляли и снаряжали рекрутъ, терпѣли во всемъ дороговизну и прочее. Но никогда не слышалъ я въ ихъ разговорахъ ноты теплаго участія къ событіямъ времени. Всѣ повидимому интересовались только своими личными дѣла. Имя Наполеона вызывало скорѣй удивленіе, чѣмъ ненависть. Словомъ, общество наше поражало невозмутимымъ отношеніемъ къ бѣдѣ, грозившей Россіи. Это отчасти могло происходить отъ отдаленности театра войны: до насъ, дескать, врагъ еще не скоро доберется! Но главная причина тому, я полагаю, скрывалась въ апатіи, свойственной людямъ, отчужденнымъ, какъ были тогда русскіе, отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ и привыкшимъ не разсуждать о томъ, что вокругъ дѣлается, а лишь безпрекословно повиноваться приказаніямъ начальства.

Въ этомъ писаревскомъ омутѣ любовныхъ вздоховъ, сердечныхъ изліяній и, то остроумныхъ и романическихъ, то ребяческихъ затѣй, мое дѣтство текло, безъ всякаго умственнаго и нравственнаго руководства, кромѣ надзора матери, которая одна, среди общаго круженія головъ, сохраняла присутствіе духа.

У меня вскорѣ нашелся товарищъ, мальчикъ двумя годами старше меня, сынъ одного отставнаго чиновника, котораго Марья Ѳедоровна Бедряга взяла съ собою въ Донскія станицы. Мальчика звали Андрюшею. Прелестный собою, розовый, бѣленькій, кроткій и чувствительный, какъ дѣвочка, онъ сильно привязался ко мнѣ, хотя я часто досаждалъ ему вспышками моего тревожнаго нрава. Этотъ Андрюша съ теченіемъ времени превратился въ Андрея Андреевича[1]), женился, сдѣлался статскимъ совѣтникомъ, вышелъ въ отставку, и нынѣ[2]) принадлежитъ къ числу лучшихъ моихъ пріятелей. Съ простымъ, но здравымъ умомъ и честнымъ сердцемъ, онъ, въ концѣ своей чиновничьей

---

[1]) Мессароса. *Ред.*

[2]) 1876 г. *Ред.*

карьеры, остался также бѣденъ, какъ и въ началѣ ея—не пріобрѣлъ ничего, кромѣ, какъ говорятъ чиновники, „знака безпорочной службы въ петлицу и геморроя въ поясницу“. Словомъ, онъ сохранилъ себя совершенно чистымъ отъ всякихъ чиновническихъ нечистотъ.

Мы жили съ Андрюшей душа въ душу. Я вообще не умѣлъ привязываться на половину: всякое чувство принимало у меня характеръ страстнаго увлеченія. Но не одинъ Андрюша обладалъ въ то время моимъ сердцемъ. Между горничными Марьи Ѳедоровны Бедряги была одна очень хорошенькая, по имени Христина, или, какъ ее всѣ звали, Христинушка. Стройная, съ нѣжнымъ, вовсе не деревенскимъ цвѣтомъ лица, съ живой и осмысленной физіономіей, съ роскошными волосами и мягкими манерами, она, дѣйствительно, была прелестна. Ей только что минуло семнадцать лѣтъ. Вѣрно въ подражаніе взрослымъ, такъ неудержимо и нелѣпо перелюбившимся въ Писаревкѣ, и я поспѣшилъ воспылать къ Христинушкѣ. Какъ тѣнь, всюду слѣдовалъ я за ней и ловилъ ея взгляды. Смотря на меня, какъ на ребенка, какимъ я и былъ на самомъ дѣлѣ, она не отказывала мнѣ въ ласкахъ, но съ лукавою разборчивостью надѣляла ими только въ видѣ награды, за мое постоянство, напримѣръ, или за что-либо другое. Для меня не было большаго наслажденія, какъ играть съ нею въ карты—въ короли. Законъ игры у насъ требовалъ, чтобы выигравшій получалъ, а проигравшій давалъ поцѣлуй—значитъ выгода въ обоихъ случаяхъ была на моей сторонѣ.

А какія страданія претерпѣвалъ я отъ ревности! Другъ мой, Трофимка, плѣнявшій меня выпиливаніемъ на скрипкѣ „По мосту, мосту, по калиновому“, очевидно, былъ неравнодушенъ къ молодой дѣвушкѣ, которая съ своей стороны оказывала ему явное предпочтеніе. Но оба остерегались раздражать мою ревность, ибо я, въ качествѣ „панича“, нерѣдко бывалъ имъ полезенъ.

Мы съ Андрюшею въ это время почти не учились. Вѣдь нельзя же назвать ученіемъ, когда намъ совали въ руки учебникъ ариѳметики или русской исторіи и приказывали сѣсть тамъ-то и читать. Учителя у насъ не было, такъ какъ его не откуда было достать, а отецъ, занятый управленіемъ имѣнья, не могъ посвящать намъ много времени.

Страсть къ чтенію, между тѣмъ, у меня возрастала съ каж-

дымъ днемъ, только не къ учебнымъ книгамъ, а къ романамъ. Я прочелъ ихъ много и самыхъ нелѣпыхъ. Не помню, какимъ путемъ они до меня доходили, только недостатка въ нихъ не было. Кромѣ того, я почти не выпускалъ изъ рукъ пѣсенника и, въ качествѣ влюбленнаго, то и дѣло затверживалъ наизусть и переписывалъ въ тетрадь пѣсни любовнаго содержанія, въ родѣ слѣдующихъ:

Позволь тебѣ открыться
О участи моей;
Я долженъ покориться
Владычицѣ своей...

или:

Неси уныла лира
Повсюду вѣсть, стеня:
Жестокая Темира
Не любитъ ужъ меня.

и такъ далѣе.

Не одной литературой, однако. занимались мы съ Андрюшей, а и живописью также: достали гдѣ-то красокъ и чудовищнымъ образомъ срисовывали съ картинокъ вооруженныхъ пиками казаковъ, лошадей, козловъ, птицъ и деревья. Насъ никакія трудности не устрашали. Съ птицами у насъ были еще и другія дѣла. Мы зимою ловили ихъ въ саду силками и находили въ этомъ большое удовольствіе.

Вообще, предоставленные самимъ себѣ, мы не подвигались впередъ умственно, но за то весьма пріятно проводили время. Къ чести нашей, надо, однако, сказать, мы не употребляли во зло нашей свободы, но вели себя скромно и прилично. Все, что было во мнѣ пылкаго и эксцентричнаго, находило себѣ исходъ въ любви къ Христинушкѣ и въ сочинительствѣ. Много бумаги перемаралъ я въ это время! Всего больше нравилась мнѣ форма писемъ. Я писалъ ихъ къ вымышленнымъ и дѣйствительнымъ лицамъ, никогда, по прежнему, не отправляя ихъ по назначенію. Въ этихъ письмахъ я изливалъ свое восхищеніе природой, размышлялъ о дружбѣ и любви. Главную роль при томъ играло воображеніе, которымъ я и жилъ тогда почти исключительно. Никѣмъ не руководимый умъ мой или совсѣмъ бездѣйствовалъ, или развивался односторонне, а именно—вольно разгуливалъ въ области фантазіи. Онъ, какъ плохо питающееся растеніе, не

раскидывался во всѣхъ направленіяхъ, а до поры до времени сосредоточивался въ самомъ себѣ, слабо питаясь только тѣми понятіями, какія случайно извлекалъ изъ книгъ, почти столь же глупыхъ, какимъ я былъ самъ.

Мнѣ пошелъ уже одиннадцатый годъ, когда отецъ наконецъ рѣшился серьезно подумать о моемъ образованіи. Да и минута была для того удобная. Средства наши настолько улучшились, что оказалась возможность отдать меня въ какую нибудь городскую школу. Отецъ задумалъ отправить меня въ Воронежъ, вмѣстѣ съ Андрюшею, который былъ ему порученъ родителями. Отвезти насъ и опредѣлить въ уѣздное училище взялся Бѣляковъ, въ то время еще не гнушавшійся моего отца и пожелавшій, за полученныя услуги, въ свою очередь, чѣмъ нибудь услужить ему.

Не долго думая, насъ снарядили въ путь. Горько мнѣ было разставаться съ родительскимъ домомъ. Онъ не былъ богатъ ни удобствами, ни радостями, но я не зналъ лучшей жизни. Она вся сосредоточивалась для меня въ этомъ домѣ и мое дѣтское сердце надрывалось отъ тоски, прощаясь съ бабусями-баловницами, съ теткой Лисою и съ моей несравненной матерью. Она тоже не безъ слезъ собирала меня въ дорогу и благословляла на новую жизнь, вдали отъ себя.

Не мало тревожило меня еще и то, что я отнынѣ буду жить среди москалей. Истый хохолъ, я не питалъ къ нимъ расположенія. Ихъ нравы, одежда, жилища, языкъ, все возбуждало во мнѣ дѣтскую антипатію.

Немедленно по пріѣздѣ въ Воронежъ мы разстались съ Андрюшей. Онъ поселился у своей замужней сестры, а меня, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, къ счастью, малоросссійскими мальчиками, помѣстили нахлѣбникомъ къ одному мѣщанину, Калинѣ Давидовичу Клещареву. Два дня спустя, я былъ представленъ смотрителю уѣзднаго училища, Петру Васильевичу Соколовскому, съ придачею кулька, вмѣщавшаго въ себѣ голову сахару, фунтъ чаю и штофъ кизлярской водки. Не знаю, вслѣдствіе ли рекомендаціи Бѣлякова, или благодаря этой придачѣ, я удостоился благосклоннаго пріема и былъ немедленно занесенъ въ число учениковъ такъ называемаго низшаго отдѣленія.

X.

Школа.

Итакъ, я почти за двѣсти верстъ отъ моей семьи, среди москалей, въ школѣ—обстоятельства равно необычайныя для меня. При моей природной робости и застѣнчивости, мнѣ было трудно привыкать къ новому образу жизни и къ новымъ лицамъ. При томъ меня одолѣвала тоска по родинѣ. Говорятъ, всѣ малороссіяне болѣе или менѣе страдаютъ ею на чужбинѣ, а иные даже умираютъ. Не мудрено, если и я заболѣлъ. Меня въ теченіе нѣсколькихъ недѣль терзала злѣйшая лихорадка: я превратился въ настоящій скелетъ. Отъ матушки скрыли мою болѣзнь. Иначе она не вытерпѣла бы и, во что-бы то ни стало, пріѣхала бы за мной ухаживать.

Отъ этого тяжелаго времени у меня сохранилось неизгладимое воспоминаніе о лечившемъ меня подлекарѣ, который, вмѣсто облегченія, только усиливалъ мои страданія. Онъ пичкалъ меня рвотнымъ, которое не дѣйствовало и причиняло мнѣ невыразимыя муки. Въ заключеніе, я не могъ безъ отвращенія видѣть его лунообразнаго, хотя и добродушнаго лица, съ неподвижнымъ, точно свинцовымъ взглядомъ. Мнѣ опротивѣлъ даже его толстый байковый сюртукъ, коричневаго цвѣта, при видѣ котораго меня мутило не меньше, чѣмъ послѣ пріема лекарства.

Хозяинъ квартиры, которому я былъ порученъ, Калина Давидовичъ Клещаревъ, видя, какъ безплодны усилія подлекаря въ борьбѣ съ моей болѣзнью, вздумалъ прибѣгнуть къ одному врачу-самоучкѣ, простому мужику, славившемуся удачнымъ леченіемъ лихорадки. И что-же: изготовилъ мужичекъ темно-красную микстуру, велѣлъ принимать по двѣ дессертныя ложки въ день—и лихорадку, какъ рукой сняло. Самой ли ей надоѣло трепать меня, или лекарство было въ самомъ дѣлѣ цѣлебное, только я быстро поправился и началъ ходить въ школу.

Со страхомъ и трепетомъ перешагнулъ я въ первый разъ за порогъ ея, но напрасно: я зналъ гораздо больше, чѣмъ требовалось для поступленія въ классъ, къ которому меня причислили. Мнѣ были знакомы четыре правила ариѳметики; я бѣгло и толково читалъ и довольно чисто писалъ безъ линеекъ.

Тѣмъ не менѣе, я робко сѣлъ на указанную скамью и съ благоговѣніемъ взиралъ на учителя въ нанковомъ сюртукѣ, ожидая, что вотъ-вотъ изъ устъ его польются потоки мудрости, которыхъ голова моя не въ состояніи будетъ вмѣстить. Но изъ устъ бѣднаго Ивана Ѳедоровича Клемантова (такъ звали учителя) не исходило ничего, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ вещей, вродѣ того, что дважды два четыре, а трижды три девять. Помимо этого, онъ то и дѣло призывалъ учениковъ къ порядку, а иногда и осыпалъ болѣе или менѣе выразительными ругательствами шалуновъ и лѣнтяевъ.

Впрочемъ, Ѳедоръ Ивановичъ былъ очень добръ и вполнѣ добросовѣстно отправлялъ свою неблагодарную должность, которая едва-едва спасала его отъ голодной смерти. Онъ былъ справедливъ и снисходителенъ къ дѣтямъ, но никто этого не замѣчалъ и не цѣнилъ. Кромѣ того, онъ, вопреки обычаю большинства тогдашнихъ педагоговъ, не былъ пьяницею.

Вообще надо отдать справедливость воронежскому уѣздному училищу: оно, какъ мы увидимъ послѣ, было не въ примѣръ лучше другихъ обставлено. Составъ преподавателей въ немъ, и по образованію, и по нравственности, былъ далеко выше обычнаго уровня. Ученье ихъ, само собой разумѣется, отзывало тою же рутиной, какая тогда повсемѣстно господствовала, но отношеніе ихъ къ ученикамъ было проникнуто безпримѣрною въ тѣ времена гуманностью. И это тѣмъ больше дѣлало имъ чести, что ихъ собственная участь была незавидная. Общество смотрѣло на нихъ холодно. Никто ихъ не поощрялъ, а вознагражденія едва хватало на дневное пропитаніе. Какой прогрессъ мыслимъ при такихъ условіяхъ!

Хотя я поступилъ въ школу уже на половинѣ курса—зимою, въ декабрѣ или январѣ, не помню съ точностью—однако, скоро занялъ мѣсто въ ряду первыхъ учениковъ. Мнѣ служило большимъ подспорьемъ все то, чему я, при всей безпорядочности моего домашняго ученья, успѣлъ научиться до поступленія въ училище.

Такимъ образомъ мнѣ ничего не стоило идти за классомъ и даже во главѣ его, и въ моемъ распоряженіи оставалось еще много свободнаго времени. Я проводилъ его, по прежнему, въ чтеніи всего, что попадалось подъ руку, и въ мечтахъ о милой родинѣ.

Христинушка быстро испарилась изъ моей памяти, но любовь къ семьѣ и къ родинѣ получила въ разлукѣ новую силу.

Я то и дѣло переносился мыслью въ среду моихъ возлюбленныхъ малороссіянъ. Воображеніе рисовало мнѣ бѣлыя хаты, тонущія въ вишневыхъ садахъ, смуглыя лица поселянъ съ подбритыми висками и длинными усами, въ высокихъ бараньихъ шапкахъ и съ люлькою въ зубахъ. Передо мной мелькали карія очи и пестрыя плахты дивчатъ, бѣлыя свитки и калиты у поясовъ бабусь.

А вся домашняя обстановка, какою привлекательною казалась она мнѣ издали! Я съ умиленіемъ вспоминалъ даже бродившихъ у насъ по двору куръ и предводителя ихъ—пѣтуха, страшнаго нахала и драчуна, съ задорно трясущимся, надъ клювомъ, краснымъ гребнемъ, въ видѣ шлема. Я мысленно слѣдилъ за полетомъ голубей въ поднебесьѣ: передо мной мелькали ихъ сизыя крылья, и я вслѣдъ за ними уносился въ родныя дубравы и въ степи съ волнующимся ковылемъ.

А какая радость, бывало, встрѣтить вереницу возовъ, запряженныхъ волами! Рядомъ медленно и важно выступаютъ чумаки.

На нихъ пропитанныя дегтемъ рубахи. Они вооружены батогами и лѣниво понукаютъ: „гей, гей, цобъ, цобе", не менѣе лѣниво передвигающихъ ноги воловъ.—„А виткиль, панотци?" спросишь иногда и съ замирающимъ сердцемъ ждешь отвѣта, и если услышишь: „А тожь мобуть Богучарски!"—готовъ броситься на шею и имъ, и воламъ.

Но вотъ и каникулы. Собравъ въ мѣшокъ скарбъ, книги и тетради, я сѣлъ въ малороссійскую повозку и съ легкимъ сердцемъ двинулся въ путь, домой, къ своимъ. Но мнѣ предстояло сначала заѣхать еще въ Алексѣевку, захватить съ собой бабушку Степановну, и съ ней уже окончательно отправиться въ Писаревку. Мое удовольствіе, такимъ образомъ, усугублялось. Сколько ожидало меня объятій, ласкъ, вишень и арбузовъ! И я долженъ признаться, что послѣдніе играли не меньшую, если не большую, роль въ моихъ мечтахъ о прелестяхъ вакацій.

На этотъ разъ дѣйствительность вполнѣ оправдала мои мечты. Обѣ бабушки и тетка Елисавета излили передо мной всѣ богатсва своихъ сердецъ, садовъ и огородовъ. Я провелъ у нихъ нѣсколько счастливыхъ дней и въ заключеніе отправился въ Пи-

саревку, не только съ бабушкой Степановной, но и съ теткой Лисою, первымъ другомъ моего дѣтства.

Мы ѣхали четверо сутокъ, отдыхали и ночевали въ полѣ, то на берегу рѣчки, или на опушкѣ лѣса, то по сосѣдству съ какой-нибудь пасѣкой или бакчей. Вечеромъ раскладывали огонь, варили кулишъ, галушки со свинымъ саломъ и ужинали. За ужиномъ слѣдовалъ дессертъ изъ огурцовъ и вишень: арбузы тогда еще не поспѣли.

Спали мы подъ открытымъ небомъ, кто на возу, кто подъ возомъ, на сочной душистой травѣ, и такимъ образомъ покоились если не на розахъ, то во всякомъ случаѣ на цвѣтахъ.

Ночи были восхитительныя, теплыя, ласковыя. Вокругъ тишина: ни звука, который напоминалъ бы близость человѣческаго жилья, но за то какой неумолкаемый говоръ и шопотъ, какое жужжанье и стрекотанье насѣкомыхъ въ травѣ, въ древесной листвѣ, крикъ перепела, дыханье вѣтра...

Наслаждаясь прелестью этихъ дней и ночей, мы и не подозрѣвали, что дома насъ ожидало горе. Вмѣсто шумной и радостной встрѣчи, насъ поразили опечаленныя лица и зловѣщая, озабоченная суетливость, точно въ ожиданіи чего-то чрезвычайнаго. Вышла мать въ слезахъ, блѣдная, разстроенная. Обнимая меня, она горько зарыдала.

Отецъ былъ безнадежно боленъ и въ минуту нашего пріѣзда дѣлались приготовленія къ соборованію его.

Я вошелъ въ комнату, гдѣ онъ лежалъ, но меня не допустили до его постели. Въ страхѣ и смятеніи прижался я въ углу и тихонько заплакалъ.

Комната постепенно наполнялась посторонними. На всѣхъ лицахъ лежала тѣнь, а на многихъ и слѣды неподдѣльной скорби. Особенно поразила меня наружность помѣщицы: она стояла невозмутимо важная, холодная, но, очевидно, озабоченная. Пришелъ священникъ и приступилъ къ соборованію.

Отецъ все время лежалъ неподвижно и, повидимому, безъ сознанія. Обрядъ кончился. Всѣ разошлись. Остались одни домашніе, въ трепетномъ ожиданіи страшной посѣтительницы—смерти. Но позднимъ вечеромъ надъ отцомъ точно совершилось чудо. Онъ очнулся, промолвилъ нѣсколько словъ и погрузился въ тихій спасительный сонъ. На слѣдующее утро онъ проснулся

освѣженный и, къ общей радости семейства, скоро совсѣмъ оправился.

За исключеніемъ этой благополучно миновавшей бѣды, у насъ въ домѣ все было хорошо. Расположеніе и довѣріе помѣщицы къ моему отцу, казалось, достигло въ это время своего апогея, — и не безъ основанія. Помимо услугъ по управленію имѣніемъ, которыя она съумѣла оцѣнить, отецъ оказалъ ей еще рыцарскую помощь въ обстоятельствахъ, крайне плачевныхъ для своенравной, властолюбивой барыни.

Я говорилъ выше, что Марія Ѳедоровна Бедряга предприняла поѣздку на Донъ, съ цѣлью помирить дочь съ мужемъ и разсѣять свои личныя недоразумѣнія съ зятемъ. Но между нимъ и ею произошли новыя столкновенія, отношенія обострились, и казацкій генералъ въ заключеніе придумалъ чисто казацкую мѣру обузданія тещи и жены. Онъ отвезъ ихъ въ отдаленный хуторъ и содержалъ тамъ въ строгомъ заключеніи. Сколько онѣ ни бѣсновались, ничего не могли сдѣлать для своего освобожденія. Ихъ слишкомъ хорошо стерегли, и онѣ ни съ кѣмъ не могли имѣть не только личныхъ, но и письменныхъ сношеній. Наконецъ, послѣ многихъ безплодныхъ попытокъ, имъ удалось извѣстить о своемъ заключеніи моего отца. Онѣ умоляли его пріѣхать и освободить ихъ.

Отецъ, вообще склонный къ романическимъ похожденіямъ, охотно взялся имъ помочь. Онъ украдкой пробрался къ мѣсту, гдѣ онѣ были заключены, свелъ дружбу съ ихъ сторожемъ, подкупилъ его и въ заключеніе былъ допущенъ къ нимъ. Послѣ того онъ уже безъ труда вывелъ ихъ изъ дома, гдѣ онѣ содержались, усадилъ въ заранѣе приготовленный экипажъ и благополучно доставилъ въ Писаревку.

Въѣхавъ въ свои владѣнія, Марья Ѳедоровна приказала остановиться у церкви. Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, она во всеуслышаніе объявила, что если еще видитъ свѣтъ Божій, то обязана этимъ только отцу моему. И она торжественно поклялась никогда не забывать этого. Какъ сдержала она свою клятву, мы скоро увидимъ.

Быстро промчались каникулы, и я опять очутился въ Воронежѣ. Я перешелъ въ слѣдующій, старшій классъ, и это было началомъ новаго періода въ моей жизни. Мое ученье шло успѣшно и

я скоро очутился на первой скамьѣ, первымъ ученикомъ, сначала авдиторомъ, а потомъ и цензоромъ. Званіе школьнаго цензора было какъ бы предзнаменованіемъ моего будущаго цензорства на государственной службѣ, гдѣ я претерпѣлъ столько невзгодъ, и гдѣ каждый день отправленія моихъ обязанностей грозилъ бѣдой. Но объ этомъ послѣ.

Въ авдиторы у насъ въ школѣ назначались лучшіе ученики. На нихъ лежали обязанности вести списки или нотаты товарищей, каждое утро, по приходѣ въ школу, провѣрять степень ихъ прилежанія и ставить соотвѣтственныя отмѣтки. Для этого употреблялись латинскія буквы: pn за prorsus nescit (ничего не знаетъ); ns за nescit (почти ничего); nt за non totum (на половину знаетъ); nb за non bene (не хорошо); er за erravit (съ ошибками). Желанною для всѣхъ отмѣткою было s, то есть scit.

Отобравъ отъ авдитора нотаты, учитель передавалъ ихъ одному изъ учениковъ—обыкновенно изъ плотныхъ и рослыхъ, который и приводилъ въ исполненіе разъ навсегда установленный надъ лѣнивыми и нерадивыми приговоръ. Вооруженный линейкой, онъ дѣлалъ обходъ классу, начиная съ прорсуса и до ерравита, и распредѣлялъ между ними опредѣленное для каждаго число палей, т. е. ударовъ линейкою по ладони. Ерравиту, какъ менѣе виновному, дѣлалось только словесное внушеніе.

Званіе цензора считалось высшимъ школьнымъ отличіемъ. На него имѣлъ право только первый ученикъ, которому поручался общій надзоръ за порядкомъ и благонравіемъ въ классѣ. Онъ наблюдалъ за тишиной и порядкомъ до прихода учителя и во всѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ школьники собираются въ массѣ. Нарушителей порядка и благочинія онъ записывалъ въ особую тетрадь, которую въ свое время представлялъ на разсмотрѣніе учителя, а тотъ уже приговаривалъ шалуновъ къ тому или другому наказанію, въ видѣ розогъ или палей.

Съ первыхъ же шаговъ моихъ въ школѣ мною овладѣло честолюбивое желаніе сдѣлаться цензоромъ, а при переходѣ въ старшій классъ оно просто не давало мнѣ покою. Между тѣмъ случилось, чего я не сказалъ раньше, что отецъ, по разнымъ обстоятельствамъ, не могъ отправить меня въ Воронежъ тотчасъ по окончаніи каникулъ. Пришлось ждать оказіи, которая пред-

ставилась не скоро, и я явился въ училище почти два мѣсяца спустя послѣ начала курса.

Ученіе далеко ушло впередъ, и догнать товарищей казалось дѣломъ очень труднымъ. Мнѣ, въ качествѣ отсталаго, отвели мѣсто на третьей скамьѣ. Цензорство, повидимому, ускользало отъ меня, и мое самолюбіе жестоко страдало. Подстрекаемый имъ, я такъ рьяно принялся за дѣло, что быстро догналъ классъ, и очутился опять на первой скамьѣ.

Товарищи сильно поддерживали меня въ усиліяхъ встать во главѣ ихъ, Цензоромъ въ первое полугодіе былъ нѣкто Лонгиновъ, не пользовавшійся расположеніемъ школьниковъ, и тѣ, не меньше меня, желали низложенія его въ мою пользу.

Прошло еще двѣ недѣли. Лонгиновъ совершилъ какой-то важный школьный проступокъ, за что былъ пересаженъ на пятую скамью, или, какъ говорили мальчики, „сосланъ въ деревню бить масло“. Само собой разумѣется, что онъ одновременно лишился и цензорства, которое тогда, по всѣмъ правамъ, перешло ко мнѣ. Я торжествовалъ, а со мной и товарищи, не любившіе моего предшественника за пристрастное и недобросовѣстное пользованіе преимуществами своего цензорскаго положенія.

Къ чести моихъ учителей и товарищей, я не могу умолчать, что Лонгиновъ былъ сынъ относительно богатыхъ и вліятельныхъ родителей, я же—что называется—голышъ: мнѣ даже не на что было покупать учебныхъ книгъ, и я списывалъ уроки съ книгъ моихъ, лучше обставленныхъ, соучениковъ.

Достигнувъ власти, я не обманулъ довѣрія товарищей. Тоже честолюбіе, которое побуждало меня стать первымъ среди нихъ, теперь внушало мнѣ страстное желаніе подчинить ихъ себѣ единственно силою моей воли и моего личнаго маленькаго характера, а не страхомъ стоявшаго у меня за спиной учительскаго авторитета. Поэтому главный аттрибутъ моего цензорства: тетрадь для записыванія въ чемъ-либо провинившихся учениковъ была въ моихъ рукахъ пустой угрозой, и никогда не доходила до начальства.

Мой образъ дѣйствій пришелся по сердцу товарищамъ, и они, за рѣдкими исключеніями, охотно входили въ мои виды. Благодаря этому, порядокъ и тишина въ нашемъ классѣ были примѣрные. Если мальчики ссорились, ихъ ссоры рѣшались между

товарищами и не шли дальше. Бывшіе у насъ въ большомъ ходу, и не преслѣдуемые начальствомъ, кулачные бои тоже облагообразились. Вошло въ правило избѣгать ударовъ въ носъ или, вообще, въ лицо и ограничиваться болѣе выносливыми частями тѣла. Всякая попытка застать противника врасплохъ строго осуждалась и только та побѣда считалась законною, которая бралась ловкостью и открытою силою. Долженъ сознаться, что и я былъ не изъ послѣднихъ въ этихъ бояхъ.

Но любимою моею игрою была игра въ лапту и бѣганье взапуски: въ нихъ никто не могъ сравняться со мной. За то я почему-то презиралъ свайку, и очень плохо игралъ въ ладыжки, нерѣдко проигрываясь въ пухъ.

Происходили у насъ и уличныя свалки съ воспитанниками военнаго сиротскаго отдѣленія, тогдашними кантонистами. Между ними и нами существовала непримиримая вражда, и рѣдкая встрѣча обходилась безъ драки. Хотя, внѣ класса, мои цензорскія права и обязанности были гораздо ограниченнѣе, чѣмъ въ стѣнахъ школы, тѣмъ не менѣе, ревнуя о чести моихъ товарищей, я вынесъ не мало страха и хлопотъ, оберегая ихъ скулы и подглазія.

Общество въ училищѣ было смѣшанное. На одной и той же скамьѣ часто рядомъ сидѣли: сынъ секретаря и даже совѣтника палаты и сынъ крѣпостнаго человѣка; мальчикъ изъ богатаго купеческаго дома, пріѣзжавшій въ школу на сытой лошадкѣ, въ щегольской пролеткѣ, и бѣднякъ, въ дырявомъ сюртучишкѣ, очевидно, сшитомъ не на него и едва прикрывавшемъ плохенькіе полотнянные штанишки. Тутъ же возсѣдалъ и хохликъ изъ Бирюча или Острогожска, сынъ казака, или войсковаго обывателя, съ задорнымъ чубомъ на головѣ и въ затрапезномъ холстѣ сомнительнаго цвѣта.

Несмотря на такое разнообразіе въ ихъ общественномъ положеніи, дѣти въ школѣ охотно братались, и не замѣтно было между ними ни чванства съ одной стороны, ни зависти съ другой. Преимущество оставалось за тѣми, которые лучше учились, а главнымъ образомъ за тѣми, которые ловче распоряжались руками въ кулачномъ бою и въ игрѣ мячемъ, или же были острѣе и находчивѣе въ рѣчахъ. Вся честь этого должна быть отнесена на долю учителей, которые, своимъ справедливымъ,

нелицепріятнымъ отношеніемъ къ ученикамъ, поддерживали между ними духъ равенства и исключали всякое стремленіе къ сословному чванству.

Что касается ученія, оно въ нашемъ училищѣ—за исключеніемъ развѣ только большей добросовѣстности учителей—шло ни хуже, ни лучше, чѣмъ во всѣхъ русскихъ школахъ того времени. Мы учились Закону Божію, священной и немного всеобщей исторіи, русской грамматикѣ, ариѳметикѣ, физикѣ, естественной исторіи, началамъ латинскаго и нѣмецкаго языковъ и изучали книгу объ обязанностяхъ человѣка и гражданина.

Наставники наши были знакомы лишь съ однимъ способомъ преподаванія—а именно, заставляли насъ все заучивать наизусть по краткимъ учебникамъ. Самые любознательные изъ насъ уже начинали сознавать недостатокъ такого ученія и старались пополнять его чтеніемъ. И прежде одержимый страстью къ книгамъ, я теперь еще сильнѣе предался ей, поглощалъ все, чѣмъ только удавалось заручиться. Романы, историческія сочиненія, біографіи знаменитыхъ людей—эти послѣднія особенно—составляли мою отраду и главный интересъ моей жизни.

Попалъ мнѣ въ руки Плутархъ и сдѣлался моимъ любимымъ авторомъ. Сократъ, Аристидъ, Филопоменъ, освободитель Сиракузъ Діоклъ по очереди овладѣвали мною до того, что я проводилъ цѣлые часы въ размышленіяхъ объ ихъ доблестяхъ и въ мечтахъ о томъ, какъ имъ уподобиться. Воображеніе рисовало мнѣ карту небывалаго государства, а въ немъ провинціи и города съ именами, заимствованными изъ древняго міра. Я былъ тамъ правителемъ, и сочинялъ въ головѣ цѣлую исторію подвластнаго мнѣ царства, устроеннаго по плану Платоновой республики.

Экзальтація моя подчасъ переходила въ манію и искала себѣ исхода въ восторженныхъ рѣчахъ. Я воображалъ себя ораторомъ на римскомъ форумѣ или на аѳинской агорѣ, въ порывѣ благороднаго негодованія громилъ враговъ отечества, или горячо отстаивалъ принципы свободы и человѣческаго достоинства. Мой энтузіазмъ сообщался другимъ школьникамъ, и у насъ пошла въ ходъ новая игра—въ героевъ и ораторовъ.

Не меньше волновали меня и романы. Преимущественно переводные и большею частью плохіе, безъ малѣйшаго намека на

психологическое развитіе характеровъ, они плѣняли меня исключительно романическими похожденіями и пламенными чувствами, въ нихъ изображенными. Съ какимъ трепетомъ проникалъ я въ мрачныя подземелья вслѣдъ за Анною Редклифъ, какъ упивался сладчайшимъ Августомъ Лафонтеномъ! Но не много дало мнѣ въ результатѣ это чтеніе: романы перваго изъ двухъ названныхъ авторовъ сдѣлали то, что я и послѣ долго еще боялся оставаться одинъ въ темной комнатѣ, а втораго, что, при встрѣчѣ съ каждой женщиной я спѣшилъ возводить ее въ перлъ созданья и въ нее влюбляться.

Мои собственныя чувства я изливалъ въ пламенныхъ и, должно быть, крайне нелѣпыхъ письмахъ къ родителямъ и къ одному изъ товарищей — Рындину. Очень добрый и благонравный, но простоватый мальчикъ, онъ всегда, развѣся уши, слушалъ мои высокопарныя бредни. Я пожаловалъ его въ моего вѣрнаго послѣдователя и сподвижника и, въ качествѣ такого, засыпалъ рѣчами и посланіями.

Съ головой, набитой всякаго рода геройскими подвигами и романической чепухой, я съ ничѣмъ неоправдываемымъ, особенно въ моей скромной долѣ, пренебреженіемъ относился ко всѣмъ житейскимъ мелочамъ и требованіямъ трезвой дѣйствительности. Я не умѣлъ, да и не хотѣлъ подчиняться ни правиламъ разумной бережливости, ни даже простой порядливости, часто предпочитая обходиться безъ необходимаго, чѣмъ заботиться о его пріобрѣтеніи или сбереженіи.

Менѣе добросовѣстные изъ товарищей, особенно изъ жившихъ на одной квартирѣ со мною, подмѣтивъ во мнѣ это отношеніе свысока ко всякаго рода матеріальнымъ выгодамъ и удобствамъ, безъ зазрѣнія совѣсти, пользовались моимъ добромъ, какъ своимъ. Немудрено, если я, по окончаніи каждаго учебнаго года, возвращался домой, что называется, голъ, какъ соколъ. Бѣдной матери моей не мало труда стоило скрывать мои проказы отъ отца. Сама же она, пожуривъ меня немного, всегда умудрялась — до послѣдней крайности обрѣзывая самое себя — опять снабжать необходимымъ.

Училище наше было трехклассное, но младшій классъ почему-то назывался не классомъ, а низшимъ отдѣленіемъ. Учителей, по числу классовъ, было тоже три: Ѳедоръ Ивановичъ

Клемантовъ, о которомъ я уже говорилъ, завѣдывалъ низшимъ отдѣленіемъ; Николай Лукьяновичъ Грабовскій и Александръ Ивановичъ Морозовъ преподавали оба въ двухъ старшихъ классахъ. Штатнымъ смотрителемъ былъ Петръ Васильевичъ Соколовскій.

Не знаю, гдѣ получилъ образованіе послѣдній. Грабовскій же кончилъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ, а Морозовъ въ воронежской семинаріи. Всѣ они люди были почтенные, и по развитію стояли гораздо выше своего положенія. Одна необходимость могла приковать ихъ къ неблагодарному учительскому поприщу въ провинціальной глуши. Морозову, впрочемъ, какъ болѣе молодому, удалось впослѣдствіи лучше устроить свою судьбу. Соколовскій держалъ пансіонеровъ. Кромѣ того, онъ хорошо зналъ французскій языкъ и занимался частнымъ преподаваніемъ его, что помогало ему жить съ семействомъ довольно прилично. Онъ, между прочимъ, составилъ и издалъ грамматику французскаго языка. Это былъ очень добрый старикъ, немного вспыльчивый, и потому готовый, въ порывѣ гнѣва, обругать школьника. Но онъ мгновенно смягчался и не былъ способенъ ни на какую послѣдовательную строгость.

Грабовскій тоже занимался частными уроками французскаго языка, съ котораго перевелъ какую-то книгу.

Морозовъ былъ гораздо моложе своихъ товарищей. Онъ писалъ стихи, одѣвался по послѣдней провинціальной модѣ и щеголялъ тонкимъ обращеніемъ. Отецъ его, благочинный протоіерей въ одной изъ богатыхъ малороссійскихъ слободъ, могъ, до извѣстной степени, оказывать поддержку сыну, который, благодаря тому, жилъ довольно сносно. Но Морозовъ видимо тяготился ролью учителя въ уѣздномъ училищѣ и только ждалъ случая промѣнять ее на что нибудь болѣе производительное, имѣя на то полное право по своимъ способностямъ. Испытавъ потомъ службу въ другихъ вѣдомствахъ, онъ, однако, опять вернулся къ учебной дѣятельности. Я въ то время уже успѣлъ нѣсколько пробиться въ жизни и могъ, въ свою очередь, оказать ему содѣйствіе. Находясь въ дружескихъ отношеніяхъ съ тогдашнимъ попечителемъ одесскаго округа, Княжевичемъ, я могъ ходатайствовать за моего бывшаго наставника, и Морозовъ былъ назначенъ инспекторомъ въ одну изъ гимназій этого

округа. То было слабою данью признательности человѣку, выказавшему самое безкорыстное участіе къ бѣдному школьнику, не имѣвшему на то никакихъ правъ, кромѣ развѣ полной безпомощности, которая, въ глазахъ людей великодушныхъ, является лучшимъ правомъ на ихъ вниманіе. Такъ и Морозова, должно быть, привлекала ко мнѣ моя болѣе чѣмъ скромная доля. Мои успѣхи, очевидно, были ему пріятны, а когда ему случайно попалось въ руки одно мое стихотвореніе—я около этого времени началъ кропать стихи—онъ окончательно заинтересовался мною. Стихотвореніе—какое-то сентиментальное обращеніе къ природѣ—само по себѣ, конечно, не представляло ничего, кромѣ свидѣтельства о добрыхъ намѣреніяхъ одиннадцатилѣтняго школьника, но этого было достаточно, чтобы побудить Морозова усерднѣе заняться развитіемъ способностей, которыя, ему казалось, онъ подмѣтилъ. Онъ предложилъ мнѣ безвозмездные уроки у себя на дому—и не грамматики уже, которую преподавалъ въ школѣ, а, какъ тогда говорили, піитикѣ: безъ полнаго курса этой мудреной науки поэтическое творчество считалось немыслимымъ въ тѣ времена.

Вотъ я по два раза въ недѣлю началъ ходить къ Александру Ивановичу Морозову. Но занятія наши піитикой не долго продолжались: я оказался рѣшительно неспособнымъ усвоитъ себѣ правильный стихотворный размѣръ. У меня не хватало для этого слуха. Отецъ мой, самъ хорошій музыкантъ, во что бы то ни стало хотѣлъ и во мнѣ развить вкусъ къ музыкѣ, но вышеупомянутый недостатокъ и тутъ явился непреодолимымъ препятствіемъ.

Однако, въ первый годъ моего пребыванія въ Воронежѣ, когда дѣла отца относительно процвѣтали, такъ что онъ могъ позволить себѣ эту роскошь, онъ взялъ мнѣ учителя музыки. Сначала я храбро принялся за дѣло и бралъ уроки на скрипкѣ и на фортепіано. Но, Боже мой! сколько мукъ причинили мнѣ эти два инструмента! Учитель мой, какъ говорили, отличный музыкантъ и добрый человѣкъ, однако, былъ очень нетерпѣливъ. Бѣда, бывало, взять не ту ноту, какую слѣдуетъ, или перемѣшать бемоль съ діэзомъ: а я только это и дѣлалъ! Скрипка была любимымъ инструментомъ моего учителя, и потому мнѣ всего больше за нее доставалось. Смычекъ негодующаго маэстро безпрестанно

отрывался отъ струнъ инструмента и съ яростью выдѣлывалъ трели по моимъ пальцамъ, съ которыхъ, по этому случаю, не сходили синяки.

Между тѣмъ я очень любилъ музыку, но она, очевидно, не любила меня. Въ концѣ концовъ я все-таки выучился съ грѣхомъ пополамъ пиликать нѣсколько экосезовъ, вальсовъ и пѣсенокъ, но дальше не пошелъ, тѣмъ болѣе что, по измѣнившимся обстоятельствамъ, отецъ не могъ дольше платить за мои уроки.

Я съ радостью продалъ скрипку, а вырученныя деньги тутъ же промоталъ—на изюмъ, финики, инжиръ...

То-же самое повторилось со мной и при изученіи гармоніи слова. Я никакъ не могъ разобраться во всѣхъ этихъ ямбахъ, хореяхъ, спондеяхъ. Наконецъ и Морозовъ въ томъ убѣдился, но рвеніе его отъ того не остыло. Онъ меня ободрялъ, говоря, что и въ прозѣ можно быть поэтомъ, и засадилъ меня за риторику.

Тутъ дѣло пошло лучше. Я безъ устали маралъ бумагу, а мой наставникъ съ невозмутимымъ терпѣніемъ критиковалъ и обсуждалъ мои „сочиненія". Сколько и какихъ „хрій" вышло за это время изъ-подъ моего пера! На какихъ только „источникахъ изобрѣтенія" не подвизался я. Впрочемъ, Морозовъ не особенно стѣснялъ и мою собственную мысль, но главнымъ образомъ слѣдилъ за логической связью и грамматическою правильностью моихъ дѣтскихъ изложеній.

Но время шло своимъ чередомъ, и курсъ моего ученія въ воронежскомъ уѣздномъ училищѣ близился къ концу. Двадцать пятаго іюня, кажется 1815 года, состоялся выпускной экзаменъ. Я, въ качествѣ перваго ученика, произнесъ съ каѳедры двѣ рѣчи: одну по нѣмецки „О честности", другую по русски, на тему извѣстнаго тогда сочиненія Львова: „Храмъ славы Россійскихъ героевъ".

Мнѣ выдали аттестатъ и похвальный листъ. Я удостоился получить ихъ изъ рукъ самого епископа воронежскаго и черкаскаго, Антонія. Преосвященный меня обласкалъ, погладилъ по головѣ, благословилъ и, вручая документъ, съ улыбкой проговорилъ:—„Умный мальчикъ! Продолжай хорошо учиться и благонравно вести себя: будешь человѣкомъ".

Кстати объ Антоніи. Онъ въ свое время игралъ видную роль

въ нашемъ краю. Во цвѣтѣ силъ, лѣтъ сорока съ небольшимъ, онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова красавецъ и слылъ за большаго остряка и умника, но нравами отличался далеко не пастырскими. Онъ любилъ свѣтъ, былъ мягокъ въ обращеніи и очень любезенъ въ обществѣ, особенно дамскомъ... Но такъ какъ онъ былъ со всѣми обходителемъ и никому не дѣлалъ зла, въ городѣ смотрѣли сквозь пальцы на нѣкоторые его поступки... Только подъ конецъ своего пребыванія въ Воронежѣ онъ совершилъ дурное дѣло, чѣмъ и возстановилъ противъ себя общественное мнѣніе: онъ, въ одномъ изъ подвѣдомственныхъ ему городовъ, отрѣшилъ отъ должности всѣми уважаемаго благочиннаго и замѣнилъ его собственнымъ безпутнымъ братомъ. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Съ тѣхъ поръ Антонію не повезло. Его перевели въ другую епархію, но тамъ съ нимъ скоро сдѣлался ударъ. Здоровье его пошатнулось, онъ удалился въ какой то монастырь, гдѣ и оставался до конца.

Помню я около этого времени еще другое духовное лицо, такого-же точно пошиба—архимандрита Акатовскаго Алексѣевскаго монастыря, Меѳодія, ближайшаго сподвижника Антонія, какъ въ управленіи духовными дѣлами, такъ и въ свѣтскихъ похожденіяхъ... Не знаю, чѣмъ кончилъ Меѳодій. Мои личныя сношенія съ нимъ ограничились однимъ свиданіемъ въ знакомомъ домѣ. Онъ увѣщевалъ меня строго держаться благочестія и всего усерднѣе изучать латинскій и греческій языки. Увѣщанія отца-архимандрита, конечно, были бы несравнено убѣдительнѣе, если бы отъ него не несло, какъ отъ бочки, виномъ.

Мнѣ было всего тринадцать лѣтъ, когда я кончилъ курсъ въ уѣздномъ училищѣ. Не безъ горя разстался я съ товарищами, но всего больше скорбѣлъ о невозможности присоединиться къ тѣмъ изъ нихъ, которые готовились поступить въ гимназію. Двери ея были неумолимо закрыты для меня.

Тутъ мнѣ впервые пришлось ясно сознать, какое проклятіе тяготѣло надо мной, въ силу моего общественнаго положенія, которое позднѣе причиняло мнѣ столько мукъ и чуть не довело меня до самоубійства.

Мои учителя, Грабовскій и Морозовъ, глубоко сочувствовали мнѣ и въ заключеніе придумали способъ мнѣ помочь, который—

не знаю къ чему привелъ бы меня—но для нихъ могъ бы имѣть крайне печальныя послѣдствія.

Всѣ мальчики были уже распущены, кто на каникулы, кто чтобы больше не возвращаться въ училище. Я еще оставался въ Воронежѣ, выжидая оказіи для болѣе дешеваго проѣзда домой. Не легко было у меня на сердцѣ! Вдругъ получаю отъ Грабовскаго письмо. Онъ меня увѣдомлялъ, что, сообща съ другими членами училища, придумалъ мѣру, которая могла открыть мнѣ доступъ въ гимназію.

Въ чемъ же состояла эта мѣра? А въ томъ, чтобъ въ аттестатѣ, выданномъ мнѣ изъ училища, вовсе не выставлять моего званія, а въ вѣдомости, которую вслѣдъ за тѣмъ надлежало представить директору гимназіи, назвать меня сыномъ коллежскаго регистратора—однимъ словомъ, они, въ порывѣ великодушія, рѣшались прибѣгнуть къ подлогу! Грабовскій убѣждалъ меня, не теряя времени, явиться къ директору. Добрые люди! Въ простодушіи своемъ они даже не подумали приготовить себѣ на всякій случай лазейку, но съ головой выдавали себя въ письмѣ къ мальчику, который легко могъ, или проговориться по неопытности, или, по неосторожности, потерять опасный документъ. Къ счастью, несмотря на мои тринадцать лѣтъ, я инстинктивно понялъ необходимость молчанія въ данномъ случаѣ и положилъ во всемъ открыться только отцу.

XI.

Новые удары судьбы.

Подъ конецъ моего пребыванія въ училищѣ я смутно слышалъ, что отца постигли новыя невзгоды. Въ письмахъ онъ мнѣ о томъ нечего не писалъ, но я зналъ, что онъ больше не въ Писаревкѣ, а проживаетъ въ казенномъ имѣніи Богучарскаго уѣзда, Данцевкѣ.

Еще въ училищѣ имѣлъ я случай лишній разъ убѣдиться, какъ вообще непрочна и незавидна была участь моего отца. Случилось у него какое-то дѣло въ Воронежѣ. Онъ пріѣхалъ туда для личныхъ объясненій съ губернаторомъ или, вѣрнѣе, съ сенаторомъ Хитрово, въ то время ревизовавшимъ губернію. Что произошло у него съ тѣмъ или съ другимъ—не знаю. Слышалъ

только потомъ, что онъ крупно поговорилъ съ первымъ. Отецъ былъ горячъ и, несмотря на предъидущіе опыты, все еще вѣрилъ, что законъ долженъ быть на сторонѣ того, кто передъ нимъ чистъ, и вообще не стѣснялся въ защитѣ своихъ правъ передъ властями. Онъ не хотѣлъ понять, что жилъ въ странѣ бюрократическаго произвола и что такому бѣдняку, какъ онъ, неприлично опираться на право тамъ, гдѣ его въ сущности никто не имѣлъ, а онъ меньше всѣхъ.

Какъ-бы то ни было, губернаторъ разгнѣвался и велѣлъ посадить отца въ тюрьму, подъ предлогомъ, что онъ явился въ Воронежъ безъ узаконеннаго вида, хотя въ послѣднемъ не было надобности, такъ какъ жительство моихъ родителей было въ той же губерніи.

Помню, въ какой трепетъ повергло меня появленіе на квартирѣ, гдѣ я стоялъ, солдата, посланнаго за мной отцомъ, изъ тюрьмы. Съ стѣсненнымъ сердцемъ послѣдовалъ я за нимъ и нашелъ моего честнаго, благороднаго отца заключеннымъ въ одномъ тюремномъ отдѣленіи съ ворами, мошенниками и всякаго рода плутами.

Отецъ не любилъ нѣжностей и не допускалъ въ семьѣ никакихъ сердечныхъ изліяній. Я молча сѣлъ въ углу на нарахъ, возлѣ одного рыжаго мужика, но въ заключеніе не выдержалъ и горько заплакалъ. Мои слезы тронули находившуюся тутъ же женщину и она, съ простодушнымъ участіемъ, начала меня утѣшать.

„Не плачь, голубчикъ", говорила она,—„не плачь, касатикъ! Ты маленькій, все пройдетъ".

Повыше на нарахъ сидѣлъ и что-то про себя бормоталъ старикъ, съ сѣдой бородой. Это былъ грузинскій священникъ, привезенный сюда изъ Тифлиса, за участіе въ какомъ-то возстаніи или заговорѣ. Онъ раздражительно, на ломанномъ языкѣ, увѣщевалъ меня не плакать, увѣряя, что все пустяки, и намъ съ отцемъ нечего сокрушаться.

Все это происходило въ темномъ, грязномъ, вонючемъ помѣщеніи. Отцу, съ его слабымъ здоровьемъ, нельзя было, безъ вреда, долго оставаться здѣсь. Онъ далъ мнѣ рубль и велѣлъ идти къ квартальному, просить о переводѣ въ помѣщеніе, гдѣ содержались „благородные".

Въ дѣтствѣ одинъ видъ полицейскаго мундира повергалъ меня въ уныніе. Я видѣлъ въ немъ что-то зловѣщее и, при встрѣчѣ на улицѣ съ будочникомъ или квартальнымъ, всегда преисправно отъ нихъ улепетывалъ. Можно себѣ представить, съ какимъ страхомъ направился я теперь, съ порученіемъ отца, къ одному изъ этихъ блюстителей порядка, которые въ тѣ, къ счастью, нынѣ отдаленныя, времена были на самомъ дѣлѣ гораздо больше представителями произвола и насилія.

Но на этотъ разъ страхъ мой оказался напраснымъ: квартальный взялъ рубль и обѣщался исполнить мою просьбу. Отецъ скоро потомъ очутился въ довольно свѣтлой и опрятной комнатѣ, въ обществѣ одного только заключеннаго — чиновника губернскаго правленія, обвинявшагося въ похищеніи какого-то дѣла. Тамъ было даже подобіе кровати, на которой и расположился мой отецъ.

Я навѣщалъ его каждый день. Прошло около недѣли. Онъ откомандировалъ меня съ новымъ порученіемъ—на этотъ разъ къ сенатору Хитрово, которому я долженъ былъ лично передать письмо.

Опять разыгралось мое воображеніе и стало рисовать рядъ страшныхъ картинъ: сенаторъ на меня кричитъ, топаетъ ногами, приказываетъ слугамъ гнать, и въ заключеніе—меня тоже упрятываетъ въ тюрьму... Вѣдь все возможно съ такимъ маленькимъ, ничтожнымъ существомъ, какъ я!

Не идти нельзя было. Я вооружился мужествомъ и пошелъ. Вхожу къ сенатору въ прихожую, тамъ квартальный, и не тотъ, съ которымъ я уже отчасти былъ знакомъ. Я невольно попятился назадъ. Но и квартальные не всѣ на одинъ ладъ. Этотъ—какъ я послѣ узналъ, самъ отецъ многочисленнаго семейства—тронулся моимъ жалкимъ, испуганнымъ видомъ. Онъ поспѣшилъ меня ободрить, мнѣ улыбнулся, погладилъ по головѣ; а когда дошла до меня очередь идти къ сенатору въ кабинетъ, разомъ прекратилъ мои колебанія, ловко втолкнувъ меня въ дверь.

Сенаторъ прочиталъ письмо отца и угрюмо проговорилъ:

— „Пусть его отвѣчаетъ, какъ знаетъ". Только и было. Не много понялъ я изъ этихъ словъ, да и отецъ тоже. Однако, дней десять спустя, губернаторъ приказалъ отослать его обратно въ

Богучары—всетаки, какъ произвольно отлучившагося безъ вида—но дальнѣйшихъ непріятностей не дѣлалъ.

Пора, однако, объяснить, какъ состоялось переселеніе отца моего изъ Писаревки въ Данцевку, и что было причиной бѣдственнаго положенія, въ которомъ я, по выходѣ изъ училища, засталъ мою семью.

Марья Θедоровна Бедряга не долго помнила свою клятву передъ церковью—вѣчно помнить объ услугахъ, ей оказанныхъ моимъ отцемъ. Властолюбивая барыня не могла выносить, чтобы кто нибудь изъ окружавшихъ ея дѣйствовалъ самостоятельно, хотя бы то въ ея собственныхъ интересахъ. Ее терзала мысль, что управляющій ея держитъ себя слишкомъ независимо, мало угождаетъ ей.

Отецъ мой, съ своей стороны, не отличался уступчивостью, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда былъ увѣренъ въ своей правотѣ или считалъ замѣшанною свою честь. Онъ взялся устроить Писаревку подъ условіемъ, чтобы помѣщица, такъ запутавшая свои дѣла, впередъ ни во что не вмѣшивалась. Результатъ оправдалъ его претензіи. Доходы Марьи Θедоровны удвоились, крестьяне оправились; главная причина упадка имѣнія—злоупотребленія, были въ значительной степени устранены.

Окружавшіе Марью Θедоровну паразиты, безсовѣстно эксплоатировавшіе ея дурныя наклонности, само собой разумѣется, не могли помириться съ новымъ порядкомъ вещей и не упускали случая возстановлять помѣщицу противъ вѣрнаго и безкорыстного слуги.

Особенно отличалась при этомъ еврейка Θедосья, большая плутовка, о которой мы уже упоминали выше. Отецъ, по своей горячности, не всегда бывалъ воздержанъ въ объясненіяхъ съ Марьей Θедоровной. Θедосья не примпнула воспользоваться этимъ для своихъ наушничествъ. Помѣщица все нетерпѣливѣе и нетерпѣливѣе относилась къ второстепенной роли, выпавшей ей на долю, въ силу обстоятельствъ и собственной распущенности. Чаще и чаще выражала она свое неудовольствіе и заявляла неисполнимыя требованія.

Отецъ долго крѣпился, наконецъ не выдержалъ и порѣшилъ лучше отказаться отъ выгоднаго мѣста, чѣмъ дольше терпѣть своеволіе г-жи Бедряги и быть предметомъ облавы со стороны

ея клевретовъ. Въ одинъ прекрасный день онъ предсталъ предъ Марьей Өедоровной, вооруженный толстой тетрадью, и повелъ такую рѣчь: „Вотъ отчетъ за все время моего управленія вашимъ имѣніемъ. Съ этихъ поръ я вамъ больше не слуга. Прошу уволить меня и выдать еще слѣдующее мнѣ жалованье".

Марья Өедоровна озадачилась. Нужда въ моемъ отцѣ еще не совсѣмъ миновала, и она попыталась еще разъ войти съ нимъ въ компромисъ: устроить дѣло такъ, чтобы и онъ остался, и ея желанія были удовлетворены. Но отецъ уже слишкомъ хорошо зналъ, какъ мало можно было полагаться на обѣщанія своенравной барыни. Онъ стоялъ на своемъ и требовалъ увольненія. Помѣщица, съ своей стороны, настаивала. Отецъ уже съ раздраженіемъ подтвердилъ свое окончательное рѣшеніе съ ней разстаться и, не слушая дальнѣйшихъ возраженій, вышелъ изъ комнаты. Марья Өедоровна разсвирѣпѣла и положила отмстить непокорному.

На слѣдующее утро всѣ въ домѣ отца еще спали. Вдругъ его будятъ:—„Вставайте", говорятъ, „посмотрите, что дѣлается на дворѣ!"

Встревоженный отецъ вышелъ въ сѣни: домъ былъ кругомъ оцѣпленъ крестьянами. Вся семья находилась подъ карауломъ.

Зная характеръ Марьи Өедоровны, отецъ не сомнѣвался, что, разъ прибѣгнувъ къ насилію, она уже не уступитъ. Положеніе было затруднительное. Гдѣ искать защиты? Въ ея владѣніяхъ— немыслимо, а какъ выбраться изъ нихъ? У всѣхъ выходовъ стояли сторожа. Къ счастью, послѣдніе были изъ крестьянъ, преданныхъ отцу и ненавидѣвшихъ помѣщицу: они помогли ему убѣжать. Огородами и садами пробрался онъ въ Заярскую Писаревку и пріютился у друга своего, Григорія Өедоровича Татарчукова.

На волѣ отецъ обратился къ надлежащимъ властямъ, съ просьбой освободить семью его, а виновницу вопіющаго насилія призвать къ отвѣту. Это было началомъ тяжбы, которая надѣлала шуму на всю губернію и была источникомъ нескончаемыхъ тревогъ для отца, но не мало безпокойствъ причинила и его противницѣ. Она сама потомъ признавалась, что съ этихъ поръ всѣ дни ея были отравлены ожиданіемъ непріятныхъ бумагъ и необходимостью на нихъ отписываться.

Странная эта была тяжба! Съ одной стороны: владѣлица двухъ тысячъ душъ, сильная богатствомъ, связями, воплощенная спѣсь и произволъ, съ вѣрнымъ разсчетомъ на успѣхъ, съ другой: человѣкъ безъ общественнаго положенія и связанныхъ съ нимъ преимуществъ, опиравшійся только на свою правоту, и до того бѣдный, что часто не имѣлъ на что купить листъ гербовой бумаги для поданія въ судъ жалобы или прошенія. За то настойчивость была съ обѣихъ сторонъ одинаковая.

Надо было все знаніе законовъ моего отца и все его умѣнье писать дѣловыя бумаги, чтобъ не сдѣлаться немедленно жертвою своей дерзости, а, напротивъ, долго и не безъ своего рода успѣха вести тяжбу при столь неравныхъ условіяхъ. Правосудіе, всегда готовое, въ тѣ времена, склоняться въ пользу сильнаго, на этотъ разъ нерѣшительно колебалось. Сами судьи недоумѣвали, почему дѣло не устраивается по желанію богатой и именитой барыни, но ничего не могли сдѣлать, и только до безконечности затягивали его. По смерти отца, я много разъ слышалъ отъ чиновниковъ гражданской палаты, что всякое, поступавшее къ нимъ отъ истца прошеніе, всякая объяснительная записка его производили между ними сенсацію: они собирались въ кружокъ и читали ихъ вслухъ, восхищаясь діалектическою ловкостью и ясностью изложенія. И все-таки отецъ умеръ, не дождавшись конца тяжбы.

Уже много лѣтъ спустя — я былъ тогда въ Петербургѣ — матери моей, наконецъ, вернули задержанное Бедрягой имущество, потомъ хранившееся въ судѣ. Сундуки оказались всѣ по счету, но въ нихъ нашлось только какое-то отрепье, да кипы отцовскихъ бумагъ: остальное исчезло безслѣдно.

Въ началѣ тяжбы Марьѣ Ѳедоровнѣ, по настоянію отца, былъ сдѣланъ запросъ: на какомъ основаніи задерживаетъ она его семью и имущество? Отвѣтъ былъ достойный госпожи Бедряги. Такой-то, писала она въ отвѣтъ, состоя у нея на службѣ управляющимъ, раззорилъ ея имѣніе, а вещи, которыя она теперь задерживаетъ, куплены имъ на ея деньги. Доказательствъ у нея, конечно, никакихъ не потребовали: ей повѣрили на слово, и жалобу отца, на первыхъ порахъ, оставили безъ послѣдствій. Тогда онъ обратился къ губернатору, и въ заключеніе добился, что ему, наконецъ, вернули хоть семью.

Соединясь съ женою и дѣтьми, отецъ мой поселился въ малороссійскомъ хуторѣ Данцевкѣ, верстахъ въ двадцати отъ Богучаръ, гдѣ производилось его дѣло.

Тутъ опять возникалъ жгучій вопросъ: чѣмъ жить? Мои родители остались, какъ послѣ пожара, безъ вещей первой необходимости. Отецъ, безъ сомнѣнія, легко могъ бы найти занятія, но онъ пока былъ слишкомъ поглощенъ тяжбой. Послѣдняя между тѣмъ затягивалась и принимала грандіозные размѣры. Отецъ, по обыкновенію увлекаясь, требовалъ не только возвращенія своей собственности и вознагражденія за понесенные убытки, но еще и поступленія по закону съ помѣщицей за ея самоуправство. На первыхъ порахъ ему помогъ Григорій Ѳедоровичъ Татарчуковъ, и потомъ не рѣдко оказывавшій ему разныя крупныя и мелкія услуги.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Отца пригласили въ одну изъ Донскихъ станицъ приводить тамъ въ порядокъ какія-то дѣла. Вознагражденіе предлагалось порядочное. Онъ согласился, оставилъ семью въ Данцевкѣ и поѣхалъ. Но провѣдала объ этомъ Марья Ѳедоровна и подняла тревогу. Ложь и клевета всегда были у ней наготовѣ. Она, черезъ богучарскій судъ, снеслась съ начальствомъ станицы, куда отправился отецъ, и заявила, что онъ, находясь подъ слѣдствіемъ, не имѣлъ права отлучаться отъ мѣста своего жительства: онъ долженъ быть задержанъ и посаженъ въ тюрьму. Начальство станицы, не разбирая дѣла, съ точностью исполнило требованіе богучарскаго суда. Такимъ образомъ, мой бѣдный отецъ, вызванный для честнаго и полезнаго дѣла, вмѣсто того опять очутился въ тюрьмѣ.

Вотъ въ какомъ положенія засталъ я, по возвращеніи изъ Воронежа, наши семейныя дѣла. Мать сильно измѣнилась: постарѣла и похудѣла. Радость свиданія со мной была отравлена для нея разлукой съ мужемъ, отъ котораго, къ тому же, давно не было извѣстій. Она съ дѣтьми занимала двѣ крошечныя, но опрятныя свѣтелки въ хатѣ одного зажиточнаго малороссіянина; добрякъ Гаврилычъ уже нѣсколько мѣсяцевъ держалъ ее у себя безплатно.

Но если, какъ говорятъ, одно горе всегда ведетъ за собой другое, тоже надо сказать и о радостяхъ. Мой пріѣздъ оказался счастливымъ предвѣстникомъ ихъ. Тѣмъ не менѣе еще утро этого

дня прошло очень печально для моей матери. Оно ознаменовалось событіемъ, въ сущности пустымъ, но которое произвело на нее сильное впечатлѣніе.

Въ хлопотахъ по хозяйству мать вдругъ замѣтила, что съ пальца ея исчезло золотое обручальное кольцо. Очевидно, оно соскользнуло съ ея исхудалой руки, въ то время, какъ она убирала комнаты, таскала дрова и, погруженная въ печальныя мысли, не замѣтила потери. Несчастные суевѣрны. Мать сочла утрату обручальнаго кольца за дурное предзнаменованіе и впала въ уныніе. Въ тоскѣ перерыла она весь свой скарбъ, перешарила во всѣхъ углахъ: кольца нигдѣ не было.

Оставалось осмотрѣть еще одно только мѣсто—сарай, набитый соломою, откуда мать недавно брала ее для растопки печи. Но надежда отыскать въ кучахъ соломы такую вещицу, какъ кольцо, которое къ тому же и цвѣтомъ походило на нее, казалась просто несбыточною. Однако, мать пошла въ сарай. Дорогой она мысленно порѣшила: если кольцо найдется, это будетъ значить, что отецъ живъ и на пути домой, въ противномъ случаѣ — его уже нѣтъ въ живыхъ.

Съ трепетомъ перешагнула она порогъ сарая и долго не рѣшалась поднять глазъ, наконецъ, съ замирающимъ сердцемъ взглянула на уголъ, откуда брала солому: тамъ торчала къ верху длинная соломенка, а на ней висѣло кольцо! Мать вскрикнула, перекрестилась и осыпала его поцѣлуями. На душѣ просвѣтлѣло; мрачныхъ мыслей какъ не бывало.

Прошло нѣсколько часовъ. Смерклось. У воротъ хаты движеніе, двери распахиваются — и на порогѣ отецъ, бодрый, веселый, нагруженный гостинцами и съ небольшими деньгами въ карманѣ.

На другой день у насъ былъ пиръ горой: праздновалось его и мое возвращеніе. Давно уже никто изъ насъ не хлебалъ такого борща съ бараниной и не ѣлъ такихъ вареников, какими насъ, на радостяхъ, угостила мать. За обѣдомъ, къ вящей радости насъ, дѣтей, послѣдовалъ еще и дессертъ изъ привезеннаго отцомъ чернослива и изюма. И радость нашу, и обильную на этотъ разъ трапезу усердно раздѣляли съ нами наши добрые хозяева, Гаврилычъ, его жена и миловидная дочка, ясныя карія очи которой не замедлили плѣнить меня.

Но какимъ образомъ отецъ мой былъ вдругъ перенесенъ изъ тюрьмы въ среду своей семьи, да еще въ очевидно къ лучшему измѣнившихся обстоятельствахъ? Вся жизнь человѣческая соткана изъ случайностей. Враждебная случайность натолкнула его на помѣщицу Бедрягу и на богучарскихъ судей, которые засадили его въ тюрьму. Добрая случайность свела его съ казацкимъ полковникомъ Поповымъ, который вывелъ его изъ бѣды.

Полковникъ Поповъ былъ лицо властное въ станицѣ, гдѣ содержался подъ арестомъ мой отецъ. Онъ далъ себѣ трудъ разобрать его дѣло, и въ заключеніе не только велѣлъ освободить отца, но еще пріютилъ его у себя, поручилъ ему привести въ порядокъ свое имѣніе и, съ избыткомъ вознаградивъ его, отпустилъ съ миромъ во свояси.

Наконецъ, мы свободно вздохнули. Около двухъ мѣсяцевъ послѣ того провели мы мирно, спокойно, даже беззаботно. Данцевка не представляла особенныхъ красотъ природы. Но весь тотъ край принадлежитъ къ числу самыхъ плодородныхъ въ Россіи. Климатъ тамъ теплый, и жизнь—по крайней мѣрѣ тогда—была очень дешева. Отборные плоды: вишни, яблоки, груши, дыни, арбузы покупались за безцѣнокъ. Хуторъ Данцевка состоялъ изъ пятидесяти хатъ, бѣленькихъ, чистенькихъ, тонущихъ въ зелени вишневыхъ садовъ. Мѣстечко раскидывалось по берегу рѣки Богучара. Теперь, я слышалъ, оно очень разрослось и превратилось въ богатую слободу, съ каменною церковью. Но въ наше время хуторъ принадлежалъ къ приходу слободы Твердохлѣбовки, находившейся въ шести верстахъ отъ Богучара, чуть ли не самаго жалкаго изъ всѣхъ уѣздныхъ городовъ Россіи.

Данцевскіе жители были казенные малороссіяне или, такъ называемые, войсковые обыватели. Они въ полной чистотѣ сохраняли малороссійскій типъ и, сравнительно съ помѣщичьими крестьянами, благоденствовали. Но за то они пребывали въ полномъ невѣжествѣ. У нихъ не было школъ. „Письменные люди“ почитались между ними за рѣдкость. Не проникли къ нимъ никакія затѣи новѣйшей цивилизаціи. Они отличались непочатою простотою и чистотою нравовъ. О ворахъ и пьяницахъ тамъ знали только по наслышкѣ. Ссоры и драки если и происходили, о нихъ стыдились говорить. Къ сожалѣнію, выходитъ, что человѣкъ, цивилизуясь, по мѣрѣ пріобрѣтенія новыхъ качествъ, те-

ряетъ тѣ, которыми обладалъ передъ тѣмъ, и заражается пороками, о которыхъ до того не имѣлъ понятія. Законъ человѣческаго развитія, очевидно, совершается не по какому нибудь установленному плану, для достиженія одного опредѣленнаго результата, а слѣдуетъ неизбѣжному ходу вещей, въ силу котораго все, находящееся въ человѣкѣ, должно въ свое время проявляться и достигнуть извѣстнаго развитія— предстоитъ ли ему всегда затѣмъ безслѣдно исчезнуть или слиться въ общую гармонію для ея большей полноты и совершенства.

Намъ хорошо и привольно жилось среди простодушныхъ Данцевцевъ. Они не долго смотрѣли на насъ, какъ на пришлыхъ, но радушно приняли въ свою среду и любовно относились къ моимъ родителямъ. А нашъ добрый хозяинъ, Гаврилычъ, одаренный большимъ практическимъ смысломъ, съумѣлъ оцѣнить отца даже со стороны ума.

Отдохнувъ, отецъ сталъ подумывать, что со мной дѣлать. Ему очень хотѣлось, чтобы я продолжалъ учиться. Я вполнѣ раздѣлялъ его желаніе и показалъ ему письмо Грабовскаго. Хорошо знакомый съ законами и съ административными порядками у насъ, онъ, конечно, понялъ на какомъ шаткомъ основаніи хотѣли мои добрые учителя воздвигнуть зданіе моего будущаго образованія. Понялъ онъ также, чѣмъ, грозило бы имъ разоблаченіе ихъ великодушнаго подлога, и наотрѣзъ отказался отъ ихъ предложенія.

Но мои успѣхи въ уѣздномъ училищѣ внушили ему несбыточныя надежды на то, что для меня будетъ сдѣлано исключеніе, и что я, такъ или иначе, непремѣнно поступлю въ гимназію. Онъ до того увлекся этой фантастической мечтой, что даже забылъ о матеріальной невозможности содержать меня въ Воронежѣ. Передъ нимъ мелькнулъ свѣтлый миражъ, и онъ кинулся къ нему навстрѣчу, забывъ, по обыкновенію, какъ дорого обходилось ему всегда пробужденіе къ дѣйствительности.

Какъ бы то ни было, меня опять снарядили, нашли оказію и отправили въ Воронежъ.

XII.

Мое Воронежское сидѣнье.

Въ Воронежѣ я явился на старую квартиру, безъ денегъ, съ письмомъ отъ отца, который просилъ хозяина принять меня и обѣщался въ непродолжительномъ времени выплатить ему все, что будетъ стоить мое содержаніе. Калина Давидовичъ Клещаревъ было нахмурился, но, добрый и довѣрчивый, согласился пока отвести мнѣ уголъ для кровати и сажать меня за свой столъ.

Опредѣленіе мое въ гимназію, какъ и слѣдовало ожидать, не состоялось. Робость удерживала меня отъ посѣщенія директора просителемъ, да еще въ такомъ платьѣ, въ которомъ, по пословицѣ, всегда дурно принимаютъ. Обычай требовалъ также, чтобы къ директору явиться не съ пустыми руками, а чѣмъ могъ я ихъ наполнить? Итакъ, я день ото дня откладывалъ мое посѣщеніе къ нему. А тутъ еще узналъ стороной, что кто-то изъ моихъ доброжелателей уже дѣлалъ, помимо меня, попытку у директора и потерпѣлъ неудачу. Я окончательно упалъ духомъ.

Съ тоскою смотрѣлъ я на мальчиковъ, моихъ прежнихъ товарищей, теперь гимназистовъ, гордо шествующихъ въ гимназію, съ новенькими книжками подъ мышкой. Они казались мнѣ до того взысканными судьбой, что принимали въ моихъ глазахъ размѣры высшихъ существъ, а небольшой желтый домъ на Дворянской улицѣ, гдѣ помѣщалась гимназія, представлялся мнѣ дворцомъ съ плотно закрытыми для меня одного дверями.

Я сидѣлъ дома, въ углу, перебиралъ школьныя тетрадки и попрежнему съ жадностью читалъ все печатное, что могъ добыть. Въ книгахъ у меня не было недостатка. Меня ими снабжалъ новый другъ, который у меня здѣсь завелся. Это былъ зять моего хозяина, учитель музыки, Михаилъ Григорьевичъ Ахтырскій.

Маленькій, тощенькій, съ желтымъ лицомъ человѣчекъ, онъ бурно провелъ молодость, но, женясь, остепенился. Его невзрачная фигура давала превратное понятіе объ его умѣ и образованіи: и то, и другое было у него недюжинное. Кромѣ того, онъ пользовался въ Воронежѣ репутаціей отличнаго учителя музыки, и самъ хорошо игралъ на скрипкѣ и на фортепіано.

Обладатель нѣсколькихъ сундуковъ съ книгами, онъ имѣлъ особенно притягательную для меня силу—тѣмъ болѣе, что, заинтересованный моей любознательностью, предоставлялъ мнѣ безпрепятственно рыться въ нихъ. Вообще, онъ принималъ большое во мнѣ участіе и, по мѣрѣ силъ и возможности, помогалъ мнѣ коротать время выжиданія какихъ-то фантастическихъ перемѣнъ въ моей долѣ. Часто заглядывалъ онъ въ мой уголъ, садился на кровать и, покуривая трубку, съ которой никогда не разставался, подолгу разговаривалъ со мной.

Жена его, дочь Клещарева, Наталья Калинишна, тоже съ довольно обыкновенною наружностью, соединяла умъ и пристрастіе къ книгамъ. Она много перечитала ихъ—преимущественно романовъ—и, вѣроятно, этому чтенію была обязана своего рода утонченностью и развитіемъ. Довольно сказать, что она съумѣла привязать къ себѣ, сильно и прочно, человѣка съ неугомоннымъ характеромъ—Ахтырскаго, на котораго до конца имѣла благотворное вліяніе.

Почти всегда серьезная, она держалась въ сторонѣ и даже нѣсколько брезгливо отъ женщинъ своего круга, предпочитая всѣмъ общество мужа. Другую могла бы сбить съ толку масса прочитанныхъ романовъ, но она безнаказанно вкусила ихъ отравы. Новое доказательство тому, что главная роль въ нашемъ нравственномъ и умственномъ развитіи принадлежитъ той закваскѣ, какую въ насъ закладываетъ природа. Вліяніе внѣшнихъ условій—второстепенное, и въ подчиненіи у нашихъ природныхъ способностей и влеченій.

Проходили дни, недѣли, мѣсяцы: мое положеніе не измѣнялось. Я все оставался брошеннымъ на произволъ самому себѣ и случаю. Отъ отца уже давно не получалось писемъ. Я зналъ только, что онъ изъ Данцевки, и, вообще, изъ Богучарскаго уѣзда, переселился въ Острогожскъ. Хозяинъ видимо затруднялся дольше держать меня безъ платы. Одежда моя износилась, сапоги отказывались служить. Приходилось окончательно разстаться съ сладкой мечтой о гимназіи и ѣхать домой.

Но какъ проѣхать около ста верстъ, зимой, безъ денегъ, безъ обуви и безъ шубы? Меня выручилъ Ахтырскій. Досталъ онъ мнѣ старенькій овечій тулупчикъ, валенки, круглую мѣховую

шапченку и подарилъ пять съ полтиною денегъ. Я за то оставилъ ему въ распоряженіе мою постель.

Вооруженный такимъ образомъ, я могъ уже смѣло сбираться въ путь. Оставалось пріискать возницу, но и тотъ скоро нашелся. Въ Острогожскъ ѣхалъ крестьянинъ, который за два рубля съ полтиной согласился и меня туда свезти.

XIII.

Острогожскъ. Начало моей гражданской и самостоятельной дѣятельности.

Былъ 1816 годъ. Острогожскъ, составлявшій прежде часть Слободско-Украинской губерніи, теперь принадлежалъ къ Воронежской. Обширный уѣздъ его былъ почти сплошь населенъ малороссіянами, переведенными сюда въ царствованіе Алексѣя Михайловича, для защиты южныхъ окраинъ отъ вторженія татаръ. Лишь небольшое число русскихъ ютилось кое-гдѣ, по рѣкѣ Соснѣ, образуя нѣсколько мелкихъ селеній. Жителей въ городѣ считалось до десяти тысячъ, тоже малороссіянъ, за исключеніемъ, впрочемъ, купечества, которое состояло большею частью изъ русскихъ.

Замѣчательный городъ былъ въ то время Острогожскъ. На разстояніи многихъ верстъ отъ столицъ, въ степной глуши, онъ проявлялъ жизненную дѣятельность, какой тщетно было бы тогда искать въ гораздо болѣе обширныхъ и лучше расположенныхъ центрахъ Россійской Имперіи.

И матеріальный, и умственный уровень его стоялъ неизмѣримо выше не только большинства уѣздныхъ, но и многихъ губернскихъ городовъ. Въ немъ процвѣтала заводская промышленность. Онъ торговалъ овцами, соленымъ мясомъ, саломъ. Купечество ворочало большими капиталами. Въ пригородныхъ слободахъ указывали на войсковыхъ обывателей, напримѣръ, Ларіоновыхъ, Головченко, которые тоже занимались торговлею и имѣли въ оборотѣ полумилліонные капиталы.

Большинство зажиточныхъ помѣщиковъ этого уѣзда проводило часть года въ городѣ, гдѣ имѣло дома. Они, какъ и все острогожское дворянство, были одушевлены особымъ корпора-

тивнымъ духомъ и радѣли о чести своего сословія. Оттого образъ дѣйствій ихъ отличался достоинствомъ, мало извѣстнымъ въ тѣ времена развращающаго крѣпостничества.

О взяточничествѣ между ними и помину не было. Служившіе по выборамъ были истинными и нелицепріятными слугами общества. Во главѣ мѣстной аристократіи стояли люди, извѣстные не одною родовитостью, но и полезною дѣятельностью, напримѣръ: Должиковы, Сафоновы, Станкевичи, Томилины и т. д.

Понятно, что, при гуманныхъ стремленіяхъ и просвѣщенныхъ взглядахъ помѣщиковъ, и крестьянамъ по деревнямъ жилось здѣсь легче, чѣмъ гдѣ-либо. Землевладѣльцы не истощали ихъ барщиной и оброками, обращались съ ними человѣчно. А крестьяне, сытые и довольные своей долей, охотно несли свои тягости и тѣмъ, въ свою очередь, содѣйствовали благосостоянію господъ. Въ этомъ уравновѣшенномъ, взаимномъ воздѣйствіи другъ на друга двухъ основныхъ классовъ общества, земледѣльческаго и помѣщичьяго, должно полагать, и крылось зерно экономическаго благосостоянія уѣзда.

Не такъ легко указать источникъ широты умственнаго кругозора, въ которомъ вращались образованнѣйшіе изъ жителей Острогожска, не даромъ прозывавшагося въ краю Воронежскими Аѳинами. Они витали въ сферахъ, казалось бы, мало доступныхъ для медвѣжьяго угла, въ который ихъ забросила судьба. Ихъ занимали вопросы литературные, политическіе и общественные. Они препирались не за одни личные интересы, но и за принципы. Въ нихъ проглядывало стремленіе къ свободѣ и сознательный протестъ противъ гнета тогда всемогущаго бюрократизма.

У многихъ, даже купцовъ и мѣщанъ, были коллекціи книгъ серьезнаго содержанія, напримѣръ: „Юридическія сочиненія“ Юсти, „Конституція Англіи“ Делольма, „Персидскія письма“ Монтескье и его же «Духъ Законовъ“, въ переводѣ Языкова, „О преступленіи и наказаніи“ Беккаріи, сочиненія Вольтера на русскомъ языкѣ, которыхъ теперь не сыщешь ни въ одной книжной лавкѣ. Усердно читалась, между прочимъ, и газета „Московскія Вѣдомости“—чуть ли не единственная, въ то время извѣстная въ провинціи. Въ обществѣ толковали о наукѣ, искусствахъ,

обсуждали вопросы внѣшней и внутренней политики. Иные до того увлекались либеральнымъ вѣяніемъ, что даже восхищались представительными формами правленія.

Слывя самымъ образованнымъ городомъ въ краю, Острогожскъ за то не пользовался расположеніемъ губернскихъ властей, у которыхъ былъ, какъ бѣльмо на глазу. Хищничество ихъ нигдѣ не встрѣчало такого упорнаго протеста, какъ тамъ. Всѣ столкновенія съ ними, конечно, всегда оканчивались ихъ же торжествомъ, то есть, приносили имъ въ карманы болѣе или менѣе крупныя взятки, но это всегда стоило имъ не мало нравственныхъ униженій, которыхъ они потомъ не могли забыть.

Тяжелымъ бременемъ для края было скоро потомъ введенное туда генералъ-губернаторство, съ Балашевымъ во главѣ. Въ вѣдѣніе послѣдняго было назначено пять губерній: Воронежская, Рязанская, Тамбовскя, Тверская и, кажется, Харьковская. Центръ управленія находился въ Рязани.

Съ какою цѣлью было создано это управленіе, трудно опредѣлить—развѣ для того только, чтобы дать приличный постъ удаленному отъ двора сановнику. Имя Балашева является въ исторіи нашей администраціи въ числѣ именъ и дѣятелей двѣнадцатаго года. Можетъ быть, у него и были какія-нибудь заслуги и права на оказанный ему почетъ—мы не беремся рѣшать. Но намъ слишкомъ хорошо извѣстна память, оставленная имъ по себѣ во ввѣренныхъ его управленію губерніяхъ, гдѣ онъ распоряжался не хуже любаго паши. Можетъ быть, самъ онъ и не бралъ взятокъ и даже не зналъ о всѣхъ продѣлкахъ своихъ подчиненныхъ, но канцелярія его и агенты съ неудержимой жадностью предавались взяточничеству. Уѣзды и прежде платили порядочную дань Воронежу, теперь имъ приходилось удовлетворять еще и Рязань.

Гнетъ балашевскій всего меньше ложился на чиновниковъ, которыхъ, пожалуй, и не лишнее было бы поприжать, чтобы они меньше прижимали другихъ. Больше всего тягостей выпадало на городскихъ обывателей. Ихъ безпрестанно облагали новыми налогами, шедшими, будто бы „на украшеніе селъ и городовъ". Иногда и на самомъ дѣлѣ кое-что дѣлалось съ этой цѣлью, но только для глазъ, и въ такихъ случаяхъ обыкновенно подгонялось ко времени пріѣзда какого-нибудь важнаго лица. Но что кры-

лось за этимъ наружнымъ „благолѣпіемъ“ — о томъ никто не заботился.

Получалось, напримѣръ, извѣстіе, что вотъ тогда-то, по такому-то тракту должна проѣхать высокая особа. Тамъ мостъ едва держался. Чинить его сгонялись цѣлыя села. Мостъ воздвигался на славу. Особа проѣзжала и хвалила, а мостъ, вслѣдъ за оказанною ему честью, немедленно проваливался.

Послѣ войны двѣнадцатаго года у нашихъ администраторовъ явилась манія подражать нѣмецкимъ порядкамъ — конечно, только съ внѣшней стороны тоже. Такъ, напримѣръ, большіе почтовые тракты стали у насъ, по примѣру германскихъ дорогъ, обсаживаться деревьями. Но тѣмъ, которымъ приходилось ѣздить по проселкамъ, попрежнему предоставлялось тонуть въ грязи и ломать себѣ шеи и экипажи. Пустыри въ городахъ обносились красивыми заборами, съ обозначеніемъ номеровъ будто бы строящихся домовъ, которыхъ некому и не на что было строить.

Самъ Балашевъ то и дѣло разъѣзжалъ по своему вилайету— виноватъ, по своимъ губерніямъ. Въ Петербургѣ это, должно быть, принималось за доказательство его дѣятельности и ревностнаго и полезнаго служенія... За что принимали это подвластныя ему губерніи—другой вопросъ. При въѣздѣ въ ревизуемый городъ его первой задачей было—задать какъ можно больше страху. Особенно доставалось городскому головѣ: ему приходилось отвѣчать за то, что въ городѣ не было тротуаровъ, мостовыхъ, каменныхъ гостинныхъ дворовъ, деревъ вдоль улицъ— однимъ словомъ, всего того, чѣмъ генералъ-губернаторъ любовался за границей. Покривившіяся лачуги, съ заклеенными бумагой окнами, камышевыя и соломенныя крыши на деревянныхъ строеніяхъ, немощеныя улицы, все это оскорбляло въ немъ чувство изящнаго. Онъ не давалъ себѣ труда вникать въ причины такихъ явленій, но, съ бюрократической сухостью, относилъ ихъ къ разряду безпорядковъ, устранимыхъ полицейскими мѣрами. Что у города нѣтъ средствъ, что обыватели чуть не умираютъ съ голоду—все это такія мелочи, о которыхъ высокому сановнику было невдомекъ.

Уѣзжая, онъ отдавалъ полиціи строгій приказъ все исправить къ его слѣдующему пріѣзду, то есть воздвигнуть тротуары, каменные рынки и т. д. Городской голова почесывалъ затылокъ,

городничій покрикалъ на десятскихъ, тѣ сновали по домамъ, понуждая жителей озаботиться украшеніемъ города. Но проходило нѣсколько недѣль, все успокоивалось и оставалось по старому. Теперь ничто подобное невозможно, но о Балашевѣ помнятъ всѣ губерніи, гдѣ онъ властвовалъ со своей знаменитой канцеляріей.

Говоря объ острогожскомъ обществѣ, нельзя обойти молчаніемъ его духовенство. Въ мое время оно тамъ, поистинѣ, стояло на высотѣ своего призванія. Въ городѣ считалось восемь каменныхъ церквей. Соборная, красивой архитектуры, хвалилась хорошими образами, работы извѣстныхъ академиковъ. Причты церковные пользовались приличнымъ содержаніемъ, что позволяло имъ держать себя съ достоинствомъ.

Изъ священниковъ особенно выдавались отцы: Симеонъ Сцепинскій, Михаилъ Подзорскій, Петръ Лебединскій... Первые два значительно превышали обычный уровень у насъ духовенства и могли бы занять почетное мѣсто въ какомъ угодно образованномъ обществѣ. Оба, между прочимъ, обладали рѣдкимъ даромъ слова. Проповѣди ихъ, особенно Подзорскаго, привлекали массу слушателей. Въ пріемахъ ихъ, при отправленіи требъ и при богослуженіи, вообще не было ничего семинарскаго. Оба къ тому же имѣли привлекательную наружность. Фигура Сцепинскаго поражала благородствомъ, даже величіемъ. Лицо его, съ крупнымъ римскимъ носомъ, дышало умомъ, а манеры привѣтливостью. Никогда и послѣ не встрѣчалъ я духовнаго лица, которое производило бы болѣе выгодное впечатлѣніе. Онъ былъ не только уменъ, но и многосторонне образованъ и начитанъ, слѣдилъ за наукой и литературой. Подзорскій и въ этомъ отъ него не отставалъ.

Сцепинскій кончилъ курсъ въ петербургской духовной академіи, зналъ Сперанскаго и могъ бы достигнуть высшихъ духовныхъ степеней, если-бъ согласился, какъ его склоняли, принять монашество. Но его влекла обратно на родину любовь къ ней, а можетъ быть и какія-нибудь другія юношескія стремленія.

Въ Острогожскѣ Сцепинскій скоро достигъ первенствующей роли: онъ былъ сдѣланъ благочиннымъ. Его осыпали почестями и наградами: онъ имѣлъ золотой наперсный крестъ, камилавку, набедренникъ и даже—рѣдкое среди бѣлаго духовенства отли-

чіе—посохъ. Впослѣдствіи онъ получилъ еще орденъ св. Анны. Казалось, его поняли и оцѣнили. Но дорого заплатилъ потомъ бѣдный отецъ Симеонъ за всѣ эти первоначальные успѣхи.

У епископа воронежскаго Антонія, о которомъ говорено выше, былъ братъ, Николай, тоже священникъ, но недостойнѣйшій изъ всѣхъ носителей этого сана. Онъ не былъ ни плутъ, ни злой человѣкъ, но горькій пьяница и велъ себя непристойно. Его-то, этого безчиннѣйшаго изъ смертныхъ, вздумалъ Антоній сдѣлать благочиннымъ въ Острогожскѣ, спихнувъ предварительно съ мѣста Сцепинскаго. И таковъ былъ, въ тѣ времена, произволъ архіерейской власти, что Антоній могъ сдѣлать это безнаказанно.

Городъ, правда, былъ пораженъ, протестовалъ, дѣлалъ въ пользу Сцепинскаго демонстраціи, но это ни къ чему не повело. Безпутный Николай Соколовъ нѣсколько лѣтъ оставался благочиннымъ, на соблазнъ своей паствы и на позоръ самому себѣ. О немъ ходило много анекдотовъ, разсказывали выходки, которыя показались бы неприличными и въ человѣкѣ свѣтскомъ. Много шума, между прочимъ, надѣлалъ эпизодъ съ крестьянкой, которая, за непрошенныя любезности, сняла съ ноги башмакъ и отдула имъ батюшку по щекамъ.

Отецъ Николай не одинъ веселился. У него былъ товарищъ или, вѣрнѣе, менторъ, въ лицѣ дьячка, Андрюшки. Послѣдній оставался трезвъ, когда отецъ Николай напивался, и въ такихъ случаяхъ расправлялся съ нимъ попросту. Если батюшка начиналъ буянить, онъ его безцеремонно укрощалъ побоями.

Но какъ могло относительно развитое острогожское общество такъ долго терпѣть среди своего чиннаго и степеннаго духовенства этого безпутнаго гуляку? Къ сожалѣнію, у насъ часто такъ: погорячатся, пошумятъ и въ заключеніе ко всему привыкнутъ. О Симеонѣ Сцепинскомъ сожалѣли, даже отваживались ходатайствовать за него, дѣлали отцу Николаю разныя каверзы, но въ заключеніе устали сожалѣть, перестали возмущаться и уже безъ злобы продолжали только при случаѣ глумиться надъ недостойнымъ попомъ.

За то на самого Сцепинскаго нанесенное ему оскорбленіе произвело неизгладимое впечатлѣніе и гибельно отразилось на его здоровьѣ. Лѣтъ пятнадцать спустя, когда я былъ уже въ Петербургѣ, ему, пожалуй, и вернули съ избыткомъ все, что передъ

тѣмъ отняли. Антоній умеръ, Николай былъ отрѣшенъ отъ должности благочиннаго, а Сцепинскій въ ней возстановленъ. Но ни силъ, ни здоровья ему уже не могли вернуть: онъ умеръ пять лѣтъ спустя, всего пятидесяти лѣтъ отъ роду.

Острогожскъ и внѣшнимъ видомъ превосходилъ большинство тогдашнихъ уѣздныхъ городовъ. Онъ, правда, никогда не отличался живописною мѣстностью. Расположенный на слегка возвышенномъ берегу Тихой Сосны, онъ окруженъ болотомъ, сплошь поросшимъ тростникомъ. Не знаю какъ теперь, но въ былое время изъ этого тростника дѣлали полезное употребленіе: онъ, за недостаткомъ лѣса, шелъ на топливо и на покрышку домовъ.

Городокъ, съ двумя пригородными слободами, Лушковскою и Песками, раскидывался довольно широко. Его прорѣзывали прямыя улицы, обстроенныя довольно опрятными деревянными и отчасти каменными домами—у болѣе богатыхъ не безъ претензій на изящество, въ видѣ болѣе или менѣе удачныхъ архитектурныхъ затѣй. По крайней мѣрѣ, такъ было до пожара, который въ 1822 году истребилъ двѣ трети города.

Да, въ мое время Острогожскъ, дѣйствительно, имѣлъ привлекательный видъ, но—увы! только въ хорошую зимнюю или лѣтнюю пору. Осенью и весной зато этотъ чистенькій, веселенькій городокъ буквально утопалъ въ грязи. Его немощеныя улицы становились непроходимыми: среди нихъ, какъ въ мѣсивѣ, барахтались пѣшеходы и вязли волы съ возами. Не мало было у насъ толковъ о сооруженіи мостовой. По этому поводу даже затѣялась переписка съ губернскими властями. Дума ассигновала нужныя деньги. Переписка тянулась годы, а отъ денегъ скоро и слѣдъ простылъ. Городъ тѣмъ временемъ выгорѣлъ, и дѣло о мостовой кануло въ вѣчность: ея тамъ и по сихъ поръ нѣтъ. Да теперь Острогожску и не до мостовой. Онъ очень обѣднѣлъ, его умственнный уровень понизился, и онъ больше ничѣмъ не отличается отъ самыхъ заурядныхъ уѣздныхъ городовъ нашихъ.

Не веселое было мое вступленіе въ Острогожскъ. Я явился туда, потерпѣвъ крушеніе въ завѣтномъ моемъ желаніи, а семью мою засталъ матеріально раззоренною и нравственно убитою. Отецъ былъ мраченъ. Дѣло, на которое онъ разсчитывалъ, не состоялось. Онъ оставался безъ заработка, и семья его бѣдствовала.

Кромѣ того онъ носилъ въ сердцѣ глубокую рану—страсть къ Юліи Татарчуковой. Эта романическая страсть была для него источникомъ невыразимыхъ мукъ. Даже у матери моей не хватало духу его порицать. Она ему сострадала и съ рѣдкимъ самоотверженіемъ старалась его утѣшать.

Непосильнымъ бременемъ оказывалась еще и тяжба съ Бедрягой; она требовала постоянныхъ заботъ, напряженной дѣятельности, справокъ съ законами и непрерывнаго писанья бумагъ. Изъ острой, потрясающей тревоги она превратилась въ хроническое безпокойство, поглощавшее и время, и трудъ. Нужды семьи тѣмъ временемъ росли: она въ мое отсутствіе увеличилась новымъ членомъ—сестрой Надеждою.

У отца, что называется, руки опустились. Ему лишь изрѣдка удавалось что-нибудь зарабатывать въ тѣхъ случаяхъ, когда ему заказывали настрочить прошеніе въ судъ или заготовить какой-нибудь актъ. Ничтожная плата мгновенно поглощалась той или другой неотъемлемой нуждой.

Неудачи, неудовлетворенная страсть отца дѣлали его все раздражительнѣе, и онъ подчасъ жестоко срывалъ на домашнихъ накипавшія у него въ сердцѣ тоску и досаду. Весьма вѣроятно, что тревожное состояніе духа, притупляя его проницательность и невольно отражаясь на сношеніяхъ съ людьми, и было главной причиной, почему отецъ за это время не могъ пристроиться ни къ какому дѣлу.

Не знаю, что сталось бы со всѣми нами, какъ пережили бы мы это тяжелое время, если-бъ не мужество нашей матери и не ся великодушное отношеніе къ своему удрученному мужу. Видя его изнемогающимъ, она приняла на свои женскія плечи и ту часть обязанностей въ семьѣ, которая, по общему ходу вещей, выпадала на его долю, а именно взяла на себя заботу о дневномъ пропитаніи. Она воспользовалась довѣріемъ къ себѣ всѣхъ знавшихъ ее, и стала предлагать себя въ посредницы тамъ, гдѣ нуждались въ куплѣ или продажѣ подержанныхъ вещей. Ея безусловная честность была хорошо извѣстна въ городѣ, и ей охотно поручали такого рода дѣла. Вознагражденіе, какое она получала за свой коммисіонерскій трудъ, и было долгое время главной, если не единственной, доходной статьей у насъ.

Я былъ крайне пораженъ видомъ нашей бѣдности. Она во

всемъ проглядывала: въ тѣсномъ помѣщеніи, въ убогой одеждѣ, въ неусыпномъ трудѣ матери, которая проводила дни въ странствованіи по городу съ товаромъ, а ночью въ починкѣ дѣтскихъ рубищъ при тускломъ мерцаніи каганца.

Мною овладѣло страстное желаніе помочь ей. Но что могъ я сдѣлать? Быть у нея на посылкахъ, рубить за нее дрова и таскать воду на кухню? Въ этомъ я и упражнялся исправно, но ни ея, ни наше общее благосостояніе отъ того не увеличивалось. Отцу предлагали опредѣлить меня куда-то сельскимъ писаремъ. Я и на то былъ готовъ, но отецъ не согласился. Онъ, не безъ основанія, боялся, чтобы я тамъ не заглохъ умственно и не былъ навсегда оторванъ отъ будущности, въ которую онъ, вопреки обстоятельствамъ, упорно продолжалъ вѣрить для меня.

Въ заключеніе насъ выручило нѣчто просто невѣроятное: мнѣ, четырнадцатилѣтнему мальчику, систематически прошедшему лишь курсъ уѣзднаго училища, предложены были уроки! Положимъ, чтеніе—въ послѣднее время менѣе безпорядочное и болѣе серьезное—значительно расширило кругъ моихъ познаній. Но познанія эти, не пройдя черезъ горнило благотворной школьной рутины и не провѣренныя оффиціальнымъ испытаніемъ, давали мнѣ мало нравственнаго и никакого матеріальнаго права на учительскую дѣятельность, особенно тамъ, гдѣ не было недостатка въ болѣе зрѣлыхъ педагогахъ съ вполнѣ узаконеннымъ положеніемъ.

Успѣхъ мой въ данномъ случаѣ можетъ быть объясненъ только духомъ оппозиціи, вообще сильномъ тогда въ острогожскомъ обществѣ, и который, вызывая недовѣріе къ правительственнымъ учрежденіямъ, заставлялъ избѣгать и оффиціальныхъ учителей.

Въ Острогожскѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ ему городахъ, было уѣздное училище, и даже относительно хорошо обставленное, то есть, въ числѣ его преподавателей не было ни пьяницъ, ни круглыхъ невѣждъ. Но ученье тамъ шло изъ рукъ вонъ плохо. Поглощеннымъ борьбой за существованіе учителямъ было не до выработки раціональныхъ системъ обученія. Они ограничивались исполненіемъ самыхъ необходимыхъ требованій своего званія, и по совѣсти ихъ нельзя было корить за то.

Странно, что состоятельная часть острогожскаго населенія, вообще чуткая къ общественнымъ нуждамъ и въ другихъ слу-

чаяхъ охотно шедшая имъ навстрѣчу, оставалась равнодушною къ интересамъ народнаго образованія. Я объясняю это тѣмъ, что главные радѣтели о благѣ нашего города, дворяне, проникнутые духомъ своей касты, гнушались уѣзднаго училища, какъ мѣста, гдѣ ихъ потомство могло сталкиваться съ дѣтьми и купцовъ, и мѣщанъ, и даже крѣпостныхъ. Имѣя средства воспитывать своихъ сыновей дома, до поступленія въ болѣе привиллегированныя учебныя заведенія, напримѣръ, гимназіи, и выписывать гувернеровъ изъ столицъ, они пренебрегали равно училищемъ и учителями. Послѣдніе отъ того, само собою разумѣется, не совершенствовались и утрачивали кредитъ даже въ глазахъ купцовъ и болѣе состоятельныхъ мѣщанъ, такъ что тѣ, въ свою очередь, предпочитали искать преподавателей на сторонѣ. Вотъ какимъ образомъ выборъ нѣкоторыхъ изъ нихъ палъ и на меня.

Въ кругу, гдѣ жилъ мой отецъ, на меня давно перестали смотрѣть какъ на ребенка. Задумчивый видъ заставлялъ меня казаться старше моихъ лѣтъ, а жизнь среди чужихъ отлично вышколила меня и научила сдержанности. А тутъ еще заговорило во мнѣ и самолюбіе. Меня обуяло дерзкое и ни съ чѣмъ несообразное въ моемъ положеніи стремленіе руководить другими и подчинять себѣ чужую волю. Что же касается знанія, я, дѣйствительно, не уступалъ въ немъ любому изъ уѣздныхъ учителей, а молва еще преувеличивала „мою ученость“.

Все это, взятое вмѣстѣ, должно быть, и навело богатаго купца Ростовцева на мысль предложить мнѣ занятія съ его двумя сыновьями, изъ которыхъ одинъ былъ десяти лѣтъ, а другой только годомъ моложе меня. Мнѣ слѣдовало пройти съ ними полный курсъ уѣзднаго училища.

Дѣти оказались хорошими, прилежными и уже отчасти грамотными. Мои занятія съ ними пошли легко и успѣшно. Добрякъ Ростовцевъ неоднократно выражалъ мнѣ свое удовольствіе, которому, въ заключеніе, далъ осязательную и особенно желанную для меня форму двадцатипяти рублевой ассигнаціи. Это было подъ самый праздникъ Пасхи.

Боже мой, что сталось со мной! Я не чувствовалъ подъ собой ногъ, возвращаясь домой съ этимъ сокровищемъ. Я то и дѣло ощупывалъ его въ карманѣ и — долженъ покаяться — воображалъ себя героемъ, спасителемъ семьи и реорганизато-

ромъ нашего домашняго очага. Но, увы! гордость моя мгновенно осѣла, лишь только я переступилъ за порогъ нашего жилья и увидѣлъ, какъ многаго тамъ недоставало. Мечты, по обыкновенію, не выдержали столкновенія съ суровой дѣйствительностью. На этотъ разъ, однако, послѣдняя имѣла свою свѣтлую сторону и я утѣшился. Мой заработокъ помогъ намъ встрѣтить праздникъ Пасхи, согласно традиціоннымъ обычаямъ, отступленіе отъ которыхъ всегда составляетъ горе для коренныхъ малороссіянъ.

Всѣ въ нашемъ краю, даже самые бѣдные, напрягаютъ послѣднія силы, чтобы весело и обильно провести этотъ „праздниковъ праздникъ", и хоть на недѣлю отрѣшиться отъ тѣхъ нуждъ и заботъ, которыя гнетутъ ихъ остальное время года. И вотъ, моя мать могла, не хуже другихъ, спечь куличъ, по нашему паску, изъ чистѣйшей крупичатой муки, со специями, по вкусу отца. Было куплено два фунта сахару и осьмушка чаю, а сестры и братья мои заново одѣты...

Да, мнѣ не трудно было утѣшиться! И такъ сильно было впечатлѣніе, полученное мною отъ праздничнаго настроенія моей семьи въ эту Пасху и отъ впервые пробудившагося сознанія собственной силы, что я вдругъ сразу пересталъ чувствовать себя ребенкомъ. Дѣтство, по самой силѣ вещей, беззаботное, даже въ неприглядной средѣ, какъ моя, осталось навсегда позади: я очутился на рубежѣ новой жизни, гдѣ мнѣ предстояло много тяжелаго, но гдѣ, говорю съ признательностью, я имѣлъ и свою долю успѣха.

XIV.

Мои острогожскіе друзья и занятія.

Прошло два года. Я пріобрѣлъ репутацію хорошаго учителя. У меня было много учениковъ и цѣлая школа дѣтей обоего пола, собиравшихся въ домѣ бургомистра, купца Пупыкина. Главное и, вѣроятно, единственное достоинство моего преподаванія заключалось въ томъ, что я не заставлялъ дѣтей безсмысленно затверживать уроки наизусть, а прежде всего старался пробудить въ нихъ охоту и интересъ къ ученію. Помимо этого, у меня не было никакой обдуманной системы, никакихъ педагогическихъ

пріемовъ. Многіе изъ моихъ учениковъ были мои однолѣтки, но мнѣ удавалось съ ними ладить, и дѣло такимъ образомъ шло у меня, по крайней мѣрѣ, гладко.

Вознагражденіе мое, конечно, не могло вполнѣ обезпечить нашу семью, но оно служило большимъ подспорьемъ и во всякомъ случаѣ избавляло отъ крайней нужды. На меня смотрѣли уже какъ на взрослаго, хотя мнѣ только что минуло шестнадцать лѣтъ. Я считался чуть не особою въ нашемъ муравейникѣ. Со мной искали знакомства. Меня ласкали въ интеллигентномъ кружкѣ города. Мною не брезгали такія вліятельныя лица, какъ: купецъ Василій Алексѣевичъ Должиковъ, предводитель дворянства Василій Тихоновичъ Лисаневичъ, дворянинъ Владиміръ Ивановичъ Астафьевъ, купецъ Дмитрій Ѳедоровичъ Пановъ, смотритель училища Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ферронскій, протоіерей Сцепинскій, соборный священникъ Михаилъ Подзорскій.

Никого изъ нихъ уже нѣтъ на свѣтѣ, но память о нихъ жива въ моемъ сердцѣ. Ихъ теплому участію, гуманному забвенію моего гражданскаго ничтожества, ихъ снисхожденію къ моимъ юношескимъ, часто невоздержнымъ стремленіямъ и, наконецъ, великодушному содѣйствію и отрезвляющему вліянію обязанъ я тѣмъ, что не изнемогъ въ борьбѣ съ судьбою, не утонулъ, такъ сказать, въ самомъ себѣ, въ безднѣ безплоднаго самосозерцанія, не утратилъ вѣры въ добро, въ людей, въ самого себя. Я жилъ въ ихъ средѣ. Ихъ общество было моимъ. И теперь, на склонѣ лѣтъ, проходя мысленно совершенный мною съ тѣхъ поръ длинный путь, я съ умиленіемъ и благодарностью вспоминаю, какъ много обязанъ имъ. Они первые протянули мнѣ руку помощи и помогли подняться на тѣ ступени общественной лѣстницы, гдѣ я, наконецъ, могъ безнаказанно считать себя человѣкомъ.

Но не многіе изъ этихъ друзей моихъ и благодѣтелей могли похвалиться благоустройствомъ собственныхъ дѣлъ и своего внутренняго міра. Щедро надѣливъ ихъ умомъ и качествами сердца, природа не позаботилась помѣстить ихъ въ соотвѣтственную ихъ наклонностямъ среду. Ихъ честныя натуры не могли мириться съ бюрократическою грязью и крѣпостническимъ произволомъ—этими двумя язвами ихъ современнаго общества. Въ нихъ закипалъ протестъ, а рядомъ гнѣздилось сознаніе пол-

наго безсилія измѣнить къ лучшему существующій порядокъ вещей. Отсюда внутренній разладъ, который прививалъ имъ какъ бы несвойственныя ихъ общему характеру черты и оригинальныя особенности—иногда достойныя пера Диккенса или карандаша Гогарта.

Вотъ хоть, напримѣръ, Астафьевъ. Стараго дворянскаго рода, онъ принадлежалъ къ аристократамъ уѣзда. Высшее образованіе онъ получилъ въ Петербургѣ, гдѣ у него были связи, и тамъ же началъ службу, которая по всему обѣщала ему блестящую карьеру: онъ всего двадцати четырехъ лѣтъ уже былъ коллежскимъ ассесоромъ. И вдругъ безъ всякой видимой причины, бросилъ онъ службу, связи и скрылся въ родную провинціальную глушь.

Тамъ его приняли съ распростертыми объятіями и избрали въ предводители дворянства. Красивый, остроумный, свѣтски-развязный, онъ яркой звѣздой засіялъ на сѣренькомъ фонѣ провинціальнаго захолустья и сталъ производить жестокія опустошенія въ сердцахъ уѣздныхъ барышень. Одна, и увы! самая некрасивая, страстно влюбилась въ него. Истощивъ всѣ усилія понравиться, она прибѣгла къ послѣднему средству—къ великодушію побѣдителя—и повѣдала ему о своей страсти.

Барышня обладала значительнымъ состояніемъ; Астафьевъ уже спустилъ свое. Тронутый признаніемъ, а еще больше приданымъ дѣвушки, но не желая обманывать ее, онъ прямо сказалъ ей: „Я не прочь быть вашимъ мужемъ, но любить васъ не могу. Рѣшайте сами, стоитъ ли вамъ за меня идти“. Барышня нашла, что стоитъ. Бракъ былъ заключенъ и оказался не изъ самыхъ несчастныхъ. Астафьевъ, разумѣется, не былъ нѣжнымъ мужемъ, но по добротѣ своей не могъ быть и жестокимъ къ беззавѣтно преданному существу. Зато съ приданымъ жены онъ обошелся уже совсѣмъ безцеремонно.

Тѣсныя рамки провинціальной жизни скоро оказались узкими для широкой натуры Астафьева. Общественная служба также мало удовлетворяла его, какъ и государственная. Онъ былъ врагъ неясныхъ положеній. Ему претила всякая фальшь, а ея не обобраться было при отправленіи предводительскихъ обязанностей и въ столкновеніяхъ съ губернскими властями. Неспособный кривить душой, онъ предпочелъ удалиться отъ дѣлъ. Имъ

овладѣла безъисходная тоска, и онъ предался разгулу. Скоро и отъ состоянія его жены, какъ прежде отъ собственнаго, не осталось слѣдовъ.

Мое знакомство съ нимъ состоялось гораздо позже. Ему уже стукнуло пятьдесятъ, онъ успѣлъ овдовѣть и жилъ бездѣтнымъ бобылемъ. Онъ былъ ходатаемъ по тяжебнымъ дѣламъ и зарабатывалъ настолько, что могъ жить прилично и съ комфортомъ. Наружность его и манеры, несмотря на бурно проведенную молодость, сохраняли еще слѣды свѣтскаго лоска. Онъ былъ мягокъ, привѣтливъ очень начитанъ и прекрасно говорилъ, несмотря на сиплый голосъ—слѣды прежнихъ и настоящихъ попоекъ. Онъ зналъ много анекдотовъ о дѣятеляхъ временъ Екатерины и разсказывалъ ихъ не безъ соли. Свободное отъ хожденія по дѣламъ время Владиміръ Ивановичъ проводилъ въ разъѣздахъ по уѣзду, отъ одного помѣщика или хуторянина къ другому. Его вездѣ охотно принимали.

И вдругъ для добраго, умнаго, тонко-образованнаго Астафьева наступали періоды глубокаго паденія: онъ пилъ запоемъ. Періоды эти всегда являлись въ опредѣленное время и имѣли правильное теченіе. Съ наступленіемъ ихъ Владиміръ Ивановичъ запирался у себя дома, почти никого не принималъ и ни днемъ, ни ночью не разставался съ бутылкою. Но проходилъ извѣстный срокъ, и Астафьевъ, точно отбывъ непроизвольную повинностъ, принималъ свой обычный образъ и являлся тѣмъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности: честнымъ, благороднымъ, немножко гордымъ и изысканно-любезнымъ.

Впрочемъ, онъ и въ припадкахъ жестокаго недуга сохранялъ привычки человѣка хорошаго тона. Онъ, въ такихъ случаяхъ, обыкновенно лежалъ въ постели, посреди вполнѣ приличной обстановки. Комната его была, какъ всегда, щегольски прибрана На столикѣ, возлѣ кровати, въ обычной симметріи красовались бездѣлушки: ящички, табакерки, статуэтки. На другомъ столѣ лежали книги, бумаги, письменныя принадлежности. Нигдѣ ни пылинки. Самъ онъ не представлялъ ничего отталкивающаго: онъ никогда не напивался до полной потери сознанія и не утрачивалъ своей благовоспитанности. Пьяный Астафьевъ только какъ бы дополнялъ Астафьева трезваго: онъ становился живѣе, остроумнѣе, многорѣчивѣе, глубокомысленно разсуждалъ,

философствовалъ, все время прищелкивая въ тактъ пальцами.

Въ городѣ всѣ знали, но охотно прощали ему несчастную слабость. Да она въ сущности нисколько и не уменьшала его цѣны. Отъ нея не страдали ни его опытность, ни знаніе свѣта и людей, ни тонкій тактъ, ни здравое, безпристрастное сужденіе. Все это были сокровища, которыми, при его безграничной добротѣ, всѣ могли безпрепятственно пользоватья, не меньше чѣмъ и кошелькомъ его—и пользовались. Бѣдный, славный чудакъ!

Другой, очень близкій мнѣ человѣкъ—смотритель училища, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ферронскій, могъ быть поистинѣ названъ многострадальнымъ. Ему приходилось на триста рублей ассигнаціями содержать большую семью: жену и пятерыхъ дѣтей—двухъ дѣвочекъ-подростковъ и трехъ сыновей, въ томъ числѣ одного идіота. Жена его, умная, добрая, въ свое время красивая, уже болѣе десяти лѣтъ страдала неизлечимою болѣзнью, которая приковывала ее къ постели. Все семейство, за исключеніемъ одного невмѣняемаго члена, было милое и благовоспитанное. Старшій сынъ, Никандръ, состоялъ учителемъ въ низшемъ классѣ или отдѣленіи училища и получалъ всего полтораста рублей.

Не понимаю, какъ всѣ они существовали, особенно подъ конецъ каждаго мѣсяца, когда истощалось жалованье. Въ домѣ, бывало, хоть шаромъ покати: ни хлѣба, ни денегъ. А больная мать семейства нуждалась и въ тарелкѣ бульона, и въ чашкѣ чаю, и въ лекарствѣ. Жалко было тогда смотрѣть на старика Ферронскаго. Добрые люди, чѣмъ могли, помогали ему, но сами они были большею частью бѣдняки.

Въ отчаяніи, не зная буквально, чѣмъ утолить голодъ семьи, старикъ въ заключеніе прибѣгалъ къ займу изъ казеннаго сундука—всегда, конечно, съ твердымъ намѣреніемъ, при первой возможности, вернуть взятое. Но возможность никогда не представлялась и бѣдному старику много разъ грозила опасность попасть подъ уголовный судъ. Его всякій разъ выручалъ изъ бѣды почетный смотритель, Сафоновъ, который, передъ ревизіей, изъ своего кармана пополнялъ казенный недочетъ. Изрѣдка отцу или сыну набѣгали частные уроки, и тогда имъ относительно свободнѣе дышалось.

Училище, во главѣ котораго стоялъ Ферронскій, было въ плохомъ состояніи—какъ и всѣ казенныя учебныя заведенія до 1836 года, когда императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ имъ новые штаты и ввѣрилъ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія Уварову. Мы говорили выше о недочетахъ въ острогожскомъ уѣздномъ училищѣ и о причинахъ его упадка. Штатный смотритель тутъ былъ не при чемъ: онъ, напротивъ, являлся главнымъ страдательнымъ лицомъ. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ людей, какихъ я когда либо знавалъ—человѣкъ съ такимъ трезвымъ, просвѣщеннымъ умомъ, съ такими ясными воззрѣніями на жизнь и на общество, съ такимъ, наконецъ, благородствомъ сердца, что можно бы и въ наше прогрессивное время пожелать побольше такихъ, не только штатныхъ смотрителей, но и директоровъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Оба Ферронскіе были очень расположены ко мнѣ. Молодой, нѣсколькими годами старше меня, при дюжинномъ умѣ, отличался замѣчательною даровитостью. У него была счастливая наружность, звучный, пѣвучій голосъ и рѣдкая способность къ подражанію: изъ него могъ бы выйти отличный актеръ. Онъ и мечталъ о сценѣ, но, лишенный энергіи, не съумѣлъ выбиться изъ колеи, въ которую его первоначально втолкнула судьба. Онъ до конца жизни, безъ успѣха, пробавлялся учительствомъ.

И эти-то люди, при всей своей убогости, распространяли вокругъ себя столько тепла и любви, что ихъ хватало не только на собственную семью, но и на многихъ, еще болѣе обездоленныхъ, чѣмъ они сами. Такъ было и со мной. Они меня принимали у себя, ласкали, снабжали книгами. И это—въ то самое время, какъ я, такъ сказать, стоялъ у нихъ на пути и отбивалъ хлѣбъ моими учительскими подвигами. Между тѣмъ старшему Ферронскому ничего не стоило бы утопить меня, и ему даже представлялся удобный случай. Но объ этомъ послѣ.

Было у меня еще одно дружеское семейство — Должиковыхъ. Глава его, Василій Алексѣевичъ, вспоминается мнѣ теперь какъ самый выдающійся человѣкъ въ нашемъ краю. Все въ немъ поражало, не исключая и наружности. По виду никто не призналъ бы въ немъ русскаго купца, типическія черты котораго обыкновенно такъ рѣзко бросаются въ глаза. Вотъ онъ, какимъ я увидѣлъ его въ первый разъ на одной изъ острогожскихъ улицъ.

Онъ шествовалъ—именно шествовалъ, а не шелъ, этотъ величественный старецъ, съ цѣлымъ каскадомъ сѣдыхъ волосъ вокругъ красиваго, съ тонкимъ профилемъ, лица—прямой, крѣпкій, какъ мощный дубъ, выросшій на сочной малороссійской почвѣ. И теперь еще помню, какъ забилось у меня сердце: точно передо мной во очію явился одинъ изъ героевъ идеальнаго міра, въ которомъ я вращался до одуренія. Я съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ и восторженнымъ изумленіемъ слѣдилъ за нимъ глазами, пока онъ не скрылся за уголъ, и потомъ весь день не могъ придти въ себя.

Василій Алексѣевичъ Должиковъ учился въ харьковскомъ коллегіумѣ, откуда вынесъ, кромѣ знанія латинскаго языка, и еще кое-какія свѣдѣнія. Но откуда взялъ онъ этотъ благородный тонъ, этотъ замѣчательный тактъ, эти величественныя манеры и видъ мудреца, спокойно и сознательно совершающаго свой путь въ жизни. Толкуйте послѣ того о преимуществахъ, будто бы, прирожденныхъ той или другой кастѣ!

Меня онъ пригрѣлъ и приручилъ, какъ никто. Рѣдкій день не бывалъ я у него. Передъ нимъ легко и свободно раскрывалась моя душа. Онъ, этотъ всѣми уважаемый старикъ, такъ превышавшій меня годами, опытомъ и гражданскими заслугами, всегда терпѣливо и участливо выслушивалъ мой пылкій и часто задорный лепетъ.

Василій Алексѣевичъ былъ либералъ и прогрессистъ, хотя ни онъ, ни кто другой тогда этихъ словъ не употреблялъ. Онъ ненавидѣлъ рабство и жаждалъ кореннаго измѣненія въ нашемъ государственномъ строѣ, сочувствовалъ либеральному движенію въ Европѣ, скорбѣлъ о неудачныхъ попыткахъ итальянскихъ патріотовъ и радостно привѣтствовалъ первые порывы къ свободѣ въ Греціи. Я не отставалъ отъ него—по части энтузіазма, конечно, а не осмысленности взглядовъ и стремленій. Послѣ одной изъ бесѣдъ съ нимъ, воодушевленный послѣдними вѣстями изъ Греціи, я провелъ ночь въ сочиненіи проекта воззванія къ возставшимъ грекамъ отъ имени ихъ героя-вождя Ипсилантія. На слѣдующее утро я прочелъ воззваніе Василію Алексѣевичу. Онъ съ простодушіемъ юноши увлекся моей мечтой и, въ свою очередь, предлагалъ разныя дополненія и измѣненія къ моему проекту.

А какъ хороши были наши бесѣды въ загородномъ саду Должиковыхъ! Василій Алексѣевичъ самъ его распланировалъ, насадилъ и съ любовью слѣдилъ за каждымъ деревомъ и кустомъ. Садъ находился недалеко отъ Острогожска. Въ лѣтніе и весенніе вечера мы часто отправлялись туда съ нимъ, вдвоемъ, располагались на травѣ подъ молодымъ дубкомъ или яблонью—и куда, куда только не заносились въ мечтахъ! Я, по обыкновенію, углублялся въ лабиринтъ запутанныхъ отвлеченностей, а онъ съ тактомъ выводилъ меня на путь трезвой дѣйствительности и исторической правды. Въ заключеніе добрый Василій Алексѣевичъ вспоминалъ, что шестнадцатилѣтній юноша съ ненасытнымъ жедудкомъ никогда не отказывается оть приправы духовной пищи земными плодами, и снабжалъ меня на возвратный путь разнообразными произведеніями своего сада, смотря по времени года.

Должиковъ былъ одно время городскимъ головой въ Острогожскѣ и успѣлъ сдѣлать много полезнаго. Онъ особенно заботился объ улучшеніи быта бѣднѣйшихъ жителей. Кому была нужда въ помощи или защитѣ, никогда не прибѣгалъ къ нему напрасно. За то и любили же его бѣдные и угнетенные! Но среди собственнаго купеческаго сословія у него было много враговъ. Не ласково смотрѣли на него и губернскія власти: онъ съ ними былъ въ открытой оппозиціи, ратуя за интересы города. Въ заключеніе эти двѣ темныя силы—купеческій и чиновничій людъ—соединились, чтобы сломить его. Съ помощью клеветы и разныхъ каверзъ имъ удалось притянуть Должикова къ суду. Онъ долженъ былъ сложить съ себя званіе головы, но не смирился, и, когда отчаялся въ правосудіи воронежскихъ и рязанскихъ судей, производившихъ его дѣло, перенесъ послѣднее въ Москву.

Семья Должиковыхъ представляла картину рѣдкаго домашняго счастья. Жена Василія Алексѣевича, Прасковья Михайловна, была точно нарочно для него создана. Въ ней любящее сердце шло объ руку съ тонкимъ, удивительно здравымъ умомъ. Сдержанная, немного холодная, даже величавая въ обращеніи, она съ перваго взгляда производила то впечатлѣніе, что къ ней не легко подступиться. И, дѣйствительно, она не давала даромъ своего расположенія, была разборчива въ выборѣ не только друзей,

но и знакомыхъ. Если же вы разъ получали доступъ въ ея домъ, то всегда уже находили тамъ самый радушный и искренній пріемъ. Разговоръ съ ней былъ не только пріятенъ, но и поучителенъ. Усѣянный блесками юмора и оригинальныхъ мыслей, онъ доставлялъ истинное наслажденіе.

Въ домѣ и въ семьѣ Прасковья Михайловна распоряжалась властно, но никогда не злоупотребляла своею первенствующею ролью. Въ ея хозяйствѣ все дѣлалось тихо, спокойно, точно само собой, безъ торопливости и суеты, безъ вѣчныхъ выговоровъ и наставленій съ одной стороны, и тайнаго или явнаго ропота съ другой. У ней не было крѣпостныхъ слугъ, хотя она, по примѣру другихъ богатыхъ купцевъ, могла бы имѣть ихъ, записывая на чужое имя. Но ей служили лучше, усерднѣе, честнѣе, чѣмъ любой изъ завзятыхъ помѣщицъ, окруженныхъ толпою холоповъ.

Дочерей она воспитала въ уваженіи семейныхъ преданій и обязанностей, Онѣ не умѣли болтать по французски, но, при содѣйствіи и руководствѣ умной матери, достигли достаточнаго развитія, особенно старшая, которая много и со смысломъ читала. Младшая любила музыку, и ей дали средства развить свой вкусъ. Третья дочь, въ мое время, была еще ребенкомъ.

Изъ пяти сыновей Должиковыхъ два были уже взрослые. Старшій, Александръ, завѣдывалъ дѣлами внутренняго хозяйства и управлялъ пивоварнею, которая снабжала пивомъ всю губернію. Младшій, Михаилъ, занимался внѣшними дѣлами. Онъ велъ торговлю, ходилъ по присутственнымъ мѣстамъ и былъ въ частыхъ разъѣздахъ, въ Воронежѣ, Рязани, Москвѣ. Онъ тоже страстно любилъ музыку, изучалъ ее, и даже въ Москвѣ пользовался репутаціей хорошаго скрипача. Я больше сходился съ Михаиломъ: онъ былъ живѣе и сообщительнѣе. Братъ его весь ушелъ въ хозяйственныя заботы.

Послѣ долгихъ судебныхъ мытарствъ, старикъ Должиковъ восторжествовалъ надъ совокупными кознями враговъ и пристрастныхъ судей. Онъ былъ оправданъ отъ всѣхъ обвиненій по превышенію власти и самоуправству и, къ великому удовольствію острогожскихъ гражданъ, съ почетомъ возстановленъ въ званіи головы. Но день побѣды оказался роковымъ для него. Взволнованный, онъ произносилъ рѣчь, въ которой излагалъ про-

грамму своей будущей дѣятельности. Онъ съ увлеченіемъ говорилъ о нуждахъ города, перечислялъ его средства, настаивалъ на необходимости отвести приличное помѣщеніе подъ училище, немедленно приступить къ сооруженію мостовой, и такъ далѣе. Онъ разгорячился и не замѣтилъ, что все время стоялъ на сквозномъ вѣтру. Возвратясь домой, онъ почувствовалъ себя нездоровымъ, слегъ и на седьмой день умеръ отъ нервной горячки. Ему было всего 60 лѣтъ.

Общество такихъ людей, ихъ ласка, гостепріимство еще больше подстрекали во мнѣ стремленіе къ самообразованію. Но удовлетворять его я могъ только однимъ чтеніемъ, которому теперь предавался уже съ бо̀льшимъ смысломъ и даже подчинилъ его извѣстной системѣ. Я не только читалъ, но и дѣлалъ выписки изъ читаннаго, писалъ о немъ свои разсужденія.

Книгами меня наперерывъ снабжали друзья и покровители. Ихъ было много у Сцепинскаго, Подзорскаго, Должикова и Панова—почти исключительно серьезнаго содержанія. Романы къ этому времени утратили для меня свою прелесть: я успѣлъ пресытиться ими, и умъ мой искалъ болѣе существенной пищи. Я и нашелъ ее, напримѣръ, въ „Созерцаніяхъ природы“ Боннета, въ „Метафизикѣ и Логикѣ“ Христіана Баумейстера, въ толстотомныхъ юридическихъ изслѣдованіяхъ Юсти, въ „Духѣ Законовъ“ Монтескье и т. д. Сильно занимала меня, между прочимъ, „Исторія моего времени“ Фридриха Великаго, который и сталъ на время моимъ любимымъ героемъ.

Свѣдѣнія по части всеобщей исторіи я почерпалъ изъ Роллена, въ переводѣ Тредьяковскаго, и изъ Миллера. Русскую исторію я плохо зналъ. У меня не было для изученія ея другихъ источниковъ, кромѣ учебника, принятаго тогда въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Но не всѣ книги, которыя до меня доходили, были одинаково доступны моему все-таки плохо дисциплинированному уму. Такъ было, между прочимъ, съ „Исторіею философскихъ системъ“ Галича, вышедшей въ 1818 году. Я получилъ ее отъ Ферронскаго, и съ жадностью набросился на нее, полагая, что она сразу раскроетъ мнѣ всю глубину человѣческой мудрости, Но увы! Книга эта, по сжатости и способу изложенія, мало доступна и людямъ, гораздо лучше подготовленнымъ, чѣмъ былъ я, къ

усвоенію себѣ философскихъ умозрѣній. Не мудрено, если я становился втупикъ передъ многими изъ ея параграфовъ и, какъ оглашенный, напрасно стучался въ двери закрытаго для меня храма.

Вотъ въ такихъ-то случаяхъ особенно возставала передо мной, во всей своей чудовищной наготѣ, несправедливость моего общественнаго положенія. Оно закрыло мнѣ доступъ въ гимназію и продолжало закрывать дальнѣйшіе пути къ знанію, къ свѣту. А непокорный умъ не переставалъ тѣмъ временемъ вызывать передо мной соблазнительный миражъ университета.

Какъ могло это быть, особенно послѣ пережитаго опыта съ гимназіей — я самъ не знаю. Но въ сердцѣ моемъ постоянно таилась искра надежды, что въ концѣ концовъ онъ отъ меня не уйдетъ, этотъ желанный, повидимому недоступный, университетъ. Впрочемъ, искра эта рѣдко разгоралась до степени яснаго сознанія. Она гдѣ-то глубоко тлѣла, и меня всего чаще посѣщали минуты мрачнаго отчаянія. Я поникалъ головой, тоска сжимала сердце...

Нѣтъ, никто и ничто не можетъ передать тѣхъ нравственныхъ мукъ, путемъ которыхъ шестнадцатилѣтній юноша, полный силъ и, надо сказать, мужества, дошелъ до мысли о самоубійствѣ и въ ней одной нашелъ успокоеніе. Она свѣтлымъ лучемъ запала мнѣ въ душу и сразу подняла мой духъ. „Нѣтъ“, сказалъ я себѣ, „такъ негодится: этому не бывать! Пусть я не самъ себѣ господинъ, пусть я ничто въ глазахъ людей и ихъ законовъ! У меня все же есть одно право, котораго никто не въ силахъ лишить меня: это право смерти. Въ крайнемъ случаѣ я не премину воспользоваться имъ. А до тѣхъ поръ—смѣло впередъ!“

Я добылъ пистолетъ, пороху, двѣ пули: изъ всѣхъ родовъ смерти я почему-то предпочелъ смерть отъ пули. Съ этой минуты я успокоился. Въ меня вселилась новая отвага: я былъ подъ защитой смерти, и ничто больше не страшило меня.

Но, такъ сказать, поставивъ себя внѣ униженій, какимъ могли подвергнуть меня люди, я сдѣлался гордъ и самонадѣянъ. Не безъ улыбки, но и не безъ горькаго сознанія потерянныхъ иллюзій, вспоминаю я теперь мое тогдашнее настроеніе духа. Оно вполнѣ выразилось въ двухъ изреченіяхъ, которыми я поспѣ-

шилъ украсить мой портретъ, около этого времени написанный по желанію моей матери. Писалъ съ меня доморощенный художникъ, по прозванію Зикранъ. Долго возился онъ, особенно съ глазами, которые никакъ не давались ему. Неоднократно посылалъ онъ меня съ ними къ чорту, наконецъ, объявилъ, что портретъ готовъ. Тогда его находили похожимъ, но онъ, къ сожалѣнію, пропалъ — всего вѣроятнѣе сгорѣлъ во время пожара, нѣсколько лѣтъ спустя истребившаго добрую половину Острогожска.

Зикранъ изобразилъ меня съ раскрытой тетрадью моего дневника. На одной изъ страницъ тетради красовался девизъ: „Жить съ честью, или умереть",—на другой: „Мудростъ есть терпѣніе". Бѣдный, самоувѣренный юноша! Онъ выросъ, созрѣлъ, и жизнь, конечно, посбила съ него спѣси, но преждевременная самостоятельность оставила въ немъ слѣды сильнаго упорства, которое, если и помогло ему добиться желаемаго, зато часто было и камнемъ преткновенія на его пути.

Подъ вліяніемъ этихъ высокомѣрныхъ мечтаній у меня даже сложилась въ головѣ апологія самоубійства, которую я и изложилъ въ формѣ сочиненія, озаглавленнаго: „Голосъ самоубійцы въ день страшнаго суда". Я былъ страстно привязанъ къ матери и ей посвящалъ результатъ моихъ глубокихъ размышленій. Вотъ она, измученная, простираетъ ко мнѣ руки и молитъ, чтобы я пощадилъ себя, ради нея. Но я излагаю ей причины моей рѣшимости, и она сама благословляетъ меня на страшный подвигъ. „Ты правъ, бѣдное дитя!" рыдая восклицаетъ она: „Иди съ миромъ! Люди тебя на мгновеніе пригрѣли за тѣмъ только, чтобы потомъ сильнѣе сокрушить. Иди же къ Господу! Онъ милосерднѣе людей: Онъ проститъ тебя за то, что ты у Него одного искалъ свѣта и правды. Иди! Я сама сошью тебѣ саванъ, омою его слезами и сама, украдкой отъ всѣхъ, приготовлю тебѣ могилу: да никто не надругается и надъ прахомъ твоимъ!"...

Не совладавъ съ Галичемъ и, такимъ образомъ, потерпѣвъ крушеніе на почвѣ чистаго разума, я бросился въ другую крайность, а именно сталъ искать свѣта въ мистицизмѣ. Послѣдній около этого времени—между 1818-мъ и 1820-мъ годами—проникъ и въ наше захолустье, гдѣ даже нашелъ собѣ много приверженцевъ. Увлекались имъ и нѣкоторые изъ моихъ пріятелей.

Они старались и меня „просвѣтить“, для чего снабжали соотвѣтственными книгами.

Казалось бы, что съ моимъ пылкимъ воображеніемъ, моей впечатлительностью и склонностью къ чудесному книги эти должны были бы произвести сильное на меня впечатлѣніе. На дѣлѣ вышло иначе: вереница фантастическихъ призраковъ, вызванныхъ ими, такъ сказать, проскользнула мимо моего ума, нисколько не задѣвъ его своимъ фосфорическимъ блескомъ. Въ самую шаткую пору дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ я, правда, любилъ все мрачное, таинственное, но оно щекотало у меня только одно воображеніе. Умъ все время оставался холоднымъ и даже какъ бы критически относился къ тому, что всецѣло поглощало фантазію. Такъ было и теперь.

Я съ жаромъ принялся за чтеніе мистическихъ книгъ. Отъ доски до доски прочелъ я „Ключъ къ таинствамъ природы“ Эккартгаузена и—ничего не отперъ имъ. Да врядъ ли и кто-нибудь другой могъ отпереть, такъ какъ тайны природы слишкомъ крѣпко заперты, а ключъ, предлагавшійся для ихъ открытія, на самомъ дѣлѣ былъ простымъ заржавленнымъ гвоздемъ, неспособнымъ ничего открыть. Далѣе прочелъ я всего „Угроза Свѣтововостокова“ Юнга Штиллинга и его же „Приключенія души по смерти“. Надъ наивно-благочестивымъ кривляньемъ „Угроза“ я даже дерзалъ подсмѣиваться, а надъ „Приключеніями души“ просто соскучился.

„Жизнь“ Юнга Штиллинга больше заинтересовала меня: онъ былъ, какъ и я, бѣднякъ, однако, успѣлъ сдѣлаться ученымъ и извѣстнымъ. Тѣмъ не менѣе, я съ недовѣріемъ къ нему относился: онъ мнѣ казался шарлатаномъ, который морочилъ людей, увѣряя, будто видѣлъ то, чего не видѣлъ никто, и знаетъ то, чего никто не знаетъ. Закончилъ я свои мистическія изслѣдованія „Сіонскимъ Вѣстникомъ“, но не могъ одолѣть больше трехъ номеровъ его.

Какими ясными, убѣдительными представлялись мнѣ, послѣ всѣхъ этихъ блужданій въ потемкахъ, простыя, реальныя истины Евангельскаго ученія! Я не хочу сказать, чтобы въ то время уже сознавалъ всю глубину скрытой въ нихъ мудрости. Нѣтъ, я не вдавался ни въ какія разсужденія по этому поводу. Вѣра моя была чисто дѣтская. Сначала я вѣрилъ просто потому, что на-

учился этому на колѣняхъ у матери, а позднѣе, въ описываемое время, жизнь и проповѣдь Христа получили для меня особый, личный смыслъ, который и былъ моимъ якоремъ спасенія среди обуревавшаго меня подчасъ ожесточенія противъ людей и моей злой судьбы. Когда я взиралъ на ликъ Спасителя въ одномъ изъ придѣловъ нашей соборной церкви, мнѣ постоянно слышался его кроткій призывъ: „Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы“. Что же: пусть люди злы и несправедливы, у меня есть Заступникъ, есть вѣрный пріютъ, гдѣ я могу укрыться отъ всякой злобы и гоненій. Онъ, Всеблагій и Премудрый, не оттолкнетъ меня и тогда, если, изнемогая подъ непосильнымъ бременемъ, я самовольно предстану передъ Него!

Зато внѣшніе религіозные обряды я исполнялъ вяло и не всегда охотно. Причина тому была, вѣроятно, въ примѣрѣ окружавшихъ меня. Всѣ эти Астафьевы, Должиковы, Пановы, зараженные свободомысліемъ Вольтера и энциклопедистовъ, пренебрегали церковными обрядами. И, хотя ни одинъ изъ нихъ ни разу не коснулся въ моемъ присутствіи вопроса о своихъ или моихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, тѣмъ не менѣе они не могли скрыть своего равнодушія къ формальной сторонѣ ихъ. Непосредственное чувство, однако, часто влекло меня въ церковь, особенно, когда пѣли пѣвчіе или богослуженіе совершалъ величественный Симеонъ Сцеппнскій. Помню также чувство тихой торжественности, нисходившее на меня въ страстной четвергъ, при чтеніи двѣнадцати евангелій въ Ильинской церкви однимъ простымъ, неученымъ священникомъ. Онъ читалъ безъ всякихъ возгласовъ, но съ такимъ умиленіемъ и сочувствіемъ къ тому, что̀ читалъ, что невольно и присутствующимъ сообщалъ чувство, которое воодушевляло его самого.

XV.

Мои военные друзья.—Генералъ Юзефовичъ.—Смерть отца.

Въ нашемъ семейномъ быту произошли перемѣны. Косвеннымъ поводомъ къ тому была смерть Григорія Ѳедоровича Татарчукова. Молодая жена его, еще за годъ до смерти мужа, переселилась въ Москву, къ матери, вмѣстѣ со своею малолѣтнею дочкою. Послѣ Татарчукова осталось довольно значительное

имѣніе. Наслѣдниками его, кромѣ вдовы съ дочерью, были еще два сына отъ перваго брака. Изъ двухъ дочерей, о которыхъ я упоминалъ выше, одна умерла въ дѣвушкахъ, еще при жизни отца, другая, вышедшая за Бѣлякова, была выдѣлена раньше.

Сыновья покойнаго ненавидѣли мачиху и были, не въ отца, корыстолюбивы. Имъ, во что-бы то ни стало, хотѣлось устранить Юлію отъ наслѣдства и они безсовѣстно воспользовались для того ея неопытностью. Молодой вдовѣ съ дочерью грозило полное раззореніе, когда она, наконецъ, рѣшилась прибѣгнуть къ защитѣ человѣка свѣдущаго и честнаго, который помогъ-бы ей выпутаться изъ разставленныхъ ей сѣтей. Но гдѣ найти такого человѣка? Онъ, пожалуй, и былъ у нея подъ рукой, въ лицѣ моего отца. Но она знала его страсть къ себѣ и долго колебалась обратиться къ нему. Въ заключеніе, однако, пришлось отложить въ сторону щепетильность. Юлія написала моему отцу письмо, въ которомъ умоляла взять отъ нея довѣренность и поспѣшить въ Богучары, спасать ея и дочернино достояніе. Рыцарскій духъ отца мгновенно пробудился и онъ съ восторгомъ ухватился за случай оказать любимой женщинѣ услугу. Немедленно отправился онъ на поле битвы и такъ умѣло, такъ ловко повелъ дѣло, что Юлія не замедлила получить сполна все, принадлежавшее ей по праву.

Но этимъ не кончились заботы о ней моего отца. Изъ слободы, подлежавшей раздѣлу, слѣдовало еще выселить доставшихся вдовѣ крестьянъ и устроить ихъ на новомъ мѣстѣ, т. е. основать новое поселеніе. Это на неопредѣленное время затягивало разлуку отца съ семьей, безъ которой ему всегда хуже жилось. Поклоненіе очаровательной вдовѣ доставляло обильную пищу его фантазіи, но не давало ничего сердцу, которое и въ печаляхъ, и въ уклоненіяхъ своихъ всегда инстинктивно обращалось за поддержкой и утѣшеніемъ туда, гдѣ былъ неизсякаемый источникъ ихъ—въ сочувственномъ сердцѣ великодушной жены. Такъ было и теперь. Отецъ не вынесъ одиночества, хотя и посвященнаго заботамъ о благѣ возлюбленной, и поспѣшилъ вызвать семью въ Богучарскій уѣздъ, гдѣ самъ пребывалъ. Мать тотчасъ собралась въ путь и вмѣстѣ съ младшими дѣтьми водворилась въ возникавшемъ селѣ, которое, въ угоду помѣщицѣ нѣмецкаго происхожденія, было окрещено Руэталемъ, что, впрочемъ, оправ-

дывалось красивымъ затишьемъ, гдѣ находилось мѣстечко. Меня же отецъ не хотѣлъ отрывать отъ моихъ учительскихъ занятій, и я остался въ Острогожскѣ одинъ.

Тѣмъ временемъ въ нашемъ городѣ произошло событіе, которое внесло въ него новый общественный элементъ, и для меня было источникомъ новыхъ, свѣжихъ впечатлѣній. Звѣзда Наполеона закатилась. Кровавая драма, смутившая покой Европы, приходила къ развязкѣ на островѣ Св. Елены. Наши войска возвращались, послѣ длиннаго ряда подвиговъ, вкусить заслуженнаго отдыха. Ихъ размѣщали по разнымъ губерніямъ и городамъ имперіи. Очередь дошла и до Острогожска. Въ одинъ прекрасный день, весной 1818 г., его сонныя улицы оживились, запестрѣли знаменами и мундирами, огласились конскимъ топотомъ и звуками военной музыки. На встрѣчу героямъ высыпали толпы не только городскихъ обывателей, но и окрестныхъ хуторянъ, крестьянъ, съѣхавшихся и сбѣжавшихся съ разныхъ сторонъ полюбоваться невиданнымъ зрѣлищемъ и привѣтствовать необычныхъ гостей. Имъ охотно отводили помѣщеніе, и лучшая часть общества широко раскрывала двери своихъ домовъ на побывку офицерамъ.

Квартировать въ Острогожскѣ и его окрестностяхъ была назначена первая драгунская дивизія, состоявшая изъ четырехъ полковъ: Московскаго со штабомъ, Рижскаго, Новороссійскаго и Кинбурнскаго, прибывшаго нѣсколько позже. Съ водвореніемъ ихъ у насъ, нашъ скромный уголокъ преобразился. Въ немъ закипѣла новая жизнь и пробудились новые интересы. Офицеры этихъ полковъ, особенно Московскаго, гдѣ въ штабѣ былъ сосредоточенъ цвѣтъ полковаго общества, представляли изъ себя группу людей, въ своемъ родѣ замѣчательныхъ. Участники въ міровыхъ событіяхъ, дѣятели не въ сферѣ безплодныхъ умствованій, а въ предѣлахъ строгаго, реальнаго долга, они пріобрѣли особенную стойкость характера и опредѣленность во взглядахъ и стремленіяхъ, чѣмъ составляли рѣзкій контрастъ съ передовыми людьми нашего захолустья, которые, за недостаткомъ живаго, отрезвляющаго дѣла, витали въ мірѣ мечтаній и тратили силы въ мелочномъ, безплодномъ протестѣ. Съ другой стороны, сближеніе съ западно-европейской цивилизаціей, личное знакомство съ болѣе счастливымъ общественнымъ строемъ, выработан-

нымъ мыслителями конца прошлаго вѣка, наконецъ, борьба за великіе принципы свободы и отечества, все это наложило на нихъ печать глубокой гуманности—и въ этомъ они уже вполнѣ сходились съ представителями нашей мѣстной интеллигенціи. Немудрено, если между ними и ею завязалось непрерывное общеніе. И я не былъ отринутъ ими, напротивъ, принятъ съ распростертыми объятіями и братскимъ участіемъ. Они видѣли во мнѣ жертву порядка вещей, который ненавидѣли, и, подъ вліяніемъ этой ненависти, какъ бы смотрѣли на меня сквозь увеличительные очки—преувеличивали мои дарованія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и трагизмъ моей судьбы. Отсюда отношеніе ихъ къ бѣдному, обездоленному мальчику носило характеръ не одного участія, но и своего рода уваженія. Люди вдвое, втрое старше меня и неизмѣримо превосходившіе меня знаніемъ и опытомъ, водились со мной, какъ съ равнымъ. Я былъ постояннымъ участникомъ ихъ бесѣдъ, вечернихъ собраній и увеселеній. Они брали меня съ собой на парады; я ѣздилъ съ ними на охоту, а съ однимъ изъ ближайшихъ пріятелей я даже ходилъ, когда онъ бывалъ дежурнымъ, ночью осматривать посты.

Все это меня занимало и мнѣ льстило, но не убаюкивало во мнѣ тревогъ за будущее. Я жилъ двойною жизнью—беззаботной юности и отчаянія: легкомысленно предавался минутнымъ утѣхамъ, но съ преждевременною зрѣлостью горькаго опыта не упускалъ изъ виду того, что могло ожидать меня дальше, за предѣлами настоящей, относительно свѣтлой, полосы въ жизни. Раздраженное самолюбіе подстрекало съ новымъ жаромъ мечтать о дальнѣйшихъ и болѣе прочныхъ успѣхахъ и тѣмъ нетерпѣливѣе относиться къ тяготѣвшему надо мной игу. Мои воздушные зàмки непомѣрно росли, но соотвѣтственно зрѣла и крѣпла во мнѣ мысль о самоубійствѣ: рухнутъ мои зàмки—и я погибну подъ ихъ развалинами...

Какъ-бы то ни было, а сближеніе мое съ этими людьми дало новый толчокъ моему развитію и значительно расширило мой умственный горизонтъ. Они, между прочимъ, впервые познакомили меня съ новѣйшими произведеніями отечественной литературы. Всѣ мои свѣдѣнія по этой части до сихъ поръ вертѣлись исключительно около Ломоносова, Державина и Хераскова съ его „Россіадой“ и „Владиміромъ“. Съ Ломоносовымъ я по-

знакомился еще въ раннемъ дѣтствѣ, слушая бродячихъ слѣпыхъ пѣвцовъ, которые, странствуя по хуторамъ и слободамъ за подаяніемъ, распѣвали: „Хвалу Всевышнему Владыкѣ потщися духъ мой воспѣвать“ и другія духовныя стихотворенія этого автора. Но о текущей изящной литературѣ я не имѣлъ никакого понятія. И вдругъ какая масса новыхъ впечатлѣній! Какъ отуманенный, ходилъ я послѣ офицерскихъ вечеринокъ, гдѣ всегда не послѣднюю, а часто и главную роль играло чтеніе. Иные изъ офицеровъ отлично декламировали, иногда цѣлыя драмы. Тутъ я въ первый разъ услышалъ „Эдипа въ Аѳинахъ“ Озерова и познакомился съ произведеніями Батюшкова и Жуковскаго, которыя тогда только что появлялись въ свѣтъ. Мы буквально упивались ихъ музыкой и заучивали наизусть цѣлыя піесы, напримѣръ: „Мои Пенаты“, „Умирающій Тассъ“, „На развалинахъ замка въ Швеціи“, или отрывки изъ „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“, и т. д. У многихъ были заведены тетрадки, въ которыя они вписывали изреченія или отрывки изъ прочитаннаго, и почему либо особенно заинтересовавшаго ихъ.

Около этого времени передо мной промелькнула личность, которая, немного спустя, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, имѣла рѣшающее вліяніе на мою судьбу, но сама пала одною изъ главныхъ жертвъ въ мрачной трагедіи, разыгравшейся при вступленіи на престолъ императора Николая I. Въ Острогожскѣ ежегодно бывала ярмарка, на которую, вмѣстѣ съ другимъ товаромъ, изъ Воронежа привозили и книги. Я, съ однимъ изъ пріятелей, не преминулъ заглянуть въ лавочку, торговавшую соблазнительнымъ для меня товаромъ. Тамъ, у прилавка, насъ уже опередилъ молодой офицеръ. Я взглянулъ на него и плѣнился тихимъ сіяніемъ его темныхъ и въ то же время ясныхъ глазъ и кроткимъ, задумчивымъ выраженіемъ всего лица. Онъ потребовалъ „Духъ Законовъ“ Монтескье, заплатилъ деньги и велѣлъ принести себѣ книги на домъ.—„Я съ моимъ эскадрономъ не въ городѣ квартирую“, замѣтилъ онъ купцу,—„мы стоимъ довольно далеко. Я пріѣхалъ сюда на короткое время, всего на нѣсколько часовъ: прошу васъ, не замедлите присылкою книгъ. Я остановился (слѣдовалъ адресъ). Пусть вашъ посланный спроситъ поручика Рылѣева“. Тогда имя это ничего не сказало мнѣ, но изящный образъ молодаго офицера живо запечатлѣлся въ моей памяти. Я

больше не встрѣчалъ его въ нашемъ краю. Да онъ и уѣхалъ скоро оттуда, женился и вышелъ въ отставку. Я свидѣлся съ нимъ опять уже въ Петербургѣ и при совсѣмъ другой обстановкѣ.

Нашъ офицерскій кружокъ вскорѣ увеличился группою другихъ, только что произведенныхъ въ офицеры, молодыхъ людей. Нельзя сказать, чтобы они внесли въ него что-нибудь новое и свѣжее. Прямо со скамьи кадетскихъ корпусовъ, гдѣ въ то время не высоко стояла наука, они были уже не чета своимъ старшимъ и болѣе бывалымъ товарищамъ. Они, впрочемъ, добросовѣстно несли свои служебныя обязанности, но свободное время проводили въ болѣе или менѣе сильныхъ кутежахъ. Добрые малые, они и со мной свели дружбу, приглашали на свои пирушки. Вотъ когда отсутствіе моего отца, или вообще какого бы то ни было руководителя, могло бы гибельно отразиться на моихъ привычкахъ. Къ счастью, я, между прочимъ, питалъ просто физическое отвращеніе ко всякаго рода излишествамъ. Присутствуя на пирушкахъ, и я тоже, конечно, прикасался губами къ пуншевой чашѣ и выпивалъ бокалъ, другой, пѣнистаго донскаго. Но дѣлалъ это какъ мальчишка-лакомка, еще не вышедшій изъ возраста, когда любятъ сласти. Опьяненіе же претило мнѣ еще и въ силу моихъ идеальныхъ воззрѣній на достоинство человѣка и того самолюбія, которое было бичемъ моей юности, но въ то же время и уздой, воздерживавшей меня отъ паденія.

Но этими двумя типами—героевъ двѣнадцатаго года и добрыхъ ребятъ—еще не исчерпывались типы военныхъ, квартировавшихъ въ Острогожскѣ. Между ними существовалъ еще третій типъ, служакъ стараго закала, заматерѣлыхъ въ рутинѣ, отважныхъ не только въ бою, но и въ мирное время, въ рукопашной расправѣ съ подчиненными. Обращеніе ихъ съ солдатами было, мало сказать жестокое, варварское. Къ счастью, у насъ было немного такихъ отцевъ-командировъ. Въ моей памяти ихъ сохранилось два: командиръ лейбъ-эскадрона Московскаго драгунскаго полка, Трофимъ Исѣевичъ Макаровъ, и командиръ запаснаго эскадрона того же полка, капитанъ Потемкинъ.

Особенно хорошо помню я Макарова. Огромнаго роста, съ лицомъ, изборожденнымъ морщинами, съ хмурымъ взглядомъ изъ-подъ густо-нависшихъ бровей, онъ одною наружностью своею приводилъ въ трепетъ подчиненныхъ. Отличительной чертой его,

говорятъ, была храбрость, но храбрость своеобразная, спокойная, безъ порывовъ и увлеченій, всегда и вездѣ ровная, если можно такъ сказать, систематическая. По свидѣтельству товарищей, онъ обыкновенно первый шелъ въ атаку, но при этомъ ни на минуту не терялъ хладнокровія, отчего удары его всегда были мѣтки. Въ чинѣ всего штабсъ-капитана, онъ имѣлъ Анну на шеѣ и Владиміра съ бантомъ. Такъ же хладнокровно, чтобъ не сказать равнодушно, безъ тѣни негодованія или вспышки гнѣва, расправлялся онъ съ солдатами, за самые ничтожные проступки карая ихъ палками, розгами, фухтелями, а то и просто зуботычинами. Дисциплина отъ этого нисколько не выигрывала: она и безъ того безукоризненно соблюдалась въ нашихъ войскахъ. Значитъ, дѣло тутъ было не столько въ результатѣ, сколько въ принципѣ, отъ котораго, куда какъ солоно, приходилось инымъ. Непостижимо, откуда деньщикъ Макарова и эскадронный вахмистръ Васильевъ набирались физическихъ силъ— не говорю о нравственныхъ, буквально забитыхъ—чтобы переносить истязанія, которымъ они, въ качествѣ самыхъ приближенныхъ къ капитану лицъ, чуть не ежедневно подвергались. И при всемъ томъ, странно сказать, а Трофимъ Исѣевичъ вовсе не былъ злымъ человѣкомъ. Онъ даже, при случаѣ, проявлялъ и сердечную теплоту, и гуманность. Возьмемъ для примѣра хоть его отношенія ко мнѣ, проникнутыя такимъ добродушіемъ, даже баловствомъ, какое трудно было бы предположить въ этомъ и съ виду звѣроподобномъ мужѣ. При встрѣчѣ со мной, онъ, слегка осклабившись, ласково трепалъ меня по плечу, зазывалъ къ себѣ; бралъ меня на охоту; ссужалъ лошадью для верховой ѣзды. Но въ обращеніи съ солдатами, онъ былъ закоренѣлый рутинеръ, держался старинныхъ преданій и простодушно вѣрилъ, что безъ палки съ ними нельзя. Этому, конечно, не мало содѣйствовало полное отсутствіе въ немъ даже элементарнаго образованія. Не знаю, изъ какого онъ былъ званія и учился ли гдѣ-нибудь, только онъ едва умѣлъ съ грѣхомъ пополамъ подписывать свое имя.

Вотъ капитанъ Потемкинъ, тотъ уже былъ положительно золъ и ни для кого не дѣлалъ исключеній. Жестокость, которая у Макарова была, скорѣй, слѣдствіемъ невѣжества и дурно понятыхъ обязанностей, у Потемкина была самородная, глубоко

заложенная въ его собственной натурѣ. Онъ предавался ей съ своего рода сладострастіемъ и точно наслаждался, когда, по его приговору, до полусмерти забивали и засѣкали несчастныхъ солдатъ. А между тѣмъ онъ принадлежалъ къ такъ называемому хорошему обществу и по уму, и по образованію стоялъ неизмѣримо выше Макарова. Остальные офицеры полка съ негодованіемъ смотрѣли на образъ дѣйствій обоихъ капитановъ и явно держались отъ нихъ въ сторонѣ. Но ни презрѣніе товарищей, ни увѣщанія начальника, добраго, рыцарски-благороднаго полковника Гейсмарна, на нихъ не дѣйствовали. Прибѣгать же для обузданія ихъ звѣрства къ болѣе крутымъ мѣрамъ нельзя было, такъ какъ они все-таки дѣйствовали въ предѣлахъ закона.

Положеніе мое, въ кругу штабныхъ офицеровъ, скоро еще больше упрочилось. На меня обратилъ вниманіе самъ главный начальникъ первой драгунской дивизіи, квартировавшей въ Острогожскѣ, генералъ-маіоръ Дмитрій Михайловичъ Юзефовичъ. Чтобы вполнѣ понять, насколько это новое обстоятельство еще возвысило меня въ глазахъ моихъ согражданъ, надо вспомнить, какимъ престижемъ, въ тѣ времена, пользовалось званіе военнаго генерала.

Генералъ временъ николаевскихъ и послѣднихъ лѣтъ царствованія императора Александра I—это былъ своего рода особый типъ. Онъ пользовался безпримѣрнымъ значеніемъ во всѣхъ сферахъ нашей общественной и административной жизни. Не было въ государствѣ высокаго поста или должности, при назначеніи на которую не отдавалось бы преимущество лицу съ густыми серебряными или золотыми эполетами. Эти эполеты признавались лучшимъ залогомъ ума, знанія и способностей, даже на поприщахъ, гдѣ, повидимому, требуется спеціальная подготовка. Увѣренные въ магической силѣ своихъ эполетъ, и носители ихъ высоко поднимали голову. Они проникались убѣжденіемъ своей непогрѣшимости и смѣло разрубали самые сложные узлы. Сначала сами воспитанные въ духѣ строгой военной дисциплины, потомъ блюстители ея въ рядахъ войскъ, они и въ управленіи мирнымъ гражданскимъ обществомъ вносили тѣ-же начала безусловнаго повиновенія. Въ этомъ, впрочемъ, они только содѣйствовали видамъ правительства, которое, казалось, поставило себѣ задачею дисциплинировать государство, т. е. приве-

сти его въ такое состоянie, чтобы ни одинъ человѣкъ въ немъ не думалъ и не дѣйствовалъ иначе, какъ по одной волѣ. Въ силу этой, такъ сказать, казарменной системы, каждый генералъ, какой бы отраслью администрацiи онъ ни былъ призванъ управлять, прежде всего и больше всего заботился о томъ, чтобы наводить на подчиненныхъ какъ можно больше страху. Поэтому онъ смотрѣлъ хмуро и сердито, говорилъ рѣзко и, при малѣйшемъ поводѣ и даже безъ онаго, всѣхъ и каждаго распекалъ.

Нельзя сказать, чтобы генералъ-маiоръ Юзефовичъ близко подходилъ подъ типъ этихъ генераловъ-распекателей. Но отличительныя свойства послѣднихъ до того вошли въ нравы, что генералъ, вполнѣ свободный отъ нихъ, тогда былъ просто немыслимъ. Дмитрiй Михайловичъ не даромъ принадлежалъ къ числу борцевъ за свободу Россiи и Европы. Онъ вынесъ изъ столкновенiя съ Западомъ не мало гуманныхъ идей и сдержанность обращенiя, вообще малоизвѣстную его сверстникамъ. Когда союзныя войска вступили во Францiю, онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Нанси и оставилъ тамъ отличную память по себѣ. Но умѣя примѣняться къ обстоятельствамъ и, въ силу своего ума и образованiя, обуздывать природныя влеченiя, онъ все же не былъ лишенъ деспотической жилки, и это, хотя рѣдко, но прорывалось и въ личныхъ его, и въ служебныхъ отношенiяхъ. Возлюбивъ кого-нибудь, онъ осыпалъ его знаками своего вниманiя, но являлся ничтожный поводъ, возникало легкое недоразумѣнie, и обращенie его становилось небрежно холоднымъ. Главною чертою его было честолюбie, въ началѣ карьеры тонкое и сдержанное, но подъ конецъ до того разыгравшееся, что оно и было причиною его нравственнаго крушенiя.

Когда я зналъ его, ему было лѣтъ сорокъ пять, не больше. Высокiй ростъ, умное, весьма оживленное лицо, быстрая рѣчь и повелительный жестъ дѣлали изъ него внушительную фигуру. На шеѣ у него красовался георгiевскiй крестъ, съ которымъ онъ никогда не разставался. Другie же ордена, Анны 1-й степени и Прусскаго Орла, онъ надѣвалъ только въ высокоторжественные дни, на парады и молебствiя. Многосторонне образованный, онъ очень любилъ литературу, слѣдилъ за всѣми новыми ея явленiями, выписывалъ всѣ русскie журналы и газеты, не исключая и какихъ-нибудь плохенькихъ „Казанскихъ Извѣстiй“, и всѣ,

сколько-нибудь замѣчательныя, вновь выходившія книги. Въ свободные часы, по вечерамъ, онъ любилъ читать вслухъ, въ кругу близкихъ, произведенія новѣйшихъ поэтовъ, начиная съ Державина и до Мерзлякова, Батюшкова, Жуковскаго. Его интересовала всякая новая мысль, радовалъ всякій счастливый стихъ, удачное выраженіе, оборотъ.

Димитрій Михайловичъ и самъ вдавался въ авторство, но, кажется, ничего не печаталъ, исключая одной, и то переводной съ французскаго, статейки, помѣщенной въ издававшемся тогда въ Харьковѣ „Украинскомъ Вѣстникѣ". Она предназначалась для альбома одной милой молодой дѣвушки, Звѣревой, которая, вмѣстѣ съ матерью, жила недалеко отъ Харькова въ помѣстьѣ, куда иногда заѣзжалъ погостить Димитрій Михайловичъ. Онъ уважалъ старушку и былъ влюбленъ въ дочь, на которой желалъ бы жениться. Но этому препятствовало то, что у него уже была жена. Онъ какъ-то странно на ней женился въ ранней молодости и теперь тщетно старался развестись съ ней. Разсказывали, что она была безъ всякаго образованія и очень глупа. Но ее никто не зналъ, такъ какъ она безвыѣздно жила гдѣ-то въ отдаленной деревнѣ.

Въ Острогожскѣ генералъ Юзефовичъ жилъ съ сестрой своей, Анной Михайловной, и ея дочкой, дѣвочкою лѣтъ десяти. Съ нѣкоторыхъ поръ къ нимъ присоединилась еще другая племянница генерала, Марія Владиміровна. То была дочь его брата, страдавшаго ипохондріей и предпочитавшаго жить одинокимъ въ деревнѣ. Не знаю, какимъ путемъ дошли до генерала слухи обо мнѣ, только, въ одинъ прекрасный день, я былъ приглашенъ къ нему для переговоровъ о занятіяхъ съ его племянницами. Димитрій Михайловичъ вошелъ, окинулъ меня орлинымъ взглядомъ, промолвилъ пару словъ и скрылся, предоставляя дальнѣйшія объясненія сестрѣ. Анна Михайловна со мной долго и обстоятельно бесѣдовала. Она съ тонкимъ женскимъ тактомъ совсѣмъ обошла меня и вывѣдала все, что ей надлежало знать. Въ концѣ концовъ меня нашли пригоднымъ для дѣла, которое хотѣли мнѣ поручить, и я немедленно началъ занятія съ двумя дѣвочками, по русскому языку и по исторіи. Мои шестнадцать лѣтъ не оказались препятствіемъ къ тому. Въ этомъ еще разъ сказалось предубѣжденіе противъ казенныхъ учителей въ на-

шемъ краю. Человѣкъ умный, какъ Юзефовичъ, самъ правительственное лицо, и тотъ въ крайнемъ случаѣ предпочелъ имъ мальчика-недоучку.

Какъ-бы то ни было, я сдѣлался учителемъ въ домѣ генерала и даже всталъ тамъ твердою ногою. Ученицы полюбили мои уроки, хозяйка возымѣла ко мнѣ безграничное довѣріе и, что всего замѣчательнѣе, мною заинтересовался самъ генералъ. Вознагражденіе я получалъ небольшое. Но Димитрій Михайловичъ, кромѣ того, еще одѣвалъ меня и нанималъ мнѣ, по сосѣдству, небольшую квартирку.

Мало по малу, я сдѣлался у него своимъ человѣкомъ. Къ моимъ учительскимъ занятіямъ присоединились другія, по части библіотеки. Она была у генерала довольно обширная, но въ безпорядкѣ. Я дѣлалъ ей опись и безъ устали рылся въ книгахъ. Димитрій Михайловичъ, получая газеты и журналы, дѣлалъ на нихъ замѣтки. Я долженъ былъ ихъ списывать въ особую тетрадь и дополнять собственными комментаріями—съ какою цѣлью, не знаю. Вообще, Димитрій Михайловичъ, въ періодъ своего благоволенія ко мнѣ, не разъ облекалъ меня оригинальными полномочіями. Такъ, однажды, онъ позвалъ меня въ свой кабинетъ и вручилъ мнѣ толстую тетрадь изъ прекрасной веленевой бумаги.

— „Вноси сюда",—сказалъ онъ, „все, что я буду говорить и приказывать, и сопровождай это своими замѣчаніями, не стѣсняясь, если они не всегда будутъ въ мою пользу. Съ этого времени ты состоишь лично при мнѣ, моимъ библіотекаремъ и журналистомъ".

Въ другой разъ онъ отдалъ мнѣ начало своего сочиненія: „О славѣ и величіи Россіи", и приказалъ продолжать его. Сочиненіе отличалось, и въ тѣ даже времена, рѣдкою высокопарностью и, судя по множеству помарокъ и измѣненій въ слогѣ, стоило автору большихъ усилій.

Но я не хотѣлъ или не могъ тогда этого видѣть и, повинуясь волѣ моего покровителя, рьяно пустился вслѣдъ за его широковѣщаніемъ и риторическимъ пареніемъ, предварительно выразивъ, однако, сомнѣніе въ возможности подняться на одну высоту съ нимъ. И, дѣйствительно, я не смогъ. Подъ вліяніемъ моей склонности идеализировать все, что по чему нибудь говорило моему сердцу или воображенію, я возвелъ на пьедесталъ

и Димитрія Михайловича. Онъ мнѣ представлялся великимъ историческимъ дѣятелемъ, и я считалъ дерзостью признавать въ немъ недостатки или идти за нимъ слѣдомъ, хотя бы даже по его приглашенію. На самомъ же дѣлѣ все было гораздо проще. За недостаткомъ яснаго представленія, въ чемъ именно полагалъ онъ славу и величіе Россіи, генералъ запутался въ лабиринтѣ напыщенныхъ фразъ и предоставилъ мнѣ его оттуда вывести. Я же простодушно принялъ его вызовъ за чистую монету и въ свою очередь расправилъ крылья, но они меня не сдержали: пришлось отказаться отъ непосильной задачи. Очевидно, я былъ ниже роли, которая предназначалась мнѣ. Но это на первыхъ порахъ еще не испортило моихъ отношеній съ генераломъ: онъ еще долго продолжалъ ко мнѣ благоволить и осыпать меня знаками своего вниманія.

Гораздо проще и теплѣе относилась ко мнѣ сестра генерала. Анна Михайловна была еще молода—лѣтъ двадцати семи, восьми. Ее нельзя было назвать красивою, но она привлекала выраженіемъ ума и доброты на миловидномъ лицѣ, а обращеніе ея было проникнуто какою-то особенною задушевною простотою, невольно вызывавшею на откровенность. Она воспитывалась въ Петербургѣ, въ Екатериненскомъ институтѣ, и съ большимъ оживленіемъ вспоминала время, которое тамъ провела. Она часто разсказывала о нравахъ и обычаяхъ институтокъ, объ ихъ занятіяхъ, забавахъ и учителяхъ и особенно лестно отзывалась объ ихъ общемъ любимцѣ, преподавателѣ русской словесности, И. И. Мартыновѣ. Онъ былъ впослѣдствіи директоромъ департамента въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и извѣстенъ въ ученомъ мірѣ переводомъ греческихъ классиковъ. Увлекаемая благосклонностью ко мнѣ, Анна Михайловна иногда проводила параллель между популярностью Мартынова среди институтокъ и расположеніемъ ко мнѣ моихъ острогожскихъ учениць. Она, шутя или серьезно, пророчила мнѣ блестящую педагогическую карьеру. Ни ей, ни мнѣ, однако, не приходило въ голову, что судьба, дѣйствительно, готовила мнѣ нѣкоторый успѣхъ въ стѣнахъ того самаго заведенія, гдѣ подвизался Мартыновъ, и по его же предмету.

Я въ самомъ дѣлѣ былъ счастливъ съ моими ученицами. Не говорю о другихъ, но и дочь Анны Михайловны, умная и спо-

собная, но преизрядная дурнушка, до того пристрастилась къ моимъ урокамъ, что ее приходилось даже удерживать отъ излишняго усердія. Какъ теперь чувствую на себѣ острый взглядъ ея быстрыхъ глазокъ, когда она, склонивъ голову на бокъ и поджавъ губки, слушала мои объясненія. Двоюродная сестра ея, Марья Владиміровна, или, какъ ее всѣ называли, Машенька, далеко уступала ей въ способностяхъ и въ прилежаніи. За то она была прелестна собой. И послѣ не много видѣлъ я женщинъ, съ такой свѣжестью и съ такимъ блескомъ красоты. Она едва начинала выходить изъ дѣтства и представляла очаровательную смѣсь ребяческаго простодушія съ первыми проблесками сознанія женскаго достоинства. Если бы сравненіе молодой дѣвушки съ распускающеюся розою уже не было и прежде избито, его слѣдовало бы изобрѣсти для Машеньки. Оно невольно приходило на умъ при видѣ ея матово-бѣлыхъ щечекъ съ легкимъ розовымъ оттѣнкомъ, который, при малѣйшемъ движеніи души, вспыхивалъ яркимъ румянцемъ и разливался по всему лицу, по шеѣ и по рукамъ. Еще особую прелесть сообщала ей тѣнь задумчивости, лежавшая въ ея взглядѣ и въ углахъ тонкой дуги рта. Машенька была очень чувствительна. Мнѣ не разъ приходилось подмѣчать, какъ у нея дрогнутъ губки, а на рѣсницахъ повиснетъ слеза. Эта задумчивость, въ связи съ непочатою свѣжестью ея дѣтскаго личика, и трогала, и вызывала на размышленія. Да и нельзя сказать, чтобы у Машеньки не было причинъ задумываться. Родители ея жили въ деревнѣ и мало думали о воспитаніи дочери. Дѣтство ея прошло между отцемъ ипохондрикомъ и матерью, доброю и умною, но чахоточною. Наконецъ, ее взялъ къ себѣ дядя и впервые озаботился ея образованіемъ. Но ему некогда было постоянно слѣдить за ней и онъ сдалъ ее на руки сестрѣ. Анна Михайловна, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ достойная женщина, въ этомъ случаѣ оказалась ниже самой себя. Она была страстная мать, а дочери ея природа отказала даже въ самой заурядной миловидности: отсюда ея раздраженіе противъ хорошенькой Машеньки. Она завидовала ей и, во избѣжаніе невыгодныхъ сравненій для своего дѣтища, держала племянницу въ сторонѣ. Такимъ образомъ бѣдная Машенька и въ домѣ дяди оставалась одинокою. Тутъ, кстати или не кстати, выступилъ на сцену я. Сначала она меня дичилась и бросала на

меня изъ подъ длинныхъ рѣсницъ недружелюбные взгляды. Я былъ для нея учитель, существо несимпатичное, которое должно было, думала она, внести въ ея, и безъ того не веселую жизнь, новый элементъ скуки и принужденія.

Я, съ своей стороны, не безъ трепета приступалъ къ занятіямъ съ ней. Такой ученицы у меня еще не бывало. Всего годомъ моложе меня, она, съ своей разцвѣтающей красотой и дремлющимъ умомъ, казалась мнѣ, ошалѣлому отъ романовъ, спящей царевной, разбудить которую былъ призванъ я. Во мнѣ заиграло воображеніе, и я задался мыслью расшевелить умъ и сердце Машеньки. Увы! первое такъ и осталось мечтой, а второе дало мнѣ мимолетное и далеко не полное удовлетвореніе. Машенька скоро убѣдилась, что я не сухой педагогъ, а живой, увлекающійся юноша, который, при всей напускной важности и требовательности, на какую его обязывалъ учительскій долгъ, способенъ и сочувствовать и, по возможности, облегчать ей трудъ. Строгій и сдержанный видъ маленькой женщины уступилъ въ ней мѣсто дѣтской довѣрчивости. Она сдѣлала меня повѣреннымъ своихъ маленькихъ тайнъ и огорченій. А я, смотря по обстоятельствамъ, то ласково утѣшалъ ее, то, съ важностью ментора, читалъ ей наставленія. Но, мало по малу, въ насъ зародилось чувство болѣе горячее и требовательное, чѣмъ братская пріязнь, которою мы, однако, продолжали обманывать себя. Предоставленные самимъ себѣ—Анна Михайловна никогда не присутствовала при нашихъ урокахъ,—не знаю, какъ далеко зашли бы мы въ нашей неопытности и какой исходъ имѣла бы въ заключеніе эта опасная игра, въ которую уже начали замѣшиваться и пламенные взгляды, и нѣжныя рукопожатія. Но тѣмъ временемъ наступилъ отъѣздъ изъ Острогожска генерала. Димитрій Михайловичъ не хотѣлъ больше подвергать Машеньку случайностямъ своей военной кочевой жизни и помѣстилъ ее, для окончанія образованія, въ харьковскій институтъ. Горестно было наше разставаніе; мы знали, что никогда больше не свидимся. Нашъ послѣдній урокъ прошелъ въ слезахъ и горькихъ сѣтованіяхъ на нашу судьбу. Подъ конецъ мы не выдержали, бросились въ объятія другъ друга и обмѣнялись первымъ и послѣднимъ поцѣлуемъ. Машенька уѣхала, а я въ догонку ей написалъ длинную прощальную элегію, конечно, въ прозѣ, которую, въ каче-

ствѣ наставника, постарался испестрить возвышенными сентенціями и поученіями.

Этимъ и кончился первый романическій эпизодъ моей жизни. Онъ блѣденъ, скажутъ. Пусть такъ, но, за отсутствіемъ болѣе яркихъ радостей въ моей трудовой и полной лишеній юности, и онъ былъ свѣтлымъ лучемъ, воспоминаніе о которомъ и до сихъ поръ грѣетъ меня.

Новое обстоятельство скоро еще больше скрѣпило мои отношенія съ генераломъ Юзефовичемъ. Отецъ покончилъ дѣла съ Юліей Татарчуковой и вернулся изъ Богучаръ. Онъ разстался съ своей довѣрительницей, какъ только пересталъ быть нуженъ ей. Впрочемъ, самъ отецъ подалъ главный поводъ къ тому. Его романическая страсть къ молодой вдовѣ постоянно росла и, наконецъ, приняла размѣры, которые начали уже серьезно грозить ея покою. Устроивъ ей гнѣздо, неугомонный обожатель Юліи задумалъ и самъ поселиться въ созданной имъ Аркадіи, хотя бы для того только, чтобы безпрерывно наслаждаться лицезрѣніемъ своего божества. Молодая женщина не согласилась. Между ними произошла ссора, и они разстались, на этотъ разъ уже навсегда—она, негодуя на дерзкій планъ своего поклонника, а онъ, унося съ собой глубокую рану отвергнутой любви.

Генералъ Юзефовичъ между тѣмъ давно желалъ заручиться моимъ отцемъ для веденія собственныхъ дѣлъ. Онъ поспѣшилъ воспользоваться настоящей минутой и предложилъ ему заняться тяжебнымъ дѣломъ по его имѣнію, въ Полтавской губерніи, въ Пирятинскомъ повѣтѣ, какъ тогда назывались малороссійскіе уѣзды. Отцу такимъ образомъ предстояла новая разлука съ семьей; ему надо было ѣхать на самое мѣсто производства дѣла, въ вотчину генерала, Сотниковку. Онъ вообще не любилъ тяжебныхъ дѣлъ, особенно сомнительнаго свойства, какимъ позднѣе и оказалось поручаемое ему теперь. Генералъ тягался съ крестьянами за землю, которую, кажется, отнялъ у нихъ не совсѣмъ законно. Какъ-бы то ни было, а тогда отецъ еще ничего объ этомъ не зналъ и, чтобы не остаться безъ хлѣба, согласился еще разъ окунуться въ ненавистный ему тяжебный омутъ. Онъ уѣхалъ въ Сотниковку, а Димитрій Михайловичъ взялся, въ его отсутствіе, заботиться о всей нашей семьѣ. И, дѣйствительно, онъ такъ

устроилъ мать, что она, по крайней мѣрѣ на время, была избавлена отъ нужды.

Мало того, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ, снисходя къ желанію отца повидаться съ кѣмъ нибудь изъ домашнихъ, отправилъ меня къ нему. Генералъ съ рѣдкою заботливостью снарядилъ меня въ путь, взялъ на себя всѣ дорожныя издержки и, въ виду моей юности и неопытности, для большой безопасности, далъ мнѣ въ провожатые одного почтеннаго унтеръ-офицера. Отца я засталъ отягощеннаго дѣлами и въ сильной тоскѣ. Къ сердечнымъ страданіямъ, къ скукѣ одиночества теперь присоединилось еще щемящее чувство недовольства самимъ собой за легкомысленно взятую на себя отвѣтственность по дѣлу, въ правотѣ котораго онъ началъ разочаровываться. Свиданіе со мной, однако, значительно освѣжило его, и я съ нимъ разстался, не подозрѣвая, что видѣлъ его въ послѣдній разъ. Матери недолго пришлось пользоваться относительно беззаботнымъ существованіемъ подъ крыломъ Юзефовича. Два мѣсяца спустя послѣ моей поѣздки въ Полтавскую губернію мы получили извѣстіе о смерти отца. Онъ умеръ въ Пирятинѣ, послѣ пятидневнаго недомоганія. Судьба до конца не смягчилась къ бѣдному страдальцу. Онъ умеръ, удрученный сознаніемъ безплодности своихъ трудовъ. Чужія руки закрыли ему глаза. Присутствіе близкихъ не смягчило горечи его послѣднихъ минутъ. Бѣдный, бѣдный отецъ! На что послужили ему способности, благородство чувствъ и честность поступковъ. Все это было въ немъ исковеркано, придавлено средой и обстоятельствами. Можно ли винить его въ томъ, что онъ не превозмогъ своей судьбы, не всегда умѣлъ противиться страстямъ? Нѣтъ, пусть ищутъ героевъ, гдѣ хотятъ, но не въ русскомъ, крѣпостномъ человѣкѣ, для котораго каждое преимущество его натуры являлось новымъ бичемъ, новымъ поводомъ къ паденію. А отецъ мой до послѣдняго вздоха сохранилъ настолько уваженія къ своему попранному человѣческому достоинству, что и въ позорѣ своего положенія не опозорилъ себя ни однимъ низкимъ дѣломъ, ни одной безчестной мыслью.

XVI.

Въ Ельцѣ.—Чугуевъ.

Извѣстіе о смерти отца дошло до насъ черезъ генерала Юзефовича. Онъ постарался, насколько могъ, смягчить этотъ новый ударъ нашей бѣдной матери. Онъ и себя пріобщалъ къ нашему горю; говорилъ, что лишился въ покойномъ незамѣнимаго помощника; обѣщалъ попрежнему заботиться о его семьѣ.

Странное обстоятельство предшествовало смерти отца. Между сложными и запутанными явленіями человѣческой жизни встрѣчаются такія, которыя въ простодушныхъ людяхъ вызываютъ невольное расположеніе къ суевѣрію. Такъ было и съ моею матерью. Ей, незадолго передъ тѣмъ, приснился сонъ, въ которомъ она до конца жизни не переставала видѣть пророческій смыслъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ удивительно совпалъ съ послѣдующими событіями ея жизни. Ей снилось, что она съ отцомъ и со мной куда-то ѣдетъ въ телѣгѣ. Мѣстность незнакомая. Я сижу рядомъ съ ней. Отецъ, на облучкѣ, правитъ лошадью. Вдругъ небо точно вспыхиваетъ, надъ нами раздается оглушительный трескъ грома. Отецъ мгновенно исчезаетъ. Испуганная лошадь бьется и грозитъ опрокинуть телѣгу. Мать въ ужасѣ. Но я хватаюсь за возжи и восклицаю: „Не бойтесь, мы доѣдемъ, куда намъ надо: я буду править“. Два дня спустя пришла вѣсть о смерти отца, и мнѣ, дѣйствительно, надо было взять въ мои еще слабыя руки управленіе нашимъ семейнымъ міркомъ и вести его дальше по пути жизни.

Наступилъ 1820 годъ. Генералъ Юзефовичъ былъ назначенъ командовать, вмѣсто драгунской, первой конно-гвардейской дивизіей. Послѣдняя квартировала въ Ельцѣ, куда Димитрій Михайловичъ и долженъ былъ немедленно отправиться. Онъ сталъ и меня звать съ собою. Привязанность къ нему и къ его сестрѣ съ одной стороны, съ другой выгоды семьи, которой я теперь былъ единственнымъ кормильцемъ, заставила меня согласиться. Мать, какъ ни тяжела была для нея эта новая разлука, однако, сознала основательность моего рѣшенія и не противилась моему отъѣзду. Да я и ѣхалъ не на край свѣта! Но не такъ легко обошлось дѣло съ моими острогожскими друзьями. Я и

не подозрѣвалъ, что былъ такой важной особой въ ихъ глазахъ. Кружокъ, въ которомъ я вращался, и особенно родители моихъ учениковъ заволновались. На меня посыпался градъ упрековъ. Доставалось и генералу за то, что онъ меня „похищалъ“,—только ему, конечно, за глаза, меня же открыто укоряли за измѣну городу, такъ радушно пріютившему меня. Я былъ озадаченъ, огорченъ, уже готовился взять назадъ слово, данное генералу, но тотъ распорядился по военному: мигомъ поднялся всѣмъ домомъ и увлекъ меня за собой, не давъ времени одуматься.

Итакъ, я очутился въ Ельцѣ. Генералу было отведено прекрасное, обширное помѣщеніе—цѣлый домъ одного изъ богатѣйшихъ купцевъ въ городѣ, Желудкова. Елецъ тогда слылъ однимъ изъ лучшихъ уѣздныхъ городовъ. Онъ былъ хорошо обстроенъ. Въ немъ насчитывалось не мало каменныхъ зданій, между прочимъ, двадцать двѣ церкви, и, почти неслыханная въ тѣ времена роскошь—онъ могъ похвалиться каменной мостовой. Внѣшнимъ видомъ Елецъ, что и говорить, значительно превосходилъ мой милый Острогожскъ, но за то въ такой же мѣрѣ уступалъ ему по внутреннему содержанію и складу въ немъ жизни. Въ Ельцѣ, какъ въ городѣ исключительно торговомъ—онъ велъ обширную торговлю крупичатой мукою — почти не было дворянъ. Мѣстную аристократію составляли купцы, которые преслѣдовали одну цѣль—наживы. Такимъ образомъ, все соревнованіе между ними ограничивалось щегольствомъ другъ передъ другомъ, изворотливостью и плутовствомъ, какъ лучшими средствами для достиженія этой цѣли. Чиновничество соперничало съ ними и въ стремленіи къ наживѣ, и въ искусствѣ обогащаться; оно повально брало взятки и обкрадывало казну. Запѣвалою здѣсь, какъ и подобало при такихъ условіяхъ, было первое въ городѣ чиновное лицо—городничій. Какой-то отставной полковникъ, безъ ноги, онъ, что называется, дралъ съ живаго и съ мертваго и пользовался соотвѣтственнымъ почетомъ среди подобныхъ себѣ. Нравы всѣхъ горожанъ вообще были стариннаго склада, наивно-грязные и грубые: въ нихъ не было мѣста ни общественнымъ, ни семейнымъ добродѣтелямъ. Женщины тамъ, по примѣру бабушекъ, все еще безобразили себя бѣлилами и румянами.

Набожность у этихъ людей не шла дальше сооруженія до-

машнихъ кіотовъ съ большимъ или меньшимъ количествомъ иконъ, да соблюденія постовъ, не исключавшихъ, впрочемъ, обжорства жирными стерлядями и растегаями. Проходя мимо церкви или встрѣчаясь съ покойникомъ, они широкимъ знаменіемъ креста осѣняли себѣ лобъ и чрево, но, завидѣвъ попа, усердно отплевывались.

Но все это не исключало, по крайней мѣрѣ, среди купцевъ, ни своего рода добродушія, ни исконнаго свойства славянъ— гостепріимства, которыя и являлись искупительными чертами въ характерѣ этого невѣжественнаго, закоренѣлаго въ старинныхъ предразсудкахъ общества. Только гостепріимство у нихъ было тоже своеобразное, подъ стать ихъ общему тону. Созывалъ богатый купецъ къ себѣ гостей, угощалъ ихъ обѣдомъ на славу, а затѣмъ приказывалъ запирать въ домѣ ворота. Начиналась попойка. Никто изъ гостей не могъ уйдти домой и, волей неволей, долженъ былъ напиваться до потери сознанія. Не угостить или не угоститься, такимъ образомъ, считалось невѣжливостью и горькой обидой.

Впрочемъ, и здѣсь, какъ вездѣ, правило было не безъ исключеній. Изъ общей распущенности и самодурства выдѣлялось нѣсколько купеческихъ же семей, смягченныхъ не образованіемъ, конечно, которому не было доступа въ это торговое гнѣздо, а своими собственными, природными, болѣе утонченными вкусами и наклонностями. Къ числу такихъ, между прочимъ, принадлежали семьи одного очень богатаго почетнаго гражданина, Кононова, и нашего хозяина, Желудкова. Въ ихъ нравахъ была нѣкоторая сдержанность, а въ домашней обстановкѣ стремленіе къ порядочности и комфорту. У обоихъ были подъ городомъ дачи съ роскошными парками и оранжереями. Тамъ задавались генералу пышные обѣды, на которые и меня приглашали съ его семействомъ. Здѣсь уже, само собой разумѣется, не было ни попоекъ, никакихъ другихъ излишествъ: все обходилось чинно, прилично, „по благородному“. Впрочемъ, для насъ и въ другихъ домахъ дѣлались изъятія. И гости, и хозяева побаивались генерала, который не безъ величія держалъ себя съ ними. Для него ворота всегда стояли настежь, и настоящее раздолье начиналось только съ его удаленіемъ.

Обязанности мои въ домѣ генерала Юзефовича теперь не

ограничивались уроками съ одною дочкою Анны Михайловны. Мнѣ поручено было воспитаніе еще трехъ племянниковъ, которыми, съ переѣздомъ въ Елецъ, увеличилось ихъ семейство. Это были братья Машеньки. Отецъ ихъ, страдавшій, какъ я уже говорилъ, ипохондріей, тѣмъ временемъ совсѣмъ сошелъ съума и скоро умеръ. Двое изъ этихъ мальчиковъ не представляли изъ себя ничего особеннаго и дѣло у меня съ ними пошло какъ по маслу. За то третій, Ксенофонтъ, лѣнивый и непокорный, подчасъ даже буйный, стоилъ мнѣ не малыхъ заботъ. На него не дѣйствовали ни строгость, ни ласка. Болѣе опытный педагогъ, вѣроятно, съумѣлъ бы съ нимъ справиться, но я, самъ еще почти мальчикъ, рѣшительно не зналъ, что съ нимъ дѣлать.

Этотъ бѣдный Ксенофонтъ былъ, въ теченіе нѣкотораго времени, единственнымъ шипомъ среди пріятныхъ ощущеній моего настоящаго положенія. Вообще житье мое въ Ельцѣ распадается на два періода. Первый и, какъ все хорошее, кратчайшій принадлежитъ къ числу лучшихъ моихъ воспоминаній. Прошло первое впечатлѣніе разлуки съ Машенькой и съ другими милыми моему сердцу; улеглось огорченіе, вызванное негодованіемъ противъ меня друзей, и я на время почувствовалъ себя почти счастливымъ. Мать моя съ младшими дѣтьми была, въ извѣстной мѣрѣ, обезпечена. Самъ я ближе прежняго стоялъ къ предмету моего поклоненія. Димитрій Михайловичъ былъ тогда героемъ всѣхъ моихъ фантазій. Онъ казался мнѣ олицетвореніемъ всевозможныхъ доблестей. Я безусловно вѣрилъ ему и въ него. Да и добръ же онъ былъ ко мнѣ въ это время! Съ переѣздомъ въ Елецъ, я жилъ не только въ его домѣ, но и на равной ногѣ съ членами его семьи. Вокругъ меня была атмосфера довольства, тепла и изящества, подъ вліяніемъ которой могъ безпрепятственно продолжаться процесъ моего нравственнаго и физическаго роста. Димитрій Михайловичъ безпрестанно вызывалъ меня на разговоры и, повидимому, сочувствовалъ самымъ неумѣреннымъ моимъ мечтамъ. Не мудрено, если я разцвѣлъ, сталъ смѣлѣе, развязнѣе, однимъ словомъ, поднялся духомъ,—не надолго, однако, и горько заплатилъ за эти минуты счастливаго самозабвенія. Та-же рука, которая подняла мой духъ, съ новой силой и сокрушила его опять.

Я уже не разъ упоминалъ о моихъ авторскихъ вожделѣніяхъ.

здѣсь, въ Ельцѣ, гдѣ все такъ льстило моему самолюбію, они разыгрались съ новою силою. Я даже затѣялъ написать романъ во вкусѣ „Новой Элоизы“ Ж. Ж. Руссо. Мнѣ недавно привелось прочесть это произведеніе въ плохомъ переводѣ какого-то Потемкина, а также „Эмиля“, переведеннаго какою-то Елисаветою Дельсаль. Обѣ книги произвели на меня глубокое впечатлѣніе, и я, недолго думая, принялся подражать первой изъ нихъ. Я попеременно писалъ и рвалъ написанное. Исписалъ много бумаги и столько же изорвалъ. Дѣло, очевидно, не ладилось. Но я не отставалъ и иногда цѣлыя ночи просиживалъ надъ этою глупостью, которая, говорю теперь съ удовольствіемъ, такъ и осталась неконченною. Подстрекателемъ моимъ и въ этомъ случаѣ былъ все тотъ же Димитрій Михайловичъ. Онъ, правда, еще ни строчки не прочелъ изъ написаннаго мною, но всегда зналъ, что у меня на мази. Въ свободное время, за вечернимъ чаемъ, онъ любилъ разспрашивать меня о томъ, что я дѣлаю, что пишу, даже что думаю, и всегда съ одобреніемъ относился ко всѣмъ моимъ затѣямъ. И вдругъ, какая перемѣна! Я съ особеннымъ одушевленіемъ повѣрялъ ему свои планы. Генералъ слушалъ, опустивъ голову. Внезапно губы его искривила насмѣшливая улыбка, и съ нихъ, вмѣсто обычнаго привѣта, сорвалось ѣдкое замѣчаніе: напрасно, дескать, заношусь я такъ высоко, не имѣя на то ни нравственныхъ, ни матеріальныхъ правъ. У меня въ глазахъ потемнѣло,—что это, злая шутка или горькая правда? Я былъ глубоко уязвленъ, но не надолго. Острая боль отъ неожиданнаго удара уступила мѣсто томительному колебанію. Непогрѣшимый, въ моихъ глазахъ, генералъ, конечно, правъ, я не только безправный, но и бездарный. Всѣ мои завѣтныя стремленія и мечты—одна игра самолюбія. Хорошо же: никто съ этой минуты не будетъ больше въ правѣ упрекать меня въ томъ. Я сгребъ въ охапку свои книги и бумаги, бросился въ кухню и съ размаху швырнулъ все это въ пылающую печь, къ великому изумленію повара—француза.

Этимъ подвигомъ на время, какъ бы истощилась моя энергія. Утомленный нравственно и физически, я впалъ въ апатію. Но генералъ поспѣшилъ меня и изъ нея вывести. За вечернимъ чаемъ, въ тотъ же день, онъ продолжалъ, съ непонятнымъ упорствомъ, издѣваться надо мною. Я долго молчалъ и все больше и

больше проникался сознаніемъ своего ничтожества. Но Димитрій Михайловичъ становился все злѣе и ядовитѣе. Тогда и я ожесточился и довольно рѣзко замѣтилъ: „Впередъ меня уже не станутъ упрекать ни за безразсудныя стремленія, ни за занятія, которыя мнѣ не къ лицу; я сжегъ свои книги и бумаги". Генералъ нашелъ мои слова дерзкими, а поступокъ глупымъ, сдѣлалъ мнѣ строгій выговоръ и велѣлъ уйти. Одинъ въ своей комнатѣ, я почувствовалъ себя глубоко несчастнымъ. Паденіе съ идеальныхъ высотъ, гдѣ я все это время усиленно виталъ, было слишкомъ стремительно; оно и оглушило меня, и разбередило старыя раны. Немного спустя, проснулось самолюбіе и помогло мнѣ овладѣть самимъ собой и своимъ положеніемъ. Но въ первую минуту я не могъ думать ни о чемъ, кромѣ печальнаго столкновенія съ Димитріемъ Михайловичемъ. Восторженная любовь къ нему вспыхнула въ моемъ сердцѣ со всею силою послѣдней вспышки потухающаго огня. Я забылъ и свое оскорбленіе, и свой гнѣвъ и жаждалъ только одного—примиренія съ моимъ кумиромъ. При первой встрѣчѣ же на слѣдующій день я высказалъ Димитрію Михайловичу нѣчто въ этомъ родѣ. Онъ выслушалъ меня холодно и отпустилъ неудовлетвореннымъ.

Съ этихъ поръ между нимъ и мною встала стѣна. Генералъ больше мною не занимался и смотрѣлъ на меня исключительно какъ на учителя своихъ племянниковъ. А я заперся въ самомъ себѣ и въ отправленіе своихъ обязанностей. Мы, повидимому, оба взаимно разочаровались и каждый вернулся въ свою сферу. Ни я самъ, никто изъ окружающихъ не могли дать себѣ отчета въ томъ, что произошло. Мнѣ и теперь это не ясно, если не отнести всего этого на счетъ первыхъ приступовъ злаго недуга, который вскорѣ въ немъ развился. Но это одна догадка и Димитрій Михайловичъ имѣлъ, можетъ быть, для охлажденія ко мнѣ какія нибудь вѣскія, но мнѣ неизвѣстныя причины.

За то обращеніе со мной Анны Михайловны оставалось по прежнему сердечнымъ и дружескимъ, даже, если можно, съ оттѣнкомъ новой теплоты, и такъ было до конца моего пребыванія въ домѣ Юзефовича. Но особенно драгоцѣнно было для меня ея участіе въ первый моментъ моего отчужденія отъ Димитрія Михайловича, когда я очутился въ хаосѣ самыхъ разнородныхъ чувствъ. Мнѣ такъ хотѣлось вѣрить въ себя, въ правоту и за-

конность моихъ намѣреній, такъ не хотѣлось терять довѣрія къ тому, чье мнѣніе еще вчера было для меня закономъ. Постепенно все это, конечно, улеглось, природныя влеченія взяли свое и съ помощью всесильнаго во мнѣ рычага—самолюбія, я опять вошелъ въ ту нравственную и умственную колею, изъ которой былъ выбитъ. Появились новыя книги; опять наросла кипа исписанныхъ бумагъ. Снова фантазія стала рисовать миражи будущихъ успѣховъ, и я зажилъ прежнею двойною жизнью. Нѣтъ, думалось мнѣ, я не склоню малодушно головы. Ополчись на меня хоть цѣлый легіонъ генераловъ, а я возьму свое, или... если нельзя жить съ честью—умру. Девизъ подъ моимъ портретомъ, казалось, теперь огненными буквами врѣзался въ моемъ мозгу.

Все это вихремъ носилось въ моей головѣ, но уже не шло дальше страницъ моего дневника. Только что пережитый опытъ сдѣлалъ меня осторожнымъ. Однако, судьба, повидимому, не хотѣла ожесточить меня: она вскорѣ послала мнѣ новаго друга, сердечная связь съ которымъ у меня и по сихъ поръ не порвана. Изъ Москвы пріѣхалъ еще одинъ племянникъ генерала—у него ихъ было много—старшій сынъ его умершаго брата. Онъ только что кончилъ тамъ курсъ въ благородномъ университетскомъ пансіонѣ. Въ Елецъ онъ прибылъ незадолго до смерти своего отца и затѣмъ остался въ домѣ дяди, намѣреваясь поступить въ одинъ изъ командуемыхъ послѣднимъ полковъ. Это былъ молодой человѣкъ всего нѣсколькими годами старше меня, но образованный и съ печатью хорошаго тона, налагаемаго извѣстнымъ положеніемъ въ обществѣ. Но въ характерѣ его, въ чертахъ лица и въ способѣ выраженія проглядывала своеобразная рѣзкость, которая истолковывалась иными въ смыслѣ высокомѣрія и заносчивости. Ничто не могло быть ошибочнѣе. Михайло Владиміровичъ былъ само благородство, простота, а сердце имѣлъ не только доброе, но и нѣжное. Мнимая заносчивость его была не иное что, какъ юношеская отвага. Онъ былъ проникнутъ ею, горѣлъ и рвался на подвигъ, который сразу бы, на самомъ порогѣ жизни, уже облекъ его въ достоинство зрѣлаго мужа. Но гдѣ найти удобный случай? И вотъ въ ожиданіи такого Михайлу Владиміровичу не терпѣлось ознаменовать себя, по крайней мѣрѣ, дуэлью. Задоръ его въ этомъ отношеніи иногда не былъ лишенъ комизма. И разъ онъ, дѣйствительно, чуть не наскочилъ

на дуэль. Михайло Владиміровичъ былъ страстно преданъ своему дядѣ: онъ по справедливости гордился его умомъ, характеромъ, служебнымъ значеніемъ и воинскою доблестью. И вдругъ до него доходятъ слухи, что какой-то офицеръ, когда-то, гдѣ-то, непочтительно отзывался о генералѣ. Воспылать гнѣвомъ и послать дерзкому вызовъ—было дѣломъ одной минуты. Но, увы! никто, никогда и не думалъ покушаться на честь уважаемаго генерала. Слухи о томъ оказались чьею-то выдумкою, а не то и глупою шуткою, съ цѣлью подразнить молодаго Юзефовича. Такимъ образомъ casus belli исчезалъ самъ собой. Пришлось сложить оружіе и, за невозможностью постоять за дядю, утѣшиться мыслью о его твердо установившейся репутаціи среди общества офицеровъ. Михайло Владиміровичъ такъ и сдѣлалъ.

Наша дружба съ нимъ завязалась чуть не съ первой встрѣчи и чѣмъ дальше, тѣмъ тѣснѣе становилась. Насъ соединяла общность вкусовъ и сходство въ умственномъ складѣ. Оба, одержимые недугомъ идеализма, мы до сихъ поръ и въ окружающемъ мірѣ, и въ самихъ себѣ тщетно искали удовлетворенія своимъ непомѣрнымъ требованіямъ. Теперь намъ показалось, что мы другъ въ другѣ нашли желаемую точку опоры. Мы одинаково увлекались героями и древняго, и новаго міра и, съ дерзостью и неопытностью молодости, сами немножко мѣтили въ нихъ. Разладъ между моимъ внутреннимъ міромъ и моими внѣшними обстоятельствами внушалъ молодому Юзефовичу глубокое участіе ко мнѣ—остальное дорисовывало его пылкое воображеніе. Не меньше сходились мы и въ нашемъ пристрастіи къ литературѣ. Сколько пріятныхъ, чудныхъ часовъ провели мы вмѣстѣ, читая и обсуждая то или другое произведеніе, не исключая и злополучныхъ Эмиля съ Новой Элоизой, которыхъ я опять гдѣ-то добылъ. Насъ никто не тревожилъ ни въ нашихъ занятіяхъ, ни въ дружескихъ бесѣдахъ. Генералъ, какъ я уже говорилъ, вовсе перестал заниматься мною. Впрочемъ ему и не до того было. Онъ часто отлучался на смотръ полкамъ своей дивизіи, а все остальное время посвящалъ составленію какого-то проекта. Онъ еще въ Острогожскѣ занимался имъ и теперь намѣревался скоро представить его государю. Такимъ образомъ мы съ молодымъ Юзефовичемъ были предоставлены самимъ себѣ и своей дружбѣ.

Скверная вещь самолюбіе! Безъ него плохо, а съ нимъ горе.

Замѣшалось оно и въ нашу дружбу и если не испортило ее, то только благодаря безграничной добротѣ и терпимости моего друга. Дѣло въ томъ, что я былъ очень бѣденъ. Небольшое жалованье мое цѣликомъ отсылалось моей матери: его едва хватало на пропитаніе ея съ четырьмя малолѣтними дѣтьми. Я же, имѣя у генерала столъ и квартиру, во всякомъ случаѣ былъ избавленъ отъ крайней нужды. Въ началѣ она и совсѣмъ не давала себя знать, но понемногу стала проглядывать въ одеждѣ и въ заключеніе гардеробъ мой пришелъ въ самое жалкое состояніе. Верхнее платье еще кое-какъ держалось, благодаря оставшемуся послѣ отца, которое и позволяло мнѣ довольно прилично являться среди людей. За то бѣлье мое представляло сплошную массу дыръ. Я было попробовалъ вооружиться иглой и кое-какъ заштопывать или зашивать жалкое подобіе моихъ рубахъ. Но скоро это оказалось невозможнымъ и я бросилъ иглу. Впрочемъ, я мало обращалъ вниманія на это: горю нечѣмъ было пособить, слѣдовательно, о немъ и думать не стоило. Но за меня подумалъ другой. Мой Михайло Владиміровичъ Юзефовичъ какъ-то провѣдалъ о моей нуждѣ и вздумалъ предложить мнѣ свою помощь. Его отецъ былъ большой щеголь и послѣ него осталась куча платья и неношеннаго бѣлья. Мой другъ отобралъ часть того и другаго и просилъ меня воспользоваться этими вещами—для него самого лишними. Казалось бы, чего проще, при близости нашихъ отношеній. Но я вздумалъ оскорбиться. Моя гордость возмутилась подаркомъ, за который я не могъ ничѣмъ отдарить. Тамъ уже нѣтъ дружбы, думалъ я, гдѣ есть зависимость одного отъ другаго, а я зависѣлъ бы отъ того, чье благодѣяніе принялъ. Бѣдность мою я сносилъ съ полнымъ равнодушіемъ и она не могла въ моихъ глазахъ служить извиненіемъ. Наотрѣзъ и не безъ горечи отвергъ я предложенный мнѣ подарокъ. Къ счастью, Юзефовичъ былъ до конца великодушенъ. Онъ съумѣлъ войти въ мое положеніе и хотя съ сожалѣніемъ, но безъ досады принялъ мой отказъ. Отношенія наши нисколько не пострадали. Мы продолжали попрежнему вести задушевныя бесѣды, повѣрять одинъ другому свои воззрѣнія на жизнь и на человѣка, читать новыя литературныя произведенія въ журналахъ, которые генералъ выписывалъ въ изобиліи, и восхищаться красотой дочери стряпчаго, звѣздой, сіявшею среди елецкихъ барышень.

Кстати о стряпчемъ, ея отцѣ. Это былъ ловкій дѣлецъ. Онъ занимался больше частными, чѣмъ казенными, дѣлами и всякой правдой и неправдой нажилъ себѣ преизрядное состояніе. Два сына его воспитывались въ Москвѣ, въ университетскомъ пансіонѣ, вмѣстѣ съ Юзефовичемъ, и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали въ Елецъ. Одинъ изъ нихъ былъ малый простой и недалекій, другой—болтунъ и франтъ, съ претензіями на салонный тонъ. Жена стряпчаго и мать предмета нашихъ съ Юзефовичемъ восторговъ была бойкая бабенка провинціальнаго пошиба.

Въ домѣ генерала Юзефовича была еще одна личность, съ которою я состоялъ тоже въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Молодой человѣкъ, очень красивый, тонко образованный, съ мягкими изящными манерами, Алексѣй Ивановичъ Лаконте занималъ странное положеніе тамъ и вообще представлялся личностью загадочною. Онъ передъ тѣмъ служилъ въ военной службѣ, даже участвовалъ въ походѣ противъ французовъ, въ качествѣ вольноопредѣляющагося, но былъ уволенъ безъ чина, за недостаткомъ какихъ-то документовъ. Едва ли онъ не былъ чьимъ-то сыномъ любви. Французъ по фамиліи и по изысканной любезности и тонкости обращенія, онъ говорилъ и писалъ по-русски такъ, какъ въ то время у насъ говорили, а тѣмъ болѣе писали немногіе. У него былъ пріятный голосъ и онъ часто услаждалъ нашъ слухъ пѣніемъ модныхъ романсовъ, которые передавалъ со вкусомъ и экспресіей подъ аккомпаниментъ гитары. Съ его красиваго лица никогда не сходила тѣнь грусти и это меня особенно къ нему привлекало. Неопредѣленность его положенія и самое покровительство генерала видимо тяготили его, но онъ или не хотѣлъ, или не зналъ, какъ выбиться на свободу...

Внезапная холодность ко мнѣ Димитрія Михайловича, надо отдать ему справедливость, не распространилась на мою мать. Онъ понялъ, какъ тяжела была для недавней вдовы разлука съ сыномъ и далъ ей возможность повидаться съ нимъ. Онъ выписалъ мою мать въ Елецъ и выдалъ на ея путевыя издержки сумму, изъ которой она нашла возможность еще удѣлить часть на возобновленіе моего гардероба. По отъѣздѣ ея я могъ считать себя богачемъ: у меня было четыре новыхъ рубашки.

Изъ числа многихъ липъ, съ которыми мнѣ привелось столкнуться за это время, особенно живо врѣзалась у меня въ памяти

фигура тогда полковника Лепарскаго. Кто не знаетъ теперь имени этого благороднаго дѣятеля? Призванный стеречь въ Сибири сосланныхъ туда декабристовъ, онъ съумѣлъ внести въ отправленіе тяжелой и щекотливой обязанности массу добра и гуманности, ни мало не поступясь при этомъ своимъ долгомъ. Если правительство, назначая его на этотъ постъ, имѣло великодушное намѣреніе облегчить участь несчастныхъ, оно вполнѣ достигло цѣли. Въ Ельцѣ Лепарскій былъ уже не молодъ, но бодръ и свѣжъ. Онъ командовалъ Новгородъсѣверскимъ конноегерскимъ полкомъ, подъ начальствомъ генерала Юзефовича. Трудно себѣ представить личность болѣе симпатичную. Онъ весь дышалъ добродушіемъ: оно проглядывало въ его рослой, полной фигурѣ, сіяло на его широкомъ съ сѣдыми усами лицѣ, звучало въ тихой, размѣренной рѣчи, задушевный тонъ которой невольно вызывалъ довѣріе. Онъ и тогда уже отличался какимъ-то особеннымъ сердечнымъ умѣньемъ соглашать важное значеніе начальственнаго лица съ кротостью и поистинѣ отеческою заботливостью о подчиненныхъ. За то они и были преданы ему душой и тѣломъ.

Тѣмъ временемъ проектъ генерала Юзефовича былъ конченъ и отправленъ въ Петербургъ, а затѣмъ и самъ авторъ вызванъ туда для личныхъ объясненій. Проектъ предлагалъ распространеніе Чугуевскихъ поселеній на три уѣзда Воронежской губерніи: Острогожскій, Старобѣльскій и Бирюченскій. Смутные, зловѣщіе слухи объ этомъ носились еще во время пребыванія Юзефовича въ Острогожскѣ, гдѣ собственно и составлялся проектъ. Мирные жители этого благословеннаго края были крайне смущены ими. Они кое-что знали объ аракчеевскихъ порядкахъ въ военныхъ поселеніяхъ и, главное, наслышались о террорѣ въ Чугуевѣ. Что могло побудить генерала предложить правительству такую непопулярную и жестокую мѣру? Одно честолюбіе развѣ, которое все сильнѣе и сильнѣе въ немъ разыгрывалось и въ заключеніе помутило ему умъ и сердце.

Какъ бы то ни было, а проектъ Юзефовича встрѣтилъ благосклонный пріемъ въ Петербургѣ. Димитрію Михайловичу поручили озаботиться его исполненіемъ. Центромъ и образцомъ для предполагавшихся въ проектѣ новыхъ поселеній долженъ былъ служить Чугуевъ и генералъ получилъ предписаніе пре-

дварительно взять его подъ свое начальство: Онъ прямо изъ Петербурга, не заѣзжая въ Елецъ, проѣхалъ къ мѣсту своего новаго назначенія, а семейству велѣлъ тоже немедленно собраться въ путь и ѣхать туда же.

Въ концѣ апрѣля, ровно годъ спустя послѣ нашего переселенія въ Елецъ, отправились мы въ Чугуевъ. Ѣхали мы медленно, часто останавливались, между прочимъ, три дня въ Острогожскѣ. Я опять свидѣлся съ матерью и съ друзьями, гнѣвъ которыхъ къ этому времени успѣлъ остыть, и они приняли меня съ распростертыми объятіями. Затѣмъ мы гостили въ Харьковской губерніи у помѣщицы Звѣревой, почтенной старушки, къ дочери которой, какъ сказано выше, былъ неравнодушенъ нашъ пылкій генералъ, и, наконецъ, уже недалеко отъ Чугуева, провели нѣсколько дней въ слободѣ Салтовой, имѣніи богатыхъ помѣщиковъ Хорватъ.

Ни самого Хорвата, ни жены его уже не было на свѣтѣ и ихъ единственная дочь владѣла всѣмъ огромнымъ состояніемь ихъ рода. Она была прелестная молодая дѣвушка. Жила она въ оригинальной обстановкѣ: одна, хозяйка въ великолѣпномъ домѣ, со старушкой гувернанткой и пожилымъ священникомъ, другомъ ея родителей, который училъ ее Закону Божію. Пребываніе въ Салтовѣ оставило во мнѣ розовое воспоминаніе. Роскошь и изящество тамъ мельчайшихъ подробностей были подъ стать красотѣ хозяйки. Все въ ней и около нея ласкало взоръ. Она была такъ плѣнительно проста; ея глаза смотрѣли такъ открыто и привѣтливо, что меня, лишь только я взглянулъ на нее и обмѣнялся съ нею парой словъ, точно спрыснули живой водой. Сердце мое или, вѣрнѣе, воображеніе, вспыхнуло, какъ порохъ, я пришелъ въ восторженное состояніе и, что называется, расходился. Должно быть я былъ въ ударѣ: говорилъ безъ умолку и меня охотно слушали. Милая хозяйка поощряла меня то взглядомъ, то улыбкой и каждое утро награждала свѣжимъ букетомъ розъ которыя сама собирала на ранней прогулкѣ въ саду и вязала въ пучокъ. Не мало трунила надо мной по этому поводу Анна Михайловна, но я не унимался.

Быстро прошли эти свѣтлые дни и мы въ половинѣ мая прибыли въ Чугуевъ. Какимъ безотраднымъ показался онъ послѣ свѣжихъ впечатлѣній, вывезенныхъ изъ Салтова. На немъ лежала

печать унынія и неумолимой аракчеевской дисциплины. Все въ немъ было перевернуто верхъ дномъ. Вездѣ суматоха, перестройка и возведеніе новыхъ зданій. Прокладывались новыя улицы, старыя подводились подъ математическіе углы; неровности почвы сглаживались: не говоря уже о горахъ и пригоркахъ, была срыта цѣлая гора, съ одной стороны замыкавшая селеніе. Но все это еще только начиналось или было доведенно до половины. Вполнѣ готовымъ стоялъ только одинъ небольшой деревянный дворецъ, на случай пріѣзда государя. Въ немъ пока и поселился генералъ.

Дворецъ былъ расположенъ на живописной высотѣ, которою съ другой стороны граничило поселеніе. Она террасами спускалась къ свѣтлому и тихому Донцу, а на нихъ разводился паркъ, который обѣщалъ быть роскошнымъ, судя по громаднымъ работамъ, производившимся подъ надзоромъ искусныхъ инженера и садовника.

Но надъ всѣмъ этимъ носилась мрачная тѣнь воспоминаній о страшныхъ жестокостяхъ, произведенныхъ здѣсь Аракчеевымъ незадолго до назначенія генерала Юзефовича. Главное населеніе Чугуева состояло изъ казаковъ. Кода до нихъ дошла вѣсть о намѣреніи обратить ихъ въ военныхъ поселенцевъ, между ними произошли смуты. Аракчеевъ, какъ извѣстно, шутить не любилъ: въ данномъ случаѣ онъ явился настоящимъ палачомъ. Насчитывали больше двадцати человѣкъ, на смерть загнанныхъ сквозь строй. Другихъ, забитыхъ до полусмерти, было не счесть. Ужасъ, какъ кошмаръ, сдавилъ въ своихъ когтяхъ несчастныхъ чугуевцевъ.

Мнѣ, послѣ пріятной салтовской интермедіи, показалось, что я попалъ въ кромѣшный адъ. Да и трехдневное пребываніе мимоѣздомъ въ Острогожскѣ разбередило во мнѣ старый мой недугъ тоску по родинѣ, которая въ Ельцѣ только дремала, а теперь пробудилась со всей силой. Сначала я еще находилъ нѣкоторое утѣшеніе въ участіи моихъ добрыхъ друзей, Анны Михайловны, Лаконте и особенно Михаила Владиміровича Юзефовича. Къ тому-же у меня завелись и новыя пріятныя знакомства. Упомяну изъ нихъ объ адъютантѣ генерала, вступившаго въ его штабъ въ Чугуевѣ, Андреѣ Ѳедосѣевичѣ Раевскомъ. Весьма образованный молодой человѣкъ, онъ былъ авторъ стихотвореній, печатав-

шихся въ тогдашнемъ „Вѣстникѣ Европы“, и переводчикъ военнаго стратегическаго сочиненія эрцгерцога Карла, который въ то время, вмѣстѣ съ генераломъ Жомини, пользовался большой популярностью среди военныхъ.

Скоро прибылъ сюда еще вызванный генераломъ изъ Петербурга чиновникъ его особой канцеляріи, Флавицкій, тоже очень милый и образованный человѣкъ. Мы часто сходились по вечерамъ и вели оживленные разговоры—всего чаще о литературѣ. Димитрія Михайловича я видѣлъ только за обѣденнымъ и за чайнымъ столомъ. Онъ былъ очень занятъ и жилъ почти внѣ дома. Я продолжалъ, по прежнему, давать уроки его племянницѣ и племянникамъ.

Но, мало по мало, и занятія, и участіе друзей перестали оказывать благотворное вліяніе на расположеніе моего духа. Лютая тоска буквально съѣдала меня и въ заключеніе свалила съ ногъ. Я тяжко заболѣлъ и если не умеръ, то только благодаря уходу за мной Михайла Владиміровича. Но, выздоровѣвъ физически, я не выходилъ изъ состоянія нравственной истомы. Меня тянуло домой, къ своимъ. Чугуевскій воздухъ казался мнѣ отравленнымъ и одно вліяніе родины, думалось мнѣ, можетъ спасти меня. Наконецъ, я рѣшился просить генерала, чтобы онъ уволилъ меня отъ должности, теперь непосильной. Онъ разгнѣвался и сначала и слышать не хотѣлъ о моемъ отъѣздѣ, но потомъ постепенно смягчился и согласился отпустить меня—и не съ пустыми руками. Я съ облегченнымъ сердцемъ сталъ собираться въ путь.

Между тѣмъ въ характерѣ Димитрія Михайловича стали проявляться странные симптомы. Знавшіе его только въ Чугуевѣ принимали ихъ за природныя свойства его натуры. Но болѣе близкіе люди и тѣ, которые раньше имѣли съ нимъ сношенія, съ тревогой замѣчали въ немъ рѣзкую перемѣну. Онъ становился сухъ и суровъ въ обращеніи и все чаще и чаще подвергался вспышкамъ безпричиннаго гнѣва. Въ поступкахъ его проглядывала непослѣдовательность, а въ рѣчахъ безсвязность. Все это долгое время объяснялось излишкомъ труда и заботъ. Странности и несообразности проскакивали даже въ приказахъ по дивизіи, которые печатались въ вывезенной имъ изъ Петербурга типографіи. Они отличались непомѣрной витіеватостью и часто

не согласовались съ сущностью дѣла. Помню я одинъ приказъ его около этого времени. Дѣло шло о какомъ-то легкомъ нарушеніи дисциплины однимъ изъ младшихъ офицеровъ. „Поручикъ (такой-то)", стояло въ приказѣ, „впалъ въ грѣхъ". Слѣдовало нѣчто въ родѣ проповѣди или поученія и все заключалось трогательнымъ увѣщаніемъ „не грѣшить впередъ". Всѣ удивлялись, но никто еще не предвидѣлъ приближавшейся катастрофы.

Отъѣздъ мой состоялся въ половинѣ іюня. Не смотря на страстное стремленіе домой, я съ глубокой грустью разстался съ моими дорогими друзьями, Анною Михайловною, Лаконте и молодымъ Юзефовичемъ. Съ первыми двумя я простился на вѣки, съ послѣднимъ мы свидѣлись и возобновили дружбу лѣтъ двадцать пять спустя. Онъ былъ уже помощникомъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, а я профессоромъ въ Петербургѣ и, какъ говорится, лицомъ вліятельнымъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія....

XVII.

Опять въ Острогожскѣ.

Мать не ожидала меня и тѣмъ больше обрадовалась мнѣ. Засталъ я ее, по обыкновенію, въ тяжелыхъ заботахъ. Мое скромное жалованье, дойдя до нея, всегда быстро истощалось и ей, до слѣдующей получки, приходилось пробавляться собственнымъ трудомъ. Теперь я возвращался съ 300-ми рублями въ карманѣ и радость свиданія такимъ образомъ усугублялась для нея еще и матеріальнымъ облегченіемъ. Эта сумма давала и мнѣ возможность немного отдохнуть и осмотрѣться до пріисканія новыхъ занятій.

Острогожскіе друзья тоже ласково приняли меня. Только число ихъ уменьшилось на весь военный персоналъ. Московскій драгунскій полкъ, съ которымъ я такъ сжился, былъ переведенъ въ другой городъ, а къ намъ, вмѣсто него, назначенъ на постой Каргопольскій. Дивизіей командовалъ генералъ Загряжскій и въ его штабѣ у меня не было знакомыхъ. За то городскіе пріятели оказались всѣ на лицо.

Оправясь съ дороги, слѣдовало подумать о томъ, чѣмъ жить впередъ и какъ прокормить семью. Но что могъ я придумать

новаго, кромѣ прежней учительской лямки? Я и взялся за нее опять. Къ счастью, ни ученики мои, ни родители ихъ не забыли меня, и теперь, когда я вернулся, безъ труда простили мнѣ мою эмиграцію въ Елецъ. Очень немногіе изъ прежнихъ уроковъ отошли отъ меня, да и тѣ съ избыткомъ замѣнились новыми. Учениковъ скоро набралось столько, что я могъ открыть у себя въ домѣ школу. Я работалъ усердно, мать неутомимо помогала мнѣ, и мы, при скромности нашихъ требованій, могли считать себя почти довольными. Да, если-бъ надъ нами не стряслась новая бѣда!

Я, конечно, имѣлъ большую заручку въ покровительствѣ городскихъ властей, но положеніе мое, тѣмъ не менѣе, было не прочно. Меня только терпѣли, а я, собственно говоря, не имѣлъ никакого права учить, тѣмъ болѣе заводить школу. Если мнѣ это до сихъ поръ сходило съ рукъ, то только благодаря присущей нашему обществу готовности при всякомъ случаѣ обходить законъ. Но могла ежеминутно явиться другая сила, враждебная той, которая поддерживала меня, и однимъ толчкомъ опрокинуть мое крохотное благосостояніе. Самый успѣхъ мой могъ только ускорить это, и такъ случилось на самомъ дѣлѣ.

Штатный смотритель, Ферронскій, и его сынъ Никандръ, учитель въ низшемъ классѣ уѣзднаго училища, были, какъ я уже говорилъ, одними изъ лучшихъ друзей моихъ и съ ихъ стороны мнѣ нечего было опасаться. Но ими не исчерпывался весь училищный штатъ и между казенными учителями были такіе, которые менѣе терпѣливо относились къ моему вторженію въ ихъ область. Одинъ изъ нихъ особенно косо смотрѣлъ на меня. Моя конкуренція оскорбляла его, а мой успѣхъ поднималъ въ немъ желчь. Онъ давно негодовалъ на меня втайнѣ и ухватился за первый случай поднять на меня гоненіе явно.

Въ уѣздномъ училищѣ происходилъ годичный актъ. Обычную въ такихъ случаяхъ очередную рѣчь произносилъ мой противникъ. Онъ выбралъ темою различные способы воспитанія. Развивая свой предметъ, онъ вдругъ разразился злою филиппикою противъ самозванныхъ учителей, ни вѣсть откуда являющихся бродягъ, которые дерзко врываются въ ряды оффиціальныхъ преподавателей и только морочатъ добрыхъ людей, и далѣе, съ такими прозрачными намеками, что личность обличаемаго ни для

кого не осталась тайною. Ораторъ, очевидно, хотѣлъ меня напугать и уронить въ общественномъ мнѣніи.

Рѣчь его, однако, произвела совсѣмъ иное впечатлѣніе, чѣмъ онъ ожидалъ. Ее нашли неприличною, а меня сожалѣли, какъ жертву зависти. Самъ я былъ глубоко огорченъ, но не столько обидою, нанесенною мнѣ, сколько сознаніемъ горькой правды, послужившей къ ней поводомъ. Что̀ я въ самомъ дѣлѣ, какъ не бродяга и самозванецъ, въ томъ обществѣ, гдѣ онъ, мой противникъ—равноправный членъ и законный представитель умственныхъ интересовъ? Нѣтъ, не его надобно винить, а мою злую судьбу! Все это я глубоко чувствовалъ и старался объяснить тѣмъ, которые выражали мнѣ сожалѣнія о случившемся.

Но какъ ни былъ проникнутъ этою мыслію, я, однако, не могъ покорно склонить головы подъ ударомъ. Мнѣ слѣдовало бороться и за себя, и за близкихъ моихъ. При всемъ расположеніи ко мнѣ острогожскаго общества, событіе это могло имѣть для меня печальныя послѣдствія. Рѣчь учителя, по заведенному порядку, была представлена въ дирекцію. Тамъ она получила характеръ доноса и могла возбудить дѣло, отъ котораго круто пришлось бы и не мнѣ одному. Чего добраго, и старикъ Ферронскій могъ поплатиться за свою великодушную терпимость. Надо было предупредить двойную бѣду. Мои доброжелатели посовѣтовали мнѣ съѣздить въ Воронежъ и лично объясниться съ недавно назначеннымъ туда директоромъ училищъ, Петромъ Григорьевичемъ Бутковымъ. Особенно настаивалъ на этомъ нашъ уважаемый предводитель дворянства, Василій Тихоновичъ Лисаневичъ, самый вліятельный изъ моихъ покровителей. Онъ зналъ Буткова въ Петербургѣ и даже находился въ пріятельскихъ съ нимъ отношеніяхъ. Отправляя меня теперь къ нему, онъ далъ мнѣ рекомендательное письмо, въ которомъ не поскупился на похвалы.

О новомъ директорѣ носились хорошіе слухи. Говорили, что онъ уменъ, образованъ и съ большими связями въ столицѣ. Это ободряло меня, но я все же не безъ трепета явился къ нему.

Читая письмо предводителя, Бутковъ бѣгло взглядывалъ на меня. Мой скромный видъ, должно быть, не возбудилъ въ немъ подозрѣній и ходатайство Лисаневича оказало свое дѣйствіе. Петръ Григорьевичъ ласково обошелся со мной, много и участ-

ливо разспрашивалъ о моихъ обстоятельствахъ, о томъ, гдѣ я самъ учился и какъ теперь учу другихъ. Отпуская меня, онъ сказалъ:

— „Формальнаго, письменнаго разрѣшенія преподавать я не могу вамъ выдать. Но, пожалуйста, успокойтесь и продолжайте по прежнему учить. Я, въ самомъ скоромъ времени, собираюсь обозрѣвать мою дирекцію, буду въ Острогожскѣ и тогда лично устрою ваше дѣло такъ, чтобы впередъ васъ больше не безпокоили. Другу моему, Лисаневичу, я самъ напишу, а вы поѣзжайте, съ Богомъ, домой и передайте Ферронскому все, что отъ меня слышали".

Мѣсяца два спустя, Бутковъ, дѣйствительно, пріѣхалъ въ Острогожскъ. Его встрѣтили единодушнымъ ходатайствомъ обо мнѣ. Мало того, ему представили оформленную бумагу съ засвидѣтельствованіемъ общаго уваженія горожанъ къ моему характеру и поведенію. „Такой-то,—стояло въ бумагѣ,—оказалъ себя во всѣхъ отношеніяхъ человѣкомъ честнымъ, благороднымъ, достойнымъ всякаго вниманія и похвалы, и соблюденіемъ священнѣйшихъ обязанностей христіанина и гражданина заслуживаетъ всеобщую довѣренность. Данъ 1821 года, декабря 11-го". Слѣдовали подписи.

Эту бумагу я и теперь храню съ глубокою признательностью къ добрымъ людямъ, которые не только не покинули меня въ бѣдѣ, но еще вывели изъ нея съ почетомъ.

Больше всѣхъ хлопотали Лисаневичъ и Ферронскій. Впрочемъ, и директоръ не дѣлалъ затрудненій. Ферронскій, какъ смотритель училища, получилъ публичное приказаніе и впередъ мнѣ не препятствовать въ занятіяхъ по школѣ. Добрый старикъ искренно радовался такому обороту дѣла.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы все это было очень законно, но и не преступно, однако-же. Нарушеніе буквы закона въ настоящемъ случаѣ не вредило обществу, а только устраняло частное зло. Много лѣтъ спустя, судьба опять свела меня съ Петромъ Григорьевичемъ Бутковымъ — и гдѣ же? Въ стѣнахъ академіи наукъ, гдѣ мы оба были членами и даже засѣдали рядомъ. Онъ тогда былъ уже очень старъ и сначала не призналъ во мнѣ бѣднаго неоперившагося юношу, который когда-то являлся къ нему просителемъ. Я ему напомнилъ о его добромъ дѣлѣ и между нами

завязались искреннія, товарищескія отношенія, которыя не прекращались до его смерти.

Не знаю, были ли тогда люди добрѣе или судьба, желая уравновѣсить зло, лежавшее въ основѣ моего положенія, чаще другихъ наталкивала меня на такихъ, только ихъ въ самомъ дѣлѣ особенно много выпало на мою долю—по крайней мѣрѣ, въ молодые годы. Вотъ и самый гонитель мой не замедлилъ высказаться въ совсѣмъ другомъ свѣтѣ, чѣмъ въ началѣ нашего знакомства. Человѣкъ честный, не глупый и вообще порядочный, но гордый и нетерпимый, онъ искренно считалъ меня самонадѣяннымъ шарлатаномъ, вреднымъ для общества. Убѣдясь въ противномъ, онъ охотно сознался въ ошибкѣ и самъ протянулъ мнѣ руку. Онъ даже сдѣлался моимъ горячимъ сторонникомъ и уже ни словомъ, ни дѣломъ больше не пытался мнѣ вредить. Такимъ образомъ я избавился отъ единственнаго врага, котораго имѣлъ въ Острогожскѣ.

Да, избавился врага и вышелъ побѣдителемъ изъ ложнаго положенія—но надолго ли? Меня терзала мысль, что право все же не на моей сторонѣ и я могу не сегодня—завтра опять стать жертвою новыхъ враждебныхъ случайностей. Да и самое дѣло, о непрочности котораго я скорбѣлъ, развѣ оно удовлетворяло меня? Я честно трудился для пропитанія себя и своей семьи, но вѣдь это былъ только долгъ мой, а не цѣль и задача цѣлой жизни. Стремленіе вырваться изъ путъ и, наконецъ, встать на твердую почву становилось все неудержимѣе. Страстные порывы къ свободѣ, къ знанію, къ широкой дѣятельности подчасъ обуревали меня до физической боли. Сердце замирало отъ желанія, голова шла кругомъ отъ усилій найти выходъ къ свѣту. А выходъ былъ, я не сомнѣвался и, какъ ни странно, а, соотвѣтственно нетерпѣнію, меня охватившему, росли и мои надежды—на что? Я самъ не давалъ себѣ отчета, но все чего-то ждалъ, что непремѣнно случится и выведетъ меня на настоящій путь. Однимъ словомъ, я, какъ говорится, вѣрилъ въ свою звѣзду—и вѣрилъ съ безумнымъ упорствомъ. Вѣдь вотъ, думалось мнѣ, если-бъ Наполеонъ, еще въ военной школѣ, кому-нибудь сказалъ, что надѣется быть императоромъ, его, конечно, перевели бы въ сумасшедшій домъ. Я не Наполеонъ, но за то и претензіи мои скромнѣе. Я не о коронѣ мечтаю, а всего объ университетской

скамьѣ: она одна сіяетъ мнѣ подъ лучами моей звѣзды, къ ней одной направлены всѣ мои помыслы....

Но въ данную минуту надо мною тяготѣли два ярма, одно тяжелѣе другаго; ярмо крѣпостнаго состоянія и нищеты. Какъ сбросить ихъ? Какъ прежде всего достичь желанной свободы? Одной вѣры въ свою звѣзду недостаточно, твердилъ я себѣ: надо дѣйствовать, идти впередъ на свѣтъ, которымъ она манитъ. И вотъ мнѣ пришла въ голову дикая мысль. Я вздумалъ пресѣчь зло у самаго корня и это—съ помощью того, въ чьихъ рукахъ была моя судьба. Короче, я рѣшился писать къ графу *** и просить у него свободы для того, чтобы окончить образованіе, зачатки котораго онъ могъ видѣть въ этомъ самомъ письмѣ.

Не могу сказать, чтобы, приступая къ этому, я серьезно вѣрилъ въ успѣхъ. Мнѣ кажется, я дѣйствовалъ только для очистки совѣсти. Я сознавалъ, что пускаю ладью свою въ безпредѣльное море случайностей и полагаюсь при томъ только на „авось". Мои слабыя данныя на успѣхъ заключались въ слухахъ о добротѣ графа, да въ разсчетѣ на его молодость. Онъ еще не успѣлъ зачерствѣть, утѣшалъ я себя. Онъ прекрасно воспитанъ подъ наблюденіемъ такой благодушной особы, какъ императрица Марія Ѳеодоровна. Онъ учился гуманитарнымъ наукамъ, исторіи; конечно, почерпнулъ оттуда уроки благородства, великодушія и проникся сознаніемъ своего высокаго значенія, какъ наслѣдникъ знаменитаго рода. Не можетъ быть, чтобы все это не сообщило ему извѣстной широты взгляда и не сдѣлало его способнымъ сочувствовать человѣку, который ищетъ свободы, съ цѣлью образовать себя. Да и какой матеріальный ущербъ могло принести ему увольненіе одного ничтожнаго мальчика изъ полутораста тысячъ подвластныхъ ему людей? Въ заключеніе я просилъ у графа позволенія явиться къ нему лично, чтобы на словахъ подробнѣе изложить ему мое дѣло.

Но графъ ***, какъ я узналъ послѣ, былъ очень ограниченъ. Все, чего я могъ бы ожидать отъ него, даже не вдаваясь въ идеализацію, было рѣшительно ему недоступно. Онъ не зналъ самаго простаго чувства приличія, которое у людей образованныхъ и въ его положеніи иногда съ успѣхомъ замѣняетъ болѣе прочныя качества ума и сердца. Его много и хорошо учили, но онъ ничему не научился. Говорили, что онъ добръ. На самомъ дѣлѣ

онъ былъ ни добръ, ни золъ: онъ былъ ничто и находился въ рукахъ своихъ слугъ, да еще товарищей, офицеровъ кавалергардскаго полка, въ которомъ служилъ. Слуги его безсовѣстно обирали; пріятели дѣлали то-же, но въ болѣе приличной формѣ: они прокучивали и проигрывали бѣшенныя деньги и заставляли его платить свои долги.

Самъ графъ былъ крайне апатиченъ и не способенъ даже наслаждаться своимъ богатствомъ. Одинъ только случай извѣстенъ изъ его личнаго мотовства. Онъ былъ близокъ съ танцовщицею Истоминою и та, какъ говорятъ, стоила ему болѣе трехсотъ тысячъ рублей. Но это была ничтожная сумма, въ сравненіи съ тѣмъ, что похищали у него приближенные. Наконецъ, даже его огромное состояніе поколебалось. Слухи о томъ дошли до его высокой покровительницы и она склонила графа ввѣрить управленіе своими дѣлами какому-нибудь честному и умному администратору. Такого нашли въ лицѣ бывшаго профессора царскосельскаго лицея и позже директора департамента иностранныхъ исповѣданій, Куницына. Выборъ оказался удачный. Новый повѣренный графа уплатилъ значительную часть лежавшихъ на его имуществѣ долговъ и остановилъ потокъ безумныхъ издержекъ. Къ сожалѣнію, смерть помѣшала ему довести до конца такъ хорошо начатое дѣло. Однако, главное было сдѣлано и достояніе графа спасено. Помимо этого, Куницынъ еще извѣстенъ какъ ученый и общественный дѣятель.

Прошло два мѣсяца. Отвѣта на письмо не было. Я вторично написалъ. Тогда послѣдовала резолюція, которую мнѣ сообщили черезъ Алексѣевское вотчинное правленіе 17-го января 1821 г. Она поражала роковою категоричностью: „Оставить безъ уваженія“. Вотъ все, чего я добился.

Итакъ, участь моя, повидимому, была рѣшена навсегда. Казалось бы, какъ не придти въ отчаяніе? Но я точно и ни ожидалъ другаго отъ моей попытки. Неудача меня огорчила, но не убила въ конецъ моихъ надеждъ. Въ гордомъ сознаніи моего человѣческаго достоинства, мнѣ не вѣрилось, чтобы я, дѣйствительно, былъ обреченъ навсегда остаться въ рукахъ другаго человѣка, да еще умственно и нравственно ничтожнаго. Настоящая неудача, шепталъ мнѣ внутренній голосъ, еще не есть, не можетъ быть послѣднимъ словомъ моей судьбы, не время еще,

значитъ, и прибѣгать къ послѣднему средству уйти отъ нея. Вся сила теперь въ моемъ второмъ девизѣ: „терпѣніе есть мудрость“. Буду же терпѣть до полной утраты надеждъ до полнаго истощенія вѣры...

Волнуемый этими мыслями, я жилъ въ постоянномъ возбужденіи, въ чаду котораго мнѣ днемъ и ночью мерещился университетъ—и непремѣнно петербургскій—въ видѣ сіяющаго огнями храма, гдѣ обитаютъ миръ и правда...

Но ничто въ моей внѣшности не выдавало моихъ тайныхъ мукъ и честолюбивыхъ желаній. По виду я оставался скромнымъ учителемъ, какъ будто даже помирившимся съ своей незавидной долей. Одинъ дневникъ былъ моимъ повѣреннымъ. Перебирая теперь листы его, сколько слѣдовъ подавленныхъ слезъ нахожу я въ немъ, но и какой избытокъ жизненныхъ силъ, вѣры въ неизбѣжное торжество добра и правды! Послѣдняя оскудѣла отъ столкновенія съ опытомъ, но тотъ же опытъ, съ теченіемъ времени, оживилъ ее опять, въ иномъ, очищенномъ видѣ—въ примѣненіи уже не къ земнымъ нашимъ нуждамъ, а къ тѣмъ вѣчнымъ, непреложнымъ законамъ правды и добра, источникъ которыхъ за предѣлами земнаго.

Занятія мои шли своимъ чередомъ. Школа моя процвѣтала и я попрежнему пользовался расположеніемъ острогожскихъ гражданъ. Всего чаще бывалъ я у Ферронскаго и Должиковыхъ, у Сцепинскаго и Лисаневича. Я въ полномъ смыслѣ слова былъ у нихъ своимъ человѣкомъ. Не меньше ласкалъ меня и Астафьевъ, когда пріѣзжалъ въ городъ. Онъ всегда вносилъ новое оживленіе въ нашъ кружокъ. Послѣдній около этого времени увеличился новымъ членомъ, который занялъ въ немъ не послѣднее мѣсто. Это былъ недавно назначенный къ намъ въ Острогожскъ городничій, Гаврило Ивановичъ Чекмаревъ. Онъ когда-то служилъ въ военной службѣ и участвовалъ въ походахъ, о чемъ свидѣтельствовалъ глубокій шрамъ отъ сабельнаго удара на его лицѣ. Но онъ, еще задолго до двѣнадцатаго года вышелъ въ отставку, съ чиномъ маіора.

Гаврило Ивановичъ былъ свѣтски образованъ. Онъ нѣсколько гордился своимъ старымъ дворянскимъ родомъ и только разстроенное состояніе принудило его снизойти до скромной роли городничаго въ уѣздномъ городѣ. Впрочемъ, у него было худшее

горе—болѣзнь горячо любимой жены. У Чекмаревыхъ было двое дѣтей. Старшій изъ нихъ, семилѣтній Ваня, не замедлилъ поступить въ число моихъ учениковъ.

У Гаврилы Ивановича была одна замѣчательная особенность, почти выходившая изъ границъ вѣроятія, а именно: состоя городничимъ, да еще въ видномъ и багатомъ городѣ, онъ совсѣмъ не бралъ взятокъ. Между тѣмъ онъ получалъ всего триста рублей жалованья и какой-то микроскопическій доходецъ съ свего тамбовскаго раззореннаго гнѣзда. Такимъ образомъ ему не легко было бы сводить концы съ концами, если бы не явилось къ нему на помощь все то-же несравненное острогожское общество. Оно оцѣнило усердную и безкорыстную службу Чекмарева и, помимо казеннаго, опредѣлило ему еще отъ себя дополнительное содержаніе, конечно, безъ всякихъ оффиціальныхъ формальностей. Городъ, такимъ образомъ, являлся достойнымъ своего городничаго. Оба жили въ тѣсной дружбѣ и оказывали другъ другу взаимныя услуги.

Чекмаревъ и меня пригрѣлъ. Первоначально приглашенный къ нему въ домъ въ качествѣ учителя, я вскорѣ превратился тамъ въ общаго баловня. Самъ городничій, жена его и дѣти смотрѣли на меня, какъ на роднаго. Я жилъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ и не знаю, чей домъ былъ больше моимъ: ихъ или мой собственный.

Назначенію къ намъ Чекмарева предшествовало слѣдующее событіе. До него острогожскимъ городничимъ былъ Григорій Николаевичъ Глинка, тоже изъ отставныхъ военныхъ. Этотъ былъ буйнаго нрава. Пользуясь протекціей своихъ братьевъ, извѣстныхъ Сергѣя и Ѳедора Глинокъ, онъ не стѣснялся въ обращеніи съ мелкими и небогатыми горожанами, давалъ полную волю своему языку и рукамъ, безжалостно облагалъ ихъ взятками и въ заключеніе сжегъ бо̀льшую часть города. Случилось это такъ. Съ цѣлью сорвать крупную взятку съ одного мѣщанина, владѣтеля жалкой лачуги, онъ навязалъ ему, въ видѣ постоя, полковую пекарню. Домишко былъ, конечно, деревянный, крытъ камышемъ и стоялъ въ центрѣ города. А пекарня требовала непрерывной и усиленной топки печей. Законъ прямо запрещалъ отводить квартиры для пекаренъ въ густо-населен-

ныхъ частяхъ города. Но что значилъ законъ для нашего лихаго городничаго!

Время было лѣтнее. Стояла засуха. Печь въ домѣ никогда не отдыхала. Бѣдный хозянъ не зналъ покоя, ожидая, что вотъ, вотъ она лопнетъ, и тогда не сдобровать ни ему, ни сосѣдямъ. Онъ слезно молилъ городничаго перевести отъ него пекарню въ болѣе безопасное мѣсто. Тотъ, пожалуй, и соглашался, но подъ условіемъ такой взятки, которая была рѣшительно не подъ силу бѣдному домовладѣльцу. День за днемъ, печи все больше и больше накалялись и, наконецъ, не выдержали: въ пекарнѣ, дѣйствительно, вспыхнулъ пожаръ. Лѣто было на половинѣ, день знойный, но вѣтренный. Огонь быстро охватилъ сосѣднія зданія и потокомъ разлился по улицамъ города. Гасительные снаряды у насъ ограничивались четырьмя испорченными трубами. Обыватели ничего не могли сдѣлать для прекращенія пожара, который въ заключеніе истребилъ больше трехсотъ домовъ на лучшихъ улицахъ. Добрая треть Острогожска обратилась въ груду развалинъ, изъ которыхъ онъ, по крайней мѣрѣ на моихъ глазахъ, уже не могъ подняться. Домъ, гдѣ я жилъ, на мое счастье, уцѣлѣлъ, хотя и мы не мало набрались страху и не избѣгли потерь.

Преступленіе городничаго было слишкомъ явно, чтобы скрыть его. Но вѣрно у него, въ самомъ дѣлѣ, были сильные покровители: онъ ничѣмъ не поплатился, а только былъ переведенъ, городничимъ же, въ другой городъ, а именно въ Бобровъ. Тогда-то намъ, вмѣсто него, дали Чекмарева. Мы выиграли, но не бобровцы, которымъ выпало, по пословицѣ, отвѣдать въ чужомъ пиру похмѣлья. Не напоминаетъ ли это басни Крылова о щукѣ, которую судьи, за ея провинности, приговорили утопить въ рѣкѣ?

Большимъ утѣшеніемъ были для меня въ это время письма, которыя я аккуратно получалъ отъ моихъ чугуевскихъ друзей. Они заключали столько ума и доброты, дышали такимъ участіемъ ко мнѣ, что дни ихъ получки всегда были для меня настоящими праздниками. Но письма эти имѣли для меня еще и другой смыслъ: они являлись какъ бы звеномъ, соединявшимъ меня съ тою средою, отъ которой я былъ оторванъ, но куда стремился всѣми помыслами. Скоро, однако, и это звено порвалось. Надъ

моими друзьями разразился ударъ, который положилъ конецъ и моимъ сношеніямъ съ ними.

Въ концѣ іюня 1821 года я получилъ отъ Анны Михайловны скорбное письмо. Она извѣщала меня, что братъ ея, Димитрій Михайловичъ, сошелъ съ ума. „Увы!" писала она, „тотъ, отъ котораго зависѣла судьба всѣхъ насъ, сиротъ, а наипаче моя судьба, съ Люлею, потерялъ совершенно разсудокъ и сдѣлался для насъ уже полумертвымъ.... Я нѣкоторымъ образомъ привыкла къ горестямъ", продолжала она, „но это несчастіе обратило меня въ истукана. Я только и могу у всѣхъ спрашивать: что мнѣ теперь дѣлать, бѣдной сиротѣ?" Затѣмъ слѣдовали нѣкоторыя подробности. Государь оставилъ за Димитріемъ Михайловичемъ званіе дивизіоннаго командира, полное содержаніе и столовыя деньги. Вся семья ѣхала въ Кіевъ, а оттуда собиралась на леченье въ Карлсбадъ. Лаконте писалъ о томъ же. Странности генерала, которыхъ и я былъ свидѣтелемъ, еще довольно долго принимались близкими за раздраженіе отъ усиленныхъ занятій по службѣ. На самомъ дѣлѣ онѣ были зловѣщими предвѣстниками умопомѣшательства. Теперь это послѣднее объяснялось непомѣрнымъ честолюбіемъ генерала и тѣмъ внутреннимъ разладомъ, который оно въ немъ поселяло. Едва-ли аракчеевская система военныхъ поселеній на самомъ дѣлѣ приходилась ему по душѣ. Но желаніе, во что бы то ни стало, отличиться, заставило его поступиться своими убѣжденіями и пренебречь внушеніями просвѣщеннаго ума и благороднаго сердца. Отсюда колебанія, недовольство собой и окружающими и въ заключеніе катастрофа. Нельзя-ли, однако, все это объяснить гораздо проще, а именно наслѣдственнымъ недугомъ, жертвою котораго уже раньше сдѣлался родной братъ его? Какъ бы то ни было, а въ Димитріи Михайловичѣ Юзефовичѣ погибла высокодаровитая личность, заслуживающая болѣе подробной и безпристрастной оцѣнки. Я же, по моимъ личнымъ отношеніямъ къ нему, могу только съ благодарностью о немъ вспоминать. Онъ не долго страдалъ и умеръ, не доѣхавъ до Карлсбада.

Еще два, три письма получилъ я отъ Анны Михайловны уже изъ полтавскаго имѣнія покойнаго генерала, Сотниковки. Раза два писали мнѣ и молодой Юзефовичъ съ Лаконте, потомъ замолкли. Въ настоящую минуту я о нихъ ничего не знаю.

Но гдѣ бы они ни были, живые или мертвые, они остаются для меня одними изъ лучшихъ людей, какихъ я когда-либо зналъ, и лучшими друзьями, какихъ я когда-либо имѣлъ.

XVIII.

Заря лучшаго.

Прошелъ 1821 годъ. Близился къ концу и 1822. Мнѣ минуло восемнадцать лѣтъ. Въ положеніи моемъ ничто не измѣнилось. Не было даже намека на возможность перемѣны когда-нибудь. Между тѣмъ, ни для кого не замѣтно зрѣло событіе, которое должно было приблизить меня къ цѣли.

Въ 1820-хъ годахъ въ Россіи почти повсемѣстно учреждались библейскія общества. Цѣль ихъ состояла въ распространеніи книгъ Священнаго Писанія, преимущественно Евангелія. Въ это время былъ переведенъ на русскій языкъ весь Новый Завѣтъ, а изъ Ветхаго—Псалтирь и изданы вмѣстѣ съ славянскимъ текстомъ.

Учрежденіе библейскихъ обществъ совпало у насъ или, вѣрнѣе, было вызвано политическимъ событіемъ, которое видѣло въ нихъ полезное орудіе для своихъ спеціальныхъ цѣлей. Вслѣдъ за низверженіемъ Наполеона, въ Европѣ, какъ извѣстно, образовался, такъ называемый, Священный Союзъ изъ трехъ государей: прусскаго, австрійскаго и русскаго. Предлогомъ къ нему выставляли стремленіе упрочить благо народовъ при твердомъ намѣреніи этихъ государей царствовать въ духѣ христіанскаго братства. На самомъ дѣлѣ у него была другая тайная цѣль.

Созданный Меттернихомъ, союзъ имѣлъ въ виду противодѣйствовать идеямъ, возбужденнымъ французской революціей, т. е. парализировать движеніе народныхъ массъ къ свободѣ, къ обузданію феодальнаго произвола, къ установленію великаго начала, что не народы существуютъ для правителей, а правители для народовъ. Это былъ настоящій заговоръ—противъ народовъ. Не пренебрегая никакими средствами, союзъ призвалъ къ себѣ на помощь и религію или, вѣрнѣе, ту часть ея, которая была съ руки ему, а именно проповѣдь о смиреніи и повиновеніи. Обходя идею братскаго равенства, составляющую главную суть ученія

Христа, онъ недобросовѣстно держался только буквы извѣстныхъ истинъ, которыя, взятыя въ отдѣльности, всегда могутъ быть, по произволу, искажены. Такъ поступали обскуранты— всѣхъ временъ. Они пользовались религіей, какъ средствомъ для отупленія умовъ, съ цѣлью лишать ихъ всякой инициативы и повергать въ прахъ . . . . Вспомнимъ только, какъ дѣйствовали папы и какъ до сихъ поръ дѣйствуютъ французскіе клерикалы и ультрамонтаны. А у насъ развѣ еще не свѣжо воспоминаніе о временахъ Руничей и Магницкихъ?

Императоръ Александръ I былъ человѣкъ съ честными намѣреніями и возвышеннымъ образомъ мыслей, но ума не глубокаго и шаткой воли. Такого рода люди всегда искренно расположены къ добру и готовы его дѣлать, доколѣ имъ улыбается счастье. Но возникаютъ на ихъ пути трудности—а это неизбѣжно—и они теряются, падаютъ духомъ, раскаиваются въ своихъ прежнихъ широкихъ и благихъ замыслахъ. Роль ихъ требуетъ великихъ дѣлъ, а имъ отказано въ органѣ, посредствомъ котораго тѣ совершаются,—въ характерѣ. Люди эти, не выходя изъ посредственности, пригодны для обыкновеннаго порядка вещей, но не для отвѣтственнаго положенія, когда являются властителями народныхъ судебъ и руководителями событій, отъ которыхъ зависитъ благо цѣлыхъ обществъ.

Извѣстно, какой переворотъ произошелъ въ императорѣ Александрѣ Павловичѣ послѣ первыхъ неудачъ, встрѣтившихъ его либеральныя поползновенія. Даже сердце его охладѣло къ Россіи, лишь только оказалось, что ея грубые нравы, невѣжество, административныя неурядицы не могутъ быть переработаны такъ скоро, какъ бы ему того хотѣлось по его добрымъ, но легкомысленнымъ планамъ. Онъ отказался отъ реформъ, которыя передъ тѣмъ самъ признавалъ нужными и полезными,—отказался потому, что онѣ требовали систематической твердой политики, не смущающейся ни трудностями, ни первоначальными неудачами. Вступая въ Священный Союзъ, онъ наивно вѣрилъ, что достаточно провозгласить великія христіанскія истины, чтобы люди стали добрыми, возлюбили правду и миръ, чтобы между ними установилось согласіе, уваженіе къ закону, а чиновники перестали грабить казну и народъ. Онъ, конечно, былъ честнѣе Меттерниха, по крайней мѣрѣ, сознательно не дѣлалъ изъ рели-

гіи орудія—политическихъ интригъ. Однако, по странному самообольщенію, видѣлъ въ ней личную союзницу, которая сѣяла въ сердцахъ людей нравственность для того, чтобы ему легче было управлять ими. Вотъ почему онъ такъ благосклонно смотрѣлъ на возникавшія у насъ библейскія общества и даже поощрялъ ихъ дѣятельность, подъ руководствомъ главнаго учредителя ихъ князя Александра Николаевича Голицына.

Но оставивъ въ сторонѣ ухищренія, нельзя отрицать, что основная идея библейскихъ обществъ была сама по себѣ симпатична. Стремясь къ поднятію нравственнаго уровня народа, она косвенно вела еще и къ распространенію среди него грамотности. Отсюда сочувствіе и дѣятельная поддержка, встрѣченная этими обществами среди просвѣщенныхъ людей всѣхъ классовъ и положеній. Въ Россіи безпрестанно открывались новые отдѣлы его, именуемые „сотовариществами", центральное управленіе которыхъ находилось въ Петербургѣ, въ рукахъ князя А. Н. Голицына.

Такой интеллигентный городъ, какимъ былъ Острогожскъ, само собой разумѣется, не захотѣлъ отстать отъ другихъ. Первыми зачинщиками этого дѣла въ нашемъ краю были богатые помѣщики. Къ нимъ охотно присоединились зажиточные граждане, и дѣло пошло въ ходъ. Сумма, необходимая для открытія новаго сотоварищества, была быстро собрана и самое открытіе состоялось въ концѣ 1822 года. Предсѣдателемъ былъ избранъ Владиміръ Ивановичъ Астафьевъ, а секретаремъ—не кто другой какъ я!

Это было большимъ почетомъ для меня: вѣдь я ни по званію, ни по лѣтамъ, ни по состоянію не представлялъ никакихъ для того данныхъ. Многіе, болѣе достойные и даже чиновные изъ членовъ сотоварищества, охотно взяли бы на себя эти обязанности и были бы польщены, если бы выборъ палъ на нихъ. Должность секретаря, правда, не приносила никакихъ матеріальныхъ выгодъ: она была безвозмездная. Но по подбору лицъ, участвовавшихъ въ товариществѣ, и по роли, какая среди нихъ выпадала на долю секретаря, она казалась видною для провинціальнаго честолюбія.

Вотъ этотъ-то почетъ и представлялся мнѣ и близкимъ моимъ самой существенною частью выбора, павшаго на меня. Ни-

кто не подозрѣвалъ, что существенное еще впереди, а это только первый шагъ къ нему.

Я съ жаромъ принялся за отправленіе новыхъ обязанностей. Онѣ, какъ нельзя больше, соотвѣтствовали тогдашнему настроенію моего духа. Идея нравственности лежала въ основѣ всѣхъ моихъ идеаловъ, и трудиться во имя ея казалось мнѣ высшимъ благомъ. Герои Плутарха попрежнему наполняли мою голову, а сердце только и видѣло свѣта въ Евангельскихъ истинахъ и утѣшительныхъ обѣщаніяхъ. Воображеніе мое расходилось и опять унесло за черту реальнаго. Дѣятельность сотоварищества приняла въ моихъ глазахъ размѣры гражданскаго подвига, и я, допущенный къ участію въ немъ, чтобъ оправдать оказанное мнѣ довѣріе, обрекалъ себя чуть не на подвижничество. Мое восторженное отношеніе къ дѣлу, въ дѣйствительности, очень скромному, на этотъ разъ никого не удивляло. Всѣ мы въ нашемъ провинціальномъ простодушіи не видѣли ничего дальше цѣлей и намѣреній, воодушевлявшихъ насъ самихъ, и, за недостаткомъ настоящаго дѣла, тѣшили себя мнимыми подвигами.

Понятно, мы не жалѣли средствъ и, между прочимъ, въ большомъ количествѣ выписывали изданія центральнаго библейскаго общества, платя наличными деньгами по 1 рублю за экземпляръ Евангелія и по 50 копѣекъ за Псалтирь. Необходимыя суммы составлялись изъ членскихъ взносовъ. Затѣмъ мы уже отъ себя разсылали книги по приходамъ, гдѣ онѣ предлагались желающимъ: кто хотѣлъ и могъ, въ свою очередь, платилъ за нихъ деньги, другіе получали даромъ.

Въ этихъ новыхъ занятіяхъ и въ прежнихъ моихъ, учительскихъ, прошло еще больше года. Но вотъ настала вѣчно памятный для меня день—27-го января 1824 года. Это былъ день перваго общаго собранія нашего сотоварищества. Его хотѣли обставить какъ можно торжественнѣе. Изъ уѣзда съѣхалось много помѣщиковъ. Въ залу засѣданія собрались почетные горожане и всѣ главныя чиновныя лица. Я выступилъ передъ собраніемъ съ отчетомъ, который составилъ къ этому дню, о дѣйствіяхъ и матеріальныхъ средствахъ товарищества, а въ заключеніе прочелъ рѣчь собственнаго издѣлія [1]). Я говорилъ о высокомъ зна-

---

[1]) Эта рѣчь была, между прочимъ, напечатана при академическомъ

ченіи религіозныхъ истинъ, открытыхъ намъ Евангеліемъ, о благотворномъ вліяніи ихъ на частную и общественную нравственность и коснулся пользы, какую могутъ принести въ этомъ смыслѣ соединенныя усилія просвѣщенныхъ гражданъ, посредствомъ распространенія книгъ Св. Писанія.

Мнѣ теперь кажется, что все достоинство моей рѣчи заключалось въ искренномъ увлеченіи и юношескомъ пылѣ, съ какимъ я ее произнесъ. Это подкупило слушателей, большинство которыхъ къ тому же было ко мнѣ дружески расположено. Послѣдовалъ взрывъ энтузіазма, и мнѣ была сдѣлана настоящая овація. Собраніе единодушно постановило представить мою рѣчь главному президенту библейскихъ обществъ въ Россіи, министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князю А. Н. Голицыну, и ходатайствовать о позволеніи напечатать ее.

Не знаю, питали ли мои друзья, приходя къ этому соглашенію, какія-нибудь надежды на мой счетъ. Но на меня оно произвело дѣйствіе живительнаго луча. Въ сердце закралось предчувствіе близкаго необычайнаго рѣшенія моей участи. „Теперь или никогда, думалъ я; если этотъ случай пройдетъ безслѣдно—тогда всему конецъ". Я отъ волненія лишился сна, аппетита, бродилъ какъ тѣнь, нигдѣ не находя покоя.

Такъ длилось около мѣсяца. Затѣмъ пришло письмо отъ князя Голицына на имя Астафьева. Князь писалъ, что „съ большимъ удовольствіемъ прочелъ доставленную ему рѣчь, которая свидѣтельствуетъ не только объ учености и талантѣ автора, но и о благородномъ образѣ его мыслей". При этомъ князь просилъ доставить ему слѣдующія свѣдѣнія: „кто авторъ рѣчи, какого онъ званія, возраста и имѣетъ-ли семейство?" Товарищество поспѣшило дать на все удовлетворительные отвѣты.

Вельможѣ, располагающему средствами дѣлать добро, не трудно снизойти къ положенію бѣдняка, который попадается на глаза, и помочь мимоходомъ. Но протянуть руку помощи человѣку угнетенному съ твердымъ намѣреніемъ навсегда извлечь его изъ бездны незаслуженнаго позора—на это нужна большая

некрологѣ А. В. Никитенко, писанномъ академикомъ Аф. Ѳед. Бычковымъ. См. „Отчетъ отдѣлен. русск. яз. и словесности Им. Акад. Наукъ за 1877 г.", стр. 42—51. *Ред.*

стойкость въ добрѣ и характерѣ. Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ былъ искренно добръ и благороденъ. Случай со мной показался ему достойнымъ вниманія, и онъ не побрезгалъ заняться имъ среди массы болѣе важныхъ государственныхъ и своихъ личныхъ заботъ. А заняться надо было безотлагательно и употребить на это рядъ усилій. Мимолетнымъ великодушнымъ порывомъ тутъ ничего нельзя было сдѣлать. Но князь былъ не изъ тѣхъ, которые легко остываютъ и ограничиваются однимъ голословнымъ участіемъ. Получивъ требуемыя свѣдѣнія, онъ уже самъ отъ себя обратился къ графу Ш***. Онъ въ лестныхъ выраженіяхъ отзывался о моихъ способностяхъ и настаивалъ на необходимости дать имъ должное развитіе, чтобы онѣ могли быть употреблены на пользу общую. Одновременно князь писалъ вторично и Астафьеву: онъ извѣщалъ его о томъ, что вошелъ въ личныя по моему дѣлу сношенія съ графомъ.

Переговоры, сношенія, заявленія длились до апрѣля, а въ концѣ этого мѣсяца—меня вызвали въ Петербургъ! Деньги на проѣздъ я долженъ былъ получить изъ Алексѣевки. Сумма не опредѣлялась: отъ меня зависѣло предъявить мои требованія. Въ графской конторѣ мнѣ совѣтовали пошире воспользоваться предоставленнымъ мнѣ правомъ, такъ чтобы и мать моя не осталась въ убыткѣ отъ моего отъѣзда. Странные люди! Они не могли взять въ толкъ, что мы искали только свободы и ничего больше, какъ свободы. Милости графскія легли бы на насъ такимъ же гнетомъ, какъ и власть его. Но таково развращающее вліяніе рабства: у насъ долго не считали стыдомъ обирать помѣщиковъ и казну.

Вѣсть о вызовѣ меня въ Петербургъ мигомъ облетѣла Острогожскъ и привела его въ такое движеніе, какъ будто дѣло шло о важномъ общественномъ событіи. Не говорю уже о добрыхъ друзьяхъ, о тѣхъ, кто зналъ меня лично, но и слышавшіе только обо мнѣ радовались за меня, какъ за родное дѣтище, и заранѣе сулили мнѣ полный успѣхъ. Никто и не думалъ удерживать меня или упрекать въ легкомысліи, какъ въ то время, когда я собирался въ Елецъ. Напротивъ, всѣ подстрекали не терять времени, пользоваться случаемъ и ѣхать какъ можно скорѣе.

А я самъ? Трудно передать словами тѣ разнородныя ощущенія, которыя вдругъ нахлынули на меня. Вотъ онъ, давно ожидаемый просвѣтъ! Набѣжавшая волна готова была поднять меня

и унести въ желанный, но невѣдомый міръ. Передо мной открывалась даль широкаго горизонта. Я точно выросъ и ощущалъ горделивую радость. Но тутъ же рядомъ возникалъ тревожный вопросъ: а что же дальше? Графъ Ш*** уже выказалъ по отношенію ко мнѣ мелочность своей души. Тронетъ ли его великодушное участіе ко мнѣ другихъ? А, наконецъ, у самого покровителя моего хватитъ ли энергіи, чтобы отвоевать мнѣ свободу, несмотря на всѣ трудности и препятствія, съ которыми ему придется бороться?

Такія и подобныя этимъ сомнѣнія подчасъ жестоко осаждали меня. Правда, что я, съ легкомысліемъ молодости, спѣшилъ ихъ отгонять. Главное, успокоивалъ я себя—добраться до Петербурга, а это уже такое мѣсто, гдѣ устроиваются всевозможныя судьбы. Моя звѣзда теперь тамъ сіяетъ и не даромъ зоветъ меня туда. Потомъ и радость, и сомнѣнія, всѣ страхи и надежды вдругъ утопали въ одной всепоглощающей тоскѣ отъ предстоящей разлуки—разлуки со всѣмъ, что было мнѣ дорого и близко, что до сихъ поръ составляло отраду и смыслъ моей жизни. Въ эти минуты жестокой тоски я съ избыткомъ искупалъ ту эгоистическую радость, которая въ другія минуты поднимала меня до небесъ. На одномъ изъ прощальныхъ, въ честь мою, вечеровъ, а именно у Ферронскихъ, я помню, какъ я буквально изнемогъ подъ напоромъ всѣхъ этихъ ощущеній. Собрались ближайшіе друзья. Они съ увлеченіемъ толковали объ ожидавшей меня перемѣнѣ, выражали надежды на блестящую будущность, которая, будто-бы, мнѣ предстоитъ въ Петербургѣ. Я молча слушалъ ихъ добродушныя рѣчи. Меня бросало то въ холодъ, то въ жаръ, и вдругъ я залился слезами. Рыданія душили меня. Собесѣдники примолкли. Никто не пытался утѣшать меня. Всѣ инстинктивно поняли, что̀ долженъ былъ я чувствовать въ эти минуты, когда сумракъ невозвратнаго прошлаго готовился навсегда скрыть отъ меня все, до сихъ поръ дорогое, а впереди едва, едва начинала мерцать заря неизвѣстной будущности.

Еще угнетала меня мысль о моей бѣдной матери и о безпомощныхъ малюткахъ, моихъ братьяхъ и сестрахъ. Я былъ ихъ единственной опорой. Мысль эта не давала мнѣ покою. Бывали минуты, когда мнѣ казалось, что, уѣзжая, я нарушаю всѣ заповѣди сыновняго долга и любви. Я въ отчаяніи метался, не зная,

что придумать. Наконецъ, рѣшился повѣрить свои тревоги и сомнѣнія отцу Симеону Сцепинскому. Онъ терпѣливо выслушалъ меня и съ важностью, которая такъ шла къ его статной фигурѣ, сказалъ: „любезный Александръ, твои чувства понятны и похвальны, но ты не долженъ сворачивать съ пути, на который тебя зоветъ судьба. Иди и не оглядывайся назадъ. Всѣ великія начинанія сопряжены не только съ пожертвованіями своихъ выгодъ, но и съ насиліемъ своему сердцу. Богъ сохранитъ твою мать, какъ хранилъ ее, когда ты былъ такъ малъ, что не могъ заботиться о ней, а самъ составлялъ предметъ ея заботъ. Думать теперь о чемъ другомъ, кромѣ того, что зоветъ тебя впередъ, было бы—мало сказать ошибкою—преступленіемъ“.

Слова эти положили конецъ моимъ колебаніямъ, но не горю.

Пока все приготовлялось къ моему отъѣзду, товарищество возложило на меня порученіе собрать по уѣзду свѣдѣнія о ходѣ нашего дѣла. Свѣдѣнія эти я долженъ былъ потомъ, при письменномъ донесеніи сотоварищества, лично представить князю Н. А. Голицыну.

Такимъ образомъ мнѣ пришлось напослѣдокъ еще разъ проѣхаться по тѣмъ мѣстамъ, которыя я такъ любилъ, и увезти съ собой на дальній сѣверъ живое воспоминаніе о благодатномъ югѣ. Стояли послѣдніе дни апрѣля, ясные, тихіе, благоухающіе. Я жадно вглядывался въ прелестныя мѣста, расположенныя по берегамъ или по сосѣдству съ тихимъ Дономъ и Калитвой, вслушивался въ рѣчи добродушныхъ малороссіянъ, которые вездѣ принимали меня съ обычнымъ гостепріимствомъ и ласкою: я зналъ, что если не навсегда, то во всякомъ случаѣ надолго покидаю ихъ. Особенно памятенъ мнѣ пріемъ въ домѣ богатаго помѣщика Лазарева-Станищева, угостившаго меня, какъ говорится, на славу, и другой—въ скромномъ пріютѣ калитвинскаго священника, молодаго и образованнаго, бесѣда съ которымъ доставила мнѣ не менѣе существенную духовную пищу.

Я вернулся въ Острогожскъ, освѣженный прогулкою, придуманною для меня предусмотрительными друзьями, и могъ уже съ бо̀льшимъ самообладаніемъ относится къ предстоявшей мнѣ перемѣнѣ.

Послѣдняя недѣля моего пребыванія въ Острогожскѣ прошла въ какомъ-то вихрѣ прощаній, дружескихъ напутствій, поже-

ланій, благословеній. Насталъ и день отъѣзда. Домъ мой съ утра представлялъ оживленное зрѣлище. Онъ не могъ вмѣстить всѣхъ, пришедшихъ въ послѣдній разъ пожать мнѣ руку. Посѣтители толпились въ горницѣ, въ сѣняхъ, на улицѣ. А когда я вышелъ садиться въ кибитку, то не могъ пробраться къ ней. Ей приказали двинуться шагомъ, а я медленно шелъ за ней, окруженный домашними, центръ пестрой и шумной толпы. Кибитка едва ползла, ее къ тому же ежеминутно останавливали: то изъ того, то изъ другаго дома выходили хозяева съ кульками, узелками, пакетами и все это нагружали въ повозку, мнѣ на дорогу. Тутъ были и жареныя птицы, начиная съ цыплятъ до гусей и индюшекъ, цѣлые окорока ветчины, всевозможныхъ величинъ и начинокъ пироги, варенья въ банкахъ, бутылки съ наливками и т. д. Кто-то сунулъ между подушками цѣлую бутыль сладкаго морсу...

Но вотъ и воронежская застава, за которой уже начиналась безконечная полоса большой дороги. Не помню, какъ очутился я въ кибиткѣ, какъ проѣхалъ первыя версты. Я былъ въ оцѣпенѣніи, ничего не сознавалъ, и только въ ушахъ звенѣлъ, нестерпимой болью отзываясь въ сердцѣ, послѣдній окликъ—вѣрнѣе стонъ моей матери, да руки судорожно сжимали деревянный крестикъ которымъ она меня благословила въ послѣднюю минуту...

Но отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ. Колеса дребезжали, ямщикъ усердно погонялъ лошадей. Вдругъ ухабъ, кибитка нырнула и благополучно вынырнула, но толчокъ сбросилъ меня съ сидѣнья. Я очутился на днѣ повозки подъ ворохомъ провизіи, которою она была набита. Бутыль, остроумно скрытая въ подушкахъ, со звономъ вылетѣла и обдала меня струей краснаго сладкаго морса. Пришлось сушиться, расчищать мѣсто, и эти мелкія заботы привели меня въ себя.

Я выглянулъ изъ кибитки. Мой милый Острогожскъ уже скрылся изъ виду. Но никогда ничто не вытѣснитъ его изъ моей памяти. То добро, которое я въ немъ встрѣтилъ, должно лечь въ основѣ моихъ дальнѣйшихъ сношеній съ людьми. Какія бы козни ни ожидали меня отъ нихъ впереди, я не утрачу вѣры въ человѣческое сердце, въ его способность любить и благородно чувствовать. Эту вѣру вселили въ меня мои Острогожцы, и она не покинетъ меня до конца.

XIX.

Въ Петербургѣ.—Борьба за свободу.

Я выѣхалъ изъ Острогожска въ первыхъ числахъ мая 1824 г., а въ Петербургъ пріѣхалъ 24-го. Ѣхалъ я на такъ называемыхъ долгихъ. Въ первый день добрался только до Воронежа, гдѣ долженъ былъ остановиться для выправки свидѣтельства объ окончаніи курса въ уѣздномъ училищѣ. Разсчитывалъ пробыть въ Воронежѣ часа три, четыре, а пробылъ цѣлые сутки. Мои бывшіе учителя Морозовъ, Грабовскій и штатный смотритель Соколовскій устроили мнѣ проводы, оставившіе во мнѣ такое же свѣтлое воспоминаніе, какъ и острогожскіе. Эти простодушные добряки считали мою карьеру уже упроченною и безкорыстно радовались успѣху, котораго сами не знали въ жизни. Но увы! тутъ же, рядомъ, при первой улыбкѣ счастья, представилась мнѣ и оборотная сторона человѣческаго сердца. Директоръ воронежской гимназіи, Былинскій, нѣкогда не пустившій меня на порогъ своего дома, теперь, узнавъ, что я вызванъ въ Петербургъ „самимъ министромъ", поспѣшилъ явиться ко мнѣ, „засвидѣтельствовать свое почтеніе" и попросить „не забывать его среди почестей и удовольствій, ожидавшихъ меня въ столицѣ". Впрочемъ, я и за то былъ благодаренъ ему: онъ тѣмъ самымъ доставилъ мнѣ случай не совсѣмъ безуспѣшно походатайствовать у него за моего добраго старика Ферронскаго.

Дальше, за Ельцомъ, начинались уже незнакомыя мнѣ мѣста. Все поражало новизной и, нельзя сказать, чтобы всегда пріятно. Послѣ каждой ночевки, чуть не послѣ каждой станціи, я плотнѣе кутался въ шинель. Ландшафтъ блѣднѣлъ съ каждымъ днемъ, а вмѣстѣ и мои мечты. Чувство одиночества сказывалось все сильнѣе среди этой чуждой природы, гдѣ нашъ южный радостный май являлся такимъ угрюмымъ и нагимъ. Ко всему этому присоединялась страшная усталость. Дороги вездѣ были сквернѣйшія, а бревенчатая мостовая, отъ Москвы до Петербурга, буквально могла вытрясти душу изъ тѣла.

Такимъ образомъ я вступилъ въ Петербургъ далеко не тѣмъ героемъ-побѣдителемъ, какимъ воображали меня мои провинціальные друзья и тѣ, которые предусмотрительно уже спѣ-

шили заискивать во мнѣ. Дѣло клонилось къ вечеру. Я отправился прямо въ домъ графа Ш*** по Фонтанкѣ. Тамъ меня ожидало помѣщеніе съ чиновниками канцеляріи. Я говорю чиновниками, потому что занятія, положеніе и оклады служившихъ въ графской канцеляріи ничѣмъ не уступали казеннымъ. Меня пріютили въ хорошей, чистой горницѣ, вмѣстѣ съ двумя столоначальниками. Вообще мнѣ былъ оказанъ вѣжливый, даже радушный пріемъ, но съ сильнымъ оттѣнкомъ любопытства. Здѣсь уже знали обо мнѣ черезъ переписку князя Голицына съ молодымъ графомъ и интересовались дальнѣйшимъ ходомъ моего дѣла. Слѣдующій день я весь отдыхалъ, а затѣмъ явился въ канцелярію для знакомства съ главными начальниками ея, или, какъ они назывались, экспедиторами. Ихъ было два: Мамонтовъ, по финансовой части, и Дубовъ, по другимъ отраслямъ администраціи графскихъ имуществъ. Характеръ ихъ дальнѣйшихъ отношеній ко мнѣ тотчасъ опредѣлился. Искренняя простота, съ какою меня встрѣтилъ Мамонтовъ, сразу внушила мнѣ довѣріе къ нему и надежду на его помощь, когда та понадобится. За то Дубовъ, разсыпавшійся въ приторныхъ любезностяхъ, съ первыхъ же словъ обнаружилъ въ себѣ врага.

Никогда еще, кажется, безусловная зависимость отъ чужой воли, присущая тому противоестественному и безнравственному порядку вещей, съ которымъ я вступалъ въ борьбу, не представлялась мнѣ такъ назойливо-осязательно, какъ въ томъ относительно мелочномъ обстоятельствѣ, что я не могъ явиться къ вызывавшему меня князю Голицыну безъ предварительнаго разрѣшенія графа Ш***. Мамонтовъ взялся выхлопотать мнѣ его.

Но пока я, какъ жукъ или муравей, тянулся къ свѣту по кучамъ мусора, въ высшихъ общественныхъ сферахъ произошло передвиженіе, грозившее гибелью и тѣмъ немногимъ шансамъ на успѣхъ, какіе у меня были. Въ городѣ разнесся слухъ объ интригахъ, вслѣдствіе которыхъ князь Голицынъ будто бы лишился милостей государя. Говорили, что онъ уже больше не министръ, что его разжаловали въ главноуправляющіе почтовымъ вѣдомствомъ. Его значеніе, такимъ образомъ, сильно падало въ глазахъ толпы: мнѣ скоро пришлось въ томъ убѣдиться.

Я долго старался не вѣрить зловѣщимъ слухамъ. Въ канцеляріи увѣряли, что и надпись на домѣ князя, по Фонтанкѣ:

„Министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ", уже замѣнена другою: „Главноуправляющій почтовымъ департаментомъ". Я захотѣлъ удостовѣриться собственными глазами—и удостовѣрился. Едва вышелъ я на набережную рѣки, золотыя буквы еще свѣжей, очевидно, только что выведенной, надписи острыми иглами вонзились мнѣ въ глаза. Боже мой! Только голодный, если бы у него вдругъ вырвали изъ рукъ кусокъ хлѣба, который онъ уже подносилъ ко рту, могъ бы понять то чувство отчаянія и безсильной ярости, внезапно охватившее меня. Чего еще ждать? Легкая зыбь на Фонтанкѣ такъ заманчиво рябила въ глазахъ.... Я съ неимовѣрнымъ усиліемъ отвелъ отъ нея глаза и съ понурой головой вернулся въ свой уголъ. Настала страшная безсонная ночь. Я метался какъ въ горячкѣ, и лишь утромъ настолько овладѣлъ собою, что пришелъ къ заключенію: не прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ, пока не услышу изъ устъ самого князя Голицына, можетъ ли онъ и хочетъ ли еще заняться мною.

Долго Мамонтовъ безуспѣшно добивался для меня позволенія явиться къ князю Голицыну и, наконецъ, добился, только сославшись на порученіе, которое я имѣлъ отъ острогожскаго библейскаго сотоварищества.

— Пусть идетъ! процѣдилъ сквозь зубы графъ. Потомъ, помолчавъ, съ усмѣшкою прибавилъ:—князю теперь не до него!

Его сіятельство мѣрило другихъ по собственной мѣркѣ и не предполагало ни въ комъ, а тѣмъ болѣе въ опальномъ царедворцѣ, чувствъ болѣе гуманныхъ, чѣмъ тѣ, которыми былъ самъ воодушевленъ. Но онъ ошибся въ расчетѣ, и этой ошибкѣ я въ значительной мѣрѣ обязанъ своимъ спасеніемъ.

Охотно или неохотно было дано позволеніе, я поспѣшилъ воспользоваться имъ. Князь Голицынъ проводилъ лѣто въ Царскомъ Селѣ, вмѣстѣ со дворомъ. Первоначальные слухи объ его опалѣ къ этому времени смягчились. Теперь говорили, что хотя обстоятельства и заставили его отказаться отъ министерскаго портфеля, онъ, тѣмъ не менѣе, попрежнему пользовался расположеніемъ высочайшихъ особъ, и особенно императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Я выѣхалъ въ Царское Село на зарѣ, 8-го іюня. Несмотря

на дошедшія до меня послѣдніе успокоительные слухи о собственныхъ дѣлахъ князя, я находился въ крайнемъ смущеніи. Видъ грандіозной императорской резиденціи, среди лабиринта липовыхъ и дубовыхъ аллей, въ конецъ уничтожилъ меня, провинціала. Я показался себѣ изъ рукъ вонъ слабымъ и одинокимъ. Блѣдный, худой, одѣтый острогожскимъ портнымъ, я былъ похожъ на захудалаго семинариста, а никакъ не на отважнаго борца за собственную честь и независимость.

Князь помѣщался въ одномъ изъ дворцовыхъ павильоновъ. Дорогу къ нему мнѣ показалъ первый попавшійся сторожъ. Робко вошелъ я въ пріемную его сіятельства. Тамъ засѣдалъ сѣденькій старичекъ-камердинеръ. Онъ такъ ласково принялъ меня, такъ охотно пошелъ доложить обо мнѣ, что я мгновенно почувствовалъ облегченіе. Двѣ минуты спустя я былъ въ кабинетѣ князя. Истый провинціалъ, я не иначе представлялъ себѣ вельможу, министра, какъ въ блескѣ и величіи его сана, со всѣми аттрибутами подавляющаго превосходства. И вдругъ—предо мной другой старичекъ, въ простомъ сѣромъ сюртукѣ, съ болѣе утонченнымъ лицомъ и манерами, но не менѣе почтеннымъ и добродушнымъ видомъ, чѣмъ первый. Онъ окинулъ меня пытливымъ взглядомъ, потомъ, съ ласковой улыбкой, движеніемъ руки пригласилъ въ глубь комнаты.

— Очень радъ съ вами познакомиться, мягко заговорилъ онъ,— но не потревожили ли васъ такимъ внезапнымъ вызовомъ? Я думалъ, что человѣку, съ вашими способностями, не мѣсто въ глуши, и мнѣ захотѣлось открыть вамъ путь къ болѣе широкой дѣятельности. Только, какъ же это? Вы такъ молоды, вамъ надо еще учиться.

— Я самъ только объ этомъ и мечтаю, ваше сіятельство, въ волненіи отвѣчалъ я,—получить настоящее серьезное образованіе!... Вѣдь я прошелъ только одно уѣздное училище.

— Но, скажите, снова началъ онъ, какъ могли вы, такой еще молодой и безъ всякихъ средствъ, пріобрѣсти уже столько познаній и выработать себѣ литературный языкъ?

— Я читалъ все, что мнѣ попадало подъ руку, дѣлалъ выписки...

Ободренный участіемъ князя, я, какъ говорится, излилъ передъ нимъ душу. Я забылъ вельможу, сановника, видѣлъ только

умнаго, добраго, опытнаго человѣка, который меня слушалъ съ явной симпатіей и готовъ былъ протянуть мнѣ руку помощи.

— Во всемъ этомъ, сказалъ онъ, когда я кончилъ мою исповѣдь,—видна воля Божія. Вы должны послѣдовать ея указаніямъ. Нашъ вѣкъ полонъ тревогъ и волненій и мы всѣ должны, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать благимъ результатамъ. Для этого необходимы люди даровитые и просвѣщенные. Вы должны присоединиться къ нимъ, но не прежде, какъ созрѣвъ въ мысляхъ и въ знаніи. Вамъ непремѣнно надо пройти университетскій курсъ.

— Но какъ этого достигнуть, въ моемъ положеніи, безъ подготовки ..

— Ну, мы обо всемъ этомъ позаботимся. Я напишу графу, чтобы онъ не только васъ уволилъ, но и далъ вамъ средства окончить образованіе. А пока я познакомлю васъ еще съ однимъ человѣкомъ, который тоже принимаетъ въ васъ живое участіе. Молитесь и надѣйтесь!

Онъ написалъ нѣсколько строкъ и отдалъ мнѣ; потомъ позвалъ ласковаго камердинера и поручилъ ему препроводить меня къ г-ну Попову, жившему тутъ же, по сосѣдству.

Поповъ принялъ меня благосклонно, много толковалъ о расположеніи ко мнѣ его сіятельства и о своемъ собственномъ сочувствіи. Но при всемъ томъ, какая разница въ пріемахъ этихъ двухъ людей! Задушевная простота князя замѣнялась у Попова напускною любезностью. Въ немъ было что-то сухое и холодное, а въ его дружескихъ увѣреніяхъ звучала, если не фальшивая, то, во всякомъ случаѣ, равнодушная нота. На его неподвижномъ лицѣ не было и тѣни той изящной мягкости, той сердечной теплоты, которая сквозила въ каждомъ словѣ и движеніи князя. Всего непріятнѣе поразили меня его глаза: тусклые и безжизненные, они почти постоянно смотрѣли внизъ, а устремленные на васъ вгоняли внутрь всякое поползновеніе къ откровенности. Не знаю, былъ ли на самомъ дѣлѣ такимъ Поповъ, но на меня онъ произвелъ удручающее впечатлѣніе.

За то свиданіе съ княземъ точно спрыснуло меня живой водой. Отъ сердца отлегло. Я уже бодро, съ поднятою головой, шелъ по парку, который, раньше утромъ, нагналъ на меня такое уныніе. Теперь я могъ любоваться и нѣжнымъ пушкомъ на деревьяхъ, и группами залитой цвѣтомъ сирени, и зеркальною

поверхностью озера съ величаво скользившими по немъ лебедями, и пестрымъ ковромъ цвѣтниковъ передъ дворцомъ. Обратный путь въ Петербургъ тоже показался мнѣ и короче, и пріятнѣе. Я на все смотрѣлъ сквозь призму ожившихъ надеждъ. День былъ ясный. Я ѣхалъ по гладкому, какъ скатерть, шоссе. Мимо мелькали подернутыя легкой зеленой дымкой пашни, опрятные домики колонистовъ, кудрявыя купы ивъ и березокъ. Въ воздухѣ, пропитанномъ запахомъ молодой листвы, было что-то бодрящее и тѣло, и духъ. При всемъ моемъ предубѣжденіи противъ угрюмой сѣверной природы, я весь отдался обаянію этого чуднаго дня—одного изъ рѣдкихъ, какіе даритъ петербургская весна.

Я уже воображалъ себя одной ногой въ университетѣ. Но судьба скоро доказала, что не намѣрена баловать меня легкимъ успѣхомъ. Князь Голицынъ исполнилъ свое обѣщаніе и написалъ графу письмо, въ которомъ извѣщалъ его о моемъ посѣщеніи и убѣдительно просилъ дать мнѣ свободу. Письмо осталось безъ отвѣта. Молодой кавалергардскій поручикъ не удостоилъ соблюсти простой вѣжливости въ отношеніи къ человѣку почтенному, который по лѣтамъ годился ему въ отцы, а по заслугамъ, конечно, могъ расчитывать на бо́льшее вниманіе.

Тучи на моемъ горизонтѣ опять сгустились. Не знаю, чѣмъ внушилъ я такую антипатію одному изъ графскихъ клевретовъ, вышеупомянутому Дубову. Всего вѣрнѣе, онъ хотѣлъ прислужиться графу и предложилъ ему легкій способъ отъ меня отдѣлаться, а именно, безъ дальнѣйшихъ церемоній, спровадить меня въ Алексѣевку, съ запретомъ куда бы то ни было впередъ отлучаться, или же, въ крайнемъ случаѣ, отправить школьнымъ учителемъ въ одну изъ подмосковныхъ вотчинъ. Уже и день моего отъѣзда былъ назначенъ, но отъ меня все это тщательно скрывалось, съ цѣлью застать врасплохъ. Къ счастью, одинъ изъ моихъ канцелярскихъ друзей еще во-время меня предупредилъ. Я въ отчаяніи опять бросился къ князю Голицыну: въ немъ одномъ видѣлъ я спасеніе. Онъ около этого времени переѣхалъ изъ Царскаго села на Каменный островъ, и мнѣ не трудно было до него добраться. Но на самомъ порогѣ его дома новое, неожиданное препятствіе.

— Его сіятельство собираются къ государю и сегодня ни-

кого не принимаютъ, отвѣчалъ камердинеръ на мое заявленіе, что я желаю видѣть князя Александра Николаевича.

Но вѣрно его поразилъ мой растерянный видъ, потому что онъ вслѣдъ затѣмъ нерѣшительно прибавилъ:—Что вы... Развѣ ужъ такъ нужно? Нельзя отложить?

— Отложить, чтобы все пропало! запальчиво воскликнулъ я. Это значитъ меня убить!

Добрый старикъ покачалъ головой, помялся на мѣстѣ, но въ заключеніе махнулъ рукой и пошелъ доложить. Я не успѣлъ опомниться, какъ меня позвали въ кабинетъ.

— Ваше сіятельство! дрожа отъ волненія, торопливо заговорилъ я,—мнѣ грозитъ страшная бѣда... И я разсказалъ ему о моемъ случайномъ открытіи.

Лицо князя омрачилось. Онъ съ минуту помолчалъ, потомъ сказалъ:

— Успокойтесь! Даю вамъ слово, что сдѣлаю все, отъ меня зависящее, чтобы рѣшеніе это было отмѣнено. Отправить васъ назадъ—ни съ чѣмъ несообразно, во-первыхъ, потому, что вы заслуживаете лучшаго, а во-вторыхъ, потому, что, вытребовавъ васъ сюда, мы лишили васъ и того, что вы имѣли. Я сейчасъ же напишу графу и надѣюсь, прибавилъ онъ съ значительною улыбкою,—что на этотъ разъ онъ не оставитъ меня безъ отвѣта.

Два дня спустя, я узналъ, что планъ сбыть меня съ рукъ въ Алексѣевку или куда бы то ни было оставленъ. Но ему на смѣну явился другой, и на этотъ разъ такой почетный въ глазахъ графскихъ служителей, что взволновалъ всю канцелярію. Дѣло шло о томъ, чтобы приблизить меня къ графу, однимъ словомъ, хотѣли пожаловать меня въ его секретари. Эта блестящая мысль вошла въ голову дяди молодаго графа, его однофамильца, генерала Ш., и онъ упорно на ней настаивалъ. Доброе мнѣніе обо мнѣ князя Голицына и его горячее заступничество возвысило мою цѣну въ глазахъ спѣсивыхъ баръ и усилило въ нихъ желаніе не выпускать меня изъ рукъ. Генералъ Ш. имѣлъ большое вліяніе на племянника и распоряжался его дѣлами, какъ своими.

Онъ потребовалъ меня къ себѣ, расчитывая своимъ властнымъ словомъ сразу положить конецъ моимъ „дерзкимъ притязаніямъ“. Принятъ я былъ съ барской снисходительностью. Генералъ старался убѣдить меня, что я уже достаточно ученъ,

что учиться мнѣ больше не слѣдуетъ, что я гораздо больше выиграю, не выходя изъ своего положенія.

— Все хорошо въ мѣру, говорилъ онъ,—излишекъ въ просвѣщеніи такъ же вреденъ, какъ и во всемъ другомъ. Я готовъ устроить ваше счастье, въ заключеніе прибавилъ онъ,—и потому совѣтую вамъ ограничить ваши желанія. Графъ хочетъ оставить васъ при себѣ секретаремъ. Ему нужны способные люди. Онъ современемъ займетъ важныя должности, и вы можете составить себѣ при немъ наилучшую фортуну. Что же касается свободы — я рѣшительно противъ нея. Люди, подобные вамъ, рѣдки и надо ими дорожить.

Узелъ, слѣдовательно, еще больше затягивался. Теперь уже со мною не хотѣли разставаться, мною дорожили, я былъ нуженъ. То-же подтвердилъ мнѣ и князь А. Н. Голицынъ, ѣздившій лично объясняться на мой счетъ съ молодымъ графомъ Ш***. Генералъ просилъ его, чтобы я „хоть малое время побылъ секретаремъ при молодомъ графѣ.

Само собой разумѣется, что все это только укрѣпляло во мнѣ рѣшимость живымъ или мертвымъ вырваться изъ сжимавшихъ меня тисковъ. Напрасно волновались мои канцелярскіе друзья и недруги. То, что казалось имъ почетомъ, который могъ на нихъ выгодно или невыгодно отразиться, мнѣ представлялось новымъ униженіемъ. Водить на помочахъ недальновиднаго барича и дѣйствовать за его спиной, могло быть прибыльно, но мнѣ не улыбалось. Я хотѣлъ жить и дѣйствовать на свой страхъ. И Дубову съ компаніей нечего было бояться. Предназначавшаяся мнѣ роль была мнѣ не по плечу, а если бы обстоятельства и заставили меня на время согласиться на нее, то ужъ, конечно, я не сталъ бы заниматься мщеніемъ. Дубову позже пришлось въ этомъ убѣдиться, но пока онъ думалъ иначе и старался вдвойнѣ мнѣ вредить. Онъ приставилъ ко мнѣ шпіоновъ и самъ зорко слѣдилъ за каждымъ моимъ шагомъ. Но, на мое счастье, вся канцелярія, за немногими исключеніями, вокругъ него группировавшимися, была, съ Мамонтовымъ во главѣ, за меня. Благодаря этому, я могъ успѣшно обманывать бдительность моихъ враговъ.

Изъ всего этого видно, какъ медленно разрѣшался для меня роковой вопросъ „быть или не быть“. Если петля вокругъ моей

шеп въ иную минуту и ослабѣвала, то въ слѣдующую за тѣмъ опять крѣпче затягивалась. Князь Голицынъ не переставалъ обо мнѣ хлопотать. Я время отъ времени къ нему являлся давать отчетъ о своихъ дѣлахъ и всякій разъ уходилъ отъ него ободренный. Но его собственное положеніе настолько поколебалось, что мелкія души уже не считали для себя обязательнымъ ему угождать. Императрица Марія Θеодоровна, впрочемъ, оставалась къ нему неизмѣнною, и онъ намѣревался прибѣгнуть къ ней въ послѣдней крайности. Но до тѣхъ поръ надо было испробовать всѣ средства.

Съ этою цѣлью я рѣшился пустить въ ходъ рекомендательныя письма, которыми меня, на прощанье, снабдили мои добрые острогожцы. Одно изъ нихъ было отъ отца Симоена Сцепинскаго къ его товарищу по духовной академіи, дѣйствительному статскому совѣтнику И. И. Мартынову. Счеты мои съ послѣднимъ, однако скоро кончились. Онъ забылъ своего стараго друга и недвусмысленно мнѣ выразилъ это.. Я раскланялся и ушелъ, чтобы больше не возвращаться.

Другаго рода пріемъ ожидалъ меня у родственника Чекмарева, Димитрія Ивановича Языкова, почтеннаго переводчика Шлецерова „Нестора" и „Духа Законовъ" Монтескье. Онъ служилъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія начальникомъ отдѣленія и жилъ, въ такъ называемомъ, Щукинскомъ домѣ, въ Чернышевомъ переулкѣ. Димитрій Ивановичъ пользовался репутаціей отличнаго знатока русской исторіи, но всего больше—человѣка съ благороднѣйшимъ характеромъ. Но въ наружности его и въ манерахъ, съ перваго взгляда, было мало привлекательнаго. Невысокаго роста, приземистый, пожилыхъ лѣтъ мужчина, онъ поражалъ своею неуклюжестью. Ходилъ онъ съ низко-опущенной головой, говорилъ мало, рѣдко улыбался, но при всемъ томъ не производилъ отталкивающаго впечатлѣнія. Всѣ недостатки его угловатаго лица искупались выраженіемъ добродушія, которое тотчасъ внушало вамъ къ нему симпатію и вы, несмотря на собственную сдержанность Димитрія Ивановича, чувствовали невольное влеченіе ему во всемъ довѣриться. Такъ было и со мной. Онъ велъ труженическую, замкнутую жизнь, и потому не могъ мнѣ оказать никакой практической пользы. Но въ его немногихъ словахъ было столько искренняго чувства, что я и потомъ, въ

минуты унынія, всегда приходилъ къ нему за утѣшеніемъ. Въ его молчаливомъ, но тепломъ участіи было что-то въ высшей степени успокоительное.

Было у меня еще третье письмо, съ какимъ-то порученіемъ отъ Владиміра Ивановича Астафьева, къ его родственнику по женѣ, Кондратію Ѳедоровичу Рылѣеву. Теперь я имѣю поводъ думать, что порученіе это было вымышлено добрымъ Владиміромъ Ивановичемъ, съ цѣлью сблизить меня съ этимъ рѣдкимъ, по уму и сердцу, человѣкомъ. Но тогда я этого не подозрѣвалъ и явился къ Кондратію Ѳедоровичу не какъ проситель, а какъ посредникъ между нимъ и его острогожскимъ пріятелемъ.

Рылѣевъ въ то время управлялъ канцеляріей нашей американской торговой компаніи и жилъ въ компанейскомъ домѣ, у Синяго моста. Квартира Кондратія Ѳедоровича помѣщалась въ нижнемъ этажѣ. Окна ея, со стороны улицы, были защищены выпуклою рѣшеткою. Теперь домъ этотъ перестроенъ, но онъ долго былъ для меня предметомъ скорбныхъ воспоминаній, и я не могъ пройти мимо безъ сердечнаго волненія. Было одно окно особенно: оно выходило изъ кабинета, гдѣ я, познакомясь ближе съ хозяиномъ, слушалъ, какъ онъ декламировалъ свою только что оконченную поэму: „Войнаровскій“. Со мною вмѣстѣ слушалъ и восхищался офицеръ въ простомъ армейскомъ мундирѣ— Баратынскій.

Я не знавалъ другаго человѣка, который обладалъ бы такой притягательной силой, какъ Рылѣевъ. Средняго роста, хорошо сложенный, съ умнымъ, серьезнымъ лицомъ, онъ съ перваго взгляда вселялъ въ васъ какъ бы предчувствіе того обаянія, которому вы неизбѣжно должны были подчиниться при болѣе близкомъ знакомствѣ. Стоило улыбкѣ озарить его лицо, а вамъ самимъ поглубже заглянуть въ его удивительные глаза, чтобы всѣмъ сердцемъ, безвозвратно отдаться ему. Въ минуты сильнаго волненія или поэтическаго возбужденія, глаза эти горѣли и точно искрились. Становилось жутко: столько было въ нихъ сосредоточенной силы и огня. Но такимъ я узналъ его позже. Теперь же, въ мое первое посѣщеніе, я, главнымъ образомъ, испыталъ на себѣ чарующее дѣйствіе его гуманности и доброты и, вызванный на откровенность, повѣдалъ ему всю печальную исторію моихъ стремленій и борьбы. Онъ выслушалъ ее съ боль-

шимъ вниманіемъ и тутъ же начерталъ планъ кампаніи въ мою пользу.

Его первая попытка, однако, оказалась неудачной. Онъ обратился за содѣйствіемъ къ госпожѣ Данауровой, большой пріятельницѣ графа Ш***. Щепетильная барыня нашла неудобнымъ „вмѣшиваться въ такое щекотливое дѣло“.

— Но не безпокойтесь, сказалъ Рылѣевъ, сообщая мнѣ о своей неудачѣ, мы найдемъ другіе пути. Я уже говорилъ о васъ съ моими знакомыми изъ ученаго міра. Они живо заинтересовались вами и хотятъ просить за васъ графа Ш***, а въ случаѣ отказа предложить ему выкупъ. Повторяю: будьте спокойны! Есть вѣрныя надежды.

Въ это свиданіе Кондратій Өедоровичъ посовѣтовалъ мнѣ изложить на бумагѣ главныя черты изъ моего прошлаго и принести ему, вмѣстѣ съ однимъ изъ моихъ сочиненій. Вооруженный этими документами, онъ сталъ вербовать новыхъ союзниковъ. Большую сенсацію, между прочимъ, произвела моя біографія въ кружкѣ кавалергардскихъ офицеровъ, товарищей молодаго графа Ш***. Рылѣевъ былъ очень друженъ съ нѣкоторыми изъ нихъ. Они составили настоящій заговоръ въ мою пользу и положили сдѣлать коллективное представленіе обо мнѣ графу. Всѣхъ энергичнѣе дѣйствовали два офицера, Александръ Михайловичъ Муравьевъ и князь Евгеній Петровичъ Оболенскій. Неожиданный натискъ смутилъ графа. Онъ не захотѣлъ уронить себя въ глазахъ товарищей и далъ слово исполнить ихъ требованіе.

Чего лучше, казалось бы. И мнѣ такъ думалось. Я ожилъ, считая мое дѣло выиграннымъ. Но дни шли, не принося перемѣны. Въ канцеляріи, напротивъ, даже разнесся слухъ, что графъ Ш***, уступая требованіямъ дяди-генерала, готовитъ мнѣ рѣшительный отказъ. Новые страхи, новое уныніе!

Но заступники мои не дремали. Они собирали новыя силы. Слухи о моихъ превратностяхъ проникли въ великосвѣтскіе салоны. Мною заинтересовались дамы высшаго круга. Одна изъ нихъ, графиня Чернышева, даже взялась лично атаковать за меня графа Ш***. Узнавъ о колебаніяхъ его, она прибѣгла къ слѣдующей уловкѣ.

У ней въ домѣ было большое собраніе. Въ числѣ гостей на-

ходился и молодой графъ. Графиня Чернышева подошла къ нему, съ привѣтливой улыбкой, подала руку и во всеуслышаніе сказала:

— Мнѣ извѣстно, графъ, что вы недавно сдѣлали доброе дѣло, передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ другія добрыя дѣла ваши. У васъ оказался человѣкъ съ выдающимися дарованіями, который много обѣщаетъ впереди, и вы дали ему свободу. Считаю величайшимъ для себя удовольствіемъ благодарать васъ за это: подарить полезнаго члена обществу—значитъ многихъ осчастливить.

Графъ растерялся, расшаркался и пробормоталъ въ отвѣтъ, что радъ всякому случаю доставить ея сіятельству удовольствіе.

Въ самомъ дѣлѣ, положеніе графа Ш*** было затруднительное. Не умѣя самъ чего-нибудь сильно хотѣть или не хотѣть, привыкшій слѣдовать чужимъ внушеніямъ, онъ внезапно очутился между двухъ огней. Съ одной стороны его обычный руководитель, генералъ Ш., и одинъ изъ приближенныхъ слугъ, въ лицѣ Дубова,—съ другой, товарищи, великосвѣтскія дамы, общественное мнѣніе... Кому отдать предпочтеніе? Кавалергарды не пропускали ни одной встрѣчи съ графомъ безъ того, чтобы не говорить ему обо мнѣ. Бѣдный молодой человѣкъ не могъ ступить шагу безъ того, чтобы не услышать моего имени. Я, въ мою очередь, превратился въ его тирана. На выходѣ, во дворцѣ, завидѣвъ Муравьева и еще кого-то изъ товарищей, чтобы не слышать лишняго раза до смерти надоѣвшаго ему припѣва обо мнѣ, онъ поспѣшилъ самъ предупредить ихъ.

— Знаю, господа, знаю, сказалъ онъ,—знаю, что̀ у васъ на умѣ: все тотъ же Никитенко!

— Ты не ошибся, графъ, отвѣчалъ Муравьевъ,—чѣмъ скорѣе ты съ нимъ раздѣлаешься, тѣмъ лучше.

Двадцать второго сентября товарищи графа всей гурьбой собирались къ нему справлять его именины. Они не преминули воспользоваться и этимъ случаемъ, чтобы напомнить ему обо мнѣ. Графъ опять далъ и на этотъ разъ уже „категорическое и торжественное обѣщаніе отказаться отъ своихъ правъ на меня".

Тѣмъ не менѣе, въ канцеляріи не дѣлалось никакихъ распоряженій, которыя предвѣщали бы близкій конецъ моимъ терза-

ніямъ. Тамъ ничего не знали о давленіи на графа моихъ покровителей и продолжали считать мою участь рѣшенною отрицательно. Я, изъ опасенія дубовскихъ наушничествъ, держалъ все въ строгой тайнѣ, даже отъ Мамонтова.

Прошелъ весь сентябрь и первая недѣля октября. „Категорическое и торжественное“ обѣщаніе графа ничѣмъ не отличалось отъ прежняго, простаго, не обставленнаго такими громкими словами... Нѣтъ, никакая перемежающаяся лихорадка не можетъ такъ истомить человѣка, какъ истомили меня эти попеременные упадки и подъемы духа. Я не предполагалъ, чтобы графъ могъ совсѣмъ отказаться отъ своего слова, но недостойная игра его обѣщала затянуться на долго, а тамъ.... кто могъ отвѣчать за будущее?

Я рѣшился во всемъ открыться расположенному ко мнѣ Мамонтову. Ему легче, нежели кому-либо, было вырвать у графа, вслѣдъ за обѣщаніемъ, и необходимый документъ съ его подписью. Слушая мой разсказъ о томъ, какъ графъ былъ со всѣхъ сторонъ атакованъ, онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Онъ сожалѣлъ обо мнѣ, какъ о погибшемъ, а теперь вдругъ увидѣлъ меня наканунѣ побѣды, и я къ нему обращался за окончательнымъ ударомъ. Очень добрый, онъ былъ также самолюбивъ. Ему польстило мое обращеніе къ нему въ послѣднюю минуту, и онъ обѣщалъ свое содѣйствіе.

Насталъ великій для меня день 11-го октября 1824 г. Мамонтовъ, по обыкновенію, явился утромъ къ графу съ докладомъ и ловко навелъ рѣчь на меня. Едва произнесъ онъ мое имя, графъ нетерпѣливо перебилъ его:

— Что мнѣ дѣлать съ этимъ человѣкомъ?—съ раздраженіемъ заговорилъ онъ,—я на каждомъ шагу встрѣчаю ему заступниковъ. Князь Голицынъ, графиня Чернышева, мои товарищи офицеры, всѣ требуютъ, чтобы я далъ ему свободу. Я вынужденъ былъ согласиться, хотя и знаю, что это не понравится В. С. Ш.

Мамонтовъ сталъ тонко, осторожно доказывать, что голосъ общественнаго мнѣнія сильнѣе единичнаго, хотя бы и принадлежащаго лицу близкому, и потому необходимо поскорѣй удовлетворить первое. Главное было склонить графа, чтобы онъ тутъ же, на мѣстѣ, ни съ кѣмъ больше не видясь и не совѣтуясь,

приказалъ написать отпускную. Не безъ усилій, но это удалось умному, доброму Мамонтову. Въ заключеніе графъ замѣтилъ:

— Однако этому молодому человѣку всетаки надо хорошенько намылить голову за то, что онъ надѣлалъ столько шуму. Точно я не могъ, самъ по себѣ, сдѣлать того, что теперь дѣлаю изъ уваженія къ другимъ.

Мамонтовъ не заставилъ себѣ повторять приказанія насчетъ отпускной. Онъ немедленно ее выправилъ и представилъ къ подписи.

Вся канцелярія поднялась на ноги. Дѣла были забыты. Мои пріятели толпой явились ко мнѣ въ комнату, меня поздравлять и чествовать. Одинъ Дубовъ держался въ сторонѣ. Жаль! Я и ему охотно протянулъ бы руку: его козни не удались, а я былъ такъ счастливъ!

Я отказываюсь говорить о томъ, что̀ я пережилъ и перечувствовалъ въ эти первыя минуты глубокой потрясающей радости... Хвала Всемогущему и вѣчная благодарность тѣмъ, которые помогли мнѣ возродиться къ новой жизни!

ДНЕВНИКЪ

1826—1855 гг.

Собственно „Дневникъ“ начинается съ 1825 года и продолжается по 20 іюля 1877-го года. Такимъ образомъ онъ представляетъ непрерывный рядъ матеріала, охватывающаго болѣе полувѣка. Въ немъ всего одинъ существенный пробѣлъ: недостаетъ именно перваго, 1825 года. Въ этомъ году Александръ Васильевичъ поступилъ въ университетъ, гдѣ протекла почти вся послѣдующая его жизнь, сблизился съ передовыми людьми тогдашней молодой Россіи и чуть не былъ вовлеченъ въ водоворотъ, гдѣ погибло столько свѣжихъ силъ и надеждъ.

Пробѣлъ этотъ мы можемъ возстановить только въ нѣсколькихъ словахъ, на основаніи слышаннаго нами отъ Александра Васильевича при его жизни. Собственная же хроника его объ этомъ періодѣ времени, такъ или иначе, исчезла въ декабрьскомъ погромѣ 1825 г.

Молодой Никитенко вышелъ изъ дома графа Ш*** съ обновленнымъ духомъ, но безъ всякихъ опредѣленныхъ средствъ къ существованію—безъ пристанища, почти безъ хлѣба. Мамонтовъ усиленно хлопоталъ о томъ, чтобы его не съ пустыми руками выпустили изъ графской канцеляріи, но добился только выдачи ста рублей, которыми молодой человѣкъ, скрѣпя сердце, и пробавлялся добрую часть слѣдующаго года.

Поступленіе его въ университетъ, тѣмъ временемъ, состоялось уже безъ особенныхъ затрудненій, благодаря не остывавшему покровительству князя Голицына и другихъ лицъ, отнынѣ заинтересовавшихся его судьбой. При всемъ своемъ развитіи и способностяхъ, молодой человѣкъ не имѣлъ систематической школьной подготовки и врядъ-ли совладалъ бы съ рутиною вступительнаго экзамена...

Его, не въ примѣръ другимъ, безъ испытанія, допустили къ слушанію лекцій перваго учебнаго семестра, съ обязательствомъ только, при переходѣ на второй курсъ, сдать и вступительный экзаменъ.

Заступники Александра Васильевича передъ графомъ Ш***, съ Рылѣевымъ во главѣ, не прерывали съ нимъ сношеній и изъ покровителей скоро превратились въ добрыхъ пріятелей. Особенно часто видѣлся Александръ Васильевичъ съ Рылѣевымъ и княземъ Евгеніемъ Оболенскимъ. Послѣдній, въ іюлѣ 1825 г., даже пригласилъ его совсѣмъ на жительство къ себѣ, въ качествѣ воспитателя своего младшаго брата, тогда присланнаго къ нему изъ Москвы оканчивать образованіе.

Здѣсь молодой Никитенко очутился въ самомъ центрѣ тогдашняго прогрессивнаго движенія. Согрѣтый лучами высокой гуманности, царившей въ этомъ обществѣ, гдѣ онъ былъ принятъ съ истинно братскимъ радушіемъ, Александръ Васильевичъ уже начиналъ считать себя у пристани. Онъ и не подозрѣвалъ, какая новая гроза зрѣла около него: она разразилась въ злополучный день 14-го декабря и застала его врасплохъ. Покровители и друзья, правда, щадили его юность и неопытность, а можетъ быть и не довѣряли его зрѣлости, и потому не посвящали его въ тайну замышленнаго ими государственнаго переворота. Тѣмъ не менѣе, когда разразился ударъ, онъ не могъ не отразиться косвенно и на Никитенко: будетъ или нѣтъ доказано, что онъ ни словомъ, ни дѣломъ не причастенъ къ заговору, а пока противъ него былъ фактъ сожительства съ однимъ изъ соучастниковъ въ немъ и частаго общенія съ другими. Понятно, въ какомъ вихрѣ новыхъ сомнѣній и опасеній очутился опять молодой человѣкъ, какъ терзался за судьбу друзей и за собственную участь. Въ этихъ тревогахъ и волненіяхъ, на распутіи между отчаяніемъ и надеждою, засталъ его новый 1826 годъ.

Дальше предоставимъ говорить самому Александру Васильевичу Никитенко.

Ред.

1826 годъ.

Январь.—1. Сегодня я проснулся въ скверномъ расположеніи духа. Ужасы прошедшихъ дней давили меня, какъ черная туча. Будущее представлялось мнѣ въ самомъ мрачномъ, безнадежномъ видѣ. Я все больше и больше погружался въ уныніе. Вдругъ явился Ростовцевъ. Онъ сегодня въ первый разъ вышелъ изъ комнаты послѣ болѣзни отъ ранъ, полученныхъ имъ въ бѣдственный день 14-го декабря.

Послѣ обычнаго дружескаго привѣтствія и поздравленія съ новымъ годомъ, онъ обрадовалъ меня двумя извѣстіями. Первое состояло въ томъ, что генералъ позволяетъ мнѣ перемѣнить квартиру и что, слѣдовательно, я раздѣлался съ сомнительнымъ и крайне непріятнымъ положеніемъ, уже болѣе двухъ недѣль томившимъ меня. Второе, что Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, который вполнѣ заслуживаетъ любовь и уваженіе и котораго я искренно почитаю—что Глинка, будучи представленъ государю императору, оправдалъ себя во всѣхъ подозрѣніяхъ, какими его кто-то очернилъ въ глазахъ правительства.

Бумаги Глинки были отобраны, а самъ онъ взятъ во дворецъ. Невинность его, однако, скоро обнаружилась, и государь отпустилъ его домой, сказавъ:

— Не морщиться и не сердиться, господинъ Глинка! Нынѣ такія несчастныя обстоятельства, что мы, противъ воли, принуждены иногда тревожить и честныхъ людей. Я почиталъ васъ всегда умнымъ и благороднымъ человѣкомъ. Скажите всѣмъ вашимъ друзьямъ, что обѣщанія, которыя я далъ въ манифестѣ, положили рѣзкую черту между подозрѣніями и истиною, между желаніемъ лучшаго и бѣшенымъ стремленіемъ къ переворотамъ,—что обѣщанія эти написаны не только на бумагѣ, но и въ сердцѣ моемъ. Ступайте: вы чисты, совершенно чисты.

Получивъ извѣстіе объ арестѣ этого истинно добраго человѣка, я былъ очень огорченъ. Но проницательность государя не дала ему ошибиться насчетъ правилъ и духа нашего милаго поэта-христіанина.

Итакъ, новый годъ начался для меня лично не дурно, но какъ для многихъ другихъ?...

— 3. Я желалъ-бы сейчасъ же воспользоваться позволенiемъ генерала. Квартира эта сдѣлалась мнѣ тяжела, какъ могила. Но у меня ни копѣйки денегъ, а безъ нихъ не бываетъ на свѣтѣ ни квартиры, ни того, что нужно въ квартирѣ. Я въ крайне затруднительномъ положенiи. Всѣ связи, которыя могли бы послужить мнѣ въ пользу, порваны. Здѣсь я могу пробыть еще развѣ только нѣсколько дней, то есть пока здѣсь маленькiй князь, мой воспитанникъ. Но и тутъ бѣда: этотъ юноша всегда былъ строптиваго нрава. Много хлопотъ доставлялъ онъ мнѣ. Я усердно старался внушить ему кое-какiя хорошiя правила и обуздать его буйную волю. Поставивъ себѣ это цѣлью, я терпѣливо переносилъ всѣ огорченiя, всѣ грубости, коими его своенравiе щедро осыпало меня. Изрѣдка только удавалось мнѣ пробудить въ немъ добрыя чувства, да и то были лишь минутныя вспышки. Со времени же несчастiя его брата, онъ сдѣлался совершенно несносенъ. Я пробовалъ кротко увѣщевать его, но въ отвѣтъ получилъ нѣсколько грубостей, и наши отношенiя крайне натянуты.

А между тѣмъ онъ остеръ, не лишенъ способностей, одаренъ твердой волей. Но острота его направлена исключительно на изворотливость, а способности его заржавѣли отъ неупотребленiя, какъ тотъ прадѣдовскiй мечъ, о которомъ говоритъ Батюшковъ въ своихъ „Пенатахъ". Сила же воли въ немъ въ заключенiе превратилась въ своеволiе. Причина тому слѣдующая. Отецъ, добрый человѣкъ, въ младенчествѣ отдалъ его въ распоряженiе двухъ гувернеровъ, француза и нѣмца, которые научили ребенка болтать на иностранныхъ языкахъ, но не дали ему ни здраваго смысла, ни нравственныхъ понятiй. Князекъ росъ, а съ нимъ и прирожденные ему пороки. Когда его привезли изъ Москвы въ Петербургъ и поручили брату, онъ былъ уже, въ полномъ смыслѣ слова, шалунъ. Его помѣстили въ одинъ изъ французскихъ пансiоновъ, гдѣ учатъ многому, но не научаютъ почти ничему: онъ еще болѣе усовершенствовался въ разныхъ шалостяхъ. Братъ его, человѣкъ очень хорошiй, но, по ложному пониманiю Шеллинговой системы, положилъ: „ничѣмъ не стѣснять свободы нравственнаго существа", то есть, своего братца. Слѣдствiемъ было уже сказанное выше. Впрочемъ, это едва ли не примѣнимо къ вос-

питанію почти всего нашего дворянства, особенно самаго знатнаго. У насъ обычай воспитывать молодыхъ людей „для свѣта“, а не для „общества“. Ихъ умъ развиваютъ на разныхъ тонкостяхъ внѣшняго приличія и обращенія, а сердце предоставляютъ естественнымъ влеченіямъ. Гувернеръ французъ ручается за успѣхъ „въ свѣтѣ“, а за нравственность отвѣчаетъ одинъ случай.

Почти то же слѣдуетъ сказать и объ общественномъ воспитаніи у насъ. Добрые нравы составляютъ въ немъ предметъ почти посторонній. Наука преподается поверхностно. Начальники учебныхъ заведеній смотрятъ больше въ свои карманы, чѣмъ въ сердце своихъ питомцевъ. Въ одномъ только среднемъ классѣ замѣтны порывы къ высшему развитію и рвеніе къ наукамъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ наше дворянство, утопая въ невѣжествѣ, мало по малу приходитъ въ упадокъ, средній классъ готовится сдѣлаться настоящимъ государственнымъ сословіемъ.

— 5. Ростовцевъ просилъ меня переѣхать къ нему. Одна крайность развѣ заставила бы меня на это рѣшиться. Я увѣренъ въ его дружескомъ расположеніи ко мнѣ, но это самое налагаетъ на меня, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, обязанность быть особенно осторожнымъ. Государь императоръ его торжественно благодарилъ. Имя его сдѣлалось предметомъ жаркихъ толковъ въ столицѣ.

— 6. Въ то самое время, какъ я особенно горевалъ о моихъ печальныхъ обстоятельствахъ, нашъ добрый дворецкій, Егоръ, доложилъ мнѣ, что меня желаетъ видѣть генеральша Штеричъ, одна изъ дальнихъ родственницъ князя. Я нисколько не удивился, полагая, что она хочетъ переговорить со мной о моемъ воспитанникѣ. Но вышло нѣчто иное.

Я отправился къ ней въ пять часовъ вечера. Меня провели въ спальню. Тамъ я увидѣлъ въ постели больную женщину среднихъ лѣтъ, съ пріятнымъ, умнымъ лицомъ. Это была г-жа Штеричъ.

Пригласивъ меня сѣсть, она, послѣ обычныхъ въ настоящее время разговоровъ о послѣднихъ бурныхъ событіяхъ, сказала:

— Я слышала о васъ много хорошаго. Знаю, что вы теперь въ затруднительномъ положеніи. Если вы не найдете ничего

для себя лучшаго, я вамъ предлагаю квартиру и столъ у себя.

Предложеніе было очень кстати, но ошеломило меня своей неожиданностью,

— Но чѣмъ-же я, въ свою очередь, могу быть вамъ полезенъ и отплатить за то добро, которое вы мнѣ предлагаете?

— Этого вовсе не нужно, отвѣчала она, я просто желаю вамъ помочь, какъ человѣку, того заслуживающему. Если вамъ угодно, вы можете переѣхать ко мнѣ въ слѣдующее-же воскресенье.

Поговоривъ еще немного, я раскланялся и ушелъ домой въ смущеніи и до сихъ поръ еще ни на что не рѣшился.

— 7. Я все больше и больше удостовѣряюсь въ дружескомъ расположеніи ко мнѣ Ростовцева. Онъ мнѣ опять предлагалъ убѣжище у себя, и съ такимъ чувствомъ, какое можетъ внушить одна дружба.

Я, между прочимъ, познакомился у него еще съ В. Н. Семеновымъ, который мнѣ показался очень добрымъ человѣкомъ. Онъ служитъ при министрѣ народнаго просвѣщенія и самъ вызвался поговорить обо мнѣ съ нашимъ ректоромъ, съ которымъ хорошо знакомъ. При экзаменѣ я надѣюсь на себя по всѣмъ предметамъ, хотя послѣднее время и не могъ усидчиво заниматься. За то латинскій языкъ меня сокрушаетъ. Въ немъ я за весь прошлый годъ мало успѣлъ и въ этомъ самъ виноватъ: я не могъ принудить себя хорошенько заняться изученіемъ грамматическихъ формъ, которыя скучны, но необходимы, а что необходимо, то должно быть сдѣлано, не взирая на трудности. Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы подражать Наполеону. Одинъ инженерный генералъ жаловался ему на трудности при взятіи какой-то крѣпости:—„Не въ томъ дѣло, что трудно, генералъ, а въ томъ, можно ли ее взять?“—„Да, консулъ, не невозможно“.—„Ну, такъ впередъ!“ и крѣпость, нѣсколько часовъ спустя, сдалась тому, у кого не было трудностей, а одна невозможность. Такъ и мнѣ слѣдовало бы поступить и я не былъ бы теперь въ необходимости прибѣгать къ снисхожденію добрыхъ людей.

Я каждый вечеръ провожу у Ростовцева.

— 8. У меня ни копѣйки денегъ. Я рѣшительно не зналъ, что предпринять. И изъ этой бѣды вывелъ меня Ростовцевъ. Онъ

такъ дружески самъ предложилъ мнѣ небольшую сумму, что вынулъ жало изъ всегда тяжелаго положенія сознавать себя комулибо обязаннымъ.

Послѣ жестокой борьбы и продолжительныхъ размышленій, я рѣшился перебраться къ г-жѣ Штеричъ. Быть не можетъ, чтобы у меня тамъ не нашлось дѣла.

— 9. Сегодня сдалъ я первый экзаменъ изъ богословія. Получилъ первые баллы, но не доволенъ собою: я отвѣчалъ не такъ точно и ясно, какъ хотѣлъ-бы и могъ-бы.

— 10. Сегодня я переселился въ домъ г-жи Штеричъ. Мнѣ отведена опрятная, хорошая комната. Предшествовавшіе моему переѣзду дни я жестоко терзался мыслью, что не буду имѣть въ этомъ домѣ никакой опредѣленной должности, которая избавляла-бы меня отъ печальной необходимости получать кровъ и пищу даромъ. Напрасныя терзанія. Свѣтская женщина, конечно, умѣетъ обработывать свои дѣла лучше, чѣмъ неопытный студентъ угадывать ея намѣренія.

Еще вчера г-жа Штеричъ пригласила меня къ себѣ обѣдать и, послѣ разныхъ околичностей, дала мнѣ замѣтить, что ей не будетъ противно, если я удѣлю нѣсколько своего времени на то, чтобы читать русскую словесность ея сыну, а также и нѣкоторыя другія науки,—если у меня будутъ свободные часы!—нужныя для дипломатической службы, на которую этотъ молодой человѣкъ недавно поступилъ.

Слова г-жи Штеричъ сняли съ моего сердца тяжелое бремя. Я свободнѣе вздохнулъ и пожалѣлъ только, что она не выяснила мнѣ сразу своихъ намѣреній. Признательность моя отъ того не уменьшилась-бы, а уваженіе мое къ г-жѣ Штеричъ только возросло-бы. Какъ-бы то ни было, я теперь чувствую себя спокойнымъ: получая двѣ необходимѣйшія потребности жизни—кровъ и пищу, я буду платить за нихъ своимъ трудомъ.

Сынъ г-жи Штеричъ—молодой человѣкъ 17 лѣтъ. У него, кажется, доброе сердце и ясный умъ. Физіономія его очень пріятная, съ легкимъ оттѣнкомъ привлекательной задумчивости. Онъ получилъ отличное воспитаніе, въ которомъ нравственность не считалась дѣломъ случайнымъ. Не лишенъ онъ и нѣкоторыхъ познаній. Мать его, въ этомъ отношеніи, поистинѣ рѣдкая женщина. Она имѣетъ здравыя понятія о воспитаніи и думаетъ, что

русскій дворянинъ не долженъ быть всѣмъ обязанъ своимъ рабамъ, но также кое-чѣмъ и самому себѣ. Она путешествовала съ сыномъ по Германіи и по Италіи, стараясь совершенствовать его воспитаніе.

Самъ молодой человѣкъ мнѣ нравится. Онъ набоженъ безъ суевѣрія, по влеченію сердца, и это одно уже ставитъ его выше толпы нашего знатнаго юношества, которое полагаетъ гордость своихъ лѣтъ и званія въ томъ, чтобы не уважать ничего, что уважается другими. Его можно упрекнуть развѣ въ томъ, что онъ вообще мало размышлялъ и не доходитъ до глубины вещей. Но, сказать правду, размышлялъ-ли бы и я въ семнадцать лѣтъ, если бы исключительность моего положенія не подстрекала къ дѣятельности моихъ способностей. Природный умъ, конечно, и въ началѣ своего развитія не любитъ оставаться въ праздности, но съ другой стороны ничто не возбуждаетъ такъ его дѣятельности, какъ нужда и горькій опытъ. Я употреблю всѣ усилія, чтобы научить молодаго Штерича разсуждать не поверхностно, чтобы направить его честолюбіе на истинно полезное и дать его характеру твердость, безъ коей не бываетъ ничего ни умнаго, ни добраго.

— 11. Экзаменъ въ латинскомъ языкѣ. Я получилъ 3 балла. Стыжусь: переводъ, по которому профессора судятъ объ успѣхахъ студентовъ, сдѣланъ мною съ помощью одного изъ моихъ товарищей. Но если бы не это злоупотребленіе, то, не взирая на всѣ мои отличія по другимъ предметамъ, я не получилъ бы степени студента и не былъ бы переведенъ на второй курсъ. Даю себѣ слово впередъ быть благоразумнѣе, трудолюбивѣе и тверже.

— 13. Экзаменъ изъ теоретической философіи. На мою долю выпало много трудныхъ и запутанныхъ метафизическихъ задачъ. Говорятъ, профессоръ хотѣлъ отличить меня этимъ. Я съ честью выдержалъ испытаніе и получилъ первые баллы.

— 14. Сегодня студенты собрались на квартирѣ у Армстронга слушать мои объясненія практической философіи, изъ которой у насъ послѣзавтра экзаменъ. Всѣ чинно усѣлись за большимъ столомъ, гдѣ мнѣ было предоставлено мѣсто президента. Должно быть я былъ въ ударѣ: товарищи въ заключеніе осыпали меня благодареніями. Если мнѣ, дѣйствительно, удалось помочь имъ, я счастливъ.

Кстати, помѣщаю здѣсь характеристику нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей.

Михайловъ кажется олицетвореніемъ живости и остроты ума. Онъ необыкновенно быстро схватываетъ предметы довольно трудные, но схваченное имъ не долго держится въ немъ. Вообще въ его умѣ, характерѣ и чувствахъ удивительная легкость, воспріимчивость, оборотливость, но безъ силы и постоянства. Говоритъ онъ такъ пріятно, что вызываетъ у васъ невольную улыбку, даже когда пускается въ личныя остроты—неизбѣжныя при такомъ складѣ ума. Счастливая природа его доставляетъ ему неистощимый запасъ самыхъ разнообразныхъ удовольствій. Онъ всегда живъ, веселъ, какъ истинная юность.

Дель разсуждаетъ не поверхностно: у него пытливый умъ и доброе сердце.

Армстронгъ—умъ свѣтлый, но не способный пускаться въ даль. Душа у него прекрасная, а нравственность человѣка, убѣжденнаго, что въ мірѣ нѣтъ ничего лучше добродѣтели. У него рѣдкая по качествамъ сердца мать.

Струковъ одержимъ стремленіемъ къ изящному и къ знанію, но умъ у него упрямый, какъ злая жена. Онъ и желалъ бы направить его на что-нибудь серьезное, да тотъ всѣми силами отбивается и кричитъ: „не хочу, не хочу!“

Линдгвистъ имѣетъ видъ человѣка, всегда погруженнаго въ глубокія думы, но на самомъ дѣлѣ у него не много мыслей въ наличности, отъ того, можетъ быть, что онъ мало занимается наукой, которая даетъ для нихъ матеріалъ. Онъ съ энтузіазмомъ говоритъ о великихъ мужахъ, которымъ желалъ бы уподобиться, но, пренебрегая трудомъ, мало подаетъ на то надеждъ. Онъ, должно быть, до конца жизни останется только великимъ мечтателемъ.

Крупскій тонокъ, остроуменъ, съ обширными познаніями, но врядъ-ли обладаетъ твердостью духа, чтобы не падать подъ ударами судьбы.

Чевилевъ 1. Мягокъ и умомъ, и сердцемъ, и тѣломъ.

Чевилевъ 2. Маленькая лисичка. Умъ его въ хитрости, а сердце въ умѣ.

З . . . . . Гибкій тѣломъ и характеромъ, желаетъ всѣмъ угождать на словахъ.

Масловъ флегматикъ, но не глупъ. Это будетъ вполнѣ дѣловой человѣкъ.

— 15. Экзаменъ изъ русской словесности. Я выдержалъ его хорошо.

— 16. Сегодняшній экзаменъ изъ практической философіи сопровождался большими непріятностями. Лодій, профессоръ правъ и философіи, одинъ изъ старѣйшихъ въ нашемъ университетѣ, а по духу старѣйшій изъ всѣхъ, ибо весь проникнутъ схоластикой XIII в. Онъ напалъ на профессора Пальмина, читающаго намъ практическую философію, и упрекалъ его въ томъ, что тотъ заставлялъ насъ слѣдовать ложной и опасной системѣ. Пальминъ держался основныхъ положеній Канта. Дѣло принимало серьезный оборотъ, такъ какъ въ него вмѣшалась личная вражда Лодія къ Пальмину, а вражда, какъ извѣстно, имѣетъ зоркіе глаза и умѣетъ открывать зло тамъ, гдѣ другіе и не подозрѣваютъ его. Мы ожидали дурныхъ для себя послѣдствій, особенно я, который составлялъ записки по данному предмету и пополнялъ ихъ собственными замѣчаніями. Но, благодаря сдержанности и благоразумію нашего профессора, все обошлось благополучно.

Итакъ, экзамены кончены. Я выдержалъ ихъ среди самыхъ бурныхъ приключеній моей жизни и по совѣсти выдержалъ съ честью, за исключеніемъ латинскаго, воспоминаніе о которомъ, вызываетъ у меня краску стыда.

— 19. Былъ у Галича. Получилъ отъ него эстетику, недавно имъ написанную и напечатанную. Онъ говоритъ очень пріятно. Сужденія его глубоки и возвышенны. У него я встрѣтился со старымъ своимъ знакомымъ, Тяжеловымъ, учителемъ кадетскаго корпуса. Я съ нимъ не видѣлся уже болѣе года и теперь мы возобновили знакомство. Отъ Галича я пошелъ къ Пальмину, который обнадежилъ меня, что мнѣ не надо будетъ держать студентскаго экзамена.

— 22. Былъ у Ростовцева. Онъ опредѣленъ адъютантомъ къ великому князю Михаилу Павловичу. Ему, кажется мнѣ, не этого хотѣлось. Однако, государь къ нему попрежнему благосклоненъ. Съ его тонкимъ умомъ и честолюбіемъ онъ можетъ далеко пойти. Отношенія его ко мнѣ тѣ же, что и прежде.

— 23. Сегодня Ростовцевъ навѣстилъ меня. Онъ, между про-

чимъ, сообщилъ мнѣ, что князь Оболенскій въ показаніяхъ своихъ запуталъ многихъ, и въ томъ числѣ Глинку, который ожидаетъ, что его опять арестуютъ. Если это случится, онъ собирается призвать меня въ свидѣтели, какъ всегда присутствовавшаго при его свиданіяхъ съ княземъ Оболенскимъ, и потому могущаго подтвердить, что въ бесѣдахъ ихъ не было ничего политическаго. Онъ поручилъ Ростовцеву просить меня объ этомъ. Къ чему эта просьба? Если онъ поступитъ, какъ намѣревается, я и безъ того долженъ буду сказать истину, которая, впрочемъ, для него ни мало не предосудительна. Но, само собой разумѣется, я предпочелъ бы избѣжать этого новаго усложненія.

— 24. У г-жи Штеричъ собирается такъ называемое высшее общество столицы и я имѣю случай дѣлать полезныя наблюденія. До сихъ поръ я успѣлъ замѣтить только то, что существа, населяющія „большой свѣтъ", сущіе автоматы. Кажется, будто у нихъ совсѣмъ нѣтъ души. Они живутъ, мыслятъ и чувствуютъ, не сносясь ни съ сердцемъ, ни съ умомъ, ни съ долгомъ, налагаемымъ на нихъ званіемъ человѣка. Вся жизнь ихъ укладывается въ рамки свѣтскаго приличія. Главное правило у нихъ: не быть смѣшнымъ. А не быть смѣшнымъ, значитъ рабски слѣдовать модѣ въ словахъ, сужденіяхъ, дѣйствіяхъ также точно, какъ и въ покроѣ платья. Въ обществѣ „хорошаго тона" вовсе не понимаютъ, что истинно изящно, ибо общество это въ полной зависимости отъ извѣстныхъ, временно преобладающихъ, условій, часто идущихъ въ разрѣзъ съ изящнымъ. Принужденность изгоняетъ грацію, а систематическая погоня за удовольствіями дѣлаетъ то, что они вкушаются безъ наслажденія и съ постояннымъ стремленіемъ, какъ можно чаще, замѣнять ихъ новыми. И подъ всѣмъ этимъ таятся самыя грубыя страсти. Правда, на нихъ набрасываютъ покровъ внѣшняго приличія, но послѣдній такъ прозраченъ, что не можетъ вполнѣ скрыть ихъ. Я нахожу здѣсь совершенно тѣ же пороки, что и въ низшемъ классѣ, только безъ добродѣтелей, прирожденныхъ послѣднему. Особенно поражаютъ меня женщины. Въ нихъ самоувѣренность, исключающая скромность. Я подъ скромностью разумѣю не одно чувство стыдливости въ сношеніяхъ между двумя полами, но и то свойство души, которое научаетъ находить середину между самоувѣренностью и отсутствіемъ сознанія собственнаго достоинства. Я знаю теперь, что

„ловкость“ и „любезность“ свѣтской женщины есть не иное что, какъ способность съ легкостью произносить заученное, и вотъ правило этой ловкости и любезности: „одѣвайся, держи ноги, руки и глаза такъ, какъ приказала мадамъ француженка, и не давай языку своему ни минуты отдыха, не забывая при томъ, что французскія слова должны быть единственными звуками, издаваемыми этимъ живымъ клавишемъ, который приводится въ дѣйствіе исключительно легкомысліемъ“. Въ самомъ дѣлѣ, знаніе французскаго языка служитъ какъ бы пропускнымъ листомъ для входа въ гостиную „хорошаго тона“. Онъ часто рѣшаетъ о васъ мнѣніе цѣлаго общества и освобождаетъ васъ, если не на всегда, то на долго, отъ обязанности проявлять другія важнѣйшія права на вниманіе и благосклонность публики.

Февраль.—2. Былъ у профессора и декана нашего факультета, Пальмина. Мой товарищъ Армстронгъ получилъ на экзаменѣ практической философіи почти послѣдніе баллы, между тѣмъ выдержалъ экзаменъ едва ли не лучше всѣхъ. Это его крайне огорчило и онъ просилъ меня объясниться по этому поводу съ деканомъ. Я самъ уже многимъ обязанъ профессору Пальмину, но не думаю, чтобы это должно было служить мнѣ препятствіемъ въ настоящемъ случаѣ. И дѣйствительно, мнѣ удалось достигнуть желаемаго. Деканъ принялъ въ соображеніе мое объясненіе и обѣщалъ поправить несправедливость. А когда я у него спросилъ, могу ли я самъ разсчитывать на то, что буду переведенъ на 2-й курсъ, онъ отвѣчалъ: „Кому же перейти, если не вамъ? Вы имѣете на то несомнѣнное право. Я со своей стороны, по крайней мѣрѣ, не позволю оказать вамъ несправедливость“.

Горячо поблагодаривъ добраго профессора за себя и за товарища, я ушелъ успокоенный. Пальмину лѣтъ за сорокъ. Онъ, повидимому, флегматикъ, но не угрюмъ. У него добродушная улыбка и онъ умѣетъ постоять за того, кто ему по душѣ. Со мной онъ всегда ласковъ и привѣтливъ, говоритъ тономъ дружбы, какъ съ равнымъ. У него здравый умъ. Онъ не систематикъ и ищетъ истины вездѣ, гдѣ только надѣется найти ее, и любитъ ее, въ какомъ бы видѣ она ему не представлялась. Практическое предпочитаетъ теоретическому и разсудокъ уму. Скроменъ. Испыталъ много превратностей, но перенесъ ихъ, какъ подобаетъ философу. И теперь участь его не блестящая. Онъ не бо-

гатъ, а семейство у него пребольшое. Я, между прочимъ, нахожу въ немъ сходство съ Ф. Ф. Ферронскимъ, моимъ добрымъ украинскимъ философомъ. Та же, повидимому, простота сердца и равнодушное отношеніе ко внѣшнимъ невзгодамъ. При всемъ томъ, говорятъ, что профессоръ этотъ не любимъ въ университетѣ. Но кто же умѣетъ такъ ненавидѣть и гнать, какъ ученые: имъ издревле принадлежитъ честь совершенствовать не одно хорошее, но и дурное.

— 8. Видѣлся съ Ростовцевымъ. Мнѣ съ чего-то пришло въ голову, что онъ, будучи нынѣ взысканъ счастьемъ, можетъ перемѣниться ко мнѣ. Однако, онъ мнѣ не далъ ни малѣйшаго повода о немъ такъ думать. Но я знаю его, знаю, что онъ честолюбивъ, а честолюбіе, сопровождаемое успѣхомъ, съ каждымъ шагомъ впередъ умаляетъ въ глазахъ честолюбца предметы, остающіеся у него позади, и такъ до тѣхъ поръ, пока они совсѣмъ стушуются, и онъ ужъ не видитъ больше ничего, кромѣ самого себя. Если такъ случится съ Ростовцевымъ, мнѣ ничего не останется, какъ пожелать ему пріятныхъ сновъ въ объятіяхъ фортуны и удалиться съ его пути. Но, повторяю, до сихъ поръ я не имѣю ни малѣйшаго къ тому повода. А сердце подстрекаетъ меня вообще считать Ростовцева выше толпы и честолюбіе его относить къ разряду возвышенныхъ и просвѣщенныхъ.

— 10. Былъ у профессора словесности Бутырскаго. Въ его теоріи словесности много истинъ, особенно полезныхъ въ настоящее время, когда у насъ стали появляться писатели, отвергающіе правила здраваго смысла и думающіе, что, вмѣсто изученія языка и всякихъ другихъ знаній, довольно обладать фантазіей и сомнительнымъ остроуміемъ, чтобы заслужить право на безсмертіе. Мы вообще мало любимъ останавливаться на предметахъ и углубляться въ ихъ суть. Все, что отзываетъ трудомъ, для насъ нестерпимо. У насъ многіе люди, даже съ талантомъ, заражены язвою лѣни и стремятся легкимъ способомъ добывать похвалы и удивленіе. Для нихъ все рѣшаетъ минута энтузіазма: они называютъ это вдохновеніемъ и уже ни о чемъ больше не заботятся. Въ числѣ нашихъ модныхъ литераторовъ не мало такихъ. Я знакомъ съ иными и часто удивляюсь ихъ невѣжеству съ одной стороны и рѣзкости сужденій съ другой о предметахъ, имъ очень мало извѣстныхъ. Трудъ они на-

зываютъ педантствомъ. Для нихъ довольно познакомиться съ французскимъ языкомъ и прочесть на немъ нѣсколько книжекъ, чтобы считать свое образованіе оконченнымъ. Написавъ потомъ нѣсколько журнальныхъ статеекъ, нѣсколько мадригаловъ и пѣсенекъ, которымъ апплодируютъ въ гостиныхъ, они принимаютъ важный видъ заслуженныхъ литераторовъ и величественно успокоиваются на лаврахъ, мечтая, по очереди, о потомствѣ и о сытномъ обѣдѣ у какого нибудь мецената.

— 15. Сегодня, въ десять часовъ утра, всѣ студенты собрались въ университетъ. Былъ отслуженъ молебенъ, и каждый изъ насъ получилъ свидѣтельство на званіе студента, а потомъ прочитано намъ росписаніе о переводѣ насъ на высшіе курсы. Я переведенъ на второй и со мной всѣ мои товарищи изъ вольнослушающихъ.

— 19. Нездоровъ. Въ болѣзняхъ, какъ и во всѣхъ бѣдахъ, главное не ослабѣвать духомъ, чтобы не дѣлаться слишкомъ чувствительнымъ къ самому себѣ. Мы страдаемъ не столько отъ постигающаго насъ зла, сколько отъ того расположенія духа, съ какимъ принимаемъ его. Надо всегда смотрѣть на зло не съ той, стороны, съ какой оно представляется всего тягостнѣе, а съ той, съ которой является удобнымъ къ перенесенію, а сію сторону мы всегда найдемъ, если отнимемъ отъ зла все то, что придаетъ ему наше воображеніе, наше самолюбивое я, наша склонность считать себя средоточіемъ всего, насъ окружающаго.

— 28. Сегодня мнѣ гораздо лучше. Я спускался внизъ благодарить г-жу Штеричъ и опять бодро принялся за лекціи и за другія обязанности.

Мартъ.—1. Настоящее положеніе мое слѣдующее: я имѣю помѣщеніе очень хорошее, обѣдъ, чашку или двѣ чаю поутру и ввечеру. Но денегъ ни гроша, и никакой надежды ихъ откуда нибудь получить. Слѣдовательно, половина моихъ нуждъ удовлетворена, а другая, состоящая въ одеждѣ, еще зависитъ отъ будущей снисходительности судьбы. Въ этомъ домѣ всѣ со мной ласковы, а молодой человѣкъ особенно ко мнѣ вѣжливъ. Время мое такъ распредѣлено: встаю въ пять, иногда въ шесть часовъ, никогда позже. Въ дни, опредѣленные для лекцій, иду въ университетъ, возвращаюсь домой въ 12 часовъ, записываю лекціи или читаю сочиненія, имѣющія связь съ университетомъ. Въ 2 часа

за мной обыкновенно присылаетъ г-жа Штеричъ. Я схожу внизъ и всегда застаю тамъ нѣсколько приглашенныхъ къ обѣду лицъ. Обѣдъ подаютъ въ 3 часа. Время это самое непроизводительное. Оно проходитъ въ разговорѣ, гдѣ мало одушевленія. Толкуютъ обыкновенно о городскихъ новостяхъ, а за недостаткомъ оныхъ перебираютъ старое. Ничего нѣтъ скучнѣе такого разговора. Вся задача собесѣдниковъ здѣсь не допустить молчанія, котораго свѣтскіе люди боятся хуже язвы. Я присвоилъ себѣ привиллегію тотчасъ послѣ обѣда уходить въ свою комнату, гдѣ около часа отдыхаю за книгою, не требующею размышленія. Потомъ приступаю къ отправленію новыхъ обязанностей: читаю курсъ словесности исторіи молодому Штеричу. Въ свободное время посѣщаю знакомыхъ и университетскихъ товарищей. Къ чаю опять являюсь внизъ, гдѣ повторяется то-же, что и за обѣдомъ, а въ 11 часовъ ложусь спать.

— 7. Вчера дворецкій князя Евгенія Оболенскаго просилъ меня придти разобрать оставшіяся у него на рукахъ книги его господина. Онъ хотѣлъ уложить ихъ по матеріямъ и отослать въ Москву къ старому князю. Съ горькимъ, щемящимъ чувствомъ вошелъ я въ комнаты, гдѣ прошло столько замѣчательныхъ мѣсяцевъ моей жизни и гдѣ разразился ударъ, чуть не уничтожившій и меня въ прахъ. Тамъ все было въ безпорядкѣ и запустѣніи. Я сталъ у окна и глубоко задумался. Солнце садилось и послѣдніе лучи его съ трудомъ пробивались сквозь облака, быстро застилавшія небо. Въ печальныхъ комнатахъ царила могильная тишина: въ нихъ пахло гнилью и уныніемъ. Что сталось съ еще недавно кипѣвшею здѣсь жизнью? Гдѣ отважные умы, задумавшіе идти наперекоръ судьбѣ и однимъ махомъ рѣшать вѣковыя злобы? Въ какую бездну несчастія повергнуты они! Ужъ лучше было-бы имъ рззомъ пасть въ тотъ кровавый день, когда имъ стало ясно ихъ безсиліе обратить противъ теченія потокъ событій, неблагопріятныхъ для ихъ замысла!..

Размышленія мои были прерваны приходомъ адъютанта князя Оболенскаго: онъ пришелъ сюда за своими книгами. Мы поговорили нѣсколько минутъ, и я ушелъ съ тоской въ сердцѣ.

— 12. Сегодня мнѣ исполнилось 23 года, если вѣрить старому календарю, въ которомъ рукой отца записанъ 1803 годъ, какъ

годъ моего рожденія. Итакъ, юность моя отцвѣтаетъ. Мало людей, которые провели-бы ее такъ бурно, дѣятельно и безъ всякаго руководства. Я достигъ цѣли: свергнулъ съ себя ненавистное иго, подъ бременемъ котораго чуть не палъ, и вступилъ на поприще благородное, но каждый шагъ въ достиженіи этого я покупалъ цѣною страданій и напряженія всѣхъ своихъ силъ. Дальнѣйшій мой путь въ главныхъ чертахъ намѣченъ, а настоящее для меня скрашено расположеніемъ профессоровъ и любовью товарищей, между которыми я даже пользуюсь, своего рода, авторитетомъ Вотъ хорошая сторона моего теперешняго положенія, но у него есть и оборотная, не менѣе важная. Мнѣ предстоитъ еще около двухъ лѣтъ пробыть въ университетѣ, и я, на это время, не обезпеченъ даже въ необходимѣйшихъ нуждахъ. И теперь, когда я, повидимому, во многомъ успокоенъ, мнѣ все-же приходится терпѣть отъ такихъ нуждъ, которыя тяжело ложатся на сердце, не говоря уже о бѣдственномъ положеніи моей матери, которое служитъ для меня источникомъ постоянныхъ мукъ....

Занятіями моими въ этотъ годъ я доволенъ. Могу сказать по совѣсти, что я не терялъ времени и пріобрѣлъ много новыхъ познаній. Въ одномъ только я попрежнему плохъ: въ латинскомъ языкѣ. У меня не хватаетъ ни времени, ни терпѣнія для изученія его формъ. Онъ просто возбуждаетъ во мнѣ отвращеніе.

— 15. Вотъ примѣръ свѣтскаго эгоизма. Меня недавно посвящала въ его тайны одна дама, съ тонкимъ знаніемъ свѣта и людей, слывущая за близкую пріятельницу г-жи Штеричъ. „Возьмемъ хоть насъ съ нею“,—говорила она,—„мы точно не можемъ жить одна безъ другой. Рѣдкій день мы не вмѣстѣ. Но если вы полагаете, что мы это дѣлаемъ безъ всякаго разсчета, по внутреннему влеченію, вы очень ошибаетесь. Дѣло въ томъ, что я не люблю моего мужа и рада всякому случаю не быть съ нимъ вмѣстѣ. Пребываніе дома для меня отравлено его присутствіемъ, и вотъ почему я безвыходно здѣсь. Госпожа Штеричъ, съ своей стороны, часто хвораетъ и нуждается въ собесѣдницѣ, которая развлекала бы ее. И вотъ между нами заключился своего рода негласный договоръ: я избавляюсь отъ необходимости обѣдать и пить чай съ глазу на глазъ съ ненавистнымъ человѣкомъ, а она получаетъ возможность меньше думать о своей болѣзни“. Надо отдать справедливость этой дамѣ: она очень откровенна.

Апрѣль.—6. Получилъ печальное извѣстіе изъ Малороссіи. Меня увѣдомляютъ о смерти Владиміра Ивановича Астафьева. Это былъ одинъ изъ ближайшихъ моихъ друзей и главный участникъ въ счастливой перемѣнѣ въ моей судьбѣ. Онъ былъ уменъ, образованъ, добръ, но неблагоразуміе молодости остановило успѣхи его среди самыхъ лучшихъ надеждъ, а слабости преклонныхъ лѣтъ сократили жизнь его.

Вѣсть о кончинѣ этого человѣка меня глубоко огорчила. Вокругъ меня мало по малу рѣдѣютъ знакомые и милые сердцу предметы. Новыя связи не замѣняютъ вполнѣ старыхъ: послѣднія какъ-то всегда искреннѣе и прочнѣе. Не отъ того ли, что въ нихъ сердце предупреждаетъ разсудокъ, который потомъ только скрѣпляетъ его выборъ? Память Астафьева навсегда останется для меня священной, онъ въ полномъ смыслѣ слова былъ для меня вторымъ отцомъ: первый далъ мнѣ жизнь, а второй—возможность употребить ее достойно.

— 11. Сегодня всѣ студенты собрались въ университетской аудіенцъ-залѣ, гдѣ ректоръ Дегуровъ произнесъ къ намъ слово, въ которомъ увѣщевалъ быть преданными нашему монарху. Рѣчь свою онъ подкрѣпилъ примѣромъ 14-го декабря. Ректоръ говорилъ горячо, и рѣчь его произвела впечатлѣніе.

— 18. Свѣтлое Христово Воскресеніе. Я не могъ сегодня, по обыкновенію, быть у заутрени и обѣдни и не слышалъ радостныхъ гимновъ, съ дѣтства пробуждавшихъ во мнѣ всегда отрадныя чувства. Несносный портной не успѣлъ окончить ко времени мундира, и я до двухъ часовъ просидѣлъ дома. Потомъ я былъ съ поздравленіями у нѣкоторыхъ знакомыхъ. День вообще прошелъ скучно.

— 19. Былъ съ поздравленіемъ у Димитрія Ивановича Языкова. Онъ принялъ меня очень ласково. Затѣмъ я пошелъ къ Ростовцеву и, къ счастію, засталъ его дома. Мы давно не видались, и оба обрадовались случаю поговорить на свободѣ. Онъ, какъ будто, не совсѣмъ доволенъ своимъ настоящимъ положеніемъ. Стезя честолюбія, по которой онъ вздумалъ идти, такова, что человѣку благородному по ней не пройти вовсе, или же, проходя, надо измучиться, постоянно насилуя себя. Улыбка сильныхъ и вниманіе толпы не могутъ дать удовлетворенія тому, чье сердце, дѣйствительно, бьется отъ полноты любви къ людямъ и къ добру, въ

комъ развита потребность внутренней жизни и самодѣятельности. Можно принимать сіи дары, подносимые двусмысленною благосклонностью или своенравіемъ людей и фортуны, можно даже иногда искать ихъ, но для того только, чтобы сдѣлать изъ нихъ употребленіе, достойное высшихъ цѣлей. Надо искать всего, что расширяетъ кругъ нашей дѣятельности, но стремиться съ любовью, съ энтузіазмомъ и съ твердостью должно только къ тому, что неизмѣнно-справедливо.

Мы разстались съ Ростовцевымъ, давъ другъ другу слово чаще видѣться.

— 24. Остальные дни праздниковъ прошли довольно скучно. Ничего нѣтъ несноснѣе одиночества въ толпѣ, занятой исключительно удовольствіями и соблюденіемъ внѣшнихъ приличій, а еще того хуже, когда свѣтскій вихрь и васъ косвенно задѣваетъ, выхватываетъ васъ изъ будничной трудовой обстановки и заставляетъ тоже кружиться въ сферѣ мелкихъ прихотей и безсодержательнаго веселья.

— 29. Слушалъ лекціи изъ исторіи философіи. Мы занимались греками и, по обыкновенію, начали съ Ѳалеса. Профессоръ обращался къ намъ съ вопросами, на которые мы, по его словамъ, отвѣчали удовлетворительно.

— 30. По утру зашелъ послушать лекцію профессора Т—ву о словесности. Засталъ оную уже на половинѣ: онъ трактовалъ о красотѣ. Потомъ я былъ на лекціи статистики проф. З. Онъ читалъ намъ общее обозрѣніе Европы. Профессоръ З., кажется, слишкомъ любитъ пускаться въ подробности, но онъ очень хорошо объясняетъ свой предметъ, т. е. точно, толково и чистымъ языкомъ. У него грубая, полудикая физіономія, но его пріятно слушать.

Май.—1. Отъ 8 до 10 часовъ утра слушалъ лекцію естественнаго права у профессора Лодія. Послѣдователи французской школы по этому праву говорятъ: „Люди рождаются свободными и равными въ разсужденіи правъ и пребываютъ свободными и равными въ нихъ. Цѣль всякой государственной связи есть сохраненіе природныхъ и неотъемлемыхъ правъ человѣка. Сіи же права суть: свобода, собственность, безопасность и власть противоборствовать угнетенію“. Французы старались приноравливать всѣ положенія естественнаго права къ политическимъ

идеямъ того времени—это ясно. Но опроверженіе, которое намъ вообще предлагалъ нашъ профессоръ, показалось мнѣ неудовлетворительнымъ. Понятія: свобода, собственность и власть противоборствовать угнетенію надлежало бы разсмотрѣть въ отвлеченности, а онъ показалъ намъ только злоупотребленія, кои дѣлались въ примѣненіи ихъ, и тѣмъ самымъ какъ бы доказывалъ ихъ полную несостоятельность, чего, конечно, не могъ имѣть въ виду.

— 2. Сегодня я былъ приглашенъ на обѣдъ къ Мамонтову. Тамъ засталъ я большое общество. Мамонтовъ праздновалъ свое новоселье по древнему русскому обычаю, но новымъ французскимъ способомъ, т. е. орошая его въ изобиліи шампанскимъ. У меня отъ этого галлицизма закружилась голова не меньше, чѣмъ отъ словесныхъ галлицизмовъ нашихъ свѣтскихъ людей. Мамонтовъ былъ очень веселъ и поощрялъ къ тому же своихъ гостей. Впрочемъ, все это не выходило изъ предѣловъ приличія. Я очень уважаю этого умнаго и добраго старика и люблю его за то, что во дни скорби онъ протянулъ мнѣ дружескую руку, и словомъ и дѣломъ служилъ мнѣ оплотомъ противъ козней Дубова и другихъ. Два сына его были со мной въ университетѣ, и только нынѣшній годъ окончили курсъ. Многочисленное семейство окружало сегодня Мамонтова, какъ патріарха.

— 3. Пошелъ было на лекціи, которыхъ, однако, не было, потому что профессоръ Бутырскій не пришелъ. Потомъ все утро занимался дѣлами г-жи Штеричъ, которыя, сказать правду, отнимаютъ у меня не мало таки времени.

— 5. Занимался приведеніемъ въ порядокъ и обработкой лекцій, но на этотъ разъ съ усиліемъ, безъ внутренняго расположенія къ труду. На мнѣ, должно быть, сказывается утомленіе отъ массы постороннихъ дѣлъ, которыми я заваленъ.

— 12. Всѣ эти дни провелъ въ обычныхъ занятіяхъ... Положеніе мое съ каждымъ днемъ становится все затруднительнѣе. Помимо стола и квартиры, ни одна изъ другихъ моихъ нуждъ не обезпечена: ни одежда, ни учебныя пособія. А время мое, за исключеніемъ часовъ, проводимыхъ на лекціяхъ, почти цѣликомъ принадлежитъ г-жѣ Штеричъ. Я не только занимаюсь съ ея сыномъ, но и всѣми ея дѣлами вообще. Но не имѣя никакого съ нею договора, я, конечно, не вправѣ ничего и ожидать. Что-же мнѣ

дѣлать? Одно остается: просить государя, чтобъ онъ далъ мнѣ возможность окончить курсъ въ университетѣ. Объ этомъ надо подумать и посовѣтоваться съ Д. И. Языковымъ. Только, я полагаю, это лучше сдѣлать послѣ коронаціи.

— 20. Сегодня было годичное торжественное собраніе въ нашемъ университетѣ. Было много посѣтителей, и въ томъ числѣ дюкъ Брогліо, генералъ французской службы, занимающій первое мѣсто въ свитѣ французскаго посла, маршала Мармонта. Прекрасный мужчина. Черты лица его благородны и выразительны, движенія граціозны и непринужденны. Глядя на него, я понялъ, какъ далеки отъ своего образца наши подражатели французскаго стиля въ обращеніи. Они перенимаютъ внѣшніе пріемы и думаютъ, что въ этомъ все. Между тѣмъ, имъ прежде всего слѣдовало бы проникнуться тѣмъ духомъ гуманности и общительности, какимъ преисполнены французы, а пріемы явились бы уже сами собой, вмѣстѣ съ внутренней граціей, безъ которой не бываетъ внѣшней.

Актъ продолжался часа три, но мы, студенты, собрались гораздо раньше и провели время довольно пріятно, расхаживая по залѣ и дѣлая наблюденія надъ приходящими. Профессоръ и секретарь совѣта Бутырскій прочелъ отчетъ дѣятельности университета за прошлый годъ — отчетъ, изъ коего, несмотря на всѣ старанія оратора доказать противное, было очевидно, что просвѣщеніе въ столицѣ не сдѣлало за это время большихъ успѣховъ. Ректоръ Дегуровъ произнесъ на французскомъ языкѣ рѣчь о вліяніи просвѣщенія на народы: ее очень хвалили. Профессоръ Пальминъ часа полтора говорилъ о добродѣтеляхъ покойнаго императора Александра Павловича. Любопытнѣе всего былъ отрывокъ изъ литературныхъ лекцій профессора Бутырскаго, который прочелъ оный съ обычною своей пріятностью. Дѣло шло „о сущности поэзіи". Немногіе изъ нашихъ глубоко вникаютъ въ его теорію, между тѣмъ въ ней много истинъ, которыя могли бы принести большую пользу нашей литературѣ, если бы къ нимъ захотѣли повнимательнѣе прислушаться.

— 25. Вчера вечеромъ было студентское собраніе въ домѣ Лингвиста. Мы читали теорію уголовнаго права; я объяснялъ товарищамъ нѣкоторыя затруднительныя мѣста. Мы провели часа четыре очень пріятно.

Іюнь.—6. Всѣ эти дни усердно занимался лекціями и сдѣлалъ кое-какія полезныя пріобрѣтенія въ этомъ смыслѣ.

— 14. Смотрѣлъ похоронную процессію императрицы Елисаветы Алексѣевны. Вышелъ изъ дому слишкомъ рано и съ тремя товарищами бродилъ по Лѣтнему саду. Мы смотрѣли на толпу, пеструю и крайне разнообразную, замѣчали физіономіи. Наконецъ, мнѣ надоѣло ждать и я уже собрался идти домой. Вдругъ пушечные выстрѣлы возвѣстили приближеніе процессіи. Я занялъ не особенно выгодное мѣсто, но пришлось имъ довольствоваться, ибо тѣснота была невообразимая. Процессія между тѣмъ приблизилась. Я навелъ мой лорнетъ, началъ разсматривать и, признаюсь въ моемъ безчувствіи, не увидѣлъ ничего, что бы меня сильно тронуло. Впрочемъ, этому, конечно, я самъ виноватъ. Я вообще не охотникъ до зрѣлищъ, полагающихъ такое великое различіе между человѣкомъ и человѣкомъ... Дѣвицы патріотическаго общества, шедшія по двѣ въ рядъ; мужики въ богатыхъ кафтанахъ, жалованныхъ имъ покойною императрицею; фигуры въ черныхъ мантіяхъ; роскошная карета покойницы; великолѣпный гробъ съ ничтожными останками величія—все это проносилось передо мной, какъ китайскія тѣни. Въ заключеніе я, какъ малая капля въ океанѣ, отхлынулъ съ толпой отъ Марсова поля и направился домой, повторяя про себя избитыя, но многозначительныя слова: „суета суетъ" и т. д.

— 17. Церемоніймейстеръ печальной процессіи Ш. возилъ меня сегодня въ Петропавловскую крѣпость или, лучше сказать, въ церковь при ней, посмотрѣть печальное убранство оной. Церковь не обширна, но съ гробами покоющихся въ ней царей, съ высокимъ пышнымъ катафалкомъ, на коемъ возлежалъ новый прахъ, готовый тоже занять мѣсто подъ печальными сводами—все это представляло нѣчто мрачное и величественное. Картина эта, въ первую минуту, произвела на меня сильное впечатлѣніе. Но моему торжественному настроенію духа былъ скоро положенъ конецъ. Вокругъ катафалка, какъ рой трутней, вертѣлась толпа придворныхъ дамъ и мужчинъ: они шептались, шаркали, любезничали, волочились съ видомъ дѣловой важности, очевидно воображая, что отправляютъ службу отечеству. „Да, господа", подумалъ я, „это ваше дѣло. Вы всегда у мѣста тамъ, гдѣ нечего дѣлать". Какъ суетятся они, какая озабоченность во взглядахъ,

какое самодовольство на лицахъ! О, это великіе люди... при похоронахъ царей.

Выходя изъ крѣпости, я взглянулъ на рѣшетчатыя окна тюремъ. И тамъ тѣ-же могилы! Бѣдные страдальцы! Ахъ, если бы и вы умѣли, какъ тѣ, другіе, находить удовлетвореніе въ самодовольствѣ: вѣдь оно способно скрасить самый адъ, имѣя въ него доступъ. Ваши счеты съ сердцемъ, конечно, могутъ дать вамъ полное удовлетвореніе, но счеты съ разумомъ, пожалуй, дадутъ въ итогѣ горькій осадокъ недовольства и сомнѣній. И праведникъ, если хочетъ дѣйствовать, долженъ быть мудръ, ибо праведникъ безъ мудрости—безсильное дитя...

— 26. Два дня на этой недѣлѣ я провелъ съ рѣдкимъ удовольствіемъ. Въ четвергъ, по окончаніи лекцій, въ 12 часовъ, я съ двумя ближайшими изъ моихъ товарищей, Михайловымъ и Делемъ, отправился на дачу за Лѣсной корпусъ, къ третьему, студенту же, Армстронгу. Онъ былъ именинникъ, и мы дали ему слово провести этотъ день съ нимъ. Шли мы туда въ отличномъ настроеніи духа. Между нами не прерывалась одушевленная бесѣда. Мы говорили о разныхъ отвлеченныхъ предметахъ съ полнымъ сочувствіемъ и гармоніей въ мысляхъ, и не замѣтили, какъ очутились у порога дачи, гдѣ были радушно встрѣчены семействомъ Армстронга. Насъ уже ожидалъ сытный обѣдъ. Усталые отъ продолжительнаго пути и сердечныхъ изліяній, мы быстро уничтожили его. Послѣ обѣда настали сельскія удовольствія: мы бѣгали, шутили, смѣялись, катались въ лодкѣ между хорошенькими островками на пруду. Михайловъ превзошелъ самъ себя въ остроуміи. Немного спустя, къ намъ присоединилось еще два товарища, студенты математическаго факультета. Общество наше сдѣлалось шумнѣе, но менѣе пріятно. Гармонія была нарушена, и я ушелъ въ себя.

Вечеромъ всѣ уѣхали. Я остался одинъ съ Армстронгомъ. Мы вышли въ поле. Солнце, въ видѣ раскаленнаго шара, спускалось на горизонтѣ; лѣсъ подергивался туманомъ; предметы вдали постепенно исчезали, и звуки дневной суеты замирали. Люблю я эту торжественную тишину прекрасной лѣтней ночи: она всегда отрадно, успокоительно на меня дѣйствуетъ. Давно уже не наслаждался я близостью природы. Лѣтніе вечера для меня ничѣмъ не отличаются отъ зимнихъ въ душномъ каменномъ Петербургѣ.

Они и въ то, и въ другое время года ознаменовываются для меня единственно необходимостью сходить внизъ, пить чай. Чистый, благорастворенный воздухъ давно не освѣжалъ моей крови, и я съ жадностью глоталъ его. Запахъ молодыхъ березокъ не можетъ сравниться ни съ какимъ ароматомъ, вѣющимъ отъ нашихъ модницъ и модниковъ.

Долго бродили мы безъ цѣли и плана, забывъ о лекціяхъ и ежедневныхъ заботахъ, не поминая прошлаго, не думая о будущемъ, довольные собою и всѣмъ міромъ. Не часто удается мнѣ до такой степени забываться въ настоящемъ, но чѣмъ рѣже такія минуты, тѣмъ глубже отъ нихъ слѣдъ...

Домой мы пришли послѣ одиннадцати. Намъ подали ужинъ: кусокъ холоднаго жаркаго и горшокъ кислаго молока, называемаго простоквашею. Послѣдняя мнѣ пришлась особенно по вкусу: она напомнила мнѣ домашніе ужины и обѣды, гдѣ молоко въ разныхъ видахъ всегда играло главную роль. Мать моего товарища была такъ ласкова, привѣтлива, даже нѣжна, что я чувствовалъ себя совершенно легко и свободно. Тихій, здоровый сонъ заключилъ этотъ пріятный день, какого я уже давно, давно не испытывалъ.

На слѣдующее утро, тотчасъ послѣ чаю, мы опять отправились бродить по окружнымъ полямъ. Къ намъ присоединился товарищъ Чевилевъ, общество котораго намъ было пріятно, и не внесло, по вчерашнему, разлада въ мое праздничное настроеніе духа. Итакъ, весь день опять прошелъ въ прогулкахъ. Вечеромъ мы ходили пить чай въ маленькую деревушку, верстахъ въ двухъ отъ дачи Армстронга. Въ полѣ, у стройной березы, подъ синимъ шатромъ неба, былъ поставленъ столикъ: мы усѣлись вокругъ, и время пролетѣло незамѣтно въ оживленной бесѣдѣ. Солнце, склоняясь къ западу, наконецъ, напомнило намъ, что пора и домой.

На другой день, послѣ утренняго чая, я, вмѣстѣ съ Чевелевымъ, отправился въ Петербургъ пѣшкомъ же. Госпожа Штеричъ встрѣтила меня ласково, замѣтила, что соскучилась безъ меня, и прибавила, что черезъ четыре дня уѣзжаетъ въ Москву... У насъ начались каникулы, но дѣла пропасть. Надо привести въ порядокъ однѣ лекціи и составить другія, напримѣръ, по богословію и исторіи философіи. А тутъ еще французскій и латинскій языки...

— 30. Я получилъ печальное извѣстіе съ родины. Братъ мой

Григорій, недавно женился и такъ хорошо, что съ его женитьбой значительно улучшилось и матушкино положеніе. Это было большимъ для меня успокоеніемъ: она могла, наконецъ, отдохнуть отъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ для своей семьи. Но вдругъ получаю извѣстіе, что въ селѣ Алексѣевкѣ, куда переселился братъ, въ домъ, полученный имъ въ приданое за женой, пожаръ истребилъ триста семьдесятъ дворовъ. Я трепеталъ за брата, но все еще надѣялся, что бѣда не коснулась его. Теперь нѣтъ больше сомнѣній: домъ и все имущество его сгорѣло. Такимъ образомъ, благополучіе нашего семейства было опять только мимолетнымъ сномъ.

Іюль.—3. Вчера, въ 12 ч. ночи, г-жа Штеричъ, вмѣстѣ съ сыномъ, отправилась въ Москву. Она оставила мнѣ много порученій и дала довѣренность на веденіе разныхъ ея дѣлъ. До сихъ поръ отношенія наши очень хороши. Сына же ея я положительно полюбилъ. Молодой человѣкъ платитъ мнѣ тѣмъ же, съ оттѣнкомъ уваженія, что значительно облегчаетъ мою задачу съ нимъ. Такимъ образомъ, нравственное мое положеніе здѣсь вполнѣ удовлетворительно, о матеріальномъ же стараюсь какъ можно меньше думать...

— 19. Былъ у Елпатьевскаго, кандидата, преподающаго намъ теорію уголовнаго права. Я составилъ планъ диссертаціи „О происхожденіи и сущности права наказанія“ и далъ ему оный на разсмотрѣніе. Сегодня поутру, отъ восьми до двѣнадцати, мы вмѣстѣ занимались обсужденіемъ этого предмета. Елпатьевскій хвалилъ связность моего плана, порядокъ мыслей, но вооружился противъ началъ, какія я принялъ за основаніе, говоря, что это начала Шеллинговы, а Шеллингъ ни къ чему не ведетъ, какъ только къ превыспреннимъ поэтическимъ парадоксамъ. Я защищалъ свои положенія, и мы долго блуждали въ лабиринтѣ метафизики.

Августъ.—8. Услышалъ я отъ Армстронга, которому сказывалъ Михайловъ, о напечатаніи въ „Сынѣ Отечества“ моего сочиненія подъ заглавіемъ: „О преодолѣніи несчастій“, которое было мною въ октябрѣ прошлаго года отдано въ цензуру. Послѣдняя, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, долго не пропускала его, и оно теперь только явилось въ свѣтъ.

Возвратясь съ дачи, я поторопился достать 12 № „Сына Оте-

чества“ и, дѣйствительно, увидѣлъ въ немъ мое сочиненіе. Пробѣжавъ его, я замѣтилъ многія неточности выраженій, нѣсколько мѣстъ съ болѣе пышнымъ, чѣмъ опредѣленнымъ изложеніемъ мыслей, и это значительно умѣрило мое удовольствіе видѣть себя въ первый разъ въ печати. Пока я не слышалъ еще никакихъ отзывовъ.

— 17. Сегодня кончаются наши каникулы, продолжавшіеся болѣе полутора мѣсяца, и завтра уже надо явиться въ университетъ. Признаюсь, что я во все это время сдѣлалъ гораздо меньше, чѣмъ надлежало бы, особенно по части латинскаго языка, въ которомъ я очень мало успѣлъ. Ожидаю отъ этого большихъ непріятностей, тѣмъ болѣе, что страшный Греффе, нашъ профессоръ древней словесности, бичъ всѣхъ малосвѣдущихъ въ латыни студентовъ, вернулся изъ Германіи, куда ѣздилъ на свиданіе съ родными, и теперь будетъ присутствовать на экзаменѣ.

Но, кромѣ ученыхъ и учебныхъ занятій, сколько еще заботъ у меня! Надняхъ пріѣдетъ изъ Москвы г-жа Штеричъ, и время мое опять очутится въ ея распоряженіи. Нужды мои тѣмъ временъ растутъ. Я уже принужденъ былъ продать нѣсколько книгъ, чтобы запастись чернилами, бумагою и перьями. Горько мнѣ было разставаться съ этими добрыми товарищами: они составляли все мое имущество, и ими пришлось пожертвовать необходимости. Но теперь уже нечего будетъ и продать больше.

— 18. Сегодня студенты собрались въ университетъ въ большую залу, куда вскорѣ явились и профессора. Вдругъ ко мнѣ подходитъ нашъ профессоръ словесности, Бутырскій, и не то ласково, не то недовѣрчиво спрашиваетъ:

— Не ваше ли сочиненіе читалъ я въ „Сынѣ Отечества“, подъ названіемъ „О преодолѣніи несчастій“?

— Такъ точно, отвѣчалъ я.

— Неужели? Клянусь, я не предполагалъ, чтобы вы, молодой студентъ, были авторомъ сочиненія, которое сдѣлало бы честь гораздо болѣе опытному литератору. Оно поражаетъ богатствомъ и зрѣлостью мыслей, — прибавилъ онъ, обращаясь къ стоявшему около своему товарищу. — Есть нѣкоторые ошибки въ слогѣ, и я поясню ихъ вамъ. Замѣтилъ я также въ двухъ-трехъ мѣстахъ нѣкоторую неясность. Но помимо этого, все прекрасно.

Едва успѣлъ я поблагодарить его за столь лестный отзывъ, какъ подошли ко мнѣ другіе профессора. Всѣ читали уже мое сочиненіе и спѣшили выразить мнѣ свое удовольствіе. Я совсѣмъ растерялся отъ этого неожиданнаго тріумфа и готовъ былъ провалиться сквозь землю, чтобы уйти отъ всѣхъ устремленныхъ на меня глазъ. Въ заключеніе, Бутырскій обѣщалъ разобрать мое сочиненіе на первой же своей лекціи.

Мы отслушали молебенъ и разошлись по домамъ, получивъ приказаніе завтра собираться на лекціи.

— 22. Сегодня поутру былъ у Булгарина. Онъ принялъ меня очень вѣжливо, хвалилъ мое сочиненіе, просилъ и впередъ писать для его журнала.

— Я думалъ, — замѣтилъ онъ, — что вы гораздо старше, чѣмъ вижу теперь.

Потолковавъ о томъ, о семъ, Булгаринъ пригласилъ меня посѣщать его вечерами, обѣщалъ познакомить съ извѣстнѣйшими литераторами и, пожимая на прощаніе мнѣ руку, сказалъ:

— Въ чемъ будете имѣть нужду, относитесь ко мнѣ. Я могу быть вамъ полезенъ и почту за удовольствіе оказать вамъ услугу. Вы—чадо наукъ, слѣдовательно, родной намъ.

Я поблагодарилъ. Онъ еще раньше обѣщался напечатать въ мою пользу нѣсколько отдѣльныхъ экземпляровъ моего сочиненія и просилъ зайти какъ-нибудь въ типографію и тамъ получить ихъ.

— 26. Сегодня былъ въ типографіи Греча. Узнавъ, что я въ типографіи дожидаюсь выдачи мнѣ экземпляровъ моего сочиненія, Гречъ велѣлъ просить меня къ себѣ въ кабинетъ.

— Радъ случаю съ вами познакомиться,—сказалъ онъ ласково,—вы написали вещь, которая дѣлаетъ вамъ честь.

— Я желалъ бы,—возразилъ я,—воспользоваться вашими замѣчаніями. Я только что выступаю на литературное поприще и нуждаюсь въ руководствѣ и въ совѣтахъ.

— Въ настоящемъ случаѣ не нахожу замѣчаній, которыя могъ бы вамъ сдѣлать. Надняхъ мнѣ писалъ о васъ изъ Петрозаводска Ѳедоръ Николаевичъ Глинка. Онъ читалъ ваше сочиненіе съ величайшимъ удовольствіемъ и просилъ меня поблагодарить васъ за него. Сдѣлайте милость, и впередъ не оставляйте насъ своими трудами.

Опять оставалось только поблагодарить, что я и сдѣлалъ отъ всего сердца.

Вечеромъ смотрѣлъ иллюминацію, въ честь коронованія государя императора, состоявшагося 22-го сего мѣсяца, въ Москвѣ. Я началъ мой походъ отъ Семеновскаго моста. У Семеновскихъ казармъ сіялъ щитъ съ вензелемъ государя и государыни. Передъ университетомъ горѣлъ обелискъ, съ означеніемъ дня и года коронаціи. Лучше всего иллюминованы были: Комиссія составленія законовъ, домъ графа Шереметева и Гостинный дворъ. Экипажей и народу было великое множество. На Аничковскомъ мосту еще можно было кое какъ двигаться, но дальше, по Невскому проспекту, народъ стоялъ сплошною массою. Я дошелъ до Думы и больше не могъ. Вернулся обратно и добрался до дома съ величайшимъ трудомъ.

— 30. Былъ, наконецъ, у Д. И. Языкова и исполнилъ то, что давно задумалъ, а именно разсказалъ ему о своемъ безвыходномъ положеніи и о намѣреніи прибѣгнуть къ государю, съ просьбою о вспомоществованіи для окончанія курса въ университетѣ. Языковъ слушалъ меня внимательно и, подумавъ немного, сказалъ:

— Нѣтъ, я не совѣтовалъ бы утруждать этимъ государя. Но почему бы вамъ не сдѣлать договора съ этой великодушной женщиной, г-жею Штеричъ, которая, вмѣсто денегъ, платитъ вамъ за ваши труды своимъ уваженіемъ? Въ такихъ случаяхъ нечего церемониться. Одни ваши занятія съ ея сыномъ чего нибудь да стоятъ.

— Нѣтъ, в. п.,—возразилъ я,—г-жа Штеричъ во всякомъ случаѣ предлагаетъ мнѣ квартиру и столъ и полагаетъ, что этимъ достаточно вознаграждаетъ меня. Когда я согласился къ ней переѣхать, у меня и этого не было. Требовать отъ нея теперь еще чего либо я считаю себя не въ правѣ—да это и не къ чему не повело бы, кромѣ разрыва. Она очень разсчетлива, и даже сынъ ея никогда не располагаетъ свободными деньгами.

Подумавъ еще, Языковъ сказалъ:—подайте прошеніе министру.

Я понялъ къ чему это клонится, и рѣшился высказать мое твердое намѣреніе не быть снова въ рабствѣ, хотя и не столь жестокомъ, какъ то, отъ коего я избавился, но тѣмъ не менѣе тягостномъ.

— Я боюсь, в. п.,—сказалъ я,—что если подамъ просьбу министру, меня включатъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ. Въ такомъ случаѣ у меня на пути опять явится непреодолимая преграда. Моя цѣль, окончивъ курсъ въ университетѣ, служить подъ вашимъ начальствомъ. Отдавая теперь всего себя дѣлу своего образованія, я льщу себя надеждою, что не буду безполезенъ на томъ пути, на который вступить желаю. Къ тому же я уже прошелъ половину университетскаго курса: было бы крайне печально отказаться отъ своей цѣли, когда уже такъ близокъ къ ней.

Я замолчалъ. Языковъ задумался и, по довольно долгомъ размышленіи, сказалъ:—ну, погодите немного, пока вступитъ въ должность новый попечитель: тогда я посовѣтуюсь съ нимъ, что дѣлать.

Я поблагодарилъ за участіе и откланялся. Я бо̀льшаго ожидалъ отъ своего свиданія съ Языковымъ, но теперь, по крайней мѣрѣ, знаю, что онъ не совѣтуетъ мнѣ обращаться за помощью къ государю. Что же касается его переговоровъ съ попечителемъ, боюсь, чтобы они не привели къ тому результату, который мнѣ такъ непріятенъ, а именно, опять таки къ предложенію принять меня въ число казенныхъ студентовъ. Все—лучше этого. Но подожду еще, какъ совѣтуетъ Языковъ, и поищу, не найду ли какой нибудь работы...

Сентябрь.—5. Былъ у Бутырскаго и отдалъ ему экземпляръ моего сочиненія, который онъ у меня потребовалъ, такъ какъ намѣренъ разобрать оное во время одной изъ своихъ лекцій. Онъ убѣждаетъ меня продолжать мои занятія въ этомъ направленіи.

Отъ него пошелъ къ Павскому съ записками богословія, мною составленными, но не засталъ его дома. Записки оставилъ у него.

Октябрь.—10. Долго не принимался за свой дневникъ: причина этому та, что я обремененъ занятіями. По университету дѣла пропасть. Въ теченіе слѣдующихъ трехъ мѣсяцевъ надо отчасти повторить, отчасти изучить: государственное хозяйство; естественное право; теорію уголовнаго права; русское гражданское право; статистику; составить записки по исторіи философіи и по догматическому богословію; написать къ предстоящему акту диссертацію; заняться поусерднѣе латинскимъ языкомъ. Помимо этого я пишу новое сочиненіе „О характерѣ“. Часть дня даю

уроки молодому Штеричу и привожу въ порядокъ дѣла его матери. Иной разъ голова идетъ кругомъ.

— 11. Наконецъ, вырвался сегодня поутру къ Языкову. Онъ меня встрѣтилъ словами:—я уже говорилъ о васъ попечителю и дамъ вамъ письмо, съ которымъ вы къ нему представитесь. Вотъ мой планъ: попечителю родственникъ Полѣновъ, подъ начальствомъ котораго служитъ молодой Штеричъ. Полѣновъ можетъ побудить г-жу Штеричъ отнестись къ вамъ справедливѣе.....

— Чувствительно благодарю в. п.,—возразилъ я,—за ваше попеченіе обо мнѣ. Но не подумаетъ ли г-жа Штеричъ, что я на нее жаловался и хочу вынудить отъ нея то, что зависитъ единственно отъ ея доброй воли. Вѣдь у меня съ нею, какъ вамъ извѣстно, нѣтъ никакого договора.

— Это можно будетъ сдѣлать осторожно и деликатно,—отвѣчалъ Языковъ. — Зайдите ко мнѣ на дняхъ: я приготовлю вамъ письмо къ попечителю.

Не въ веселомъ расположеніи духа ушелъ я отъ добрѣйшаго Димитрія Ивановича. Его планъ мнѣ не по душѣ, и я всячески постараюсь отъ него уклониться. Вся надежда теперь на Греча и Булгарина, для которыхъ готовлю сочиненіе „О характерѣ“.

— 12. Молодой Штеричъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ. По этому случаю говорено много пустаго. Мать старается доказать, что онъ пріобрѣлъ это званіе важными заслугами. Посреди ея разговора со мной пришла г-жа С., въ первый разъ послѣ возвращенія г-жи Штеричъ изъ Москвы. Пошли объятія, клики радости, жеманныя поздравленія съ одной стороны, а съ другой глубокомысленныя комментаріи о трудахъ, понесенныхъ молодымъ человѣкомъ, и которыя повели къ дарованію ему настоящаго отличія.

— Пусть всѣ знаютъ,—говорила мать,—что мой Евгеній не одними танцами пріобрѣлъ это.

Самъ молодой человѣкъ гораздо спокойнѣе относится къ своему величію.

— 17. Сегодня получилъ отъ Димитрія Ивановича Языкова письмо къ попечителю, содержаніе котораго онъ мнѣ сообщилъ. „Любезный другъ“, писалъ онъ, „сдѣлай одолженіе, прими подъ особенное свое покровительство подателя сего, студента Никитенкова. Я его давно знаю. Онъ учится въ университетѣ, но не имѣетъ никакого состоянія: живетъ у г-жи Штеричъ, для кото-

рой много работаетъ. Нельзя-ли какъ нибудь заставить ее платить за его труды?“ и т. д.

Признаюсь, я долго колебался, идти-ли мнѣ съ этимъ письмомъ. Если попечитель будетъ дѣйствовать черезъ Полѣнова, она можетъ подумать, что я на нее жаловался—и тогда послѣднее будетъ горше перваго. Затѣмъ, я положительно считаю себя не въ правѣ чего-либо отъ нея требовать... Письмо Языкова, однако, всетаки, въ заключеніе, порѣшилъ отнести: иначе, что̀ подумаетъ онъ о моемъ пренебреженіи его помощью?

Отъ Языкова я пошелъ отыскивать Ст. Мих. Смив. Онъ недавно выпущенъ изъ крѣпости, и мнѣ крайне хотѣлось увидѣть его. Однако, я не смогъ найти его квартиры, о которой имѣлъ только смутныя догадки.

Недавно также я познакомился съ другимъ молодымъ человѣкомъ, вышедшимъ изъ крѣпости: это племянникъ г-жи Штеричъ, Кошкинъ. Онъ около года просидѣлъ въ заключеніи. Теперь его посылаютъ на жительство въ Архангельскъ, куда онъ и ѣдетъ черезъ четыре дня. Это, кажется, человѣкъ прекрасной души и умный, но не особенно ученый и слабаго характера. Впрочемъ, десятимѣсячное заключеніе могло оставить на немъ слѣды и кое что въ немъ смягчить, а иное и ожесточить.

— 19. Сегодня поутру, въ 10 часовъ, отправился я къ попечителю Константину Матвѣевичу Бороздину, съ письмомъ Д. И. Языкова. Я отдалъ письмо, и черезъ минуту былъ позванъ къ нему. Попечитель принялъ меня такъ благосклонно, какъ я и не ожидалъ. Особенно порадовало меня то, что онъ немедленно отвергъ планъ, заставить г-жу Штеричъ платить мнѣ за труды не однѣми ласками. Но взамѣнъ этого онъ пока ничего новаго не предложилъ.

— Итакъ, что-же мнѣ дѣлать?—сказалъ онъ.—Я всею душою готовъ помочь вамъ. Вы этого заслуживате: я много хорошаго о васъ слышалъ. Но какія средства придумать? Научите меня сами. Впрочемъ, я хорошенько займусь вами и подумаю. Приходите ко мнѣ недѣли черезъ двѣ. Я сегодня же повидаюсь съ Димитріемъ Ивановичемъ и посовѣтуюсь съ нимъ.

— Я одного желалъ бы, в. п.,—замѣтилъ я,—это поддерживать себя своимъ трудомъ, какъ бы онъ ни былъ обременителенъ.

Попечитель еще поговорилъ со мной, похвалилъ мое сочине-

ніе „О преодолѣніи несчастій", которое читалъ, и очень ласково со мной простился.

— 20. Видѣлся съ С. М. С—мъ. Онъ вышелъ изъ крѣпости вмѣстѣ съ Кошкинъ. Онъ съ философскимъ равнодушіемъ говоритъ о своей прошедшей бѣдѣ и о своей будущей не слишкомъ-то привлекательной участи. О послѣдней еще не послѣдовало окончательнаго рѣшенія, но его, вѣроятно, сошлютъ куда нибудь въ Иркутскъ или Оренбургъ. Онъ очень бѣденъ и живетъ только своимъ трудомъ.

Вечеромъ заходилъ къ Димитрію Ивановичу увѣдомить его о послѣдствіяхъ свиданія моего съ попечителемъ.

— 21. Возвратясь сегодня въ четыре часа домой изъ университета, увидалъ я на своемъ письменномъ столѣ записку отъ Ростовцева, въ которой онъ увѣдомляетъ меня о пріѣздѣ своемъ изъ Москвы и проситъ съ нимъ повидаться. Я тотчасъ отправился на Васильевскій островъ и засталъ его дома. Мы обрадовались другъ другу и провели часа четыре въ дружеской оживленной бесѣдѣ. Мы вспоминали прошлое, особенно ту бурную эпоху, въ которую такъ много видѣли и испытали. Онъ откровенно говорилъ о своемъ настоящемъ положеніи. Великій князь, по прежнему, къ нему, очень благосклоненъ, но государь холоденъ.

Ростовцевъ думаетъ, что это дѣйствіе благоразумной политики, то есть, что государь опасается излишнею благосклонностью вскружить ему голову и что, имѣя на него высшіе виды, этимъ самымъ сберегаетъ его для пользы своей и отечества.

Я иначе думаю. Я ожидалъ, что государь, со временемъ, будетъ смотрѣть другими глазами на поступокъ Ростовцева и иначе будетъ думать о письмѣ его, писанномъ наканунѣ бунта. Письмо сіе краснорѣчиво, умно, но въ немъ, сверхъ республиканской смѣлости, видна нѣкоторая затѣйливость и натяжка патріотизма. Когда бурное время прошло, и волненіе страстей уступило мѣсто болѣе спокойному обсужденію вещей, тогда нѣкоторые могли это замѣтить и растолковать.

Поступокъ Ростовцева, во всякомъ случаѣ, заключаетъ въ себѣ много твердой воли и присутствія духа, чему я самъ былъ свидѣтелемъ, но онъ, мнѣ кажется, слишкомъ хотѣлъ показаться благороднымъ, а это, въ соединеніи съ тѣмъ сомнительнымъ положеніемъ, въ коемъ онъ находился, можетъ показаться

многимъ только хитрою стратегемою, посредствомъ которой онъ хотѣлъ въ одно время и выпутаться изъ бѣды, и явиться человѣкомъ доблестнымъ. Весьма естественно, что и государь такъ думаетъ.

Это мнѣніе могло быть сильно подкрѣплено еще тѣмъ, что Ростовцевъ объявилъ заговорщикамъ о разговорѣ своемъ съ государемъ наканунѣ бунта и даже далъ имъ копію съ письма своего къ нему, что объявили сами заговорщики при допросахъ. Сей поступокъ могъ быть сдѣланъ и съ хорошимъ намѣреніемъ, то есть, чтобы остановить заговорщиковъ, показавъ имъ, что правительству уже извѣстны ихъ замыслы, и оно, слѣдовательно, готово принять мѣры. Но съ другой стороны, это могло быть и простою несостоятельностью, которая являлась какъ бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ первыхъ его связей съ княземъ Оболенскимъ и Рылѣевымъ—то есть, онъ хотѣлъ имъ показать, что онъ дѣйствуетъ не какъ предатель. Но для сего уже было достаточно того, что онъ не назвалъ заговорщиковъ передъ государемъ, а предоставилъ имъ самимъ объявиться или скрыться. Но въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ находился Ростовцевъ, трудно не сдѣлать ошибки.

Бесѣда наша затянулась до десяти часовъ, и я вернулся домой, весьма довольный своимъ вечеромъ.

— 24. Въ прошедшіе дни, въ свободное отъ занятій время, я читалъ Тацита. Какая мощь въ этомъ историкѣ! Римъ, въ его время, уже отжилъ свое исполинское величіе, но оно вновь ожило на страницахъ его безмертнаго произведенія. Онъ, очевидно, не думаетъ поучать, но ни одинъ историкъ не поучаетъ столько, какъ онъ. И это не разсужденіями или нравоученіями, а силой самого повѣствованія—убѣдительнаго въ своей безъискусственной простотѣ и ясности изложенія. Сравнивая его съ Плутархомъ, находишь между обоими большую разницу. Плутархъ возвышенъ, Тацитъ великъ. Въ одномъ сила, въ другомъ могущество. Плутархъ тоньше и просвѣщеннѣе, Тацитъ глубже и всеобъемлющѣе. Плутархъ изобразилъ дѣянія великихъ людей золотыми буквами; Тацитъ вырѣзалъ ихъ неизгладимыми чертами на скрижаляхъ исторіи. Красота одного въ краснорѣчіи, другаго въ отсутствіи его. Читая Плутарха, восхищаешься имъ; читая Тацита, не съ нимъ бесѣдуешь, а съ людьми и событіями минувшихъ вѣковъ.

Плутархъ позволяетъ себѣ отступленія, которыя ему охотно прощаешь; Тацитъ всегда сдержанъ и владѣетъ собой: онъ выше авторскихъ слабостей. Плутархъ философъ; Тацитъ человѣкъ, гражданинъ и мудрецъ. Одинъ созданъ, чтобы описывать дѣянія великихъ мужей, другой—чтобы быть самому такимъ.

Ноябрь.—1. Мое утро по вторникамъ и по субботамъ посвящено занятіямъ со Штеричемъ. Главная цѣль ихъ усовершенствовать молодаго человѣка въ русскомъ языкѣ, настолько, чтобы онъ могъ писать на немъ письма и дѣловыя бумаги. Мать прочитъ его въ государственные люди, и потому прибѣгла къ геройской рѣшимости заставлять иногда сына разсуждать и даже излагать свои размышленія на бумагѣ по-русски. Молодой человѣкъ добръ и кротокъ, ибо природа не вложила въ него никакихъ сильныхъ наклонностей. Онъ превосходно танцуетъ, почему и сдѣланъ каммеръ-юнкеромъ. Онъ исчерпалъ всю науку свѣтскихъ приличій: никто не запомнитъ, чтобы онъ сдѣлалъ какую-нибудь неловкость за столомъ, на вечерѣ, вообще въ собраніи людей „хорошаго тона". Онъ весьма чисто говоритъ по французски, ибо онъ природный русскій и къ тому-же учился у француза—не булочника или сапожника, которому показалось бы выгоднымъ заниматься ремесломъ учителя въ Россіи—но у такого, который (о, верхъ благополучія!) и во Франціи былъ учителемъ.

Но при всѣхъ сихъ важныхъ и общеполезныхъ знаніяхъ и талантахъ молодой человѣкъ питаетъ отвращеніе къ серьезнымъ умственнымъ занятіямъ. Онъ получаса не можетъ провести у письменнаго стола за самостоятельнымъ трудомъ. Въ послѣдній нашъ урокъ онъ какъ-то особенно вяло разсуждалъ и, очевидно, предпочиталъ слушать меня, чѣмъ самъ работать. Чтобы урокъ ужъ не совсѣмъ прошелъ даромъ, я сталъ разсказывать ему кое-какіе историческіе факты. Во время бесѣды входитъ мать. Я ожидалъ замѣчанія за мою снисходительность, на дѣлѣ вышло иначе. Когда возлюбленный сынъ ея вышелъ, она разсыпалась въ благодарностяхъ за то, что я такъ хорошо занялъ его.

— Но, вѣдь, мы въ сущности теряли время, возразилъ я,—ибо дѣлали не то, что полезнѣе, а что пріятнѣе.

— Съ молодыми людьми иначе нельзя,—сказала она,—ихъ можно поучать, только забавляя. Вы своими разсказами и раз-

говорами можете просвѣтить его болѣе, чѣмъ всѣ профессора со своими педантическими пріемами. Онъ васъ любитъ и вамъ вѣритъ: вы, не затрудняя его, легко сообщите ему всѣ нужныя знанія.

Сомнительно, чтобы въ восемнадцать лѣтъ можно было успѣшно учиться механически посредствомъ однихъ ушей, безъ содѣйствія воли и напряженія ума.

Но таково большинство людей, призванныхъ блистать въ свѣтѣ. А между тѣмъ, сколько изъ нихъ считаютъ себя въ правѣ добиваться чиновъ, отличій, власти—и добиваются! Невольно возмущаешься, когда подумаешь, что одно слово, вылетѣвшее изъ такой головы, можетъ у тысячи, подобныхъ себѣ, отнять спокойный сонъ, насущный хлѣбъ и опредѣлить ихъ жребій.

— 4. Давно уже мой товарищъ по университету, пылкій, остроумный Михайловъ, просилъ меня, отъ имени своихъ родителей, познакомиться съ ними и со всѣмъ ихъ семействомъ.

— Сдѣлайте намъ честь вашимъ посѣщеніемъ,—уже больше года твердитъ мнѣ мой добрый товарищъ, котораго я очень люблю за его блестящій умъ и чувствительное сердце. Отецъ его дѣйств. статск. сов. и правитель канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ. Живутъ они, если не роскошно, то съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ свѣтскаго этикета. Я, въ моемъ потертомъ мундиришкѣ и значительно поношенныхъ сапогахъ, считалъ себя не у мѣста въ ихъ гостинной, и потому постоянно уклонялся отъ приглашеній товарища. Но теперь приближеніе экзаменовъ заставило меня измѣнить мое намѣреніе: Михайловъ звалъ меня къ себѣ уже не съ визитомъ къ его родителямъ, а для того, чтобы вмѣстѣ съ нимъ заняться приготовленіемъ къ экзамену и объясненіемъ ему нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ.

Итакъ, сегодня, послѣ латинской лекціи, мы вмѣстѣ съ нимъ отправились къ нему. Товарищъ немедленно представилъ меня своему отцу. Тотъ принялъ меня съ отмѣнной вѣжливостью и наговорилъ мнѣ много лестнаго. За чайнымъ столомъ, куда насъ пригласили, Михайловъ познакомилъ меня также съ своею матерью: она, въ свою очередь, была со мной очень любезна. Мы говорили о многомъ. Отецъ Михайлова показался мнѣ человѣкомъ образованнымъ, нѣсколько самоувѣреннымъ, но вполнѣ гуманнымъ. Въ матери его много ума, начитанности, тонкости,

много любезности и лишь небольшая доза той чопорности и принужденности, безъ которой никогда не обходятся люди такъ называемаго „хорошаго тона".

Меньшой братъ моего Михайлова, Вольдемаръ, или по русски Владиміръ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати, имѣетъ всю пылкость своего брата, но выказываетъ больше основательности въ умѣ и приверженности къ занятіямъ, которыя образуютъ послѣдній. Это весьма любезный юноша: онъ говоритъ не по лѣтамъ умно и краснорѣчиво. Сестра его, дѣвица лѣтъ семнадцати, очень миловидна. Но я съ ней не говорилъ, и она почти все время промолчала.

Больше всего поражаетъ въ сей семьѣ благородный образъ мыслей всѣхъ членовъ ея и рѣдкая гармонія ихъ сердецъ. При всемъ разнообразіи оттѣнковъ въ характерѣ каждаго изъ нихъ, между ними полное единодушіе въ стремленіяхъ и чувствахъ. Они, кажется, всѣ за одно думаютъ, любятъ, радуются, скорбятъ, и потому, можетъ быть, нѣсколько пристрастны ко всему тому, что считаютъ своимъ роднымъ.

— 8. Въ какой зависимости человѣкъ отъ самыхъ мелкихъ нуждъ! Небольшой прорѣхи въ сапогахъ достаточно, чтобы повергнуть его на одръ, если не смерти, то болѣзни, и разстроить самыя благія намѣренія его. Такъ было и со мной эти дни. Теперь у насъ въ университетѣ самое горячее время. Каждый часъ на счету, а я промочилъ ноги и дня четыре провелъ самымъ непроизводительнымъ образомъ. И сегодня еще мнѣ не слѣдовало бы выходить, но я долженъ былъ явиться къ попечителю.

Въ девять часовъ утра я отправился къ нему и былъ немедленно принятъ, такъ же благосклонно, какъ и первый разъ.

— Ваше положеніе не перемѣнилось?—съ участіемъ спросилъ онъ.

— Нѣтъ, в. п., оно все то-же.

Здѣсь я изложилъ передъ нимъ планъ, который недавно пришелъ мнѣ въ голову. Нѣкто С., по повелѣнію покойнаго императора, пользовался отъ университета пятью стами рублями годоваго пенсіона, пока не кончитъ курса. Ему оставалось пробыть въ университетѣ еще годъ: но онъ недавно исключенъ изъ него за дурное поведеніе. Пятьсотъ рублей, которые ему еще слѣдовало бы получить, такимъ образомъ, остались въ казнѣ университета.

Я хотѣлъ просить, чтобы сія сумма была выдана мнѣ въ видѣ ссуды съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи моего курса, вычитать оную изъ жалованья въ томъ мѣстѣ, гдѣ буду я служить.

— Знаю, в. п.,—прибавилъ я къ сему,—что сей заемъ требуетъ обезпеченія, но я не имѣю ничего, кромѣ жизни. Слѣдовательно, въ случаѣ моей смерти, университетъ теряетъ свои деньги. Но во всякомъ другомъ случаѣ, смѣю увѣрить, что они будутъ возвращены.

— Это бы можно сдѣлать,—отвѣчалъ попечитель,—если бы университетъ имѣлъ деньги, но онъ весь въ долгу и каждый годъ занимаетъ тысячъ до двадцати. Я хочу предложить вамъ нѣчто другое. Очень скоро надѣюсь я перейти въ университетъ, если только не измѣнятся обстоятельства. Тогда я дамъ вамъ квартиру у себя и мѣсто въ моей канцеляріи, которое принесетъ вамъ рублей пятьсотъ въ годъ. Занятія по канцеляріи не будутъ идти въ разрѣзъ съ вашими университетскими занятіями. Итакъ, прошу васъ, побывайте у меня опять недѣли черезъ полторы.

Послѣ этого онъ еще очень ласково со мной разговаривалъ. Между прочимъ, я узналъ отъ него, что по университету готовятся важныя преобразованія. Хотятъ возстановить у насъ классическую ученость, и потому самый университетъ, можетъ быть, уничтожатъ, обративъ его опять въ педагогическій институтъ, для того чтобы Россія не нуждалась въ учителяхъ и профессорахъ.

Попечитель еще разспрашивалъ меня объ обстоятельствахъ моей прошлой жизни, похвалилъ мое сочиненіе: „О преодолѣніи несчастій“, выразилъ желаніе, чтобы я впослѣдствіи служилъ по ученой части, и совѣтовалъ приналечь на латинскій языкъ.

Наконецъ, къ нему пришли съ бумагами, и я ушелъ, ободренный и крайне довольный его ласкою.

Возстановленіе классической учености въ Россіи—мѣра важная. Мы будемъ изучать древнихъ, писать на нихъ комментаріи, подражать имъ—и творческій самостоятельный духъ нашъ мало по малу притупится: мы научимся повиноваться, чтобы не сказать—рабствовать...

Нынѣшній государь знаетъ науку царствовать. Говорятъ онъ неутомимъ въ трудахъ, все самъ разсматриваетъ, во все вникаетъ. Онъ простъ въ образѣ жизни. Его строгость къ дру-

гимъ въ связи со строгостью къ самому себѣ. Это, конечно, рѣдкость въ государяхъ самодержавныхъ. Ему недостаетъ, однако, главнаго, а именно людей, которые могли бы быть ему настоящими помощниками. У насъ есть придворные, но нѣтъ министровъ; есть люди дѣловые, но нѣтъ людей съ умомъ самостоятельнымъ и душею возвышенною. Одинъ Сперанскій.

Вотъ любопытный анекдотъ о нынѣшнемъ государѣ. Въ одну изъ его прогулокъ, передъ нимъ падаетъ на колѣни человѣкъ и проситъ у него правосудія на одного какого-то богатаго помѣщика, который занялъ у него восемь тысячъ рублей, составлявшихъ все его достояніе, и теперь ихъ ему не отдаетъ. Между тѣмъ, проситель и семейство его крайне нуждаются.

— Есть у тебя нужные документы?—спросилъ государь.

— Есть, ваше величество, вексель—и вотъ онъ.

Императоръ, удостовѣрясь въ законности документа, приказалъ отнести оный къ маклеру и потребовать, чтобы тотъ сдѣлалъ на немъ надпись о передачѣ онаго Николаю Павловичу Романову.

Проситель сдѣлалъ по приказанію, но маклеръ принялъ его за сумасшедшаго и отправилъ къ генералъ-губернатору. Послѣднему тѣмъ временемъ уже приказано было выдать заимодавцу всю сумму съ процентами, что и было имъ тутъ же исполнено. Государь, получивъ вексель, протестовалъ его и на третій день тоже получилъ всю сумму съ процентами. Тогда онъ призвалъ къ себѣ должника, сдѣлалъ ему строгій выговоръ, а начальству внушеніе, чтобы оно впредь не допускало подобныхъ послабленій и не менѣе скоро удовлетворяло законныя требованія его подданныхъ, какъ и его собственныя.

Правосудіе государя должно поднять у насъ кредитъ, а уменьшеніе акцизовъ и пошлинъ развяжетъ руки промышленности—и торговля процвѣтетъ. Система финансовъ у насъ еще не такъ запутана. Нужны простыя мѣры, чтобы возбудить движеніе и жизнь въ оцѣпенѣвшихъ членахъ нашего государственнаго тѣла. Ахъ, если бы онъ придумалъ средство скинуть цѣпи съ десяти милліоновъ рабовъ! Какъ оживилась бы дѣятельность народа! Сколько рукъ, нынѣ устремленныхъ только на то, чтобы услуживать тунеядцамъ, обратилось бы къ трудамъ общеполезнымъ! Въ одномъ домѣ графа Ш*** живетъ до четырехъ сотъ человѣкъ,

существованіе которыхъ проявляется только въ томъ, что они ѣдятъ, пьютъ и спятъ спокойнымъ сномъ на счетъ класса производящаго.

— 11. Сегодня познакомился съ извѣстнымъ государственнымъ человѣкомъ Петромъ Степановичемъ Молчановымъ. Ему лѣтъ за пятьдесятъ; онъ, къ несчастію, лишенъ зрѣнія, но лицо у него свѣжее. Онъ бодръ, говоритъ весело, пріятно и любитъ разсказывать анекдоты изъ прошедшихъ временъ. Узнавъ, что я изъ Острогожска, онъ сталъ разспрашивать меня о Владимірѣ Ивановичѣ Астафьевѣ, съ которымъ былъ друженъ въ молодости. Онъ довольно долго жилъ въ Малороссіи и говоритъ по малороссійски, какъ истый малороссіянинъ. Мысли его о нынѣшнихъ государственныхъ дѣлахъ обличаютъ большую опытность.

— Насильственными мѣрами,—говоритъ онъ,—нельзя сдѣлать ничего прочнаго: можно только развѣ оторвать вѣтви злоупотребленій, тогда какъ надо истребить корни ихъ. Правосудіе еще не возстановится отъ того, что отдадутъ нѣсколькихъ подъ судъ. Прочныя и основательныя постановленія, направляющія умы и духъ времени, а не насилующія ихъ, и просвѣщенная власть, охраняющая эти постановленія—вотъ что въ настоящую минуту всего нужнѣе для государства. Я зналъ многихъ сенаторовъ, сказалъ онъ, между прочимъ, которые едва умѣли подписывать свое имя: мудрено ли, что въ сенатѣ, этомъ святилищѣ правды, ея было всего меньше. Секретари дѣлали тамъ, что хотѣли. Государь дѣятеленъ, спасибо ему, но, повторяю еще, надо дѣйствовать постепенно и на самыя причины зла.

Въ числѣ другихъ анекдотовъ Петръ Степановичъ разсказалъ слѣдующій. Нѣкто Ваксель, членъ межеваго департамента въ Москвѣ, былъ до того извѣстенъ своимъ грабительствомъ, что императрица Екатерина называла его Вольтеромъ, ибо Вольтеръ значитъ по французски (vol terre) похищающій отъ земли. На сего Вакселя сочинили въ Москвѣ сатиру, въ которой нещадно обругали его, укоряя въ лихоимствѣ. Обиженный пожаловался графу Алексѣю Орлову.

— Я не могу оказать вамъ никакой помощи,—отвѣчалъ ему тотъ,—но, если хотите, дамъ вамъ добрый совѣтъ, польза котораго дознана мною на собственномъ опытѣ. Когда я былъ съ флотомъ въ Мореѣ, то во всѣхъ европейскихъ газетахъ обо мнѣ

писали, что я ничего не дѣлаю, какъ только приказываю грекамъ дѣлать мои бюсты, и собираю антики. На что же я рѣшился? Перересталъ дѣлать то, въ чемъ меня упрекали, и газеты замолчали.

Я цѣлый вечеръ не отходилъ отъ господина Молчанова и съ интересомъ слушалъ его. У дѣловыхъ людей всегда чему нибудь научишься, и никакъ не слѣдуетъ пренебрегать мнѣніемъ о настоящемъ положеніи вещей тѣхъ, которые нѣкогда сами участвовали въ правленіи.

— 12. Слышно о большихъ преобразованіяхъ по университету и о такихъ, между прочимъ, которыя подвергнутъ учащихся большимъ стѣсненіямъ и по духу, и по формѣ. Юношество болѣе всего недовольно первыми. Я употребляю все мое вліяніе на товарищей, чтобы сдержать въ нихъ порывы негодованія. Нынче кто благороденъ и неблагоразуменъ—тотъ гибнетъ.

Неужели въ самомъ дѣлѣ хотятъ создать для насъ матеріальную логику, то есть, навязать нашему уму самые предметы мышленія и заставить называть черное бѣлымъ и бѣлое чернымъ, потому только, что у насъ извращенный порядокъ вещей. Можно заставить не говорить извѣстнымъ образомъ и объ извѣстныхъ предметахъ — и это уже много, но не мыслить!.. Между тѣмъ, именно это и хотятъ сдѣлать, забывая, что если насиліе и полагаетъ преграды исполненію вѣчныхъ законовъ человѣческаго развитія, то только временно: варваръ и рабъ отживаютъ свое урочное время, человѣчество же всегда существуетъ...

— 14. Былъ поутру у профессора Пальмина для просмотра вмѣстѣ съ нимъ записокъ по исторіи философіи, составленныхъ мною. Но у него—какъ это съ нимъ часто бываетъ—встрѣтилась какая то помѣха, и я ушелъ отъ него ни съ чѣмъ. Зашелъ по дорогѣ къ Тяжелову, учителю корпусовъ юнкерскаго и кадетскаго. Странное дѣло! Этотъ человѣкъ самъ учился и учитъ, а уже нѣсколько разъ просилъ меня дѣлать для него кое какія нужныя сочиненія. Теперь опять просилъ написать рѣчь, которую онъ долженъ прочесть при началѣ своихъ лекцій въ юнкерской школѣ. Онъ, впрочемъ, не глупъ и не лишенъ свѣдѣній, а только тяжелъ въ мысляхъ, какъ и въ обращеніи.

— 30. Всѣ предшествовавшіе дни я былъ такъ занятъ, что не имѣлъ времени ничего занести въ мой дневникъ. Нынѣшній

годъ очень трудный по нашему факультету: предметовъ много, и нѣкоторые, или, лучше сказать, всѣ требуютъ большаго вниманія. Сверхъ того, я пишу диссертацію „О духѣ политической экономіи, какъ науки“. Планъ я начерталъ обширный и очень занятъ этимъ дѣломъ. Отъ этого сочиненія и отъ того, какъ я произнесу его публично, многое для меня зависитъ.

Между прочимъ, былъ опять у попечителя и ушелъ отъ него съ новымъ: „подождите!“ Но вѣдь въ сущности вся жизнь не что иное, какъ ожиданіе!

Декабрь.—3. Сегодня Полѣновъ, племянникъ нашего попечителя, просилъ меня, отъ имени послѣдняго, побывать у него вечеромъ, часовъ въ шесть. Это неожиданное приглашеніе и обрадовало меня, и удивило, ибо, послѣ моего послѣдняго свиданія съ попечителемъ, я потерялъ всякую надежду на скорое облегченіе моей участи.

Прихожу вечеромъ. Попечитель объявляетъ мнѣ, что теперь же можетъ принять меня въ свою канцелярію съ жалованьемъ въ 500 руб., такъ какъ отнынѣ штатъ его утвержденъ. Главная моя обязанность будетъ заключаться въ веденіи переписки, требующей особенной обработки—значитъ я, собственно говоря, буду секретаремъ при немъ. Я этимъ очень доволенъ: 500 руб., въ моемъ настоящемъ положеніи, чуть не богатство.

Попечитель уже поручилъ мнѣ написать одну бумагу къ министру и далъ мнѣ дѣло, которое должно служить для нея матеріаломъ. Дѣло запутанное. Надо хорошенько имъ заняться и написать, какъ можно обстоятельнѣе. Бумага эта будетъ пробнымъ камнемъ, по которому мой начальникъ долженъ заключить, стою-ли я его заботъ. Итакъ, займемся по прилежнѣе.

— 5. Попечитель, кажется, человѣкъ очень добрый. Онъ обращается со мною съ той непринужденной вѣжливостью и добродушіемъ, которыя въ начальникѣ заставляютъ любить человѣка. Я принесъ къ нему сегодня бумагу, написанную мною къ министру.

— Очень хорошо,—сказалъ онъ,—только я не желалъ бы давать о семъ дѣлѣ такого рѣзкаго мнѣнія.

— Господинъ Б... можетъ быть и правъ по совѣсти, в. п.,—отвѣчалъ я,—но положительные законы противъ него: я старался согласоваться съ ними.

— Но въ семъ дѣлѣ еще много сомнительнаго,—продолжалъ попечитель.—Хотя г-нъ Б. и мой двоюродный братъ, я, однако, во многомъ признаю его виновнымъ, но не совсѣмъ такъ, какъ его обвиняетъ комитетъ.

Признаюсь, я подумалъ: а, вотъ гдѣ тайна! Я взялъ бумагу, передѣлалъ ее и опять представилъ ввечеру: она была на этотъ разъ одобрена.

Мнѣ поручили новое дѣло, потруднѣе перваго. На первыхъ порахъ это, конечно, занимаетъ у меня больше времени, чѣмъ слѣдуетъ: я ложусь спать въ два часа ночи, встаю въ шесть утра.

— 13. Поутру былъ у попечителя. Не знаю, чему приписать откровенность, съ какою онъ говоритъ со мной о разныхъ вещахъ, относящихся къ его службѣ и даже къ политикѣ. Не могу сказать, чтобы мои первые шаги въ новой должности были блистательны, ибо я уже написалъ двѣ бумаги, которыя не были одобрены. Главная моя ошибка въ нихъ, правда, заключалась въ естественномъ незнаніи отношеній между собой лицъ, которыхъ эти бумаги касались.

Говоря о предстоящихъ въ университетѣ преобразованіяхъ, попечитель, какъ будто, самъ склонялся къ тому мнѣнію, что въ русскихъ университетахъ вовсе не слѣдуетъ читать нѣкоторые предметы. Я понялъ, что дѣло идетъ объ естественномъ правѣ.

Отпуская меня, онъ сказалъ:—„прошу васъ хранить въ тайнѣ то, что бываетъ говорено между нами. Не забывайте, что во всѣхъ такихъ случаяхъ я говорю съ вами не какъ попечитель“.

Лестная довѣренность, которая меня, однако, немного тревожитъ.

— 20. Читалъ Байрона. Его поэзія подобна Эоловой арфѣ, на которой играетъ буря: нѣтъ гармоніи, но слышны такіе аккорды, которые васъ потрясаютъ, какъ стоны умирающаго друга или любовницы.

Наполеонъ, Байронъ и Шеллингъ — представители нашего вѣка. Они скажутъ будущимъ поколѣніямъ его тайну и покажутъ имъ, какъ въ наше время духъ человѣческій хотѣлъ торжествовать надъ рокомъ и изнемогалъ въ непосильной борьбѣ съ нимъ.

— 30. Все это время занимался приготовленіями къ экзаменамъ. Дѣла столько, что даже здоровье мое отъ того терпитъ. Я почти окончилъ диссертацію. Еще прежде читалъ я планъ ея

Бутырскому, который вполнѣ его одобрилъ. Значительная часть моего времени посвящена товарищамъ. Я приготовилъ записки и програмы, облегчающія трудъ по приготовленію къ экзаменамъ. Кромѣ того, многіе товарищи съ 26-го числа собираются у меня, гдѣ мы вмѣстѣ повторяемъ курсъ исторіи, философіи и государственнаго хозяйства. Время, которое мы проводимъ такимъ образомъ, самое для меня пріятное и чуть-ли не самое производительное.

— 31. Послѣдній день 1826 года. Утро до 3-хъ часовъ провелъ я съ товарищами въ занятіяхъ по исторіи философіи. Часы эти пролетѣли быстро, какъ всѣ тѣ, которые я провожу въ кругу любимыхъ изъ моихъ товарищей, въ умственномъ трудѣ, согрѣтомъ для насъ взаимной любовью къ дѣлу и другъ къ другу.

Во время занятій пришелъ Полѣновъ и принесъ росписаніе порядка экзаменовъ, которое прислано къ попечителю. Предметы такъ расположены, что намъ очень легко будетъ къ нимъ готовиться. Между каждымъ экзаменомъ промежутокъ дня въ три. Прекрасно!

Теперь 11 часовъ. Прости, старый годъ. Привѣтствую тебя, 1827-й: будь милостивъ ко мнѣ!..

1827 годъ.

Январь.—30. Весь мѣсяцъ прошелъ въ заботахъ объ экзаменахъ. Важнѣйшіе предметы окончены. Остаются: богословіе и естественное право. Я во всѣхъ получилъ первыя отмѣтки. Товарищи, съ которыми мы вмѣстѣ готовились, тоже отличились по всѣмъ предметамъ, особенно по исторіи философіи, для которой мы не пощадили ни трудовъ, ни времени. Профессора называютъ нашъ курсъ цвѣтомъ университета. Болѣе прочихъ заслужилъ похвалъ Александръ Дель, молодой человѣкъ съ умомъ основательнымъ, съ благородной душою и страстью къ наукѣ. Я много трудился надъ диссертаціей: „О политической экономіи вообще и о производимости богатствъ, какъ главнѣйшемъ предметѣ оной“. Не скажу, чтобы я доволенъ былъ ею: я не успѣлъ еще такъ, какъ должно, вникнуть въ сію важную науку.

Бутырскій хорошій профессоръ словесности, но политическую экономію плохо читаетъ. Онъ въ вѣчномъ противорѣчіи съ самимъ собою: сегодня утверждаетъ одно, а завтра опровергаетъ. Каѳедра политической экономіи, очевидно, не по немъ. Познанія его въ ней поверхностны. Очень жаль, что сія высокая наука не имѣетъ у насъ лучшаго преподавателя. Многіе, однако, полагаютъ, что духъ ея не согласенъ съ существующимъ у насъ порядкомъ вещей, и потому преподаваніе ея у насъ обставлено большими трудностями.

Весь этотъ мѣсяцъ прошелъ для меня въ большомъ напряженіи. Диссертація, которую пришлось написать въ двѣ недѣли, приготовленіе себя и товарищей къ экзаменамъ, дѣла въ канцеляріи, тягостныя нужды: все сразу скопилось и налегло на меня. Попечитель день ото дня ко мнѣ благосклоннѣе. Онъ говоритъ со мною не какъ съ подчиненнымъ, а какъ съ близкимъ человѣкомъ. Довѣріе его глубоко меня трогаетъ, а занятія съ нимъ развиваютъ во мнѣ снаровку къ дѣламъ.

Февраль.—4. Экзаменъ изъ богословія. Сошелъ отлично.

— 9. Экзаменъ изъ естественнаго права и послѣдній. Новый курсъ положено начать въ среду, на первой недѣлѣ Великаго поста.

Подводя итоги прошедшему учебному году, нельзя не замѣтить, что не всѣ молодые люди въ университетѣ одушевлены одинаковою любовью къ наукѣ. Часть студентовъ учится только для аттестата, слѣдовательно учится слабо. Конечная цѣль ихъ не нравственное и умственное самоусовершенствованіе, а чинъ, безъ котораго у насъ нѣтъ гражданской свободы. Въ виду послѣдняго обстоятельства, конечно, нельзя слишкомъ строго къ нимъ относиться, да и не къ нимъ однимъ, а и ко всѣмъ, одержимымъ у насъ страстью къ чинамъ, которую Бутырскій мѣтко называетъ чинобѣсіемъ.

Диссертація моя была читана въ совѣтѣ университета и одобрена для публичнаго чтенія.

— 15. Попечитель сдѣлалъ обо мнѣ представленіе министру слѣдующаго содержанія: „Студентъ философско-юридическаго факультета, Александръ Никитенко, окончившій съ отличнымъ успѣхомъ второй курсъ онаго, по бѣдности своей находится въ затруднительномъ положеніи. Желая сохранить университету

сего молодого человѣка, показывающаго большія дарованія и прилежность, и вмѣстѣ съ тѣмъ употребить съ пользою по моей канцеляріи въ тѣ часы, въ кои онъ свободенъ отъ ученія, дабы не отвлечь его отъ главнаго его предмета, я испрашиваю у вашего высокопр—ва позволенія производить ему 500 р. въ годъ жалованья изъ суммъ, опредѣленныхъ для нашей канцеляріи".

Мартъ.—7. Я получилъ сегодня отъ попечителя, въ счетъ жалованья моего, 250 р. Это болѣе чѣмъ кстати: еще недѣля безъ денегъ—и мнѣ пришлось бы запереться у себя въ комнатѣ.

— 23. Давно занимаетъ меня слѣдующая мысль. Я желалъ бы подвигнуть моихъ товарищей на серьезныя занятія литературою: пусть бы они писали сочиненія и упражнялись въ переводахъ, лучшія изъ которыхъ въ концѣ года издавались бы въ свѣтъ. Между товарищами моими многіе къ тому способны. Попечитель сочувствуетъ моей мысли и одобряетъ ее. Но осуществленіе ея, тѣмъ не менѣе, обставлено большими затрудненіями. У насъ нынѣ подозрительно смотрятъ на все, что дѣлается соединенными силами и имѣетъ хоть тѣнь общественнаго характера. Я, въ начертанномъ мною планѣ, старался избѣжать всего, что напоминало бы такой характеръ, но не могъ, однако, умолчать о необходимости студентскихъ собраній, въ которыхъ сочинители и переводчики, взаимно разбирая и критикуя свои произведенія, могли бы совершенствоваться въ отечественной словесности. Надо просить позволенія у совѣта университета.

— 27. Сегодня попечитель предложилъ мнѣ посѣтить съ нимъ вмѣстѣ императорскую публичную библіотеку и посмотрѣть тамъ рисунки разныхъ мѣстностей и предметовъ по части русской исторіи. Рисунки эти сдѣланы членами экспедиціи, которая подъ начальствомъ его, Бороздина, по назначенію правительства, объѣхала въ 1810-мъ и 1811-мъ годахъ бо̀льшую часть Россіи съ цѣлью историческихъ изслѣдованій. (См. „Библіографическіе Листки" Кепена за 1824 г.).

Мы отправились въ пять часовъ. Нашимъ путеводителемъ по библіотекѣ былъ г. Ермолаевъ, одинъ изъ библіотекарей и участниковъ въ экспедиціи. Рисунки хороши, многіе даже превосходны. Очень любопытны планы Кіева, какимъ онъ былъ во время Ярослава и Владиміра. Прекрасно исполненъ, между прочимъ, снимокъ съ одной мозаической иконы въ Кіевскомъ Софій-

скомъ соборѣ. Показывали намъ также списокъ древнѣйшаго славянскаго Евангелія (Остромірова). Онъ исполненъ на пергаментѣ четко, красиво и поражаетъ свѣжестью: точно годъ тому назадъ написанъ. Евангеліе это, однако, принадлежитъ XI вѣку. Не оставили мы безъ вниманія и современные костюмы въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Изъ нихъ мнѣ особенно понравился головной уборъ устюжскихъ дѣвушекъ: высокая повязка въ видѣ короны, расшитая жемчугомъ и самоцвѣтными камнями.

Затѣмъ намъ показывали еще рисунки египетскихъ древностей, исполненные обществомъ французскихъ путешественниковъ. Собраніе это очень интересно. Смотря на снимки съ гигантскихъ зданій, пощаженныхъ самимъ временемъ, на барельефы съ изображеніемъ символовъ и религіозныхъ процессій, проникаешься чувствомъ безконечнаго, которое лежитъ въ основѣ египетскаго міровоззрѣнія. Но не всѣ барельефы изящны. Иные больше всего поражаютъ необычайностью фигуръ, какъ тѣ, напримѣръ, гдѣ эти фигуры съ птичьими носами на человѣческихъ лицахъ. Тутъ ужъ никакой красоты, но есть свой смыслъ, свое значеніе, разгаданное французскимъ ученымъ Шамполіономъ, который такъ остроумно нашелъ ключъ къ пониманію египетскихъ іероглифовъ.

Апрѣль.—3. День Свѣтлаго Христова Воскресенія. Былъ у заутрени вмѣстѣ съ товарищами. Очень торжественна та минута, когда студенты по двое въ рядъ, съ зажженными свѣчами, длинной вереницей, обходятъ университетскіе залы, сначала въ полномъ безмолвіи и потомъ вдругъ оглашаютъ ихъ радостными кликами: „Христосъ воскресе!“

Послѣ заутрени и обѣдни попечитель пригласилъ всѣхъ студентовъ къ себѣ разговляться: никто изъ его предшественниковъ не дѣлалъ этого. Квартира его быстро наполнилась молодыми людьми. Большая зала тамъ была уставлена столами, обремененными разнообразными яствами. Мнѣ поручено было угощать товарищей. Добрый начальникъ нашъ имѣлъ видъ настоящаго отца. Онъ безпрестанно подходилъ ко мнѣ, съ просьбою всѣхъ какъ можно лучше угощать и никого не забывать. Патріархальныя ласки хозяина, оживленныя лица товарищей, моя собственная благодарная роль среди нихъ, праздничное настроеніе всѣхъ—оставили во мнѣ свѣтлое, радостное воспоминаніе.

— 5. Попечитель получилъ экземпляръ новаго устава учебныхъ заведеній, составленный комитетомъ, учрежденнымъ для преобразованія оныхъ. Онъ далъ мнѣ его для просмотра, съ просьбою сдѣлать на него замѣчанія. Послѣднія, вмѣстѣ съ его собственными, должны составить мнѣніе, которое онъ отъ себя подастъ въ комитетъ.

Уставъ касается приходскихъ и народныхъ училищъ, гимназій и гимназійскихъ пансіоновъ. Меня поразилъ духъ сего устава. Намѣреніе разлить въ Россіи просвѣщеніе въ низшихъ классахъ столь рѣшительно, и выражено въ столь сильныхъ мѣрахъ, что даже, кажется, переступлены границы благоразумной постепенности. Открытіе Ландкастерскихъ школъ, по одной на каждый или на два прихода, должно съ быстротою молніи подвинуть впередъ народный духъ. Учрежденіе при гимназіяхъ пансіоновъ является новымъ и дѣйствительнымъ способомъ къ образованію у насъ средняго класса. Все это подготовляетъ важный переворотъ.

Что сдѣлается съ рабствомъ? Попечитель рѣшительно осуждаетъ сей планъ всеобщаго просвѣщенія: онъ чувствуетъ какъ патріотъ, но заблуждается какъ аристократъ. Мнѣ кажется, самое главное: снять оковы съ шестнадцати милліоновъ согражданъ, и весь вопросъ въ томъ—должно ли просвѣщеніе уничтожить рабство, или свобода предшествовать просвѣщенію? То есть: самимъ ли гражданамъ предстоитъ сбросить съ себя оковы или получить свободу изъ рукъ правительства? Отъ перваго избави Боже! Но оно неизбѣжно, если правительство будетъ только просвѣщать народъ, не ослабляя узъ его, по мѣрѣ пробужденія въ немъ самосознанія. Надо, слѣдовательно, чтобы мѣры просвѣщенія шли объ руку съ новымъ гражданскимъ уложеніемъ. Въ противномъ случаѣ это было бы то же, что, пересаживая растеніе, вырвать его изъ старой почвы, не приготовивъ для него предварительно новой: пока вы станете приготовлять ее, обнаженный корень растенія можетъ захирѣть и испортиться...

— 14. Профессоръ Сенковскій отличный оріенталистъ, но должно быть плохой человѣкъ. Онъ, повидимому, дурно воспитанъ, ибо подчасъ бываетъ крайне невѣжливъ въ обращеніи. Его упрекаютъ въ подобострастіи съ высшими и въ грубости съ низшими. Онъ не любимъ ни товарищами, ни студентами, ибо

пользуется всякимъ случаемъ сдѣлать непріятное первымъ и вредъ послѣднимъ, Природа одарила его умомъ быстрымъ и острымъ, которымъ онъ пользуется, чтобы наносить раны всякому, кто приближается къ нему.

Одинъ изъ казеннокоштныхъ студентовъ, весьма порядочный и даровитый юноша, желавшій посвятить себя изученію восточныхъ языковъ, былъ выведенъ изъ терпѣнія оскорбительными выходками декана своего факультета—Сенковскимъ—и рѣшился не посѣщать больше его лекцій. Это взбѣсило послѣдняго. Не умѣя и не желая заставить любить слушателей свои лекціи, онъ вздумалъ гнать ихъ туда бичемъ. Увидѣвъ какъ-то студента, о которомъ говорено выше, онъ началъ бранить его самымъ неприличнымъ образомъ и въ порывѣ злобы сказалъ въ заключеніе:

— Я сдѣлаю то, что васъ будутъ драть розгами: объявите это всѣмъ вашимъ товарищамъ. Не говорите мнѣ объ уставѣ—я вашъ уставъ.

Студенты крайне оскорбились и заволновались. Между ними есть очень способные и хорошихъ фамилій. Грубость Сенковскаго тѣмъ болѣе поразила ихъ, что всѣ другіе профессора здѣшняго университета, ректоръ Дегуровъ и попечитель Бороздинъ, пріучили ихъ къ самому вѣжливому и благородному обращенію—отъ чего и между ними возникъ духъ, вполнѣ соотвѣтствующій сему мѣсту.

Товарищи бросились ко мнѣ, съ просьбою довести до свѣдѣнія попечителя о неприличномъ поступкѣ Сенковскаго и о пагубныхъ послѣдствіяхъ, могущихъ произойти отъ его дерзостей. Не говоря уже, что онъ, чего добраго, такимъ образомъ отвратитъ отъ университета многихъ молодыхъ людей, но еще можетъ нарваться на такого студента, который не выдержитъ и дерзостью отвѣтитъ на его дерзость. Само собой разумѣется, что это было бы несчастіемъ, которое гибельно отразилось бы на всемъ заведеніи. Я, отъ имени товарищей, просилъ попечителя принять мѣры противъ грозившаго зла. Онъ велѣлъ ректору объявить Сенковскому выговоръ, Должно полагать, что послѣдній теперь перестанетъ обращаться съ людьми также безцеремонно, какъ съ египетскими мумiями, отъ которыхъ нечего ждать отпора.

— 19. Былъ у графа Хвостова, который пожелалъ имѣть

экземпляръ моего сочиненія „О преодолѣніи несчастій“. Прочитавъ въ немъ нѣсколько строкъ, онъ сказалъ:

— Теперь и я борюсь съ несчастіями.

Я думалъ, что онъ говоритъ въ самомъ дѣлѣ о какой нибудь посѣтившей его бѣдѣ, но онъ продолжалъ:

— Дмитріевъ младшій написалъ разсужденіе, помѣщенное въ „Трудахъ московскаго общества словесности“, и въ немъ, по обыкновенію романтиковъ, доказываетъ, что всѣ русскіе поэты, начиная съ Ломоносова, не иное что, какъ рабы-подражатели французовъ. Я намѣренъ доказать ему противное—и вотъ что написалъ ему въ отвѣтъ. Вы видите, я завожу литературную войну, слѣдовательно, долженъ бороться!..

И графъ прочелъ мнѣ огромную тетрадь, въ которой искусно намекалъ своему противнику, что главная вина его въ томъ, что онъ забылъ похвалить произведенія его, Хвостова. Тщеславіе, вообще, опасная болѣзнь, но она становится неизлечимою, когда поселится въ душѣ плохаго стихотворца.

— 25. Попечитель представилъ Павскаго къ бриліантовымъ знакамъ ордена св. Анны 2-го класса. Но министръ его не любитъ, и представленіе не пошло дальше. Мало того, Павскому на дняхъ грозила еще худшая непріятность. Злоба, раздраженная всего болѣе достоинствами своего предмета, задумала было погубить этого человѣка, одного изъ добрѣйшихъ, умнѣйшихъ, ученѣйшихъ людей въ столицѣ.

Павскій—цензоръ духовныхъ книгъ. Назадъ тому мѣсяца три напечатана книга: „Очевидность Божественнаго происхожденія христіанской религіи“, переведенная однимъ изъ моихъ товарищей по университету, кончившимъ курсъ въ нынѣшнемъ году. Попечитель возилъ и книгу, и переводчика къ министру, который принялъ обоихъ весьма благосклонно. Но дня три тому назадъ, желая найти способъ повредить Павскому и, безъ сомнѣнія, не находя онаго, онъ рѣшился воспользоваться вышеупомянутою книгою. Она была свезена и прочитана государю. Но государь поступилъ вопреки ожиданіямъ министра. Онъ не нашелъ въ ней ничего разрушительнаго, какъ утверждалъ министръ, а только выразилъ удивленіе, что сей послѣдній, вмѣсто дѣла, занимается бездѣльемъ. Поступокъ мудрый, подающій надежду, что участь людей и просвѣщенья не будутъ у насъ

всегда зависѣть отъ сплетней праздныхъ или неблагонамѣренныхъ людей.

Май.—1. Былъ на гуляньѣ въ Екатерингофѣ. Пыль, холодъ вѣтеръ, шумныя толпы народа, болото, усаженное жидкими елями и соснами—вотъ всѣ достопримѣчательности его.

— 23. Нѣсколько дней тому назадъ г-жа Штеричъ праздновала свои именины. У ней было много гостей, и въ томъ числѣ новое лицо, которое, долженъ сознаться, произвело на меня довольно сильное впечатлѣніе. Когда я вечеромъ спустился въ гостиную, оно мгновенно приковало къ себѣ мое вниманіе. То было лицо молодой женщины поразительной красоты. Но меня всего больше привлекала въ ней трогательная томность въ выраженіи глазъ, улыбки, въ звукахъ голоса.

Молодая женщина эта—генеральша Анна Петровна Кернъ, рожденная Полторацкая. Отецъ ея, малороссійскій помѣщикъ, вообразилъ себѣ, что для счастья его дочери необходимъ мужъ генералъ. За нее сватались достойные женихи, но имъ всѣмъ отказывали въ ожиданіи генерала. Послѣдній, наконецъ, явился. Ему было за пятьдесятъ лѣтъ. Густые эполеты составляли его единственное право на званіе человѣка. Прекрасная и къ тому же чуткая, чувствительная Анета была принесена въ жертву этимъ эполетамъ. Съ тѣхъ поръ жизнь ея сдѣлалась сплетеніемъ жестокихъ горестей. Мужъ ея былъ не только грубъ и вполнѣ недоступенъ смягчающему вліянію ея красоты и ума, но еще до крайности ревнивъ. Злой и необузданный, онъ истощилъ надъ ней всѣ роды оскорбленій. Онъ ревновалъ ее даже къ отцу. Восемь лѣтъ промаялась молодая женщина въ такихъ тискахъ, наконецъ, потеряла терпѣніе, стала требовать разлуки и, въ заключеніе, добилась своего. Съ тѣхъ поръ она живетъ въ Петербургѣ очень уединенно. У нея дочь, которая воспитывается въ Смольномъ монастырѣ.

Въ день именинъ г-жи Штеричъ мнѣ пришлось сидѣть около нея за ужиномъ. Разговоръ нашъ начался съ незначительныхъ фразъ, но быстро перешелъ въ интимный, задушевный тонъ. Часа два времени пролетѣли, какъ одинъ мигъ. Г-жа Кернъ имѣетъ квартиру въ домѣ Серафимы Ивановны Штеричъ, и обѣ женщины потому чуть не каждый день видятся. И я, послѣ имениннаго вечера, уже не разъ встрѣчался съ ней. Она всякій разъ

все больше и больше привлекаетъ меня, не только красотой и прелестью обращенія, но еще и лестнымъ вниманіемъ, какое мнѣ оказываетъ.

Сегодня я цѣлый вечеръ провелъ съ ней у г-жи Штеричъ. Мы говорили о литературѣ, о чувствахъ, о жизни, о свѣтѣ. Мы на нѣсколько минутъ остались одни, и она просила меня посѣщать ее.

— Я не могу оставаться въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ съ людьми, съ которыми меня сталкиваетъ судьба, — сказала она при этомъ. — Я или совершенно холодна къ нимъ, или привязываюсь къ нимъ всѣми силами сердца и на всю жизнь.

Значеніе этихъ словъ еще усиливалось тономъ, какимъ они были произнесены, и взглядомъ, который ихъ сопровождалъ.

Я вернулся къ себѣ въ комнату отуманенный и какъ бы въ состояніи легкаго опьяненія.

— 24. Вотъ самый короткій романъ, слѣдовательно и лучшій. Вечеромъ я зашелъ въ гостиную Серафимы Ивановны, зная, что застану тамъ г-жу Кернъ... Вхожу. На меня смотрятъ очень холодно. Вчерашняго какъ будто и не бывало. Анна Петровна находилась въ упоеніи радости отъ пріѣзда поэта А. С. Пушкина, съ которымъ она давно въ дружеской связи. Наканунѣ она цѣлый день провела съ нимъ у его отца и не находитъ словъ для выраженія своего восхищенія. На мою долю выпало всего два, три ледяныхъ комплимента, и то чисто литературныхъ. Старая дружба должна предпочитаться новой—это вѣрно. Тѣмъ не менѣе я скоро удалился въ свою комнату. Даю себѣ слово больше не думать о красавицѣ.

— 26. Я вышелъ къ себѣ на балконъ. Она изъ окна пригласила меня къ себѣ. Часа три быстро пролетѣли въ оживленной бесѣдѣ. Сначала я былъ сдержанъ, но она скоро меня расшевелила и опять внушила къ себѣ довѣріе. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, говорить такъ трогательно, нѣжно, съ такимъ выраженіемъ въ глазахъ—и ничего не чувствовать. Я совсѣмъ забылъ о Пушкинѣ въ это время. Она говорила, что понимаетъ меня, что желаетъ участвовать въ моихъ литературныхъ трудахъ, что она любитъ уединеніе, что постоянна въ своихъ чувствахъ, что ея понятія почти во всемъ сходны съ моими... Наконецъ, просила меня дня на три пріѣхать въ Павловскъ, когда она тамъ будетъ.

Послѣ 24-го я держалъ сердце на привязи и рѣшился больше не видаться съ ней, но она сама позвала меня къ себѣ....

— 29. Сегодня я хотѣлъ идти къ ней, подошелъ почти къ самымъ дверямъ ея и вернулся назадъ. Направился къ Брилевичевой, а очутился у Бабарыкиныхъ. Тамъ оставили меня обѣдать. Смиск. важничалъ; какая-то сухая и блѣдная дама усердно старалась доказать, что молодость ея еще не миновала. Какой-то старикъ, съ брилліантовой Анной на шеѣ, разсказывалъ про свою службу при Державинѣ. Анета Б. кокетничала.

Іюнь.—1. Начался для меня дурно. Я боленъ. Отъ меня только что ушелъ попечитель, приходившій узнать о моемъ здоровьѣ. Онъ отъ меня пошелъ прямо къ доктору, ускорить его визитъ ко мнѣ. Доктору будутъ платить изъ суммъ попечительской канцеляріи. Добротѣ Константина Матвѣевича нѣтъ границъ.

— 8. Мнѣ гораздо лучше. Докторъ позволилъ уже выходить... Г-жа Кернъ переѣхала отсюда на другую квартиру. Я порѣшилъ не быть у нея, пока случай не сведетъ насъ опять. Но сегодня уже я получилъ отъ нея записку, съ приглашеніемъ сопровождать ее въ Павловскъ. Я пошелъ къ ней: о Павловскѣ больше и рѣчи не было. Я просидѣлъ у ней до десяти часовъ вечера. Когда я уже прощался съ ней, пришелъ поэтъ Пушкинъ. Это человѣкъ небольшаго роста, на первый взглядъ не представляющій изъ себя ничего особеннаго. Если смотрѣть на его лицо, начиная съ подбородка, то тщетно будешь искать въ немъ, до самыхъ глазъ, выраженія поэтическаго дара. Но глаза непремѣнно остановятъ васъ: въ нихъ вы увидите лучи того огня, которымъ согрѣты его стихи—прекрасные, какъ букеты свѣжихъ весеннихъ розъ, звучные, полные силы и чувства. Объ обращеніи его и разговорѣ не могу ничего сказать, потому что я скоро ушелъ.

— 12. Сегодня мы съ Анной Петровной Кернъ обмѣнялись письмами. Предлогомъ были книги, которыя я обѣщался доставить ей. Отвѣтъ ея умный, тонкій, но неуловимый. Вечеромъ я получилъ отъ нея вторую записку: она просила меня принести ей мои кое-какіе отрывки и вмѣстѣ съ нею прочитать ихъ. Я не пошелъ къ ней за недостаткомъ времени.

— 22. Сегодня г-жа Кернъ прислала мнѣ часть записокъ своей жизни, для того, чтобы я принялъ ихъ за сюжетъ романа, кото-

рый она меня подстрекаетъ продолжать. Въ этихъ запискахъ она придаетъ себѣ характеръ, который, мнѣ кажется, составила изъ всего, что почерпнуло ея воображеніе изъ читаннаго ею. Въ самомъ дѣлѣ, люди, одаренные пламеннымъ воображеніемъ, но безъ сильнаго разсудка и твердой воли, напрасно думаютъ, что они сотворены съ такимъ-то сердцемъ или такими-то наклонностями: я полагаю, что при лучшемъ воспитаніи то и другое было бы у нихъ лучше. Мечтательность, неопредѣленность и сбивчивость понятій считаются нынѣ какъ бы достоинствами, и люди съ благородными наклонностями, но увлекаемые духомъ времени, располагаютъ свое поведеніе по примѣру героевъ нынѣшней романтической поэзіи. Не знаю, пересилитъ ли философія сію болѣзнь вѣка. Но я въ самомъ дѣлѣ желалъ бы написать философскій романъ и въ немъ указать какое-нибудь простое, но дѣйствительное лекарство противъ оной. Мы заблудились въ массѣ сложныхъ идей. Надо обратиться къ простотѣ. Надо заставить себя мыслить: это единственный способъ сбить мечтательность и неопредѣленностья понятій, въ которыхъ нынѣ видятъ что-то высокое, что-то прекрасное, но въ которыхъ, на самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего, кромѣ треска и дыму разгоряченнаго воображенія.

— 23. Вечеромъ читалъ отрывки своего романа г-жѣ Кернъ. Она смотритъ на все исключительно съ точки зрѣнія своего собственнаго положенія и потому сомнѣваюсь, чтобы ей понравилось что нибудь, въ чемъ она не видитъ самое себя. Она просила меня оставить у нея мои листки.

Не знаю, долго ли я уживусь въ дружбѣ съ этою женщиною. Она удивительно неровна въ обращеніи и, кромѣ того, малѣйшее противорѣчіе, которое она встрѣчаетъ въ чувствахъ другихъ со своими, мгновенно отталкиваетъ ее отъ нихъ. Это ужъ слишкомъ переутонченно.

Вчера, говоря съ ней о человѣческомъ сердцѣ, я сказалъ:

— Никогда не положусь я на него, если съ нимъ не соединена сила характера. Сердце человѣческое, само по себѣ, безпрестанно волнуется, какъ кровь, его движущая: оно непостоянно и измѣнчиво.

— О, какъ вы недовѣрчивы, — возразила она, — я не люблю

этого. Въ довѣріи къ людямъ все мое наслажденіе. Нѣтъ, нѣтъ! это не хорошо!

Слова сіи были сказаны такимъ тономъ, какъ будто я потерялъ всякое право на ея уваженіе.

— Вы не такъ меня поняли,—въ свою очередь, съ неудовольствіемъ отвѣчалъ я, — кто всегда боится быть обманутымъ, тотъ заслуживаетъ быть обманутымъ. Но если ваше сердце находитъ свое счастіе только въ сердцахъ другихъ, то благоразуміе требуетъ не довѣрять счастью земному, а величіе души предписываетъ не обольщаться имъ.

Послѣ этого мы дружелюбно окончили вечеръ.

— 24. Я не ошибся въ своемъ ожиданіи. Г-жа Кернъ раскритиковала, какъ говорится, въ пухъ отрывки моего романа. По ея мнѣнію, герой мой черезчуръ холодно изъясняется въ любви и слишкомъ много умствуетъ, а не то и просто умничаетъ.

Я готовъ бы ее уважать за откровенность, тѣмъ болѣе, что, по самой задачѣ моего романа, главное дѣйствующее лицо въ немъ должно быть именно такимъ. Но требовательный тонъ ея послѣднихъ писемъ ко мнѣ, настоятельно выражаемое желаніе, чтобы я непремѣнно воспользовался въ своемъ произведеніи чертами ея характера и жизни, упреки за неисполненіе этого показываютъ, что она гнѣвается просто за то, что я работаю не по ея заказу.

Она хотѣла сдѣлать меня своимъ исторіографомъ, и чтобы исторіографъ сей былъ бы панегиристомъ. Для этого она привлекала меня къ себѣ и поддерживала во мнѣ энтузіазмъ къ своей особѣ. А потомъ, когда выжала бы изъ лимона весь сокъ, корку его выбросила бы за окошко,—и тѣмъ все кончилось бы. Это не подозрѣнія мои только и догадки, а прямой выводъ изъ весьма недвусмысленныхъ послѣднихъ писемъ ея.

Женщина эта очень тщеславна и своенравна. Первое есть плодъ лести, которую, она сама признавалась, безпрестанно расточали ея красотѣ, ея чему-то божественному, чему-то неизъяснимо въ ней прекрасному, — а второе есть плодъ перваго, соединеннаго съ небрежнымъ воспитаніемъ и безпорядочнымъ чтеніемъ.

Въ моемъ отвѣтѣ на ея сегодняшнее письмо я высказалъ кое-что изъ этого, но, конечно, въ самой мягкой формѣ.

— 26. Сегодня получилъ отъ г-жи Кернъ въ отвѣтъ на мое письмо записку слѣдующаго содержанія: „Благодарю васъ за довѣріе. Вы не ошиблись, полагая, что я умѣю васъ понимать".

Іюль.—4. Былъ у г-жи Кернъ. Никто изъ насъ не вспоминалъ о нашей недавней размолвкѣ, за исключеніемъ развѣ маленькаго намека, въ видѣ мщенія, съ ея стороны. Я засталъ ее за работой.

— Садитесь мотать со мною шелкъ,—сказала она.

Я повиновался. Она надѣла мнѣ на руки мотокъ, научила какъ держать его и принялась за работу.

— Говорятъ, что Геркулесъ прялъ у ногъ Омфалы, — замѣтилъ я, — хоть я не Геркулесъ, а очутился въ подобномъ ему положеніи, съ тою только разницею, что та г-жа Омфала врядъ-ли могла бы сравниться съ той особою, которой я имѣю честь служить.

— Хорошо сказано, отвѣчала она.—Однако, посмотрите, вы все путаете шелкъ. И начала опять учить меня, какъ его держать. Это не помогло.

— Дайте, я самъ это сдѣлаю. Я взялъ, поправилъ, надѣлъ на руки по своему: дѣло пошло какъ слѣдуетъ.

— Теперь хорошо,—сказала она съ пріятной улыбкой.

— Это отъ того, что я самостоятельно, собственнымъ умомъ постигъ эту тайну,—замѣтилъ я. Она промолчала.

— Попробуйте — вотъ такъ повернуть нитки, начала она опять черезъ нѣсколько минутъ.

Я послушался, и въ самомъ дѣлѣ работа пошла еще гораздо лучше. Я замѣтилъ ей это.

— Вотъ видите, — сказала она съ торжествующимъ видомъ,—умъ хорошо, а два лучше.

Мнѣ, въ мою очередь, пришлось промолчать.

Послѣ пошли мы гулять въ садъ герцога Виртембергскаго. Народу было множество. Въ двухъ мѣстахъ гремѣла музыка. Но мнѣ гораздо пріятнѣе было слушать малороссійскія пѣсни, которыя пѣла сестра г-жи Кернъ, по нашемъ приходѣ съ гулянья. У ней прелестный голосъ, и въ каждомъ звукѣ его чувство и душа. Слушая ее, я совсѣмъ перенесся на родину, къ горлу подступали слезы...

— 17. Вчера, часовъ въ пять вечера, Дель, Чевилевъ, я и сынъ нашего профессора Лодія, мы отправились на дачу Мол-

чанова, гдѣ живетъ нашъ товарищъ Армстронгъ. Погода была сомнительная. Тучи висѣли надъ головами и каждую минуту грозили ливнемъ. Однако, мы прошли путь благополучно. Уже у самаго Лѣснаго института я взошелъ на пригорокъ. Прямо противъ меня бѣлѣлъ Петербургъ съ куполами церквей, которые, какъ исполины, упирались блестящими маковками въ черныя тучи, волнистыми грядами расположенныя на небѣ. Влѣво выдѣлялся Смольный монастырь, вправо тянулись лѣса, которые, сливаясь съ горизонтомъ, останавливали зрѣніе. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ Петербургѣ, я отчасти уже привыкъ къ картинамъ суровой здѣшней природы. Мнѣ уже не такими скучными кажутся эти низменныя, то песчаныя, то болотистыя равнины, эти печальные однообразные ряды сосенъ и елей, эти быстрые перемѣны въ погодѣ, то ясной и тихой, то мрачной и бурной. Улыбкѣ этой природы нельзя довѣрять, какъ улыбкѣ счастья. Но потому именно, можетъ быть, она и производитъ на сердце неотразимое впечатлѣніе.

Полюбовавшись окрестностями Петербурга, мы продолжали путь и едва успѣли перешагнуть за порогъ гостепріимнаго дома Армстронга, какъ на землю обрушились потоки дождя. Что сталось бы съ моимъ вновь пріобрѣтеннымъ фракомъ, если бы ливень засталъ насъ на дорогѣ! Дождь шелъ весь вечеръ. О прогулкѣ нечего было и думать, но мы до поздняго вечера сидѣли подъ навѣсомъ на крыльцѣ, любуясь массами тучъ, которыя, какъ густыя колонны войскъ, сомкнутыми рядами сходились и расходились въ воздухѣ.

Слѣдующій день былъ тоже пасмурный. Можно было прогуливаться только въ саду около дома, поминутно скрываясь отъ дождя въ маленькой бесѣдкѣ, называемой храмомъ любви. Къ вечеру, однако, небо прояснилось, мы съ дамами катались въ лодкѣ, бѣгали въ горѣлки и отъ души веселились.

— 20. Третьяго дня Константинъ Матвѣевичъ Бороздинъ пригласилъ меня сопутствовать ему въ Сергіевскій монастырь, на 17-й верстѣ отъ Петербурга по Петергофскому шоссе. Жена его и сестры-дѣвицы дали обѣщаніе сходить туда пѣшкомъ на поклоненіе угоднику Божію.

Мы отправились въ половинѣ шестаго вечеромъ. Насъ было человѣкъ около двадцати, дамъ и мужчинъ. За нами ѣхала карета

и телѣга съ съѣстными припасами. Не взирая на усталость еще отъ вчерашняго похода въ Лѣсной корпусъ, я чувствовалъ себя бодрымъ и свѣжимъ. Нѣкоторыя изъ дѣвицъ Бороздиныхъ и Полѣновыхъ очень милы. Мы всѣ шли пѣшкомъ. Непринужденность, добрая пріязнь, царившая въ нашемъ обществѣ, привѣтливость и ласка моего почтеннаго начальника К. М. Бороздина и его супруги, превосходная дорога между двумя рядами дачъ, изъ коихъ каждая возбуждала желаніе пожить въ ней, прелестнѣйшая погода—все соединилось, чтобы сдѣлать наше путешествіе пріятнымъ. Каждыя двѣ версты мы садились отдыхать около какой нибудь дачи. Константинъ Матвѣевичъ подчивалъ насъ виномъ для подкрѣпленія силъ, а Д. В. Полѣновъ, еще въ городѣ нагрузившій свои карманы пряниками, ни для кого ихъ не жалѣлъ.

Изъ дачъ мнѣ больше всѣхъ понравились двѣ: графини Завадовской и князя Щербатова. Передъ послѣдней прекрасный фонтанъ, почти у самой дороги, приглашаетъ усталаго пѣшехода отдохнуть и испить его чистой воды. Мы пришли въ монастырь около полуночи и остановились въ гостинницѣ. Послѣ сытнаго и оживленнаго ужина, мужчины удалились въ другую комнату и расположились спать на полу. За перегородкой два священника и дьяконъ, привезшіе въ монастырь хоронить покойника, вели жаркій теологическій споръ. По звуку стакановъ и бутылокъ можно было заключить, что они сопровождали свой споръ обильными возліяніями. Противники замолкли только съ восходомъ солнца и, наконецъ, захрапѣли, изнемогши подъ двойнымъ бременемъ богословскихъ преній и пунша. Тогда только и намъ удалось заснуть.

Послѣ утренняго кофе, Константинъ Матвѣевичъ, Полѣновъ и я отправились ко взморью. Но, не зная дороги, мы забрели въ болото и вернулись обратно осматривать монастырь. Онъ обширенъ, съ церковью старинной архитектуры. Вокругъ прелестный видъ. Вдали синѣетъ море, а за нимъ, какъ крылья чаекъ, бѣлѣютъ башни Кронштадта и мелькаютъ паруса кораблей. Изъ памятниковъ на кладбищѣ обращаетъ на себя вниманіе памятникъ фамиліи графовъ Зубовыхъ. Надъ подземельемъ, гдѣ покоится прахъ ихъ, возвышается зданіе для тридцати инвалидовъ, которые, въ ожиданіи вѣчнаго покоя, находятъ здѣсь возможный

земной покой. Прекрасная мысль замѣнить пышную эпитафію на мавзолеѣ добрымъ словомъ изъ глубины признательнаго сердца.

Зато, что̀ за надписи на нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ! Бѣдные покойники еще меньше захотѣли бы умирать, если бы знали, что память ихъ будетъ прославлена такого рода прозой и стихами. На одномъ монументѣ жена благодаритъ мужа за то, что онъ сдѣлалъ ее матерью; на другомъ—неутѣшная супруга проситъ проходящихъ плакать надъ ея усопшимъ мужемъ по той уважительной причинѣ, что онъ былъ камеръ-фурьеромъ и т. д.

Въ половинѣ одиннадцатаго мы отправились къ поздней обѣднѣ, а послѣ обѣда нѣсколько человѣкъ изъ нашего каравана пошли въ Стрѣльну, находящуюся верстахъ въ двухъ отъ монастыря. Въ дворцовомъ саду, между двумя холмиками, у маленькой рѣчки, расположенъ прелестный цвѣтникъ. Видъ съ мостика на каскадъ очарователенъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ, въ глубинѣ дикаго бора, другая, или та-же рѣчка, силясь перепрыгнуть черезъ небольшую преграду, падаетъ внизъ, разсыпаясь серебряными брызгами, а затѣмъ тихо извивается подъ шатромъ липовыхъ и сосновыхъ вѣтвей. Прелестный уголокъ! Какъ хорошо отдыхать на дерновомъ канапе противъ каскада! На возвратномъ пути мы пытались подкупить сторожа, чтобы онъ позволилъ намъ нарвать цвѣтовъ для нашихъ пилигримокъ. Но онъ былъ неумолимъ.

Въ гостинницѣ мы застали нашихъ уже въ сборахъ на обратный путь. Но прежде намъ еще предстояло отслушать молебенъ. Полѣновъ и я, мы отправились въ церковь раньше, съ цѣлью побывать на колокольнѣ. Вскарабкались мы на нее съ большимъ трудомъ по такой крутой лѣстницѣ, что намъ то и дѣло грозила опасность стукаться лбомъ о верхнія ступеньки ея. Но что за прелесть тамъ! Съ одной стороны морская пелена съ Кронштадтомъ, съ другой Петербургъ, какъ на ладони; напротивъ, увѣнчанная соснами Дудергофская гора, бѣлѣющіе лагери у ея подошвы. Мы погрузились въ созерцаніе водъ, лѣсовъ и полей, но вдругъ были выведены изъ него ударами колокола надъ самымъ ухомъ. Невольно вздрогнувъ, мы оглянулись: на колокольнѣ никого, кромѣ насъ двоихъ, а языкъ одного изъ колоколовъ мѣрно ударяетъ о стѣнки его. Наконецъ, мы разглядѣли привязанную

къ этому языку веревку, и поняли, что это трезвонили снизу. Со смѣхомъ, затыкая уши, спустились мы съ отвѣсной лѣсенки и застали всѣхъ нашихъ въ церкви, гдѣ уже служили молебенъ.

Обратный путь въ Петербургъ былъ также пріятенъ и веселъ. Не взирая на эпиграммы дамъ, которыя, изъ усердія къ св. Сергію, непремѣнно хотѣли идти пѣшкомъ, я сѣлъ на дрожки, вмѣстѣ съ попечителемъ, и проѣхалъ почти половину дороги. Вечеръ былъ рѣдкій, и мы прибыли домой въ два часа ночи.

Августъ.—16. Всѣ предъидущіе дни, начиная съ 11-го числа, я провелъ въ большихъ безпокойствахъ и трудахъ. Сего числа вечеромъ я получилъ извѣстіе, что государь императоръ велѣлъ сдѣлать строжайшій выговоръ попечителю, со внесеніемъ въ формуляръ, и посадить на гауптвахту директора департамента министерства народнаго просвѣщенія Языкова, за медленное доставленіе ему свѣдѣній по кронштадтскому училищу, которыя приказалъ доставить два мѣсяца тому назадъ. Сіе неслыханное наказаніе у насъ, особенно послѣднее, всѣхъ поразило ужасомъ и повергло въ уныніе. Я, какъ исправляющій должность правителя канцеляріи попечителя, нѣсколько ночей сряду не спалъ, чтобы окончить нѣкоторыя другія дѣла, могшія навлечь на насъ новыя непріятности. Будучи такъ близокъ къ Бороздину и къ Языкову, я раздѣлялъ ихъ несчастіе со всею горячностью сердца, благодарнаго за ихъ ко мнѣ доброту.

Главная причина сей бѣды—въ медленности и безпорядочности университетскаго правленія, отъ коего зависѣла скорѣйшая доставка свѣдѣній. Попечитель виноватъ только тѣмъ, что не былъ довольно строгъ. Этотъ просвѣщенный и благородный человѣкъ всегда стремится прежде всего дѣйствовать какъ гражданинъ, и нерѣдко забываетъ, что онъ начальникъ.

Нынѣ необыкновенная дѣятельность во всѣхъ частяхъ управленія. Могущественная воля самодержца все движетъ съ удивительной быстротой. Всѣ правительственныя пружины въ напряженіи; многіе безпорядки уничтожаются; многія полезныя мѣры начинаютъ осуществляться. Народъ хочетъ благоденствія и, можетъ быть, на нѣкоторое время будетъ имѣть его. Понятія большинства у насъ не идутъ дальше нуждъ своего личнаго или домашняго спокойствія—слѣдовательно, все пойдетъ хорошо, пока духъ времени не воспрянетъ съ новой силой....

— 23. Сегодня новый профессоръ богословія, Бажановъ, началъ свое поприще въ университетѣ. Онъ будетъ читать намъ нравственное богословіе, чѣмъ и окончится полный трехлѣтній курсъ богословія, начатый предшественникомъ его, докторомъ богословія и профессоромъ еврейскаго языка, Павскимъ. Послѣдній обладаетъ глубокими, обширными познаніями, и въ этомъ отношеніи никто не сравнится съ нимъ. Но привлекательная личность Бажанова, его искусство излагать свой предметъ просто и выразительно, стремленіе къ духу, а не къ буквѣ, все это хоть не много смягчаетъ для насъ потерю Павскаго. Въ богословскихъ лекціяхъ нашихъ вообще господствуетъ здравый философскій духъ, который ставитъ религію на твердую почву, недоступную для фанатиковъ. Надо сознатъся, что духовные учители у насъ часто преуспѣваютъ въ наукахъ больше свѣтскихъ профессоровъ. Я думаю, что это, помимо многихъ другихъ причинъ, объясняется еще тѣмъ, что общественная дѣятельность нашего духовенства замкнута въ извѣстныя рамки, за предѣлы которыхъ не можетъ стремиться. Другіе же наши ученые, не видя границъ своему честолюбію, часто жертвуютъ для него наукой. У насъ, напримѣръ, есть одинъ профессоръ, человѣкъ, впрочемъ, почтенный и съ дарованіемъ, но который нерѣдко выходитъ на каѳедру, удрученный горемъ, и кое какъ сбываетъ съ рукъ лекцію отъ того только, что онъ, будучи уже коллежскимъ совѣтникомъ, имѣетъ Анну 3-й, а не 2-й степени. Попечитель, по добротѣ своей, видя его горе, наконецъ, далъ ему слово сдѣлать о немъ представленіе, которое должно быть будетъ уважено. И этотъ человѣкъ не ребенокъ: ему уже лѣтъ подъ сорокъ и онъ слыветъ въ публикѣ за умнаго, талантливаго профессора.

Сентябрь.—2. Погода стоитъ прекрасная. Мнѣ захотѣлось прогуляться, и я пошелъ въ академію художествъ, которая со вчерашняго дня открытя для любителей и любопытныхъ. Въ залахъ толпилось много народу, преимущественно изъ незнатныхъ: люди такъ называмаго „хорошаго тона“ обыкновенно ѣздятъ сюда поутру.

Я не знатокъ въ живописи, и сужу о ней только по впечатлѣнію, какое на меня производитъ то или другое произведеніе. На этотъ разъ мнѣ очень понравился Лаокоонъ. Это прекрасный снимокъ съ древней группы. Старикъ передъ вами, дѣйствительно,

страдаетъ; изъ искривленныхъ мукою губъ его готовъ вырваться пронзительный вопль отчаянія. А что за красавица Венера съ небрежно наброшеннымъ на нее покровомъ! Очень хорошъ показался мнѣ портретъ Мордвинова, писанный Довомъ. Хороши также Аракчеевъ и Сперанскій... Но какъ попалъ сюда этотъ всадникъ на бѣломъ конѣ? Не подходите близко: онъ задавитъ васъ, если коснется васъ шпорами. Но не бойтесь: это удивительно искусно написанный портретъ покойнаго императора. Вотъ дѣвушка вышиваетъ въ пяльцахъ, другая держитъ въ рукѣ иглу и съ плутовской улыбкой на васъ поглядываетъ. Вотъ поэтъ Пушкинъ. Не смотрите на подпись: видѣвъ его хоть разъ живаго, вы тотчасъ признаете его проницательные глаза и ротъ, которому недостаетъ только безпрестаннаго вздрагиванія; этотъ портретъ писанъ Кипренскимъ. А это кто лежитъ въ турецкомъ платьѣ и въ чалмѣ? Я угадываю, но съ трудомъ, что это нашъ оріенталистъ Сенковскій: онъ мало похожъ.

— 14. Вчерашній вечеръ я очень пріятно провелъ съ Ростовцевымъ и В. Н. Семеновымъ, съ которыми не видался уже мѣсяцевъ пять. Они приходили за мной. Ужинъ былъ во вкусѣ греческихъ симпозій. Мы пили шампанское, но безъ излишества, а главное, говорили отъ избытка сердца. Я пенялъ—впрочемъ, уже не въ первый разъ—на Ростовцева за его лѣнь. У него есть истинно поэтическое дарованіе, но свѣтскія развлеченія отвлекаютъ его отъ занятій, которыя могли бы сохранить имя его для потомства.

— 18. Отослалъ Булгарину мое разсужденіе „О политической экономіи вообще и о производимости богатствъ, какъ главнѣйшемъ предметѣ оной“. Оно было написано для чтенія въ торжественномъ собраніи университета и одобрено совѣтомъ онаго, но, по недостатку времени, осталось нечитаннымъ—а главное, кажется, потому, что существуетъ обычай не допускать студентовъ до публичнаго чтенія своихъ произведеній.

Кромѣ того, я снесъ Булгарину еще повѣсть „Василій Воинко“, написанную моимъ товарищемъ Троицкимъ. Сей молодой человѣкъ не безъ дарованія, и я сильно его подстрекаю не дать ему заглохнуть.

Вечеромъ былъ у г-жи Кернъ. Видѣлъ тамъ извѣстнаго инженернаго генерала Базена. Обращеніе послѣдняго есть обра-

зецъ свѣтской непринужденности: онъ едва не садился къ г-жѣ Кернъ на колѣни, говоря, безпрестанно трогалъ ее за плечо, за локоны, чуть не обхватывалъ ея стана. Удивительно и незабавно! Да и пришелъ онъ очень не кстати. Анна Петровна встрѣтила меня очень любезно и, очевидно, собиралась пустить въ ходъ весь арсеналъ своего очаровательнаго кокетства.

— 20. Сегодня у молодаго камеръ-юнкера Штерича обѣдаютъ блестящіе молодые люди „хорошаго тона". Онъ убѣдительно просилъ меня сегодня не уходить и обѣдать дома съ ними. Здѣсь будутъ потомки знаменитыхъ Долгорукихъ, Голицыныхъ и проч. и проч. Посмотримъ!

— Подай мнѣ венгерку! — сейчасъ прозвучало у меня въ ушахъ. Это значитъ, что русскіе магнаты собрались уже и приступаютъ къ главному предмету своей бесѣды и къ созерцанію послѣдняго произведенія великаго Руча—портнаго. Сойдемъ и мы внизъ.

На сегодняшнемъ обѣдѣ не было многихъ изъ тѣхъ, кого я думалъ увидѣть. Много слышалъ я, между прочимъ, о графинѣ Девіеръ, какъ о совершеннѣйшей красавицѣ. Въ самомъ дѣлѣ, у нея необыкновенно правильныя черты лица—но въ этомъ все. Черты эти подобны тѣмъ, которыя проведены искусною рукою художника на кускѣ мрамора; но этотъ мраморъ не живетъ, не дышетъ. Артистъ, то есть природа, все сдѣлала, чтобы изъ этой молодой дѣвушки вышла одна изъ прекраснѣйшихъ женщинъ, но сама дѣвушка ничего не сдѣлала для себя самой. Въ ея очахъ не сіяетъ лучъ той внутренней, обворожительной красоты, которая, пробиваясь сквозь оболочку тѣла, облагораживаетъ и одухотворяетъ послѣднее.

Былъ за обѣдомъ одинъ гусарскій полковникъ, весьма не глупый человѣкъ. Онъ хорошо говорилъ о Наполеонѣ и о разныхъ отвлеченныхъ предметахъ. Онъ, кромѣ сабли и шпоръ, имѣетъ еще нѣчто, то есть, умъ и чувство.

Молодой камеръ-пажъ Скалонъ задумчивъ: онъ въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что изъ него выйдетъ человѣкъ.

О князѣ Д... могу сказать только то, что у него сюртукъ шитъ знаменитымъ Петерсомъ. По крайней мѣрѣ, онъ хорошо знаетъ этотъ важный историческій фактъ.

Мой любезный П. смотрѣлъ на дѣвушекъ, какъ дитя смот-

ритъ на конфекты, которыхъ ему не велѣно трогать. У человѣка этого здравый умъ и прекрасное сердце—къ несчастію слишкомъ чувствительное, ибо оно столько же создано для любви, сколько лицо его и фигура для чувства совершенно противоположнаго. Онъ очень некрасивъ. Сидѣвшія противъ него плутовки искусно сообщали о томъ одна другой.

Важное замѣчаніе: нынѣшній головной уборъ молодыхъ дѣвушекъ куда какъ не изященъ. Вмѣсто граціозно упадающихъ на грудь или со вкусомъ расположенныхъ локоновъ, у нихъ на вискахъ торчатъ пучки волосъ—чужихъ. Коса свита на головѣ такъ, что дѣлаетъ ее остроконечною. Лицо выглядываетъ изъ этой массы безобразно расположенныхъ волосъ точно лицо пуделя.

Нельзя похвалить также обычай сильно стягивать талію корсетомъ. Руссо справедливо уподобляетъ стягивающихся такимъ образомъ дѣвушекъ осамъ, перегнутымъ пополамъ. Сверхъ того, какой вредъ для здоровья!

— 22. Поэтъ Пушкинъ уѣхалъ отсюда въ деревню. Онъ проигрался въ карты. Говорятъ, что онъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, ухлопалъ 17,000 рублей. Поведеніе его не соотвѣтствуетъ человѣку, говорящему языкомъ боговъ и стремящемуся воплощать въ живые образы высшую идеальную красоту. Прискорбно такое нравственное противорѣчіе въ соединеніи съ высокимъ даромъ, полученнымъ отъ природы. Никто изъ русскихъ поэтовъ не постигъ такъ глубоко тайны нашего языка; никто не можетъ сравниться съ нимъ живостью, блескомъ, свѣжестью красокъ въ картинахъ, созданныхъ его пламеннымъ воображеніемъ. Ни чьи стихи не услаждаютъ души такой плѣнительной гармоніей. И рядомъ съ этимъ, говорятъ, онъ плохой сынъ, сомнительный другъ. Не вѣрится!.. Во всякомъ случаѣ, въ толкахъ о немъ много преувеличеній и несообразностей, какъ всегда случается съ людьми, которые, выдвигаясь изъ толпы и приковывая къ себѣ всеобщее вниманіе, въ однихъ возбуждаютъ удивленіе, а въ другихъ—зависть.

Октябрь.—2. Былъ у Булгарина. Засталъ тамъ Сенковскаго. Разговоръ шелъ о путешествіяхъ. Сенковскій не вѣритъ, чтобы путешествующій по Россіи могъ встрѣчать предметы, достойные философскаго наблюденія. Булгаринъ и я утверждали противное. Въ Россіи, говорили мы, бо̀льшее разнообразіе нравовъ и

обычаевъ, чѣмъ гдѣ либо; много невѣжества, но самые предразсудки представляютъ обильное поле для наблюденій философа.

Сочиненіе мое о „Политической экономіи“ во многихъ мѣстахъ урѣзано цензурою. Между прочимъ, въ одномъ мѣстѣ у меня сказано: „Адамъ Смитъ, полагая свободу промышленности краеугольнымъ камнемъ обогащенія народовъ“ и прочее... Слово краеугольный вычеркнуто потому, какъ глубокомысленно замѣчаетъ цензоръ, что краеугольный камень есть Христосъ, слѣдовательно, сего эпитета нельзя ни къ чему другому примѣнять.

Булгаринъ и этотъ разъ принялъ меня любезно и съ комплиментами. О „Василіи Воинкѣ“ говоритъ онъ, что повѣсть сія пахнетъ Бестужевщиною. Онъ просилъ меня принести ему отрывки Гереневой исторіи трехъ послѣднихъ столѣтій, которую переводитъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ.

— 5. Г-жа Штеричъ разсказывала мнѣ сегодня: „Вчера на балѣ у Крк., посреди министровъ и первѣйшихъ чиновъ двора, вижу я человѣка, гордо расхаживающаго съ такимъ величественнымъ, непринужденнымъ видомъ, что я его сначала приняла за очень важную особу. Подхожу ближе: это французъ Курнандъ, содержатель одного изъ здѣшнихъ пансіоновъ. Супруга его, тоже здѣсь находившаяся, не уступала ему въ надменной важности. Не показываетъ ли это, что наше дворянство не слишкомъ ревнуетъ о своихъ преимуществахъ, лишь бы ему не мѣшали веселиться“.

— 12. Видѣлся съ Булгаринымъ. Онъ жаловался министру народнаго просвѣщенія на цензуру за то, что она не пропустила многія мѣста въ моемъ сочиненіи. Министръ велѣлъ ему подать формальное прошеніе объ этомъ. Нужно ли, въ самомъ дѣлѣ, для чего нибудь такое свирѣпое преслѣдованіе идей, безъ которыхъ, однако, ни одно государство не можетъ идти впередъ по пути къ могуществу и благоденствію. Что бы ни говорили, просвѣщеніе нужно народамъ. Нельзя же заключать о вредѣ его по революціонной пропагандѣ нѣкоторыхъ мечтателей, которые творятъ и проповѣдуютъ глупости, ужъ, конечно, не отъ избытка его, а отъ недостатка, отъ полупросвѣщенія...

— 15. Читалъ недавно отпечатанную третью главу „Онѣгина“, сочиненія А. Пушкина. Идея цѣлаго пока еще не ясна, но то, что есть, уже представляетъ живую картину современныхъ нра-

вовъ. По моему мнѣнію, настоящая глава еще превосходитъ предъидущія въ выраженіи сокровенныхъ и тончайшихъ ощущеній сердца. Во всей главѣ необыкновенное движеніе поэтическаго духа. Есть мѣста до того очаровательныя и увлекающія, что, читая ихъ, перестаешь думать, т. е. самостоятельно думать, и весь отдаешься чувству, которое въ нихъ скрыто, буквально сливаешься съ душою поэта. Письмо Татьяны удивительнымъ образомъ соглашаетъ вещи, повидимому, несогласимыя: изступленіе страсти и голосъ чистой невинности. Бѣгство ея въ садъ, когда пріѣхалъ Онѣгинъ, полно того сладостнаго смятенія любви, которое, казалось бы, можно только чувствовать, а не описывать—но Пушкинъ его описалъ. Это мѣсто, по моему, вмѣстѣ съ русскою пѣснью, которую поютъ вдали дѣвушки, собирающія ягоды, лучшее во всей главѣ, гдѣ, впрочемъ, что ни стихъ— то новая красота. Здѣсь поэтъ вполнѣ совершилъ дѣло поэзіи: онъ погрузилъ мою душу въ чистую радость полной и свободной жизни, растворивъ эту радость тихой задумчивостью, которая неразлучна съ человѣкомъ, какъ печать неразгаданности его жребія, какъ провозвѣстіе чего-то высшаго, соединеннаго съ его бытіемъ. Поэтъ удовлетворилъ неизъяснимой жаждѣ человѣческаго сердца.

О стихахъ нечего и говорить! Если музы—по мнѣнію древнихъ —выражались стихами, то я не знаю другихъ, которые были бы достойнѣе служить языкомъ для грацій. Замѣчу еще одно достоинство языка Пушкина, показывающее вмѣстѣ и талантъ необыкновенный, и глубокое знаніе русскаго языка, а именно: рѣдкую правильность среди самыхъ своенравныхъ оборотовъ. Въ его могучихъ рукахъ языкъ этотъ такъ гибокъ, что боишься, какъ бы онъ не изломался въ куски. На дѣлѣ видишь другое— видишь разнообразнѣйшія и прелестныя формы тамъ, гдѣ боялся, чтобы рука поэта не измяла матеріалъ въ слишкомъ быстрой игрѣ—и видишь формы—чисто русскія.

Сегодня принужденъ былъ ссориться съ правителемъ канцеляріи попечителя. У этого человѣка престранный нравъ и понятія. Онъ ничему не учился, но практикою набилъ руку въ канцелярскихъ дѣлахъ, почитаетъ себя несчастнымъ человѣкомъ и всякому встрѣчному неизмѣнно разсказываетъ о какихъ то 50,000 рубляхъ, которые долженъ былъ получить, но не получилъ. Въ

обращеніи онъ престранный оригиналъ. Весьма неловокъ; въ разговорѣ его никогда не услышишь второго и третьяго грамматическаго лица: я есть его тиранъ. Кто о чемъ бы ни говорилъ, а онъ всегда о себѣ: о своихъ болѣзняхъ, объ ученьѣ у какого-то нѣмецкаго пастора, о пребываніи своемъ въ домѣ орловскаго губернатора, наконецъ, о службѣ въ горномъ департаментѣ. Вдобавокъ онъ одержимъ страстью пересыпать свои разсказы нелѣпѣйшими анекдотами, почерпнутыми, разумѣется, изъ событій собственной жизни. Прибавьте къ этому еще дурной выговоръ и польскія выраженія и вы получите понятіе о мукахъ, которыя долженъ испытывать всякій осужденный учтивостью на слушаніе его. Сверхъ всего этого, у него еще страшное самолюбіе и упрямство ослиное. Власть его не распространяется на меня и потому между нами до сихъ поръ не бывало столкновеній. Но за послѣдніе два мѣсяца я, по случаю болѣзни правителя канцеляріи, исполнялъ его должность и по истеченіи этого срока получилъ отъ попечителя лестную благодарность за порядокъ и быстроту дѣйствій. Это показалось обиднымъ настоящему правителю, который на дняхъ опять вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Онъ сталъ упрекать меня, что, за его отсутствіе, дѣла пришли въ такой безпорядокъ, что онъ не отыщетъ многихъ бумагъ. Я попросилъ его указать, какихъ именно бумагъ онъ не находитъ. Указать онъ не могъ, ибо говорилъ неправду, но, не желая еще уступить, замѣтилъ, что моя физіономія его всегда пугаетъ и заставляетъ бояться, что я когда нибудь вдругъ возьму, да нарушу правила общежитія по отношенію къ нему. Это заставило смѣяться меня и другихъ чиновниковъ въ канцеляріи и тѣмъ дѣло кончилось.

— 16. Государь императоръ повелѣлъ отправить двадцать лучшихъ студентовъ за границу для усовершенствованія ихъ познаній, съ тѣмъ, чтобы, возвратясь, они могли занять профессорскія каѳедры. По философіи и правамъ будутъ отправлены въ Берлинъ, а по естественнымъ наукамъ въ Парижъ. Попечитель, совѣтуясь со мной сегодня о томъ, кого изъ нашихъ выбрать для сей цѣли, предложилъ и мнѣ отправиться съ прочими. Къ этому есть одно препятствіе—мое незнаніе иностранныхъ языковъ, но Константинъ Матвѣевичъ обѣщался мнѣ устранить его: онъ хочетъ поѣхать къ князю А. Н. Голицыну и просить его выхло-

потать на сіе разрѣшеніе государя. Онъ далъ мнѣ на размышленіе нѣсколько дней и убѣждалъ ничѣмъ не стѣсняться въ моемъ окончательномъ рѣшеніи.

Вотъ оно, и я искренно ему выскажу его. По возвращеніи изъ за границы, придется четырнадцать лѣтъ служить профессоромъ по назначенію правительства. Я люблю науку и жажду познаній, но не въ качествѣ ремесленника, а главное, не могу помириться ни съ чѣмъ, что хоть, сколько нибудь, отзываетъ закрѣпощеніемъ себя. Раны отъ неволи еще слишкомъ свѣжи во мнѣ для того, чтобы я добровольно согласился еще разъ испытать ее на себѣ, хотя бы и въ смягченномъ и облагороженномъ видѣ. Соблазнъ усовершенствоваться въ Германіи, конечно, великъ, но я предпочитаю свободно располагать своей будущностью въ Россіи. Да и выгоды отъ поѣздки врядъ ли еще такъ существенны, какъ представляются съ перваго взгляда. Это не путешествіе. Запрутъ на два года въ Дерптѣ, на три въ Берлинѣ—вотъ и все. Но не въ этомъ дѣло, а въ вышесказанномъ. Завтра же все это выскажу попечителю, который, въ отношеніи меня, является настоящимъ попечителемъ моей судьбы.

— 19. Вышло новое постановленіе: не принимать больше на статскую службу лицъ, подлежащихъ подушному окладу. Мѣра эта можетъ имѣть важныя послѣдствія. Съ одной стороны, она поведетъ къ усиленію дворянства, а съ другой къ тому, что люди другихъ сословій, которые иногда вступали на службу, но не могли быть на ней полезны по ограниченности своихъ дарованій, будутъ теперь обращены къ дѣятельности въ своемъ собственномъ кругу, начнутъ учиться ремесламъ, и т. д. Для людей же съ дарованіями всегда открыты пути къ болѣе широкой гражданской дѣятельности черезъ университеты, которые по сему постановленію сохраняютъ всѣ свои права и преимущества. Сверхъ сего Россія перестанетъ наводняться чиновниками, сими привиллегированными, тунеядцами и будетъ ихъ лишь столько, сколько нужно для отправленія общественныхъ должностей.

Такъ полагаютъ почти всѣ, съ коими я говорилъ о настоящей мѣрѣ: дай Богъ, чтобы они были правы и чтобы новое постановленіе дѣйствительно повело лишь къ благимъ результатамъ.

— 20. Объявилъ попечителю о своемъ рѣшеніи не ѣхать за

границу. Онъ внимательно выслушалъ меня, съ минуту помолчалъ, потомъ, ласково взявъ за руку, сказалъ:

— Дѣлайте то, что вамъ говорятъ сердце и совѣсть. Если я въ настоящемъ случаѣ и не безусловно съ вами согласенъ, то все же настолько васъ понимаю и вамъ сочувствую, что не берусь вамъ совѣтывать. Итакъ рѣшено, вы съ нами остаетесь!

— 21. Читалъ мнѣнія членовъ комитета, учрежденнаго для преобразованія учебныхъ заведеній, о проектѣ академика Паррота. Не зная самаго проекта, не могу вполнѣ судить о достоинствѣ сихъ мнѣній. Впрочемъ, изъ нихъ можно заключить, что главная мысль его слѣдующая. Всѣ университеты въ Россіи ничтожны и безполезны въ своемъ настоящемъ видѣ. Причина сего въ томъ, что они не имѣютъ хорошихъ профессоровъ. Чтобы водворить въ Россіи просвѣщеніе, надо уничтожить сію причину, т. е. всѣхъ профессоровъ въ россійскихъ университетахъ удалить и замѣнить ихъ новыми, болѣе достойными сего званія, но непремѣнно изъ русскихъ же. Какимъ же образомъ сдѣлать это?—Оставить только три университета: Московскій, Харьковскій и Казанскій,—ибо С.-Петербургскій, по мнѣнію г-на Паррота, ничѣмъ, однако, не доказанному, совершенно безполезенъ. Изъ трехъ вышеупомянутыхъ университетовъ надо выбрать отличнѣйшихъ студентовъ, на каждую каѳедру по одному (всѣхъ каѳедръ должно быть по 32 въ каждомъ университетѣ) и отправить ихъ всѣхъ на пять лѣтъ учиться въ Дерптѣ, а потомъ на два года въ Германіи. По возвращеніи ихъ, отставить всѣхъ старыхъ профессоровъ и замѣнить ихъ сими, вновь образованными.

Сперанскій и Строгоновъ противъ сего проекта. За него съ разными исключеніями и дополненіями: Ламбертъ, Блудовъ, Крузештернъ и Шторхъ.

Послѣдніе, очевидно, стремятся сразу на цѣлый вѣкъ подвинуть въ Россіи ходъ просвѣщенія; первые же хотятъ на настоящемъ порядкѣ вещей основать постепенное приближеніе ея къ оному.

Парротъ несомнѣнно правъ въ томъ, что у насъ мало хорошихъ профессоровъ, частью по причинѣ равнодушія къ наукѣ, какъ говоритъ Шторхъ, а болѣе потому, что ихъ самихъ худо учили.

— 23. День рожденія жены нашего попечителя Бороздина.

Послѣ обѣда я съ его семьей поѣхалъ на вечеръ къ его сестрамъ. Тамъ былъ генералъ Полѣновъ съ своимъ многочисленнымъ семействомъ, которое можетъ служить образцомъ согласія и добродушія. Удивительнѣе всего, что здѣсь мачиха является провидѣніемъ не только своихъ собственныхъ дѣтей, но и дѣтей своей предшественницы. Нѣжность ея къ послѣднимъ такъ же велика и трогательна, какъ и къ первымъ. Вообще сердце этой женщины исполнено той плѣнительной доброты, которая приближаетъ особъ ея пола къ идеалу. Падчерицы или, лучше сказать, дочери ея сердца, не отличаются яркой красотой, но въ нихъ есть что-то трогательное и милое, что, пробиваясь сквозь черты лица ихъ, сообщаетъ имъ выразительность и прелесть, заставляющія забывать объ отсутствіи положительной красоты.

Вечеръ въ обществѣ добрыхъ, умныхъ людей прошелъ быстро и пріятно. Часть его я провелъ за бостономъ съ генераломъ Полѣновымъ, съ нашимъ профессоромъ Сенковскимъ и съ братомъ попечителя.

Сенковскій весьма замѣчательный человѣкъ. Не много людей, одаренныхъ умомъ, столь мѣткимъ и острымъ. Онъ необыкновенно быстро и вѣрно подмѣчаетъ въ вещахъ ту сторону, съ которой надо судить о нихъ въ примѣненіи къ разнымъ обстоятельствамъ и отношеніямъ. Но характеръ портитъ все, что есть замѣчательнаго въ умѣ его. Послѣдній у него подобенъ острію оружія въ рукахъ дикихъ азіятскихъ племенъ, съ которыми онъ сблизился во время своего путешествія по Азіи. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ совсѣмъ дурной человѣкъ, но, подобно инымъ животнымъ, неукротимымъ по самой природѣ своей, онъ точно рожденъ для того, чтобъ на все и на всѣхъ нападать—и это не съ цѣлью причинить зло, а просто чтобы, такъ сказать, выполнить предназначеніе своего ума, чтобы удовлетворить непреодолимому какому-то влеченію. Естественно, онъ не любимъ, на что самъ, однако смотритъ безъ негодованія, какъ бы увѣренный, что между людьми нѣтъ другихъ отношеній, кромѣ безпрестанной борьбы, и онъ, съ свой стороны, воюетъ съ ними не за добычу, а какъ бы отправляя какую-то обязанность или ремесло. Въ обращеніи онъ жестокъ и грубоватъ, но говоритъ остроумно, хотя и рѣзко. Нельзя сказать, чтобы разговоръ его былъ пріятенъ, но онъ любопытенъ и увлекателенъ.

1828 годъ.

Январь.—7. Давно уже ничего не писалъ я на этихъ страницахъ. Приготовленія къ экзамену отнимали у меня все время. Это уже послѣдній: съ окончаніемъ его окончится періодъ моего студентскаго существованія—и я гражданинъ.

Сегодня нашъ курсъ экзаменовался въ римскомъ правѣ. Мнѣ досталось говорить объ опекѣ. Профессоръ похвалилъ меня, но самъ я недоволенъ своими познаніями въ этомъ предметѣ. Да и трудно было, по правдѣ сказать, много успѣть въ сей обширной и сложной наукѣ, записки по коей выданы намъ профессоромъ всего за полторы недѣли до экзамена. Сами же мы не составляли ихъ, потому что онъ обѣщалъ, съ самаго начала, дать намъ свои.

— 8. У меня чуть было не дошло до ссоры съ Булгаринымъ. По условію, онъ долженъ былъ напечатать въ мою пользу сто экземпляровъ моего сочиненія „О политической экономіи". Это было для меня очень важно, ибо я намѣревался представить оное профессорамъ, какъ диссертацію на степень кандидата. Оно уже нѣсколько дней тому назадъ появилось въ „Сѣверномъ Архивѣ", между тѣмъ для меня не оставлено ни одного экземпляра, и въ типографіи уже разобраны доски.

Я изъявилъ мое сожалѣніе по этому поводу Булгарину. Онъ извинялся забывчивостью и далъ слово, что въ три дня велитъ вновь набрать сочиненіе и напечатать. Я успокоился. Но третьяго дня прихожу въ типографію: тамъ ничего и не слыхали отъ Булгарина. Это меня крайне раздосадовало, ибо уже не далеко время, назначенное для представленія диссертаціи. Я опять кинулся къ Булгарину и Гречу. Теперь сочиненіе мое набираютъ и оно скоро будетъ напечатано.

— 26. Наконецъ, кончились экзамены. Сегодняшній былъ изъ богословія: сошелъ хорошо.

Надняхъ тоже вышло изъ печати мое сочиненіе. Профессора весьма одобряютъ его, а публика приняла какъ нельзя лучше. Изъ этого я вывожу два заключенія: первое, что публика наша, значитъ, еще очень мало свѣдуща въ политической экономіи, второе, что въ ней начинаетъ развиваться вкусъ къ серьезному чтенію.

— 28. Слушалъ лекцію изъ философіи у профессора Галича. Какъ жаль, что сей отличный профессоръ лишенъ своей каѳедры въ университетѣ. У насъ нѣтъ ни одного подобнаго ему, кромѣ развѣ Давыдова въ Москвѣ, у котораго тоже отняли каѳедру. Но я самъ о послѣднемъ не могу судить.

Къ Галичу прежде всего имѣешь довѣріе, ибо видишь, что онъ обладаетъ обширными познаніями. Изложеніе его опредѣленное: онъ выражается ясно и благородно. Его одушевляетъ чистая, высокая любовь къ истинѣ, отъ чего бесѣды его не только полезны, но и увлекательны. Это не цѣховой ученый, а человѣкъ, глубоко преданный наукѣ и жаждущій правды, столько же практической, сколько и теоретической. Я лично къ тому же много обязанъ ему. Зная, что мнѣ не подъ силу заплатить ему за курсъ 300 р., какъ платятъ другіе его слушатели, онъ предложилъ мнѣ посѣщать его лекціи безплатно.

— 29. Говорилъ съ попечителемъ о моей службѣ. Онъ предлагаетъ мнѣ у себя мѣсто секретаря въ 1,200 р. жалованья. Я останусь у него во всякомъ случаѣ на годъ, такъ какъ мнѣ особенно пріятно служить у человѣка, столь просвѣщеннаго и благороднаго, и которому я столько обязанъ. Да и должность секретаря при немъ не обременительна, слѣдовательно не помѣшаетъ мнѣ совершенствоваться въ наукахъ.

— 30. Сегодня былъ у меня Ростовцевъ. Очень пріятная бесѣда. Этотъ человѣкъ не измѣняется ни въ своихъ чувствахъ вообще, ни въ своемъ дружескомъ расположеніи ко мнѣ. Толковали о прошломъ, вспоминали о декабристахъ.

— Но что скажетъ обо мнѣ потомство? замѣтилъ, между прочимъ,— Ростовцевъ,— я боюсь суда его. Пойметъ ли оно и признаетъ-ли тѣ побудительныя причины, которыя руководили мною въ бѣдственные декабрьскіе дни? Не сочтетъ ли оно меня доносчикомъ или трусомъ, который только о себѣ заботился?

— Потомство, возразилъ я, — будетъ судить о васъ не по одному этому поступку, а по характеру всей вашей будущей дѣятельности: ей предстоитъ разъяснить потомству настоящій смыслъ вашихъ чувствъ и дѣйствій въ этомъ горестномъ для всѣхъ событіи.

Онъ со слезами на глазахъ обнялъ меня.

Февраль—2. Славный день! Давно уже предлагалъ я това-

рищамъ, по окончаніи экзаменовъ, устроить дружескій прощальный обѣдъ, для чего каждый изъ насъ долженъ былъ пожертвовать по 20 руб. Я давно уже началъ прикапливать эту сумму. Нѣкоторые, по малодушію, отказались, но вотъ дорогія имена тѣхъ, которые съ восторгомъ отозвались на призывъ дружбы: Горловъ, Михайловъ, Армстронгъ, Дель, Гебгардъ 1-й, Гебгардъ 2-й, Клоповъ, Гедерштернъ, Владиславлевъ, Ивановъ, Лингвистъ, Крупскій, Чевилевъ, Щегловъ и Казакинъ.

Мы собрались въ четыре часа къ Горлову. Первый нашъ тостъ за обѣдомъ былъ, по обыкновенію, посвященъ отечеству и государю. За вторымъ бокаломъ шампанскаго каждый долженъ былъ избрать предметъ по сердцу и пить въ честь его. Крупскій пилъ за дружбу; Ивановъ за успѣхи драматической поэзіи; Гедерштернъ за здоровье друзей; Гебгардъ за любовь и дружбу; Дель за отечество; Армстронгъ за честь и дружбу; Михайловъ за свою возлюбленную; Горловъ за святость дружескаго союза; я — за счастіе и славу друзей.

Въ концѣ обѣда, выпивъ послѣдній бокалъ, всѣ, по общему взаимному побужденію, бросились въ объятія другъ друга. Пять часовъ пролетѣли, какъ мигъ. Какая свобода царствовала въ изліяніяхъ нашихъ чувствъ и мыслей, но какая благородная свобода: въ ней не родилось ни одного чувства, ни одной мысли, ни одного слова, оскорбительнаго для нравовъ, чести и дружбы. Право, отечество могло бы пожелать, чтобы всѣ грядущія поколѣнія его сыновъ были одушевлены такою же правотою сердца и такимъ же благородствомъ стремленій.

Я вернулся домой въ десять часовъ вечера, но сердцемъ и мыслью все еще оставался съ покинутыми друзьями.

— 5. Былъ въ концертѣ. Здѣсь учредилась „Музыкальная академія", преимущественно стараніями господъ Львовыхъ, все семейство которыхъ состоитъ изъ отличнѣйшихъ музыкантовъ. Дѣйствительные, т. е. играющіе или поющіе, члены этой академіи все аматеры, въ томъ числѣ и дѣвицы. Сегодня сія академія, дала свой первый концертъ въ залѣ Кушелева-Безбородко, что въ Почтамтской. Пѣли три дѣвицы изъ знатныхъ фамилій. Прекрасные голоса! Старшій Львовъ привелъ всѣхъ въ восторгъ игрою на скрипкѣ; меньшой тоже превосходно игралъ

на віолончели. Концертъ кончился почти въ десять часовъ, и я вернулся домой въ каретѣ со Штеричемъ и его матерью.

— 9. Непріятное происшествіе! Вчера состоялось въ университетѣ факультетское собраніе, на которомъ должны были рѣшать кого изъ выпускныхъ студентовъ нашего курса произвести въ кандидаты. Сегодня вбѣгаетъ ко мнѣ нашъ Михайловъ въ большомъ разстройствѣ и сообщаетъ, что онъ не удостоенъ званія кандидата. Признаюсь, я тоже этого не ожидалъ: ибо хотя онъ не отличался особенною усидчивостью въ занятіяхъ, однако ничѣмъ не уступаетъ въ познаніяхъ тѣмъ студентамъ, кои получили сію степень въ прошломъ году.

Это несчастіе крайне огорчило моего товарища, тѣмъ болѣе, что онъ былъ увѣренъ въ противномъ. Я самъ боялся за него меньше, чѣмъ напримѣръ за Армстронга. Теперь онъ, именемъ дружбы, заклиналъ меня спасти его ходатайствомъ передъ попечителемъ. Я и безъ его просьбы уже рѣшился на это и на переговоры съ профессорами, ибо бѣда еще не совсѣмъ неотвратима. Совѣтъ не утвердилъ еще опредѣленія факультета, хотя дѣла сего рода непосредственно принадлежатъ послѣднему.

Я тотчасъ одѣлся и пошелъ къ попечителю. Тронутый до глубины сердца положеніемъ моего бѣднаго товарища, я съ жаромъ просилъ Константина Матвѣевича оказать ему помощь. Михайловъ постоянно пользовался любовью товарищей, начальства и общества; что подумаютъ они о немъ, не говоря уже о его родителяхъ, когда узнаютъ, что онъ не съ такою честью оставилъ университетъ, какъ они надѣялись. Да и право же, это незаслуженно!

Представленія мои подѣйствовали. Благородный и добрый начальникъ обѣщался употребить въ его пользу все свое вліяніе. По моему настоянію, Михайловъ, полчаса спустя, и самъ посѣтилъ попечителя: тотъ обласкалъ его и обнадежилъ.

Причина, почему Михайлову отказываютъ въ кандидатствѣ, та, что онъ, какъ говорятъ, не имѣетъ полныхъ четырехъ балловъ въ статистикѣ, хотя во всѣхъ прочихъ предметахъ имѣетъ ихъ.

Вечеромъ былъ у Михайловыхъ. Всѣ они очень огорчены. Мишель въ ихъ глазахъ совершенство, и они не постигаютъ, какъ профессора могутъ смотрѣть на него иначе. Надо признаться,

однако, что Мишель слишкомъ надѣялся на свои способности, и потому занимался довольно поверхностно и на экзаменахъ подчасъ отдѣлывался фразами. Должно полагать, что это и было главною причиною его бѣды, а не 3½, поставленные ему въ статистикѣ. Еще огорчило меня, что, пока я ходатайствовалъ за него у попечителя, онъ уже успѣлъ побывать у всѣхъ профессоровъ факультета и возстановить ихъ противъ себя неумѣстною горячностью.

— Теперь вся наша надежда на васъ, говорили мнѣ отецъ его и мать.—Все зависитъ отъ попечителя, а вы пользуетесь его довѣріемъ.

— Что до меня касается, возразилъ я,—я на все готовъ для товарища, который, къ тому же, и уменъ, и способенъ. Но пусть же онъ, по крайней мѣрѣ, не возстановляетъ еще больше противъ себя профессоровъ. „Мы готовы исполнить желаніе вашего превосходительства“, могутъ они сказать Константину Матвѣевичу, „но позвольте вамъ замѣтить, что это будетъ несправедливо“. Тогда отъ послѣдняго, конечно, нельзя и требовать, чтобы онъ не согласился съ ихъ приговоромъ. Право давать ученыя степени есть священное, неприкосновенное право университета: ни попечитель, ни министръ не могутъ непосредственно мѣшаться въ это.

Я хотѣлъ этими словами доказать Михайлову, какъ неблагоразумно поступилъ онъ, оскорбивъ профессоровъ, и посовѣтовалъ ему завтра опять съѣздить къ нимъ и загладить сегодняшнее неблагопріятное впечатлѣніе, чтобы они, по крайней мѣрѣ, не мѣшали мнѣ дѣйствовать у попечителя.

— 10. Попечитель уже говорилъ въ пользу Михайлова съ ректоромъ университета. Между тѣмъ, и самъ Мишель былъ опять у профессоровъ. Они всѣ укоряютъ его за то, что онъ не занимался такъ, какъ слѣдовало и какъ могъ по своимъ способностямъ. Но теперь они, по крайней мѣрѣ, нѣсколько смягчены учтивостью моего товарища.

Итакъ, сегодня ничего рѣшительнаго по этому дѣлу не послѣдовало. Между тѣмъ, на послѣзавтра назначено собраніе университетскаго совѣта, значитъ, завтра надо пустить въ ходъ всѣ средства: послѣ собранія совѣта уже будетъ поздно.

— 11. Сегодня попечитель говорилъ мнѣ о дѣлѣ Михайлова

уже совсѣмъ другимъ тономъ, чѣмъ сначала. Доброе расположеніе его вдругъ точно исчезло.

— Всѣ профессора, сказалъ онъ мнѣ,—противъ него. Они говорятъ, что онъ на лекціяхъ былъ невнимателенъ, читалъ романы и „Сѣверную Пчелу", вмѣсто того, чтобы слушать, и на экзаменахъ не обнаружилъ твердаго знанія въ наукахъ. Скажи, что же мнѣ дѣлать?

Минута была рѣшительная, и я истощилъ все мое краснорѣчіе, чтобы склонить Константина Матвѣевича къ тому, чтобы онъ поговорилъ за Михайлова съ деканомъ факультета, отъ котораго, главнымъ образомъ, все зависѣло. Попечитель, наконецъ, обѣщался сегодня еще повидаться съ ректоромъ и деканомъ. Слава Богу, еще есть надежда!

— 12. Сейчасъ имѣлъ разговоръ съ попечителемъ, который сильно огорчилъ меня. Онъ утвердился во мнѣніи, которое я ему внушилъ о Михайловѣ, но зато сказалъ:

— Университетъ хочетъ въ нынѣшнемъ году произвести слишкомъ много кандидатовъ, и потому вашъ факультетъ долженъ ограничиться двумя: тобою и Михайловымъ. Прочіе должны довольствоваться степенью студента.

Итакъ, подумалъ я, бѣдные мои Армстронгъ и Дель, на васъ долженъ пасть жребій, по справедливости заслуженный Михайловымъ! Я старался, по возможности, доказать Константину Матвѣевичу, что несправедливо обидѣть въ нынѣшнемъ году тѣхъ, которые въ прошломъ или будущемъ несомнѣнно получили бы отличіе, право на которое признано за ними всѣми профессорами. Онъ молчалъ. Не знаю, убѣдилъ ли я его: въ противномъ случаѣ, буду оплакивать свое рвеніе относительно Михайлова.

Михайловъ объявилъ мнѣ, что деканъ сталъ ласковѣе къ нему, попечитель тоже подалъ надежду, но дѣло пока остается не рѣшеннымъ: собраніе университетскаго совѣта сегодня не могло состояться потому, что почти всѣ члены филолого-историческаго факультета больны. Опять надо ждать недѣлю, а можетъ быть и больше. Это и мнѣ лично неудобно. Я не могу явиться къ князю А. Н. Голицыну, пока не получу оффиціально своей степени кандидата. Да и дѣла мои по службѣ тоже отъ того терпятъ.

— 14. Наконецъ, сегодня состоялось собраніе университета и молебствіе, какъ всегда бываетъ при началѣ новаго курса. Но намъ еще не объявили нашихъ ученыхъ степеней.

Законъ, въ прошедшемъ году изданный, о недопущеніи на службу разночинцевъ, начинаетъ уже оказывать свое дѣйствіе— и на этотъ разъ благодѣтельное. Нынѣшній годъ въ университетѣ было въ трое больше слушателей, чѣмь въ предъидущемъ.

Вечеромъ я слушалъ лекцію у Галича. Отъ него поѣхалъ къ Ростовцеву, а съ нимъ вмѣстѣ къ родственнику его Уварову. Въ домѣ послѣдняго я буду читать тремъ молодымъ людямъ русскую словесность и получать за сіе по 10 рублей за билетъ. Какая разница съ моимъ острогожскимъ учительствомъ: тамъ я получалъ по десяти рублей въ мѣсяцъ за ученика, занимаясь съ нимъ по пяти часовъ въ день.

Я экзаменовалъ моихъ будущихъ учениковъ. Они едва знаютъ русскую грамматику, хотя меньшему изъ нихъ уже пятнадцать лѣтъ. За то они превосходно изучили французскій, нѣмецкій и англійскій языки.

— 15. Сегодня въ университетѣ торжественно объявили всѣмъ кончившимъ курсъ студентамъ ихъ ученыя степени. По нашему факультету слѣдующіе произведены въ кандидаты: изъ казеннокоштныхъ: Крупскій и Чевилевъ; изъ своекоштныхъ: Армстронгъ, Дель, Зенковичъ, Михайловъ и я. Михайловъ съ восторгомъ бросился тутъ же ко мнѣ на шею.

Затѣмъ мы всѣ пошли благодарить нашего почтеннаго, любимаго попечителя. Онъ принялъ насъ ласково и просилъ поддерживать честь университета тамъ, гдѣ будемъ служить.

Итакъ, слава Богу, никто не остался обиженъ!

— 17. Серафима Ивановна очень заботится съ нѣкотораго времени о моихъ удовольствіяхъ. Она не пропускаетъ случая, когда можетъ сдѣлать меня участникомъ концерта или какого-нибудь зрѣлища. Вчера она хотѣла взять меня съ собою, но меня не было дома. Зато сегодня она отдала въ мое распоряженіе два билета въ концертъ дѣвицы Гедике. Я одинъ отвезъ Полѣнову и мы вмѣстѣ отправились въ филармоническую залу. Слушателей было довольно. Между ними встрѣтилъ я Булгарина, который, будучи обязанъ завтра дать публикѣ отчетъ о семъ концертѣ, зорко во все вглядывался въ залѣ: прислуши-

вался къ шепоту посѣтителей, наблюдалъ за ихъ лицами, одеждой; слѣдилъ за каждымъ движеніемъ смычка, за каждымъ прикосновеніемъ пальчиковъ артистки къ фортепіано,—однимъ словомъ, собиралъ матеріалъ для своей „Пчелы", которая на слѣдующій день поднесетъ однимъ медъ, а другимъ горечь.

Онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— Напечатано ваше сочиненіе?

— Давно, отвѣчалъ я,—за что усердно васъ благодарю.

— Впередъ прошу распоряжаться самимъ въ моей типографіи, какъ угодно. Тамъ исполнятъ все, что вы прикажете.

Я поблагодарилъ за сію литературную учтивость, и мы разошлись.

Концертъ былъ хорошъ. Дѣвица Гедике превосходно играла на фортепіано. Но дѣвица Гебгартъ довольно слабо пѣла. Г-нъ Сусманъ съ необыкновеннымъ искусствомъ проигралъ на флейтѣ претрудныя варіаціи, но въ варіаціяхъ этихъ все достоинство ихъ въ трудности. Я искалъ въ нихъ чувства и поэзіи, а нашелъ метафизику, которую надо слушать умомъ, а не сердцемъ. Нынѣ прорывается странный вкусъ въ музыкѣ, особенно среди любителей: отличнымъ артистомъ почитается тотъ, кто умѣетъ быстро и отчетливо передавать массу самыхъ запутанныхъ, многосложныхъ тоновъ. Конечно, это достоинство, но не единственное же въ музыкѣ. Это одинъ механизмъ, одна форма сего божественнаго искусства, которое, само по себѣ, есть не иное что, какъ выраженіе идеальной жизни чувствомъ, такъ какъ поэзія, въ тѣсномъ смыслѣ, есть выраженіе оной чувствомъ и понятіемъ.

— 18. Былъ въ музыкальной академіи на репетиціи. Моцартова „Турецкая увертюра" прекрасна; она и исполнена была превосходно. Дѣвица Ассіеръ пѣла сегодня восхитительно. Евсеевъ, одинъ изъ тенористовъ придворной пѣвческой капеллы, тоже привелъ всѣхъ въ восторгъ. Весь концертъ шелъ какъ нельзя лучше.

— 19. Слушалъ метафизическую лекцію у Галича. Говорено было о происхожденіи вещей. Конечно, и у Шеллинга въ этомъ отношеніи гипотезы, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ онъ изъясняетъ процессы и постепенности сотворенія. Тѣмъ не менѣе, никто изъ предшествующихъ философовъ, можетъ быть, кромѣ одного Пла-

тона не обнялъ такъ хорошо общаго единаго начала жизни и отношеній къ ней всѣхъ конечныхъ вещей.

— 24. Сегодня, въ девятомъ часу утра, имѣлъ я слѣдующій разговоръ съ моимъ благодѣтелемъ, бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія, княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ.

Объявивъ ему, что я кончилъ курсъ въ университетѣ и произведенъ въ кандидаты оного, я началъ благодарить его за доставленіе мнѣ этого счастья.

— Не меня должны вы благодарить, возразиль онъ,—но Бога. При всемъ моемъ желаніи для васъ сдѣлать то, что сдѣлано, я, безъ Его всемогущей помощи, могъ бы встрѣтить непреодолимыя къ тому препятствія.

Потомъ, положивъ мнѣ руку на плечо, онъ продолжалъ:

— Онъ, Святою Своею милостію указалъ мнѣ сродства, какъ перемѣнить ваше состояніе. Служите человѣчеству въ Его духѣ. Будьте распространителемъ между людьми Его святой истины, тогда вы возблагодарите Его достойнымъ образомъ, тогда Онъ взыщетъ васъ новыми благодѣяніями. Никогда не забывайте, что мудрость земная, всѣ человѣческія познанія ничто, если они заимствованы не отъ единаго свѣта истины вѣчной и непреложной. При семъ только свѣтѣ видимъ мы вещи ясно и чисто и можемъ идти безопасно на всякомъ пути жизни и ко всякой цѣли. Но что вы теперь намѣрены дѣлать съ собою?

— Хочу остаться, отвѣчалъ я,—на нѣкоторое время при попечителѣ здѣшняго университета, Бороздинѣ, который предлагаетъ мнѣ при себѣ мѣсто секретаря.

— Хорошо! Однако, желательно было бы, чтобы вы поставили главнымъ предметомъ своимъ просвѣщеніе и чтобы, дѣятельность ваша вся сосредоточилась въ кругу его.

Онъ еще довольно долго говорилъ со мною очень благосклонно и въ такомъ же духѣ, какъ началъ. Въ залюченіе, смотря на меня пристально и съ нѣжною заботливостью, онъ еще сказалъ:

— Очень радъ, что вижу тебя на томъ пути, на которомъ желалъ видѣть! Ты теперь и въ лицѣ перемѣнился, то есть сталъ гораздо лучше и свѣжѣе.

Наконецъ, я ему откланялся и ушелъ отъ него глубоко растроганный.

— 26. Былъ на репетиціи въ „Музыкальной академіи". На меня произвела сильное впечатлѣніе „Фантазія" Бетховена, превосходно разыгранная оркестромъ. Въ ней невинность поетъ про свою жизнь, исполненную высокой простоты и тихаго, чистаго счастья: эти сладостные звуки точно вызываютъ передъ тобой дни золотаго вѣка. Какая нѣжность въ этомъ соло флажіолета подъ аккомпаниментъ фортепіано, или въ семъ адажіо скрипокъ! Сколько милаго и трогательнаго въ хорѣ дишкантовъ, который довершаетъ очарованіе, сливаясь съ звуками мастерски управляемаго оркестра.

Я уѣхалъ домой, не слушая другихъ піесъ: мнѣ хотѣлось въ цѣлости унести впечатлѣніе, полученное отъ божественной „Фантазіи".

Мартъ.—4. Опять на репетиціи въ такъ называемой Нарышкинской музыкальной академіи, которая учредилась почти въ одно время съ Львовскою. Послѣднюю составляютъ отличнѣйшіе, по талантамъ, аматеры столицы, безъ разбора ихъ положенія въ свѣтѣ. Первая состоитъ изъ блестящей знати, или, такъ называемаго, „бонъ-жанра". Въ ней принимаютъ также участіе артисты, тогда какъ въ Львовскую академію они не допускаются даже въ качествѣ слушателей во время концертовъ. Естественно, эти два музыкальныя учрежденія соперничаютъ между собой. Львовская академія беретъ перевѣсъ талантами своихъ членовъ, особенно самихъ господъ Львовыхъ. Не мало блеска сообщаютъ ей также придворные пѣвчіе, которыми управляетъ старикъ Львовъ.

Академія Нарышкинская называется такъ потому, что даетъ свои концерты въ великолѣпной залѣ оберъ-егермейстера Дмитрія Львовича Нарышкина. Ея отличительныя черты: знатность членовъ, блестящее освѣщеніе, многочисленный оркестръ и роскошное угощеніе, которое совсѣмъ отсутствуетъ въ первой академіи.

Но и въ Нарышкинской есть нѣсколько хорошихъ пѣвцевъ, напримѣръ, господинъ Пашковъ, отличный тенористъ, дѣвицы Медянскія и т. д.

Мы отправились на репетицію съ камеръ-юнкеромъ Штеричемъ, заѣхавъ первоначально къ портному, которому я заказалъ себѣ сдѣлать новое платье къ празднику, ибо, по обстоя-

тельствамъ, долженъ теперь щеголять въ кургузомъ фракѣ, цвѣтномъ жилетѣ и бѣломъ галстукѣ съ циммермановскою шляпою въ рукахъ.

Зала академіи поразила меня размѣрами и великолѣпіемъ: вездѣ мраморъ и позолота. Оркестръ уже гремѣлъ, когда мы вошли: играли какую-то увертюру. Впереди другихъ музыкантовъ стоялъ небольшой толстячекъ. Онъ весь трясся, подпрыгивалъ, размахивалъ руками и по временамъ пронзительно вскрикивалъ „піано“. Это извѣстный Кавосъ, дирижирующій въ здѣшней академіи оркестромъ.

Вышли двѣ сестры Медянскія, прекрасныя, какъ ангелы, и ангельскими голосами запѣли арію, которая, какъ тогда „Фантазія“ Бетховена, унесла меня въ свѣтлый, идеальный міръ. Голоса у этихъ прелестныхъ созданій чистые, нѣжные, проникающіе прямо въ душу. Слушая ихъ, я понялъ, какъ Улиссъ могъ забыть все, забыть самого себя, упоенный звуками пѣсенъ сирены.

Насладившись пѣніемъ, мы со Штеричемъ пошли осматривать комнаты Нарышкина. Какое богатство, какая роскошь и сколько во всемъ вкуса и изящества! Зеркала, вазы, картины, бронза, бархатъ и штофъ расположены самыми живописными группами и узорами. По маленькой, обитой роскошными коврами, лѣстницѣ мы сошли въ баню: въ ней пристало купаться граціямъ. У стѣны мягкій, обитый штофомъ диванъ или, вѣрнѣе, широкое ложе, вдоль стѣнъ зеркала.

На обратномъ пути въ залу музыки, мы встрѣтили самого хозяина, который очень вѣжливо намъ отвѣтилъ на нашъ поклонъ. Его сѣдая голова на фонѣ богатыхъ занавѣсей съ розовыми фигурами—вся эта блистательная пышность и видъ старости, которая уже, очевидно, у порога могилы, внезапно омрачили для меня всю картину. Мнѣ невольно пришла въ голову мысль, что все это не больше, какъ пыль, и можетъ быть въ самомъ близкомъ будущемъ...

Между тѣмъ въ залѣ пѣли итальянскую арію. Ее исполнялъ неаполитанскій посланникъ графъ Лудольфъ. И голосъ, и фигура почтеннаго лысаго графа вызвали во мнѣ далеко не поэтическое представленіе о козлѣ.

Затѣмъ было исполнено оркерстромъ и спѣто разными ли-

цами и хоромъ еще нѣсколько піесъ и все кончилось въ пять часовъ,

— 11. Сегодня состоялся у Нарышкина самый концертъ, на репетиціи котораго я надняхъ присутствовалъ. Я пріѣхалъ ровно въ шесть часовъ. Нѣсколько дамъ уже расхаживало по богато убраннымъ комнатамъ. Въ первый изъ нихъ стояли, выстроясь въ два ряда, лакеи и арапы въ блестящихъ ливреяхъ. Мало по малу, комнаты наполнялись знатью Петербурга. Здѣсь были графы, князья, первые чины двора и правительственныя лица, съ супругами и дочерьми. Они разсыпались по комнатамъ и жужжали, какъ рои пчелъ. Надо было осторожно двигаться въ толпѣ, чтобы не толкнуть какую нибудь статсъ-даму или красавицу. Послѣднихъ было не мало—по крайней мѣрѣ, многія казались такими подъ блескомъ огней и своихъ роскошныхъ нарядовъ. И надо отдать справедливость свѣтскимъ дамамъ высшаго круга: ихъ внѣшнее воспитаніе такъ утонченно, что весьма успѣшно скрываетъ недостатокъ въ нихъ внутренняго содержанія. Если онѣ, въ сущности, не больше, чѣмъ куклы, то все-же прелестныя куклы, которыя весьма ловко и непринужденно двигаются и говорятъ по твердо заученнымъ правиламъ искусства. Наряды ихъ вообще пристойны и красивы, за исключеніемъ чепцовъ замужнихъ женщинъ, которые имѣютъ видъ мѣшка, горизонтально растянутаго поверхъ головы.

Я, между прочимъ, видѣлъ здѣсь одну изъ первыхъ красавицъ столицы, графиню Соллогубъ: она, поистинѣ, очаровательна.

Часа полтора уже ходилъ я по комнатамъ, любуясь и наблюдая, а зала концерта все еще не отворялась. Наконецъ, двери ея распахнулись: изъ нихъ хлынули цѣлые потоки свѣта. Концертъ довольно долго продолжался. Я былъ опять до глубины души тронутъ пѣніемъ дѣвицъ Медянскихъ. Ребенокъ лѣтъ тринадцати, Мартыновъ, превосходно игралъ на фортепіано и возбудилъ всеобщее удивленіе.

— 16. Сегодня столицѣ объявлено о заключеніи мира съ персами: шестьдесятъ четыре милліона рублей и провинціи Нахичеванская и Эриванская—вотъ для Россіи плоды окончившейся войны. Милліонъ рублей и титулъ графа Эриванскаго пожалованы генералу Паскевичу. Производившій мирные переговоры

Обрѣзковъ тоже получилъ триста тысячъ рублей, чинъ тайнаго совѣтника и орденъ. Щедрыя награды! Государь, говорятъ, очень обрадованъ симъ событіемъ. Награждая участниковъ въ немъ, онъ хочетъ показать, что милости у него всегда также готовы, какъ и кары.

Итакъ, и безъ того обширныя владѣнія Россіи увеличились еще лоскуткомъ земли. Политики утверждаютъ, что это пріобрѣтеніе полезно потому, что будетъ служить защитою нашимъ границамъ. Мнѣ же кажется, что оно только является новымъ доказательствомъ передъ Европою того, что мы не дадимъ себя въ обиду, но она въ этомъ и безъ того уже перестала сомнѣваться. Не захотимъ же мы, въ самомъ дѣлѣ, отнять у англичанъ Индію. Для этого, во всякомъ случаѣ, недостаточно еще ослабить персовъ. Да и къ тому же еще вопросъ: мы ли восторжествовали бы надъ англичанами превосходствомъ нашихъ физическихъ силъ, или они надъ нами своею политикою и образованіемъ?

— 25. Праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенья. У заутрени и обѣдни былъ вмѣстѣ съ Серафимою Ивановною и пажемъ Россети въ университетской церкви. Весь день, до четырехъ часовъ, проведенъ въ скучныхъ визитахъ. Къ счастью, ночью выпалъ такой снѣгъ, что можно было ѣздить на саняхъ.

Обычай ѣздить въ большіе праздники съ поздравленіями очень древній и существуетъ у всѣхъ образованныхъ народовъ. Сначала это, безъ сомнѣнія, принадлежало къ числу религіозныхъ обрядовъ, а послѣ, съ утонченіемъ общежитія, обратилось въ житейскую формулу. Формула сія есть одна изъ тѣхъ фальшивыхъ монетъ въ свѣтѣ, фальшивость которой одинаково извѣстна и дающему, и принимающему. Сколько глупостей, которымъ слѣдуютъ и тогда, когда смѣются надъ ними!

Апрѣль.—8. Каждый почти день изъ Петербурга отправляется часть гвардіи въ Турцію. Государь со всѣми генералами и дипломатическимъ корпусомъ провожаетъ солдатъ до заставы.

Итакъ, роковой часъ ударилъ для Турціи. Спросите въ Петербургѣ всѣхъ, начиная отъ поденщика до перваго государственнаго человѣка, что думаютъ они о предстоящей войнѣ?

— А то, отвѣтятъ они вамъ,—что Турція погибла! Столь увѣрены нынѣ русскіе въ своемъ могуществѣ.

Турція, можетъ быть, и не погибнетъ, судя по политикѣ Англіи и т. д. Но то неоспоримо, кажется, что въ войнѣ съ Россіей она не найдетъ для себя ничего, кромѣ пораженій и стыда. Довѣріе къ твердости государя очень сильно въ народѣ.

Говорятъ, императоръ объявилъ Европѣ, что въ предстоящей войнѣ не будетъ искать завоеваній, но что накажетъ Турцію за оскорбленіе, которое та нанесла ему и Россіи въ своемъ первомъ гати-шерифѣ. Англія замѣтно безпокоится. Разсказываютъ, что она присылала нашему двору запросъ: какое употребленіе сдѣлаетъ Россія изъ побѣдъ своихъ въ Турціи? На это ей ничего не отвѣчали. И что отвѣчать? Она не вѣритъ тому, чтобы Николай дѣйствовалъ безкорыстно; она не понимаетъ, что ему нужна слава, а не владѣнія,—а въ нашъ вѣкъ еще только одинъ родъ славы удивляетъ—это слава великодушія. Англія боится за Индію. Но если Россія въ самомъ дѣлѣ имѣетъ виды на послѣднюю, то, во всякомъ случаѣ, будетъ дѣйствовать безъ шума и постепенно. Ну, тогда и ставьте ей преграды.

— 15. Былъ въ итальянской оперѣ. Играли „Сороку-воровку“. Мадамъ Шоберлехнеръ пѣла прелестно. Вся піеса, вообще, шла очень хорошо, особенно послѣдняя сцена втораго акта. Я былъ въ ложѣ г-жи Штеричъ. Съ нами вмѣстѣ сидѣла г-жа Лореръ, пожилая, умная и очень пріятная дама. Театръ былъ полонъ. Спектакль кончился въ 12 часовъ. Прелестное пѣніе Шоберлехнеръ и другихъ заставило жалѣть, что онъ пришелъ къ концу.

— 26. Государь уѣхалъ въ армію. Если война начнется, то это для того,чтобы усилить могущество Россіи и озарить славою царствованіе Николая. Но какой порядокъ вещей будетъ плодомъ сего? Будетъ борьба, борьба кровавая, за первое мѣсто въ ряду царствъ вселенной—борьба между новымъ Римомъ и новымъ Карѳагеномъ, т. е. между Россіей и Англіей. На чью сторону склонятся вѣсы судьбы? Англія могущественна, Россія могущественна и юна.

Май.—1. Обѣдалъ и вечеръ провелъ вмѣстѣ съ моимъ генераломъ [1]) у его сестеръ. Домъ ихъ почти у самыхъ Тріумфальныхъ воротъ, такъ что, не выходя изъ него, можно было видѣть изъ окошекъ всѣхъ шедшихъ и ѣхавшихъ на гулянье въ Ека-

[1]) Бороздинымъ. *Ред.*

терингофъ. Съ трехъ часовъ уже начали пробираться туда ремесленники, сидѣльцы и прочее. Улица постепенно наполнялась и, наконецъ, въ половинѣ шестаго часа потянулись непрерывною цѣпью и экипажи. На тротуарахъ народъ кипѣлъ, какъ волны. Я не видалъ, однако, признаковъ большаго удовольствія: на всѣхъ лицахъ лежала какая-то холодная задумчивость. Красавицы, въ своихъ розовыхъ и желтыхъ шляпкахъ, сидѣли въ экипажахъ вытянувшись чинно, точно на смотру. Я стоялъ у окна и передавалъ свои наблюденія милой моей собесѣдницѣ, дѣвицѣ Бороздиной.

— 9. Сегодня я перемѣнилъ квартиру. Давно уже собирался я это сдѣлать, но г-жа Штеричъ все уговаривала меня повременить. Теперь же обстоятельства заставляютъ ее отдать въ наймы почти весь свой домъ, и я этимъ воспользовался, чтобы, наконецъ, исполнить свое давнишнее желаніе. Я нанялъ двѣ небольшія, чистыя и свѣтлыя комнатки за 18 рублей въ мѣсяцъ. Это не дорого. Такая цѣна возможна только въ отдаленной части города, какъ Семеновскій полкъ, куда я уже и переселился. Прощаніе съ госпожею Штеричъ и ея сыномъ было трогательное и сопровождалось взаимными увѣреніями въ дружбѣ. Весь домъ ласково меня проводилъ.

Іюнь.—2. Сегодня, по обыкновенію, пошелъ утромъ къ своему генералу и сидѣлъ въ особой комнатѣ, дожидаясь, пока отъ него уѣдутъ чиновники съ докладами. Вдругъ мнѣ объявляютъ, что сдѣланъ доносъ на Галича. Его обвиняютъ въ томъ, что у него на дому бываютъ не дозволенныя философскія собранія. Изъ посѣтителей никто не поименованъ, кромѣ меня. Очевидно, хотятъ погубить этого благороднаго, чистаго и кроткаго мудреца, учителя добродѣтели, а вмѣстѣ съ нимъ и меня.

Человѣкъ, сдѣлавшій сей доносъ, погубивъ Галича, конечно, получитъ имя патріота и благонамѣреннаго, а погубивъ меня, удовлетворитъ своей личной ненависти. За что?

Что до меня касается, онъ немного ошибся въ разсчетѣ: я не дѣлалъ тайны изъ моихъ посѣщеній лекцій Галича. О нихъ знаютъ мой начальникъ Бороздинъ и Блудовъ: первый, потому что я считаю себя обязаннымъ платить довѣріемъ за его довѣріе ко мнѣ, а второй, по своимъ связямъ съ первымъ. Но Галичу, вѣроятно, запретятъ чтеніе частныхъ лекцій. Я лично

много отъ этого потеряю, ибо много уже обязанъ ему и его наставленіямъ, но лучшая часть ихъ еще оставалась впереди.

— 3 Сегодня моя квартирная хозяйка объявила мнѣ о побѣдѣ, одержанной нами надъ турками. Первую вѣсть о семъ она услышала изъ устъ сидѣльца въ мелочной лавкѣ, который съ восторгомъ ей о томъ объявилъ. Съ восторгомъ же подтвердили ей это и на рынкѣ, гдѣ всѣ торговцы восклицали: „слава Богу!“

— 4. Новости, разсказываемыя на рынкѣ, столь достовѣрны, какъ и тѣ, о которыхъ толкуютъ въ гостиныхъ. Наши войска не побѣду одержали, а только перешли черезъ Дунай.

— 9. Вчера вечеромъ генералъ мой мнѣ объявилъ, что мы сегодня ѣдемъ съ нимъ въ Кронштадтъ для осмотра тамошнихъ училищъ. Онъ немедленно отправилъ меня въ канцелярію генералъ-губернатора за билетомъ, который обыкновенно въ такихъ случаяхъ выдается. Я отдалъ отношеніе дежурному, но билета не получилъ потому, говорилъ онъ, что у нихъ всѣ бланки вышли. Сегодня въ семь часовъ утра поѣхалъ я къ правителю канцеляріи, г-ну Позняку. Тотъ учтиво отвѣчалъ мнѣ, что сію минуту поѣдетъ въ канцелярію самъ и прикажетъ удовлетворить меня. Наконецъ, я дѣйствительно получилъ билетъ, и мы отправились на Бертовъ заводъ. Но оказалось уже поздно: мы просрочили пятью минутами, т. е. пріѣхали на пристань въ началѣ десятаго часа. Судно едва отчалило отъ берега, но пока мы хлопотали у Берта, чтобы его остановили, пароходъ, испуская клубами густой и черный дымъ, уже, какъ стрѣла, мчался по гладкой поверхности Невскаго устья. Пришлось вернуться домой. Мы порѣшили ѣхать сегодня же въ 5 часовъ вечера. Паровое судно только дважды въ день отходитъ въ Кронштадтъ: поутру, въ 9 часовъ, и въ пять вечеромъ.

На этотъ разъ мы пріѣхали во время. Съ судна подали сигналъ; пассажиры толпою хлынули на палубу, и, минуту спустя, мы уже были на серединѣ рѣки.

Изобрѣтеніе парохода одно изъ чудесъ нашего вѣка. Стоя на палубѣ, спокойно сидя въ каютѣ, вы съ невѣроятною быстротой, почти незамѣтно, переноситесь вдаль: такъ ровенъ ходъ судна, до такой степени двигающая его сила подавляетъ колебаніе волнъ. Одинъ только шумъ колеса, которое быстро вращается

подъ дѣйствіемъ пара и, какъ плугъ, взрываетъ водную равнину, нарушаетъ тишину, среди которой судно, безъ всякихъ внѣшнихъ пособій, одною внутреннею силой совершаетъ путь свой.

Я остался на палубѣ, желая насладиться видомъ моря. Петербургъ убѣгалъ отъ нашихъ глазъ:

„Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ".

Еще только шпицы Петропавловской башни сверкали во мглѣ прозрачнаго тумана, да бѣлѣли нѣкоторыя зданія. Правый берегъ залива, суровый и дикій, еще синею полосою извивался вдали и, наконецъ, исчезъ. Лѣвый берегъ, усѣянный дачами и деревеньками, представляетъ оживленную картину. Передо мной промелькнули: Сергіевскій монастырь, Стрѣльна, Петергофъ и Ораніенбаумъ. Берегъ этотъ, сначала пологій, постепенно возвышается, тянется цѣпью холмовъ, увѣнчанныхъ лѣсомъ, и, въ заключеніе, точно утопаетъ въ безднѣ водъ. Прямо противъ глазъ разстилалась безпредѣльная пелена моря. Въ первый разъ еще созерцалъ я эту величественную красоту мрачной и грозной стихіи и,

„Какъ очарованный, у мачты я стоялъ:"

Вѣтеръ порывисто дулъ, вздымая довольно крупныя волны. Онѣ ударяли въ нашъ пароходъ и, разбиваемыя колесомъ его, убѣгали прочь, пѣнясь и дробясь въ брызгахъ. Я сошелъ въ каюту и долго смотрѣлъ на борьбу волнъ: онѣ одна другую преслѣдовали, одолѣвали, бѣжали въ гору и тяжело, съ плескомъ, точно съ воплемъ, обрушивались въ пучину. Мимо насъ, то и дѣло, проносились другія суда на всѣхъ парусахъ. Въ восемь часовъ мы приблизились къ Кронштадту и поплыли вдоль гавани, на стѣнахъ которой длинною цѣпью выстроены пушки. Гавань отъ множества корабельныхъ мачтъ имѣетъ видъ лѣса, обожженнаго молніей. Корабли стояли очень тѣсно.

Мы сошли на берегъ у самой гауптвахты и вдоль крѣпостной стѣны пошли въ городъ. Намъ отвели двѣ довольно приличныя комнатки въ Итальянскомъ трактирѣ. Но мы не захотѣли въ нихъ оставаться и пошли передъ сномъ еще посмотрѣть городъ. Онъ довольно великъ, но хорошихъ строеній въ немъ мало. Лучшія изъ нихъ всѣ казенныя зданія.

На другой день поутру мы съ генераломъ приступили къ

осмотру училища. Оно здѣсь настоящая развалина. Учителя его бѣдствуютъ, какъ, впрочемъ, и вездѣ въ Россіи.

Въ 9 часовъ мы пошли къ обѣднѣ. Пѣвчіе пѣли плохо, но еще больше наскучила намъ длинная и безсодержательная проповѣдь, произнесенная священникомъ послѣ литургіи.

Затѣмъ мы съ архитекторомъ Щедринымъ пошли смотрѣть вновь строящіяся укрѣпленія, которыми обводится западная часть Кронштадта. Они должны быть непреодолимы: съ одной стороны—огромныя глыбы гранита, покрытыя тесаннымъ камнемъ; съ другой стороны—казематы составляютъ первую наружную стѣну. Другая, такая же, будетъ позади казематовъ. Мы говорили съ нѣкоторыми старыми моряками объ укрѣпленіяхъ Кронштадта вообще: они утверждаютъ, что всякая эскадра, которая вздумала бы прорваться къ Петербургу черезъ маленькій проходъ между Кронштадтомъ и Кроншлотомъ, должна неминуемо обратиться въ щепы.

Генералъ нашъ обѣдалъ у генералъ-губернатора Рожнова, а мы въ трактирѣ. За однимъ столомъ съ нами сидѣлъ доминиканскій монахъ и еще человѣка три иностранца. Въ четыре часа мы уже опять были въ гавани, сѣли на яликъ и поплыли мимо массы кораблей къ нашему пароходу. Обратное плаваніе совершили также благополучно и пріятно.

Кронштадтъ весьма не богатый городокъ. Жители торгуютъ лѣсомъ, хлѣбомъ, печенымъ и въ мукѣ. Но торговля ихъ ограничивается собственнымъ портомъ. Капиталовъ купеческихъ считается 132.

— 25. Сегодня попечителемъ Демидовскаго училища въ Ярославлѣ, Безобразовымъ, было предложено мнѣ мѣсто профессора исторіи въ семъ заведеніи. Съ этимъ мѣстомъ сопряженъ чинъ коллежскаго ассесора, 2,000 рублей жалованья, казенная квартира—однимъ словомъ жизнь мирная, обезпеченная и независимая. Я попросилъ времени для размышленія.

— 28. Я отказался отъ предлагаемаго мнѣ въ Ярославлѣ мѣста. Тамъ ожидало меня спокойствіе и обезпеченность; здѣсь бури, превратности, но болѣе обширное поле дѣятельности. Я избираю послѣднее. Многіе изъ моихъ знакомыхъ осуждаютъ меня за сей отказъ. Но вотъ что мнѣ сказалъ мой милый Константинъ Матвѣевичъ Бороздинъ, когда я совѣтовался съ нимъ

объ этомъ:—если ты хочешь обыкновенной доли и спокойствія, то поѣзжай. Если же ты хочешь больше дѣла и пользы, но въ тоже время и больше труда и заботъ, то оставайся здѣсь. Первое умнѣе, второе благороднѣе.

— 7. Вчера утонулъ, купаясь, одинъ изъ лучшихъ моихъ товарищей по университету, Клоповъ, выпущенный вмѣстѣ со мною кандидатомъ. Это былъ юноша двадцати двухъ лѣтъ, прекрасный, нѣжный, съ жаждою къ наукамъ, единственный сынъ у родителей, страстно любившихъ его. Сегодня я бросилъ горсть земли на его гробъ.

„Минутны странники, мы ходимъ по гробамъ,
Всѣ дни утратами считаемъ;
На крыльяхъ радости летимъ къ своимъ друзьямъ,
И что-жъ? Ихъ гробы обнимаемъ!“...

Августъ.—23. Кончены мои примѣчанія къ цензурному уставу. Сіе постановленіе произвело своего рода судорожное потрясеніе. Уже возникли жалобы на слишкомъ большую свободу мыслей, которая будто бы онымъ допускается. Тѣ изъ гасителей свѣта, кои потоньше другихъ, скрываютъ свои замыслы противъ его духа и нападаютъ на неопредѣленность иныхъ изъ подробностей. Имъ хотѣлось побудить правительство къ новому пересмотру устава и къ пополненію его, то есть, къ постановленію ограниченій тамъ, гдѣ оно, руководясь политической мудростью, съ намѣреніемъ ничего не сказало.

Съ цѣлью устранить вліяніе сихъ людей, попечитель поручилъ мнѣ составить защиту сего постановленія въ главныхъ его положеніяхъ и разсмотрѣть, какія нужны дополненія по распорядительной его части: ибо, въ самомъ дѣлѣ, въ семъ отношеніи требуются нѣкоторыя поясненія.

Послѣ трехнедѣльныхъ занятій я кончилъ это трудное дѣло. На сихъ дняхъ оно должно быть представлено министру. Признаюсь, я съ удовольствіемъ думаю объ этомъ трудѣ: это моя первая работа въ законодательномъ смыслѣ и направлена къ тому, что мнѣ всего дороже—къ распространенію просвѣщенія и къ огражденію правъ русскихъ гражданъ на самостоятельную духовную жизнь. Нѣкоторые изъ людей свѣдущихъ и друзей просвѣщенія, прочитавъ мои разъясненія и дополненія, пожелали со мной познакомиться и въ лестныхъ выраженіяхъ изъя-

вляли мнѣ свое удовольствіе. Профессоръ К. И. Арсеньевъ очень доволенъ моимъ трудомъ; Галичъ тоже, баронъ Розенкампфъ, предсѣдатель бывшей комиссіи составленія законовъ, тоже призывалъ меня къ себѣ и изъявилъ свое полное одобреніе.

Сентябрь.—4. Всѣ эти дни занимался съ попечителемъ разсмотромъ примѣчаній моихъ къ цензурному уставу. По совѣту компетентныхъ и заинтересованныхъ въ успѣхѣ этого дѣла лицъ пришлось кое-что смягчить, а статью относительно сатирическихъ сочиненій на пороки духовенства надо было значительно передѣлать. Теперь все кончено, и сегодня будетъ отправлено къ министру.

Многое въ этомъ уставѣ и примѣчаніяхъ къ нему не понравится кое-кому. Его одушевляетъ желаніе отечеству благоденствія съ помощью просвѣщенія, развитіе котораго невозможно безъ благоразумной свободы мыслей.

Послѣднія слова моихъ „примѣчаній“ были написаны сегодня ночью. Луна свѣтила въ незавѣшенное окошко моей комнаты и озаряла мирнымъ свѣтомъ мой письменный столикъ съ бумагами, въ которыя я вложилъ часть моей души. Чистое, свѣтло-голубое небо сверкало звѣздами. Вокругъ постепенно водворялась тишина; еще только изрѣдка раздавались стукъ ѣдущаго мимо экипажа, лай собаки, звонъ часоваго колокола, бьющаго четверти. За перегородкой, отдѣляющей мой крохотный кабинетикъ отъ хозяйской квартиры, разговариваютъ шепотомъ, чтобы не помѣшать моимъ занятіямъ. И на душѣ у меня ясно, спокойно... Если вѣрить предзнаменованіямъ, усилія наши намѣтить въ русскомъ обществѣ тропу къ свѣту должны увѣнчаться успѣхомъ!..

— 29. Сегодня съ горестью услышалъ, что моему любезному Ростовцеву оторвало ядромъ руку [1]). Вообще носятся непріятные слухи. Говорятъ, что подъ Варною весь лейбъ-егерскій полкъ изрубленъ: спаслось только десять или двѣнадцать человѣкъ. Въ столицѣ уныніе. Боятся не за славу отечества, которая отъ этихъ частныхъ неудачъ еще не можетъ омрачиться, но каждый трепещетъ за жизнь близкихъ ему. Негодуютъ на Дибича, приписывая ему послѣднія неудачи.

[1]) Это впослѣдствіи оказалось невѣрнымъ. *Ред.*

Октябрь—5. Слышалъ слѣдующій анекдотъ. Государь, разсуждая съ фельдмаршаломъ Витгенштейномъ объ осадѣ Шумлы, спросилъ у него:

— Можно-ли взять сію крѣпость, которая считается неприступною?

— Да, ваше величество, только это можетъ стоить намъ пятидесяти тысячъ храбрыхъ солдатъ.

— Такъ я лучше буду стоять подъ ней, доколѣ она не сдастся сама, хотя бы мнѣ это стоило пятидесяти лѣтъ жизни! воскликнулъ императоръ.

— 15. Сегодня содержатель извѣстнаго въ Петербургѣ пансіона г-нъ Курнандъ предложилъ мнѣ читать у него права. Плата 1,600 рублей въ годъ, что вмѣстѣ съ казеннымъ моимъ жалованьемъ дастъ мнѣ въ годъ до 2,600 рублей. Положено начать курсъ съ 1-го ноября.

Декабрь.—1. Наконецъ, сегодня только читалъ я первую лекцію въ пансіонѣ Курнанда.

Разсказывали мнѣ, между прочимъ, вчера еще новую черту характера государя. Нѣкто Беклешовъ, служа въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ подъ начальствомъ Николая Павловича, тогда еще великаго князя, навлекъ на себя его неудовольствіе, вслѣдствіе чего долженъ былъ подать въ отставку. Нынѣ онъ обратился къ императору съ письмомъ, въ которомъ просилъ опять принять его на службу. Государь милостиво отнесся къ письму и приказалъ передать Беклешову черезъ Бенкендорфа:

— Я забываю то, чѣмъ мнѣ досаждаютъ другіе. Скажите Беклешову, чтобы онъ просилъ у меня должности, какую самъ считаетъ для себя приличною.

— 2. На дняхъ я видѣлся съ Ростовцевымъ, въ первый разъ послѣ кампаніи. Онъ много любопытнаго разсказывалъ о ней и читалъ мнѣ письмо изъ Константинополя отъ брата своего Александра, который взятъ турками въ плѣнъ при несчастномъ пораженіи гвардейскаго егерскаго полка. Александръ Ростовцевъ пишетъ, что турки чрезвычайно хорошо обращаются съ плѣнными русскими; описываетъ подробное сраженіе, въ которомъ взятъ въ плѣнъ. Яковъ Ивановичъ показывалъ письмо государю, который, прочитавъ его, сказалъ:

— Благодарю тебя, что ты показалъ мнѣ это письмо. Изъ

него вижу я, что егерскій полкъ не посрамилъ себя въ семъ несчастномъ дѣлѣ. Я былъ другихъ мыслей, но теперь вижу истину и чрезвычайно радъ, что сія истина въ пользу храбрыхъ воиновъ, которые вполнѣ исполнили свой долгъ.

Я очень пріятно провелъ вечеръ съ Ростовцевымъ: онъ не перемѣнился: сердце его цѣло, какъ и обѣ руки.

1829 годъ.

Январь.—1. 12 часовъ ночи. Новый годъ встрѣчаю я съ перомъ въ рукѣ: приготовляю юридическія лекціи. Но нынѣшній вечеръ дѣло это особенно затруднено. Квартира моя граничитъ съ обиталищемъ какой-то старухи, похожей на колдунью романовъ Вальтеръ-Скотта. Тамъ до сихъ поръ не умолкаютъ буйныя пѣсни вакханокъ, которыя сдѣлали, кажется, порядочное возліяніе въ честь наступающаго года. Удивительно, какъ наши женщины низшаго сословія преданы пьянству. Весь домъ, въ которомъ я квартирую, не исключая и моей хозяйки, наполненъ сими грубыми твореніями, которыя не упускаютъ случая предаться самому безшабашному разгулу. Ссоры и формальныя побоища обыкновенно заключаютъ ихъ бесѣды, и одна угроза квартальнаго заставить ихъ мести улицы усмиряетъ этихъ жалкихъ дѣтей невѣжества.

Но вотъ новый годъ встрѣчаю я разсужденіями о предметахъ, весьма не изящныхъ. Впрочемъ, природу человѣческую надо наблюдать во всѣхъ ея видахъ и, къ несчастью, пороки людей представляютъ обильную жатву истинъ, конечно, горькихъ, но необходимыхъ для точнаго познанія человѣка.

Какія событія ознаменуютъ наступающій годъ? Въ прошедшемъ году у насъ на Руси произошло довольно новаго. Твердая дѣятельность Николая произвела много перемѣнъ во внутреннемъ управленіи.

Довольно упомянуть о цензурномъ уставѣ, который есть самый вѣрный отпечатокъ духа и намѣреній нашего царя. Онъ рѣшаетъ или, по крайней мѣрѣ, старается рѣшить въ немъ вопросъ, который, съ коварнымъ двумысліемъ, предлагали фанатики и

поборники старыхъ предразсудковъ: полезно-ли Россіи просвѣщеніе? и рѣшаетъ это въ смыслѣ положительномъ: конечно, это въ теоріи, а какъ будетъ на практикѣ—увидимъ.

Мое личное положеніе слѣдующее: я служу секретаремъ при попечителѣ С.-Петербургскаго учебнаго округа, Константинѣ Матвѣевичѣ Бороздинѣ. Я не знаю человѣка съ болѣе благороднымъ сердцемъ. Онъ въ полномъ смыслѣ слова то, что мы называемъ человѣкомъ просвѣщеннымъ. Онъ не учился систематически, но читалъ много и, что чудо между нашими дворянами и администраторами, размышлялъ еще болѣе. Онъ имѣетъ обширныя познанія въ русской исторіи, которую изучалъ, какъ патріотъ, и вмѣстѣ, какъ философъ. Умъ его возвышенъ. Поэтическая фантазія нерѣдко уноситъ его изъ области нашей мертвой и горестной дѣйствительности въ чистую, свѣтлую область идей, и хотя онъ не любитъ нѣмецкой философіи, но это только на словахъ, ибо, самъ того не замѣчая, почти во всемъ слѣдуетъ ея могучему генію. Онъ ждетъ для Россіи лучшаго порядка вещей и, любя ее превыше всего, превыше самого себя, со смиреніемъ несетъ тягости общественныя. Въ этомъ отношеніи я его называю не иначе, какъ праведнымъ гражданиномъ. Но сей человѣкъ, столь образованный и благородный, не одаренъ той силою воли, которая приспособляетъ обстоятельства и вещи къ своимъ идеямъ. Одушевленный высокими чувствами, онъ, кажется, готовъ идти противу превратностей, въ которыя всѣ мы вовлекаемся странною игрою жизни.

Но, устрашенный пучиною страстей, въ которыхъ вращаются люди, онъ отступаетъ назадъ, не по малодушію, а по недостатку силы и присутствія духа.

Я пользуюсь его довѣріемъ и любовью и съ избыткомъ плачу ему тѣмъ же.

Февраль.—13. Профессоръ Бутырскій открылъ въ залѣ высшаго училища публичный курсъ „словесности вообще и россійской въ особенности“.

Я получилъ отъ него билетъ. Въ залу едва-ли набралось человѣкъ шестьдесятъ, и въ томъ числѣ, невѣдомо какъ попавшія туда. двѣ дамы. Да эти немногочисленные слушатели едва-ли не попали сюда по ошибкѣ, думая, что ихъ приглашаютъ посмотрѣть на разныя заморскія штуки и диковинки, ибо дай только

нашей публикѣ замѣтить, что ты хочешь говорить съ ней о чемъ нибудь полезномъ и серьезномъ, то увидишь предъ собой одно пустое пространство.

Профессоръ выказалъ въ сей лекціи обыкновенные свои качества и недостатки. Онъ говорилъ съ привлекательнымъ краснорѣчіемъ, разсуждалъ въ томъ философскомъ духѣ, цѣнилъ произведеніе словесности съ тѣмъ тонкимъ и вѣрнымъ вкусомъ, которые снискали ему репутацію перваго изъ современныхъ въ Россіи профессоровъ словесности. Но онъ, какъ и всегда, мало держался систематическаго порядка, бросался въ эпизоды и не всегда былъ точенъ въ выборѣ выраженій своихъ мыслей.

— 18. Я прочиталъ Шекспирова „Гамлета“ въ очень хорошемъ переводѣ Врончeнки, который, сказать мимоходомъ, не будучи поэтомъ самостоятельнымъ, какъ переводчикъ, одушевленъ жаромъ и силою истиннаго поэта. Шекспиръ поразилъ меня глубиною и величіемъ своего генія. Онъ, такъ сказатъ, сжимаетъ въ своихъ могучихъ объятіяхъ природу и исторгаетъ у ней такія тайны, которыя, говоря его словами:

„И не снились нашимъ мудрецамъ“,

Какъ глубоко проникъ онъ въ сердце человѣческое! Какъ хорошо знаетъ онъ философію жизни, т. е. философію страстей и бѣдствій человѣческихъ! Могучій и великій духомъ, какъ просто и спокойно созидаетъ онъ эти образы, изъ коихъ каждый съ своимъ характеромъ, съ своими страстями и мыслями можетъ назваться представителемъ человѣчества.

Мартъ.—21. Философско-юридическій факультетъ здѣшняго университета предложилъ мнѣ занять каѳедру естественнаго частнаго и публичнаго правъ, которая, по болѣзни профессора Лодія, остается праздною. Я согласился съ удовольствіемъ. Это прекрасное средство къ собственному моему усовершенствованію, особенно въ дикціи. Весь факультетъ единогласно былъ за меня. По его мнѣнію, я, владѣя даромъ слова и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу, могъ бы принести университету большую пользу моими лекціями. Не доставало только утвержденія университетскаго совѣта. Тамъ ректоръ, который ко мнѣ недоброжелательно относится, возсталъ противъ моего назначенія, и я былъ отвергнутъ. Вотъ его причины: „съ нѣкоторыхъ поръ мы безпрестанно получаемъ выговоры отъ министра и отъ попечи-

теля. Никитенко пользуется довѣріемъ послѣдняго, слѣдовательно онъ въ этомъ виноватъ, слѣдовательно онъ не имѣетъ философскаго духа, слѣдовательно не долженъ преподавать естественное право въ университетѣ". Сильно и убѣдительно! Признаюсь, мнѣ крайне хотѣлось воспользоваться неожиданнымъ предложеніемъ факультета и потому неудача меня опечалила.

1830 годъ.

Январь.—3. Университетъ предложилъ мнѣ, на нынѣшній годъ, каѳедру политической экономіи, которую буду занимать въ качествѣ помощника ординарнаго профессора Бутырскаго, а вчерашній день я началъ преподавать въ пансіонѣ Курнанда, сверхъ правъ и статистики, русскую словесность по два часа въ недѣлю.

— 15. Я получилъ первый томъ „Исторіи русскаго народа", соч. Н. А. Полеваго.

Еще до появленія въ свѣтъ этой книги, она уже была осуждаема и превозносима. Такъ называемые патріоты, почитатели добраго Карамзина, не понимаютъ, какъ можно осмѣлиться писать исторію послѣ Карамзина. Партія эта состоитъ изъ двухъ элементовъ. Одни изъ нихъ царедворцы, вовсе не мыслящіе или мыслящіе по заказу властей; другіе, у которыхъ есть охота судить и рядить, да не достаетъ толку и образованія, въ простотѣ сердца вѣруютъ, что Карамзинъ, дѣйствительно, написалъ „Исторію русскаго народа", а не исторію русскихъ князей и царей. Конечно, есть также люди благомыслящіе и образованные, судъ которыхъ основывается на размышленіи и доказательствахъ. Но ихъ немного. Эти послѣдніе знаютъ, чѣмъ отечество обязано Карамзину, но знаютъ также, что его твореніе не удовлетворяетъ требованіямъ идеи исторіи столько, сколько удовлетворяетъ требованіямъ вкуса.

Какъ бы то ни было, а Полевой написалъ исторію Россіи. Онъ посвятилъ ее Нибуру и тѣмъ самымъ какъ бы отказался отъ перстня. И это тоже ему ставятъ въ уголовную вину. Написалъ онъ также предисловіе къ своей исторіи—и послѣднее плохо.

Въ немъ кучею накиданы всѣ новыя французскія и нѣмецкія мысли объ исторіи, но безъ логической связи и ясности. Впрочемъ, не время еще изрекать судъ о его сочиненіи: надо прежде видѣть его вполнѣ оконченнымъ. Очевидно, однако, что онъ смотритъ и на исторію, и на Россію съ высшей точки зрѣнія. Онъ философскимъ духомъ слѣдитъ за событіями и старается примѣтить, какъ образовали они судьбу народа. Это заслуга важная.

Я думаю даже, что недостатки его творенія, сколько бы ихъ ни было, будутъ искуплены сею заслугою предъ нелицепріятнымъ судомъ потомства.

— 30. Воейковъ, въ первомъ номерѣ „Славянина", напечаталъ стихи: „Цензоръ", въ которыхъ досталось какому-то Г... ханжѣ и невѣждѣ. Мы получили повелѣніе спросить у цензора, разсматривавшаго эти стихи, какъ онъ осмѣлился пропустить ихъ, а у Воейкова—кто именно просилъ его напечатать оные? Я цѣлый день почти отыскивалъ Воейкова, чтобы отобрать отъ него показанія, но не нашелъ его. Цензурный уставъ предписываетъ не преслѣдовать писателей: хорошо было бы не только въ теоріи, но и на практикѣ держаться этого благого правила.

Въ заключеніе Воейковъ отвѣчалъ, какъ и слѣдовало ожидать, что онъ не помнитъ, кто доставилъ ему для напечатанія вышеупомянутые стихи. Цензоръ Сербиновичъ, что онъ не могъ знать, что стихи эти содержатъ въ себѣ личность, тѣмъ болѣе, что это переводъ съ французскаго.

— 31. Воейковъ посаженъ на гауптвахту. Въ одно время съ нимъ посаженъ Гречъ и Булгаринъ, будто-бы за неумѣренныя и пристрастныя литературныя рецензіи. Въ Москвѣ цензоръ, Глинка, также заключенъ на двѣ недѣли. Бѣдное сословіе писателей!

У насъ жалуются на недостатокъ хорошихъ писателей. Есть люди съ дарованіями, но имъ не достаетъ развитія. Послѣдняго и вообще немного у насъ. Отчего? Причины очевидны.

Мы можемъ быть настолько развиты и просвѣщенны, насколько то позволяютъ условія нашей жизни.

Февраль.—5. Въ городѣ очень многіе радуются тому, что Воейкова, Булгарина и Греча посадили на гауптвахту. Ихъ беззастѣнчивый эгоизмъ всѣмъ надоѣлъ.

Такъ, но при этомъ никто не думаетъ о пораженіи одного изъ лучшихъ параграфовъ нашего бѣднаго цензурнаго устава.

— 6. Сегодня я присутствовалъ на выпускномъ экзаменѣ въ Смольномъ монастырѣ и никогда не забуду впечатлѣнія, оттуда вынесеннаго. Какое очаровательное пѣніе этихъ милыхъ созданій, одѣтыхъ въ бѣлыя платья—прощальное пѣніе, послѣдняя дань тихой обители, гдѣ они провели первые дни юности.

Я такъ былъ увлеченъ величіемъ этого зрѣлища, что не хотѣлъ ни на что смотрѣть глазами критика. Ни тѣснота, ни давка, ни духота на меня не дѣйствовали. Я даже не особенно старался протискаться побольше впередъ, довольствовался тѣмъ, что мнѣ удавалось видѣть сквозь промежутки дамскихъ шляпокъ, тянувшихся передъ нами длинной стѣной. Я весь былъ поглощенъ пѣніемъ.

Послѣ экзамена и прощальнаго пѣнія волны публики хлынули въ залу, гдѣ выставлены работы воспитанницъ. Есть отличныя произведенія калиграфіи, рисунки, шитье и проч.

Здѣсь стройными рядами проходили мимо посѣтителей всѣ воспитанницы, и въ томъ числѣ выпускныя. Какъ видѣнія поэтической фантазіи, они мелькали передо мной въ своихъ бѣлыхъ платьяхъ съ лиловымъ кушакомъ.

Выходя изъ института, я претерпѣлъ жестокую давку. Съ часъ отыскивалъ человѣка, которому отдана была моя шинель. Долго не забуду я всего, что видѣлъ сегодня въ Смольномъ монастырѣ.

— 14. Обычный годовой праздникъ нашего выпуска изъ университета. Всѣ товарищи собрались къ ресторатёру Андріё. Мой любезный Полѣновъ распоряжался на сей разъ пиршествомъ. Шампанскаго не жалѣли. Первый тостъ, по обычаю, былъ посвященъ Государю и отечеству. Три тоста были питы за мое здоровье. Полѣновъ всѣхъ усердно угощалъ; Гебгартъ искрился не меньше шампанскаго, Сорокинъ написалъ милые стихи, которые были читаны при громкихъ рукоплесканіяхъ товарищей.

— 18. Сегодня читалъ первую лекцію русской словесности дѣвицѣ Екатеринѣ Васильевнѣ Зиновьевой. Ей лѣтъ семнадцать. Это блѣдное, эфирное, голубоокое маленькое существо.

— 24. Читалъ первую лекцію политической экономіи въ

университетѣ. Слушателей было много. Присутствовали также два профессора философско-юридическаго факультета, Шнейдеръ и Бутырскій, и попечитель. Говорятъ, я съ честью вышелъ изъ этого перваго испытанія. Но я самъ недоволенъ. Я чувствовалъ смятеніе говорить передъ большимъ собраніемъ точь въ точь, какъ и въ прошломъ году, когда я на публичномъ университетскомъ актѣ говорилъ краткое, похвальное слово покойному профессору Лодію [1]).

Іюль.—2. Вчера былъ на великолѣпномъ Петергофскомъ праздникѣ. Поутру, въ семь часовъ, заѣхалъ ко мнѣ Д. В. Полѣновъ, и мы на дрожкахъ отправились съ нимъ въ Петергофъ. Вдоль всей дороги уже тянулись непрерывною цѣпью экипажи— отъ Петербурга до самаго Петергофа. Разнообразіе этихъ экипажей, лицъ, пестрота одеждъ представляли занимательную картину. Въ Петергофѣ мы съ трудомъ отыскали домъ училища, гдѣ намъ отведена была квартира, и квартира прекрасная, какой многіе могли намъ позавидовать въ этотъ день.

Кажется, весь Петербургъ нахлынулъ въ Петергофъ и запрудилъ его маленькія улицы. Окрестныя поля были усѣяны экипажами и палатками.

Вслѣдъ за нами пріѣхали дѣвицы Полѣновы, сестры моего товарища, и мы вмѣстѣ отправились въ садъ. Нельзя сказать, чтобы тамъ было большое оживленіе. Пестрая толпа чинно, почти угрюмо, бродила по дорожкамъ; нигдѣ веселья, а вездѣ только одно любопытство. Гуляющіе казались не живыми лицами, а тѣнями, мелькающими въ волшебномъ фонарѣ. Нѣсколько больше движенія замѣчалось у палатокъ, надъ входомъ въ кои виднѣлись надписи: „Лондонъ", „Парижъ", „Лиссабонъ" и проч. Но и тутъ извѣстныя особы въ голубыхъ мундирахъ спѣшили приводить въ надлежащія формы каждое свободное движеніе.

Къ вечеру забрызгалъ дождикъ и прогналъ насъ въ нашу квартиру. Въ праздникѣ, между тѣмъ, оставалось главное: иллюминація. Мы уже отчаявались видѣть ее, ибо дождь не переставалъ.

Наконецъ, къ девяти часамъ онъ утихъ, и мы поспѣшили въ

---

[1]) Оно напечатано, кажется, въ іюньскихъ листкахъ „Сѣверной Пчелы" за 1829 годъ. *Ред.*

садъ. Иллюминація была великолѣпна—для меня, впрочемъ, не новое зрѣлище, ибо я видѣлъ подобное же въ Петергофѣ въ 1825 году. Зрѣлище это, дѣйствительно, поражаетъ. Моя дама, недавно выпущенная смолянка, горѣла въ восторгахъ, зажженныхъ въ ея сердцѣ этими великолѣпными огнями. Подъ конецъ она мнѣ уже даже надоѣла восклицаніями на всевозможныхъ языкахъ: „какъ это божественно, прелестно, очаровательно, мило!" и т. д. Такъ продолжалось до полуночи. Въ первомъ часу мы пустились въ обратный путь, но только въ три часа выѣхали изъ заставы петергофской: такъ было трудно прорваться сквозь хаосъ экипажей. Между тѣмъ облака болѣе и болѣе сгущались: скоро сплотились въ тяжелую тучу и, наконецъ, хлынулъ проливной дождь, который сопровождалъ насъ до самаго Петербурга. Жалко было смотрѣть на бѣдныхъ пѣшеходовъ. Усталые, промокшіе до костей, покрытые грязью, возвращались они къ себѣ—и все это для удовольствія сказать: и мы тоже были на Петергофскомъ праздникѣ. Немало также встрѣтили мы по дорогѣ переломанныхъ экипажей. До дому мы добрались только въ восемь часовъ утра.

Сентябрь.—5. Ужасная болѣзнь, холера-морбусъ, въ прошедшемъ мѣсяцѣ свирѣпствовала въ Астрахани, оттуда двинулась въ Саратовъ, Тамбовъ, Пензу и нынѣ посѣтила Вологду, какъ доноситъ о томъ мѣстное начальство министру внутреннихъ дѣлъ. Въ столицѣ сильно безпокоятся. Болѣзнь сія, въ самомъ дѣлѣ, всего опаснѣе въ большомъ городѣ: здѣсь настоящая ея жатва, а можетъ быть и колыбель. Притомъ климатъ петербургскій и безъ того, особенно осенью, порождаетъ много болѣзней.

Между тѣмъ, какъ на сѣверѣ Европы растетъ и развивается чудовище, готовое поглотить массу человѣческихъ жертвъ, на западѣ и югѣ свирѣпствуютъ болѣзни политическія. Франціи удалось оттолкнуть отъ себя руку, готовившуюся сковать ее цѣпями. Въ три дня въ ней остались однѣ развалины отъ безумнаго деспотизма, который стремился въ ней водворить Карлъ X. Примѣръ Франціи пробудилъ отъ сна южную часть Нидерландовъ. Въ Брюсселѣ происходили кровавыя схватки. Въ Испаніи также умы волнуются. Въ Португаліи начинаютъ скучать жестокостями донъ-Мигуэля.

Что у насъ говорятъ о сихъ событіяхъ? У насъ боятся думать вслухъ, но, очевидно, про себя, думаютъ много.

— 9. Никита Ивановичъ Бутырскій, ординарный профессоръ политической экономіи и экстраординарный россійской словесности. Изъ духовнаго званія; воспитывался въ бывшемъ педагогическомъ институтѣ и, въ числѣ другихъ студентовъ, былъ отправленъ для усовершенствованія за границу. У него тонкій, быстрый умъ, вѣрное эстетическое чувство и даръ слова. Его предметъ собственно эстетика и словесность; политическая экономія досталась ему по одной изъ тѣхъ прихотей судьбы, которыя насильственно навязываютъ людямъ извѣстныя роли. У него нѣтъ ни той глубины ума, ни того постоянства въ мышленіи, которыя необходимы для того, чтобы овладѣть истинами, столь перепутанными различными житейскими отношеніями, столь шаткими среди борьбы общественныхъ стихій.

Въ преподаваніи словесности онъ держится середины между строгимъ классицизмомъ и новыми требованіями вѣка, или, лучше сказать, онъ держится системы здраваго разсудка, который знаетъ, что формы въ изящныхъ искусствахъ не значатъ ничего, если онѣ не оживотворены духомъ, но знаетъ и то, что духу потребны формы, и формы строгія. Бутырскій очень пріятно излагаетъ свой предметъ; онъ говоритъ не сильно, но плѣнительно: его краснорѣчіе проникнуто чувствомъ и потому нравится, хотя и не можетъ вполнѣ служить образцомъ. Его счастливая наружность, пріятная манера, голосъ гибкій и звучный всегда готовы помочь ему тамъ, гдѣ измѣняютъ ему чувство или воображеніе. Въ немъ, однако, одинъ недостатокъ, который сильно вредитъ полнотѣ его лекцій: это частое повтореніе однихъ и тѣхъ же фразъ, оборотовъ, примѣненій и проч. Но это не отъ недостатка воображенія или слишкомъ однообразнаго хода его ума, а отъ другого недостатка, которымъ одержимъ сей любезный профессоръ—недостатка, не столь обиднаго для самолюбія, но не менѣе вреднаго, а именно лѣнью. Часто приходитъ онъ на лекціи, вовсе не приготовивъ плана, о чемъ намѣренъ читать и, по необходимости, ищетъ убѣжища въ повтореніяхъ или говоритъ милыя бездѣлицы, довольно пріятныя, чтобы не наскучить, но слишкомъ безсодержательныя, чтобы учить.

Въ основѣ нравственнаго характера Бутырскаго много доб-

роты и благородства, но мало твердости, и потому въ немъ быстро совершаются переходы отъ радости къ скорби, отъ ласки къ гнѣву. Самое ничтожное подозрѣніе, какой нибудь пароксизмъ житейскаго горя способны превратить его дружбу въ ненависть...

— 25. Холера уже въ Москвѣ. Это извѣстно оффиціально. Говорятъ, что она уже и въ Твери. Мы сегодня получили отъ министра предписаніе доносить ему ежедневно о больныхъ воспитанникахъ въ учебныхъ заведеніяхъ, съ означеніемъ, кто чѣмъ боленъ. Отъ полиціи предписано то же самое всѣмъ жителямъ столицы.

Итакъ, мы не на шутку готовимся принять сію ужасную гостью. Въ церквахъ молятся о спасеніи земли русской; простой народъ, однако, охотнѣе посѣщаетъ кабаки, чѣмъ храмы Господни; онъ одинъ не унываетъ, тогда какъ въ высшихъ слояхъ общества царствуетъ скорбь. По московской дорогѣ, въ Ижорѣ, учрежденъ родъ карантина, ибо вчера пріѣхавшій туда курьеръ умеръ, говорятъ, отъ холеры. Всѣ спрыскиваются хлоромъ, запасаются дегтемъ и уксусомъ. Вездѣ движеніе; жизнь, почуявъ врага, напрягается и готовится на борьбу съ нимъ. Но что, дѣйствительно, можемъ мы противупоставить холерѣ? Бодрость духа, покорность необходимости...

— 29. Троицкій, изъ казенныхъ студентовъ, окончившій курсъ въ нынѣшнемъ году, молодой человѣкъ съ отличными дарованіями. Попечитель хотѣлъ оставить его въ Петербургѣ, чтобы онъ могъ больше усовершенствоваться. Но министръ рѣшилъ иначе: онъ посылаетъ его учителемъ въ Могилевъ. Троицкій въ отчаяніи. Все было истощено въ его пользу. Но начальство не понимаетъ, что въ Петербургѣ рѣдкость хорошіе преподаватели русской словесности, и что такими людьми надо дорожить. У бѣднаго молодаго человѣка еще другое горе: онъ обрученъ съ милою, образованною, молодою дѣвушкою, которую страстно любитъ, и теперь долженъ съ нею разстаться. Мы вмѣстѣ совѣтовались, придумывали разныя мѣры, но что значатъ наши слабыя силы противъ власти начальника, не согрѣтаго ни чувствомъ патріотизма, ни чувствомъ человѣколюбія?

— 31. Вотъ стихи, напечатанные въ послѣднемъ нумерѣ „Литературной Газеты“:

France, dis moi leurs noms? Je n'en vois point paraître,
Sur ce funèbre monument.
Ils ont vaincu si promptement,
Que tu fus libre avant de les connaître [1]).

По поводу сихъ стиховъ мы сегодня получили отъ Бенкендорфа бумагу съ строгимъ требованіемъ увѣдомить его: какъ цензоръ осмѣлился пропустить сіи стихи, и кто далъ ихъ издателю для напечатанія? Отвѣты заготовлены ужъ. Подобныя происшествія часто случаются въ нашей цензурѣ.

Декабрь.—2. Меня приглашаютъ занять мѣсто преподавателя русской словесности въ высшемъ или, такъ называемомъ, бѣломъ классѣ, въ Екатерининскомъ институтѣ. Инспекторъ заведенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Германъ, присылалъ за мной, и я вчера вечеромъ былъ у него. Онъ изъ числа тѣхъ профессоровъ, которые были Магницкимъ и Руничемъ изгнаны изъ университета. Этотъ человѣкъ уменъ и ученъ. Говоритъ по русски худо, но охотно. Онъ долго меня продержалъ, былъ привѣтливъ и порѣшилъ опредѣлить меня въ институтъ.

— 3. Сегодня поутру я былъ въ институтѣ. Помощникъ инспектора Тимаевъ представилъ меня начальницѣ, г-жѣ Кремпиной. Мнѣ объяснили планъ преподаванія, которому я долженъ слѣдовать. Дѣвицамъ остается годъ до выпуска. Онѣ почти ничего не знаютъ изъ словесности, и въ этотъ годъ надо сдѣлать то, на что, обыкновенно, полагается три года. Жалованье невелико: 1050 р. за девять часовъ преподаванія въ недѣлю. Впрочемъ, мѣсто это считается почетнымъ и представляетъ обширное поле для учебной практики. Сверхъ того, пріятно бесѣдовать съ милыми, цвѣтущими существами; пріятно вселить хоть одну изъ своихъ идей въ сердцѣ матерей будущаго поколѣнія и, содѣйствуя ихъ образованію, содѣйствовать успѣхамъ русскаго общества.

— 10. Сегодня читалъ первую лекцію въ первомъ отдѣленіи, ибо и верхній классъ, по успѣхамъ дѣвицъ, раздѣленъ на три отдѣленія, изъ коихъ первое есть высшее. Меня ввела въ классъ

[1]) Франція, скажи мнѣ ихъ имена? Я ихъ не вижу на этомъ памятникѣ. Они такъ скоро побѣдили, что ты была свободна прежде, чѣмъ успѣла ихъ узнать. *Ред.*

начальница г-жа Кремпина. Всѣ дѣвицы уже на возрастѣ. По близорукости, я не могъ видѣть сидящихъ на заднихъ скамьяхъ, но изъ тѣхъ, которыя впереди, многія прелестны. На всѣхъ отпечатокъ тихой непорочности, еще не омраченной страстями свѣта.

Я нѣкоторыхъ экзаменовалъ. Онѣ немного успѣли въ два года. Я началъ мою лекцію изложеніемъ плана, коему намѣренъ слѣдовать въ преподаваніи, потомъ приступилъ ко введенію, или общему обозрѣнію словесныхъ наукъ и изящнаго, какъ основанія оныхъ. Начальница пробыла въ классѣ до конца лекціи и, въ заключеніе, выразила свое полное удовольствіе. Итакъ, начало сдѣлано, кажется, успѣшно.

— 30. Подарокъ русскимъ писателямъ къ новому году: въ цензурѣ получено повелѣніе, чтобы ни одно сочиненіе не допускалось къ печати безъ подписи авторскаго имени.

Истекшій годъ, вообще, принесъ мало утѣшительнаго для просвѣщенія въ Россіи. Надъ нимъ тяготѣлъ унылый духъ притѣсненія. Многія сочиненія въ прозѣ и стихахъ запрещались по самымъ ничтожнымъ причинамъ, можно сказать, даже безъ всякихъ причинъ, подъ вліяніемъ овладѣвшей цензорами паники... Цензурный уставъ совсѣмъ ниспроверженъ. Намъ пришлось удостовѣриться въ горькой истинѣ, что на землѣ русской нѣтъ и тѣни законности. Умы болѣе и болѣе развращаются, видя, какъ нарушаются законы тѣми самыми, которые ихъ составляютъ; какъ быстро одни законы смѣняются другими и т. д. Въ образованной части общества все сильнѣе возникаетъ духъ противодѣйствія, который тѣмъ хуже, чѣмъ онъ сокровеннѣе: это червь, подтачивающій дерево. Якобинецъ порадуется этому, но человѣкъ мудрый пожалѣетъ о политическихъ ошибкахъ, конецъ коихъ предвидѣть не трудно.

Внутреннія условія нашей жизни, промышленность, правосудіе и проч. тоже не улучшились за этотъ годъ... Да сохранитъ Господь Россію!

Конецъ лѣтописи за 1830 годъ.

1831 годъ.

Январь.—1. Новый годъ встрѣтилъ у Деля. Собраніе было большое и всѣ, кажется, веселились. Старинный обычай являться въ маскахъ еще держится. Многіе и сюда въ нихъ явились. Дамъ было мало красивыхъ. Инспектриса Екатерининскаго института, г-жа Штатникова, пышна, величава, но уже зрѣлыхъ лѣтъ. Моей поэзіей, на нынѣшній вечеръ, была сама хозяйка, Анна Петровна Дель. Она нехороша собой и не первой молодости: ей лѣтъ подъ тридцать. Но эта женщина меня очаровываетъ своимъ нѣжнымъ женскимъ умомъ, своею сердечною любезностью и невыразимо милымъ простодушіемъ. Все это сообщаетъ ея лицу такое выраженіе, что ее предпочтешъ всякой красавицѣ.

Поутру въ новый годъ я былъ осажденъ поздравителями. Никогда еще не бывало у меня такой толпы разнородныхъ лицъ— знакъ, вѣроятно, что и меня начинаютъ считать за человѣка. Самъ я былъ съ визитами у институтскаго начальства, у князя Голицына. Вечеръ провелъ у Троицкаго, который сегодня праздновалъ обрученіе свое съ невѣстою.

— 6. Былъ на балу у генерала Германа, инспектора классовъ въ Екатерининскомъ институтѣ и Смольномъ монастырѣ. Всѣ наши бальныя собранія одинаковы. Разница только въ убранствѣ комнатъ, да въ большей или меньшей роскоши угощеній. Три рода людей обыкновенно присутствуютъ на балахъ: танцующіе, бостонисты и зрители, въ свою очередь, раздѣляющіеся на зрителей игры и танцевъ. Къ послѣднимъ принадлежатъ устарѣвшія дамы—матушки героинь французскаго кадриля и котильона, или мужчины, приглашаемые для счета. Меня танцы всегда плѣняютъ. Я люблю наблюдать за игрою физіономій танцующихъ паръ.

Женщины особенно доставляютъ для того благодарный матеріалъ; что же касается мужскихъ лицъ, они очень рѣдко бываютъ выразительны. На этомъ балѣ я нашелъ не больше трехъ, четырехъ; къ нимъ, безспорно, принадлежитъ физіономія пріятеля моего Ивана Карловича Гебгардта. На лицѣ его удивительно отчетливо напечатлѣны двѣ отличительныя черты его характера: легкая, граціозно-лукавая тонкость ума и благородство.

Лицо его кипитъ игрою жизни цвѣтущей, прекрасной. Оно свѣтло, открыто, благородно. Но бойтесь встрѣтиться съ его улыбкою: тонкая, аттическая иронія явится въ ней, какъ шипъ возлѣ розы.

Праздники миновали; въ канцеляріи масса работы. Правду сказать, я одинъ работаю. Помощникъ мой худо мнѣ помогаетъ. Начальникъ мой, частью по довѣрію ко мнѣ, а частью по неохотѣ заниматься вещами, которыя въ сущности ни чьему благу не содѣйствуютъ, оставляетъ все на мое попеченіе. Между тѣмъ, меня каждый день осаждаетъ толпа просителей, изъ которыхъ есть люди, вполнѣ достойные помощи. Но при нашихъ порядкахъ весьма немногимъ удается помочь.

— 7. Сегодня опять начались мои лекціи въ институтѣ. Мои милыя слушательницы встрѣтили меня радостно.

Между ними нѣкоторыя, особенно въ первомъ отдѣленіи, съ большими дарованіями. Есть и красивыя лица. На всѣхъ институткахъ своя особенная печать. Лица ихъ выразительны не такъ, какъ у дѣвушекъ, воспитанныхъ дома, т. е. въ гостиныхъ.

— 16. Сегодня экзаменовали моихъ студентовъ изъ политической экономіи. Они отвѣчали, кажется, плохо, впрочемъ, не хуже, чѣмъ слушатели профессора Бутырскаго. Легко можетъ случиться, что мнѣ не дадутъ адъюнктства.

Баронъ Дельвигъ умеръ послѣ четырехдневной болѣзни. Новое доказательство ничтожества человѣческаго. Ему было 33 года. Онъ былъ, кажется, крѣпкаго, цвѣтущаго здоровья. Я не такъ давно съ нимъ познакомился и былъ имъ очарованъ. О немъ всѣ сожалѣютъ, какъ о человѣкѣ благородномъ.

— 18. Вечеръ провелъ у Полѣнова, гдѣ дѣвица Княжнина доставила всѣмъ живое эстестическое удовольствіе своими прелестными танцами. Какое благородство, какая грація, непринужденность во всѣхъ ея движеніяхъ! Всѣ другія барышни угасли передъ ней, какъ звѣзды передъ солнцемъ.

— 19. Сегодня профессоръ Бутырскій изъявилъ мнѣ свое удовольствіе за экзаменъ моихъ студентовъ въ политической экономіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщилъ мнѣ, что я уже внесенъ въ списокъ преподавателей университета на нынѣшній годъ. Профессоръ Шнейдеръ тоже хорошо отозвался о моемъ экзаменѣ. Значитъ, надежда на адъюнктство не совсѣмъ еще исчезла.

— 20. Сегодня былъ маленькій экзаменъ моимъ ученицамъ въ институтѣ. Начальница показывала заведеніе инспектору одесскаго института, который хочетъ запастись здѣсь образцами для подражанія.

Дѣвицъ спрашивалъ изъ словесности самъ инспекторъ Германъ. Дѣвицы отвѣчали очень хорошо, особенно Быстроглазова, Воейкова и графиня Соллогубъ.

Вызывая дѣвицъ, я, по незнанію еще ихъ способностей, вызвалъ нѣкоторыхъ изъ слабыхъ. Начальница замѣтила мнѣ это и посовѣтовала затвердить въ памяти лучшихъ, чтобы, при случаѣ, показывать ихъ чужимъ людямъ.

— 21. Былъ въ театрѣ и видѣлъ новую пьесу: „Кровавая рука“, трагедія Кальдерона, переводъ Каратыгина. Пьеса эта по идеѣ своей ниже обычной кальдероновской высоты: она заключена въ предѣлахъ одной человѣческой страсти, раскрытой, однако, со всею геніальностью великаго писателя. Изступленія ревности, вотъ основа всей трагедіи. Наша публика довольно холодно приняла пьесу, не смотря на превосходную игру Каратыгина. Оно естественно: мы не умѣемъ любить, слѣдовательно, и ревновать. Намъ непонятна ярость испанца, честь и сердце котораго одновременно оскорблены. Увы, понятіе о чести для насъ слишкомъ рыцарское.

— 24. Вечеръ провелъ у Михайловыхъ. Генералъ замучилъ меня своими ультра-мистическими взглядами. Онъ вѣритъ духамъ, пророчествамъ, наитіямъ, видѣніямъ и всѣмъ нелѣпостямъ, какія воспламененная, религіозная фантазія хотѣла въ послѣднее время превратить у насъ въ предметы народнаго вѣрованія. Чудные люди эти мистики! Они во всемъ находятъ причины утверждаться въ своемъ заблужденіи. Если вы имъ говорите о законахъ природы, явно противорѣчащихъ ихъ положеніямъ, они приписываютъ эти противорѣчія случаю. Источникъ ихъ заблужденія въ односторонности: они слишкомъ легко поддаются чувству, избѣгаютъ разума.

Михаилъ Кузьмичъ Михайловъ человѣкъ умный, а между тѣмъ разсказываетъ, какъ о святыхъ дѣлахъ, о нелѣпыхъ поступкахъ и пророчествахъ какого-то Архипа Сидоровича, вѣроятно, архи-плута, который достаетъ себѣ насущный хлѣбъ тѣмъ, что морочитъ добрыхъ, но легковѣрныхъ людей.

— 28. Публика въ ранней кончинѣ барона Дельвига обвиняетъ Бенкендорфа, который, за помѣщеніе въ „Литературной Газетѣ“ четверостишія Казиміра Делавиня, назвалъ Дельвига въ глаза почти якобинцемъ и далъ ему почувствовать, что правительство слѣдитъ за нимъ.

За симъ и „Литературную Газету“ запрещено было ему издавать. Это поразило человѣка благороднаго и чувствительнаго и ускорило развитіе болѣзни, которая, можетъ быть, давно въ немъ зрѣла.

Февраль.—6. Обыкновенное наше годичное празднество. На сей разъ дурно было выбрано для него мѣсто — гостиница въ домѣ Балабина. Обѣдъ оказался изъ рукъ вонъ плохъ, хотя стоилъ дорого. Вина были хороши, потому что мы ихъ сами покупали. Но если вещественная сторона нашего торжества была неблистательна, зато нравственная сіяла радостнымъ свѣтомъ. Взаимное довѣріе одушевляло всѣхъ. Жаръ чести, свойственный юности, еще не угасъ въ нашихъ сердцахъ. Никто изъ членовъ нашего братства еще не очиновничился. Первый тостъ я предложилъ за успѣхи русскаго образованія. Въ слѣдующую пятницу будетъ у меня такъ называемое отданіе праздника.

Изъ ближайшихъ моихъ пріятелей Полѣновъ—человѣкъ съ здравымъ умомъ и добрымъ сердцемъ. Онъ способенъ къ дѣламъ благороднымъ, но надо, чтобы онъ былъ одушевленъ постороннимъ убѣжденіемъ. Онъ твердо пойдетъ по пути, который для него проложатъ, и къ цѣли, которую ему укажутъ, хотя бы успѣхъ стоилъ тяжкихъ пожертвованій.

Армстронгъ. Онъ толстъ, но такъ легокъ, что, какъ пухъ, гонимый вѣтромъ, то и дѣло мѣняетъ направленіе своихъ мыслей.

Врядъ ли онъ когда-нибудь выработаетъ въ себѣ характеръ и должно быть кончитъ тѣмъ, что будетъ хорошимъ начальникомъ отдѣленія и рабомъ своей жены. Онъ сложенъ немного неповоротливо и физически, и нравственно. Онъ смотритъ въ глаза другихъ, чтобы угадать мысль, которая освободила бы его отъ необходимости самому до чего либо домыслиться. Но у него истинно прекрасное сердце. Онъ не способенъ ни на какое добровольное зло, а если будетъ для кого-нибудь вреденъ, то не иначе, какъ подобно ядру, непроизвольно стрѣляющему изъ пушки.

Михайловъ. Эпиграфомъ къ его біографіи могутъ служить слѣдующіе стихи:

Какъ вѣтеръ, мысль его свободна,
Зато, какъ вѣтеръ, и безплодна.

Я бы скорѣе покусился повѣсить фунтовую гирю на паутинѣ, нежели ввѣрить ему надежды мои. Однако-жъ, въ немъ благородныя чувства и въ минуту энтузіазма онъ можетъ насказать много мужественнаго и рѣшительнаго. Но онъ легче дыма улетитъ отъ васъ, когда одумается. Онъ и опять прилетитъ къ вамъ, съ убѣжденіемъ человѣка мыслящаго, для того, чтобы убѣдиться, что надо снова оставить васъ. Онъ пріятенъ, какъ легкая, милая игра фантазіи. Это мечта, сновидѣніе благороднаго, но столь легкое, что оно разлетается, лишь только вы захотите его обнять. Онъ кончитъ тѣмъ, что будетъ камергеромъ или камеръ-юнкеромъ. Чего же больше?

Лингвистъ. Въ головѣ его романическія затѣи о величіи. Герой его—Наполеонъ. Онъ способенъ къ возвышеннымъ идеямъ и даже соображеніямъ. Жаль только, что онъ не понимаетъ самъ себя. Отъ всѣхъ великихъ мужей Плутарха онъ отрываетъ по лоскутку ихъ характера, взглядовъ и убѣжденій и изъ всего этого представляетъ смѣсь, въ которой недостаетъ только одного—самого Лингвиста. Однако, о немъ не такъ легко предвидѣть, какъ о другихъ, чѣмъ онъ кончитъ: онъ принадлежитъ судьбѣ; другіе—обстоятельствамъ и отношеніямъ свѣта.

— 9. Наконецъ, послѣ блистательнаго начала въ институтѣ, я начинаю испытывать непріятности на этомъ новомъ поприщѣ. Таковъ ходъ вещей на свѣтѣ. Вчера былъ я у Германа и тотчасъ замѣтилъ, что обращеніе его со мной перемѣнилось: онъ сдѣлался какъ-то суше и принужденнѣе. За ужиномъ, впрочемъ, онъ, какъ и всегда, посадилъ меня около себя, но это оказалось не безъ умысла. Онъ прочелъ мнѣ длинное наставленіе о томъ, что лекціи мои въ институтѣ должны быть, сколь возможно, кратче; что, читая ихъ, я не долженъ слишкомъ вдаваться въ теоретическія изслѣдованія и блистать высотою или новизною идей; что съ дѣвицами надо, сколь возможно, избѣгать учености и т. д. Что-же? Достопочтенный господинъ Германъ можетъ быть и правъ, но въ словахъ его противорѣчіе. И онъ, и помощникъ его, Тимаевъ, сначала требовали, чтобы въ первомъ отдѣленіи я не стѣснялся,

распространялся, какъ хочу. Первая лекція, прочитанная мною въ этомъ духѣ, была одобрена и имъ, и Тимаевымъ. Изъ этого заключаю, что мнѣ не лишнее подумать объ отставкѣ.

Еще другая непріятность. Я былъ вчера у Бутырскаго. Нынѣшній годъ я, кажется, не буду представленъ къ адъюнктству.

— Надобно, сказалъ онъ,—чтобы прежде были успѣхи по вашему предмету.

Въ итогѣ: я не удовлетворилъ ни политико-экономовъ, ни словесниковъ.

— 11. Я объяснялся сегодня съ инспектрисою Штатниковой. Она объявила мнѣ, что не только въ институтѣ всѣ довольны мною, но что самъ г-нъ Виламовъ, который три раза былъ на моихъ лекціяхъ, поздравлялъ институтъ съ пріобрѣтеніемъ меня.

— Васъ понимаютъ, продолжала она,—вы заботитесь не объ одномъ томъ, чтобы дѣвицы умѣли проболтать на экзаменѣ нѣсколько выученныхъ наизустъ правилъ риторики и піитики. Но вы хотите направить ихъ вкусъ, ввести въ духъ литературы. Это-то и не нравится нашимъ здѣшнимъ ученымъ. Вы, какъ и господинъ Плетневъ, какъ и законоучитель нашъ, слѣдовавшіе одной методѣ съ вами, будете не разъ подвергаться непріятностямъ. Но, ради Бога, не смотрите на это: идите своей стезей; васъ понимаютъ совершенно. Вы возбудили энтузіазмъ вашихъ ученицъ и съ этимъ и экзаменъ вамъ не страшенъ.

Слова сіи заставили меня пока умолчать о намѣреніи моемъ насчетъ отставки. Однако, съ Тимаевымъ я долженъ объясниться.

Г-жа Штатникова совѣтовала мнѣ познакомиться съ Плетневымъ. Онъ былъ нѣсколько лѣтъ въ институтѣ и можетъ сообщить мнѣ нужныя свѣдѣнія о механизмѣ здѣшнихъ дѣлъ.

Германа, очевидно, не любитъ женская партія и состоитъ съ нимъ въ болѣе или менѣе открытой враждѣ. Невольно и я очутился въ средѣ всѣхъ этихъ сплетенъ. Надѣюсь благоразумнымъ выполненіемъ своего долга поставить себя выше этихъ мелочей. Если же нѣтъ, у меня всегда наготовѣ отставка.

— 15. Былъ поутру у Плетнева. Его обращеніе просто. Въ чувствахъ и рѣчахъ больше мягкости, чѣмъ силы. Онъ поразсказалъ мнѣ объ институтскихъ порядкахъ такую правду, что хуже всякой лжи. Свѣдѣнія, которыя онъ мнѣ доставилъ, ничего, однако, не измѣнили въ системѣ моихъ дѣйствій. Одно только

считаю я теперь лишнимъ—это ѣхать съ кѣмъ бы то ни было объясняться.

Говорили мы съ нимъ также и о литературѣ нашей, т. е. оплакивали ея ничтожество. Онъ просилъ меня поддерживать своими статьями „Литературную Газету“, въ которой видитъ наслѣдіе благороднаго барона Дельвига. Мы разстались, кажется, друзьями. Онъ просилъ меня посѣщать его по середамъ вечеромъ и, между прочимъ, обратить въ институтѣ вниманіе на племянницу Жуковскаго, Воейкову, и на графиню Соллогубъ.

— 16. Былъ въ театрѣ на представленіи комедіи Грибоѣдова „Горе отъ ума“. Нѣкто остро и справедливо замѣтилъ, что въ этой пьесѣ осталось одно только горе: столь искажена она роковымъ ножемъ бенкендорфской литературной управы. Игра артистовъ также нехороша. Многіе, не исключая и Каратыгина большого, вовсе не понимаютъ характеровъ и положеній, созданныхъ остроумнымъ и геніальнымъ Грибоѣдовымъ.

Эту піесу играютъ каждую недѣлю. Театральная дирекція, говорятъ, выручаетъ отъ нея кучу денегъ. Всѣ мѣста всегда бываютъ заняты и уже въ два часа наканунѣ представленія нельзя достать билета ни въ ложи, ни въ кресла.

— 25. Надняхъ я съ удовольствіемъ прочиталъ романъ знаменитаго Бенжамена Констана; „Адольфъ“. Въ немъ разобраны сплетенія человѣческаго сердца и изображенъ человѣкъ нынѣшняго вѣка, съ его эгоистическими чувствами, приправленными гордостью и слабостью, высокими душевными порывами и ничтожными поступками. Байронъ сказалъ въ „Донъ-Жуанѣ“: для мужчины любовь есть эпизодъ, — для женщины исторія. Въ „Адольфѣ“ эта идея развита со всѣми ея тончайшими оттѣнками.

„Адольфа“ перевелъ князь Вяземскій; цензура затруднялась пропустить этотъ романъ, потому что онъ—сочиненіе Бенжамена Констана! Сколько труда стоило мнѣ доказать предсѣдателю цензурнаго комитета, человѣку, впрочемъ, образованному, что одно имя автора еще не есть статья, оскорбляющая правительство или грозящая Россіи революціей. Вотъ подъ вліяніемъ какихъ понятій должны мы совершенствоваться сами и совершенствовать молодое поколѣніе.

— 28. Обѣдалъ и вечеръ провелъ у Полѣнова. Здѣсь встрѣтилъ я дѣвицу Поганато, недавно выпущенную изъ Смольнаго

монастыря. Она гречанка, и это доказываютъ вполнѣ греческія формы ея лица, блѣднаго, умнаго, очень выразительнаго, украшеннаго черными, какъ вороново крыло, волосами и озареннаго лучезарнымъ блескомъ такихъ же глазъ. Она бѣдная сирота. Ее принялъ къ себѣ въ домъ священникъ иностранной коллегіи. Бѣдная дѣвушка! Какъ тяжело, должно быть, ея положеніе: съ такимъ образованіемъ и состоять въ рабствѣ у самыхъ мелкихъ житейскихъ нуждъ. Женщина, еще дитя, безъ покровителя, безъ помощи, она возбуждаетъ невольное участіе.

Мартъ.—6. Читаю курсъ литературы Лагарпа. Какой онъ рабъ Аристотеля! Аристотель, Баттё, Блезъ, Лагарпъ—всѣ эти господа разсуждаютъ о литературѣ, какъ о какомъ-то ремеслѣ. Вотъ такъ и такъ изготовляются сочиненія: трагедіи, комедіи, рѣчи и проч., какъ башмаки, платья, мебель. Они не смотрятъ на словесное произведеніе, какъ на проявленіе духа человѣческаго, стремящагося ко всестороннему развитію въ истинномъ, благомъ и изящномъ. Правило: подражай природѣ, относится къ самой низкой сторонѣ искусства и заключаетъ въ себѣ лишь малѣйшую часть его. Это то, что мы читаемъ въ піитикахъ и риторикахъ въ статьѣ: о правдоподобіи. Другими словами сказать: пиши для человѣка по человѣчески. Но безъ идеаловъ нѣтъ изящныхъ искусствъ. А если бы они и были безъ нихъ, то немного оказали бы услугъ человѣку. Нашему вѣку предоставлена честь возвратить поэзіи права ея, т. е. показать, что она есть жизнь и лучшая жизнь человѣческаго сердца и что ея назначеніе не суетная забава праздныхъ людей, но пробужденіе въ человѣкѣ всего божественнаго, положительное, прямое развитіе всего благороднаго въ его духѣ.

Читалъ „Послѣдній день приговореннаго къ смерти“ Гюго. Этого сочиненія нельзя читать безъ содроганія, особенно главу, гдѣ несчастный прощается съ малюткой дочерью. Справедливо-ли упрекаютъ нынѣшнихъ романистовъ за то, что они выбираютъ сюжеты столь мрачные? Мнѣ кажется—нѣтъ, принявъ въ соображеніе воодушевляющую ихъ идею. Эти писатели заслуживаютъ, напротивъ, благодарности. Въ самыхъ мрачныхъ глубинахъ сердца человѣческаго, среди тяжкаго напряженія страстей они отыскиваютъ искры нравственной красоты и спасаютъ отъ отчаянія душу человѣческую, которая безъ сего ужаснулась бы

самой себя, при видѣ нѣкоторыхъ пороковъ и злодѣяній. Это-то и есть поэтическая сторона произведеній, въ которыхъ играютъ роль убійцы и всякаго рода злодѣи и преступники. Въ этихъ произведеніяхъ, кромѣ того, обращается вниманіе читателя на причины кровавыхъ событій, гдѣ человѣкъ является такъ низко падшимъ. Они указываютъ въ сердцѣ злополучнаго свѣтлую точку, которая была зерномъ добрыхъ наклонностей, но въ заключеніе подернулась, какъ тиною, томленіями нищеты, ранними, незаслуженными страданіями, презрѣніемъ, которымъ свѣтъ многихъ обременяетъ при первомъ появленіи ихъ на сцену жизни. Но для чего это? спросятъ. Для того, чтобы содрогнулись притѣснители и пробудились угнетенные.

— 16. Обѣдалъ вчера у отставнаго директора морскаго департамента, г-на С. На этотъ разъ и здѣсь царствовала убійственная скука, которая большею частью всегда царствуетъ въ такъ называемыхъ „хорошихъ обществахъ". Я пришелъ къ г-ну С. въ три часа. Объ обѣдѣ еще и не думали. Екатерина Лукьяновна была уже въ гостиной. Она встрѣтила меня съ восторгомъ. Изъ устъ ея полилась рѣка сладкихъ рѣчей съ обычными ей декламаторскими восклицаніями.

Она принадлежитъ къ числу тѣхъ широковѣщихъ, впрочемъ, неглупыхъ дамъ, которыя болтаютъ обо всемъ: о погодѣ, шляпкахъ, философіи, французской революціи, о дѣлахъ Бельгіи, о Дибичѣ, о польской войнѣ и проч. Я достался ей на жертву почти на полчаса и въ это время вынесъ цѣлый градъ восклицаній. Наконецъ, гостиная наполнилась чающими движенія къ суповой чашкѣ. Здѣсь было нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ съ рѣшительнымъ видомъ, этимъ отличительнымъ признакомъ нашихъ рыцарей гвардейскихъ и не гвардейскихъ; нѣсколько департаментскихъ чиновниковъ, съ лицами, застывшими въ покорномъ равнодушіи ко всему, что не текущія дѣла ихъ департамента. Нѣсколько дѣвицъ усѣлись на диванѣ, а возлѣ нихъ размѣстилось нѣсколько любезниковъ въ мундирахъ и во фракахъ.

Послѣдніе усиленно работали умами: они припоминали все, когда либо читанное ими во французскихъ романахъ, или слышанное отъ французскихъ дядекъ, и изливали это въ видѣ каламбуровъ, анекдотцевъ, разныхъ возгласовъ о томъ, о семъ, а

болѣе ни о чемъ. Милыя дѣвицы очень смѣялись и казались искренно довольными своими кавалерами.

— 20. Вечеромъ былъ у Плетнева. Здѣсь познакомился съ издателемъ „Литературной Газеты“, Сомовымъ. Физіономія его неказиста. Разговоръ не обличаетъ ни пылкости, ни остроумія. Но я не нашелъ въ немъ и той заносчивости, какою отличаются иныя изъ его журнальныхъ статей. Я поздно пріѣхалъ и недолго пробылъ у Плетнева. Разговоръ былъ общій о литературѣ: это былъ плачъ Іереміи надъ развалинами Сіона.

Апрѣль.—8. Сегодня я въ первый разъ видѣлъ близко государыню императрицу Александру Θеодоровну. Она была въ институтѣ и пришла прямо въ мой классъ. Здѣсь пробыла она болѣе сорока минутъ. Поздоровавшись съ воспитанницами, она привѣтливо поклонилась мнѣ, сказала:—Продолжайте,—и сѣла съ г-жею Кремпиной за столикъ, гдѣ обыкновенно сидитъ классная дама. Я, стоя, спрашивалъ дѣвицъ. Она внимательно слушала ихъ отвѣты, иногда говорила нѣсколько словъ г-жѣ Кремпиной. Дѣвицы отвѣчали очень хорошо (разумѣется, спрошены были самыя лучшія. Особенно отличились Быстроглазова, Калиновская вторая, Милорадовичъ. Воейкова сконфузилась. Послѣ, ея величество, поговоривъ съ Калиновскою и Воейковой, обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— Давно вы служите здѣсь?

— Четыре мѣсяца, ваше императорское величество.

— Довольны вы воспитанницами вашими?

— Очень доволенъ, ваше имп. в-ство, онѣ весьма прилежны.

Она ласково поклонилась, раскланялась съ дѣвицами и ушла.

У императрицы стройная, величественная фигура, какихъ, я думаю, не много есть; лицо блѣдное, но также величественное, съ оттѣнкомъ добродушія; въ пріемахъ ея и обращеніи много привѣтливаго и ласковаго. Она, кажется, осталась довольна воспитанницами.

Мои милыя дѣвицы пришли въ большое смятеніе, услышавъ о пріѣздѣ государыни. Она давно уже не была въ институтѣ и теперь пріѣхала неожиданно.

— Меня не спрашивайте, пожалуйста, меня не спрашивайте, или:—спросите вотъ то-то и то-то... Но я спрашивалъ безъ про-

фессорскаго подлога все, что было нами пройдено изъ теоріи прозы.

— 22. Праздники. Какъ водится, дѣлалъ визиты въ первый и второй день. Смѣшно видѣть, какъ люди скучаютъ иными свѣтскими обязанностями и между тѣмъ съ такою суетливостью спѣшатъ исполнять ихъ—одни даже не безъ тайнаго удовольствія, другіе съ важностью, точно священнодѣйствуютъ.

У Михайлова познакомился я съ Воейковымъ, отцомъ моей институтки.

Онъ благодарилъ меня за нее и вообще наговорилъ мнѣ кучу комплиментовъ по поводу моихъ институтскихъ лекцій.

Сегодня же былъ подъ качелями и, между прочимъ, въ балаганѣ Лемана. Шутовскія выходки этого полу-артиста довольно забавны. Пляска на канатѣ, ходьба на рукахъ, кувырканье черезъ голову, хотя и свидѣтельствуютъ о большой гибкости тѣла и гимнастическомъ искусствѣ, мнѣ не полюбились. Тутъ человѣкъ какъ-то слишкомъ себя порабощаетъ—чему? самъ не знаю чему—желудку, что ли? Довольно ловко продѣланъ слѣдующій фарсъ. Паяцъ ѣстъ яйцо. Вдругъ схватываетъ его сильная боль въ животѣ. Онъ корчится по паяцовски, стонетъ и проч. Приходитъ докторъ, дѣлаетъ ему во рту операцію и вытаскиваетъ оттуда пребольшую утку, которая движется точно полу-живая.

Къ Леману не легко пробраться. У дверей его храма удовольствій такъ тѣсно, какъ въ церкви въ большой праздникъ до проповѣди.

Я съ трудомъ досталъ билетъ, еще съ большимъ трудомъ пробрался къ дверямъ.

Многія дамы кричали, что имъ дурно; одинъ офицеръ, сопровождавшій молодую дѣвушку, храбро состязался съ мальчикомъ лѣтъ четырнадцати. Послѣдній, стиснутый толпой, толкнулъ локтемъ въ плечо красавицу, которая глупо улыбалась, когда рыцарь ея бранился съ мальчикомъ, стараясь запугать его своимъ офицерствомъ.

Былъ я также и въ звѣринцѣ Лемана. Молодой слонъ очень милъ. Онъ съ точностью исполнялъ всѣ предписанія хозяина: щеткою чистилъ себѣ ноги, смахивалъ себѣ со спины пыль платкомъ, звонилъ въ колокольчикъ, плясалъ, т. е. передвигалъ въ тактъ переднія ноги и топтался на мѣстѣ. Не безъ любопытства

разсматривалъ я также обезьянъ. Невольно вспомнилось мнѣ здѣсь, недавно прочитанное мною, замѣчаніе Гердера, который придаетъ такъ много цѣны прямому тѣлосложенію человѣка, чего лишены другія твари.

Я не могъ здѣсь не согласиться съ нимъ.

Май.—22. Опять цензурное гоненіе. Въ „Сѣверной Пчелѣ“ напечатана юмористическая статья Булгарина: „Станціонный смотритель“, гдѣ, между прочимъ, человѣкъ сравнивается съ лошадью, для которой нуженъ только хорошій хозяинъ и кучеръ, чтобы она сама была хороша. Нашъ министръ, князь Ливенъ, увидѣлъ въ этой статьѣ воззваніе къ бунту. Онъ сдѣлалъ докладъ государю, чтобы отрѣшить цензора В. Н. Семенова и наказать автора. Сегодня былъ у меня первый. Онъ очень встревоженъ. Впрочемъ, Бенкендорфъ обѣщалъ за него заступиться. Въ городѣ удивляются и негодуютъ. Говорятъ, что министръ разсердился, полагая, что статья написана на него. Странный способъ успокоивать умы и броженіе идей! Мѣры рѣшительныя и насильственныя—какая разница! Ихъ смѣшиваютъ.

— 28. Дѣло о цензорѣ Семеновѣ рѣшено благоразумно: оно оставлено безъ уваженія. Бѣдный Семеновъ, однако, сильно натерпѣлся въ эти дни. Нынѣ не многіе могутъ похвалиться твердостью духа не на словахъ только, но и на дѣлѣ.

Іюнь.—19. Наконецъ, холера, со всѣми своими ужасами, явилась и въ Петербургѣ. Повсюду берутся строгія мѣры предосторожности.

Городъ въ тоскѣ. Почти всѣ сообщенія прерваны. Люди выходятъ изъ домовъ только по крайней необходимости, или по должности.

— 20. Мы учреждаемъ для своихъ чиновниковъ лазаретъ. Сегодня я цѣлый день хлопоталъ съ попечителемъ объ этомъ. Ѣздилъ къ Кайданову просить совѣта о докторѣ.

Въ столицѣ мало докторовъ, и теперь ихъ трудно достать.

Въ городѣ недовольны распоряженіями правительства, государь уѣхалъ изъ столицы. Члены государственнаго совѣта тоже почти всѣ разъѣхались. На генералъ-губернатора мало надѣются. Лазареты устроены такъ, что они составляютъ только переходное мѣсто изъ дома въ могилу. Въ каждой части города назначены попечители, но плохо выбранные, изъ людей слабыхъ,

нерѣшительныхъ и равнодушныхъ къ общественной пользѣ. Присмотръ за больными нерадивый. Естественно, что бѣдные люди считаютъ себя погибшими, лишь только заходитъ рѣчь о помѣщеніи ихъ въ больницу. Между тѣмъ туда забираютъ безъ разбора больныхъ холерою и не холерою, а иногда и просто пьяныхъ изъ черни, кладутъ ихъ вмѣстѣ. Больные обыкновенными болѣзнями заражаются отъ холерныхъ и умираютъ наравнѣ съ ними. Полиція наша, и всегда отличающаяся дерзостью и вымогательствами, вмѣсто усердія и дѣятельности въ эту плачевную эпоху, только усугубила свои пороки. Нѣтъ никого, кто бы одушевилъ народъ и возбудилъ въ немъ довѣріе къ правительству. Отъ этого въ разныхъ частяхъ города уже начинаются волненія. Народъ ропщетъ и, по обыкновенію, вѣритъ разнымъ нелѣпымъ слухамъ, какъ, напримѣръ, будто доктора отравляютъ больныхъ, будто вовсе нѣтъ холеры, но ее выдумали злонамѣренные люди для своихъ цѣлей и т. п. Кричатъ противъ нѣмцевъ, лекарей и поляковъ, грозятъ всѣхъ ихъ перебить. Правительство точно въ усыпленіи: оно не принимаетъ никакихъ мѣръ къ успокоенію умовъ.

— 21. На Сѣнной площади произошло смятеніе. Народъ остановилъ карету, въ которой везли больныхъ въ лазаретъ, разбилъ ее, а ихъ освободилъ. Народъ явно угрожаетъ бунтомъ; кричитъ, что здѣсь не Москва, что онъ дастъ себя знать лучше, чѣмъ тамъ, нѣмцамъ, лекарямъ и полиціи. Правительство и глухо, и слѣпо, и нѣмо.

Мы съ попечителемъ осматривали наши учебныя заведенія; благодаря судьбѣ, въ нихъ еще не появилась холера. Мы дѣятельно озабочены скорѣйшимъ окончаніемъ лазарета.

Былъ сегодня у ученаго секретаря медико-хирургической академіи, Чаруковскаго, просить его о докторѣ и о двухъ студентахъ изъ академіи для нашей больницы. Онъ отослалъ меня къ главному доктору, Реману. Здѣсь также наслышался о бездѣятельности правительства. Больные отданы на жертву холеры. Все дѣлается только для виду.

— 22. Въ часъ ночи меня разбудили съ извѣстіемъ, что на Сѣнной площади настоящій бунтъ. Одѣвшись наскоро, я уже не засталъ своего генерала: онъ, вмѣстѣ съ Блудовымъ, пошелъ на мѣсто смятенія. Я прошелъ до Фонтанки. Тамъ спокойно. Только

повсюду маленькія кучки народу. Уныніе и страхъ на всѣхъ лицахъ.

Генералъ вернулся и сказалъ, что войска и артиллерія держатъ въ осадѣ Сѣнную площадь; но что народъ уже успѣлъ разнести одинъ лазаретъ и убить нѣсколькихъ лекарей.

— 23. Три больницы раззорены народомъ до основанія. Возлѣ моей квартиры чернь остановила сегодня карету съ больными и разнесла ее въ щепы.

— Что вы тамъ дѣлаете? спросилъ я у одного мужика, который съ торжествомъ возвращался съ поля битвы.

— Ничего, отвѣчалъ онъ, — народъ немного пошумѣлъ. Да не попался намъ въ руки лекарь, успѣлъ, проклятый, убѣжать.

— А что-же бы вы съ нимъ сдѣлали?

— Узналъ бы онъ насъ! Не бери въ лазаретъ здоровыхъ, вмѣсто больныхъ! Впрочемъ, ему таки досталось камнями по затылку, будетъ долго помнить насъ.

Завтра Ивановъ день: его-то чернь назначила, какъ говорятъ, для рѣшительнаго дѣла.

Полиція, разсказываютъ, схватила нѣсколько поляковъ, которые подстрекали народъ къ бунту. Они были переодѣты въ мужицкое платье и давали народу деньги.

* * *

Государь пріѣхалъ. Онъ явился народу на Сѣнной площади. Нельзя добиться толку отъ вѣстовщиковъ: одни пересказываютъ слова государя такъ, другіе иначе.

Извѣстно только, что взяты мѣры къ водворенію спокойствія.

— 26. Вотъ и возлѣ насъ холера сразила нѣсколько жертвъ. Профессоръ физики, Щегловъ, прострадавъ около шести часовъ, умеръ. Кастелянша въ пансіонѣ сегодня занемогла и черезъ пять часовъ тоже умерла. Умеръ и профессоръ исторіи Роговъ.

— 27. Поутру въ семь часовъ. Тяжелъ былъ вчерашній день. Жертвы падали вокругъ меня, пораженныя невидимымъ, но ужаснымъ врагомъ. Попечитель до того растревожился, что сдѣлался боленъ: а теперь болѣзнь и смерть синонимы. По крайней мѣрѣ, такъ думаютъ всѣ. Въ сердцѣ моемъ начинаетъ поселяться какое-то равнодушіе къ жизни. Изъ нѣсколькихъ сотъ ты-

сячъ, живущихъ теперь въ Петербургѣ, всякій стоитъ на краю гроба—сотни летятъ стремглавъ въ бездну, которая зіяетъ, такъ сказать, подъ ногами каждаго.

— 28. Болѣзнь свирѣпствуетъ съ адскою силой. Стоитъ выдти на улицу, чтобы встрѣтить десятки гробовъ на пути къ кладбищу. Народъ отъ бунта перешелъ къ безмолвному, глубокому унынію. Кажется, настала минута всеобщаго разрушенія, и люди, какъ приговоренные къ смерти, бродятъ среди гробовъ, не зная, не пробилъ ли уже и ихъ послѣдній часъ.

— 30. Вчера умершихъ было 237 человѣкъ.

Іюль.— 1. Хотѣлось бы мнѣ узнать, что происходитъ въ институтѣ. Я просилъ Анну Петровну Дель написать къ г-жѣ Штатниковой. Она, вѣрно, увѣдомитъ ее, если холера и туда проникла. Въ Смольномъ монастырѣ, говорятъ, уже умерло три дѣвицы.

— 3. Вчера былъ у меня докторъ Гассингъ. Онъ говоритъ, что холера начинаетъ нѣсколько ослабѣвать. Третьяго дня умершихъ было 277 человѣкъ, вчера—235.

Сейчасъ получилъ записку отъ Деля, въ которой онъ извѣщаетъ меня, что въ институтѣ умерли отъ холеры четыре дѣвицы; изъ нихъ двѣ моего класса—одна Львова, другая Якубовская, изъ втораго отдѣленія.

— 30. Давно уже не писалъ я ничего въ моемъ дневникѣ. Между тѣмъ холера почти прошла. Меня судьба пощадила—для чего? Я объ этомъ также мало знаю, какъ мало размышляла она, выдергивая наудачу имена тѣхъ, которымъ надлежало погибнуть.

Сентябрь.—3. Сегодня открытъ институтъ, и я началъ снова въ немъ мои лекціи.

— 23. Былъ вечеромъ у Плетнева. Я думалъ найти тамъ А. С. Пушкина, однако, его тамъ не было. Вмѣсто себя, онъ прислалъ ѣдкую критику на Булгарина и Греча и нѣсколько новыхъ стихотвореній для „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“.

Здѣсь въ первый разъ видѣлъ я барона Розена, автора нѣсколькихъ весьма пріятныхъ стихотвореній, въ которыхъ выражается душа, страстная къ идеаламъ. Былъ неизмѣнный нашъ собесѣдникъ по средамъ, Сомовъ, который теперь очень озабоченъ, по случаю изданія „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“. Я обѣщалъ ему, по его просьбѣ, отрывокъ изъ моего „Леона“.

Октябрь.—21. Уже нѣсколько недѣль продолжается въ университетѣ дѣло о моемъ адъюнктствѣ. Я представилъ сочиненіе. Факультетъ разсмотрѣлъ его и сдѣлалъ заключеніе: „что сочиненіе сіе доказываетъ не только большія познанія автора, но и большія дарованія и притомъ написано краснорѣчиво“. Одинъ изъ профессоровъ, Пальминъ, возсталъ противъ общаго мнѣнія и утверждалъ, что сочиненіе написано не краснорѣчиво. Завязался споръ, и дѣло отложено до слѣдующаго засѣданія. Все это не иное что, какъ игра мелкихъ страстей. Сначала я велъ себя дурно: негодовалъ, оскорблялся, грустилъ.

Ноябрь.—7. Вчера былъ на литературномъ обѣдѣ у Василія Николаевича Семенова. Тамъ были: Гречъ, Сомовъ, баронъ Розенъ, Вердеровскій; ожидали Погодина и Каратыгина, но имъ что-то помѣшало. Гречъ блисталъ неистощимымъ остроуміемъ. Онъ чрезвычайно любезенъ въ обществѣ. Послѣ стола у всѣхъ раскрылось сердце и развязались уста. Я, между, прочимъ былъ осыпанъ отъ всей литературной братіи преувеличенными комплиментами. Сомовъ принесъ мнѣ отъ А. С. Пушкина поклонъ и сожалѣніе, что въ послѣдній разъ у Плетнева не сошелся со мной.

Подъ конецъ нашей бесѣды пристали къ Гречу, чтобы онъ разорвалъ свою связь съ Булгаринымъ, котораго всѣ при томъ не очень-то вѣжливо называли. Гречъ соглашался только въ томъ, что онъ сумасшедшій.

— 10. Сегодня подалъ я въ университетъ просьбу объ увольненіи меня отъ преподаванія политической экономіи.

Задушевныя предположенія мои, святая цѣль дѣйствовать на ученомъ поприщѣ рушились. Мнѣ казалось, что я призванъ къ этому дѣлу; я готовился къ нему. Всѣ говорили, что я имѣю къ тому дарованія. Сочиненіе мое одобрено факультетомъ. Одинъ человѣкъ изъ всего университетскаго совѣта, профессоръ философіи, Пальминъ, отнесся къ нему неодобрительно. Удивительно, почему онъ, въ началѣ моего студентства такъ ласкавшій меня, теперь на каждомъ шагу ставитъ мнѣ препятствія. Онъ подалъ въ университетъ возраженіе на мое сочиненіе: его осмѣяли, но уважили и меня отвергли—по крайней мѣрѣ, выразили нѣкоторую склонность къ тому, чтобы отвергнуть. Мнѣ остается одно:

подать въ отставку, и я это уже сдѣлалъ. Мнѣ тяжело сегодня, очень тяжело, ибо планъ цѣлой моей жизни рушился.

— 26. У меня кончились экзамены въ институтѣ въ первомъ отдѣленіи. Я получилъ благодарность за успѣхи дѣвицъ отъ инспектора и начальницы.

Дѣло мое объ адъюнктствѣ было разсматриваемо въ совѣтѣ университета. Мнѣніе Пальмина отвергнуто, и положено баллотировать меня въ слѣдующее засѣданіе. Профессоръ Сенковскій сильно защищалъ мое сочиненіе противъ возраженій Пальмина. Онъ своими ѣдкими замѣчаніями сдѣлалъ послѣдняго смѣшнымъ.

Декабрь.—1. Вчера былъ на представленіи Кребильоновой трагедіи: „Атрей", которую перевелъ и поставилъ на сцену нашъ Сорокинъ. Эта пьеса выкроена по мѣркѣ французскаго классицизма, и я боялся, чтобы Сорокина не ошикали за дурной выборъ. Для предупрежденія этого, мы, его бывшіе товарищи, составили заговоръ поддержать пьесу. Во всѣхъ почти рядахъ креселъ засѣдалъ кто-нибудь изъ нашихъ. Публика равнодушно отнеслась къ трагедіи, но мы захлопали, закричали, увлекли другихъ и переводчикъ былъ вызванъ.

— 7. Сегодня Дель былъ у меня съ извѣстіемъ, что я избранъ единогласно совѣтомъ университета въ адъюнкты по каѳедрѣ политической экономіи. Десять шаровъ бѣлыхъ, одинъ черный, и тотъ Пальмина.

— 25. Совѣтъ университета призналъ меня достойнымъ адъюнктства на основаніи (какъ сказано въ его представленіи): „отличныхъ дарованій, успѣшнаго чтенія всей науки (политической экономіи) въ теченіе двухъ лѣтъ и представленной мною диссертаціи, которая по познаніямъ и по изложенію заслуживаетъ полное одобреніе". Это все и больше, чѣмъ требуетъ законъ въ такихъ случаяхъ. Попечитель, на основаніи всего этого, сдѣлалъ представленіе министру. Но сей послѣдній—чего никогда прежде не дѣлалъ—потребовалъ мою диссертацію къ себѣ. Вчера мнѣ объ этомъ сказывалъ Д. И. Языковъ. Министръ хочетъ отдать ее на разсмотрѣніе въ Академію наукъ. Тутъ добра не ждать. Академія не благопріятствуетъ русскимъ ученымъ. Министръ говорилъ попечителю, что затрудняется утвердить меня въ адъюнктствѣ потому, дабы не подумали, что мнѣ дали это званіе изъ уваженія къ моему посту при попечителѣ.

Я думалъ, что уже достигъ берега, а на дѣлѣ выходитъ, что опять брошенъ въ пучину политическаго и общественнаго хаоса. Самое адъюнктство мнѣ, наконецъ, опротивѣло. Точно оно не право мое, а милость, мнѣ оказываемая.

1832 годъ.

Январь.—1. Что дастъ новый годъ? Въ истекшемъ судьба часто вызывала меня на бой. Адъюнктство мое все еще не утверждено. Въ Екатерининскомъ институтѣ дѣла мои зато шли успѣшно. Расположеніе моихъ ученицъ ко мнѣ не охладѣваетъ. Я успѣлъ, какъ мнѣ кажется, передать имъ нѣсколько истинъ, которыя помогутъ имъ со временемъ сдѣлаться полезными членами общества.

— 14. Я не ошибся въ моемъ предположеніи. Министръ и безъ академіи почти открыто далъ замѣтить вчера попечителю, что обходитъ меня адъюнктствомъ только потому, что я не нѣмецъ. Диссертацій моихъ онъ никуда не отсылалъ: онѣ смиренно покоятся у него въ кабинетѣ. Я обязался попечителю еще нѣсколько дней не предпринимать ничего рѣшительнаго.

— 16. Сегодня состоялась репетиція экзамена въ институтѣ. Внѣшность доведена здѣсь до высокой степени эстетическаго совершенства. Впрочемъ, дѣвицы — разумѣется избранныя — очень хорошо отвѣчали изо всѣхъ предметовъ и изъ моего. Весь парадъ кончился въ четыре часа, и я остался обѣдать у начальницы.

Бурный вечеръ. Я перечитывалъ „Макбета“ Шекспира. Мнѣ кажется, что изо всѣхъ трагедій великаго поэта эта—самая быстротечная по ходу дѣйствія. Но не въ этомъ дѣло, а въ характерѣ героя ея. Душа Макбета была бы совершенная бездна ада, если бы порой дикое угрызеніе совѣсти, подобно блеску молніи, не сверкало въ ея мрачной глубинѣ. Это душа сильная, героическая. Страсти непоборимыя таятся въ изгибахъ ея: это стихіи всего великаго, но и всего ужаснаго. Если бы разумъ былъ зодчимъ въ этой душѣ, могло бы произойти нѣчто великое. Что я говорю разумъ? Если-бъ другой случай, а не адское предсказаніе вѣдьмъ, встрѣтился у него на пути и пробудилъ въ немъ эти

страсти—Макбетъ былъ бы другимъ. Такъ грозный, всесокрушающій фатализмъ налагаетъ свою желѣзную руку на волю человѣка и порабощаетъ его. Имѣлъ ли Шекспиръ въ виду это, создавая Макбета? Его леди не подходитъ подъ эту категорію: въ ней видна уже свободная рѣшимость на злодѣйство. Правду кто-то сказалъ, что по шекспировымъ твореніямъ можно учиться эмпирической психологіи. Мало того: въ нихъ содержится полный курсъ ея. Такъ велико разнообразіе нравственныхъ образовъ, созданныхъ этимъ великимъ человѣкомъ.

— 25. Сегодня былъ экзаменъ въ институтѣ, въ присутствіи императрицы Александры Θеодоровны. Дѣвицы отвѣчали очень хорошо, но я плохо дѣлалъ вопросы: былъ нездоровъ и голосъ мнѣ не повиновался. Германъ и Тимаевъ то и дѣло подходили ко мнѣ, съ увѣщаніемъ говорить погромче. Государыня, впрочемъ, благодарила меня.

Я и забылъ записать въ моемъ журналѣ, что меня, наконецъ, утвердили въ званіи адъюнктъ-профессора политической экономіи. Если я его достоинъ, зачѣмъ было тормозить дѣло, а если не достоинъ, зачѣмъ дали мнѣ его теперь?

Февраль.—6. Обыкновенный нашъ годичный праздникъ, по случаю выпуска изъ университета. Мы обѣдали въ трактирѣ Гейне на Васильевскомъ острову. Праздникомъ распоряжался Гебгардтъ и устроилъ все прекрасно. Мы всѣ были одушевлены. Печеринъ написалъ къ этому дню и прочелъ прекрасные стихи. Это человѣкъ съ истинно-поэтическою душею. Въ немъ всѣ задатки доблести, но еще нѣтъ опыта въ борьбѣ со зломъ. Выйдетъ ли онъ въ заключеніе побѣдителемъ изъ нея? Полѣновъ пѣлъ, плясалъ, шалилъ, но такъ оригинально и мило, что невольно срывалъ улыбку. Михайловъ былъ менѣе обыкновеннаго говорливъ. Тосты были питы за успѣхи русскаго образованія, за здоровье поэта, воспѣвшаго настоящій праздникъ, за распорядителя пира и, какъ водится, за мое. Наконецъ, каждый пилъ за то, что ему всего дороже. Въ 12 часовъ все было кончено.

— 10. Сегодня въ институтѣ присутствовалъ при послѣдней репетиціи, а потомъ поѣхалъ къ Шулепникову, который просилъ учить дѣтей его словесности. Тамъ приняли меня не только любезно, но съ почетомъ. Я начинаю входить въ моду: какая нелѣпость!

Вечеръ провелъ у Плетнева. Тамъ засталъ Пушкина. „Европейца" запретили. Тьфу! Да что же мы, наконецъ, будемъ дѣлать на Руси? Пить и буянить? И тяжко, и стыдно, и грустно!

— 14. Два минувшіе дня, пятница и суббота, были для меня полны поэзіи. Въ институтѣ состоялся публичный экзаменъ XI выпуска дѣвицъ. Я экзаменовалъ изъ своего предмета въ пятницу и получилъ горячую благодарность отъ предсѣдателя совѣта, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Тутолмина. Противъ обыкновенія, я даже самъ былъ доволенъ собой.

— 20. Вчера, между моими прочими пятничными посѣтителями, былъ мой новый знакомый Шипулинскій, двоюродный братъ моей блестящей ученицы Быстроглазовой. Это весьма образованный молодой человѣкъ. Онъ и въ литературѣ извѣстенъ небольшой комедіей: „Проказы ревнивыхъ", въ которой, если не много комическаго таланта, зато очень хорошій, легкій стихъ, характеры благородные и ничего изысканнаго или пошлаго. Онъ очень серьезенъ, и на лицѣ его печать меланхоліи.

Михайловъ, Владиміръ, смѣшилъ насъ до слезъ своими фарсами, дѣйствительно забавными и граціозными. У него необыкновенная способность передразнивать всѣхъ. Онъ совершенно воплощается въ изображаемое имъ лицо—и притомъ живо, натурально, изящно. Я самъ съ удовольствіемъ, какъ въ зеркалѣ, видѣлъ въ немъ нѣкоторые мои любимые пріемы и жесты.

— 25. Я утопаю въ канцелярскихъ заботахъ. Дѣлъ накопилось масса. Душа мертвѣетъ среди этого административнаго хаоса, въ сущности ничего не производящаго. Впрочемъ, какъ ничего? Вѣдь мы, такъ или иначе, все же поддерживаемъ государственную машину. Но это могъ бы сдѣлать всякій, у кого есть глаза, руки и желудокъ.

— 28. Сегодня начальница института, госпожа Кремпина, вручила мнѣ брильянтовый перстень отъ государыни за экзамены, съ весьма лестнымъ привѣтствіемъ. Но для меня готовилась лучшая награда, которой я, къ сожалѣнію, не воспользовался. Дѣвицы сговорились въ день выпуска—въ прошлый четвергъ—поднести мнѣ въ подарокъ и въ знакъ памяти разныя свои рукодѣлія. Быстроглазова, между прочимъ, вышила лавровый вѣнокъ. Но за мной не послалъ тотъ, кому это было поручено, и мои милыя ученицы разъѣхались, не исполнивъ своего намѣренія.

Мартъ.—2. Сегодня Пушкинъ разсказывалъ у Плетнева весьма любопытные случаи и наблюденія свои во время путешествія своего въ Грузію и въ Малую Азію въ послѣднюю турецкую войну Это заняло насъ очень пріятно. Пушкинъ участвовалъ въ нѣкоторыхъ стычкахъ съ непріятелемъ.

— 21. Недавно выслушалъ я прелюбопытную лекцію опытной психологіи—у квартальнаго надзирателя. Онъ пришелъ въ канцелярію по какому-то дѣлу. Я началъ съ нимъ разговоръ о предметахъ его званія. По его словамъ, величайшій развратъ царствуетъ въ классѣ низшихъ чиновниковъ, мѣщанъ и купцовъ, которые позажиточнѣе. Мой квартальный наблюдатель полагаетъ этому двѣ причины: необразованность и жажду роскоши. Каковъ! Не правъ ли онъ? Молодая женщина, говоритъ онъ, спокойно продаетъ себя за новую шляпку, платье или другое болѣе или менѣе цѣнное украшеніе. Мужъ ея, съ своей стороны, несетъ куда не слѣдуетъ свои деньги и здоровье. Опытныя старухи стерегутъ молоденькихъ, невинныхъ дѣвушекъ, увлекаютъ ихъ и бросаютъ въ объятія тому, кто дастъ за нихъ дороже.

— Хороши у насъ также правосудіе и администрація, продолжалъ квартальный. Вотъ хоть бы у меня въ кварталѣ есть нѣсколько отъявленныхъ воровъ, которые уже раза по три оправданы уголовною палатою, куда представляла ихъ полиція. Есть нѣсколько другихъ воришекъ, которые исправляютъ ремесло шпіоновъ. Есть нѣсколько промышленниковъ, доставляющихъ пріятное развлеченіе превосходительнымъ особамъ: промышленники сіи также пользуются большими льготами.

— А какова полиція? спросилъ я.

— Какой ей и быть надлежитъ при общемъ положеніи у насъ дѣлъ. Надо удивляться искусству, съ какимъ она умѣетъ, смотря по обстоятельствамъ, изворачивать полицейскіе уставы. Мы обыкновенно начинаемъ нашу службу въ полиціи совершенными невѣждами. Но у кого есть смыслъ, тотъ въ два, три года сдѣлается отмѣннымъ чиновникомъ. Онъ отлично будетъ умѣть соблюдать собственныя выгоды и ради нихъ уклоняться отъ самыхъ прямыхъ своихъ обязанностей, или же, напротивъ, смотря по обстоятельствамъ, со всею строгостью примѣнять законы тамъ, гдѣ, казалось бы, они не примѣнимы. И при этомъ они не подвер-

гаются ни малѣйшей отвѣтственности. Да и что-же прикажете намъ, полиціи, дѣлать, когда нигдѣ нѣтъ правды.

И онъ подтвердилъ все сказанное весьма и весьма краснорѣчивыми фактами.

Апрѣль.—3. Сейчасъ былъ у меня Сомовъ и Якубовичъ. Сомовъ печатаетъ свои повѣсти. Онѣ очень сухи: въ нихъ нѣтъ ни поэтическаго созданія характеровъ, ни энергіи въ разсказѣ. Плавно, чисто, правильно—и все тутъ.

Читалъ Хомякова трагедію „Дмитрій Самозванецъ". Нѣтъ, Хомяковъ рѣшительно не имѣетъ драматическаго таланта. Ни одинъ характеръ не созданъ, какъ должно; дѣйствія нѣтъ; одни разговоры, которые можно бы на половину сократить, безъ всякаго ущерба для цѣлости піесы. Стихи очень хороши. Но драма требуетъ не словъ, а дѣла.

— 20. Въ настоящее время у насъ въ Россіи есть, такъ сказать, средній родъ умовъ. Это люди образованные и патріоты. Они составляютъ родъ союза противъ иностранцевъ и преимущественно нѣмцевъ. Я называю ихъ средними потому, что они и довольно благородны, и довольно просвѣщенны: по крайней мѣрѣ, они уже вырвались изъ тѣсной сферы эгоизма. Но они сами себѣ не умѣютъ дать отчета: хорошо ли безусловное отверженіе нѣмцевъ? Они односторонни и, дѣйствуя по страсти, разумѣется, увлекаются дальше надлежащихъ границъ. Большая часть людей этихъ изъ ученаго сословія.

Нѣмцы знаютъ, что такая партія существуетъ. Поэтому они стараются, сколь возможно, тѣснѣе сплотиться, поддерживаютъ все нѣмецкое и дѣйствуютъ столь же методически, сколько неуклонно. При томъ дѣятельность ихъ не состоитъ, какъ большею частью у насъ, изъ однихъ возгласовъ и воззваній, но въ мѣрахъ. Эта борьба можетъ, при случаѣ, имѣть вредныя послѣдствія. Она будетъ у насъ не между сословіями и партіями, какъ во Франціи, сражающимися за идеи, а будетъ племенная, что всего хуже для Россіи многоплеменной.

По сердцу и чувствамъ мы, русскіе, богаче всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ. Но по твердости духа мы ниже ихъ: вотъ почему такъ много несообразностей въ нашихъ страстяхъ и понятіяхъ.

— 22. Былъ на вечерѣ у Гоголя-Яновскаго, автора весьма

пріятныхъ, особенно для малороссіянина, „Повѣстей пасечника Рудаго Панька". Это молодой человѣкъ лѣтъ 26-ти, пріятной наружности. Въ физіономіи его, однако, доля лукавства, которая возбуждаетъ къ нему недовѣріе.

У него засталъ я человѣкъ до десяти малороссіянъ, все почти воспитанниковъ Нѣжинской гимназіи. Между ними никого замѣчательнаго. Ромашевичъ, правда, не безъ дарованій, но, вспыхнувъ маленькимъ огонькомъ, онъ уже быстро гаснетъ. Онъ принадлежитъ къ категоріи тѣхъ писателей, которымъ никогда не приходитъ въ голову, что для того, чтобы быть поэтомъ, надо учиться, много учиться въ школѣ жизни, опыта, природы и исторіи человѣчества.

Май.—14. У насъ новый товарищъ министра народнаго просвѣщенія, Сергѣй Семеновичъ Уваровъ. Онъ желалъ меня видѣть; я былъ у него сегодня. Онъ долго толковалъ со мной о политической экономіи и о словесности. Мнѣ хотятъ дать каѳедру послѣдней. Я самъ этого давно желаю.

Уваровъ человѣкъ образованный по европейски; онъ мыслитъ благородно и какъ прилично государственному человѣку; говоритъ убѣдительно и пріятно. Имѣетъ познанія, и въ нѣкоторыхъ предметахъ даже обширныя. Физіономія его выразительна. Онъ давно слыветъ за человѣка просвѣщеннаго. Съ помощью его, въ университетѣ принята и приводится въ исполненіе „система очищенія", то есть увольненія неспособныхъ профессоровъ. Толмачеву и Боголюбову уже велѣно подать въ отставку. Пальминъ отрѣшенъ.

Іюнь.—6. Опять былъ у товарища министра. Разговоръ съ нимъ во многомъ вразумилъ меня относительно хода нашихъ политическихъ дѣлъ, нашего образованія и прочее. Онъ опять выразилъ намѣреніе дать мнѣ каѳедру словесности, въ качествѣ экстраординарнаго профессора. Конечно, мнѣ это пріятно, но я этого не искалъ. Бутырскій же разглашаетъ въ публикѣ, что я хочу лишить его каѳедры съ тѣмъ, чтобы самому сдѣлаться ординарнымъ профессоромъ. Мнѣ и въ голову не приходила такая мысль. Я сегодня впервые услышалъ отъ Уварова, что Бутырскаго дѣйствительно удаляютъ изъ университета и на его мѣсто назначаютъ Галича. Вечеромъ попечитель послалъ меня къ послѣднему съ приглашеніемъ занять каѳедру русской словесности.

— 8. Былъ сегодня свидѣтелемъ страшнаго зрѣлища. Пожаръ, какого не запомнитъ Петербургъ, истребилъ почти всю Ямскую до самой Лиговки. Около двухсотъ зданій, говорятъ, сдѣлалось жертвою пламени. Всего три дома и небольшой огородъ отдѣлялъ сцену этой бурной драмы отъ нашего университета. Спасеніе послѣдняго зависѣло отъ того, прекратится или нѣтъ вѣтеръ, который съ утра свирѣпствовалъ. Нѣтъ ничего ужаснѣе, но и величественнѣе, какъ бурный потокъ огня, охватившій обширное пространство. Я видѣлъ, какъ пожаръ зарождался все въ новыхъ центрахъ. Въ клубахъ дыма сверкнетъ молнія, другая, третья, и всѣ три сольются въ кровавый языкъ, который точно лизнетъ зданіе, другое и волны огня польются отъ одного къ другому. Толпы народа, шумъ, крикъ, трескъ разрушающихся зданій... Но я не замѣтилъ отчаянныхъ лицъ. Какая-то безпечность и равнодушіе выражались на физіономіяхъ тѣхъ даже, которые тащили на плечахъ и въ рукахъ остатки своего скуднаго имущества. Богатые вѣрно больше сокрушались.

Сейчасъ опять выходилъ посмотрѣть на пожаръ. Онъ утихаетъ. На нашей улицѣ догораютъ два дома. У Лигова канала еще пылаетъ зарево, но гораздо слабѣе. Толпы людей скитаются по улицамъ, загроможденнымъ остатками имуществъ. Я учредилъ стражу изъ канцелярскихъ служителей и самъ легъ, не раздѣваясь: пожаръ легко можетъ опять усилиться.

— 17. Я рѣшился совѣтывать отдать каѳедру словесности не Галичу, а Плетневу. Послѣдній гораздо для нея пригоднѣе. Совѣтъ мой уваженъ. Я ѣздилъ къ Плетневу съ предложеніемъ: онъ согласился. Я буду при немъ адъюнктомъ. Такимъ образомъ мнѣ, конечно, труднѣе будетъ достигнуть ординарнаго профессора, но дѣло отъ того выиграетъ. И потому личные виды въ сторону: всякая жертва, которую можно принести нашему бѣдному просвѣщенію, священна.

Галича же я предложилъ сдѣлать профессоромъ теоріи общихъ правъ. Съ этою каѳедрою онъ гораздо лучше справится, чѣмъ съ русскою словесностью, къ которой не подготовленъ.

Умственная жизнь начинаетъ быстро развиваться въ нашемъ поколѣніи. Но пока это еще жизнь младенца. Все въ ней не зрѣло: только порывы къ благородному и прекрасному. Понятія

о важнѣйшихъ задачахъ человѣчества зыбки и неопредѣленны: нѣтъ еще самостоятельности въ умахъ и сердцахъ.

— 27. Сегодня мы получили по секрету сообщеніе отъ министра о появленіи снова холеры въ Петербургѣ. Говорятъ, нѣсколько человѣкъ умерло въ продолженіи трехъ часовъ.

Кажется, уже рѣшено дѣло о переводѣ меня на каѳедру русской словесности, въ качествѣ адъюнкта Плетнева. Конечно, это гораздо ближе къ сердцу моему, чѣмъ политическая экономія.

Іюль.—5. Сегодня я простился съ Д. В. Полѣновымъ. Онъ сдѣланъ секретаремъ при нашей миссіи въ Греціи и теперь отправился въ Константинополь, откуда вскорѣ долженъ переѣхать въ Наполиди-Романія, столицу юнаго греческаго царства. Это одинъ изъ лучшихъ моихъ друзей и благороднѣйшихъ посѣтителей моихъ пятницъ. Я былъ въ войнѣ съ его сердцемъ, которое готово было истощиться и погаснуть въ любви къ одной дѣвушкѣ, недостойной его. Уже онъ готовъ былъ обвѣнчаться съ ней: это было бы его нравственной и матеріальной гибелью. Я употребилъ весь мой нравственный кредитъ, всю власть моего разсудка и сердца надъ нимъ, чтобы отвратить его отъ этого и спасти его благородную, прекрасную душу для высшей дѣятельности. Оставалось одно средство: удалить его изъ Петербурга. Это удалось. Надо отдать ему справедливость: онъ доблестно выдержалъ борьбу съ своимъ сердцемъ и не возненавидѣлъ меня за то, что я такъ сильно возставалъ противъ него.

Агустъ.—26. Сегодня читалъ я въ университетѣ первую лекцію изъ русской словесности, или, лучше сказать, рѣчь, въ которой хотѣлъ изложить духъ моего преподаванія. Слушателей собралось много не однихъ студентовъ, но и постороннихъ. Въ результатѣ долженъ сказать, что я читалъ дурно. По крайней мѣрѣ, я чувствую глубокое недовольство собой. Мнѣ совѣтовали написать рѣчь и читать ее по тетради, но я, по обыкновенію, хотѣлъ импровизировать, а для этого я былъ слишкомъ взволнованъ и у меня не хватило присутствія духа. Вышло слабо и блѣдно, и я сошелъ съ каѳедры съ весьма непріятнымъ чувствомъ.

Сентябрь.—1. Новыя непріятности въ институтѣ. Вчера видѣлся съ Германомъ и опять получилъ отъ него намёкъ, въ родѣ прежняго, что дѣвицамъ не надо учености. На другой день объяснялся съ начальницею и Тимаевымъ. И та, и другой удив-

лены поступкомъ Германа. Опять выражали свою благодарность за успѣхи дѣвицъ. Въ заключеніе оказалось, что я обязанъ этимъ неудовольствіемъ сплетнямъ одной классной дамы, которой я не имѣлъ счастія понравиться. Она гдѣ-то, кому-то говорила обо мнѣ что-то недоброжелательное. Это дошло до Германа, и тотъ счелъ нужнымъ вмѣшаться. Въ сущности вышелъ вздоръ, но инспектору слѣдовало бы быть осторожнѣе и учтивѣе.

— 10. Вторая лекція моя въ университетѣ была удачнѣе первой, а третья еще больше удовлетворила меня, но четвертая была опять нѣсколько слабѣе. Я выражался не совсѣмъ опредѣленно, и у меня не доставало полноты идей. Главное, что я до сихъ поръ не могу преодолѣть нѣкоторой застѣнчивости при появленіи на каѳедрѣ и отъ того бываю не ровенъ. Со временемъ, вѣроятно, это пройдетъ и я, вмѣстѣ съ равнодушіемъ, пріобрѣту и развязность, отъ недостатка которой теперь страдаю.

Октябрь.—8. Въ нашемъ кругу случилось очень печальное происшествіе. Былъ Петръ Поповъ, молодой человѣкъ 23-хъ лѣтъ, съ отличными способностями, блестящимъ умомъ и богатой фантазіей. Онъ застрѣлился. Что же могло побудить его къ такому шагу? Онъ не оставилъ никакихъ разъясненій. Въ началѣ нашего знакомства я замѣтилъ, что эта многообъемлющая душа не имѣла ни опредѣленной цѣли своихъ стремленій, ни сосредоточенности въ силахъ, чтобы положительною дѣятельностью спасти себя отъ внутренняго недовольства. Мы часто говорили съ нимъ объ этомъ. Я не терялъ надежды, что мало по-малу онъ успокоится; что какая нибудь идея возстанетъ въ немъ, какъ знамя соберетъ вокругъ себя всѣ силы его души и дастъ ему работу. Но, къ несчастью, недовольство собой все росло. Онъ пытался искать отвлеченія во внѣшнемъ мірѣ, но былъ слишкомъ благороденъ, чтобы искать его въ грязной сторонѣ жизни и обратился—къ любви. Ему понравилась одна дѣвушка. Онъ сдѣлалъ ей предложеніе; она отвергла его. Тогда онъ подумалъ, что надъ нимъ совершился актъ отверженія отъ всего человѣческаго. По подробностямъ, которыя теперь до насъ дошли, видно, что онъ въ теченіе двухъ недѣль хладнокровно обдумывалъ свое намѣреніе—и съ твердостью, достойною лучшаго дѣла.

Замѣчательно еще одно обстоятельство: его отецъ тоже лишилъ себя жизни, а именно 23-го сентября. Сынъ избралъ для

себя тотъ же самый день. Бѣднаго юношу съ пятницы повсюду искали, ибо онъ не возвращался домой. Мы съ Печеринымъ томились тяжелымъ предчувствіемъ. Наконецъ, на четвертый день, нашли свѣжую могилу близъ дачи Ланскаго, у самой дороги. Плащъ, фракъ и жилетъ покойнаго, тутъ же найденные, показали, кто онъ.

Поповъ застрѣлился двумя пулями въ ротъ, какъ разсказали тѣ, которые его подняли и дали ему могилу. Это происходило въ пятницу въ то самое время, когда друзья его бесѣдовали между собой у меня. Многіе освѣдомлялись:

— Гдѣ Поповъ?

Онъ былъ самымъ постояннымъ посѣтителемъ нашихъ пятницъ. Въ четвергъ, то есть, наканунѣ своей смерти, онъ, вмѣстѣ съ нами, пробылъ у Михайлова часу до втораго ночи, и ничто не обличало въ немъ въ этотъ вечеръ даже грусти, не только отчаянія. Онъ былъ веселъ, остроуменъ, пѣлъ.

Онъ пользовался репутаціей одного изъ лучшихъ учителей Пажескаго корпуса и первой гимназіи. Въ обоихъ заведеніяхъ его очень любили. Предметъ его былъ исторія. Но онъ имѣлъ кромѣ того, много разнообразныхъ свѣдѣній. Онъ зналъ языки: греческій, латинскій, французскій, нѣмецкій, англійскій, шведскій, датскій. На новѣйшихъ онъ говорилъ, какъ на своемъ собственномъ. Кажется, не было такого литературнаго произведенія, съ которымъ бы онъ не былъ близко знакомъ. Все это взяла могила.

— 10. Новое печальное событіе! Умеръ отъ воспаленія въ мозгу, вслѣдствіе сильной простуды, Владиміръ Козьмичъ Шипулинскій, одинъ изъ близкихъ сердцу моему, благороднѣйшихъ и высоко образованныхъ людей. И этому тоже едва минуло 26 лѣтъ. Ему и по службѣ везло: онъ былъ уже начальникомъ отдѣленія. Жизнь простирала къ нему объятія, но одно дуновеніе вѣтра унесло отъ насъ его прекрасную душу со всѣми ея благородными начинаніями.

На прошедшей недѣлѣ въ субботу я провелъ съ нимъ цѣлый вечеръ въ задушевной бесѣдѣ. Онъ былъ полонъ жизни и надеждъ, а духъ разрушенія уже виталъ надъ нимъ. Мы видѣлись въ послѣдній разъ. И какъ только хватаетъ у человѣка еще легкомыслія суесловить о счастіи, о величіи!

Трупъ Попова былъ найденъ возлѣ дороги, до половины съѣденный собаками и волками. Ему дали тѣсную и неглубокую могилу, полагая, что его будутъ отрывать для производства слѣдствія. Между тѣмъ кусокъ человѣческаго тѣла соблазнилъ животныхъ. Они добрались до него ночью, и полиція нашла его уже вполнѣ обезображеннымъ. И это, двѣ недѣли тому назадъ, еще называлось человѣкомъ, носило въ своемъ обширномъ умѣ столько мыслей, въ сердцѣ столько страстей!..

Въ Пажескомъ корпусѣ особенно любили Попова. Пажи хотѣли сдѣлать подписку въ пользу его бѣдной матери, которая осталась безъ всякихъ средствъ къ существованію — запретили.

Сегодня Быстроглазовъ, двоюродный братъ Шипулинскаго, приглашалъ меня на его погребеніе завтра. А въ воскресенье я долженъ быть шаферомъ у Бороздина, который женится на дѣвицѣ Богдановой. Высокое и смѣшное, трагедія и комедія, кровь, слезы, смѣхъ—все смѣшано, скомкано, сбито въ одну кучу—толку не доберешься. А отъ человѣка такъ много требуютъ. Посылаютъ его въ жизнь, какъ на вольность, и запираютъ въ кругъ педантическихъ обязанностей, одѣваютъ въ кандалы. Все, что онъ можетъ съ достовѣрностію—это только говорить вечеромъ: „мой день“, о томъ, который прошелъ.

— 26. Новое гоненіе на литературу. Нашли въ сказкахъ Луганскаго какой-то страшный умыселъ противъ верховной власти и т. д.

Я читалъ ихъ: это не иное что, какъ просто милая русская болтовня о томъ, о семъ. Главное достоинство ихъ въ народности разсказа. Но люди, близкіе ко двору, видятъ тутъ какой-то политическій умыселъ. За преслѣдованіемъ дѣло не станетъ. Больно, истинно больно честному человѣку видѣть, какъ этими странными мѣрами шевелятъ страсти, которыя безъ этого или спокойно дремали бы, или обращались къ полезнымъ цѣлямъ. Отними у души возможность раскрываться передъ согражданами, изливать передъ ними свои мысли и чувства, это заставитъ ее погружаться въ себя и питать тамъ мысли суровыя, мечту о лучшемъ порядкѣ вещей. Въ смыслѣ политическомъ это опасно.

Я послалъ въ „Пчелу“ краткое жизнеописаніе Шипулинскаго. Мнѣ говорятъ, что и здѣсь многое надо измѣнить; напримѣръ: „Среди занятій своихъ по должности онъ не покидалъ литера-

туры. Дѣла службы не погасили въ немъ чистой, благородной любви къ литературѣ — любви, которая, возвышая душу, не только не препятствуетъ исполненію другихъ обязанностей, но, напротивъ, питаетъ въ насъ рвеніе къ подвигамъ правды и чести".—Чиновнику вмѣняется въ преступленіе заниматься литературою—и этого мѣста нельзя напечатать. О tempora, o mores!

1833 годъ.

Январь—1. Новый годъ встрѣчалъ у Деля и провелъ нѣсколько часовъ въ пріятномъ обществѣ пепиньерокъ и классныхъ дамъ Смольнаго монастыря. Вообще, онѣ очень милы и гораздо образованнѣе дѣвицъ, воспитанныхъ въ гостинныхъ.

— 2. Поутру писалъ свою университетскую рѣчь, которую готовлю къ печати. Занимался съ полковникомъ Сутгофомъ русскою словесностью. Въ канцеляріи накопилась масса дѣлъ. Объявилъ согласіе преподавать словесность въ Аудиторскомъ училищѣ. Вечеромъ былъ съ Печеринымъ въ театрѣ. Играли оперу-водевиль: „Пажи Фридриха Втораго"—пустенькую, но довольно забавную пьесу, и „Разводъ", интрига которой хорошо ведена.

Дюръ—отличный актеръ: онъ живо и непринужденно играетъ.

Сегодня Екимовъ просилъ позволенія прочесть мнѣ переводъ свой шекспирова „Купца". Я назначилъ ему пятницу. Былъ у меня Куторга старшій. Онъ получилъ степень доктора медицины. Это мыслящая голова, самостоятельная. Онъ намѣренъ жить по человѣчески, а не по школьному.

— 7. Сегодня въ 5 часовъ утра пріѣхалъ съ балу отъ Германа. Тамъ было много монастырокъ. Онѣ всѣ такъ ласковы ко мнѣ. Дѣвицы Александра Слонецкая и Эмилія Германъ мыслящія и образованныя. Бесѣда съ ними очень пріятна.

Старикъ Германъ оканчиваетъ Аристиповски свое земное поприще. Онъ уменъ, любезенъ по своему, хитеръ. Съ нимъ были у меня маленькія размолвки, но теперь онъ, кажется, пересталъ на меня посягать. Тимаевъ, его помощникъ, человѣкъ добрый и съ образованіемъ, но слабъ характеромъ; ему хотѣлось, чтобы

я преподавалъ словесность въ Екатерининскомъ институтѣ по его неполному руководству. Я отвергъ это и долженъ сказать, что онъ не выказываетъ никакого неудовольствія.

— 10. Всѣ эти дни я провелъ дома за перепиской моей вступительной лекціи въ университетѣ, которою желалъ бы нѣсколько изгладить дурное впечатлѣніе, произведенное, какъ я опасаюсь, произнесеніемъ ея или, лучше сказать, импровизаціей. Я читалъ ее въ воскресенье Галичу. Онъ очень доволенъ ею. Не нашелъ ни одной мысли, не соотвѣтствующей дѣлу. Горячо одобрилъ изложеніе нѣкоторыхъ частей ея, за то въ другихъ желалъ бы видѣть меньше рѣзкости и пылу.

— 11. Начались лекціи въ институтѣ. Классы почти пусты, потому что большая часть дѣвицъ больны.

Въ городѣ свирѣпствуетъ какая-то эпидемія: боль горла, головы, непріятное ощущеніе во всемъ тѣлѣ—вотъ признаки ея; впрочемъ, она не опасна.

Былъ у Штерича. Хотя ему теперь и лучше, но у него, кажется, начало чахотки. Я люблю его. Онъ благороденъ, добръ, постигаетъ все прекрасное и возвышенное; у него есть воображеніе и притомъ самое утонченное свѣтское образованіе. Обращеніе его исполнено мягкости и прелести, происходящихъ не отъ формы, а отъ души. Онъ постигъ искусство нравиться въ его самомъ привлекательномъ видѣ, т. е. любовью склоняя къ себѣ сердца.

— 14. Былъ, между прочимъ, сегодня у инспектора классовъ Воспитательнаго дома, Александра Григорьевича Ободовскаго. Онъ просилъ меня взять на себя преподаваніе русской словесности въ классѣ гувернантокъ. Но я далъ уже слово инспектору Аудиторскаго училища и не имѣю больше времени.

Впрочемъ, какъ мои занятія въ Воспитательномъ домѣ могли бы начаться не раньше, какъ черезъ два мѣсяца, то до тѣхъ поръ еще многое можетъ измѣниться. Во всякомъ случаѣ, я полагаю, что могъ бы принести больше пользы, образуя воспитательницъ будущаго поколѣнія, нежели солдатъ.

Вчерашняя пятница была у меня бѣдна посѣтителями. Эпидемическая болѣзнь, которую называютъ гриппомъ, многихъ засадила дома. Между прочимъ, былъ Кирѣевъ, авторъ трагедіи „Тассъ“. Это человѣкъ съ горячею, оригинальною душею и

свѣтлымъ умомъ. Рѣчи его отзываются горькою ироніею на жизнь вообще и на жизнь русскую въ особенности—жизнь солдатскую преимущественно. Онъ служитъ адъютантомъ у Клейнмихеля.

Ободовскій показался мнѣ человѣкомъ образованнымъ. Какъ педагогъ, онъ смотритъ на вещи яснымъ окомъ, какъ человѣкъ—онъ проникнутъ стремленіемъ дѣлать, сколь возможно, болѣе добра на благородномъ поприщѣ, на которомъ онъ дѣйствуетъ. Мнѣ хотѣлось бы съ нимъ служить.

Сегодня меня очень порадовало въ институтѣ первое отдѣленіе. Я сдѣлалъ неожиданную репетицію. Дѣвицы отвѣчали превосходно. Мнѣ кажется—главное достигнуто. Души ихъ раскрылись къ принятію тѣхъ идей, которыя я желалъ бы вдохнуть въ нихъ. Между ними и мною образовалось духовное родство, безъ котораго наставленія теряются въ воздухѣ.

Менѣе доволенъ я сегодня своею университетскою лекціею „О пѣсни и элегіи". Никакъ не могу до сихъ поръ наладить своего дѣла здѣсь, по крайней мѣрѣ такъ, чтобы не чувствовать сильнаго недовольства собой.

— 20. Наконецъ, и меня прихватилъ гриппъ. Но такъ какъ сегодня пятница, то меня, по обыкновенію, посѣтили нѣкоторые изъ пятничныхъ завсегдатаевъ. Екимовъ читалъ свой переводъ шекспировой драмы „Венеціанскій купецъ". Онъ оставилъ у меня эту пьесу и „Лира", котораго тоже перевелъ. Послѣдній принятъ уже на сцену.

Женщина въ злодѣяніи отлична отъ мужчины. Одна предпочитаетъ дѣйствовать ядомъ, другой кинжаломъ. Такъ и должно быть. Хотя бы женщина была самъ дьяволъ, она не можетъ любить крови.

— 26. Въ институтѣ у меня въ классѣ былъ Виламовъ вмѣстѣ съ Гулакъ-Артемовскимъ, профессоромъ харьковскаго университета и членомъ совѣта тамошняго женскаго института.

Я экзаменовалъ дѣвицъ. Онѣ робѣли, но отвѣчали хорошо, только говорили немного тихо. Инспектриса замѣтила, что я не лучшихъ вызывалъ. У насъ все дѣлается для парада и показа.

Азія посылаетъ новый бичъ на Европу—какую-то язву. Говорятъ, она уже показалась въ Оренбургѣ. Это горячка тифусъ.

— 29. Погода ужасная. Дождь. Снѣгъ на улицахъ почти со-

всѣмъ исчезъ. Въ городѣ очень много больныхъ. Много также умираетъ. Это не зараза, однако, особаго рода эпидемія. Какъ бы то ни было, люди гибнутъ, какъ мухи.

Вчера до четырехъ часовъ провелъ на балу у Германа. Когда нибудь съ бала да въ могилу. Но, говоритъ поэтъ, есть упоеніе на краю бездны. У Германа между чиновниками велся продолжительный и скучный разговоръ о наградахъ, коими осыпаны трудившіеся надъ составленіемъ Свода Законовъ. Звѣзды, чины, аренды и деньги посыпались, какъ градъ, на этихъ людей. Чиновники въ страшномъ волненіи: „да какъ, да за что, да почему?“ и проч., и проч.; толкамъ нѣтъ конца. Слушая все это, я невольно заворачивалъ отвороты моего вицмундира, чтобы скрыть пуговицы, символъ моего чиновничества. Эти люди, впрочемъ, правы, что желаютъ креста, чина: безъ этого кто же призналъ бы ихъ за людей? Если ты хочешь отъ общества пищи сердцу или страстямъ своимъ, то долженъ предъявить ему всѣ эти блестящія бездѣлицы. Хочешь имѣть милую, образованную подругу—справься прежде съ табелью о рангахъ и тогда только приступай къ дѣлу. Уваженіе, любовь людей, все, все надо покупать вывѣскою достоинствъ, которыхъ всего чаще не имѣешь. Но ты хочешь быть свободенъ—такъ ты въ войнѣ съ обществомъ. Счастливъ, если успѣешь спасти свое тѣло отъ холода и голода. Больше ничего не требуй.

— 30. Вчера былъ на великолѣпномъ обѣдѣ у прекрасной вдовы полковницы Зеландъ. Тутъ было нѣсколько военныхъ генераловъ. Разговоръ ихъ о лошадяхъ и выправкѣ солдатъ показался мнѣ крайне скучнымъ. Насъ четверо: я, два Гебгардта и Лингвистъ, составляли отдѣльный кружокъ, который занимался не столько яденіемъ, сколько сужденіемъ о яствахъ и о тѣхъ, которые ѣли. Обѣдъ былъ бы очень хорошъ, еслибъ послѣдніе сколько нибудь соотвѣтствовали первымъ. Можно бы сдѣлать вопросъ: худой человѣкъ не меньше ли хорошаго соуса. Конечно, меньше, потому что худой человѣкъ не исполняетъ своего назначенія, а хорошій соусъ исполняетъ. Зато сама г-жа Зеландъ сіяла красотой и радушіемъ

Мы встали изъ-за стола въ семь часовъ и чуть не опрометью бросились изъ столовой, чтобы застать еще спектакль: въ этотъ вечеръ въ Большомъ театрѣ давали „Ричарда“ въ такомъ или

почти такомъ видѣ, въ какомъ вышелъ онъ изъ творческой головы Шекспира.

Мы помчались столь быстро, сколько позволяла кляченка Ваньки, и явились въ театръ, когда первое дѣйствіе уже оканчивалось. О, Шекспиръ, Шекспиръ! Къ какимъ варварамъ попалъ ты! На перечетъ восемь или девять человѣкъ во всемъ театрѣ, который былъ полонъ, изъявляли восторгъ: все прочее многолюдіе или безлюдіе было глухо, нѣмо, безъ рукъ: ни восклицанія, ни рукоплесканія! Зато нашъ Печеринъ возвратился домой съ опухшими руками: но не жалѣлъ ихъ для великаго Шекспира. Нѣтъ, наша публика, рѣшительно, еще не вышла изъ дѣтства. Ей нужны куклы, полеты, превращенія. Глубины страстей, идеи искусства ей недоступны. Мнѣ стало грустно. Ко мнѣ подошелъ Кирѣевъ; я сказалъ ему:

— Кажется, публика довольна!

Онъ улыбнулся печально. Я дѣлалъ глупости, однако-жъ, говорилъ вслухъ Гебгардту:

— Объявите, пожалуйста, этимъ господамъ, которые сидятъ вотъ тамъ, въ креслахъ, что Шекспиръ начальникъ отдѣленія въ департаментѣ N. N. или что онъ поручикъ гвардіи: авось они одобрятъ вызовомъ переводчика изъ уваженія къ именитости автора.

По окончаніи пьесы едва нашлось съ дюжину голосовъ, чтобы вызвать переводчика. Онъ не скоро явился. Онъ человѣкъ образованный. Это самъ актеръ, игравшій Ричарда, Брянскій.

Февраль.—11. Вчера въ пятницу былъ нашъ обыкновенный годичный пиръ. Не было Гедерштерна и Иванова, не знаю почему. Полѣновъ въ Греціи, а Поповъ въ могилѣ. Мы много вспоминали о послѣднемъ. Все было дружно по прежнему, но радость была не безъ примѣси печали.

Въ десятомъ часу мы съ Гебгардтами поѣхали на балъ къ Зеландъ. Тамъ нашли мы десятка два мущинъ и столько же дамъ: Танцовали и говорили, какъ автоматы. На балу присутствовалъ также женихъ прелестной г-жи Зеландъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Обрѣзковъ: это старикъ лѣтъ семидесяти. Чета достойная кисти Жанена.

Мартъ—16. Сегодня провожалъ я въ могилу бѣднаго Штерича. Онъ умеръ отъ лютой чахотки послѣ шестимѣсячныхъ стра-

даній. Я лишился въ немъ человѣка, котораго горячо любилъ и который былъ мнѣ искренне преданъ. Горькая потеря. Передъ гробомъ его несли пармскую звѣзду, полученную имъ отъ бывшей императрицы французской.

Онъ умеръ съ возвышенными чувствами христіанина. Священникъ, исполнявшій надъ нимъ обряды религіи, былъ глубоко тронутъ, особенно словами: „Одного не прощу себѣ, что я въ жизни мало старался узнать Бога и непонималъ его такъ, какъ понимаю теперь“. Предчувствіе конца обнаружилось въ немъ недѣли за три. Сначала онъ тосковалъ, былъ мраченъ и безпокоенъ. Потомъ, мало по малу, началъ погружаться въ самого себя и спокойствіе осѣнило его страждущую душу. По временамъ только онъ ослабѣвалъ физически и нерѣдко впадалъ въ безпамятство. За три дня до кончины онъ созвалъ всѣхъ своихъ людей, объявилъ имъ свободу и нѣкоторыхъ наградилъ. Спрашивалъ меня, но меня не было. Позвалъ нѣкоторыхъ изъ случившихся у него пріятелей и съ ними также простился. Въ день кончины онъ много страдалъ физически. Къ полуночи онъ началъ тяжело дышать, сказалъ:

— Теперь я засну, скажите матушкѣ, что я засну,—оборотился на лѣвый бокъ; дыханіе становилось рѣже и рѣже; къ нему подошелъ его дядя, Симанскій; руки Штерича уже были холодны; еще вздохъ—и актъ уничтоженія совершился. Никакихъ конвульсій, только, по временамъ, онъ вздрагивалъ плечомъ.

Я уже нашелъ его въ гробу. Онъ очень былъ худъ, но лицо выражало важное спокойствіе. Мы проводили его пѣшкомъ до самаго Невскаго монастыря.

Апрѣль.—4. Третьяго дня я читалъ попечителю мою вступительную лекцію „О происхожденіи и духѣ литературы“, которую отдаю въ печать. Онъ совѣтовалъ мнѣ вычеркнуть нѣсколько мѣстъ, которыя, по собственному его сознанію, исполнены и нравственной, и политической благонамѣренности.

— Для чего же? спросилъ я:

— Для того, отвѣчалъ онъ,—что ихъ могутъ худо перетолковать—и бѣда цензору и вамъ.

Я, однако, оставилъ ихъ, ибо безъ нихъ сочиненіе не имѣло бы ни смысла, ни силы.

Неужели, въ самомъ дѣлѣ, все честное и просвѣщенное такъ

мало уживается съ общественнымъ порядкомъ! Хорошъ же послѣдній! На что же заводить университеты? Непостижимое дѣло! Опять велѣно отправить за границу для усовершенствованія въ наукахъ двадцать избранныхъ молодыхъ людей,—а что они будутъ дѣлать тутъ, возвратясь со своими познаніями, съ благороднымъ стремленіемъ озарить свое поколѣніе свѣтомъ истины...

...Было время, что нельзя было говорить объ удобреніи земли, не сославшись на тексты изъ Свящ. Писанія. Тогда Магницкіе и Руничи требовали, чтобы философія преподавалась по программѣ, сочиненной въ министерствѣ народнаго просвѣщенія; чтобы, преподавая логику, старались бы въ то-же время увѣрить слушателей, что законы разума не существуютъ; а преподавая исторію, говорили бы, что Греція и Римъ вовсе не были республиками, а такъ чѣмъ-то похожимъ на государства съ неограниченною властью, въ родѣ турецкой или монгольской. Могла ли наука принести какой-нибудь плодъ, будучи такъ извращаема? А теперь? О, теперь совсѣмъ другое дѣло. Теперь требуютъ, чтобы литература процвѣтала, но никто бы ничего не писалъ ни въ прозѣ, ни въ стихахъ; требуютъ, чтобы учили какъ можно лучше, но чтобы учащіе не размышляли, потому что учащіе—что такое? Офицеры, которые (сурово) управляются съ истиной и заставляютъ ее вертѣться во всѣ стороны передъ своими слушателями. Теперь требуютъ отъ юношества, чтобы оно училось много и при томъ не механически — но чтобы оно не читало книгъ и никакъ не смѣло думать, что для государства полезнѣе, если его граждане будутъ имѣть свѣтлую голову, вмѣсто свѣтлыхъ пуговицъ на мундирѣ.

— 5. У насъ уже недѣли три какъ новый министръ народнаго просвѣщенія Сергѣй Семеновичъ Уваровъ. Сегодня ученое сословіе представлялось ему, въ томъ числѣ и я, но представленіе это имѣло строго оффиціальный характеръ.

— 10. Сегодня Николай Павловичъ посѣтилъ нашу первую гимназію и выразилъ неудовольствіе. Вотъ причины. Дѣти учились. Онъ вошелъ въ пятый классъ, гдѣ преподавалъ исторію учитель Турчаниновъ. Во время урока одинъ изъ воспитанниковъ, впрочемъ, лучшій и по поведенію, и по успѣхамъ, съ вниманіемъ слушалъ учителя, но только облокотясь. Въ этомъ увидѣли нарушеніе дисциплины.... Повелѣно попечителю отста-

вить отъ должности учителя Турчанинова . . . .

. . . .

Послѣ сего государь вошелъ въ классъ къ священнику—и здѣсь та-же исторія. Всѣ дѣти были въ полномъ порядкѣ, но, къ несчастью, одинъ мальчикъ опять сидѣлъ, прислонясь спиной къ заднему столу. Священнику былъ сдѣланъ выговоръ, на который онъ, однако, отвѣчалъ съ подобающимъ почтеніемъ:

— Государь, я обращаю вниманіе болѣе на то, какъ они слушаютъ мои наставленія, нежели на то, какъ они сидятъ.

Попечителю опять горе: вотъ уже третій разъ...

— 12. Посѣщеніе государя первой гимназіи имѣло болѣе важныя послѣдствія, чѣмъ сначала казалось. Попечитель, нашъ благородный, просвѣщенный начальникъ, исполненный любви къ людямъ и къ Россіи—человѣкъ, которому недоставало только воли и счастья, чтобы занять одинъ изъ важнѣйшихъ постовъ въ государствѣ—однимъ словомъ, Константинъ Матвѣевичъ Бороздинъ принужденъ подать въ отставку. Вчера онъ уже написалъ письмо къ министру.

Но вотъ черта его, лично ко мнѣ относящаяся, которая тронула меня до глубины души. Онъ позвалъ меня въ кабинетъ и сказалъ:

— Ты знаешь, что я всегда видѣлъ въ тебѣ и, дѣйствительно, имѣлъ не чиновника, не подчиненнаго, но сына. Мнѣ жаль съ тобой разстаться. Но вотъ что я могу для тебя сдѣлать, насколько позволяютъ мои разстроенныя обстоятельства: когда и твоей ладьѣ въ этомъ политическомъ морѣ придется спасаться отъ мелей и камней—спѣши ко мнѣ. Я назначилъ тебѣ изъ моего имѣнія двадцать душъ и около двухсотъ десятинъ земли. Тамъ, по крайней мѣрѣ, ты найдешь пріютъ [1]).

Я ничего не могъ сказать. Слезы покатились у меня изъ глазъ, и мы горячо обнялись...

На его мѣсто хотятъ назначить графа Віельгорскаго.

— 16. Министръ избралъ меня въ цензоры, а государь утвердилъ въ семъ званіи. Я дѣлаю опасный шагъ. Сегодня министръ очень долго со мной говорилъ о духѣ, въ какомъ я долженъ дѣйствовать. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка государственнаго и просвѣщеннаго.

---

[1]) Это впослѣдствіи не состоялось. *Ред.*

— Дѣйствуйте, между прочимъ, сказалъ онъ мнѣ,—по системѣ, которую вы должны постигнуть не изъ за одного цензурнаго устава, но изъ самыхъ обстоятельствъ и хода вещей. Но при томъ дѣйствуйте такъ, чтобы публика не имѣла повода заключать, будто правительство угнетаетъ просвѣщеніе.

Я хотѣлъ было попросить у него увольненія отъ должности правителя попечительской канцеляріей, но онъ изъявилъ свое рѣшительное желаніе, чтобы я остался еще въ этомъ званіи.

Май.—4. Попечителемъ нашимъ назначенъ князь Михаилъ Александровичъ Дондуковъ-Корсаковъ. Онъ перваго мая вступилъ въ отправленіе должности. Онъ, кажется, человѣкъ благородный и образованный.

Всѣ эти дни я измученъ канцелярскими дѣлами. Я погрязъ въ нихъ и не имѣю времени для литературныхъ занятій. Такъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ, годъ за годомъ текутъ, унося съ собою лучшія силы мои...

Августъ.—19. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я женатъ [1]).

1834 годъ.

Январь.—1. Полночь. 1834 годъ. Я возобновляю мой дневникъ, прекратившійся было со времени моей женитьбы. Время мое расхищено мелочными заботами канцелярской жизни. Какъ избѣжать этого? Горе людямъ, которые осуждены жить въ такую эпоху, когда всякое развитіе душевныхъ силъ считается нарушеніемъ общественнаго порядка. Немудрено, что и мои университетскія лекціи не таковы, какими бы я хотѣлъ и могъ бы сдѣлать ихъ. Правда, я слышу со всѣхъ сторонъ, что я создаю школу, что я отбрасываю отъ себя лучи свѣта—но въ моихъ глазахъ все это какъ-то тускло, нетеплотворно.

...... администрація жметъ меня въ своихъ когтяхъ и выжимаетъ изъ меня энергію. Часто приходится обдумывать лекціи только у порога университета.

Изъ всего этого выходитъ, что дѣятельность моя уподоб-

---

[1]) На этомъ обрывается 1833 годъ. *Ред.*

ляется нестройнымъ облакамъ, движущимся туда и сюда, по направленію вѣтра. Въ ней нѣтъ солнца истины, нѣтъ постояннаго животворнаго сіянія.

Я опять просилъ уволить меня отъ канцеляріи. Но министръ говоритъ, что я нуженъ, проситъ еще остаться. Будемъ биться до смерти.

— 3. Министръ призывалъ меня по дѣламъ цензуры. Олинъ написалъ похвальное слово нынѣшнему царствованію. Въ немъ расточены напыщенныя похвалы государю и Паскевичу. Эта книженка была мнѣ поручена на цензуру. Въ безвыходномъ положеніи оказывается цензоръ въ такихъ случаяхъ: по духу—такихъ книгъ запрещать нельзя, а пропускать ихъ какъ-то неловко. Къ счастью, государь на этотъ разъ самъ разъяснилъ вопросъ. Я пропустилъ эту книжку, однако, вычеркнувъ изъ нея нѣкоторыя мѣста, напримѣръ, то мѣсто, гдѣ авторъ называлъ Николая I богомъ. Государю все-таки не понравились неумѣренныя похвалы, и онъ поручилъ министру объявить цензорамъ, чтобы впредь подобныя сочиненія не пропускались. Спасибо ему!

Я сдѣланъ членомъ комитета, учрежденнаго для выработки правилъ надзора за частными учебными заведеніями. Предсѣдатель—князь Дондуковъ-Корсаковъ; прочіе члены: директоръ Педагогическаго Института Миддендорфъ, профессоры Фишеръ и Шнейдеръ, ректоръ университета Дегуровъ. Боюсь, однако, что вся работа опять повиснетъ на моихъ плечахъ.

— 5. Недавно познакомился я съ Несторомъ Кукольникомъ, авторомъ драматической фантазіи: „Торквато Тассо". Это человѣкъ съ несомнѣннымъ талантомъ, но душа его пока для меня неясна. Онъ читалъ у меня на литературномъ вечерѣ свою новую драму: „Джуліо Мости". Она растянута, и довольно скучна въ цѣломъ. Характеръ главнаго дѣйствующаго лица не выдержанъ, но есть сцены, исполненныя истинно драматической жизни. Кукольникъ далеко пойдетъ, если полюбитъ искусство и одно искусство—если, подобно многимъ другимъ, не попробуетъ соединить въ себѣ чиновника и поэта.

— 7. Баронъ Розенъ принесъ мнѣ свою драму „Россія и Баторій". Государь велѣлъ ему передѣлать ее для сцены, и баронъ передѣлываетъ. Жуковскій помогаетъ ему совѣтами. Отъ этой

драмы хотятъ, чтобы она произвела хорошее впечатлѣніе на духъ народный.

Между барономъ Розеномъ и Сенковскимъ произошла недавно забавная ссора. По словамъ Сенковскаго, баронъ просилъ написать рецензію на его драму и напечатать въ „Библіотекѣ для Чтенія“, разсчитывая, конечно, на похвалы. Сенковскій обѣщалъ, но выставилъ въ своей резенціи баронскаго „Баторія“ въ такой паралелли съ кукольниковымъ „Тассо“, что послѣдній совершенно затмилъ перваго. Баронъ разсердился, написалъ письмо къ критику и довелъ его до того, что тотъ рѣшился не печатать своего разбора, не преминувъ, впрочемъ, сдѣлать трагику не слишкомъ-то лестныя замѣчанія. Оба были у меня, оба жаловались другъ на друга. Но съ Сенковскимъ, кому бы то ни было, опасно соперничать въ ядовитости.

— 8. „Библіотека для Чтенія“, журналъ, издаваемый Смирдинымъ, порученъ на цензуру мнѣ. Это сдѣлано по особенной просьбѣ редакціи, которая льститъ мнѣ, называя „мудрѣйшимъ изъ цензоровъ“.

Съ этимъ журналомъ мнѣ много заботъ. Правительство смотритъ на него во всѣ глаза. Ш . . .ны точатъ на него когти, а редакція такъ и рвется впередъ со своими нападками на всѣхъ и на все. Сверхъ того, наши почтенные литераторы взбѣленились, что Смирдинъ платитъ Сенковскому 15 тысячъ рублей въ годъ. Каждому изъ нихъ хочется свернуть шею Сенковскому, и вотъ я уже слышу восклицанія:—„Какъ это можно? Поляку позволили направлять общественный духъ! Да онъ революціонеръ! Чуть ли не онъ, съ Лелевелемъ, и произвели польскій бунтъ“. Самъ Сенковскій доставляетъ мнѣ много хлопотъ своею настойчивостью. У меня съ нимъ частыя столкновенія. Однимъ словомъ, я осажденъ со всѣхъ сторонъ. Надо соединить три несоединимыя вещи: удовлетворить требованію правительства, требованіямъ писателей и требованіямъ своего собственнаго внутренняго чувства. Цензоръ считается естественнымъ врагомъ писателей—въ сущности это и не ошибка.

— 9. Надо мною собиралась туча—я этого и не зналъ. Послѣ Ф. Ф. сдѣланъ членомъ Т. П., нѣкто... въ родѣ нравственной гарпіи, жаждущей выслужиться чѣмъ бы то ни было. Онъ въ особенности хищенъ на цензуру. Ловитъ каждую мысль, грызетъ ее, обли-

ваетъ ядовитою слюною и открываетъ въ ней намеки, существующіе только въ его низкой душѣ. Этотъ человѣкъ уже опротивѣлъ обществу, какъ холера. При прежнемъ министрѣ въ цензурѣ не проходило недѣли безъ какой нибудь исторіи, которую онъ пускалъ въ ходъ. Нынѣ вздумалъ онъ повторить прежнее. Въ первомъ номерѣ журнала „Библіотека для Чтенія", въ повѣсти Сенковскаго: „Жизнь женщины въ четырехъ часахъ", онъ привязался къ какой-то выходкѣ противъ начальниковъ канцелярій, принялъ ее за эпиграмму на себя, побѣжалъ къ Б., послалъ за Смирдинымъ, нашумѣлъ, накричалъ и уже распускалъ когти и на цензора. Къ счастью, его на этотъ разъ не послушали.

— 10. На Сенковскаго поднялся страшный шумъ. Всѣ участники въ „Библіотекѣ" пришли въ ужасное волненіе.

Разнесся слухъ, будто онъ позволяетъ себѣ статьи, поступающія къ нему въ редакцію, передѣлывать по своему.

Судя по его опрометчивости и характеру, довольно дерзкому, это весьма вѣроятно. У меня сегодня былъ Гоголь-Яновскій въ великомъ противъ него негодованіи.

Вотъ анекдотъ изъ нашей литературной хроники. Когда Смирдинъ выбиралъ для своего журнала редактора и не зналъ еще къ кому обратиться, является къ нему Павелъ Петровичъ Свиньинъ и, именемъ министра народнаго просвѣщенія, объявляетъ, что онъ назначенъ послѣднимъ въ редактора. На этомъ, пока, и остановилось дѣло.

Нѣсколько дней спустя, Смирдину понадобилось быть у министра.

— Кто вашъ редакторъ? спросилъ его тотъ.

— Это еще не рѣшено, ваше высокопревосходительство, но Свиньинъ...

— Что, что, прервалъ его министръ,—неужели ты хочешь ввѣрить свой журналъ этому п.... и л.... Для меня все равно кого ты ни изберешь; это твое дѣло. Но я думаю, что журналъ твой умретъ, не родясь, какъ только публика узнаетъ, что редакторомъ его избранъ Свиньинъ.

Смирдинъ, что называется, остолбенѣлъ. Оказалось, что почтенный литераторъ просто хотѣлъ надуть его и не даромъ торопилъ заключеніемъ условій послѣ того, какъ объявилъ, что

посланъ министромъ. Къ счастью, контрактъ еще не былъ подписанъ.

И сколько еще такихъ анекдотовъ изъ исторіи нашего современнаго образованія!

— 16. На Сенковскаго, наконецъ, воздвиглась политическая буря. Я получилъ отъ министра приказаніе смотрѣть какъ можно строже за духомъ и направленіемъ „Библіотеки для Чтенія". Приказаніе это такого рода, что если исполнять его въ точности, то Сенковскому лучше идти куда нибудь въ писаря, чѣмъ оставаться въ литературѣ. Министръ очень рѣзко говорилъ о его „полонизмѣ", о его „площадныхъ остротахъ" и проч. Примѣтивъ во мнѣ желаніе возражать, министръ круто повернулъ разговоръ и немедленно затѣмъ отпустилъ меня. Говоря по совѣсти, я рѣшительно не знаю, чѣмъ виноватъ Сенковскій, какъ литераторъ. Безвкусіемъ? Но это не касается правительства. Онъ не хвалитъ никого, а больше бранитъ, впрочемъ, его сатира общая. Конечно, я не могу поручиться за патріотическія или ультрамонархическія чувства его. Но то вѣрно, что онъ, изъ боязни-ли или изъ благоразумія никогда не выставляетъ себя либераломъ. Но чему тутъ удивляться? Вѣдь и баронъ Дельвигъ, человѣкъ слишкомъ лѣнивый, чтобы быть дѣятельнымъ либераломъ, былъ же обвиненъ въ неблагонамѣренномъ духѣ.

Я сдѣланъ экстраординарнымъ профессоромъ русской словесности.

— 21. Былъ у министра благодарить его за повышеніе. Я былъ принятъ очень хорошо. Со мной вмѣстѣ произведенъ въ экстраординарные профессора Устряловъ. Опять тѣ-же рѣчи на счетъ Сенковскаго. Я говорилъ въ пользу Смирдина, стараясь отклонить бѣду отъ его журнала, который все таки что нибудь да значитъ въ кругу нашего жалкаго образованія, или вѣрнѣе полуобразованія. Министръ сказалъ, что наложитъ тяжелую руку на Сенковскаго. Кажется, ему хочется, чтобы тотъ отказался отъ редакціи.

— 22. Я познакомился съ редакторомъ „Телескопа", профессоромъ Надеждинымъ. Мы обѣдали вмѣстѣ у Д. М. Княжевича. Въ сочиненіяхъ его много педантства, а въ наружности и обращеніи мало замѣчательнаго. Не знаю, съ чего онъ взялъ, что я сдѣланъ членомъ „Общества любителей русской словесности"

при московскомъ университетѣ: мнѣ объ этомъ ничего не извѣстно. Вчера онъ посѣтилъ меня. О „Телеграфѣ“ онъ говоритъ довольно скромно и безъ брани, но жестоко негодуетъ на Кукольника, который написалъ бранчивый разборъ его рѣчи „О современномъ направленіи изящныхъ искусствъ“.

— 26. Сенковскій, наконецъ, принужденъ былъ отказаться отъ редакціи „Библіотеки“. Впрочемъ, это только для виду. По крайней мѣрѣ, онъ попрежнему завѣдуетъ всѣми дѣлами журнала, хотя и напечаталъ въ „Пчелѣ“ свое отреченіе. Въ публикѣ много шуму отъ этого. Недоброжелатели Уварова сильно порицаютъ его. Онъ, дѣйствительно, въ этомъ случаѣ поступилъ деспотически. Разнесся нелѣпый слухъ, что онъ меня назначаетъ на мѣсто Сенковскаго. Благодарю покорно!

— 27. Сенковскій былъ у меня. Онъ заподозрилъ меня въ какихъ-то козняхъ противъ него и вскипѣлъ негодованіемъ. Я не оправдывался и не спорилъ, а попросилъ его переговорить съ княземъ. Тотъ объяснилъ ему все дѣло и приказанія, данныя министромъ.

Послѣ того онъ опять приходилъ ко мнѣ для примиренія.

Онъ хотѣлъ было даже оставить университетъ и ѣхать за границу. Князь возвратилъ ему просьбу и успокоилъ его тѣмъ, что буря, на него воздвигнутая, временная. Буря эта, однако, привела его въ ярость, онъ разсвирѣпѣлъ, какъ тигръ, за которымъ гонялись, уязвляя его. Онъ весь сложенъ изъ страстей, которыя кипятъ и бушуютъ отъ малѣйшаго внѣшняго натиска.

Февраль.—5. Вчера былъ я съ Кукольникомъ на вечерѣ у вице-президента академіи художествъ, графа Ѳедора Петровича Толстого. Семейство его образовано и пріятно. Тамъ встрѣтился я съ Лобановымъ, который въ патріотической ярости оплевывалъ со всѣхъ сторонъ бѣднаго Сенковскаго. Что это за люди эти педанты-патріоты, которые думаютъ, что, для того, чтобы прослыть народными, достаточно кричать, кричать, кричать во все горло: „давайте, будемъ патріотами, давайте, будемъ народными!“ Они забываютъ, что прежде всего надо быть человѣкомъ и притомъ честнымъ. Патріотизмъ есть плодъ чести: а гдѣ у насъ эта честь...

— 10. Священникъ Сидонскій написалъ дѣльную философскую книгу: „Введеніе въ философію“. Монахи за это отняли

у него каѳедру философіи, которую онъ занималъ въ Александро-Невской академіи. Удивляюсь, какъ они до сихъ поръ еще на меня не обрушились: я былъ цензоромъ этой книги.

Вотъ еще сказаніе о нихъ. Загоскинъ написалъ плохой романъ, подъ названіемъ „Аскольдова могила“.

Московскіе цензора нашли въ ней что-то о Владимірѣ Равноапостольномъ и рѣшили, что этотъ романъ подлежитъ разсмотру духовной цензуры. Отправили. Она въ конецъ растерзала бѣдную книгу. Загоскинъ обратился къ Бенкендорфу, и ему какъ то удалось исходатайствовать позволеніе на напечатаніе ея, съ исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ. Но я надняхъ былъ у министра и видѣлъ бумагу къ нему отъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, съ жалобою на богомерзкій романъ Загоскина.

— 15. Какъ безцѣльны всѣ эти разгадыванія промысла Божія въ дѣлахъ человѣческихъ. Мы нынѣ, между прочимъ, ломаемъ головы надъ Іоанномъ IV и Русью въ его время. Карамзинъ представляетъ его какимъ-то романическимъ тираномъ. Полевой видитъ въ немъ великаго человѣка, „могучее орудіе“ въ рукахъ Провидѣнія. Погодинъ же считаетъ его просто человѣкомъ ограниченнымъ. О Руси, ему современной, не менѣе толковъ, большею частью патріотическихъ.

Она обогряется кровью, трепещетъ въ судорожныхъ стонахъ подъ желѣзнымъ посохомъ Іоанна и все время смиренно говоритъ: „такъ угодно батюшкѣ . . . . По дѣламъ онъ душитъ насъ, смердящихъ псовъ, грѣшниковъ“.

— Какая доблесть! восклицаютъ наши патріоты, удивительный, великій народъ!

Но, право, все это гораздо проще и логичѣе. Іоаннъ—человѣкъ, рожденный съ сильной, энергической душею, испорченный дурнымъ воспитаніемъ, развращенный возможностью все дѣлать по своей волѣ, не находящій преградъ ей ни въ законѣ, ни въ общественномъ мнѣніи—и отъ всего этого звѣрь, чудовище, сумасшедшій—сумасшедшій отъ энергіи, развившейся среди страстей, которыя нигдѣ не встрѣчали себѣ узды. Это исторія всякаго человѣка. А Русь? Русь покорная раба, до полусмерти забитая татарами и своими князьями, потонувшая въ фатализмѣ христіанства, духъ коего былъ подавленъ буквою.

Полевой, впрочемъ, знаетъ, почему оправдываетъ Іоанна: это гроза аристократовъ.

— 16. Московскіе ученые чудныя вещи пишутъ. Вотъ, напримѣръ, рѣчь Надеждина: „О современномъ направленіи искусства“; вотъ вступительная лекція Погодина объ исторіи, напечатанная въ первой книжкѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“. Всѣ эти господа кидаются на высокія начала; имъ хочется вывести все, все изъ вѣчныхъ идей первообразовъ природы. Это бы ничего, если-бъ у нихъ былъ ясный умъ и ясный языкъ. Тогда, по крайней мѣрѣ, мы увидѣли бы стройную систему, въ которой, если-бы и не было больше безусловной истины, чѣмъ въ другихъ системахъ, то, по крайней мѣрѣ, была бы поэзія. Нѣтъ, они, какъ будто, стараются затмить одинъ другого пышностью варварской терминологіи и туманнымъ краснорѣчіемъ. Надеждинъ, напримѣръ, столпъ вавилонскій почитаетъ изящнѣйшимъ произведеніемъ древняго зодчества, на коемъ почили тайны вѣковъ—первообразомъ древняго міра и проч.

Итакъ, мы безпрестанно удаляемся отъ природы и толкаемъ образованіе наше изъ общества въ школу.

Марлинскій или Бестужевъ, нося въ умѣ своемъ много, очень много свѣтлыхъ мыслей, выражаетъ ихъ какимъ-то варварскимъ нарѣчіемъ и думаетъ, что онъ удивителенъ по силѣ и оригинальности.

Это эпоха броженія идей и словъ—эпоха нашего младенчества. Что изъ этого выйдетъ? По общему закону все перерабатывается въ лучшее для будущихъ поколѣній. Но когда настанетъ это будущее?

— 25. Былъ на вечерѣ у Смирдина. Тамъ находились также Сенковскій, Гречъ и—недавно пріѣхавшій изъ Москвы—Полевой. Съ послѣднимъ я теперь только познакомился. Это изсохшій, блѣдный человѣкъ, съ физіономіей сумрачной, но и энергической. Въ наружности его есть что-то фанатическое. Говоритъ онъ не хорошо. Однако, въ рѣчахъ его—умъ и какая-то судорожная сила. Какъ бы ни судили объ этомъ человѣкѣ его недоброжелатели, которыхъ у него тьма, но онъ принадлежитъ къ людямъ необыкновеннымъ. Онъ себѣ одному обязанъ своимъ образованіемъ и извѣстностью—а это что нибудь да значитъ. При томъ онъ одаренъ сильнымъ характеромъ, который твердо дер-

жится въ своихъ правилахъ, не смотря ни на соблазны, ни на вражду сильныхъ. Его могутъ притѣснять, но онъ, кажется, мало объ этомъ заботится.

— Мнѣ могутъ, сказалъ онъ,—запретить изданіе журнала: что-же? я имѣю, слава Богу, кусокъ хлѣба и въ этомъ отношеніи ни отъ кого не завишу.

Онъ съ жаромъ возсталъ на Сенковскаго за его нападки на французскую юную словесность.

— Что вы этимъ хотите сдѣлать? сказалъ онъ ему:—у насъ не должно бы было бранить новую школу. Согласенъ, что въ ней много преувеличеннаго, но есть много и геніальнаго, а вы не щадите ничего. У васъ Викторъ Гюго наравнѣ съ какимъ нибудь бездарнымъ кропателемъ романовъ. Да при томъ, Осипъ Ивановичъ, не вы ли сами пользуетесь и мыслями, и даже слогомъ этихъ господъ, которыхъ такъ безпощадно браните.

Сенковскій отвѣчалъ, что ненависть его къ новой французской школѣ есть плодъ свободнаго убѣжденія; что онъ всего больше ненавидитъ французскихъ современныхъ писателей за ихъ вражду противъ семейнаго начала—единственнаго, которое дано въ удѣлъ человѣку!! Что касается до того, будто онъ подражаетъ французскимъ писателямъ, то это несправедливо. Еще юная словесность и не существовала, онъ уже думалъ и писалъ, какъ думаетъ и пишетъ.

Послѣ этого Сенковскій сказалъ мнѣ, что онъ гораздо большаго ожидалъ отъ Полевого.

Полевой еще упрекалъ его за излишнія, преувеличенныя похвалы Кукольнику. На это Сенковскій ничего не нашелся сказать.

За всѣмъ этимъ послѣдовалъ отличный ужинъ съ отличными винами и съ неистощимымъ запасомъ анекдотовъ и каламбуровъ Греча.

— 27. Обѣдалъ у Сенковскаго. За столъ сѣли въ пять часовъ. Кушанье было отмѣнное, особенно вина, которыми хозяинъ много тщеславился.

Гречъ, по обыкновенію, смѣшилъ насъ своими анекдотами и эпиграммами. Сенковскій человѣкъ чрезвычайно раздражительный. Онъ за каждую бездѣлицу бѣсился на своихъ людей и выходилъ изъ себя, хотя они служили очень хорошо.

Мартъ.—16. Сегодня было большое собраніе литераторовъ у

Греча. Здѣсь находилось, я думаю, человѣкъ семьдесятъ. Предметъ засѣданія—изданіе энциклопедіи на русскомъ языкѣ. Это предпріятіе типографщика Плюшара. Въ немъ приглашены участвовать всѣ, сколько нибудь извѣстные, ученые и литераторы. Гречъ открылъ засѣданіе маленькою рѣчью о пользѣ этого труда и прочелъ программу энциклопедіи, которая должна состоять изъ 24-хъ томовъ и вмѣщать въ себѣ, кромѣ общихъ ученыхъ предметовъ, статьи, касающіяся до Россіи.

За симъ, каждый подписывалъ свое имя на приготовленномъ листѣ подъ наименованіемъ той науки, по которой намѣренъ представить свои труды. Я подписался подъ статьею: „Русская словесность“. Но, видя, что листъ подъ заглавіемъ „Русскій языкъ“ остается пустъ, я рѣшился и тутъ подписать свое имя, тѣмъ болѣе, что меня склонялъ къ этому Д. И. Языковъ, который изъявилъ свое сожалѣніе о пустотѣ этого листа.

Пушкинъ и князь В. Ѳ. Одоевскій сдѣлали маленькую неловкость, которая многимъ не понравилась, а иныхъ и разсердила. Всѣ присутствовавшіе, въ знакъ согласія, просто подписывали свое имя, а тѣ, которые не согласны, просто не подписывали. Но князь Одоевскій написалъ: „Согласенъ, если это предпріятіе и условіе онаго будутъ сообразны съ моими предположеніями“. А Пушкинъ къ этому прибавилъ: „Съ тѣмъ, чтобы моего имени не было выставлено“. Многіе приняли эту щепетильность за личное себѣ оскорбленіе.

Послѣ засѣданія пили шампанское. Здѣсь видѣлъ я многихъ изъ знакомыхъ мнѣ литераторовъ: Плетнева, Кукольника, Масальскаго, Устрялова, Галича, священника Сидонскаго и проч., и проч.

Сидонскій разсказывалъ мнѣ, какому гоненію подвергся онъ отъ монаховъ, разумѣется отъ Филарета, за свою книгу: „Введеніе въ философію“. Отъ него услышалъ я также забавный анекдотъ о томъ, какъ Филаретъ жаловался Бенкендорфу на одинъ стихъ Пушкина въ „Онѣгинѣ“, тамъ, гдѣ онъ, описывая Москву, говоритъ: „и стая галокъ на крестахъ“. Здѣсь Филаретъ нашелъ оскорбленіе святыни. Цензоръ, котораго призывали къ отвѣту по этому поводу, сказалъ, что „галки, сколько ему извѣстно, дѣйствительно, садятся на крестахъ московскихъ церквей, но что, по его мнѣнію, виноватъ здѣсь болѣе всего московскій полиц-

мейстеръ, допускающій это, а не поэтъ и цензоръ". Бенкендорфъ отвѣчалъ учтиво Филарету, что это дѣло не стоитъ того, чтобы въ него вмѣшивалась такая почтенная духовная особа: „еже писахъ, писахъ".

У насъ на образованіе смотрятъ, какъ на заморское чудовище: повсюду устремлены на него рогатины; немудрено, если оно взбѣсится.

Апрѣль.—5. Московскій „Телеграфъ" запрещенъ по приказанію Уварова. Государь хотѣлъ сначала поступить очень строго съ Полевымъ.—„Но, сказалъ онъ потомъ министру,—мы сами виноваты, что такъ долго терпѣли этотъ безпорядокъ".

Вездѣ сильные толки о „Телеграфѣ". Одни горько сѣтуютъ, „что единственный хорошій журналъ у насъ уже не существуетъ".

— Подѣломъ ему, говорятъ другіе: онъ осмѣливался бранить Карамзина. Онъ даже не пощадилъ моего романа. Онъ либералъ, якобинецъ—извѣстное дѣло и т. д., и т. д.

— 9. Былъ сегодни у министра. Докладывалъ ему о нѣкоторыхъ романахъ, переведенныхъ съ французскаго.

„Церковь Божьей Матери" Виктора Гюго онъ приказалъ не пропускать. Однако, отзывался съ великой похвалой объ этомъ произведеніи. Министръ полагаетъ, что намъ еще рано читать такія книги, забывая при этомъ, что Виктора Гюго и безъ того читаютъ въ подлинникѣ всѣ тѣ, для кого онъ считаетъ это чтеніе опаснымъ. Нѣтъ ни одной запрещенной иностранною цензурой книги, которую нельзя было бы купить здѣсь, даже у букинистовъ. Въ самомъ началѣ появленія „Исторіи Наполеона", сочиненія Вальтеръ-Скотта, ее позволено было имѣть въ Петербургѣ всего шести или семи государственнымъ людямъ. Но въ это же самое время мой знакомый Очкинъ вымѣнялъ его у носильщика книгъ за какіе-то глупые романы. О повѣстяхъ Бальзака, романахъ Поль-де-Кока и повѣстяхъ Нодье онъ приказалъ составить для него записку.

Я представилъ ему еще сочиненіе или переводъ Пушкина: „Анджело". Прежде государь самъ разсматривалъ его поэмы, и я не зналъ, имѣю ли я право цензоровать ихъ. Теперь министръ приказалъ мнѣ поступать въ отношеніи къ Пушкину на общемъ основаніи. Онъ самъ прочелъ „Анджело" и потребовалъ, чтобы

нѣсколько стиховъ были исключены. Поэма эта или отрывокъ начата, повидимому, въ минуты одушевленія, но окончена слабѣе.

Министръ долго говорилъ о Полевомъ, доказывая необходимость запрещенія его журнала.

— Это проводникъ революціи,—говорилъ Уваровъ,—онъ уже нѣсколько лѣтъ систематически распространяетъ разрушительныя правила. Онъ не любитъ Россіи. Я давно уже наблюдаю за нимъ; но мнѣ не хотѣлось вдругъ принять рѣшительныхъ мѣръ. Я лично совѣтовалъ ему въ Москвѣ укротиться и доказывалъ ему, что наши аристократы не такъ глупы, какъ онъ думаетъ. Послѣ былъ сдѣланъ ему оффиціальный выговоръ: это не помогло. Я сначала думалъ предать его суду: это погубило бы его. Надо было отнять у него право говорить съ публикою—это правительство всегда властно сдѣлать и при томъ на основаніяхъ вполнѣ юридическихъ: ибо въ правахъ русскаго гражданина нѣтъ права обращаться письменно къ публикѣ. Это привиллегія, которую правительство можетъ дать и отнять, когда хочетъ.— Впрочемъ, продолжалъ онъ,—извѣстно, что у насъ есть партія, жаждущая революціи. Декабристы не истреблены: Полевой хотѣлъ быть органомъ ихъ. Но, да знаютъ они, что найдутъ всегда противъ себя твердыя мѣры въ кабинетѣ государя и его министровъ. Съ Гречемъ и Сенковскимъ я поступилъ бы иначе: они трусы; имъ стоитъ погрозить гауптвахтою, и они смирятся. Но Полевой—я знаю его: это фанатикъ. Онъ готовъ претерпѣть все за идею. Для него нужны рѣшительныя мѣры. Московская цензура была непростительно слаба.

— 10. Званъ сегодня къ Каратыгину, чтобы выслушать конецъ трагедіи Кукольника: „Ляпуновъ“. Но три первые акта этого рабскаго писанія мнѣ слишкомъ опротивѣли. Я не поѣхалъ.

— 11. Случилось нѣчто, разстроившее меня съ Пушкинымъ. Онъ просилъ меня разсмотрѣть его „Повѣсти Бѣлкина“, которыя онъ хочетъ печатать вторымъ изданіемъ. Я отвѣчалъ ему слѣдующее:

— Съ душевнымъ удовольствіемъ готовъ исполнить ваше желаніе теперь и всегда. Да благословитъ васъ геній вашъ новыми вдохновеніями, а мы готовы. (Что сказать?—обрѣзывать крылья ему? По крайней мѣрѣ, рука моя не злоупотребитъ

этимъ). Потрудитесь мнѣ прислать все, что означено въ запискѣ вашей, и увѣдомьте, къ какому времени вы желали бы окончанія этой тяжбы политическаго механизма съ искусствомъ, говоря просто, процензорованья и т. д.

Между тѣмъ, къ нему дошелъ его „Анджело" съ нѣсколькими урѣзанными министромъ стихами. Онъ взбѣсился: Смирдинъ платитъ ему за каждый стихъ по червонцу, слѣдовательно, Пушкинъ теряетъ здѣсь нѣсколько десятковъ рублей. Онъ потребовалъ, чтобы на мѣсто исключенныхъ стиховъ были поставлены точки, съ тѣмъ, однако-жъ, чтобы Смирдинъ всетаки заплатилъ ему деньги и за точки!

— 12. Иванъ Андреевичъ Крыловъ написалъ три слабыя басни, какъ бы въ доказательство того, что талантъ его старѣетъ. У него былъ договоръ со Смирдинымъ, въ силу котораго тотъ платилъ ему за каждую басню по 300 рублей: теперь онъ требуетъ съ него по 500 рублей, говоря, что собирается купить карету и ему нужны деньги!

— 14. Былъ у Плетнева. Видѣлъ тамъ Гоголя: онъ сердитъ на меня за нѣкоторыя непропущенныя мѣста въ его повѣсти, печатаемой въ „Новосельѣ". Бѣдный литераторъ! Бѣдный цензоръ!

Говорилъ съ Плетневымъ о Пушкинѣ: они друзья. Я сказалъ:

— Напрасно Александръ Сергѣевичъ на меня сердится. Я долженъ исполнять свою обязанность, а въ настоящемъ случаѣ ему причинилъ непріятность не я, а самъ министръ.

Плетневъ началъ бранить, и довольно грубо, Сенковскаго за статьи его, помѣщенныя въ „Библіотекѣ для Чтенія", говоря, что онѣ написаны для денегъ, и что Сенковскій грабитъ Смирдина.

— Что касается до грабежа, возразилъ я,—то могу васъ увѣрить, что ни одинъ изъ знаменитыхъ нашихъ литераторовъ не уступитъ въ томъ Сенковскому.

Онъ понялъ и замолчалъ.

— 15. Въ странномъ положеніи находимся мы. Среди людей, которые имѣютъ претензію дѣйствовать на духъ общественный, нѣтъ никакой нравственности. Всякое довѣріе къ высшему порядку вещей, къ высшимъ началамъ дѣятельности исчезло. Нѣтъ ни обществолюбія, ни человѣколюбія; мелочной, отврати-

тельный эгоизмъ проповѣдуется тѣми, которые признаны наставлять юношество, насаждать образованіе или двигать пружинами общественнаго порядка.

Нравственное безчиніе, цинизмъ обуялъ души до того, что о благородномъ, о великомъ говорятъ съ насмѣшкою даже въ книгахъ. Сословіе людей, сильныхъ умомъ, литераторовъ, наиболѣе погрязло въ этомъ цинизмѣ. Они въ своихъ произведеніяхъ восхваляютъ чистую красоту, а сами исполнены нравственнаго безобразія. Они говорятъ объ идеяхъ, а сами живутъ безъ всякаго сознанія высшихъ потребностей духа, выставляютъ въ жизни своей самыя позорныя стороны житейскихъ страстей.

Можетъ быть, и всегда такъ было, но отъ иныхъ причинъ. Причина нынѣшняго нравственнаго паденія у насъ, по моему наблюденію, въ политическомъ ходѣ вещей. Настоящее поколѣніе людей мыслящихъ не было таково, когда, исполненное свѣжей юношеской силы, оно впервые вступало на поприще умственной дѣятельности. Оно не было проникнуто такимъ глубокимъ безвѣріемъ, не относилось такъ цинично ко всему благому и прекрасному. Но власти объявили себя врагами всякаго умственнаго развитія, всякой свободной дѣятельности духа. Не уничтожая ни наукъ, ни ученой администраціи, они, однако, до того затруднили насъ цензурою, частными преслѣдованіями и общимъ направленіемъ къ жизни, чуждой всякаго нравственнаго самопознанія, что мы вдругъ увидѣли себя въ глубинѣ души какъ бы запертыми со всѣхъ сторонъ, отторженными отъ той почвы, гдѣ духовныя силы развиваются и совершенствуются.

Сначала мы судорожно рвались на свѣтъ. Но когда увидѣли, что съ нами не шутятъ, что отъ насъ требуютъ безмолвія и бездѣйствія, что талантъ и умъ осуждены въ насъ цѣпенѣть и гноиться на днѣ души, обратившейся для нихъ въ тюрьму; что всякая свѣтлая мысль является преступленіемъ противъ общественнаго порядка, когда, однимъ словомъ, намъ объявили, что люди образованные считаются въ нашемъ обществѣ паріями; что оно пріемлетъ въ свои нѣдра одну бездушную покорность, а солдатская дисциплина признается единственнымъ началомъ, на основаніи котораго позволено дѣйствовать—тогда все юное поколѣніе вдругъ нравственно оскудѣло. Всѣ его высокія чувства, всѣ идеи, согрѣвавшія его сердце, воодушевлявшія его къ добру,

къ истинѣ, сдѣлались мечтами безъ всякаго практическаго значенія—а мечтать людямъ умнымъ смѣшно. Все было приготовлено, настроено и устроено къ нравственному преуспѣянію—и вдругъ этотъ складъ жизни и дѣятельности оказался несвоевременнымъ, негоднымъ; его пришлось ломать и на развалинахъ строить канцелярскія камеры и солдатскія будки.

Но, скажутъ, въ это время открывали новые университеты, увеличили штаты учителямъ и профессорамъ, посылали молодыхъ людей за границу для усовершенствованія въ наукахъ.

Это значило еще увеличивать массу несчастныхъ, которые не знали куда дѣться со своимъ развитымъ умомъ, со своими требованіями на высшую умственную жизнь.

Вотъ картина нашего положенія: оно незавидно. Мудрено ли теперь, что мы, воспитавъ себя для высшаго назначенія и уничтоженные въ собственныхъ глазахъ, кидаемся, какъ голодныя собаки, на всякую падаль, лишь бы доставить какую нибудь пищу нашимъ силамъ.

Конечно, и у насъ есть люди, нынѣ дѣйствующіе въ другомъ духѣ, но ихъ очень мало, и они слишкомъ безсильны, слишкомъ робки, слишкомъ недовѣрчивы къ собственнымъ чистымъ побужденіямъ, чтобы могли перетянуть вѣсы на сторону добра; есть затворники, постники, которые рѣшились пребыть до конца вѣрными своимъ идеямъ и лучше задохнуться, чѣмъ измѣнить имъ. Но эти люди исключеніе, и они несчастнѣе первыхъ, ибо не вкушаютъ сладости даже минутнаго забвенія. Ничего удивительнаго, если иные изъ молодыхъ людей доходятъ до самоубійства, какъ то было съ нашимъ Поповымъ.

Конечно, эта эпоха пройдетъ, какъ и все проходитъ на землѣ; но она можетъ затянуться надолго, на пятьдесятъ, на шестьдесятъ лѣтъ. Тѣмъ временемъ успѣешь умереть въ этой глухой, дикой, каменистой Аравіи, вдали отъ Земли Святой, отъ Сіона, гдѣ можно жить и пѣть высокія пѣсни. Увы!

Рабы, влачащіе оковы,
Высокихъ пѣсней не поютъ.

— 28. Праздники. Балаганы. Леманъ. Косморама. Бродилъ въ толпѣ съ Делемъ, Гебгардтомъ и Чижовымъ. Завтракали у Фейльета... Нигдѣ душевная пустота не ощущается такъ сильно, какъ среди праздничной толпы и суеты.

Май.—7. Сегодня было собраніе энциклопедистовъ у Греча. Я избранъ редакторомъ по части словесности. Всѣ довольно согласны въ цѣли и въ мѣрахъ. Одинъ Атрѣшковъ безпрестанно требовалъ поясненій. Положено начертать первоначально русскій алфавитъ предметовъ, которые подлежатъ обработкѣ.

Въ третьемъ номерѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія" напечатана статья профессора философіи въ Страсбургѣ Ботэна. Онъ говоритъ, что всѣ философіи вздоръ, и что всему надо учиться въ Евангеліи.

Министръ приказалъ, чтобы профессора философіи и наукъ, съ нею соприкосновенныхъ, во всѣхъ нашихъ университетахъ руководились этою статьей въ своемъ преподаваніи.

— 14. Сегодня было опять у Греча собраніе литераторовъ. Состоялся выборъ остальныхъ редакторовъ „Энциклопедическаго словаря". Здѣсь встрѣтился я съ Кукольникомъ. Онъ пишетъ новую драму „Роксолана". Положено опять читать у меня „Джуліо Мости", въ исправленномъ видѣ. Онъ спрашивалъ моего мнѣнія о „Ляпуновѣ". Что могъ я сказать? По возможности меньше огорчить его моими мыслями насчетъ поддѣльнаго патріотизма. Я совѣтовалъ ему бросить службу. Онъ со мной согласенъ. Съ удовольствіемъ, между прочимъ, замѣтилъ я слѣдующій благородный поступокъ Кукольника. „Ляпунова" своего онъ подарилъ Каратыгину, тогда какъ, судя по тому, какъ принята его „Рука Всевышняго", онъ могъ бы получить за него отъ театральной дирекціи славныя деньги. Это прекрасно съ его стороны въ такое время, когда, такъ называемые, знаменитые наши литераторы требуютъ только денегъ, денегъ и денегъ.

— 29. Смирдинъ истинно честный и добрый человѣкъ, но онъ не образованъ и, что всего хуже для него, не имѣетъ характера. Наши литераторы владѣютъ его карманомъ, какъ арендою. Онъ можетъ раззориться по ихъ милости. Это было бы настоящимъ несчастіемъ для нашей литературы! врядъ ли ей дождаться другого такого безкорыстнаго и простодушнаго издателя. Я не разъ предостерегалъ его. Но есть рокъ, отъ котораго нельзя защититься—это наша собственная слабость.

— 30. Вотъ и конецъ мая, а только вчера да сегодня небо и воздухъ похожи на майскіе. Я былъ на дачѣ у Александра Максимовича Княжевича и у Деля. Заходилъ на минуту къ

Плетневу: тамъ встрѣтилъ Пушкина и Гоголя; первый почтилъ меня холоднымъ камеръ-юнкерскимъ поклономъ.

Іюнь.—10. Былъ на представленіи Александра, чревовѣщателя, мимика и актера. Удивительный человѣкъ! Онъ игралъ пьесу: „Пароходъ", гдѣ исполнялъ семь ролей и всѣ превосходно. Роли эти: влюбленнаго молодаго человѣка, англичанина лорда, пьянаго кучера, старой кокетки, танцовщицы, кормилицы съ ребенкомъ и стараго горбуна-волокиты. Быстрота, съ которой онъ превращается изъ одного лица въ другое, перемѣняетъ костюмъ, физіономію, голосъ, просто изумительна. Не вѣришь своимъ глазамъ. Едва одно дѣйствующее лицо ступило со сцены за дверь—вы слышите еще голосъ его, видите конецъ платья—а изъ другой двери уже выходитъ тотъ-же Александръ въ образѣ другаго лица. Онъ говоритъ за десятерыхъ, дѣйствуетъ за десятерыхъ; въ одно время бываетъ и здѣсь, и тамъ. Необычайное искусство!

— 11. Я недавно сблизился съ однимъ молодымъ писателемъ Тимоѳеевымъ. Это совершенно новое и пріятное для меня явленіе. Онъ одаренъ пламеннымъ воображеніемъ, энергіей и талантомъ писателя. Доказательствомъ того служатъ его: „Поэтъ" и „Художникъ", двѣ пьесы, исполненныя мыслей и чувствъ. Онъ совершенно углубленъ въ самого себя, дышетъ и живетъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ страстями, которыя служатъ для него источникомъ мукъ и наслажденій. Службой онъ почти не занимается и можетъ не заниматься, потому что имѣетъ деньги и не имѣетъ русскаго честолюбія, т. е. страсти къ чинамъ и орденамъ. Всегда задумчивъ, съ привлекательной физіономіей. Ему 23 года. Первоначально насъ свела цензура. Я не могъ допустить къ печати его пьесъ безъ исключеній и измѣненій: въ нихъ много новыхъ и смѣлыхъ идей. Вездѣ прорывается благородное негодованіе противъ рабства, на которое осуждена большая часть нашихъ бѣдныхъ крестьянъ. Впрочемъ, онъ только поэтъ: у него нѣтъ никакихъ политическихъ замысловъ. Онъ внушаетъ мнѣ большую симпатію. Цензурные споры наши не имѣли никакого вліянія на нашу дружескую связь. А между тѣмъ у насъ было такое дѣло, которое легко могло бы вызвать его неудовольствіе. Въ прошедшемъ году я пропустилъ его драму: „Счастливецъ". Пока она печаталась, направленіе нашей цен-

зуры такъ измѣнилось, что эта пьеса не можетъ быть выпущена безъ дурныхъ послѣдствій для меня. Я не имѣю права ее остановить, ибо она уже вся напечатана. Тимоѳеевъ могъ бы требовать ея выпуска. Изъ этого возникъ бы шумъ, я сдѣлался бы жертвою его или же долженъ былъ бы принять на себя типографскія издержки. Тимоѳеевъ самъ предложилъ мнѣ пріостановить выпускъ его драмы. Теперь она лежитъ въ моемъ столѣ, выжидая удобной минуты выползти на свѣтъ.

— 12. На дняхъ я имѣлъ серьезный разговоръ съ Гебгардтомъ. Мнѣ больно видѣть, какъ этотъ благородный, богато одаренный человѣкъ расточаетъ свои силы на пустяки. Онъ читаетъ только или мелочи, или французскіе романы; не старается сдружиться съ кабинетной жизнью, не занимается предметами, которые развиваютъ умъ и укрѣпляютъ волю. Его стихія—политика. Но, какъ умный человѣкъ, онъ долженъ понять, что у насъ нѣтъ поприща для политической дѣятельности. Однако, мы можемъ и должны расширять кругъ нашей нравственной жизни.

— 21. Посѣтилъ меня Колмыковъ, на дняхъ пріѣхавшій изъ Берлина. Онъ, въ числѣ другихъ студентовъ, былъ посланъ туда для усовершенствованія въ правахъ. Чрезъ него получилъ я письмо отъ Печерина.

Я о многомъ разспрашивалъ его. Онъ слушалъ, между прочимъ, Шеллинга. Послѣдній, дѣйствительно, перемѣнилъ свою систему и, какъ говорятъ въ Германіи, сдѣлалъ это только изъ желанія идти наперекоръ гегелистамъ. Побужденіе, достойное убѣжденнаго философа. Въ Берлинѣ же теперь пользуется особеннымъ расположеніемъ учащейся молодежи профессоръ Гансъ. Пруссаки очень любятъ своего короля. Русскихъ вездѣ въ Германіи, не исключая и Берлина, ненавидятъ. Знаменитый Крейцеръ самъ сказалъ Колмыкову, послѣ взятія Варшавы, что отнынѣ питаетъ къ намъ рѣшительную ненависть. Одна дама пришла въ страшное раздраженіе, когда нашъ бѣдный студентъ разъ какъ-то вздумалъ защищать своихъ соотечественниковъ.— Это враги свободы, кричала она,—это гнусные рабы!

И послѣдній мой экзаменъ сошелъ не дурно. По окончаніи его мы трое: Плетневъ, Шульгинъ и я, отправились къ первому. Здѣсь составился родъ конфедераціи для противодѣйствія въ университетѣ всякому нечистому духу въ ученомъ и нравствен-

номъ отношеніи. Мы дали другъ другу слово сохранять строгое безпристрастіе при переводѣ студентовъ на высшіе курсы и при раздачѣ ученыхъ степеней; бить, сколь возможно, схоластику и т. д. Оба мои товарища сильно вооружены противъ профессора философіи Фишера, котораго поддерживаетъ министръ.

Немного спустя, мы пошли къ князю, и тутъ безпристрастіе наше встрѣтило свой первый камень преткновенія: Плетневъ просилъ попечителя за плохаго студента, брата одного изъ своихъ друзей.

— 29. Вышелъ скучный романъ Греча: „Черная женщина". Не удивительно, что Гречъ написалъ плохой романъ, но удивительно, что Сенковскій расхваливаетъ его самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Третьяго дня я былъ у Смирдина. Спрашиваю:

— Какъ идетъ романъ Греча?

— Плохо, отвѣчаетъ онъ,—всѣ жалуются на скуку и не покупаютъ.

Вчера же Сенковскій приносилъ ко мнѣ для процензорованія рецензію на этотъ романъ, гдѣ объявляетъ, что это новое произведеніе необычайнаго генія Николая Ивановича имѣетъ успѣхъ невѣроятный; всѣ отъ него въ восторгѣ и раскупаютъ съ такою жадностью, что скоро отъ него не останется въ продажѣ ни одного экземпляра. Провинціалы этому повѣрятъ и въ самомъ дѣлѣ бросятся покупать книгу. Авторъ и пріятель его, Сенковскій, объявятъ, что романъ весь разошелся и будутъ выставлять это, какъ доказательство достоинствъ романа: въ толпѣ Гречъ прослыветъ великимъ романистомъ и соберетъ деньги.

Іюль.—16. Завтра отправляюсь въ путешествіе съ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ. Цѣль этого путешествія—обозрѣніе учебныхъ заведеній въ Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерніяхъ. Гимназіи нашъ главный предметъ. Изъ Вологды мы направимся черезъ Ярославль въ Москву и оттуда уже обратно въ Петербургъ.

— 17. Въ Шлиссельбургѣ мы ночевали. Трактиръ здѣсь настоящій кабакъ, наполненный тараканами. Но это не помѣшало мнѣ, завернувшись въ шинель, отлично заснуть. Поутру мы пошли осматривать училище. По внѣшнему и внутреннему виду оно еще хуже трактира. Смотритель пьяный. Потомъ мы, въ лодкѣ, переѣхали въ крѣпость. Она занимаетъ цѣлый островокъ

у самаго устья Невы. Насъ не пустили въ то отдѣленіе, гдѣ содержатся государственные преступники. Въ крѣпости живетъ только комендантъ съ маленькимъ гарнизономъ. Печальная жизнь. Намъ показали мѣсто заключенія императора Іоанна.

— 19. Мы были въ Новой Ладогѣ, гдѣ и ночевали въ училищѣ.

Новая Ладога—прескверный городишко: ничѣмъ не лучше Шлиссельбурга.

— 20. Лодейное Поле—пасквиль на городъ. Здѣсь нѣтъ никакого училища, да и не для кого было бы ему тутъ быть. Надъ самою рѣкой я встрѣтилъ, впрочемъ, нѣчто любопытное: памятникъ Петру Великому, воздвигнутый здѣшнимъ купцомъ Софроновымъ. Это пирамидка, въ родѣ той, что на Васильевскомъ острову въ Петербургѣ, которая называется Румянцевскою—только въ миніатюрѣ. На пирамидкѣ надпись: „На томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда былъ дворецъ императора Петра I, да знаменуетъ слѣды Великаго сей скромный, простымъ усердіемъ воздвигнутый памятникъ—усердіемъ С.-Петербургскаго купца 2-й гильдіи Мирона Софронова“. Право, не дурно, ибо просто, безъ всякой риторики.

Нетерпѣливо желали мы поскорѣй доѣхать до Свирскаго монастыря, разсчитывая тамъ и нравственно, и физически отдохнуть отъ утомительнаго однообразія. Надежда наша не сбылась. Мы нашли тамъ архимандрита, мужиковатаго монаха, такого же казначея и нѣсколько другихъ монаховъ, грубыхъ и невѣжественныхъ. Мѣстоположеніе монастыря тоже обмануло наши ожиданія. Мы отслушали обѣдню, приложились къ мощамъ Александра Свирскаго, осмотрѣли ризницу, которая очень небогата, но въ большомъ порядкѣ. Показывали намъ еще гробъ, въ который былъ переложенъ преподобный Александръ тотчасъ послѣ того, какъ были открыты его мощи: это родъ корыта, выдолбленнаго въ толстомъ деревянномъ отрубкѣ, съ особеннымъ мѣстомъ для головы. Видѣли мы и посохъ святаго: отъ него осталась только половина—другая разнесена по кусочкамъ усердными богомольцами.

Наконецъ, мы пріѣхали въ Олонецъ. Это не городъ по виду, а плохая деревня, раскинутая на большомъ пространствѣ по берегу рѣки. Мы остановились въ домѣ городскаго головы. Къ намъ

явились смотритель училища, учителя, городничій и исправникъ. Хозяинъ человѣкъ очень гостепріимный. У него встрѣтили мы одного купца, который держитъ у себя въ домѣ для дочерей гувернантку, бывшую воспитанницу Воспитательнаго дома. Этотъ купецъ, съ бородою, въ длиннополомъ сюртукѣ, а дочери его учатся лепетать по французски. Я пытался съ ними разговориться, но онѣ дико на меня смотрѣли или отворачивались.

Олонецъ крайне бѣдный городъ. Нѣкоторые изъ учениковъ училища утро проводятъ въ школѣ, а затѣмъ идутъ просить милостыню. Между жителями уже много кореловъ и немедленно за Олонцемъ начинается настоящая Корелія. Насъ предупреждали, что этотъ народъ очень грубъ и золъ. Но мы до самаго Петрозаводска попадали все на людей привѣтливыхъ и услужливыхъ. Живутъ они опрятно. Въ ихъ жилищахъ чистые полы и скамьи; вездѣ самоваръ и чашки, изъ которыхъ можно безопасно пить. И таракановъ мы что-то не видѣли. Здѣшніе корелы довольно зажиточны. Они занимаются разными промыслами по воднымъ сообщеніямъ, которыми оживляется вся эта довольно пустынная страна. Но въ Пудожскомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ, говорятъ, они очень бѣдны; питаются древесною корой. У кореловъ свой собственный языкъ, но они всѣ довольно хорошо изъясняются по-русски. Ихъ языкъ пріятенъ; въ немъ изобиліе гласныхъ буквъ.

Отъ Олонца до Петрозаводска вся мѣстность взрыта волнами океана, которыя нѣкогда покрывали ее и, удалясь, оставили на ней слѣды своихъ набѣговъ: камни и волнообразнаго вида холмы. Есть мѣста дикія, но живописныя. Безпрестанно мелькаютъ озера. Въ общемъ природа здѣсь угрюма—вездѣ лѣса, лѣса, безконечные лѣса.

— 22. Мы пріѣхали въ Петрозаводскъ въ три часа утра. Квартиру намъ отвели въ домѣ купца Костина. У него нашелъ я удивительный кустъ мѣсячной розы: это своего рода исполинъ. Онъ занимаетъ цѣлый уголъ большой и высокой комнаты, упирается въ потолокъ и весь покрытъ цвѣтами. Подъ нимъ можно найти защиту отъ солнца.

Въ этотъ день мы осмотрѣли классы, библіотеку и всю гимназію. Обѣдали у директора Троицкаго. Этотъ человѣкъ не

глупый, и его любятъ въ городѣ. Былъ я еще у архіерея Игнатія: онъ не старъ, образованъ и очень любезенъ. Его здѣсь всѣ уважаютъ: онъ строгъ къ духовенству, но не менѣе строгъ и къ самому себѣ. Между прочимъ, встрѣтилъ я Армстронга, который познакомилъ меня съ своимъ братомъ, начальникомъ здѣшняго литейнаго завода, Романомъ Адамовичемъ, отличнымъ знатокомъ своего дѣла. Вечеромъ былъ приглашенъ на балъ къ одному изъ здѣшнихъ почетныхъ чиновниковъ: дамы танцовали съ ужимками, а кавалеры всѣ очень необразованны; ничего не читаютъ, кромѣ „Сѣверной Пчелы", въ которую вѣруютъ, какъ въ Священное Писаніе. Когда ее цитируютъ—должно умолкнуть всякое противорѣчіе. Впрочемъ, молодые люди въ обществѣ вели себя вполнѣ пристойно.

— 23. Экзаменовали учениковъ гимназіи. Копасовъ хорошій учитель. Здѣсь еще процвѣтаетъ система заучиванія наизусть—впрочемъ, гдѣ она у насъ еще не процвѣтаетъ? Обѣдали у вице-губернатора: онъ очень скучаетъ и рвется отсюда всѣми силами. Вечеръ я провелъ очень пріятно у милой моей ученицы Александры Алексѣевны Корибутовой, институтки прошлаго выпуска. Она до слезъ мнѣ обрадовалась; грустно живется ей здѣсь. Она очень одинока. Прочія дѣвицы называютъ ее въ насмѣшку „ученою" и распускаютъ на ея счетъ разныя сплетни въ отмщеніе за ея нравственное превосходство надъ ними.

— 24. Осматривали семинарію. Намъ ее показывалъ самъ архіерей. Учениковъ не было, по причинѣ каникулярнаго времени. Зданіе бѣдно и неопрятно. Я долго говорилъ съ профессоромъ словесности. Это очень не глупый монахъ и знакомый съ новыми идеями. Осматривали также соборъ: онъ не отличается ни богатствомъ, ни благолѣпіемъ.

— 25. Армстронгъ показывалъ намъ литейный заводъ. При насъ отлили пушку. Мы все разсматривали до мельчайшихъ подробностей. Въ магазинѣ при заводѣ я купилъ нѣсколько галантерейныхъ мелочей, прекрасно сдѣланныхъ изъ чугуна. Мы обѣдали у бывшаго губернатора Логинова, а затѣмъ отправились въ дальнѣйшій путь. Когда мы проходили мимо дома Корибутовой, она стояла у окна, отирая слезы. Бѣдная дѣвушка: наше посѣщеніе дѣйствительно было для нея явленіемъ изъ другого лучшаго міра, изъ котораго она чуть ли не навсегда изгнана.

Петрозаводскъ плохой городъ, отброшенный въ глубину лѣсовъ отъ образованнаго міра: казалось бы и близко отъ Петербурга, но какъ далеко! Мѣстоположеніе, однако, красивое. Онъ на берегу обширнаго Онежскаго озера.

Большая часть Петрозаводскаго уѣзда населена корелами, принадлежащими литейному заводу: онъ владѣетъ двадцатью двумя тысячами крестьянъ. Мнѣ пришлось говорить съ нѣкоторыми: они довольны своимъ положеніемъ и не нахвалятся Армстронгомъ. Съ любовью также вспоминаютъ объ отцѣ послѣдняго, до него управлявшемъ заводомъ: называютъ его отцомъ и благодѣтелемъ.

Въ Вытегру мы пріѣхали ночью. Поутру осматривали училище и нашли его въ отличномъ порядкѣ. Вытегра порядочный городокъ. Замѣчательны здѣсь шлюзы, особенно хорошо отдѣланныя со времени посѣщенія графа Толя, дѣлавшаго обзоръ всѣмъ воднымъ сообщеніямъ.

Но вотъ и Каргополь. Завидѣвъ издали куполы его многочисленныхъ церквей, мы ожидали увидѣть порядочный городъ. На самомъ дѣлѣ онъ гораздо хуже Вытегры и очень бѣденъ: дома въ немъ осунувшіеся, полуразвалившіеся. Церквей зато двадцать двѣ и два монастыря.

Въ училищѣ мы застали только одного учителя. Онъ когда-то служилъ унтеръ-офицеромъ въ Лубенскомъ гусарскомъ полку, а теперь обучаетъ русской грамотѣ. Я смотрѣлъ ученическія тетради и нашелъ, что учитель, поправляя учениковъ въ анализѣ, самъ часто ошибался въ падежахъ, склоненіяхъ и т. д.

Со въѣздомъ въ Архангельскую губернію точно теряешь слѣдъ человѣческаго существованія. Проѣзжаешь безконечныя станціи и не встрѣчаешь лица человѣческаго. Въ мрачныхъ лѣсахъ обитаетъ безмолвіе. Развѣ только изрѣдка въ глубинѣ дикаго бора раздастся трескъ сучьевъ подъ ногою медвѣдя или промелькнетъ на вѣткахъ лиственницы рѣзвая бѣлка. Станціи представляютъ изъ себя группу въ три, четыре хижины, обитатели которыхъ занимаются преимущественно охотою. Но и хлѣбопашество здѣсь тоже процвѣтаетъ. Вообще по пути отъ самаго Петербурга и до Архангельска часто встрѣчаются богатыя жатвы. Въ этихъ же мѣстахъ особенно хорошо родится ячмень.

Верстахъ въ шестидесяти отъ Холмогоръ мы заѣхали въ ста-

ринный Сійскій монастырь. Насъ очень любезно принялъ архимандритъ Веніаминъ, показавшійся мнѣ лукавымъ монахомъ. Мы здѣсь пробыли около четырехъ часовъ. Сначала осмотрѣли церковь: архитектура ея очень древняя и иконостасъ также. Потомъ архимандритъ повелъ насъ въ ризницу, гдѣ мы нашли много любопытнаго, между прочимъ, Евангеліе, до того объемистое, что его не въ силахъ поднять одинъ человѣкъ. Оно писано прекраснымъ почеркомъ и одною рукой. На поляхъ искусно иллюстрированы сухими красками всѣ главныя происшествія изъ жизни Христа. Этотъ трудъ навѣрное стоилъ большую половину одной человѣческой жизни. Преданіе приписываетъ этотъ трудъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ. Но чей бы онъ ни былъ—онъ, въ своемъ родѣ, замѣчательное произведеніе по великолѣпію и даже искусству живописи и письма и по усердію, воодушевлявшему художника. Евангеліе это не можетъ принадлежать глубокой древности: по нѣкоторымъ несомнѣннымъ признакамъ его относятъ къ 7201 году, по старому русскому лѣтосчисленію.

Въ ризницѣ также много драгоцѣнной церковной утвари, пожертвованной бояриномъ Милославскимъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Не менѣе любопытна и библіотека монастырская. Въ ней много рукописныхъ книгъ, и въ томъ числѣ два Евангелія на пергаментѣ, безъ означенія года. Судя по тексту, они должны быть очень древнія: текстъ этотъ принадлежитъ къ первымъ эпохамъ славянскаго языка. Тутъ-же „Судебникъ“ Іоанна Грознаго, нѣсколько грамотъ за собственноручною подписью русскихъ князей и царей—самая древняя Василія Іоанновича; другія: Іоанна Грознаго, его сына Ѳеодора, Бориса Годунова, Лжедимитрія и Владислава польскаго королевича. На этой послѣдней означено, что она дана въ Москвѣ. Всѣ онѣ касаются частныхъ дѣлъ монастыря. Одна только имѣетъ болѣе важное историческое значеніе: это грамота Бориса Годунова о Филаретѣ Никитичѣ Романовѣ. Годуновъ предписывалъ настоятелю монастыря смотрѣть крѣпко за симъ опальнымъ старцемъ, который „лаится“ и бьетъ монаховъ—однако, повелѣваетъ не дѣлать ему никакого насилія. Грамота эта, кажется, напечатана въ „Русской Вивліоѳикѣ“, но здѣсь ея подлинникъ. Показывали намъ мѣсто, гдѣ былъ постриженъ Филаретъ, и крестъ, который

онъ носилъ на себѣ. Въ заключеніе архимандритъ открылъ ящикъ съ надписью: „Дѣла о немаловажныхъ колодникахъ“, которые ссылаемы были въ Сійскій монастырь на покаяніе. Однако-жъ, изъ „немаловажныхъ колодниковъ“ мы не нашли ни одного государственнаго или замѣчательнаго лица. Поблагодаривъ архимандрита за все интересное, что онъ намъ показалъ, мы продолжали путь.

— 30. Ночью пріѣхали въ Холмогоры. Отсюда начинаются тѣ роскошные луга, на которыхъ пасутся извѣстныя холмогорскія коровы. Двина постепенно расширяется и, наконецъ, у Архангельска, разливается въ настоящій морской заливъ.

— 31. Мы уже въ Архангельскѣ и остановились въ домѣ гражданкаго губернатора Ильи Ивановича Огарева, который принялъ насъ съ искреннимъ радушіемъ.

Замѣчанія въ Архангельскѣ.

— 31. Мы отдыхали. Я собиралъ свѣдѣнія о здѣшнемъ краѣ. Губернаторъ сообщилъ мнѣ много интереснаго. Городъ раздѣляется на двѣ части: нѣмецкую и русскую. Торговля въ рукахъ иностранцевъ—сосредоточивается, главнымъ образомъ, въ домѣ Бранта, состоящемъ изъ девяти братьевъ. Восемь изъ нихъ живутъ въ разныхъ частяхъ свѣта, но зависятъ отъ старшаго брата, который здѣсь пребываетъ. Капиталъ ихъ простирается до 20 милліоновъ рублей. У нихъ масса кораблей, на которыхъ они вывозятъ изъ Архангельска ленъ, пеньку, сало, лѣсъ и привозятъ колоніальные товары.

Нѣмецкая часть города отличается опрятностью и миловидностью домиковъ. Русскіе купцы живутъ въ грязи и торгуютъ, какъ плуты. Пьянство въ большомъ ходу. Губернаторъ жаловался, что у него нѣтъ ни одного чиновника, который не былъ бы воръ, или пьяница. Онъ долженъ наблюдать за ними, какъ за испорченными дѣтьми. Чтобы они, по возможности, меньше пили, онъ старается ихъ держать больше при себѣ, часто заставляетъ съ собою завтракать и обѣдать. Кто не явился по приглашенію, за тѣмъ ужъ приходится посылать дрожки, чтобы привезти хоть пьянаго. Надо сначала его отрезвлять, а затѣмъ уже поручать ему дѣло. Въ случаяхъ сватовства, родственники невѣсты, наводя

справки о женихѣ, уже не спрашиваютъ, трезвый-ли онъ человѣкъ, а спрашиваютъ: „каковъ онъ во хмѣлю?“—ибо первое почти немыслимо. Большинство и чиновниковъ, и другихъ городскихъ обывателей коснѣютъ въ невѣжествѣ.

За обѣдомъ у губернатора былъ нѣкто Горегладъ (?), по доносу жандармовъ сосланный въ Мезень. Губернаторъ взялъ его къ себѣ для разныхъ порученій. Онъ человѣкъ довольно образованный. Живя въ Мезени, выучился столярному и токарному ремесламъ и изготовляетъ изъ кости прелестныя, художественныя вещицы. Онъ долго жилъ съ самоѣдами и началъ было составлять азбуку ихъ языка, но мезенскій городничій запретилъ ему это.

Августъ.—1. Осматривали гимназическій домъ: онъ ветхъ и гадокъ. Были въ соборѣ, гдѣ служилъ обѣдню архіерей. Намъ показывали крестъ, сдѣланный самимъ Петромъ Великимъ и водруженный имъ на берегу Бѣлаго моря. На немъ голландская надпись, гласящая, что онъ сдѣланъ капитаномъ Петромъ.

Посѣтили мы и Соловецкій монастырь. Островъ Соловецкій имѣетъ семнадцать верстъ въ ширину и двадцать пять въ длину. Монастырь на немъ одинъ изъ древнѣйшихъ въ Россіи. Монаховъ насчитывается болѣе ста. Замѣчательно при монастырѣ отдѣленіе, гдѣ содержатся государственные преступники. Они ссылаются сюда на безсрочное заточеніе, большею частью на всю жизнь. Нынѣ сихъ несчастныхъ сорокъ человѣкъ—между прочимъ два студента московскаго университета, за участіе въ заговорѣ противъ государя. Недавно одинъ изъ заключенныхъ, Горажанскій, сосланный въ монастырь за соучастіе съ декабристами, въ припадкѣ сумасшествія, убилъ сторожа. Каждый изъ заключенныхъ имѣетъ отдѣльную каморку, чуланъ—или вѣрнѣе могилу: отсюда онъ переходитъ прямо на кладбище.

Всякое сообщеніе между заключенными строго запрещено. У нихъ ни книгъ, ни орудій для письма. Имъ не позволяютъ даже гулять на монастырскомъ дворѣ. Самоубійство—и то имъ не доступно, такъ какъ при нихъ ни перочиннаго ножика, ни гвоздя. И бѣжать некуда—кругомъ вода, а зимой непомѣрная стужа и голодная смерть, прежде, чѣмъ несчастный добрался бы до противоположнаго берега.

Между достопримѣчательностями монастыря—мечи Пожарскаго и Скопина-Шуйскаго, украшенные драгоцѣнными кам-

нями. Здѣсь погребенъ Авраамій Палицынъ. Въ монастырской библіотекѣ много древнихъ рукописей и грамотъ. Теперь въ монастырѣ уже болѣе шести недѣль живетъ Бередниковъ, товарищъ Строева. Онъ занимается разборкой архива и выписками изъ находящихся въ немъ сокровищъ. Монахи на него негодуютъ, потому что онъ не показываетъ имъ своихъ выписокъ и извлеченій.

Архимандритъ, по виду, напоминаетъ тѣхъ канониковъ, надъ которыми любилъ смѣяться Вольтеръ. Онъ написалъ: „Исторію Соловецкаго монастыря“, руководствуясь актами изъ его архива, но св. синодъ не пропускаетъ ее. Такъ какъ въ числѣ заключенныхъ много раскольниковъ, особенно скопцевъ, архимандриту удалось составить изъ ихъ показаній точное описаніе ихъ ересей. Въ вѣрованіи скопцевъ слѣдующій догматъ: Спаситель вторично пришелъ на землю, чтобы научить заблудшихъ. Онъ не иной кто, какъ сынъ дѣвы Елисаветы Петровны императрицы—который былъ воспитанъ въ Голштиніи, царствовалъ подъ именемъ Петра III и теперь еще гдѣ-то живетъ.

Архангельская губернія вообще богата раскольниками. Епископъ здѣшній утверждаетъ, что изъ всего народонаселенія лишь сотая часть принадлежитъ православію. Нѣкоторыя секты въ условіяхъ своей вѣры считаютъ развратъ. Ихъ безчинія доходятъ до того, что дикіе самоѣды, недавно крещеные, гнушаются вступать съ ними въ семейныя связи. Такъ, покрайней мѣрѣ, говоритъ архіерей здѣшній.

Вечеромъ мы гуляли на Елисаветовскомъ островѣ: пили тамъ чай, а по серединѣ Двины, въ лодкѣ, даже шампанское, которымъ насъ угощалъ директоръ гимназіи Ковалевскій. Двина здѣсъ великолѣпна. Наша красавица Нева должна ей уступить первенство. Ширина Двины здѣсь простирается на четырнадцать верстъ. Она усѣяна островами, на одномъ изъ которыхъ на Соломбалѣ—части города Архангельска и адмиралтейство.

Верстахъ въ сорока отъ города къ западу, у моря, открыты цѣлебныя воды. Многіе, говорятъ, купаясь въ нихъ, получили исцѣленіе или облегченіе отъ своихъ недуговъ.

— 2. Обѣдали у военнаго губернатора, адмирала Галла: это честный и добрый старикъ. Осматривали адмиралтейство. Намъ

показывали, какъ отдѣлываются нѣкоторыя части корабля. Гигантскія ребра, гигантскія мачты! И эту громаду можетъ сокрушить, можетъ превратить въ щепы одна волна! Мы заходили къ капитану надъ портомъ. Онъ старикъ, но у него молодая жена, очень миленькая и живая шведочка.

— 7. На пароходѣ. Десять часовъ утра. Прекрасный день. Мы возвращаемся изъ Новодвинской крѣпости. Она не велика, а видъ съ нея почти такой-же какъ съ Петрозаводской. Замѣчателенъ здѣсъ дворецъ Петра Великаго: это крошечный домикъ съ четырьмя комнатками. Входы такъ низки, что Петру, при его высокомъ ростѣ, приходилось сгибаться въ дугу, чтобы попасть въ спальню или столовую. Насъ очень вѣжливо встрѣтилъ смотритель, который, по выраженію Ильи Ивановича, сопровождавшаго насъ губернатора—уже успѣлъ „тюкнуть".

Заглянули мы и въ церковь, тоже построенную Петромъ Великимъ. Она деревянная, но живопись въ ней недурна.

Пароходъ несется по Двинѣ, какъ чайка; мимо мелькаютъ острова и береговыя извилины. На встрѣчу намъ подвигается корабль на всѣхъ парусахъ; онъ тихо, величественно проносится мимо. Я не налюбуюсь широкимъ раздольемъ рѣки и чудесной погодой. Мы теперь плывемъ въ Шурну, лѣсопильный заводъ г-на Бранта...

— 8. Въ двѣнадцать часовъ пополудни выѣхали мы изъ Архангельска. Насъ провожалъ до заставы Илья Ивановичъ Огаревъ. Онъ отличается оригинальнымъ характеромъ. Онъ не особенно широкаго ума, не особенно образованъ, мало начитанъ, не честолюбивъ, но исполненъ честности, прямодушія и того простаго здраваго смысла, который видитъ вещи въ тѣсномъ кругу, но зато видитъ ихъ ясно, прямо, какъ онѣ есть. Его предшественники въ управленіи губерніей, можетъ быть, были умнѣе его, но зато и лучше умѣли соблюдать собственныя выгоды. Теперь губернія, по возможности, благоденствуетъ подъ начальствомъ двухъ простодушныхъ и добрѣйшихъ людей: адмирала Галла и гражданскаго губернатора Огарева. За послѣднимъ, кромѣ того, важная заслуга: онъ объявилъ войну ворамъ и взяточникамъ и самъ не поддается никакимъ соблазнамъ, хотя ихъ много въ такомъ торговомъ городѣ, какъ Архангельскъ. Огаревъ самъ мало образованъ, но съ величайшимъ рве-

ніемъ заботится о просвѣщеніи—и это въ силу какого-то непреодолимаго въ немъ влеченія. И онъ, и военный губернаторъ жаловались, что всѣ ихъ представленія объ устройствѣ и благосостояніи губерніи остаются безъ всякаго дѣйствія въ Петербургѣ. Тамъ у насъ много суетятся, но заботятся только объ очищеніи бумагъ, о быстрой циркуляціи ихъ, до сути же вещей никто не доходитъ (1834 г.). Въ прошлый голодный годъ Огаревъ благоразумными мѣрами прокормилъ всю губернію: за это ему не сказали и спасибо. „Произвелъ какую-то быстроту въ ходѣ текущихъ дѣлъ“ и получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Онъ самъ разсказывалъ мнѣ это съ досадой и прискорбіемъ. Зимой онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, съ цѣлью поговорить съ министромъ внутреннимъ дѣлъ о нуждахъ своей губерніи—и не дождался этого счастья. Наконецъ, принужденъ былъ явиться къ нему въ департаментъ, въ числѣ просителей: тогда его выслушали уже ради стыда.

На первой станціи отъ Архангельска насъ ожидалъ директоръ гимназіи, Ковалевскій, съ шампанскимъ, которымъ онъ насъ за все время пребыванія нашего въ Архангельскѣ усердно угощалъ.

Въ Холмогоры пріѣхали мы вечеромъ, осмотрѣли училище и немедленно продолжали путь.

Отъ Холмогоръ до Шенкурска мы опять тонули въ пескахъ. Пренесносная дорога. Шенкурскъ—посмѣщище городовъ. Жителей, платящихъ подати, въ немъ тридцать два. Кучка полуразвалившихся деревянныхъ построекъ, брошенныхъ въ яму—вотъ городъ.

Смотритель училища привѣтствовалъ насъ рѣчью, въ которой называлъ князя—Авраамомъ и солнцемъ, а себя съ учителями и учениками „недостойными рабами его“.

Другой городъ на нашемъ пути въ Вологду былъ Вельскъ. Тамъ застали мы вологодскаго епископа, Стефана, который объѣзжалъ свою епархію, съ цѣлью учрежденія тюремныхъ комитетовъ. Мы нашли его за обѣдомъ и очень веселымъ. Онъ и насъ усердно подчивалъ Донскимъ.

Вечеромъ мы пріѣхали въ Верховье. Это не городъ, но лучше многихъ городовъ. Въ немъ много зажиточныхъ купцевъ, торгующихъ съ Архангельскомъ и съ Кяхтою. Между ними нѣсколько

милліонеровъ, напримѣръ купецъ Рудаковъ, въ домѣ котораго мы были и дивились его роскоши и безвкусію. За Верховьемъ есть станція, Коморовъ-Совокъ, къ которой ведетъ бревенчатая мостовая: не дай Богъ еще когда нибудь по ней прокатиться.

— 13. Въ восемъ часовъ утра мы прибыли въ Вологду. Осмотрѣли наскоро гимназію и отправились въ деревню Ассанову, въ трехъ верстахъ отъ города, принадлежащую Дмитрію Михайловичу Макшееву. У него приготовлена была намъ квартира.

На слѣдующій день мы опять посѣтили гимназію—и на этотъ разъ уже основательно. Я экзаменовалъ учениковъ: они отвѣчали недурно изъ исторіи и словесности.

По окончаніи экзамена, ко мнѣ подошелъ жандармскій полковникъ и, послѣ обыкновеннаго привѣтствія, спросилъ: не знакомъ ли я съ Константиномъ Николаевичемъ Батюшковымъ?

— Нѣтъ, лично вовсе не знакомъ.

— Странно, между тѣмъ онъ часто вспоминаетъ ваше имя.

— Мое имя? Это удивительно! Да гдѣ онъ теперь?

— Здѣсь: онъ мнѣ родственникъ.

Я рѣшился навѣстить Батюшкова.

— 15. Заѣхалъ утромъ къ жандармскому полковнику, и мы вмѣстѣ отправились къ несчастному поэту.

Когда ему объявили о моемъ прибытіи, онъ сказалъ:

— Очень хорошо: съ нимъ и Дѣва Марія придетъ ко мнѣ.

Духъ этого человѣка въ совершенномъ упадкѣ. Я прочелъ ему нѣсколько стиховъ изъ его собственнаго: „Умирающаго Тассо“: онъ ихъ не понялъ. Ихъ удивительная гармонія не отозвалась въ душѣ, нѣкогда создавшей ихъ.

Онъ говорилъ страшный вздоръ о томъ, что у него заключенъ какой-то союзъ съ Англіей, Европой, Азіей и Америкой; что онъ гдѣ-то видѣлъ, какъ кто-то влачилъ въ пыли Карамзина и русскій языкъ; вспоминалъ о какой-то Екатеринѣ Карамзиной и все заключилъ неприличной выходкой противъ англичанъ. Затѣмъ онъ быстро вскочилъ и побѣжалъ въ садъ. Мы послѣдовали за нимъ, но онъ уже больше ничего не говорилъ: былъ угрюмъ и молчаливъ. Его содержатъ хорошо. Комнаты его меблированы от-

лично, и самъ онъ одѣтъ опрятно и даже нарядно—въ синемъ шелковомъ халатѣ и ермолкѣ на головѣ. Онъ закидывалъ конецъ халата на плечо, въ видѣ римской тоги, и все время старался принять важный трагическій видъ.

Ужасное впечатлѣніе произвелъ онъ на меня: я долго не могъ отъ него оправиться.

За обѣдомъ у Макшеева я видѣлъ еще одно замѣчательное лицо — Крюковецкаго, бывшаго диктатора Польши. Ему лѣтъ около шестидесяти. Онъ высокаго роста и прекрасной наружности. Много любопытнаго разсказывалъ онъ о послѣднихъ событіяхъ въ Польшѣ. Виновникомъ возстанія онъ считаетъ в. кн. Константина Павловича, который раздражалъ умы насмѣшками надъ конституціей и похвальбой, что ее ничего не стоитъ уничтожить. Онъ приводилъ полякамъ въ примѣръ Карла X, говорилъ, что со всякой конституціей надо поступать, какъ тотъ поступилъ съ французскою. Когда же Карлъ за то поплатился короною, вел. кн. былъ этимъ очень недоволенъ и безпрестанно толковалъ съ приближенными поляками о томъ, что въ Польшѣ этого не можетъ быть. Наконецъ, возстаніе разразилось, и в. кн. первый удалился изъ Варшавы.

— 16. Я забылъ записать раньше слѣдующее. Въ Сійскомъ монастырѣ видѣлъ я портретъ какого-то архіерея, написанный масляными красками, и очень недурно, самоучкою, крестьянскимъ мальчикомъ, изъ какого-то села подъ Архангельскомъ. Ему тогда было всего четырнадцать лѣтъ. Теперь онъ учится въ академіи художествъ. Видно, родина Ломоносова не оскудѣваетъ талантами.

Кстати о Ломоносовѣ. Пріѣхавъ въ Архангельскъ, я поспѣшилъ взглянуть на памятникъ этого нашего перваго русскаго ученаго свѣтила. Я нашелъ его на засоренной площади, въ пяти шагахъ отъ полицейскаго дома. Фигура Ломоносова отлита не дурно; положеніе его величественно; лицо дышетъ вдохновеніемъ. Но геній, который подаетъ ему лиру, вовсе лишній, да и выполненъ не хорошо. Къ чему онъ здѣсь? Пусть бы Ломоносовъ просто стоялъ, какъ поставленъ, съ лирою въ рукахъ и съ возвышеннымъ челомъ. Онъ можетъ самъ за себя говорить—онъ самъ геній. Я разспрашивалъ о его родственникахъ: близкіе уже всѣ вымерли.

— 18. Мы пріѣхали въ Ярославль и остановились въ довольно плохомъ трактирѣ. Обѣдали у губернатора. Вечеромъ гуляли по бульвару, на берегу Волги[1]).

1835 годъ.

Январь.—1. Послѣдніе дни прошедшаго года были для меня очень бурные. Я восемь дней провелъ подъ арестомъ на гауптвахтѣ.

Вотъ исторія сихъ дней.

Въ XII книжкѣ „Библіотеки для Чтенія", коей я цензоръ, напечатаны слѣдующіе стихи, переведенные изъ Виктора Гюго.

КРАСАВИЦѢ.

Когда-бъ я былъ царемъ всему земному міру,
Волшебница! тогда-бъ повергъ я предъ тобой
Все, все, что власть даетъ народному кумиру:
Державу, скипетръ, тронъ, корону и порфиру,
За взоръ, за взглядъ единый твой!
И если-бъ богомъ былъ—селеньями святыми
Клянусь—я отдалъ бы прохладу райскихъ струй,
И сонмы ангеловъ съ ихъ пѣснями живыми,
Гармонію міровъ и власть мою надъ ними
За твой единый поцѣлуй!

* * *

Болѣе двухъ недѣль прошло, какъ эти стихи были напечатаны, меня не тревожили. Но вотъ, дня за два до моего ареста, Сенковскій нарочно пріѣхалъ увѣдомить меня, что эти стихи привели въ волненіе монаховъ, и что митрополитъ собирается принести на меня жалобу государю. Я приготовился вынести бурю.

Въ понедѣльникъ, 16-го числа, въ половинѣ лекціи моей въ университетѣ, я получаю отъ попечителя записку, съ приглашеніемъ немедленно къ нему пріѣхать. Въ запискѣ было упомянуто: „по извѣстному вамъ дѣлу". Ясно было, какое это дѣло. Я привелъ свои душевныя силы въ боевой порядокъ и явился къ князю спокойный, готовый бодро встрѣтить обрушившуюся на меня бѣду.

---

[1]) На этомъ прерывается Дневникъ за 1834 годъ. *Ред.*

Мой добрый начальникъ съ сокрушеніемъ объявилъ мнѣ, что митрополитъ въ воскресенье испросилъ у государя особенную аудіенцію, прочиталъ ему вышеприведенные стихи и умолялъ его, какъ православнаго царя, оградить церковь и вѣру отъ поруганій поэзіи. Государь приказалъ: цензора, пропустившаго стихи, посадить на гауптвахту. Я выслушалъ приговоръ довольно спокойно. Самая тяжкая вина, за которую меня можно было корить—это недосмотръ. Слѣдовало, можетъ быть, вымарать слова: богъ и селеньями святыми — тогда не за что было бы и придраться. Но съ другой стороны, судя потому, какъ у насъ вообще обращаются съ идеями, врядъ-ли и это спасло бы меня отъ гауптвахты.

Какъ бы то ни было, надо ѣхать къ дворцовому коменданту. Первоначально, однако, я заѣхалъ домой, предупредить о случившемся мою семью, и затѣмъ отправился къ коменданту. Засталъ его за обѣдомъ. Меня ввели въ дежурную комнату. Тамъ, крупными шагами, съ нахмуреннымъ челомъ, расхаживалъ дежурный офицеръ, а на колоннахъ висѣли ряды шпагъ, отобранныхъ отъ находившихся подъ арестомъ офицеровъ. Я сѣлъ. Черезъ полчаса отворилась дверь кабинета, и меня позвали къ коменданту.

Признаюсь, я ожидалъ отъ него грубостей, ибо молва изображаетъ его человѣкомъ необразованнымъ. И къ этому также я приготовился. На сей разъ, однако, ошибся.

Генералъ учтиво спросилъ меня: я-ли пропустилъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“ вотъ эти стихи, или Крыловъ? Онъ показалъ мнѣ ихъ.

— Я,—было моимъ отвѣтомъ.

— Государь императоръ приказалъ посадить васъ на гауптвахту.

И все. Затѣмъ я удалился. У меня спросили мой чинъ, записали, вмѣстѣ съ именемъ, и, минуту спустя, я уже мчался на парѣ лихихъ коней по Галерной улицѣ. Меня сопровождалъ плацъ-адъютантъ, весьма вѣжливый и даже любезный. Мы говорили о погодѣ, о театрѣ. Наконецъ, я спросилъ о мѣстѣ моего заточенія.

— На Ново-Адмиралтейской гауптвахтѣ, отвѣчалъ онъ,—это одна изъ лучшихъ въ городѣ. При томъ же она, кажется, и не такъ далека отъ вашей квартиры.

Мы пріѣхали, вошли въ караульную, наполненную солдатами и удушливымъ табачнымъ дымомъ, и очутились въ другой небольшой комнатѣ, гдѣ находился дежурный офицеръ. Меня сдали ему. И вотъ я арестантъ. Здѣсь былъ еще одинъ арестованный, артиллерійскій офицеръ Фадѣевъ, а минуту спустя привезли и еще третьяго.

Къ счастью, за караульною комнатою оказалась еще небольшая каморка, а то намъ было бы очень тѣсно. Узнавъ, что я цензоръ, всѣ выразили удивленіе и разспрашивали о причинѣ моего ареста. Въ караулѣ на этотъ разъ былъ Крузенштернъ, сынъ знаменитаго адмирала, молодой человѣкъ, весьма образованный. Онъ совершилъ, между прочимъ, путешествіе вокругъ свѣта съ капитаномъ Литке и нашимъ адъюнктомъ Постельсомъ.

Поручикъ Фадѣевъ тоже оказался очень неглупымъ и образованнымъ. Его арестовалъ на три дня великій князь Михаилъ Павловичъ за какую-то неисправность въ мундирахъ кадетъ, которыхъ онъ представлялъ его высочеству.

Другой арестованный офицеръ, Кисилевъ, былъ очень огорченъ. Онъ служитъ уже пятнадцать лѣтъ, еще сегодня командовалъ ротою, а вотъ теперь, за какую-то ошибку въ маршѣ солдатъ, лишился этой роты и арестованъ, неизвѣстно насколько времени.

Всѣ мои разговоры съ этими господами я велъ стоя, ибо въ комнатѣ, кромѣ негоднаго вольтеровскаго кресла для караульнаго офицера, небольшой грязной скамьи и полуизломаннаго стола, не было другой мебели.

Обѣ комнаты, намъ отведенныя, свѣтлы, но въ высшей степени неопрятны; полъ грязнѣйшій; на стѣнахъ пятна отъ сырости. Мнѣ совѣтовали послать домой за кроватью и за постелью. Я вытребовалъ только вторую и раскаялся. Мнѣ пришлось спать на гнусномъ полу, головою къ стѣнѣ, отъ которой несло плѣсенью и холодомъ. Я завернулся съ головою въ шинель и бросился на тюфякъ. Сонъ скоро заставилъ меня забыть о всѣхъ тревогахъ этого бурнаго дня.

— 17. Поутру проснулся съ жестокою головною болью, съ платьемъ, пропитаннымъ вонью отъ клоповъ. Немедленно послалъ домой за кроватью и еще за другими кое-какими вещами. Здѣшніе мои товарищи уже обзавелись полнымъ хозяйствомъ.

Пріѣзжалъ осматривать гауптвахту плацъ-маіоръ Болдыревъ, величайшій невѣжа изъ всѣхъ маіоровъ въ мірѣ. Онъ, за какую-то ошибку въ караулѣ, разругалъ Крузенштерна, придрался за что-то къ сторожу и прибилъ жестоко фухтелями этого бѣднаго старика, котораго мы прозвали снигиремъ за сизый цвѣтъ его лица. Шумомъ, громомъ, площадною бранью и побоями заявивъ о своемъ начальническомъ санѣ, сей почтенный воинъ отправился отсюда прямо за карточный столъ, за которымъ, говорятъ, онъ проводитъ все незанятое службою время.

Немного спустя, явился мой милый Дель съ порученіями отъ нашего князя Дондукова-Корсакова. Онъ сказалъ мнѣ, что отъ министра поданъ докладъ обо мнѣ, гдѣ я выставленъ съ отличной стороны и гдѣ утверждается, что я пропустилъ несчастные стихи единственно по недосмотру, весьма естественому въ такихъ многосложныхъ и тяжкихъ трудахъ, каковы цензурные.

Вслѣдъ за Делемъ пріѣзжалъ и самъ князь. Онъ подтвердилъ все преждесказанное моимъ товарищемъ.

— 18. Пріѣзжалъ навѣстить меня самъ комендантъ Мартыновъ. Онъ обласкалъ меня, просилъ не тревожиться, говоря, что обо мнѣ очень многіе хлопочутъ. Онъ, съ своей стороны, обѣщался въ тотъ же день доложить обо мнѣ государю.

Жена пишетъ мнѣ, что мой арестъ надѣлалъ въ городѣ много шуму, и что къ намъ на квартиру пріѣзжаетъ масса лицъ, съ изъявленіями своего сожалѣнія и участія. Такъ какъ большинству неизвѣстно мѣсто моего заточенія, то, говорятъ, на разныхъ гауптвахтахъ отбою нѣтъ отъ желающихъ меня видѣть.

Весь день провелъ въ разговорахъ съ Фадѣевымъ и съ караульнымъ офицеромъ Муратовымъ, который тоже къ намъ очень любезенъ.

— 19. Тѣ-же слухи о волненіи и всеобщемъ ко мнѣ участіи. Поутру былъ у меня Плетневъ. Фадѣеву кончился срокъ ареста. Киселевъ тоже освобожденъ. Я остался одинъ. Мало по малу, я совершенно обзавелся хозяйствомъ. Каждый день получаю изъ дому по два письма, и оттуда же приносятъ мнѣ обѣдъ.

Три дня уже сижу я здѣсь, и пока ничто не предвѣщаетъ еще моего скораго освобожденія. Мартыновъ, дѣйствительно, докладывалъ обо мнѣ государю и спрашивалъ, не благоугодно ли ему будетъ освободить меня. Государь отвѣчалъ:

— Я самъ назначу срокъ.

— 20, 21 и 22. Эти дни проведены однообразно, какъ и прилично въ заточеніи. По временамъ посѣщаютъ меня знакомые, но это мнѣ непріятно, такъ какъ посѣщать арестованныхъ запрещено. Нѣкоторые изъ караульныхъ офицеровъ до того простерли свою доброту и любезность, что предлагали мнѣ съѣздить домой, повидаться съ семьей. Конечно, я не согласился: они могли бы за то поплатиться. Въ числѣ посѣтителей моихъ былъ Воейковъ, а отъ князя я получилъ премилое письмо.

Гвардейскіе офицеры, изъ которыхъ и сюда назначаются караульные, вообще люди образованные по свѣтски. Жалуются на пустоту и ничтожество своей службы. Впрочемъ, они не страдаютъ обиліемъ идей: немножко больше свободы во фронтѣ, немного меньше грубостей со стороны главныхъ начальниковъ и немного больше времени для танцевъ—вотъ всѣ ихъ понятія о лучшемъ.

— 23. Сегодня вечеромъ привели мнѣ новаго товарища заключенія: того самаго Муратова, который недавно былъ на этой же гауптвахтѣ въ караулѣ. Онъ сдѣлалъ ошибку по службѣ и его арестовали на двѣ недѣли. . . . . .

— 24. Провелъ день нескучно въ бесѣдѣ съ Муратовымъ. На освобожденіе все еще ни малѣйшаго намека. Пока я спокоенъ, ибо существованіе моей семьи обезпечено еще на мѣсяцъ.

Вечеромъ посѣтилъ насъ дежурный чиновникъ адмиралтейства, такъ называемый совѣтникъ. Онъ, кажется, ш....., глупъ, подлъ въ обращеніи, какъ жидъ. Съ самыми отвратительными ужимками и нелѣпыми околичностями старался онъ завести съ нами разговоръ о правительствѣ. Разумѣется, мы были насторожѣ.

— 25. Я, наконецъ, рѣшился попросить коменданта, чтобы мнѣ позволили повидаться съ женой, написалъ уже съ этою цѣлью письмо и только что хотѣлъ отдать его караульному офицеру для доставки по назначенію, какъ явился казакъ, съ приказомъ освободить меня. Распростившись съ Муратовымъ, пожелавъ и ему скораго освобожденія, я забралъ свои пожитки и отправился домой. Ровно восемь дней провелъ я подъ гостепріимнымъ кровомъ ново-адмиралтейской гауптвахты.

Дома меня встрѣтили какъ бы возвратившагося изъ дальняго

и опаснаго странствія. Въ тотъ же день отправился я къ князю. Онъ принялъ меня съ изъявленіемъ живаго удовольствія. Отъ него поѣхалъ я къ министру, и тоже былъ принятъ благосклонно: ни слова укора или даже совѣта на будущее. Онъ, между прочимъ, сказалъ:

— И государь на васъ вовсе не сердитъ. Прочитавъ пропущенные стихи, онъ только замѣтилъ: „прозѣвалъ!" Но онъ вынужденъ былъ дать удовлетвореніе главѣ духовенства и притомъ публичное и гласное. Во время вашего заключенія онъ освѣдомлялся у коменданта: не слишкомъ ли вы безпокоитесь, и выразилъ удовольствіе, узнавъ, что вы спокойны. Митрополитъ вообще не много выигралъ своимъ поступкомъ. Государь недоволенъ тѣмъ, что онъ утруждалъ его мелочью. Итакъ, не тревожьтесь; вамъ ничто болѣе не грозитъ.

Вѣсть о моемъ освобожденіи быстро разнеслась по городу, и ко мнѣ начали являться посѣтители. Въ институтѣ я былъ встрѣченъ съ шумными изъявленіями восторга. Мнѣ передавали, что мои ученицы плакали, узнавъ о моемъ арестѣ, а одна изъ нихъ призналась священнику на исповѣди (онѣ говѣли въ это время, по обычаю, передъ выпускомъ), что она бранила митрополита за то, что тотъ жаловался на меня государю.

Я узналъ, кто былъ первымъ виновникомъ моего заключенія: это—Андрей Никол. Муравьевъ, авторъ „Путешествія ко святымъ мѣстамъ" и неудачной трагедіи „Тиверіада". Я лично не знаю его, но изъ всего, что о немъ говорятъ, выходитъ, что это фанатикъ, который, впрочемъ, себѣ на умѣ, то есть, по пословицѣ, съ помощью монаховъ, на святости идей строитъ свое земное счастье.

Однако, онъ немного выигралъ своимъ доносомъ на меня. Въ публикѣ клеймятъ имя Муравьева, а государь черезъ Бенкендорфа уже далъ замѣтить митрополиту, что вовсе не благодаренъ ему за шумъ, который около двухъ недѣль наполняетъ столицу. Очевидно, Муравьеву съ братіей не того хотѣлось.

Былъ у коменданта Мартынова: онъ принялъ меня очень вѣжливо.

Однако, мнѣ ужъ надоѣло отовсюду слышать только о моемъ арестѣ: пора бы уже предать это забвенію.

Февраль—2. Новая бѣда въ цензурѣ. Въ первой книжкѣ

„Библіотеки“ напечатаны стихи, въ честь царя. Это плохіе стишонки нѣкоего офицера Маркова, который за подобное произведеніе уже разъ получилъ брильянтовый перстень и вѣрно захотѣлъ теперь другаго. Я представлялъ стихи министру: ни онъ, ни я не замѣтили одного глупаго стиха, или, лучше сказать, слова въ концѣ первой строфы. Авторъ, говоря о великихъ дѣлахъ Николая, называетъ его „поборникомъ грядущихъ золъ“. Объ этомъ министръ узналъ вчера и далъ знать князю. Этотъ добрый, благородный человѣкъ не захотѣлъ меня тревожить въ первый день новаго года и такъ скоро послѣ постигшей меня передряги. Онъ не далъ мнѣ ничего знать, но самъ поѣхалъ къ Смирдину и принялъ рѣшительныя мѣры. Еще немного экземпляровъ было разослано по столицѣ и книжка не успѣла дойти до дворца. Тотчасъ собрали всѣ находившіеся еще на лицо экземпляры, перепечатали въ нихъ первую страницу, гдѣ слово „поборникъ“ замѣнили словомъ „рушитель“—и дѣло обошлось.

Семеновъ также сдѣлалъ промахъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „Сына Отечества“ напечатана статья о французскихъ и англійскихъ романахъ, гдѣ (одна святая) названа „представительницею слабаго пола“. Цензоръ получилъ отъ министра строгій выговоръ. Тѣмъ пока все кончилось.

Сенковскій сдѣлалъ глупость. Онъ замѣтилъ слово „поборникъ“ наканунѣ разсылки журнала, но не захотѣлъ ни самъ перемѣнить его, ни увѣдомить меня. Но хорошъ Булгаринъ! Онъ тоже замѣтилъ злополучное слово и собрался съ доносомъ къ Мордвинову[1]). Но его предупредили, отобравъ экземпляры журнала и замѣнивъ это слово другимъ. Онъ золъ на Сенковскаго за то, что тотъ получаетъ большія выгоды отъ „Библіотеки“. Вотъ нравы нашихъ литературныхъ корифеевъ!

— 9. Былъ у нашего знаменитаго баснописца Ивана Андреевича Крылова. Онъ взялъ на себя редакцію „Библіотеки для Чтенія“, вмѣсто Греча, который, послѣ непріятной исторіи за стихи В. Гюго и за „Роберта Дьявола,“ отказался отъ редакціи.

Этотъ „Робертъ“ надѣлалъ много хлопотъ Гречу. Онъ, т. е. Гречъ, помѣстилъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ содержаніе этой оперы, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ на французскомъ языкѣ.

[1]) Въ III-е Отдѣленіе.

Но на нашемъ театрѣ она, по распоряженію самого государя, играется съ нѣкоторыми измѣненіями. Его величество велѣлъ сказать ему за это, что еще одинъ такой случай, и Гречъ будетъ высланъ изъ столицы.

Комнаты Крылова похожи больше на берлогу медвѣдя, чѣмъ на жилище порядочнаго человѣка. Все: полы, стѣны, лѣстница, къ нему ведущая, кухня, одновременно служащая и прихожей, мебель—все въ высшей степени неопрятно. Его самого я засталъ на изорванномъ диванѣ, съ поджатыми ногами, въ грязномъ халатѣ, въ облакахъ сигарнаго дыма. Онъ принялъ меня очень вѣжливо, изъявилъ сожалѣніе о моемъ арестѣ и началъ разговоръ о современной литературѣ. Вообще онъ очень уменъ. Сужденія его тонки, хотя отзываютъ школою прошлаго вѣка. Но на всемъ, что онъ говорилъ, лежалъ оттѣнокъ какой-то холодности. Не знаю, одушевлялся ли онъ, когда писалъ свои прекрасныя басни, или онѣ рождались изъ его ума, на подобіе шелковыхъ нитей, которыя червякъ безсознательно испускаетъ и мотаетъ вокругъ себя. Онъ жалуется на торговое направленіе нынѣшней литературы, хотя самъ взялъ со Смирдина за редакцію „Библіотеки для Чтенія" девять тысячъ рублей. Правда, онъ не торгуетъ своимъ талантомъ, ибо можно быть увѣреннымъ, что онъ ничего не будетъ дѣлать для журнала. Однако, онъ пускаетъ въ ходъ свою славу: Смирдинъ даетъ ему деньги за одно его имя.

— 11. Былъ у генерала Сухозанета. Я опредѣленъ преподавать русскую словесность въ высшіе классы артиллерійскаго училища. Сухозанетъ человѣкъ очень учтивый и пріятный, по крайней мѣрѣ, такимъ я нашелъ его въ это свиданіе. Онъ своимъ обращеніемъ точно хотѣлъ опровергнуть неблагопріятные объ его характерѣ слухи.

Отъ него поѣхалъ я въ Михайловскій дворецъ представиться великому князю Михаилу Павловичу, который нынѣ принялся за учебную часть въ корпусахъ и хочетъ лично знать каждаго преподавателя.

Великій князь быстро обѣжалъ кругъ изъ чиновничьихъ фигуръ въ залѣ, гдѣ находился и я. Каждому онъ сказалъ буквально по одному слову...

— 15. Сухозанетъ возилъ меня въ Дворянскій полкъ. Ему хотѣлось показать мнѣ, какъ тамъ идетъ преподаваніе русскаго

языка, съ тѣмъ, чтобы я придумалъ средства, какъ поднять эту часть. Жалкое заведеніе! Отсюда ежегодно выходитъ въ армію человѣкъ пятьдесятъ офицеровъ, которые едва умѣютъ подписать свое имя. Я нашелъ здѣсь странность, едва ли существующую въ какомъ-либо другомъ заведеніи въ Европѣ: объемъ науки и познанія учащихся постепенно уменьшаются, по мѣрѣ перехода учениковъ въ высшіе классы, такъ что въ послѣднемъ, выпускномъ, классѣ они доходятъ почти до нуля. Напримѣръ, по русскому языку, въ низшемъ классѣ ученики прошли до синтаксиса, въ среднемъ до нарѣчій, а въ выпускномъ они занимаются числительными именами. Въ этомъ классѣ нынѣ сорокъ пять человѣкъ: ихъ въ маѣ мѣсяцѣ выпускаютъ офицерами.

— 16. Сегодня былъ мой экзаменъ въ Екатерининскомъ институтѣ, въ присутствіи императрицы. Онъ былъ блистателенъ. Дѣвицы прекрасно отвѣчали на всѣ вопросы, которые имъ предлагалъ министръ народнаго просвѣщенія, Уваровъ. Онѣ говорили не по заученному наизусть, а легко, чисто, свободно. Василій Андреевичъ Жуковскій сказалъ мнѣ, что въ первый разъ въ жизни слышитъ, чтобы учащіеся имѣли такія познанія въ словесности и излагали ихъ такимъ чистымъ, русскимъ языкомъ. Министръ подтвердилъ то-же. Государыня изъявила свое полное удовольствіе и, уѣзжая изъ института, еще прибавила, что она болѣе всего довольна успѣхами дѣвицъ въ русской словесности. Онѣ писали сочиненія на доскахъ, въ присутствіи всѣхъ, и на темы, которыя были назначаемы самою государынею и Уваровымъ. Всѣ сочиненія были очень хороши, а нѣкоторыя даже такъ хороши, что государыня приказала ихъ списать для себя и взяла съ собою. За то-же и осыпанъ я былъ сегодня со всѣхъ сторонъ вѣжливостью, любезностями и т. д. Уваровъ напомнилъ государынѣ, что я тотъ самый цензоръ, который недавно сидѣлъ на гауптвахтѣ.

— 17. Вчера состоялся великолѣпный балъ-маскарадъ въ домѣ Державиной. Давали его Львовы, Державина и Бороздины. Блестящая наша аристократія! Звѣздами хоть мостъ мости.... Играли оперу: она шла очень недурно. Было также нѣсколько характеристическихъ кадрилей, очень красивыхъ. Гостей насчитывали до 600 человѣкъ.

— 21. Гоголь, Николай Васильевичъ. Ему теперь лѣтъ 28—29.

Онъ занимаетъ у насъ мѣсто адъюнкта по части исторіи: читаетъ исторію среднихъ вѣковъ. Преподаетъ ту же науку въ женскомъ Патріотическомъ институтѣ. Литераторъ. Обучался въ нѣжинской безбородковской гимназіи, вмѣстѣ съ Кукольникомъ, Прокоповичемъ и т. д. Сдѣлался извѣстнымъ публикѣ повѣстями, подъ названіемъ: „Вечера на хуторѣ: повѣсти пасѣчника Паньки Рудаго". Онѣ замѣчательны по характеристическому, истинно малороссійскому, очерку иныхъ характеровъ и живому, иногда очень забавному, разсказу. Написалъ онъ и еще нѣсколько повѣстей съ юмористическимъ изображеніемъ современныхъ нравовъ. Талантъ его чисто теньеровскій. Но помимо этого, онъ пишетъ все и обо всемъ: занимается сочиненіемъ исторіи Малороссіи; сочиняетъ трактаты о живописи, музыкѣ, архитектурѣ, исторіи и т. д., и т. д. Но тамъ, гдѣ онъ переходитъ отъ матеріальной жизни къ идеальной, онъ становится надутымъ и педантичнымъ, или же расплывается въ ребяческихъ восторгахъ. Тогда и слогъ его дѣлается запутаннымъ, пустоцвѣтнымъ и пустозвоннымъ. Та-же смѣсь малороссійскаго юмора и теньеровской матеріальности съ напыщенностью существуетъ и въ его характерѣ. Онъ очень забавно разсказываетъ разныя простонародныя сцены изъ малороссійскаго быта, или заимствованныя изъ скандалезной хроники. Но лишь только начинаетъ онъ трактовать о предметахъ возвышенныхъ, его умъ, чувство и языкъ утрачиваютъ всякую оригинальность. Но онъ этого не замѣчаетъ и мѣтитъ прямо въ геніи.

Вотъ случай изъ его жизни, который долженъ былъ бы послужить ему урокомъ, если бы фантастическое самолюбіе способно было принимать уроки. Пользуясь особеннымъ покровительствомъ В. А. Жуковскаго, онъ захотѣлъ быть профессоромъ. Жуковскій возвысилъ его въ глазахъ Уварова до того, что тотъ, въ самомъ дѣлѣ, повѣрилъ, будто изъ Гоголя выйдетъ прекрасный профессоръ исторіи, хотя въ этомъ отношеніи онъ не представилъ ни одного опыта своихъ знаній и таланта. Ему предложено было мѣсто экстраординарнаго профессора исторіи въ кіевскомъ университетѣ. Но Гоголь вообразилъ себѣ, что его геній даетъ ему право на высшія притязанія, потребовалъ званія ординарнаго профессора и шесть тысячъ рублей единовременно на уплату долговъ. Молодой человѣкъ, хотя уже и съ именемъ въ литературѣ, но не имѣющій никакого академическаго званія, ничѣмъ

не доказавшій ни познаній, ни способностей для каѳедры—и какой каѳедры—университетской! требуетъ себѣ того, что самый Геренъ, должно полагать, попросилъ бы со скромностью. Это можетъ дѣлаться только въ Россіи, гдѣ протекція даетъ право на все. Однако-жъ, министръ отказалъ Гоголю. Затѣмъ, узнавъ, что у насъ по каѳедрѣ исторіи нуженъ преподаватель, онъ началъ искать этого мѣста, требуя на этотъ разъ, чтобы его сдѣлали, по крайней мѣрѣ, экстраординарнымъ профессоромъ. Признаюсь, и я подумалъ, что человѣкъ, который такъ въ себѣ увѣренъ, не испортитъ дѣла, и старался его сблизить съ попечителемъ, даже хлопоталъ, чтобы его сдѣлали экстраординарнымъ профессоромъ. Но насъ не послушали и сдѣлали его только адъюнктомъ.

Что же вышло? „Синица явилась зажечь море"—и только. Гоголь такъ дурно читаетъ лекціи въ университетѣ, что сдѣлался посмѣшищемъ для студентовъ. Начальство боится, чтобы они не выкинули надъ нимъ какой нибудь шалости, обыкновенной въ такихъ случаяхъ, но непріятной по послѣдствіямъ. Надобно было приступить къ рѣшительной мѣрѣ. Попечитель призвалъ его къ себѣ и очень ласково объявилъ ему о непріятной молвѣ, распространившейся о его лекціяхъ. На минуту гордость его уступила мѣсто горькому сознанію своей неопытности и безсилія. Онъ былъ у меня и признался, что для университетскихъ чтеній надо больше опытности.

Вотъ чѣмъ кончилось это знаменитое требованіе профессорской каѳедры. Но это, въ концѣ концевъ, не поколебало вѣры Гоголя въ свою всеобъемлющую геніальность. Хотя, послѣ замѣчанія попечителя, онъ долженъ былъ перемѣнить свой надменный тонъ съ ректоромъ, деканомъ и прочими членами университета, но въ кругу „своихъ" онъ все тотъ же всезнающій, глубокомысленный, геніальный Гоголь, какимъ былъ до сихъ поръ.

Это смѣшное, надутое, ребяческое самолюбіе, впрочемъ, составляетъ черту характера не одного Гоголя, но едва-ли не всѣхъ знаменитыхъ умовъ нашихъ, видавшихъ свое имя въ печати. Есть, напримѣръ, нѣкто, помѣщающій въ изданіяхъ свои годичные обзоры русской журнальной литературы. Послушайте его, какъ онъ говоритъ обо всемъ: тоже человѣкъ геніальный. Его маленькое, желчное личико надуто, какъ соленый залежавшійся

огурецъ съ пустотою внутри. Только этотъ—геній другаго рода. Ни одна вещь въ мірѣ, ни самый міръ, кажется, ни одно лицо человѣческое, ни одна мысль, вышедшая изъ чужой головы, не имѣютъ счастья ему нравиться. Онъ на все смотритъ, какъ человѣкъ, исчерпавшій жизнь до дна и вполнѣ измѣрившій холодную пустоту въ ея таинственныхъ глубинахъ. Не думайте въ разговорѣ съ нимъ обмѣняться мыслями: слушайте только его неотразимые, роковые приговоры: въ нихъ сокрыта мудрость, политика и журналистика.

— 24. Сегодня опять представлялся великому князю Михаилу Павловичу. Онъ нынѣ очень заботится о расширеніи учебной части въ военныхъ корпусахъ...

Мартъ.—18. Достопримѣчательное засѣданіе въ совѣтѣ университета. Въ московскомъ и другихъ университетахъ русскихъ ученое сословіе не считало предосудительнымъ брать взятки при экзаменахъ чиновниковъ. Нашъ не имѣлъ этой славы. Однако, съ нѣкоторыхъ поръ и сюда сталъ вкрадываться продажный духъ, впрочемъ, общій всѣмъ учрежденіямъ въ Россіи. Три или четыре человѣка изъ здѣшнихъ профессоровъ уже пріобрѣли извѣстность въ этомъ отношеніи, гораздо бо̀льшую, чѣмъ въ ученой своей дѣятельности. Нѣсколько другихъ сочли своею обязанностью выставить это обстоятельство передъ княземъ и возбудить его къ противодѣйствію: ибо чѣмъ больше общество будетъ проникнуто довѣріемъ къ нравственному достоинству ученаго сословія, тѣмъ больше вліянія будетъ имѣть послѣднее на образованіе въ Россіи. Пусть хоть оно одно въ Россіи будетъ проникнуто духомъ чести!

Князь рѣшился явиться въ совѣтъ университета, будто для совѣщанія по разнымъ дѣламъ, но на самомъ дѣлѣ, чтобы дать почувствовать всѣмъ, сколь необходимо намъ сохранить честь сословія въ этомъ отношеніи. Онъ исполнилъ это тонко и хорошо.

— 19. Былъ у меня Погодинъ, профессоръ московскаго университета. Онъ пріѣзжалъ сюда, между прочимъ, съ жалобою къ министру на московскую цензуру, которая ничего не позволяетъ печатать. Послѣ моего ареста, она превратилась въ настоящую литературную инквизицію. Погодинъ говоритъ, что въ Москвѣ

удивляются здѣшней свободѣ печати. Можно себѣ представить, каково же тамъ!

Апрѣль.—7. Праздникъ Воскресенія Христова. Былъ у заутрени и обѣдни въ университетской церкви. Цѣлый день свирѣпствовала ужасная буря и мятель. Снѣгъ выпалъ такой, что ѣздятъ на саняхъ.

— 9. Былъ во дворцѣ для поздравленія великаго князя Михаила Павловича. Поклонниковъ было человѣкъ триста. Голубыя, синія, красныя и алыя ленты мелькали на каждомъ шагу. Звѣздъ было не счесть. Великій князь со всѣми христосовался. Отъ него я поѣхалъ къ нашему министру, гдѣ повторилась та-же сцена.

Я пропустилъ первую часть записокъ герцогини Абрантесъ въ русскомъ переводѣ. Государь спросилъ у министра, правда ли это? Ему отвѣчали, что правда, но что въ этихъ запискахъ нѣтъ ничего худаго.

Видѣлся съ Лобановымъ. Онъ очень разстроенъ критикою на его трагедію „Борисъ Годуновъ“, напечатанную въ „Сѣверной Пчелѣ“ и „Библіотекѣ для Чтенія“. Трагедія плоха, но и разобрали же ее жестоко.

— 11. Состояніе нашей литературы наводитъ тоску. Ни свѣтлой мысли, ни искры чувства. Все пошло, мелко, бездушно. Одинъ только цензоръ можетъ читать по обязанности все, что нынѣ у насъ пишутъ. Иначе и быть не можетъ. У насъ нѣтъ недостатка въ талантахъ; есть молодые люди съ благородными стремленіями, способные къ усовершенствованію. Но какъ могутъ они писать, когда имъ запрещено мыслить? Тутъ дѣло вовсе не въ томъ, чтобы направлять умы или сдерживать еще неопредѣленные, опасные порывы. Основное начало нынѣшней политики очень просто: одно только то правленіе твердо, которое основано на страхѣ; одинъ только тотъ народъ спокоенъ, который не мыслитъ. Изъ этого выходитъ, что посредственнымъ людямъ ничего больше не остается, какъ погрязать въ скотствѣ. Люди же съ талантомъ принуждены жить только для себя. Отъ этого характеристическая черта нашего времени—холодный, бездушный эгоизмъ. Другая черта—страсть къ деньгамъ. Всякій спѣшитъ захватить ихъ побольше, зная, что это единственное средство къ относительной независимости. Никакого честолюбія, никакаго благороднаго жара къ вольной дѣятельности. Одно

горькое чувство согрѣваетъ еще адскимъ, жгучимъ жаромъ нѣкоторыя избранныя души: это чувство—негодованіе.

— 21. Новое постановленіе: не представлять чиновниковъ къ ежегоднымъ денежнымъ наградамъ. До сихъ поръ каждый изъ нихъ, получая жалованье, едва достаточное на насущный хлѣбъ, всегда возлагалъ надежды на конецъ года, который приносилъ ему еще хоть треть всего оклада. Это служило дополненіемъ къ жалованью и давало возможность кое-какъ перебиваться. Имѣлось въ этомъ важное орудіе поощренія, обращая дополненіе къ жалованью въ награду за особенное усердіе и труды по службѣ. Теперь этого не будетъ, такъ какъ рѣшили, что чиновники и тогда уже достаточно благоденствуютъ, если являются на службу не съ продранными локтями. Да оно и дѣйствительно такъ: вѣдь честолюбіе запрещено питать: . . . . , ... къ чему же тутъ поощренія и награды? . . . . Министры очень недовольны этимъ распоряженіемъ.

Май.—20. Представлялся вмѣстѣ съ прочими профессорами новому товарищу министра народнаго просвѣщенія, графу Протасову. Это молодой человѣкъ лѣтъ 32-хъ, безъ физіономіи, флигель-адъютантъ. У насъ молодые люди, разъ напечатавшіе гдѣ нибудь въ журналѣ свое имя, считаютъ себя геніями; такъ же точно люди, надѣвшіе военный мундиръ съ густыми эполетами, считаютъ себя государственными людьми, наравнѣ съ Меттернихами и Талейранами.

Іюнь.—13. Двумъ первокласснымъ живописцамъ нашимъ, Егорову и Шебуеву, заказаны образа для иконостаса церкви въ Измайловскомъ полку. Образа были написаны, одобрены назначенною для того комиссіею и поставлены въ церковь. Пріѣзжаетъ министръ императорскаго двора и находитъ образа не по своему вкусу. Онъ ли самъ это нашелъ или какой нибудь флигель-любитель изящнаго—неизвѣстно. Только слѣдуетъ приказъ: „отдать образа обратно Егорову и Шебуеву за то, что они дурно написаны, а деньги, если оныя уже выданы имъ, взыскать съ нихъ въ казну; если же не выданы, то и не выдавать и внести это въ ихъ послужные списки“.

— 17. Возвратились изъ-за границы студенты профессорскаго института. У меня были уже: Печеринъ, Куторга младшій, Че-

вилевъ. Колмыковъ пріѣхалъ прежде. Они отвыкли отъ Россіи и тяготятся мыслью, что должны навсегда прозябать въ этомъ царствѣ (крѣпостнаго) рабства. Особенно мраченъ Печеринъ. Онъ долго жилъ въ Римѣ, въ Неаполѣ, видѣлъ большую часть Европы и теперь опять заброшенъ судьбой въ Азію. По словамъ ихъ, ненавистъ къ русскимъ за границею повсемѣстная и вопіющая. Часто имъ приходилось скрывать, что они русскіе, чтобы встрѣтить привѣтливый взглядъ и ласковое слово иностранца. Насъ считаютъ гуннами, грозящими Европѣ новымъ варварствомъ. Профессора провозглашаютъ это съ каѳедръ, стараясь возбудить въ слушателяхъ опасенія противъ нашего могущества.

— 17. Князь-попечитель призывалъ меня на совѣщаніе, кого изъ возвратившихся изъ за границы оставить при петербургскомъ университетѣ. Для правъ я предложилъ Колмыкова и Рѣдкина; для исторіи Куторгу, Михаила Семеновича; для политической экономіи—Порошина; для греческой словесности Печерина; для латинской—Крюкова. Князь намѣренъ сильно настаивать, чтобы этихъ людей дали нашему университету, но мало надѣется отстоять Печерина и Крюкова. Другіе университеты тоже нуждаются въ профессорахъ. Въ министерствѣ сильно хлопочутъ объ усиленіи хорошаго состава профессоровъ по всѣмъ русскимъ университетамъ.

Попечитель, между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что новое образованіе округовъ уже скоро состоится. Университетъ устраняется отъ всякаго участія въ собственномъ управленіи. Власть сосредоточивается въ лицѣ попечителя и его совѣта...

— 18. Слушалъ пробныя лекціи, читанныя въ академіи Куторгою и Лунинымъ. Обѣ по части исторіи. Одинъ началъ исторію среднихъ вѣковъ, другой новую. У Куторги нѣтъ дара слова и вообще особеннаго таланта; но съ практикою онъ сдѣлается хорошимъ и полезнымъ преподавателемъ. Уже и то много, что онъ читалъ не по тетради. Въ немъ, кромѣ того, видна свѣжая юношеская любовь къ своему предмету. Лунинъ читалъ почти все по тетради нѣсколько напыщенно и витіевато.

— 27. Былъ у министра съ докладомъ объ одной статьѣ для „Библіотеки для Чтенія“: онъ согласился пропустить ее. Оттуда поѣхалъ въ университетъ, гдѣ нѣсколько студентовъ правовѣдѣнія защищали диссертаціи на степень докторовъ. Эта травля

ученыхъ продолжалась около пяти часовъ. Студенты всѣ изъ семинаристовъ, что очень отзывается въ ихъ пріемахъ и рѣчахъ.

Августъ.—8. Ѣздилъ къ министру съ докладомъ по цензурѣ. Сенковскій хочетъ напечатать въ „Библіотекѣ для Чтенія“ статью о Фридрихѣ Великомъ, гдѣ говорится, что этотъ государь основалъ новую форму правленія въ Европѣ—военное самодержавіе, что эта форма есть наилучшая, въ особенности для Россіи, въ которой она и осуществляется съ такимъ успѣхомъ.

Эту статью, какъ политическаго содержанія, надлежало представить министру. Онъ велѣлъ исключить въ ней все, относящееся къ Россіи.

Министръ Уваровъ сегодня былъ въ ударѣ говорить. Привожу цѣликомъ монологъ, который онъ произнесъ:

— Мы, то есть люди XIX вѣка, въ затруднительномъ положеніи: мы живемъ среди бурь и волненій политическихъ. Народы измѣняютъ свой бытъ, обновляются, волнуются, идутъ впередъ. Никто здѣсь не можетъ предписывать своихъ законовъ. Но Россія еще юна, дѣвственная и не должна вкусить, по крайней мѣрѣ теперь еще, сихъ кровавыхъ тревогъ. Надобно продлить ея юность и тѣмъ временемъ воспитать ее. Вотъ моя политическая система. Я знаю, чего хотятъ наши либералы, наши журналисты и ихъ клевреты: Гречъ, Полевой, Сенковскій и проч. Но имъ не удастся бросить своихъ сѣмянъ на ниву, на которой я сѣю и которой я состою стражемъ — нѣтъ, не удастся. Мое дѣло не только блюсти за просвѣщеніемъ, но и блюсти за духомъ поколѣнія. Если мнѣ удастся отодвинуть Россію на 50 лѣтъ отъ того, что готовятъ ей теоріи, то я исполню мой долгъ и умру спокойно. Вотъ моя теорія; я надѣюсь, что это исполню. Я имѣю на то добрую волю и политическія средства. Я знаю, что противъ меня кричатъ: я не слушаю этихъ криковъ. Пусть называютъ меня обскурантомъ: государственный человѣкъ долженъ стоять выше толпы.

О Гречѣ онъ говорилъ очень рѣзко:

— Я имѣю, сказалъ онъ, такое повелѣніе государя, которымъ могу въ одно мгновеніе обратить его въ ничто. Вообще эти господа не знаютъ, кажется, въ какихъ они тискахъ, и что я многое смягчаю еще въ томъ, что они считаютъ жестокимъ.

Октябрь.—6. Я сдѣланъ членомъ комитета, который дол-

женъ выработать проектъ устройства военно-учебныхъ заведеній. Это созданіе Якова Ростовцева, который является главною пружиной дѣлъ по этой части. Великій князь его слушаетъ. Ростовцевъ дѣйствуетъ, какъ патріотъ и благородный человѣкъ. Главная мысль его: повести образованіе въ корпусахъ такъ, чтобъ гражданинъ стоялъ здѣсь выше солдата. Онъ предсѣдательствуетъ въ нашемъ комитетѣ. Онъ одаренъ свѣтлымъ умомъ и даромъ излагать свои мысли ясно и съ какою-то особенною прелестью, несмотря на то, что онъ заика.

У насъ было уже нѣсколько засѣданій. Еще отличается здѣсь инспекторъ Павловскаго кадетскаго корпуса Александръ Ѳедоровичъ Шенинъ. Это тоже человѣкъ замѣчательный. Маленькая фигурка съ кривыми ногами и насмѣшливою мефистофельскою физіономіею. Умъ его рѣзокъ и мѣтокъ. Съ этимъ онъ соединяетъ, кажется, твердую волю и искусство убѣждать то рѣзкою ироніею, то основательными доводами. Онъ сдѣлалъ много улучшеній въ своемъ корпусѣ.

— 30. Ожесточенныя пренія съ Сенковскимъ. Въ его повѣсти „Записки домоваго“ я исключилъ нѣсколько фразъ, которыя мнѣ показались ужъ черезъ-чуръ непристойными. Онъ возсталъ, но въ заключеніе уступилъ мнѣ, однако, не столько, какъ цензору, сколько пріятелю, который убѣждалъ его со стороны вкуса и приличія. Мы разстались вполнѣ миролюбиво.

Ноябрь.—23. Женскія заведенія, говорятъ старики и старушки, нынѣ не въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, какъ при императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Это особенно замѣчаютъ въ Екатерининскомъ институтѣ. Въ Смольномъ монастырѣ упадокъ нѣсколько прикрывается личнымъ благоволеніемъ государыни Александры Ѳеодоровны къ начальницѣ его, г-жѣ Адлербергъ. Созданныя мѣрами чрезвычайными, подъ вліяніемъ вкуса къ просвѣщенію въ началѣ царствованія Александра I, они въ нынѣшнее время могли бы поддержаться также только чрезвычайными мѣрами. Жалованье учащимъ въ этихъ заведеніяхъ скудное. Но императрица Марія своею любезностью и вниманіемъ умѣла привлекать въ нихъ лучшихъ преподавателей, какіе въ то время могли быть въ Петербургѣ. Всѣ они были воодушевлены духомъ императрицы, одно имя которой вселяло во всѣхъ какое-то религіозное рвеніе къ долгу. Я не засталъ уже ее, но

слышу это отъ каждаго, кто служилъ подъ ея начальствомъ. Конечно, и тогда были злоупотребленія; особенно дурно шла матеріальная часть. Экономы крали безпощадно, и самыя мысли императрицы часто искажались исполнителями; но заведеніе имѣло то, что называется духомъ: оно жило, а не прозябало. Теперь дѣвицамъ даютъ порядочный картофель и не совсѣмъ тухлую говядину, и то только по милости Николая Петровича Новосильцова, который въ качествѣ члена совѣта и человѣка добраго, хотя и не орелъ, обратилъ вниманіе на желудки воспитанницъ. Зато образованіе вполнѣ предоставлено случаю...

Декабрь.—23. На экзаменѣ въ артиллерійскомъ училищѣ познакомился я съ генераломъ Ермоловымъ, другимъ, а не тѣмъ, который былъ покорителемъ Грузіи. Это человѣкъ образованный, хотя и съ генеральскими эполетами. Такое-же пріятное удивленіе вызвалъ во мнѣ и другой генералъ — Зедлеръ, назначенный начальникомъ Аудиторской школы.

— 26. Въ городѣ очень много толкуютъ о новомъ балетѣ: „Бунтъ въералѣ“. Слово бунтъ, впрочемъ, замѣнено возстаніемъ. Здѣсь особенно восторгаются сценою купанья одалисокъ и военными эволюціями танцовщицъ. Послѣднія (т. е. эволюціи), говорятъ, доведены до nec plus ultra. Государь самъ ѣздилъ на репетицію и наблюдалъ за этимъ.

Много говорили также, а теперь уже и перестали, о томъ, какъ французскіе и англійскіе газеты и журналы разбранили извѣстную рѣчь къ польскимъ депутатамъ въ Варшавѣ. Государь велѣлъ пропустить эти журналы, на которые былъ изготовленъ отвѣтъ и напечатанъ въ петербургской французской газетѣ. Впрочемъ, журналы эти не долго вращались въ публикѣ. Теперь уже не найдешь ихъ ни въ одномъ публичномъ мѣстѣ: они отобраны полиціей.

— 28. Гебгардтъ старшій—товарищъ мой по университету. Теперь онъ служитъ въ иностранной коллегіи и учитъ математикѣ въ Павловскомъ корпусѣ и въ частныхъ домахъ. Онъ одаренъ удивительно гибкимъ, блестящимъ умомъ и рѣдкимъ даромъ слова. Умъ его разсыпается въ тысячахъ блестящихъ искръ и каждая искра или свѣтитъ, или жжетъ. Особенно хорошъ онъ въ быстрыхъ, летучихъ, неожиданныхъ эпиграммахъ, которыми уязвляетъ пошлость и невѣжество нашего общества. Чув-

ствуя въ себѣ силы на высшую дѣятельность, онъ грустно влачитъ дни свои по темнымъ и грязнымъ закоулкамъ чиновническаго быта—и это съѣдаетъ его, ибо съ такимъ блестящимъ умомъ нельзя не имѣть честолюбія. Ему еще тяжелѣе отъ того, что онъ, по свойствамъ своего ума, неспособенъ къ упорной, усидчивой кабинетной дѣятельности: ему необходимы воздухъ и пространство.

Другой товарищъ мой, Чижовъ, готовится занять въ университѣ мѣсто профессора математики. Этотъ человѣкъ стоитъ высоко по своимъ нравственнымъ силамъ. Въ его характерѣ и умѣ гораздо больше энергіи и устоя, чѣмъ у Гебгардта. Къ этому онъ присоединяетъ еще способность подчинять свои личныя соображенія практическимъ цѣлямъ жизни. Но не знаю, способенъ ли онъ къ энтузіазму. Онъ благороденъ, однако, полагаетъ, что искусная политика жизни не идетъ въ разрѣзъ съ добродѣтелью, и что невинность должна опираться на знаніе того, что не невинно. Въ его рѣчахъ нѣтъ ни блеска, ни пылкости, но онъ выражается ясно и точно. Умъ его не разсѣкаетъ мглы съ быстротою молніи, но доходитъ до вѣрныхъ результатовъ путемъ болѣе медленнымъ, но зато и менѣе опаснымъ.

1836 годъ.

Январь.—10. Кукольникъ читалъ у меня своего „Доминикина“. Это высокое произведеніе. Здѣсь Кукольникъ является истиннымъ художникомъ: поэтомъ и мысли, и формы. Мы долго говорили наединѣ. Онъ разочарованъ дворомъ. Не знаю, искалъ ли онъ его милостей или только хотѣлъ прикрыться его щитомъ. Какъ бы то ни было, а его положеніе не завидно. Каждое произведеніе свое онъ долженъ представлять на разсмотрѣніе Бенкендорфа. Съ другой стороны, онъ своими грубыми патріотическими фарсами, особенно „Скопинымъ-Шуйскимъ“, вооружилъ противъ себя людей свободномыслящихъ и лишился ихъ довѣрія. Я не говорю о проискахъ мелкой зависти, которая обыкновенно кидаетъ грязью въ таланты: талантъ не долженъ этого и замѣчать.

Интересно, какъ Пушкинъ судитъ о Кукольникѣ. Однажды у Плетнева зашла рѣчь о послѣднемъ. Я былъ тутъ же. Пушкинъ, по обыкновенію, грызя ногти или яблоко—не помню, сказалъ:

— А что, вѣдь у Кукольника есть хорошіе стихи? Говорятъ, что у него есть и мысли.

Это было сказано тономъ двойнаго аристократа: аристократа природы и положенія въ свѣтѣ. Пушкинъ иногда впадаетъ въ этотъ тонъ и тогда становится крайне непріятнымъ.

Чтеніе „Доминикина" продолжалось у меня до втораго часа ночи. Всѣ разошлись еще позже.

— 13. Введены новый уставъ и новые штаты въ университетахъ. Я получаю теперь 3,900 руб. жалованья, вмѣсто 1,300: замѣтная разница! Но это преобразованіе, однако, многимъ дорого стоитъ. Тринадцать профессоровъ и адъюнктовъ получили увольненіе, и не знаютъ теперь куда имъ дѣться. Бутырскому оставалось года полтора дослужить до пенсіона въ пять тысячъ рублей: онъ уволенъ съ 2,000. Исключенъ также Постельсъ, человѣкъ съ дарованіями и со свѣдѣніями, совершившій путешествіе вокругъ свѣта, получившій одобреніе отъ знаменитаго Кювье. Кто же можетъ быть увѣренъ въ прочности своего положенія? Каждый изъ насъ, поневолѣ, долженъ, кромѣ университета, искать другихъ занятій, чтобы вдругъ, если вздумается начальству, не остаться безъ куска хлѣба. Примѣръ Бутырскаго особенно печаленъ. Онъ служилъ долго и имѣлъ блестящую репутацію. Ничто не спасло его. Министръ давно за что-то сердитъ на него. Долго недоумѣвали, какимъ образомъ уцѣлѣлъ Сенковскій. Теперь объяснилось: онъ созданіе профессора Греффе, а Греффе близкій другъ министра.

— 17. Вчера была моя обыкновенная пятница. Пушкинъ написалъ родъ пасквиля на министра народнаго просвѣщенія, на котораго онъ очень сердитъ за то, что тотъ подвергнулъ его сочиненія общей цензурѣ. Прежде его сочиненія разсматривались въ собственной канцеляріи государя, который и самъ иногда читалъ ихъ. Такъ, напримѣръ, поэма „Всадникъ" имъ самимъ не пропущена.

Пасквиль Пушкина называется: „Выздоровленіе Лукулла". Она напечатана въ московскомъ „Наблюдателѣ". Онъ какъ-то хвалился, что непремѣнно посадитъ на гауптвахту кого-нибудь

изъ здѣшнихъ цензоровъ, особенно меня, которому не хочетъ простить за „Анджело“. Этой цѣли онъ теперь, кажется, достигнетъ въ Москвѣ, ибо пьеса надѣлала много шуму въ городѣ. Всѣ узнаютъ въ ней, какъ нельзя лучше, Уварова.

Трагическое приключеніе. Сынъ знаменитаго здѣшняго портнаго Кампини отданъ былъ учиться архитектурѣ къ Тону. Ему было девятнадцать лѣтъ. Онъ познакомился съ сестрою архитектора, своего учителя, дѣвицею лѣтъ двадцати девяти и, какъ говорятъ, некрасивою. Третьяго дня онъ пришелъ къ Тону вечеромъ, спрятался у него, выждалъ время, когда дѣвушка осталась одна дома, вошелъ къ ней въ спальню и заперъ дверь изнутри. Черезъ нѣсколько времени въ комнатѣ послышался подозрительный шумъ; выломали двери и нашли дѣвицу Тонъ плавающей въ крови: она была поражена ножемъ въ самое сердце, а молодой человѣкъ лежалъ тутъ же, съ перерѣзаннымъ горломъ. Дѣвушка уже умерла, но Кампини былъ еще живъ. Ему зашили горло, онъ разорвалъ его и умеръ. Говорятъ, что родственники не соглашались на ихъ бракъ, и они порѣшили погибнуть вмѣстѣ. Объ этомъ много толковъ и сплетенъ.

— 20. Весь городъ занятъ „Выздоровленіемъ Лукулла“. Враги Уварова читаютъ піесу съ восхищеніемъ, но большинство образованной публики недовольно своимъ поэтомъ. Въ самомъ дѣлѣ, Пушкинъ этимъ стихотвореніемъ не много выигралъ въ общественномъ мнѣніи, которымъ, при всей своей гордости, однако, очень дорожитъ. Государь, черезъ Бенкендорфа, приказалъ сдѣлать ему строгій выговоръ.

Но дня за три до этого Пушкину уже было разрѣшено издавать журналъ, въ родѣ „Эдинбургскаго трехмѣсячнаго Обозрѣнія“: онъ будетъ называться „Современникомъ“. Цензоромъ новаго журнала попечитель назначилъ Крылова, самаго трусливаго, а слѣдовательно и самаго строгаго изъ нашей братіи. Хотѣли меня назначить, но я убѣдительно просилъ уволить меня отъ этого: съ Пушкинымъ слишкомъ тяжело имѣть дѣло.

Февраль. — 3. Вчера въ Петербургѣ случилось ужасное происшествіе. Въ числѣ масляничныхъ балагановъ уже нѣсколько лѣтъ первое мѣсто занимаетъ балаганъ Лемана, знаменитаго фокусника, отъ котораго публика всегда была въ восторгѣ. Въ воскресенье, то есть вчера, онъ далъ свое первое представленіе.

Балаганъ загорѣлся. Народъ, сидѣвшій въ заднихъ рядахъ, ринулся спасаться къ дверямъ: ихъ было всего двое. Тѣ, которые сидѣли ближе къ выходу, то есть въ креслахъ или тотчасъ за ними, дѣйствительно спаслись. Но скоро толпа, нахлынувшая къ двери, налегла на нихъ такъ, что не было возможности ихъ открывать. Огонь, между тѣмъ, съ быстротою молніи охватилъ все зданіе и въ нѣсколько мгновеній превратилъ его въ пылающій костеръ, гдѣ горѣли живые люди. Никакой помощи не успѣли подать. Черезъ четверть часа все превратилось въ уголья и въ пепелъ; крики умолкли и, среди дымящихся развалинъ открылись кучи обгорѣлыхъ труповъ.

Это было въ половинѣ пятаго пополудни. Государь сдѣлалъ все, что могъ, для спасенія несчастныхъ, но было уже слишкомъ поздно. Согласно „Сѣверной Пчелѣ", погибло 126 человѣкъ;—по частнымъ, неоффиціальнымъ слухамъ—вдвое больше. Да сверхъ того, многіе видѣли еще огромный ящикъ, наполненный костями собранными въ мѣстахъ, гдѣ всего сильнѣе свирѣпствовалъ пожаръ. Ради теплоты, Леманъ обилъ большую часть балагана смоляною клеенкой и, сверхъ того, всѣ доски тоже были обмазаны смолой: не мудрено, что пламя такъ быстро распространилось.

Пожаръ, говорятъ, произошелъ отъ лампы, которая была поставлена слишкомъ близко къ стѣнѣ, и зажгла клеенку. Я сегодня проѣзжалъ мимо и не видѣлъ уже ничего, кромѣ чернаго пятна, на которомъ еще продолжаютъ сгребать золу. Въ золѣ этой люди: они въ четверть часа превратились въ золу.

— 10. Оказывается, что сотни людей могутъ сгорѣть отъ излишнихъ попеченій о нихъ .... Это покажется страннымъ, но оно дѣйствительно такъ. Вотъ одно обстоятельство изъ пожара въ балаганѣ Лемана, которое теперь только сдѣлалось извѣстнымъ. Когда начался пожаръ, и изъ балагана раздались первые вопли, народъ, толпившійся на площади, по случаю праздничныхъ дней, бросился къ балагану, чтобы разбирать его и освобождать людей. Вдругъ является полиція, разгоняетъ народъ и запрещаетъ что-бы то ни было предпринимать до прибытія пожарныхъ: ибо послѣднимъ принадлежитъ оффиціальное право тушить пожары. Народъ нашъ, привыкшій къ безпрекословному повиновенію, отхлынулъ отъ балагана, сталъ въ почтительномъ разстояніи и сдѣлался спокойнымъ зрителемъ страшнаго зрѣ-

лица. Пожарная же команда поспѣла какъ разъ во время къ тому только, чтобы вытаскивать крючками изъ огня обгорѣлые трупы. Было, однако-жъ, небольшое исключеніе: нѣсколько смѣльчаковъ не послушались полиціи, кинулись къ балагану, разнесли нѣсколько досокъ и спасли трехъ или четырехъ людей. Но ихъ быстро оттѣснили. Зато „Сѣверная Пчела", извѣщая публику о пожарѣ, объявила, что люди горѣли въ удивительномъ порядкѣ, и что при этомъ всѣ надлежащія мѣры были соблюдены. Государь, говорятъ, сердился, что дали столькимъ погибнуть, но это никого не вернуло къ жизни.

Мартъ.—3. Былъ на балу у Д. М. Княжевича. Онъ праздновалъ именины жены. Домашній спектакль: играли дѣти какую-то комедію Бориса Өедорова, а взрослые комедію Шаховскаго: „Своя семья". Авторъ былъ здѣсь. Я старался не попадаться ему на глаза, ибо онъ ужасный говорунъ, хотя говоритъ вообще недурно. Зато я попался въ руки двумъ другимъ говорунамъ: цензору Семенову и литератору-академику Лобанову. Первый, впрочемъ, добродушный говорунъ и никого не оскорбляетъ. Второй другого закала человѣкъ. Это, что называется, академикъ-парикъ и плохой поэтъ. Старая литература для него святыня, новая—ересь и сплошь мерзость. „Каждая новая идея, говоритъ онъ,—заблужденіе; французы подлецы; нѣмецкая философія глупость, а все вмѣстѣ либерализмъ", противъ котораго онъ, Лобановъ, написалъ уже рѣчь. Послѣдняя, по его мнѣнію, должна понравиться правительству.

Если бы послушать Лобанова, то цензура ничего не пропускала бы, кромѣ его сочиненій „благонамѣренныхъ и солидныхъ".

Послѣ академическаго суесловія настала очередь шампанскаго. Я запилъ имъ горе этого вечера и возвратился домой ужъ около пяти часовъ утра.

— 10. Плюшаръ напечаталъ въ „Сѣверной Пчелѣ" письмо, съ обвиненіемъ Смирдина въ томъ, что тотъ неисправно доставляетъ подписчикамъ 3 й и 4-й томы „Энциклопедическаго Лексикона": по уговору онъ долженъ ихъ разсылать. Смирдинъ, въ свое оправданіе, представилъ цензурному комитету росписку Плюшара, изъ которой видно, что эти томы имъ самимъ получены лишь въ то время, когда, по словамъ Плюшара, они должны

были бы уже находиться въ рукахъ подписчиковъ. Такъ какъ Плюшаръ такою ложью, очевидно, намѣревался подорвать торговый кредитъ Смирдина, послѣдній подалъ на перваго жалобу генералъ-губернатору. Но кто настоящій виновникъ этой интриги?—Гречъ. Онъ поссорился съ Сенковскимъ, захотѣлъ отомстить ему на Смирдинѣ и подбилъ Плюшара напечатать вышеупомянутое письмо. Цензоръ Семеновъ долженъ отъ этого выйти въ отставку.

Апрѣль.—14. Пушкина жестоко жметъ цензура. Онъ жаловался на Крылова и просилъ себѣ другого цензора, въ подмогу первому. Ему назначили Гаевскаго. Пушкинъ раскаивается, но поздно. Гаевскій до того напуганъ гауптвахтой, на которой просидѣлъ восемь дней, что теперь сомнѣвается, можно ли пропускать въ печать извѣстія, въ родѣ того, что такой-то король скончался.

— 28. Комедія Гоголя „Ревизоръ" надѣлала много шуму. Ее безпрестанно даютъ—почти черезъ день. Государь былъ на первомъ представленіи, хлопалъ и много смѣялся. Я попалъ на третье представленіе. Была государыня съ наслѣдникомъ и великими княжнами. Ихъ эта комедія тоже много тѣшила. Государь даже велѣлъ министрамъ ѣхать смотрѣть „Ревизора". Впереди меня, въ креслахъ, сидѣли графъ Чернышевъ и графъ Канкринъ. Первый выражалъ свое полное удовольствіе; второй только сказалъ:

— Стоило ли ѣхать смотрѣть эту глупую фарсу.

Многіе полагаютъ, что правительство напрасно одобряетъ эту піесу, въ которой оно такъ жестоко порицается. Я видѣлся вчера съ Гоголемъ. Онъ имѣетъ видъ великаго человѣка, преслѣдуемаго оскорбленнымъ самолюбіемъ. Впрочемъ, Гоголь дѣйствительно сдѣлалъ важное дѣло. Впечатлѣніе, производимое его комедіей, много прибавляетъ къ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя накопляются въ умахъ отъ существующаго у насъ порядка вещей.

— 29. За комедіей Гоголя на сценѣ послѣдовала трагедія въ дѣйствительной жизни: чиновникъ Павловъ убилъ, или почти убилъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Апрѣлева, и въ ту минуту, когда тотъ возвращался изъ церкви отъ вѣнца, съ

своею молодой женой. Это вмѣстѣ съ „Ревизоромъ" теперь занимаетъ весь городъ.

Май.—10. Удивительныя дѣла! Петербургъ, насколько извѣстно, не на военномъ положеніи, а Павлова велѣно судить и осудить въ двадцать четыре часа военнымъ судомъ. Его судили и осудили. Палачъ переломилъ надъ его головою шпагу, или, лучше сказать, на его головѣ, потому что онъ пробилъ ему голову. Публика страшно возстала противъ Павлова, какъ „гнуснаго убійцы", а министръ народнаго просвѣщенія наложилъ амбарго на всѣ французскіе романы и повѣсти, особенно Дюма, считая ихъ виновными въ убійствѣ Апрѣлева. Вѣдь доказывалъ же Магницкій, что книга Куницына: „Естественное право", напечатанная по-русски и въ Петербургѣ, вызвала революцію въ Неаполѣ. Павлова, какъ сказано, судили и осудили въ двадцать четыре часа. Между тѣмъ, вотъ что открылось. Апрѣлевъ, шесть лѣтъ тому назадъ, обольстилъ сестру Павлова, прижилъ съ нею двухъ дѣтей, обѣщалъ жениться. Павловъ-братъ, требовалъ этого отъ него именемъ чести, именемъ своего оскорбленнаго семейства. Но дѣло затягивалось, и Павловъ послалъ Апрѣлеву вызовъ на дуэль. Вмѣсто отвѣта, Апрѣлевъ объявилъ, что намѣренъ жениться, но не на сестрѣ Павлова, а на другой дѣвушкѣ. Павловъ написалъ письмо матери невѣсты, въ которомъ увѣдомлялъ ее, что Апрѣлевъ уже не свободенъ. Мать, гордая, надменная аристократка, отвѣчала на это, что дѣвицу Павлову и дѣтей ея можно удовлетворить деньгами. Еще другое письмо написалъ Павловъ — Апрѣлеву, наканунѣ свадьбы. „Если ты настолько подлъ", писалъ онъ, „что не хочешь со мной раздѣлаться обычнымъ способомъ между порядочными людьми, то я убью тебя подъ вѣнцомъ".

Военный судъ очень не понравился публикѣ. Теперь Павлова приказано сослать на Кавказъ солдатомъ съ выслугою.

Еще благородная черта его. Во время суда, отъ него требовали, именемъ государя, чтобы онъ открылъ настоящую причину своего необычайнаго поступка. За это ему обѣщали снисхожденіе. Онъ отвѣчалъ:

— Причину моего поступка можетъ понять и оцѣнить только Богъ, который и разсудитъ меня съ Апрѣлевымъ.

Послѣ уже, испивъ до дна чашу наказанія, онъ сдался на же-

ланіе государя и ему одному согласился все открыть. Къ нему послали флигель-адъютанта. Павловъ вручилъ ему письмо къ государю, въ которомъ излагалъ все, какъ было.

— 28. Между моими близкими знакомыми есть нѣкто Фроловъ, молодой человѣкъ съ замѣчательными качествами. Онъ оставилъ военную службу и, по моему совѣту, поѣхалъ въ Дерптъ за систематическимъ образованіемъ. Ему предстояла ожесточенная борьба съ латинскимъ и нѣмецкимъ языками и со многими другими трудностями ученаго механизма. Все это онъ мужественно побѣдилъ. Я никого не знаю съ болѣе благороднымъ сердцемъ и умомъ, болѣе способнымъ къ высшему развитію. Вотъ что съ нимъ случилось на дняхъ.

Онъ пробирался сквозь толпу въ театръ. Съ нимъ рядомъ пролагалъ себѣ путь и какой-то офицеръ. Послѣдній вдругъ обращается къ Фролову и грозно спрашиваетъ: куда онъ тянется? Фроловъ изумился, но ни слова не отвѣчалъ и продолжалъ идти вслѣдъ за другими.

— Подите прочь отсюда, закричалъ на него офицеръ,—или я васъ отправлю на съѣзжую.

Фроловъ оцѣпенѣлъ и, какъ самъ говорилъ, въ первую минуту не нашелся, что отвѣчать. Опомнившись, онъ бросился въ театръ на поиски за офицеромъ, который тѣмъ временемъ успѣлъ скрыться. Онъ его не нашелъ, но хорошо запомнилъ лицо и цвѣтъ воротника его мундира. Долго ходилъ онъ по казармамъ, отыскивая его—но напрасно. Наконецъ наткнулся на него во время ученья, узналъ его имя и адресъ. Тогда Фроловъ явился къ нему съ двумя товарищами и призвалъ къ отвѣту. Офицеръ струсилъ и просилъ прощенія.

Каково, однако, положеніе вещей въ обществѣ, гдѣ вашъ согражданинъ можетъ грозить вамъ тюрьмою, потому только, что онъ носитъ извѣстный мундиръ и, какъ этотъ полковникъ—это дѣйствительно былъ полковникъ,—оправдывать свой поступокъ дурнымъ расположеніемъ духа—какъ это и сдѣлалъ полковникъ—или тѣмъ, что ваша физіономія не нравится ему. И это не единичный фактъ. Примѣровъ офицерскихъ дерзостей не перечесть. Недавно тоже два офицера, такъ, ради смѣха, встрѣтивъ на улицѣ одного чиновника, совершили надъ нимъ грубое неприличіе. Тотъ спросилъ у нихъ: что они, сумасшедшіе или

пьяные? Они привели его на съѣзжую, и оскорбленный долженъ былъ заплатить полицейскому пятнадцать рублей, чтобы тотъ отпустилъ его.

Еще: нѣсколько офицеровъ, и въ томъ числѣ знатныхъ фамилій, собрались пить. Двое поссорились—общество рѣшило, что чѣмъ выходить имъ на дуэль, такъ лучше раздѣлаться такъ, кулаками. И, дѣйствительно, они надавали другъ другу пощечинъ и помирились. Было положено строго молчать объ этомъ.

Но одинъ изъ собесѣдниковъ не вытерпѣлъ, разсказалъ объ этомъ въ обществѣ; дѣло дошло до государя, и кучка негодяевъ была исключена изъ гвардіи.

Іюль.—16. Вчера мы всѣ, то есть товарищи университетскіе, давали вечеръ Полѣнову, въ честь его пріѣзда. Было много веселья. Пиръ устроился въ квартирѣ графа Головкина, при которомъ нашъ старшій Михайловъ состоитъ секретаремъ. Гамъ, шумъ и пѣсни замолкли только въ четыре часа утра. Это, право, недурно. Надо, чтобы жизнь иногда пѣнилась.

Гебгардтъ былъ уменъ, блестящъ и любезенъ какъ всегда. Полѣновъ пѣлъ и шумѣлъ. Лингвистъ говорилъ о великихъ людяхъ. Дель игралъ въ вистъ и разсуждалъ о политикѣ. Сорокинъ ворчалъ на жизнь. Армстронгъ исправлялъ должность эхо. Чижовъ былъ благоразуменъ и тонокъ. Михайловъ старшій былъ, по обыкновенію, легокъ какъ пухъ и голосистъ какъ жаворонокъ. Михайловъ младшій, съ обычной граціей, игралъ комедіи и всѣхъ тѣшилъ. Все славные ребята, дружно думали и дружно веселились.

Здѣсь мы нашли мальчика лѣтъ четырнадцати, который въ маленькой комнаткѣ срисовывалъ копію съ картины Рубенса. Копія прекрасная: она почти кончена. Это крѣпостной человѣкъ графа Головкина. Я говорилъ съ нимъ. Въ немъ опредѣленные признаки таланта; но онъ уже начинаетъ думать о ничтожествѣ жизни, предаваться тоскѣ и унынію. Графъ ни за что не хочетъ дать ему воли. Михайловъ просилъ его о томъ тщетно. Что будетъ изъ этого мальчика? Теперь онъ самоучкою снимаетъ копіи съ Рубенса. Черезъ два или три года онъ сломаетъ кисти, броситъ картины въ огонь и сдѣлается пьяницею или самоубійцею. Графъ Головкинъ, однако, считается

добрымъ бариномъ и человѣкомъ образованнымъ... О, Русь! О, Русь!

Октябрь.—9. Вчера былъ актъ въ университетѣ. Я читалъ отчетъ за прошедшій академическій годъ и рѣчь: „О необходимости философскаго или теоретическаго изученія словесности". Публика приняла и то, и другое одобрительно. Когда я сошелъ съ каѳедры, меня осыпали привѣтствіями.

Вечеромъ поѣхалъ на балъ въ институтъ, который праздновалъ именины своей добрѣйшей начальницы Амаліи Яковлевны Кремпиной. Здѣсь пировалъ я до четырехъ часовъ утра. Дѣвицы весь вечеръ окружали меня тѣсною толпой, и я наслаждался ихъ простодушною любезностью.

— 16. Цензоръ Корсаковъ, въ отсутствіе Шенина, завѣдывалъ редакціей „Энциклопедическаго Словаря". Онъ пропустилъ и велѣлъ напечатать для 7-го тома его статью: „18-е Брюмера". Гречъ подалъ въ цензурный комитетъ доносъ, что статья эта неблагонамѣренная, либеральная и вредная для Россіи, потому что въ ней говорится о революціяхъ и конституціяхъ. Статья была читана въ комитетѣ. Трусливѣйшіе изъ цензоровъ, Гаевскій и Крыловъ—и тѣ даже не нашли въ ней ничего предосудительнаго. Сверхъ того, она была пропущена самимъ министромъ. Я предложилъ въ комитетѣ вопросъ: „Должны ли мы французскую революцію считать революціей, и позволено ли въ Россіи печатать, что Римъ былъ республикой, а во Франціи и въ Англіи конституціонное правленіе—или не лучше ли принять за правило думать и писать, что ничего подобнаго на свѣтѣ не было и нѣтъ?"

Крыловъ отвѣчалъ, что исторію и статистику нельзя измѣнять. Другіе цензоры согласились съ этимъ. Но предсѣдатель комитета нашелъ, что въ статьѣ „18-е Брюмера" слѣдующее выраженіе не должно бытъ пропущено: „Добрые французы сокрушались, видя правительство не твердымъ и повсюду во Франціи царствующее безначаліе". Онъ доказывалъ, что во Франціи тогда не могло быть ни одного добраго человѣка, и что эти слова надо непремѣнно вымарать. Въ заключеніе положено было, однако, статью „18-е Брюмера" не считать зловредною.

— 18. Гречъ совсѣмъ поссорился съ Плюшаромъ и долженъ былъ сложить съ себя званіе главнаго редактора. Онъ дѣлалъ

попытки къ примиренію, писалъ Плюшару нѣжныя письма. Но Плюшаръ отвѣчалъ, что онъ согласенъ на примиреніе только подъ условіемъ, что Николай Ивановичъ больше не станетъ писать доносовъ на „Энциклопедическій Словарь". Это положило конецъ попыткамъ.

. — 20. Вотъ образчикъ современной нравственности. Есть здѣсь нѣкто Пасынковъ, чиновникъ и литераторъ. Третьяго дня онъ встрѣтился гдѣ-то съ нашимъ Михайловымъ. Зашелъ какъ-то разговоръ о генералѣ Михайловскомъ-Данилевскомъ, съ которымъ Пасынковъ знакомъ.

Михайловъ.—Скажите, пожалуйста, какъ не стыдно генералу: онъ такой богатый человѣкъ, а между тѣмъ не платитъ учителямъ за уроки своимъ дѣтямъ.

Это дѣйствительно было. Онъ заключилъ условіе съ учителемъ 1-й гимназіи Лапшинымъ по 10 рублей за урокъ, не заплатилъ ему ни копѣйки и собирался еще жаловаться министру за то, что учитель хотѣлъ взять съ него слишкомъ дорого.

Пасынковъ:—О, это неправда. Генералъ, точно, немножко скупъ; но гдѣ надо—онъ не жалѣетъ денегъ. Вотъ, напримѣръ, я знаю случай. Сынъ его, какъ вамъ извѣстно, въ университетѣ. При мнѣ онъ пріѣзжалъ къ профессору Никитенко, просилъ его о покровительствѣ сыну и на моихъ глазахъ подарилъ ему прекрасную табакерку, стоившую, по крайней мѣрѣ, 1,200 рублей.

Михайловъ:—Боже мой! Что вы говорите? Никитенко и взятка—это невозможно! Я знаю его двѣнадцать лѣтъ и ручаюсь, что онъ этого не сдѣлалъ.

Пасынковъ:—Какъ вамъ угодно, а что правда, то правда.

Они разстались. Михайловъ передалъ мнѣ все это. Я знаю, что у меня есть враги, но такая подлая ложь уже превосходила всякую мѣру. И съ какою цѣлью? Человѣкъ, совсѣмъ мнѣ чужой, ссылается на факты, на собственное свидѣтельство и старается внушить ко мнѣ подозрѣніе въ самыхъ близкихъ моихъ друзьяхъ. Этимъ уже нельзя было пренебречь.

Мы порѣшили слѣдующее. Михайловъ пригласитъ къ себѣ этого господина подъ какимъ нибудь предлогомъ. А я, Полѣновъ и Гебгардтъ будемъ скрыты гдѣ нибудь въ сосѣдней комнатѣ. Михайловъ наведетъ разговоръ на меня: если Пасынковъ повто-

ритъ сказанное, мы всѣ явимся на сцену—и я потребую у него отчета и объясненія. А тамъ уже рѣшимъ, что предпринять.

Такъ и сдѣлали. Мы собрались въ среду утромъ. Явился и Пасынковъ. Онъ что-то почуялъ, ибо съ первыхъ же словъ Михайлова началъ изворачиваться, утверждать, что онъ не такъ говорилъ, что онъ никогда не осмѣлился бы даже подумать обо мнѣ такъ и пр., и пр.

Я не вытерпѣлъ и вышелъ изъ засады. Онъ страшно смѣшался и готовъ былъ бѣжать. Но я рѣшительно и твердо потребовалъ у него объясненія. Онъ торжественно отъ всего отрекся и униженно извинялся. Что было съ нимъ дѣлать? Друзья мои все слышали въ сосѣдней комнатѣ, и я ограничился внушеніемъ, впередъ быть осторожнѣе въ своихъ рѣчахъ. И этотъ человѣкъ не глупъ и—литераторъ.

— 25. Ужасная суматоха въ цензурѣ и въ литературѣ. Въ 15-мъ номерѣ „Телескопа" напечатана статья, подъ заглавіемъ: „Философскія письма". Статья написана прекрасно. Авторъ ея Чаадаевъ. Но въ ней весь нашъ русскій бытъ выставленъ въ самомъ мрачномъ видѣ. Политика, нравственность, даже религія представлены, какъ дикое, уродливое исключеніе изъ общихъ законовъ человѣчества. Непостижимо, какъ цензоръ Болдыревъ пропустилъ ее.

Разумѣется, въ публикѣ поднялся шумъ. Журналъ запрещенъ. Болдыревъ, который одновременно былъ профессоромъ и ректоромъ московскаго университета, отрѣшенъ отъ всѣхъ должностей. Теперь его, вмѣстѣ съ Надеждинымъ, издателемъ „Телескопа", везутъ сюда для отвѣта.

Я сегодня былъ у князя. Министръ крайне встревоженъ. Подозрѣваютъ, что статья напечатана съ намѣреніемъ, и именно для того, чтобы журналъ былъ запрещенъ, и чтобы это подняло шумъ, подобный тому, какой былъ вызванъ запрещеніемъ „Телеграфа". Думаютъ, что это дѣло тайной партіи. А я думаю, что это просто невольный прорывъ новыхъ идей, которыя таятся въ умахъ и только выжидаютъ удобной минуты, чтобы надѣлать шуму. Это уже не разъ случалось, несмотря на неслыханную строгость цензуры и на преслѣдованія всякаго рода. Наблюдая вещи ближе и безъ предубѣжденій, ясно видишь, куда стремится все нынѣшнее поколѣніе. И надо сказать правду: власти дѣй-

ствуютъ такъ, что стремленіе это все болѣе и болѣе усиливается и сосредоточивается въ умахъ. Признана система угнетенія, считаютъ ее системою твердости. Ошибаются. Угнетеніе—есть угнетеніе, особенно когда оно является слѣдствіемъ гнѣвныхъ вспышекъ . . . . . , а не искусно разсчитанныхъ мѣръ.

— 28. Сегодня были созваны въ цензурный комитетъ всѣ издатели здѣшнихъ журналовъ. Тутъ были: Смирдинъ, Гинце, издатель польскаго журнала и проч. Гречъ явился прежде. Они были созваны, чтобы выслушать высочайшее повелѣніе о запрещеніи „Телескопа" и приказаніе беречься той же участи. Всѣ они вошли согнувшись, со страхомъ на лицахъ, какъ школьники.

Сегодня же я былъ у Греча. Онъ разсказывалъ мнѣ исторію своего отреченія отъ „Энциклопедическаго лексикона". Оказывается, что сначала Плюшаръ лягнулъ его копытомъ, а онъ потомъ только будто бы отплевался. Главная вина тутъ цензора Корсакова, который, въ качествѣ помощника главнаго редактора, вздумалъ, безъ согласія послѣдняго, помѣщать статьи въ „Лексиконъ". Это разсердило Греча. Корсаковъ пробовалъ когда-то свои силы въ литературѣ, писалъ забытыя трагедіи, издавалъ забытый же журналъ, потомъ долго жилъ въ деревнѣ, служилъ по полицейской части и, наконецъ, сдѣланъ цензоромъ противъ штата, по ходатайству попечителя. Это совершенный хамелеонъ. Его цвѣтъ—цвѣтъ послѣдняго, съ кѣмъ онъ встрѣтился, но это не столько изъ угодливости, сколько по легкомыслію.

Декабрь.—8. Пишу диссертацію для полученія степени доктора. Сроку остается нѣсколько дней. Намъ, то-есть профессорамъ до Устава, дано право получить эту степень безъ экзамена, по одной диссертаціи, которую должно, однако, защищать публично. Эта травля ученыхъ уже была въ университетѣ недѣли двѣ тому назадъ. Устряловъ, профессоръ русской исторіи, защищалъ свою диссертацію „О возможности прагматической русской исторіи въ нынѣшнее время". Странная задача: прагматическая исторія въ наше время, при нынѣшней цензурѣ и источникахъ, не очищенныхъ и не разработанныхъ критически—да развѣ это мыслимо? Немудрено, что Устряловъ защищался слабо противъ возраженій Плетнева, особенно Германа и Литвинова, бывшаго профессора въ виленскомъ университетѣ. Послѣдній вышелъ на арену, когда Устряловъ началъ доказывать, что Ли-

тва всегда составляла часть Россіи. Попечитель испугался, какъ онъ самъ потомъ мнѣ говорилъ, чтобы не вышло соблазнительнаго спора, а потому онъ поспѣшилъ прекратить диспутъ.

Чижовъ защищалъ какую-то новую теорію Остроградскаго о равновѣсіи жидкихъ тѣлъ. Тутъ, разумѣется, я ничего не понялъ, но знатоки говорятъ, что Чижовъ на всѣ возраженія отвѣчалъ дѣльно и искусно. Плетневъ разгорячился за Карамзина. Когда будутъ у насъ спорить за идеи, а не за лица и выгоды?

— 10. Вронченко читалъ у меня свой переводъ шекспирова „Макбета". Очень пріятно провелъ вечеръ. Вронченко человѣкъ умный и оригинальный. Онъ около трехъ лѣтъ прожилъ на Востокѣ, по порученію правительства: ему велѣно было составить маршрутъ для прохода нашихъ войскъ черезъ Малую Азію—разумѣется, секретно. Отъ него много любопытнаго узналъ я о Востокѣ, особенно о Турціи и нынѣшнемъ ея преобразованіи.

— 11. Участь Надеждина рѣшена: его сослали на житье въ Устьсысольскъ, гдѣ долженъ онъ существовать на сорокъ копѣекъ въ день. Впрочемъ, это послѣднее смягчено. Когда ему объявили о ссылкѣ, онъ просилъ Бенкендорфа исходатайствовать ему, вмѣсто того, заключеніе въ крѣпость, потому что тамъ онъ, по крайней мѣрѣ, можетъ не умереть съ голоду. Бенкендорфъ исходатайствовалъ ему, вмѣсто того, позволеніе писать и печатать сочиненія подъ своимъ именемъ.

Говорятъ, Надеждинъ сначала упалъ духомъ, но потомъ оправился и теперь довольно спокоенъ. Онъ съ благодарностью отзывается о Бенкендорфѣ и особенно о Дуббельтѣ. Болдырева приказано отрѣшить отъ всѣхъ должностей, то есть ректора, профессора и цензора. Говорятъ, что нашъ министръ велъ себя очень сурово въ отношеніи Надеждина.

— 23. Печеринъ отправился въ отпускъ за границу въ іюлѣ, на два мѣсяца, и до сихъ поръ не возвращается. Судя по идеямъ, которыя онъ еще здѣсь обнаруживалъ, онъ, должно быть, задумалъ совсѣмъ оставить Россію. Это все больше и больше подтверждается. На дняхъ получилъ отъ него письмо Чижовъ: онъ заклинаетъ его прислать ему рублей пятьсотъ, а въ крайнемъ случаѣ хоть двѣсти. Но ни слова не говоритъ о своихъ намѣреніяхъ. Мы составили по этому случаю совѣтъ, то есть Чижовъ,

Гебгардтъ, Полѣновъ и я, и рѣшили послать ему съ брата по 100 рублей—всего 400, для возвращенія въ Россію. Онъ теперь въ Лугано, небольшомъ городкѣ на границахъ Швейцаріи и Италіи.

— 26. Праздники, но я очень занятъ своей докторской диссертаціей. Она должна быть напечатана къ 29-му числу, 30-го уже разослана кому слѣдуетъ, а 31-го надо уже защищать ее. Совѣтъ, впрочемъ, уже утвердилъ меня въ званіи доктора философіи. Диссертація печатается у Смирдина. Спасибо ему: онъ велѣлъ, елико возможно, спѣшить.

— 30. Чтеніе и защита моей диссертаціи отложены княземъ и министромъ. Они считаютъ докторство мое дѣломъ рѣшеннымъ, съ тѣхъ поръ какъ совѣтъ университета меня утвердилъ въ немъ.

Былъ у министра. Онъ много говорилъ о Печеринѣ, поступкомъ котораго очень огорченъ, такъ какъ это, дѣйствительно, ставитъ его въ затруднительное положеніе. Какъ сказать объ этомъ государю? Кара можетъ сначала пасть на самого министра, потомъ на все ученое сословіе, а, наконецъ, и на систему отправленія молодыхъ людей заграницу. Вѣдь у насъ довольно одного частнаго случая, чтобы заподозрить цѣлую систему, и министръ боится, чтобы такъ не было и на этотъ разъ.

Новый законъ: всѣ молодые люди, окончившіе курсъ ученія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ [1]) непремѣнно должны прослужить три года въ какомъ нибудь губернскомъ присутственномъ мѣстѣ: поступать прямо въ министерство всѣмъ воспрещается. Объ этомъ много толковъ. Всеобщій ропотъ.

— 31. Ѣду встрѣчать Новый годъ къ Шенину, гдѣ будутъ Ростовцевъ и Шульгинъ.

Гебгардтъ на этотъ разъ мнѣ измѣнилъ. Онъ начинаетъ серьезно безпокоить меня. Онъ ведетъ мелкую, разсѣянную жизнь. Ничѣмъ не занимается, бѣгаетъ по вечеринкамъ и баламъ, гдѣ блещетъ эпиграммами и ловкостью. Жаль. Этотъ человѣкъ могъ бы усвоить себѣ другого рода жизнь. Но почему же—могъ бы? Значитъ не могъ бы, когда не дѣлаетъ. У кого есть силы, тотъ не можетъ оставить ихъ безъ употребленія.

Прощай 1836 годъ.

---

[1]) Лицеяхъ, университетахъ. *Ред.*

1837 годъ.

Январь.—2. Вчера встрѣтили Новый годъ у Шенина. Были Ростовцевъ, Шульгинъ, Плетневъ и нѣсколько корпусныхъ офицеровъ и учителей. Было шумно.

Шенинъ умный человѣкъ. У него крѣпкая воля. Образъ мыслей его, впрочемъ, мнѣ мало извѣстенъ. Несомнѣнно, однако, то, что онъ любитъ образованіе: это доказываетъ все, что онъ говоритъ и дѣлаетъ.

Ростовцевъ сдѣлалъ много для корпуснаго воспитанія. Шенинъ ему въ этомъ содѣйствовалъ. Ростовцева можно такъ характеризовать: онъ уменъ и хитеръ для добра. Во всякомъ случаѣ, онъ отрадное явленіе у насъ въ настоящее время. Онъ преобразилъ N. (своего начальника). Онъ вдохнулъ въ него благородное стремленіе отличиться подвигами на поприщѣ просвѣщенія. Онъ имѣетъ на него большое вліяніе и пользуется этимъ, какъ человѣкъ честный и человѣкъ государственный. Онъ еще многое можетъ сдѣлать впереди, если только его не столкнутъ съ пути. Впрочемъ, за него общественное мнѣніе: онъ умѣетъ привлекать къ себѣ людей. Я его глубоко уважаю.

Шульгинъ, нашъ профессоръ исторіи и ректоръ, имѣетъ общій умъ. Говоритъ точно и пріятно, хотя безъ особенной силы. Но ректорство не удалось ему. Онъ почти въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ попечителемъ и съ товарищами, изъ которыхъ многіе, къ тому же, старше его и по лѣтамъ, и по службѣ. Подчиненные, въ свою очередь, не любятъ его за то, что онъ не особенно съ ними ласковъ. Но у него рѣдкая, похвальная черта, особенно для ректора университета: онъ не способенъ къ лести и искательству передъ сильными.

— 5. Вчера я поднесъ мою диссертацію князю Александру Николаевичу Голицыну, а сегодня получилъ отъ него премилое письмо. Признательность моя къ нему неизмѣнна. Я обязанъ ему всѣмъ своимъ настоящимъ и будущимъ.

— 20. Клейнмихель далъ мнѣ крестъ Анны 3-й степени за Аудиторское училище. Онъ былъ у насъ на экзаменѣ и свирѣпствовалъ, какъ ураганъ. Это ужасъ и бичъ для подчиненныхъ. Генералы, и тѣ трепещутъ передъ нимъ, какъ овцы пе-

редъ волкомъ. Я, впрочемъ, не могу пожаловаться: со мной онъ былъ вѣжливъ.

На дняхъ онъ приглашалъ меня къ себѣ обѣдать: совсѣмъ другой человѣкъ. Любезенъ, учтивъ, гостепріименъ—просто радушный хозяинъ. Жена его верхъ привѣтливости. Кажется, на сценѣ своей службы онъ по системѣ облекается въ бурю, убѣжденный, что если хочешь повелѣвать, то долженъ быть звѣремъ.

— 21. Вечеръ провелъ у Плетнева. Тамъ былъ Пушкинъ: онъ все еще на меня дуется. Онъ сдѣлался большимъ аристократомъ. Какъ обидно, что онъ такъ мало цѣнитъ себя, какъ человѣка и поэта, и стучится въ одинъ замкнутый кружокъ общества, тогда какъ могъ бы безраздѣльно царить надъ всѣмъ обществомъ. Онъ хочетъ прежде всего быть бариномъ, но вѣдь у насъ баринъ тотъ, у кого больше дохода. Къ нему такъ не идетъ этотъ жеманный тонъ, эта утонченная спѣсь въ обращеніи, которую завтра же можетъ безвозвратно сбить—опала. А вѣдь онъ умный человѣкъ, помимо своего таланта. Онъ, напримѣръ, сегодня говорилъ много дѣльнаго и, между прочимъ, тонкаго о русскомъ языкѣ. Онъ сознавался также, что исторію Петра пока нельзя писать, то-есть ее не позволятъ печатать. Видно, что онъ много читалъ о Петрѣ.

— 25. Лекціи мои въ университетѣ идутъ успѣшно. Мнѣ иногда удается увлекать моихъ слушателей. Я ратую противъ всякихъ полумыслей и полувыраженій въ литературѣ, противъ мишурнаго блеска и неестественности. Много мѣшаетъ мнѣ, конечно, незнаніе иностранныхъ языковъ: мнѣ отъ этого недостаетъ матеріала для сравненій и фактовъ для общихъ историческихъ выводовъ. Стараюсь пополнить этотъ пробѣлъ чтеніемъ всего, что переведено и переводится на русскій языкъ. А пока главная моя цѣль: согрѣвать сердца слушателей любовью къ чистой красотѣ и истинѣ и пробуждать въ нихъ стремленіе къ мужественному, бодрому и благородному употребленію нравственныхъ силъ. Если мнѣ это удастся хоть въ слабой мѣрѣ, сочту, что я не даромъ трудился.

— 28. Важное и высшей степени печальное происшествіе для нашей литературы: Пушкинъ умеръ сегодня отъ раны, полученной на дуэли.

Вчера вечеромъ я былъ у Плетнева: отъ него отъ перваго

услышалъ объ этой трагедіи. Въ Пушкина выстрѣлилъ сперва противникъ его, Дантесъ, кавалергардскій офицеръ: пуля попала ему въ животъ. Пушкинъ, однако, успѣлъ отвѣчать ему выстрѣломъ, который раздробилъ тому руку. Сегодня Пушкина уже нѣтъ на свѣтѣ.

Подробностей всего я еще хорошо не слыхалъ. Одно несомнѣнно: мы понесли горестную, невознаградимую потерю. Послѣднія произведенія Пушкина признавались нѣкоторыми слабѣе прежнихъ, но это могло быть въ немъ эпохою переворота, слѣдствіемъ внутренней революціи, послѣ которой для него могъ настать періодъ новаго величія.

Бѣдный Пушкинъ! Вотъ чѣмъ заплатилъ онъ за право гражданства въ этихъ аристократическихъ салонахъ, гдѣ расточалъ свое время и дарованіе! Тебѣ слѣдовало идти путемъ человѣчества, а не касты. Сдѣлавшись членомъ послѣдней, ты уже не могъ не повиноваться законамъ ея. А ты былъ призванъ къ высшему служенію.

— 30. Какой шумъ, какая неуря́дица во мнѣніяхъ о Пушкинѣ! Это уже не одна черная заплата на ветхомъ рубищѣ пѣвца, но тысячи заплатъ красныхъ, бѣлыхъ, черныхъ, всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Вотъ, однако, свѣдѣнія о его смерти, почерпнутыя изъ самаго чистаго источника.

Дантесъ пустой человѣкъ, но ловкій, любезный французъ, блиставшій въ нашихъ салонахъ звѣздой первой величины. Онъ ѣздилъ въ домъ къ Пушкину. Извѣстно, что жена поэта красавица. Дантесъ, по праву француза и жителя салоновъ, фамильярно обращался съ нею, а она не имѣла довольно такта, чтобы провести между нимъ и собою черту, за которую мужчина не долженъ никогда переходить въ сношеніяхъ съ женщиною, ему не принадлежащею. Въ обществѣ всегда бываютъ люди, питающіеся репутаціями ближнихъ. Они обрадовались случаю и пустили молву о связи Дантеса съ женою Пушкина. Это дошло до послѣдняго и, конечно, взволновало и безъ того тревожную душу поэта. Онъ запретилъ Дантесу ѣздить къ себѣ. Этотъ оскорбился и отвѣчалъ, что онъ ѣздитъ не для жены, а для свояченицы Пушкина, въ которую влюбленъ. Тогда Пушкинъ потребовалъ, чтобы онъ женился на молодой дѣвушкѣ, и сватовство состоялось.

Между тѣмъ поэтъ нѣсколько дней подрядъ получалъ письма

отъ неизвѣстныхъ лицъ, въ которыхъ его поздравляли съ рогами. Въ одномъ письмѣ даже прислали ему патентъ на званіе члена въ обществѣ мужей-рогоносцевъ, за мнимою подписью президента Нарышкина. Сверхъ того, баронъ Гекернъ, усыновившій Дантеса, былъ очень недоволенъ его бракомъ на свояченицѣ Пушкина, которая, говорятъ, старше своего жениха и безъ состоянія. Гекерну приписываютъ даже слѣдующія слова: „Пушкинъ думаетъ, что онъ этой свадьбой разлучитъ Дантеса съ своей женою. Напротивъ, онъ только сблизитъ ихъ, благодаря новому родству".

Пушкинъ взбѣсился и написалъ Гекерну письмо, полное оскорбленій. Онъ требовалъ чтобы тотъ, по праву отца, унялъ молодаго человѣка. Письмо, разумѣется, было прочитано Дантесомъ—онъ потребовалъ удовлетворенія, и дѣло окончилось за городомъ, на разстояніи десяти шаговъ. Дантесъ стрѣлялъ первый. Пушкинъ упалъ. Дантесъ къ нему подбѣжалъ, но поэтъ, собравъ силы, велѣлъ противнику вернуться къ барьеру, прицѣлился въ сердце, но попалъ въ руку, которую тотъ, по неловкому движенію или изъ предосторожности, положилъ на грудь.

Пушкинъ раненъ въ животъ. Пуля задѣла желудокъ. Когда его привезли домой, онъ позвалъ жену, дѣтей, благословилъ ихъ и поручилъ Арндту просить государя, не оставить ихъ и простить Данзаса, своего секунданта.

Государь написалъ ему собственноручное письмо, обѣщался призрѣть его семью, а для Данзаса сдѣлать все, что будетъ возможно. Кромѣ того, просилъ его передъ смертью исполнить все, что предписываетъ долгъ христіанина. Пушкинъ потребовалъ священника. Онъ умеръ 29-го, въ пятницу, въ три часа пополудни. Въ пріемной его, съ утра до вечера, толпились посѣтители, приходившіе узнать о его состояніи. Принуждены были выставлять бюллетени.

— 31. Сегодня былъ у министра. Онъ очень занятъ укрощеніемъ громкихъ воплей, по случаю смерти Пушкина. Онъ, между прочимъ, недоволенъ пышною похвалою, напечатанною въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ" къ „Русскому Инвалиду".

Итакъ, Уваровъ и мертвому Пушкину не можетъ простить „Выздоровленія Лукулла".

Сію минуту получилъ я предписаніе предсѣдателя цензур-

наго комитета не позволять ничего печатать о Пушкинѣ, не представивъ сначала статьи ему или министру.

Завтра похороны. Я получилъ билетъ.

Февраль.—1. Похороны Пушкина. Это были дѣйствительно народные похороны. Все, что сколько нибудь читаетъ и мыслитъ въ Петербургѣ—все стеклось къ церкви, гдѣ отпѣвали поэта. Это происходило въ Конюшенной. Площадь была усѣяна экипажами, публикою, но среди послѣдней—ни одного тулупа или зипуна. Церковь была наполнена знатью. Весь дипломатическій корпусъ присутствовалъ. Впускали въ церковь только тѣхъ, которые были въ мундирахъ или съ билетомъ. На всѣхъ лицахъ лежала печаль—по крайней мѣрѣ наружная. Возлѣ меня стояли: баронъ Розенъ, Карлгофъ, Кукольникъ и Плетневъ. Я прощался съ Пушкинымъ: „И былъ страненъ тихій миръ его чела". Впрочемъ, лицо уже значительно измѣнилось: его успѣло коснуться разрушеніе. Мы вышли изъ церкви съ Кукольникомъ.

— Утѣшительно, по крайней мѣрѣ, что мы всетаки подвинулись впередъ, сказалъ онъ, указывая на толпу, пришедшую поклониться праху одного изъ лучшихъ своихъ сыновъ.

Ободовскій (Платонъ) упалъ ко мнѣ на грудь, рыдая какъ дитя.

Тутъ же, по обыкновенію, были и нелѣпѣйшія распоряженія. Народъ обманули: сказали, что Пушкина будутъ отпѣвать въ Исаакіевскомъ соборѣ—такъ было означено и на билетахъ, а между тѣмъ, тѣло было изъ квартиры вынесено ночью, тайкомъ, и поставлено въ Конюшенной церкви. Въ университетѣ получено строгое предписаніе, чтобы профессора не отлучались отъ своихъ каѳедръ, и студенты присутствовали бы на лекціяхъ. Я не удержался и выразилъ попечителю свое прискорбіе по этому поводу. Русскіе не могутъ оплакивать своего согражданина, сдѣлавшаго имъ честь своимъ существованіемъ! Иностранцы приходили поклониться поэту въ гробу, а профессорамъ университета и русскому юношеству это воспрещено. Они, тайкомъ, какъ воры, должны были прокрадываться къ нему.

Попечитель мнѣ сказалъ, что студентамъ лучше не быть на похоронахъ, они могли бы собраться въ корпораціи, нести гробъ Пушкина — могли бы „пересолить", какъ онъ выразился.

Гречъ получилъ строгій выговоръ отъ Бенкендорфа за слова, напечатанныя въ „Сѣверной Пчелѣ“; „Россія обязана благодарностью Пушкуну за 22-хъ-лѣтнія заслуги его на поприщѣ словесности“ (№ 24).

Краевскій, редакторъ „Литературныхъ Прибавленій“ къ „Русскому Инвалиду“, тоже имѣлъ непріятности за нѣсколько строкъ, напечатанныхъ въ похвалу поэту.

Я получилъ приказаніе вымарать совсѣмъ нѣсколько такихъ же строкъ, назначавшихся для „Библіотеки для Чтенія“.

И все это дѣлалось среди всеобщаго участія къ умершему. среди всеобщаго глубокаго сожалѣнія. Боялись—но чего?

Церемонія кончилась въ половинѣ перваго. Я поѣхалъ на лекцію. Но, вмѣсто очередной лекціи, я читалъ студентамъ о заслугахъ Пушкина. Будь что будетъ!

— 12. До меня дошли изъ вѣрныхъ источниковъ свѣдѣнія о послѣднихъ минутахъ Пушкина. Онъ умеръ честно, какъ человѣкъ. Какъ только пуля впилась ему во внутренности, онъ понялъ, что это поцѣлуй смерти. Онъ не стоналъ, а когда докторъ Даль ему это посовѣтовалъ, отвѣчалъ:

— Ужели нельзя превозмочь этого вздора? Къ тому же мои стоны встревожили бы жену.

Безпрестанно спрашивалъ онъ у Даля: „Скоро ли смерть?“ И очень спокойно, безъ всякаго жеманства, опровергалъ его, когда тотъ предлагалъ ему обычныя утѣшенія. За нѣсколько минутъ до смерти, онъ попросилъ приподнять себя и перевернуть на другой бокъ.

— Жизнь кончена, сказалъ онъ.

— Что такое ? спросилъ Даль, не разслышавъ.

— Жизнь кончена, повторилъ Пушкинъ, — мнѣ тяжело дышать.

За этими словами ему стало легко, ибо онъ пересталъ дышать. Жизнь окончилась; погасъ огонь на алтарѣ. Пушкинъ хорошо умеръ.

Дня черезъ три послѣ отпѣванія Пушкина, увезли тайкомъ трупъ его въ деревню. Жена моя возвращалась изъ Могилева и, на одной станціи, неподалеку отъ Петербурга, увидѣла простую телѣгу, на телѣгѣ солому, подъ соломой гробъ, обернутый рогожею. Три жандарма суетились на почтовомъ дворѣ, хлопотали

о томъ, чтобы скорѣе перепрячь курьерскихъ лошадей и скакать дальше съ гробомъ.

— Что это такое? спросила моя жена у одного изъ находившихся здѣсь крестьянъ.

— А Богъ его знаетъ что! Вишь, какой-то Пушкинъ убитъ— и его мчатъ на почтовыхъ въ рогожѣ и соломѣ, прости Господи— какъ собаку.

Мѣра запрещенія относительно того, чтобы о Пушкинѣ ничего не писать, продолжается. Это очень волнуетъ умы.

— 14. Вчера защищалъ публично въ университетѣ мою диссертацію на степень доктора философіи: „О творческой силѣ въ поэзіи или о поэтическомъ геніи“ и сошелъ съ поля битвы побѣдителемъ. Оппонентами моими были: профессоръ философіи Фишеръ и профессоръ русской словесности Плетневъ. Началось дѣло въ половинѣ перваго часа, а кончилось въ половинѣ третьяго. Собраніе было столь многочисленное, что произошла даже давка. Ректоръ предварительно прочелъ мою біографію. Я крѣпко держался въ моихъ окопахъ и не терялъ присутствія духа. Публика выразила свое полное удовольствіе. Но вотъ что было мнѣ особенно пріятно. Послѣ диспута, главные члены университета подошли къ присутствовавшему здѣсь Константину Матвѣевичу Бороздину, прежнему попечителю, и благодарили его отъ имени университета за то, что „онъ воспиталъ и приготовилъ меня“. Мой добрый покровитель и другъ былъ тронутъ до слезъ.

Вечеромъ собралось ко мнѣ человѣкъ до тридцати. Былъ ужинъ и, какъ водится, пили тосты въ честь новаго доктора.

— 22. Былъ у В. А. Жуковскаго. Онъ показывалъ мнѣ „Бориса Годунова“ Пушкина, въ рукописи, съ цензурою государя. Многое имъ вычеркнуто. Вотъ почему печатный „Годуновъ“ кажется не полнымъ, почему въ немъ столько пробѣловъ, заставляющихъ иныхъ критиковъ говорить, что пьеса эта только собраніе отрывковъ.

Видѣлъ я также резолюцію государя на счетъ новаго изданія сочиненій Пушкина. Тамъ сказано:

„Согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы все найденное мною неприличнымъ въ изданныхъ уже сочиненіяхъ было исключено, а чтобы ненапечатанныя еще сочиненія были строго разсмотрѣны“.

Мартъ.—30. Сегодня держалъ крѣпкій бой съ предсѣдателемъ цензурнаго комитета, княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ, за сочиненія Пушкина, цензоромъ которыхъ я назначенъ. Государь велѣлъ, чтобы они были изданы подъ наблюденіемъ министра. Послѣдній растолковалъ это такъ, что и всѣ доселѣ уже напечатанныя сочиненія поэта надо опять строго разсматривать. Изъ этого слѣдуетъ, что не должно жалѣть нашихъ красныхъ чернилъ.

Вся Россія знаетъ наизусть сочиненія Пушкина, которыя выдержали нѣсколько изданій и всѣ напечатаны съ высочайшаго соизволенія. Не значитъ ли это обратить особенное вниманіе публики на тѣ мѣста, которыя будутъ выпущены: она вознегодуетъ и тѣмъ усерднѣе станетъ твердить ихъ наизусть.

Я въ комитетѣ говорилъ цѣлую рѣчь противъ этой мѣры и сильно оспаривалъ князя, который все ссылался на высочайшее повелѣніе, истолкованное министромъ. Само собой разумѣется, что оффиціальная побѣда не за мной осталась. Но я, какъ честный человѣкъ, долженъ былъ подать мой голосъ въ защиту здраваго смысла.

Изъ товарищей моихъ только Куторга, время отъ времени, поддерживалъ меня двумя, тремя фразами. Мнѣ въ помощь для цензорованія Пушкина дали Крылова, одно имя котораго страшно для литературы: онъ ничего не знаетъ, кромѣ запрещенія. Забавно было, когда Куторга сослался на общественное мнѣніе, которое, конечно, осудитъ всякое искаженіе Пушкина, а князь возразилъ, что правительство не должно смотрѣть на общественное мнѣніе, но идти твердо къ своей цѣли.

— Да, замѣтилъ я,—если эта цѣль стоитъ пожертвованія общественнымъ мнѣніемъ. Но что выиграетъ правительство, искажая въ Пушкинѣ то, что наизусть знаетъ вся Россія? Да и вообще, не худо бы иногда уважать общественное мнѣніе — хоть изрѣдка. Россія существуетъ не для одного дня и, возбуждая въ умахъ негодованіе безъ всякой надобности, мы готовимъ для нея неутѣшительную будущность.

Послѣ того мы разстались съ княземъ, впрочемъ, довольно хорошо. Пожимая мнѣ руку, онъ сказалъ:

— Я понимаю васъ. Вы, какъ литераторъ, какъ профессоръ,

конечно, имѣете поводы желать, чтобы изъ сочиненій Пушкина ничто не было исключено.

Вотъ это значитъ попасть пальцемъ прямо въ брюхо. . . . . . какъ говоритъ пословица.

— 31. В. А. Жуковскій мнѣ объявилъ пріятную новость: государь велѣлъ напечатать уже изданныя сочиненія Пушкина безъ всякихъ измѣненій. Это сдѣлано по ходатайству Жуковскаго. Какъ это взбѣситъ кое-кого. Мнѣ жаль князя, который добрый и хорошій человѣкъ: министръ Уваровъ употребляетъ его, какъ орудіе. Ему должно быть теперь очень непріятно.

Апрѣль.—3. Печеринъ написалъ письмо Чижову. Онъ сообщаетъ, что рѣшился навсегда оставить Россію, что онъ не созданъ для того, чтобы учить греческому языку; что онъ чувствуетъ въ себѣ призваніе идти за своей звѣздой—а звѣда эта ведетъ его въ Парижъ.

— 12. Новый цензурный законъ. Каждая журнальная статья отнынѣ будетъ разсматриваться двумя цензорами: тотъ и другой могутъ исключать, что имъ вздумается. Сверхъ того, установленъ еще новый цензоръ, родъ контролера, обязанность котораго будетъ перечитывать все, что пропущено другими цензорами, и повѣрять ихъ. Вчера призывалъ меня предсѣдатель для учтиваго предложенія, чтобы я самъ выбралъ себѣ товарища. Я сказалъ, что мнѣ все равно, и получилъ Гаевскаго для „Библіотеки для Чтенія".

Спрашивается: можно ли что-либо писать и издавать въ Россіи? Поневолѣ иногда опускаются руки, при всей готовности твердо стоять на своемъ посту охранителемъ русской мысли и русскаго слова. Но ни удивляться, ни сѣтовать не должно.

— 13. Не выдержалъ: отказался отъ цензурной должности. Въ сегодняшнемъ засѣданіи читали бумагу о новомъ законѣ. Цензоръ становится лицомъ жалкимъ, безъ всякаго значенія, но подъ огромною отвѣтственностью и подъ непрестаннымъ шпіонствомъ одного высшаго цензора, которому велѣно быть при попечителѣ.

Я сказалъ князю о моемъ намѣреніи выйти въ отставку, когда мы выходили изъ цензурнаго комитета. Разумѣется, сначала онъ удивился, потомъ посовѣтовалъ не дѣлать этого вдругъ, чтобы не навлечь на себя страшнаго нареканія въ возмущеніи.

— 14. Послѣ жаркаго объясненія съ княземъ, заключенъ чест-

ный міръ, и пока я еще остаюсь цензоромъ. У меня съ княземъ была стычка въ цензурномъ комитетѣ по поводу новаго положенія. Онъ началъ было его защищать и не какъ предсѣдатель, а какъ человѣкъ. Я горячо возражалъ, и это было поводомъ къ нашему разладу. Но дѣло получило другой оборотъ, когда онъ сегодня утромъ откровенно сознался, что самъ раздѣляетъ вполнѣ мое мнѣніе о новой мѣрѣ, но что въ комитетѣ онъ долженъ былъ говорить иначе. Онъ просилъ меня не оставлять его въ этомъ трудномъ положеніи и всегда прямо обращаться къ нему съ замѣчаніями. Мы разстались дружелюбно, заключили другъ друга въ объятія и дали взаимное обѣщаніе дѣйстовать умѣреннѣе. Да и князю не легко! Онъ честный и благородный человѣкъ, но, къ сожалѣнію, слишкомъ послушенъ министру Уварову.

— 17. Ожидаю перваго удара колокола, чтобы отправиться къ заутрени. Я люблю праздникъ Пасхи: въ немъ много величественнаго и утѣшительнаго. А пока я сижу за письменнымъ столомъ и пишу, по порученію университетскаго совѣта, похвальное слово Петру Великому, которое должно быть готово къ 1-му мая. Срокъ не великъ. Ужъ эти заказныя сочиненія! А съ другой стороны, надо сказать правду, я лучше работаю, когда меня сожмутъ тиски необходимости. Человѣкъ слабъ и безъ тисковъ легче уступаетъ усталости.

Іюль—1. Познакомился надняхъ съ авторомъ поэмы: „Мірозданіе“ [1]). Наружность его незначительна; цвѣтъ лица болѣзненный. Но онъ человѣкъ умный. Въ разговорѣ его что-то искреннее и простодушное. Заглянувъ поглубже въ его душу, вы смотрите на него съ уваженіемъ. Это человѣкъ много претерпѣвшій. За нѣсколько смѣлыхъ куплетовъ, прочитанныхъ имъ, или пропѣтыхъ въ кругу пріятелей—изъ нихъ два были шпіоны—онъ просидѣлъ около года въ московскомъ острогѣ и около двухъ лѣтъ въ шлиссельбургской крѣпости. Ему поставили также въ государственную измѣну собраніе нѣсколькихъ fac-simile важнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ, которые онъ намѣревался приложить къ біографіямъ ихъ. Въ московскомъ острогѣ онъ чуть не попалъ въ новую бѣду за перочинный ножикъ, который ему какъ-то доставилъ одинъ изъ товарищей по заключенію. У

[1]) Владиміръ Ивановичъ Соколовскій. *Ред.*

него допытывались, откуда онъ его добылъ, а онъ не хотѣлъ никого выдать. Съ нимъ очень дурно обращались, а одинъ изъ московскихъ полицеймейстеровъ грозилъ ему часто истязаніями. Въ Шлиссельбургѣ онъ отдохнулъ, потому что имѣлъ въ казематѣ кровать и столикъ; могъ пить чай, читать и писать. Наконецъ, великій князь Михаилъ Павловичъ, по ходатайству братьевъ Соколовскихъ, выхлопоталъ ему свободу—и теперь его посылаютъ въ Вологду, какъ опальнаго, на службу. Онъ хорошо отзывается о Бенкендорфѣ и Дуббельтѣ. Шлиссельбургскій комендантъ тоже обращался съ нимъ по человѣчески. Въ крѣпости онъ выучился еврейскому языку и сроднился съ религіознымъ образомъ мыслей, но здоровье его убито продолжительнымъ заключеніемъ, особенно московскимъ.

— 5. Новая потеря для нашей литературы: Александръ Бестужевъ убитъ. Да и къ чему въ Россіи литература! [1]).

Ноябрь.—7. Вчера было открытіе типографіи, учрежденной Воейковымъ и К°. Къ обѣду было приглашено человѣкъ семьдесятъ. Тутъ были всѣ наши „знаменитости“, начиная съ Бурнашева и до генерала Данилевскаго. И до сихъ поръ еще гремятъ въ ушахъ моихъ дикіе хоры Жуковскихъ пѣвчихъ, неистовые крики грубаго веселья; пестрѣютъ въ глазахъ несчетные огни отъ лампъ, бутылки съ шампанскимъ и лица черезъ-чуръ оживленныя виномъ. Я предложилъ сосѣдямъ тостъ въ память Гуттенберга.—„Не надо, не надо, заревѣли они,—а въ память Ивана Өедорова!“

На обѣдѣ присутствовалъ квартальный, но не въ качествѣ гостя, а въ качествѣ блюстителя порядка. Онъ ходилъ вокругъ стола и все замѣчалъ. Кукольникъ былъ не въ своемъ видѣ и непомѣрно дурачился. Баронъ Розенъ каждому доказывалъ, что его драма „Іоаннъ III“ лучшая изъ всѣхъ его произведеній. Полевой и Воейковъ сидѣли смирно.

— Бесѣда сбивается на оргію, замѣтилъ я Полевому.

— Что же, не совсѣмъ твердо отвѣчалъ онъ:—ничего, прекрасно, восхитительно!

Я не возражалъ. Изо всѣхъ лицъ, здѣсь собранныхъ, я съ удовольствіемъ встрѣтился съ Каратыгинымъ, котораго давно не

[1]) Далѣе пробѣлъ въ рукописи „Дневника“. *Ред.*

видалъ. Онъ не былъ пьянъ и очень умно говорилъ о своемъ искусствѣ.

Въ заключеніе у меня пропали калоши и мнѣ обмѣнили шубу

Не мало упрековъ наслушался я сегодня по слѣдующему поводу. Въ послѣднемъ номерѣ „Библіотеки для Чтенія“ упоминается о біографіи Фонъ-Визина, которую когда-то обѣщалъ „нѣкто князь Вяземскій“ и т. д. Послѣдній жаловался министру, и мнѣ съ Корсаковымъ было сдѣлано замѣчаніе отъ начальства.

— Какъ вы пропустили статью о князѣ Вяземскомъ, слышалъ я сегодня чуть не отъ всѣхъ литераторовъ, по очереди,—вѣдь онъ князь, вице-директоръ и камергеръ.

Декабрь.—15. Къ намъ на актъ ожидаютъ государя. По этому случаю министръ намѣревается отмѣнить профессорскія рѣчи. Должны были читать: Шульгинъ—„Краткую исторію университета“, и я—„Похвальное слово Петру Великому“. Вмѣсто того, онъ самъ будетъ говорить какую-то рѣчь—по крайней мѣрѣ собирается.

— 18. Ночью произошелъ пожаръ въ Зимнемъ дворцѣ. Онъ горѣлъ цѣлую ночь и теперь еще горитъ. Я сейчасъ (въ два часа пополудни) проходилъ по площади. Теперь горитъ на половинѣ государя, его кабинетъ и проч. На Невскомъ проспектѣ, особенно ближе къ площади, ужасная суматоха. Народъ сплошною массою валитъ поглазѣть на рѣдкій спектакль. Изъ дворца безпрестанно вывозятъ вещи. Я встрѣтилъ государя: онъ ѣхалъ въ саняхъ и очень привѣтливо кланялся. Блѣденъ, но спокоенъ. Мнѣ показалось, что физіономія его была менѣе сурова, чѣмъ обыкновенно.

1838 годъ.

Мартъ.—23. Сегодня я случайно узналъ, что министръ Уваровъ отмѣнилъ чтеніе моего „Похвальнаго слова Петру Великому“ на актѣ, который назначенъ на 25-е, то есть на послѣзавтра. У попечителя съ нимъ былъ по этому поводу горячій разговоръ. Князь Дондуковъ-Корсаковъ доказывалъ ему неприличіе и странность такой мѣры. Министръ упорствуетъ. Какая причина?

— 26. Публика приняла большое участіе въ моемъ „Похвальномъ словѣ". Всѣ удивлены запрещеніемъ министра, который, предлогомъ отмѣны чтенія, поставилъ желаніе „не обременять публику многимъ чтеніемъ".

Декабрь.—25. „Энциклопедическій Лексиконъ" гибнетъ по милости Плюшара. Онъ велъ себя въ этомъ дѣлѣ какъ мальчишка. Сначала поссорился съ Гречемъ, который былъ ему необходимъ, ибо служилъ точкою соединенія у него литераторовъ. Потомъ сталъ употреблять на отважныя и необдуманныя предпріятія капиталъ, который дала ему подписка на первый годъ „Энциклопедическаго Лексикона". Такимъ образомъ, когда редакторомъ сдѣлался Шенинъ, плата сотрудникамъ понемногу стала затрудняться и, наконецъ, ее и совсѣмъ перестали выдавать—по крайней мѣрѣ, инымъ. Они отказались. „Лексиконъ" сталъ медлить выходомъ въ свѣтъ. Плюшаръ надѣялся еще спасти дѣло, передавъ редакцію Сенковскому, который помогъ ему деньгами. Но дѣльныхъ сотрудниковъ уже больше нельзя было набрать. Они не соглашались на дальнѣйшее участіе въ изданіи, во-первыхъ, потому что потеряли довѣріе къ Плюшару, а во-вторыхъ, потому что не хотѣли имѣть дѣла съ Сенковскимъ, боясь его обиднаго и строптиваго обращенія съ самими авторами и съ ихъ статьями. Сенковскій очутился въ необходимости работать съ нѣсколькими студентами. Вышелъ XIV томъ и изумилъ публику своею несостоятельностію. Это окончательно подорвало довѣріе къ изданію, которое на первыхъ порахъ встрѣтило такъ много сочувствія.

— 26. Въ четвергъ былъ на похоронахъ. Умеръ Карлъ Ѳедоровичъ Германъ, академикъ и инспекторъ Смольнаго монастыря и Екатерининскаго института. Это былъ человѣкъ выше обыкновенныхъ. Я намѣренъ написать его біографію. Смерть самая обыкновенная вещь между людьми, а между тѣмъ на похоронахъ какъ будто въ первый разъ знакомишься съ ней. Вотъ этотъ человѣкъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, говорилъ съ вами, смѣялся, думалъ, желалъ, носилъ міръ въ своемъ умѣ—и вотъ его бросили въ землю, какъ соръ, зарыли. Семидесятитрехлѣтняя драма разыграна и занавѣсъ опустился: ужасное нѣтъ, ничто пишется надъ зачеркнутымъ именемъ Карлъ Ѳедоровичъ...

Видѣлъ картину Штейбена „Наполеонъ при Ватерлоо". Прекрасно! Лицо Наполеона ясно говоритъ: все погибло, геній че-

ловѣческій ничто предъ рокомъ. Я два раза ходилъ смотрѣть эту картину, долго стоялъ передъ ней и выносилъ впечатлѣнія, которыя трудно и безполезно описывать.

— 28. Былъ у Греча и видѣлъ у него Тальони. Она не хороша собой, но очень мила и скромна.

Засталъ у Николая Ивановича еще Булгарина. Онъ бранилъ или, вѣрнѣе, ругалъ Сенковскаго, какъ ямщикъ.

Встрѣтилъ, между прочимъ, Строева, который недавно вернулся изъ-за границы. Онъ долго жилъ въ Парижѣ и, кажется, не принадлежитъ къ числу тѣхъ отчизнолюбцевъ, которые, зря, громятъ западъ и все, что не отзываетъ родной поэзіей кнута и штыка.

Владиславлевъ мнѣ разсказывалъ про Н. А. Полеваго. Дубельтъ позвалъ его къ себѣ, для передачи высочайше пожалованнаго перстня за пьесу „Ботикъ Петра I“.

— Вотъ вы теперь стоите на хорошей дорогѣ: это гораздо лучше, чѣмъ по пусту либеральничать, замѣтилъ Дуббельтъ.

— Ваше превосходительство, отвѣчалъ, низко кланяясь, Полевой,—я написалъ еще одну пьесу, въ которой еще больше вѣрноподданническихъ чувствъ. Надѣюсь, вы ею тоже будете довольны.

Стыдно! Выйдемъ изъ этого мрака на свѣтъ Божій. Но гдѣ искать этого выхода?

— 29. Чудо! въ русскомъ генералѣ, да еще казацкомъ, нашелъ человѣка не только умнаго, но и образованнаго. Генералъ этотъ Красновъ. Я вчера провелъ съ нимъ вечеръ у товарища моего дѣтства, А. А. Мессароса, и нахожу, что вечеръ этотъ не потерянъ.

— 31. Поутру былъ въ университетѣ, на защитѣ диссертацій Порошина и Рождественскаго. Остальное время дома. Новый годъ засталъ меня за корректурными листами „Отечественныхъ Записокъ“. Здравствуй 1839 годъ! Не будь, любезный, такъ малодушенъ, какъ твой предшественникъ! Дайте рюмку вина! Надо приличнымъ привѣтствіемъ встрѣтить этого новаго сына вѣчности. Что было бы съ людьми, если бы они не изобрѣтали для себя игрушекъ? [1])

---

[1]) Дневникъ 1838 г. очень маленькій. Въ теченіе его авторъ ѣздилъ

1839 годъ.

Январь.—1. Полночь.—Дѣлалъ обычные визиты, за скуку и усталость отъ которыхъ былъ сторицею вознагражденъ пріемомъ, оказаннымъ мнѣ въ Смольномъ монастырѣ. Мои милыя ученицы старшаго класса устроили мнѣ настоящій тріумфъ. Онѣ толпой провожали меня по корридорамъ, пѣли мнѣ „многія лѣта“, восторженно выражали благодарность за чувства добра и любви къ изящному и честному, которыя я, будто бы, впервые вызвалъ въ нихъ. Я ушелъ освѣженный, утѣшенный и, хоть на часъ времени, убаюканный иллюзіями насчетъ небезполезности моей дѣятельности.

— 7. Вчера я былъ въ маскарадѣ въ Большомъ театрѣ. Тамъ были государь и великій князь. Я еще въ первый разъ такъ близко видѣлъ перваго. Раза два, тѣснимый толпою, я чуть не столкнулся съ нимъ. Онъ казался въ духѣ, хотя по временамъ хмурился отъ слишкомъ назойливаго любопытства публики.

Мартъ. — 7. Конецъ февраля и начало марта я былъ занятъ выпускными экзаменами въ Смольномъ монастырѣ. На экзаменѣ императорскомъ императрица отсутствовала. Ее замѣняли великія княжны Марія и Ольга. Дѣвицъ спрашивали по билетамъ— это нововведеніе Уварова, который почему-то ждалъ отъ него чудесъ.

Энтузіазмъ ко мнѣ моихъ ученицъ превзошелъ все, что я могъ себѣ представить: это былъ совершенный фуроръ, который въ день выпуска выразился съ неудержимой силой. За обѣдомъ онѣ, въ очередь и не въ очередь, пили за мое здоровье, при чемъ иныя даже били рюмки, возглашали мнѣ „многія лѣта“, осыпали благодарностями, пожеланіями, обѣщаніями никогда не измѣнять идеямъ чести и добра.

Да, я честно трудился въ этомъ разсадникѣ будущихъ русскихъ женъ и матерей, русскихъ гражданокъ, стараясь, какъ можно больше, напитать ихъ человѣчностью. На минуту результатъ превзошелъ мои ожиданія,—а на будущее кто можетъ раз-

---

на родину и объ этой поѣздкѣ оставилъ почти исключительно одни цифровыя данныя, которыя не могутъ имѣть интереса. *Ред.*

считывать? Общество, по всѣмъ вѣроятіямъ, все перестроитъ по своему и я еще разъ принужденъ буду сознаться въ томъ, что я безумецъ, гоняющійся за призраками. Истинно полезенъ людямъ тотъ, кто ихъ кормитъ и поитъ, а вовсе не тотъ, кто возвышаетъ ихъ нравственное достоинство. Для многихъ это даже обращается въ тягость, въ пагубу. Что нужно человѣку?—Счастіе, а счастливымъ можно быть во всякой нравственной сферѣ и еще лучше—въ тѣсной. По крайней мѣрѣ, это неоспоримая истина у насъ и въ наше время.

— 15. Въ пять часовъ потребовали меня къ попечителю. Полученъ грозный высочайшій запросъ: „Кто осмѣлился пропустить портретъ Бестужева [1]) въ альманахѣ Смирдина „Сто русскихъ авторовъ"? Книга подписана мною, но портретъ пропущенъ въ III отдѣленіи Собственной канцеляріи государя. Неизвѣстно, чѣмъ кончится эта суматоха, Можетъ быть и мнѣ достанется—за что? Не знаю. Но надо быть ко всему готовымъ. Говорятъ, что нашъ министръ очень непроченъ при дворѣ.

— 16. Вся бѣда, кажется, обрушится на Мордвинова, который допустилъ Ольдекопа подписать портеръ Бестужева.

Апрѣль. — 9. Воскресенье. Подалъ просьбу объ увольненіи меня отъ должности преподавателя русской словесности въ Аудиторской школѣ. Эта школа основана графомъ Клейнмихелемъ и находится подъ его начальствомъ. Ученики изъ солдатскихъ дѣтей—питомцы палки. Я всегда долженъ былъ насиловать себя, когда ѣхалъ туда преподавать. Я не могъ внести туда ни одной свѣтлой мысли: тамъ все грубо, жестко, не развито. Но жалованье тамъ, надо сказать правду, было хорошее—по 300 рублей (ассигнацій) за часъ. Такимъ образомъ я сразу лишаюсь 1,200 рублей (ассигнацій). Пора, наконецъ, подумать объ усиленіи кабинетной дѣятельности. Иначе пройдетъ лучшее время и жизнь, и силы будутъ растрачены по мелочамъ. Мнѣ

---

[1]) Александръ Александровичъ Бестужевъ, декабристъ, болѣе извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ Марлинскій, убитъ 7-го іюля 1837 г. на мысѣ Адлеръ, на Кавказѣ. На гравюрѣ, изданной Смирдинымъ Бестужевъ, въ видахъ цензурныхъ, изображенъ съ накинутой на плечи буркой, но она не спасла портрета: онъ былъ вырѣзанъ изъ книги и лишь полъ-вѣка спустя въ большомъ количествѣ экземпляровъ вынырнулъ на толкучкѣ. *Ред.*

давно хотѣлось оставить это заведеніе, но какъ Клейнмихель меня очень ласкалъ, мнѣ совѣстно было измѣнить ему. Наконецъ, становится не подъ силу. Я уже переговорилъ о своемъ намѣреніи съ инспекторомъ, генераломъ Зедлеромъ, который очень огорчился. Онъ человѣкъ образованный и добрый, а ко мнѣ всегда выказывалъ дружеское расположеніе. Мы разстаемся съ нимъ съ взаимными сожалѣніями. Но что скажетъ Клейнмихель? Онъ очень не любитъ, когда служащіе подъ его вѣдомствомъ уходятъ.

17. Сегодня былъ у графа Клейнмихеля по его приглашенію. Принятъ отлично. Онъ просилъ меня не оставлять Аудиторскаго училища, но когда увидѣлъ мою твердую рѣшимость, предложилъ слѣдующій компромисъ. Онъ хочетъ сдѣлать меня инспекторомъ по части русской словесности во всѣхъ классахъ училища. Для этого онъ поручилъ мнѣ составить проектъ, предоставляя мнѣ право выбирать и опредѣлять учителей и назначать имъ жалованье. На это я уже не могъ не согласиться и мы разстались довольные другъ другомъ. Онъ былъ со мною такъ любезенъ, что я, вопреки общей молвѣ о немъ, готовъ признать его за образецъ любезности.

Май.—2. Былъ съ пріятелями на гуляньѣ въ Екатерингофѣ. Блестящіе экипажи, блестящія лошади, блестящіе офицеры. Хорошенькія женщины тонули въ нарядахъ и цвѣли самодовольствомъ. На физіономіяхъ отраженіе экипажей, лошадей и лакейскихъ ливрей: чѣмъ богаче все это, тѣмъ сильнѣе на лицахъ выраженіе гордости и блаженства. А мы, бѣдные пѣшеходы,—что-же? Мы были зрители, а тѣ актеры. Они играли для насъ, а мы смотрѣли—по крайней мѣрѣ, мы составляли партеръ. Въ вокзалѣ музыка, тѣснота и весьма непорядочное общество.

Сегодня же утромъ состоялся въ университетѣ экзаменъ изъ философіи. Что это такое? Одни слова.

Вечеромъ у меня обыкновенная литературно-дружеская бесѣда—Чижовъ, Полѣновъ, Гебгартъ, М. Сорокинъ. Чижовъ читалъ свой переводъ исторіи литературы Галлама. Гебгартъ пробное сочиненіе для занятія мѣста начальника отдѣленія по управленію духовными дѣлами.

— 21. Воскресенье. Прогулка по желѣзной дорогѣ въ Павловскъ, съ Струговщиковымъ и Андріяновымъ. Печальное происшествіе. Два вагона соскочили съ рельсъ между Павлов-

скомъ и Царскимъ Селомъ. Три человѣка убиты и нѣсколько получили ушибы. Пассажиры въ страшномъ испугѣ. Мы избѣжали катастрофы потому, что раньше уѣхали изъ Павловска въ Царское Село и ожидали тамъ вагоновъ, чтобы ѣхать въ Петербургъ въ 12 часовъ ночи. Вмѣсто того прождали до пяти, пока паровая машина пришла изъ Петербурга. Домой пріѣхали около семи. Утромъ кое-кто заѣзжалъ узнать, цѣлъ ли я? Въ городѣ толкуютъ, что убитыхъ до 150-ти человѣкъ. Это, конечно, пустяки, но все-же событіе произведетъ непріятное впечатлѣніе на публику.

— 30. Утвержденъ въ званіи инспектора по части русской словесности въ Аудиторскомъ училищѣ.

Изъ пребыванія моего въ деревнѣ Тимоховкѣ [1]) въ Могилевской губерніи.

Іюнь.—13. Во вторникъ выѣхалъ я изъ Петербурга. Ѣхалъ на почтовыхъ довольно скоро, безъ насильственныхъ задержекъ на станціяхъ. Я радъ былъ, что видѣлъ опять открытое небо и широкій горизонтъ полей и лѣсовъ. Впрочемъ, небо здѣсь печальное и зелень блѣдная. Вездѣ песокъ и глина. Въ деревняхъ тишина и неопрятность. Города по пути жалкіе, за исключеніемъ Порхова, который имѣетъ довольно приличный видъ.

Въ воскресенье, 18-го, пріѣхалъ я въ Шкловъ. Тамъ ожидали меня лошади изъ деревни, гдѣ уже съ января мѣсяца живетъ моя семья. Мѣстоположеніе деревни и господскаго дома красивое. Особенно хороша большая березовая роща и за ней широко раскинувшійся свѣжій лугъ, какъ роскошный коверъ, испещренный цвѣтами.

— 30. Я входилъ въ избы здѣшнихъ крестьянъ: что за нечистота и за бѣдность! Дѣти въ отрепьяхъ, грязныя; почти всѣ или страдаютъ болѣзнью глазъ, или съ вередами на лицахъ и на тѣлѣ. Лица взрослыхъ безжизненны и тупы, хотя увѣряютъ, будто они подъ этою маскою скрываютъ и умъ, и хитрость. Эти люди, повидимому, терпятъ крайнюю нужду и угнетеніе: о томъ свидѣ-

---

[1]) Имѣніе Любощинскихъ—сестеръ жены автора. *Ред.*

тельствуютъ ихъ лица, движенія, одежда, или, вѣрнѣе, рубища, которыми они прикрыты, ихъ жилища. Въ послѣднихъ, вмѣсто оконъ, щели съ грязными обломками стеклышекъ: въ тюрьмахъ больше свѣту. Глубочайшее невѣжество и суевѣріе гнѣздятся въ этихъ душныхъ логовищахъ. Религіозныя понятія здѣсь самыя первобытныя. Крестьяне и крестьянки, отправляясь въ церковь, говорятъ, что они „идутъ молиться богамъ и божкамъ“.

Ко мнѣ явились молодой парень и дѣвушка. Они упали на колѣни и, распростертые на полу, пытались цѣловать мои ноги. Озадаченный и въ негодованіи, я спросилъ:

— Что это значитъ? Чего они хотятъ отъ меня?

— Это женихъ и невѣста, отвѣчали мнѣ,—и таковъ здѣсь обычай.

А мой лакей-малороссіянинъ, съ оригинальнымъ малороссійскимъ юморомъ, прибавилъ:

— Видите, они явились предъ пана!

— Такъ что-же?

— Да видите, оно какъ-то страшно подходить къ господамъ.

— Почему-же?

— Да такъ: все кажется что по ухамъ заѣдутъ.

Невольно подумалъ я: какую національную философію можно вывести изъ наблюденій надъ человѣкомъ въ Россіи—надъ русскимъ бытомъ, жизнью и природой? Изъ этого, пожалуй, выйдетъ философія полнаго отчаянія.

Я далъ жениху съ невѣстой по пяти рублей и просилъ ихъ больше такъ не кланяться.

— Довольна ли ты, что выходишь замужъ,—спросилъ я, между прочимъ, у невѣсты.

— Нѣтъ, отвѣчала она.

— Почему-же?

— На волѣ жить лучше.

Это не дурно, подумалъ я, и спросилъ еще:

— Но зачѣмъ же ты идешь замужъ, если не хочешь?

— Господа велятъ!

Да, ихъ соединяютъ, какъ скотовъ, для приплода!

Іюль.—2. Упоительный день. Я гулялъ въ моей любимой рощѣ и въ саду. Къ вечеру съ сѣверо-востока стала подниматься туча, мрачная, тяжелая, съ бѣгающими по ней огненными змѣй-

ками. Западъ, между тѣмъ, оставался залитымъ послѣдними лучами заходящаго солнца: тамъ все было ясно, тихо и отрадно. Мягкій, благоухающій воздухъ ласково вѣялъ въ лицо, жаркимъ дыханіемъ охватывалъ цвѣты и деревья, которые въ сладкомъ томленіи стояли неподвижно. Ни шелеста, ни звука. Смолкли даже хлопотунъ-кузнечикъ и птичка-щебетунья. И для меня то была минута глубокаго, благоговѣйнаго восторга, какой всегда объемлетъ меня при близкомъ общеніи съ природой, особенно, когда та балуетъ насъ болѣе обыкновеннаго яркими проявленіями своей мощи и красоты.

Но, чу! На противуположномъ скатѣ холма, изъ деревушки, раздались голоса крестьянскихъ женщинъ: онѣ пѣли свадебныя пѣсни. То были подруги дѣвушки, которая съ женихомъ такъ усердно кланялась мнѣ. Молодые люди сегодня обвѣнчались. И вдругъ, на эти пѣсни убогой радости, небо отвѣчало отдаленнымъ ропотомъ грома...

— 15. Приготовляюсь къ отъѣзду. По пріѣздѣ въ Петербургъ мнѣ предстоятъ для немедленной обработки:

1. Хрестоматія.
2. Курсъ словесности.
3. Записки для Смольнаго монастыря и для института.

Кромѣ того, на очереди:

1. Біографія Германа.
2. Статья о Марлинскомъ.
3. Статья о Пушкинѣ.

Нынѣшнія оффиціальныя мои занятія слѣдующія:

1. Университетъ—преподаваніе 6 часовъ.
2. Смольный монастырь—6 часовъ.
3. Екатерининскій институтъ—3 часа.
4. Аудиторское училище—инспекція по части русскаго языка.
5. Цензура.
6. Частные уроки: у министра Уварова $4^1/_2$ часа въ недѣлю.

— Составить планъ для изданія исторической русской Хрестоматіи. Пригласить къ участію въ этомъ трудѣ: Струговщикова, Андріянова, Полѣнова, Сорокина, Алимпіева и поискать еще людей.

— 26. Сегодня я пріѣхалъ въ Петербургъ. Въ Витебскѣ, гдѣ былъ проѣздомъ, познакомился съ прокуроромъ, Яковомъ Петро-

вичемъ Рожновымъ. Онъ мнѣ показался человѣкомъ образованнымъ и благороднымъ. Много наслушался я тутъ любопытнаго объ управленіи этого края и особенно о генералъ-губернаторѣ Дьяковѣ. Нѣсколько лѣтъ уже онъ признанъ сумасшедшимъ и, тѣмъ не менѣе, ему поручена важная должность генералъ-губернатора надъ тремя губерніями. Каждый день его управленія знаменуется поступками крайне нелѣпыми или пагубными для жителей. Утро онъ обыкновенно проводитъ на конюшнѣ или на голубятнѣ: онъ страстный любитель лошадей и голубей. Всегда вооруженъ плетью, которую употребляетъ для собственноручной расправы съ правымъ и виноватымъ. Одну беременную женщину онъ велѣлъ высѣчь на конюшнѣ за то, что она пришла къ его дворецкому требовать сто пятьдесятъ рублей за хлѣбъ, забранный у нея на эту сумму для генералъ-губернаторскаго дома. Портному велѣлъ отсчитать сто ударовъ плетью за то, что именно столько рублей былъ ему долженъ за платье. Объ этихъ происшествіяхъ и многихъ подобныхъ, говорятъ, было доносимо даже государю. Надняхъ Дьяковъ собственноручно прибилъ одну почтенную даму, дворянку, за то, что та, обороняясь на улицѣ отъ генералъ-губернаторскихъ собакъ, одну изъ нихъ задѣла зонтикомъ. Она также послала жалобу государю.

Что-же послѣ этого и говорить объ управленіи края? Въ Могилевѣ тоже хорошо: генералъ-губернаторъ—сумасшедшій; предсѣдатель гражданской палаты—воръ, обокравшій богатую помѣщицу, у которой былъ управляющимъ (онъ же и камергеръ); предсѣдатель уголовной палаты убилъ человѣка, за что и находится подъ слѣдствіемъ.

Дорогой томилъ страшный зной. Въ Великолуцкомъ уѣздѣ много прекрасныхъ видовъ.

Въ провинціи, какъ и въ Петербургѣ, упорно держалась молва, что по случаю высокаго бракосочетанія на народъ будутъ излиты великія милости. Чиновники ожидали денежныхъ наградъ. Ничего, однако, не вышло изъ этихъ ожиданій, кромѣ двухъ манифестовъ: о рекрутскомъ наборѣ и о новой денежной системѣ.

Новая денежная система сводитъ всѣхъ съ ума. Никто не понимаетъ этихъ сложныхъ разсчетовъ. Неоспоримо только то, что всѣ сословія болѣе или менѣе теряютъ, по крайней мѣрѣ, при настоящемъ кризисѣ—и потому всѣ недовольны, всѣ ропщутъ.

Хуже всѣхъ бѣднымъ чиновникамъ. Они получали жалованье ассигнаціями, что доставляло имъ лишнихъ рублей по семи на сто. А теперь имъ выдаютъ серебромъ, считая рубль по 3 р. 60 к., а въ публикѣ велятъ считать рубль по 3 р. 50 к. Между тѣмъ, какъ курсъ на монету понизился, съѣстные припасы остаются въ прежней цѣнѣ: каково это для бѣднаго класса, доходы котораго не увеличиваются.

Августъ.—3. Пріемные экзамены въ университетѣ. Между экзаменующимися никого съ особенно выдающимися способностями. Ученики гимназіи вообще лучше подготовлены. Аристократы, хотя также плохо приготовлены, какъ и прежде, однако, приступаютъ къ экзамену съ бо̀льшимъ страхомъ: и это ужъ не дурно.

Россіи необходимъ еще новый Петръ Великій. Первый Петръ Великій ее построилъ, второму надлежало бы ее устроить. Теперь въ ней все въ хаосѣ. Кто выведетъ ее изъ этого хаоса? Гдѣ могущественный, свѣтлый умъ, который раздѣлилъ бы стихіи и связалъ ихъ въ гармоническое цѣлое?

— 25. Въ цензурномъ уставѣ есть статья, въ силу которой книги нравственнаго содержанія, хотя бы основанныя на Св. Писаніи и подкрѣпленныя текстами изъ него, пропускаются свѣтскою цензурою. Въ духовную же отсылаются только догматическія и церковно-историческія. Теперь мы получили отъ министра предписаніе, основанное на отношеніи св. синода, чтобы всѣ сочиненія „духовнаго содержанія, въ какой бы то мѣрѣ ни было“, отсылались въ духовную цензуру. Что это значитъ? Законъ, изданный самодержавною властью, отмѣняется оберъ-прокуроромъ синода? Но такія вещи не въ первый разъ случаются въ нашей администраціи. Въ настоящемъ случаѣ цензура въ большомъ затрудненіи. Рѣдкая журнальная статья не должна будетъ отсылаться въ духовную цензуру. Я просилъ князя Волконскаго сдѣлать объ этомъ представленіе министру. Онъ сдѣлалъ уже. Мы спрашиваемъ: „Чему должно слѣдовать—новому распоряженію или высочайше утвержденному тексту цензуры“?

Сентябрь.—8. Съ утра до 2-хъ часовъ ночи я занятъ исчерпываніемъ прилива текущихъ дѣлъ и должностныхъ заботъ.

Все современное—мелочь, кромѣ возможности сдѣлать кому либо существенное добро.

Общій законъ для людей—быть средствами и орудіями для цѣлаго. Одинъ только великій человѣкъ свободенъ и одинъ только онъ достоинъ свободы. Онъ служитъ цѣлому, какъ и всѣ, но это служеніе не порабощаетъ его. Онъ гражданинъ этого великаго цѣлаго, а не рабъ.

Отдѣлить все истинно человѣческое отъ ложнаго, лицемѣрнаго, преходящаго—вотъ главное дѣло. Должно всегда и во всемъ уважать первое—второе ничего не значитъ.

— 25. Вчера былъ на похоронахъ г-жи Адлербергъ, начальницы Смольнаго монастыря, кавалерственной статсъ-дамы и проч. Тутъ былъ и государь, который проводилъ тѣло до перваго переулка по улицѣ, ведущей къ Таврическому саду. Я съ другими несъ гробъ до похоронной колесницы и жестоко отдавилъ себѣ руку. Народу было множество. Я шелъ за гробомъ до Итальянской, а тамъ повернулъ домой.

Г-жа Адлербергъ розыграла длинную роль и сошла со сцены жизни великолѣпно и торжественно. Какъ же судятъ зрители объ ея игрѣ? Говорятъ, что она была почтенная женщина. Но никто не говоритъ о ней съ тѣмъ жаромъ, съ какимъ поминаютъ людей, сдѣлавшихъ въ жизни или много добра, или много зла. Въ данномъ случаѣ всѣ сохраняютъ какое-то нейтральное спокойствіе духа. Такова точно была и она сама. Въ теченіе своей долгой жизни и своего могущества она никому не сдѣлала зла, но не сдѣлала также и добра. Она могла бы, напримѣръ, однимъ почеркомъ пера дать новые штаты Смольному монастырю и тѣмъ оказать большую услугу заведенію, которымъ управляла. Ей не разъ о томъ докладывали. Но она этого не сдѣлала, боясь быть „докучливою“ при дворѣ. Таковы, впрочемъ, всѣ царедворцы. Для нихъ приличіе составляетъ высочайшій нравственный законъ. Они думаютъ, что уже много дѣлаютъ, если не дѣлаютъ зла. Впрочемъ, они правы: и то хорошо. Личныя мои отношенія съ покойной были хороши. Она еще за недѣлю до смерти присутствовала на моей лекціи и выражала свое удовольствіе по поводу успѣховъ дѣвицъ.

— 26. Былъ у графа Клейнмихеля. Онъ отнесся ко мнѣ привѣтливо и благодарилъ за замѣчанія мои на его проектъ о преобразованіи Аудиторскаго училища. Между тѣмъ, замѣчанія написаны мною довольно рѣзко.

Ноябрь.—2. Смирдинъ беретъ на себя отъ Греча изданіе „Сына Отечества“. Онъ проситъ меня быть отвѣтственнымъ редакторомъ. Я согласился. Дѣло пошло уже къ министру.

— 24. Освященіе церкви въ Екатерининскомъ институтѣ. Былъ приготовленъ великолѣпный завтракъ, отъ котораго я уѣхалъ въ Земледѣльческое училище, къ директору Байкову. Меня тамъ всегда такъ радушно принимаютъ, а самое заведеніе такъ любопытно, что я всегда съ удовольствіемъ ѣзжу туда. И нынче я былъ въ классахъ. Мужички оказываютъ прекрасные успѣхи. Вообще Земледѣльческое училище чуть ли не единственное въ Россіи, гдѣ образованіе вполнѣ соразмѣрено съ будущностью и съ нуждами учащихся. Все тутъ простое, русское, крестьянское, только въ облагоображенномъ видѣ. Это заведеніе—созданіе Байкова. Безъ него тутъ ничего не сдѣлали бы или сдѣлали бы что-нибуь нѣмецкое или англійское. Помощникъ директора, Бурнашевъ, тоже отлично дѣлаетъ свое дѣло.

Бѣда, когда умъ есть только стремленіе, а не сила. Въ самомъ дѣлѣ, есть умы только стремящіеся, и есть умы дѣйствующіе. Одни захватываютъ себѣ огромное поле, которое не въ состояніи воздѣлывать. Другіе довольствуются небольшимъ участкомъ, но разрабатываютъ его со всѣхъ сторонъ. Первые, со своею гордостью, похожи на завоевателей обширныхъ пустынь, которыя, ничего не производя, никому не нужны. Вторые подобны мудрымъ правителямъ укромныхъ уголковъ земли, гдѣ царствуютъ изобиліе, порядокъ и благоденствіе.

Декабрь.—8. Сегодня я заключилъ условіе со Смирдинымъ. Въ мое вѣдѣніе поступаетъ половина „Сына Отечества“, т. е. отдѣлы: науки, искусства, иностранной и русской литературы. Критика, библіографія, политика и смѣсь остаются въ рукахъ Полеваго. Сверхъ того, я отвѣтственный редакторъ передъ правительствомъ за все изданіе. Вознагражденіе намъ по 7,500 р. въ годъ каждому.

Плата за статьи назначается по 200 рублей за листъ оригинальный и по 75 рублей за переводный. Эту плату сотрудники получаютъ отъ Смирдина немедленно по напечатаніи ихъ статей.

— 10. Я былъ у министра, чтобы испросить его согласіе на званіе отвѣтственнаго редактора „Сына Отечества“. Онъ изъявилъ опасеніе, чтобы это не отвлекло меня отъ университета.

Въ заключеніе онъ сказалъ, что не находитъ къ тому препятствій.

— 25. Институтка, пріятельница моей жены, умненькая, хорошенькая Ек. Ив. Штосъ, до сихъ поръ очень бѣдная и жившая въ гувернанткахъ, вдругъ сдѣлалась обладательницею полумилліона. Она выиграла въ польскую лотерею 900,000 злотыхъ. Вчера она была у насъ. Богатство пока не измѣнило ее: она попрежнему проста, мила, точно не подозрѣваетъ, какимъ могуществомъ вдругъ подарила ее судьба. Между тѣмъ, весь городъ толкуетъ о ней. Императрица пожелала видѣть ее.

— 26. Я утвержденъ отвѣтственнымъ редакторомъ „Сына Отечества". Вотъ моя программа: 1) говорить съ достоинствомъ объ отечественныхъ предметахъ, по возможности откровенно, но безъ нахальства; 2) съ уваженіемъ о западѣ; 3) развивать нравственныя начала въ обществѣ и уваженіе къ человѣческому достоинству, вопреки господству животныхъ, матеріальныхъ стремленій; 4) внушать, что справедливость и мужество суть главныя опоры нравственнаго порядка вещей.

— 29. Сегодня у Греча я былъ свидѣтелемъ постыднаго заговора противъ редактора „Отечественныхъ Записокъ", Краевскаго. Краевскій или князь Одоевскій напечаталъ въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ" разборъ лекцій Греча, конечно, неблагосклонный. Это возмездіе за пораженія, какія Гречъ наноситъ въ своихъ лекціяхъ языку „Отечественныхъ Записокъ". Теперь Гречъ вознамѣрился отмстить Краевскому уже не словомъ, а дѣломъ. Послѣдній долженъ типографщику Фишеру за печатаніе „Литературныхъ Прибавленій" 3,000 рублей и не имѣетъ возможности скоро заплатить ему эти деньги. Гречъ научилъ Фишера подать просьбу въ почтамтъ, чтобы тамъ задерживали деньги, присылаемыя на подписку въ редакцію „Литературныхъ Прибавленій", и самъ вызвался помочь ему въ этомъ своими связями. Объ этомъ-то происходило совѣщаніе между Гречемъ, Фишеромъ и еще третьимъ лицомъ. Я нечаянно очутился тутъ же. Гречъ клялся, что онъ погубитъ „Отечественныя Записки" и „Литературныя Прибавленія". И дѣйствительно, если у редактора остановить на почтѣ подписныя деньги, которыхъ у него вообще не много, ему не на что будетъ печатать журнала въ слѣдующемъ году. Благодушный совѣтъ этого именно и добп-

вается. Я съ отвращеніемъ слушалъ всѣ эти мерзости и негодовалъ на Греча, а еще болѣе на другихъ, которые вызывались быть его орудіемъ. Вотъ руководители нашего общества на поприщѣ умственныхъ подвиговъ! Вотъ ревнители о нашемъ убогомъ просвѣщеніи!

1840 годъ.

Январь.—2. Новый годъ встрѣченъ недурно. Вечеромъ у меня собрались нѣсколько монастырокъ, между которыми Скворцова блистала звѣздой первой величины, и друзья мои: Гебгартъ, Полѣновъ, Чижовъ и другіе. Всѣ были одушевлены и какъ-то особенно хорошо настроены. Утромъ 1-го января обычные визиты, а вечеромъ балъ въ Смольномъ монастырѣ. Тамъ начальница, Марья Павловна Леонтьева, представляла меня принцу Ольденбургскому, а мои милыя ученицы осыпали меня изъявленіями своего расположенія. Онѣ мнѣ пѣли „многія лѣта“ и за ужиномъ нѣсколько разъ пили за мое здоровье.

— 6. Въ качествѣ отвѣтственнаго редактора „Сына Отечества“, я имѣлъ непріятное столкновеніе съ Полевымъ. Онъ прислалъ нѣсколько статей, безъ подписи своего имени, и тѣмъ самымъ какъ бы дѣлалъ меня отвѣтственнымъ за нихъ передъ публикой. Между тѣмъ я не согласенъ со многимъ, что въ нихъ заключается, и предложилъ нѣкоторыя измѣненія. Полевой разсердился. У насъ идутъ объясненія, пока письменныя, а завтра будутъ и словесныя. Я обязанъ и передъ публикой, и передъ самимъ собой никогда, ни въ какомъ случаѣ, не измѣнять своимъ убѣжденіямъ.

— 8. Съ Полевымъ у насъ окончилось мирно. Мы объяснились и пришли къ полюбовной сдѣлкѣ. Я не мѣшаюсь въ его статьи, когда тѣ скрѣплены его именемъ, а для моего обезпеченія въ „Сѣверной Пчелѣ“ будетъ напечатано заявленіе, что всѣ статьи въ ней, по части библіографіи, критики и смѣси, обрабатываются Полевымъ.

— 10. Сегодня, какъ и вчера, какъ и часто, просидѣлъ большую часть ночи за литературною работою. Днемъ меня поглощаетъ служба и всякаго рода мелкія заботы. Чувствую сильное утомленіе и упадокъ духа. И то, и другое особенно сильно ска-

залось сегодня на вечерѣ у Порошина, куда собрались многіе изъ моихъ университетскихъ товарищей. Всѣ они пожали сокровища знанія, каждый на своей нивѣ, удобренной собственнымъ потомъ, и могутъ предлагать людямъ то, что имъ дорого и полезно, хотя бы то были только призраки добра и правды. А я—что̀ я такое и что̀ могу предложить людямъ за право жить съ ними?..

Февраль.—24. Все это время жилось вяло и хило, а слѣдовательно и безполезно. Узналъ печальную новость. Въ университетѣ былъ студентъ, князь Лобановъ-Ростовскій, одинъ изъ прекраснѣйшихъ юношей по уму и характеру. Нѣсколько времени тому назадъ онъ застрѣлился. Причины еще неизвѣстны.

— 26. Мнѣ лучше. Я еще не могъ читать лекціи, но ѣздилъ къ Жуковскому, который на будущей недѣлѣ отправляется съ Наслѣдникомъ за границу и просилъ меня побывать у него поскорѣе. Онъ отдалъ мнѣ на цензуру сочиненія Пушкина, которыя должны служить дополненіемъ къ изданнымъ уже семи томамъ. Этихъ новыхъ сочиненій три тома. Многія стихотворенія уже были напечатаны въ „Современникѣ“. Жуковскій проситъ просмотрѣть все это къ субботѣ. Тяжелая работа! Но надо ее исполнить.

— Я слышалъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ Жуковскій,— что вы намѣрены писать характеристики русскихъ поэтовъ: это хорошее дѣло. Я готовъ помочь вамъ матеріаломъ.

Я поблагодарилъ и дѣйствительно намѣренъ воспользоваться его предложеніемъ. Жуковскій просилъ прислать ему то, что я уже написалъ о немъ.

— 28. Опять былъ у Василія Андреевича. Засталъ его больнымъ. Разговоръ о литературѣ. Онъ прочелъ мою характеристику Батюшкова и очень хвалилъ ее.

— Вы успѣли сжато и мѣтко выразить въ ней всю суть поэзіи Батюшкова, сказалъ онъ.

Потомъ Жуковскій жаловался на „Отечественныя Записки“, которыя превозносятъ его до небесъ, но такъ неловко, что это уже становится не лестнымъ.

— Странно, прибавилъ онъ,—что меня многіе считаютъ поэтомъ унынія, между тѣмъ какъ я очень склоненъ къ веселости, шутливости и даже каррикатурѣ.

Еще много говорилъ о торговомъ направленіи нашей литературы и прибавилъ въ заключеніе:

— Слава Богу, я никогда не былъ литераторомъ по профессіи, а писалъ только потому, что писалось!

Полевой забралъ у Смирдина деньги впередъ за нынѣшній годъ (по „Сыну Отечества"), а не выпустилъ еще двухъ книжекъ журнала за прошлый годъ. Кромѣ того, онъ задерживаетъ выдачу собственныхъ статей на нынѣшній годъ. Отъ этого журналъ не выходитъ въ положенные сроки, публика ропщетъ, и подписка идетъ не такъ успѣшно, какъ можно было бы ожидать. Теперъ онъ уѣхалъ въ Москву, не оставивъ статей, необходимыхъ для 4-й и 5-й книжекъ.

Мартъ.—28. Былъ у меня Полевой. Онъ безпрестанно отстаетъ со статьями для „Сына Отечества", и журналъ отъ того не выходитъ въ срокъ. Но врядъ ли его можно за то сильно винить. Онъ жалуется на болѣзненное состояніе и говоритъ, что предчувствуетъ свое скорое разрушеніе. И дѣйствительно, онъ такъ ветхъ, что кажется готовъ упасть отъ перваго дуновенія вѣтра. Ну, какъ станешь его понукать?

Сегодня былъ актъ въ университетѣ. Профессоръ Шульгинъ читалъ черезчуръ длинный отчетъ, а профессоръ Шнейдеръ латинскую рѣчь. Онъ горячился, декламировалъ, обращался къ публикѣ, но втунѣ: никто его не понималъ. Послѣ акта новый ректоръ, Плетневъ, пригласилъ насъ на завтракъ.

— 27. Очередное собраніе новой генераціи профессоровъ у Ивановскаго. Я возсталъ противъ устройства нашихъ актовъ, которые, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать сближенію нашему съ публикой, отвращаютъ ее отъ насъ латинскими рѣчами и непомѣрно длинными сухими отчетами. Всѣ товарищи были за меня, исключая Михайлы Куторги, который утверждалъ, что, сближаясь съ публикой, мы унижаемъ достоинство науки.

Май.—7. Вечеръ или, лучше сказать, ночь у Струговщикова. Игралъ на фортепіано знаменитый Дрейшокъ. Удивительный талантъ! Энергія, пламя, мощь, деспотическая власть надъ инструментомъ—все это доведено до совершенства. Меня, между прочимъ, очаровала благородная простота его наружности и обращенія. Онъ еще очень молодъ: ему 22 или 23 года. Превосходно игралъ также на скрипкѣ его товарищъ Штеръ.

Послѣ ужина Глинка пѣлъ отрывки изъ своей новой оперы: „Русланъ и Людмила“. Что за очарованіе! Глинка истинный поэтъ и художникъ.

Кукольникъ распоряжался питьемъ, не кладя охулки на свою собственную жажду. Онъ съ удивительной ловкостью и быстротой осушалъ бокалы шампанскаго. Но ему не уступалъ въ этомъ и Глинка, котораго необходимо одушевлять, и затѣмъ поддерживать въ немъ одушевленіе шампанскимъ. Зато, говорятъ, онъ не пьетъ никакого другого вина.

— 9. Вечеръ у Маркевича, автора малороссійскихъ мелодій, малороссійской исторіи, которая скоро будетъ печататься, и издателя малороссійскихъ пѣсенъ. Тутъ было много всякаго народу. Сенковскій явился какъ разъ въ то время, когда въ гостиной были уже на лицо Гречъ, Булгаринъ и Полевой. Онъ затрепеталъ отъ негодованія.

— Хорошъ, однако, Маркевичъ! сказалъ онъ мнѣ.—Приглашая меня, онъ обѣщался, что у него не будетъ ни Греча, ни Булгарина, ни Полеваго, а между тѣмъ они всѣ здѣсь!

Онъ тотчасъ же уѣхалъ.

За ужиномъ вино лилось рѣкой. Опять игралъ Дрейшокъ и пѣлъ Глинка. Былъ тутъ и Серве, который, однако, не игралъ, несмотря на усиленныя просьбы. Наружность его привлекательна, а обращеніе непринужденное, чисто французское.

— 10. Полевой, наконецъ, рѣшился отказаться отъ участія въ редакціи „Сына Отечества“. Въ самомъ дѣлѣ, это необходимо. Мы съ нимъ не сходимся во взглядахъ на многое. У него есть литературные враги. Мои же враги, если такіе есть—идеи, а не лица. Отъ того онъ постоянно порывается браниться, а я долженъ его удерживать. Сверхъ того, Полевой такъ медленно работаетъ для журнала, что тотъ уже совсѣмъ выбился изъ обѣщанныхъ сроковъ. Публика ропщетъ, журналъ теряетъ репутацію.

— 11. Сегодня состоялось у меня совѣщаніе съ Полевымъ и Смирдинымъ. Полевой окончательно отказывается отъ участія къ редакціи журнала „Сынъ Отечества“, который съ девятой книжки уже весь сосредоточивается въ моихъ рукахъ. Но въ уплату за взятыя впередъ у Смирдина деньги Полевой будетъ присылать въ журналъ статьи. Мое вознагражденіе теперь должно было бы увеличиться на сумму, до сихъ поръ причитавшуюся

моему соредактору, Полевому, то есть съ 7,500 рублей (ассигнаціями) возрасти до 15,000 р. (ассигнаціями). Но при нынѣшнихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ Смирдина я не хочу обременять его и сказалъ ему, что буду довольствоваться своимъ прежнимъ половиннымъ вознагражденіемъ. Но зато Смирдинъ мнѣ торжественно обязался непремѣнно обезпечить плату моимъ сотрудникамъ: она не превыситъ пяти тысячъ рублей. Я приглашаю въ сотрудники по части смѣси и политики: Барановскаго, Сорокина и Гебгардта, насколько разсѣянная жизнь и возня съ женщинами позволятъ послѣднему примѣнить къ дѣлу свои блестящія способности. Жаль мнѣ моего остроумнаго, даровитаго Гебгардта. Онъ топитъ себя въ житейскихъ мелочахъ. Онъ гибнетъ между Сциллой и Харибдою, то есть между канцелярской службой и недостойными своего ума и сердца развлеченіями. Онъ отдается послѣднимъ, насколько можетъ украсть себя отъ службы. Отъ того внутренее управленіе, экономія души его въ плохомъ состояніи. Нравственныя силы его не питаются и не укрѣпляются производительнымъ трудомъ, а тратятся на игру въ пустяки, на мелочныя тревоги, издерживаются на сплетни, которыя неизбѣжно сопутствуютъ всякаго, кто слишкомъ отдается свѣту, людямъ и страстямъ своимъ. Но что-же дѣлать? Всякій бываетъ только тѣмъ, чѣмъ можетъ быть. И возвышать человѣка не должно насильно. Онъ въ заключеніе всетаки непремѣнно упадетъ, но, падая съ высоты, искалѣчится хуже, чѣмъ спотыкаясь на низменныхъ мѣстахъ. Кто не способенъ самъ, по собственному почину, идти по пути, отличному отъ путей массы и толпы, того не толкайте впередъ: вы сдѣлаете ему зло.

— 28. По условію Полевой долженъ приготовить къ выходу восьмую книжку „Сына Отечества". Но онъ работаетъ, очень медленно. Трудно и подстрекать его: онъ и боленъ, и отягощенъ разными заботами.

Самый обширный умъ—тотъ, который умѣетъ примѣниться къ тѣснотѣ своего положенія и ясно видитъ все добро, которое можетъ тамъ сдѣлать.

Іюнь. — 25. Редакція журнала поглощаетъ много моего времени и моихъ силъ, но мало вознаграждаетъ меня. Вотъ и теперь я поставленъ въ крайне затруднительное денежное положеніе. Смирдинъ уѣхалъ въ Москву, не заплативъ мнѣ ни копѣйки,

хотя обѣщалъ совсѣмъ расплатиться со мной передъ отъѣздомъ. А журналъ, между тѣмъ, весь на моихъ рукахъ.

Іюль. — 11. Со мной обыкновенно ночуетъ на дачѣ мой сотрудникъ по журналу, Викторъ Ивановичъ Барановскій. Мы съ нимъ усердно работаемъ, и онъ мнѣ чрезвычайно полезенъ: составляетъ смѣсь, политику, кромѣ того, переводитъ разныя статьи по моему указанію. Все это онъ дѣлаетъ умно, скоро, аккуратно. И по-русски пишетъ хорошо, то есть правильно и легко.

Къ сожалѣнію, Викторъ Ивановичъ одинъ изъ тѣхъ людей, которымъ предназначено стоять одиноко и вообще быть мало оцѣненными. Это человѣкъ очень умный и съ оригинальнымъ взглядомъ на вещи. Его философскія идеи, которыя онъ систематически излагаетъ на бумагѣ—онъ уже много написалъ—поражаютъ смѣлостью. Онъ много читалъ, учился, много думалъ и наблюдалъ. Честенъ и благороденъ, но упрямъ, какъ малороссійскій волъ. Защищаетъ свои мнѣнія и положенія съ упорствомъ фанатика, вѣрующаго въ непогрѣшимость своихъ основныхъ началъ. Думаю, однако, что онъ во многомъ правъ.

— 27. Въ типографіи бумаги нѣтъ: веди тутъ журналъ, какъ хочешь. Наконецъ, пріѣхалъ Смирдинъ изъ Москвы. Я съ нимъ говорилъ. Онъ обѣщался, что впредь остановки не будетъ. Надо надѣяться!

Августъ. — 1. Вотъ уже и пріемные экзамены въ университетѣ начались. Одна изъ самыхъ тяжелыхъ для меня обязанностей. Мало молодыхъ людей, которые были бы хорошо приготовлены.

— 8. У меня обѣдалъ Брюловъ, знаменитый творецъ „Послѣдняго дня Помпеи“. Собралось еще человѣка два-три и нѣсколько дамъ изъ Смольнаго монастыря. Мы хорошо провели время за обѣдомъ, подъ открытымъ небомъ, въ моемъ крохотномъ садикѣ, подъ березками, рядомъ съ кустами крыжовника.

Брюловъ, кромѣ таланта, одаренъ также умомъ. Онъ не отличается гибкостью и особенной прелестью обращенія, однако, не лишенъ живости и пріятности. Онъ лѣтъ пятнадцать прожилъ въ Европѣ и теперь не особенно доволенъ, кажется, своимъ пребываніемъ въ Россіи. Это, пожалуй, и не мудрено. У насъ не очень-то умѣютъ чтить талантъ. Вотъ хоть бы и сегодня. Мы

гуляли въ Беклешовомъ саду. Одинъ мнѣ знакомый дѣйствительный статскій совѣтникъ отзываетъ меня въ сторону и говоритъ:

— Это Брюловъ съ вами? Радъ, что вижу его, я еще никогда не видалъ его. Замѣчательный, замѣчательный человѣкъ! А скажите, пожалуйста, вѣдь онъ вѣрно пьяница: они всѣ таковы эти артисты и художники!

Вотъ какое сложилось у насъ мнѣніе о „замѣчательныхъ людяхъ".

Брюловъ уѣхалъ поздно вечеромъ. За обѣдомъ онъ любовался моей женой.

— Чудесная голова, говорилъ онъ,—такъ и просится подъ кисть художника. Покончу съ „Осадой Пскова" и стану просить вашу супругу посидѣть для портрета.

Ноябрь. — 15. Часто говорятъ: „авторъ вложилъ въ основу такого-то произведенія глубокую мысль". Но что въ томъ, если зданіе, построенное на этой идеѣ, не соотвѣтствуетъ ей, если величіе ея не осуществилось ни въ размѣрахъ, ни въ отдѣлкѣ этого зданія? Я не хочу, чтобы на зданіи была надпись: это храмъ. Я хочу угадать его безъ надписи, по величію стиля.

— 20. У меня былъ Кольцовъ, нѣкогда добрый, умный, простодушный Кольцовъ, авторъ прекрасныхъ по своей простотѣ и задушевности стихотвореній. Къ несчастію, онъ сблизился съ редакторомъ и главнымъ сотрудникомъ „Отечественныхъ Записокъ": они его развратили. Бѣдный Кольцовъ началъ бредить субъектами и объектами и путаться въ отвлеченностяхъ гегелевской философіи. Онъ до того зарапортовался у меня, что мнѣ стало больно и грустно за него. Неученый и неопытный, безъ оружія противъ школьныхъ мудрствованій своихъ „покровителей", онъ, пройдя сквозь ихъ руки, утратилъ свое драгоцѣннѣйшее богатство: простое, искреннее чувство и здравый смыслъ. Владиміръ Строевъ, который также былъ у меня, даже заподозрилъ его въ нетрезвости и освѣдомился, часто ли онъ бываетъ такимъ? А скромный, молчаливый Бенедиктовъ только пожималъ плечами.

Всякая идея сама по себѣ есть отвлеченное представленіе. Ее нельзя анализировать, и потому она въ художественномъ произведеніи не даетъ ничего, кромѣ общихъ мѣстъ. Необходимо видѣть ее раскрывающеюся въ какомъ нибудь фактѣ: тутъ воз-

можность анализа, а слѣдовательно и оживленія. Что такое идея человѣка, какъ не безконечное, отвлеченное представленіе? Посмотрите же, какъ эта идея выражается въ одномъ, въ другомъ недѣлимомъ, и вы изумитесь разнообразію и богатству явленій, которыя можно слагать уже въ какіе угодно образы. Вотъ почему незнаніе природы и жизни производитъ въ искусствѣ одни общія мѣста.

— 20. Едва возвратился князь, нашъ попечитель (онъ провелъ восемь мѣсяцевъ за границею), какъ въ университетѣ начались уже такъ называемыя „исторіи". Онъ сказалъ рѣчь студентамъ, въ которой приглашалъ ихъ „во всемъ прямо и непосредственно къ нему относиться" и завѣрялъ ихъ, что онъ „всегдашній ихъ защитникъ". Студенты вообразили, что они могутъ не слушаться инспектора и оскорблять профессоровъ. На другой же или на третій день послѣ рѣчи попечителя, Куторга младшій читалъ свою лекцію изъ исторіи. Какой-то студентъ, недовольный тѣмъ, что Куторга далъ ему дурныя отмѣтки на экзаменѣ, началъ шумѣть въ аудиторіи и смѣяться. Куторга ему замѣтилъ:

— Вы ведете себя неприлично.

— Я веду себя такъ, отвѣчалъ студентъ,—какъ вы того заслуживаете—и принялся обвинять Куторгу въ противонаціональномъ направленіи его лекцій.

Черезъ день Куторгѣ уже совсѣмъ не дали читать лекцій. Одни свистѣли, другіе апплодировали. Профессоръ принужденъ былъ удалиться съ каѳедры. И это не единичный случай, нѣчто подобное было уже и съ другими. Чтобы не пришлось студентамъ за то поплатиться. Но кто главный виновникъ этого?.

Уже недѣли двѣ у насъ съ Сенковскимъ идутъ переговоры о „Сынѣ Отечества". Смирдинъ ему уступаетъ этотъ журналъ во временное владѣніе, и хорошо дѣлаетъ, потому что на слѣдующій годъ онъ уже не былъ бы въ состояніи издавать его. Сенковскій же вполнѣ способенъ вести журнальное дѣло. Онъ предложилъ мнѣ попрежнему оставаться редакторомъ „Сына Очечества", съ правомъ самостоятельно распоряжаться его направленіемъ. Я, хотя неохотно, согласился и еще не увѣренъ, что полажу съ Осипомъ Ивановичемъ. Онъ прислалъ мнѣ проектъ объявленія, въ которомъ роль редактора является вовсе не такою,

какъ было обѣщано. Я, въ длинномъ письмѣ, написалъ ему, что на такихъ условіяхъ отказываюсь отъ редакторства. Сегодня я заѣзжалъ къ нему для окончательныхъ объясненій, но не засталъ его дома.

Декабрь.—5. Мы, наконецъ, поладили съ Сенковскимъ. Положено сказать въ объявленіи, что я буду независимымъ редакторомъ во всемъ, что касается литературнаго направленія журнала.

Я заваленъ работою. Надо додать остальныя книжки „Сына Отечества“, а ихъ шесть. Четыре типографіи заняты печатаніемъ ихъ. Ложусь спать въ три часа ночи, встаю около семи.

Работаю, какъ паровая машина. Печатаніе „Сына Отечества“ идетъ успѣшно. Мнѣ, то и дѣло, приходится слышать упреки за то, что я такъ хлопочу по дѣламъ Смирдина, когда онъ ужъ во всякомъ случаѣ обреченъ раззоренію и когда надежда на выгоды отъ него становится все ничтожнѣе. Никто и знать не хочетъ, что Смирдинъ честный человѣкъ и что онъ жертва своего довѣрія къ недобросовѣстнымъ литераторамъ. Пусть, сколько хотятъ, корятъ меня за неблагоразуміе. Правда, я врядъ ли и половину получу изъ того, что мнѣ слѣдуетъ отъ Смирдина за мои труды: до сихъ поръ я получилъ всего 500 рублей, вмѣсто должныхъ мнѣ десяти тысячъ. Но, по крайней мѣрѣ, у меня на совѣсти не будетъ упрека, что и я тоже содѣйствовалъ гибели его и его дѣла.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько мерзостей совершается въ нашей литературѣ! Какое самохвальство въ журналистикѣ! Если это тактика со стороны ея, то неужели она достигаетъ цѣли? Истинная сила не нуждается ни въ какой тактикѣ: она горда и презираетъ ухищренія. Ея вліянія нельзя не признать, ибо оно чувствуется.

1841 годъ.

Январь.—11. Всѣ праздники не выдалось дня свободнаго. Много работалъ для первыхъ книжекъ „Сына Отечества“ и помѣстилъ въ первомъ номерѣ свою статью о стихотвореніяхъ Лермонтова. Наконецъ, увидѣлъ, что продолжать такъ нельзя и рѣшился сложить съ себя ту часть работы, которая до сихъ

поръ лежала исключительно на мнѣ одномъ, а именно просмотръ и обработку статей для журнала. Мы рѣшили съ Сенковскимъ раздѣлить редакцію между нѣсколькими лицами, а за мной оставить главный надзоръ литературный и цензурный. Я буду получать отъ сотрудниковъ предварительныя извлеченія изъ предполагаемыхъ къ напечатанію статей, а послѣднія просматривать уже во второй корректурѣ. Это сниметъ большую тяжесть съ моихъ плечъ.

— 15. Печальное зрѣлище представляетъ наше современное общество! Въ немъ ни великодушныхъ стремленій, ни правосудія, ни простоты, ни чести въ нравахъ, словомъ—ничего свидѣтельствующаго о здравомъ, естественномъ и энергическомъ развитіи нравственныхъ силъ. Мелкія души истощаются въ мелкихъ сплетняхъ общественнаго хаоса. Нѣтъ даже правильнаго понятія о выгодахъ и твердаго къ нимъ стремленія. Все идетъ, говоря русскимъ словомъ, „на шаромыжку". Умъ и плутовство—синонимы. Слова: „честный человѣкъ" означаютъ у насъ простяка, близкаго къ глупцу, то же, и „добрый человѣкъ". Общественный развратъ такъ великъ, что понятія о чести, о справедливости считаются или слабодушіемъ, или признаками романической восторженности. И понятно: вѣдь съ ними не соединяется ничего существеннаго,—это пустыя, книжныя слова. Образованность наша—одно лицемѣріе. Учимся мы безъ любви къ наукѣ, безъ сознанія достоинства и необходимости истины. Да и въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ заботиться о пріобрѣтеніи познаній въ школѣ, когда наша жизнь и общество въ противоборствѣ со всѣми великими идеями и истинами, когда всякое покушеніе осуществить какую нибудь мысль о справедливости, о добрѣ, о пользѣ общей, клеймится и преслѣдуется, какъ преступленіе? Къ чему воспитывать въ себѣ благородныя стремленія? Вѣдь рано или поздно, все равно, придется пристать къ массѣ, чтобы не сдѣлаться жертвою.

Февраль.—13. Сегодня происходилъ во дворцѣ, въ присутствіи императрицы, экзаменъ институтокъ. Здѣсь присутствовали обѣ великія княжны, наслѣдникъ и маленькіе великіе князья. Государь выходилъ на минуту, поцѣловалъ императрицу, со всѣми раскланялся и удалился.

Государыня слаба, и потому старались, какъ можно больше,

сократить экзаменъ. Каждому учителю дано было по получасу на его предметъ, а всѣхъ ихъ было пять. Мой экзаменъ сошелъ очень хорошо. Послѣ того пошли завтракать, но я предпочелъ уѣхать домой. Путь къ выходу лежалъ по великолѣпнымъ заламъ и по небольшому зимнему садику, гдѣ въ кадкахъ ростутъ тропическія деревья, плещетъ фонтанъ и кричатъ попугаи.

Мартъ.—5. Нѣкто Великопольскій, всевдонимъ Ивельевъ, написалъ драму: „Янстерскій". Она плоха и, сверхъ того, безнравственна и наполнена сценами и выраженіями, которыя у насъ не допускаются въ печати. По непонятному недоразумѣнію, она однако, была пропущена цензоромъ Ольдекопомъ. Лишь только драма вышла изъ печати и попала въ руки министру, онъ немедленно отрѣшилъ отъ должности цензора и велѣлъ повсюду отобрать экземпляры ея и сжечь. Сегодня въ одиннадцать часовъ утра состоялось это аутодафе, при которомъ велѣно было присутствовать мнѣ и Куторгѣ. Вотъ, однако, два хорошія поступка: Великопольскій, узнавъ о несчастіи, постигшемъ, по его милости, цензора, предложилъ послѣднему 3,000 рублей, чтобы тому было на что жить, пока онъ найдетъ себѣ другое мѣсто. Ольдекопъ отказался.

Вчера былъ читанъ въ совѣтѣ университета и одобренъ мой проектъ „Постановленія о публичныхъ лекціяхъ", написанный мною по порученію министра.

— 11. Смирдинъ близокъ къ банкротству. Надо сказать правду, не везетъ мнѣ: вотъ опять я цѣлый годъ проработалъ даромъ. Это особенно не кстати, такъ какъ я собираюсь предложить выкупъ за мою мать и брата. Писалъ по этому поводу графу Ш***. Приближенные его меня обнадежили въ успѣхѣ, но отъ него до сихъ поръ—ни слова. Боже великій! что за порядокъ вещей! Вотъ я уже полноправный членъ общества, пользуюсь нѣкоторой извѣстностью и вліяніемъ и не могу добиться—чего же? Независимости моей матери и брата! Полуумный вельможа имѣетъ право мнѣ отказать: это называется правомъ! Вся кровь кипитъ во мнѣ, я понимаю, какъ люди доходятъ до крайностей!.. Жду съ нетерпѣніемъ пріѣзда изъ Москвы В. А. Жуковскаго, Можетъ быть его вліяніе въ состояніи будетъ что нибудь сдѣлать...

— 17. Сегодня читалъ въ совѣтѣ мою рѣчь къ акту: „О со-

временномъ направленіи русской литературы". Рѣчь единодушно одобрена.

— 23. Сегодня былъ у Жуковскаго и просилъ его содѣйствія по дѣлу моей матери и брата. Онъ съ негодованіемъ слушалъ мой разсказъ о моихъ неудачныхъ попыткахъ по этому случаю и открыто выражалъ свое отвращеніе къ образу дѣйствій графа Ш*** и къ обусловливающему ихъ порядку вещей. Василій Андреевичъ обѣщался пустить въ ходъ весь свой кредитъ. Я, съ моей стороны, не постою ни за какой суммой выкупа, если послѣдній потребуется—чего бы мнѣ ни стоило скопить ее. Боже мой, Боже мой! Лишь бы не изнемочь въ борьбѣ...

Апрѣль.—3. Сегодня состоялся актъ въ университетѣ. Рѣчь моя имѣла успѣхъ, хотя я читалъ дурно.

Отъ Жуковскаго еще никакихъ вѣстей.

— 9. Сегодня, наконецъ, спала съ моего сердца невыносимая тяжесть: наконецъ, моя мать—моя праведная, благородная, возвышенная мать—и братъ мой могутъ, за одно со мной, свободно дышать. Графъ Ш*** уже подписалъ отпускную, безъ выкупа. Сегодня я получилъ о томъ извѣщеніе. Кому я этимъ обязанъ: Жуковскому или, наконецъ, рѣшимости самого графа? Во всякомъ случаѣ, все прошлое забыто и прощено.

Въ обществѣ, между тѣмъ, ходятъ слухи. Говорятъ, что ко дню свадьбы Наслѣдника приготовленъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Если это правда, нынѣшнее царствованіе будетъ ознаменовано событіемъ, которое возвеличитъ его. Но многіе изъ людей образованныхъ находятъ мѣру эту еще несвоевременною. Говорятъ, что она поведетъ къ безпорядкамъ, что къ ней надо идти постепенно и т. д. Какой же моментъ, по ихъ мнѣнію, окажется своевременнымъ? И чего еще ждать? Чтобы помѣщики сами отказались отъ своихъ правъ? Или чтобы между крестьянами побольше распространилось просвѣщеніе? Но и то и другое немыслимо при существующемъ порядкѣ вещей. Всякая постепенность на этомъ пути была бы полумѣрою, а полумѣры всегда ошибочны и часто пагубны, потому что создаютъ фальшивыя положенія вещей. Что касается безпорядковъ, они, конечно, возможны, но что они, въ сравненіи со зломъ, заключающимся въ этой отвратительной системѣ рабства? Мелкіе помѣщики неизбѣжно пострадаютъ, но какое же важное и благотвор-

ное преобразованіе въ государствѣ совершается безъ жертвъ? Государю Николаю Павловичу приписываютъ слова:—„Я не хочу умереть, не совершивъ двухъ дѣлъ: изданія Свода Законовъ и уничтоженія крѣпостнаго права“. Если такъ, то это внесетъ прекрасную страницу въ исторію его царствованія. Но все это одни гаданія. Подождемъ до среды. Это день, въ который назначена свадьба Наслѣдника—и вопросъ рѣшится самъ собой. Впрочемъ, я мало надѣюсь. Хотя, почему бы Николаю этого и не сдѣлать? Онъ всесиленъ: кого и чего ему бояться? И какое лучшее употребленіе можетъ онъ сдѣлать изъ своей самодержавной власти?

— 14. Дѣло о матери моей и братѣ кончилось такъ хорошо только благодаря вмѣшательству Жуковскаго. Да благословитъ его Богъ! Сегодня я былъ у него и благодарилъ его.

Вчера былъ на балу въ Смольномъ монастырѣ. Тамъ пѣла графиня Росси. Дивный голосъ. Но я профанъ къ музыкѣ и, вѣроятно, потому остался недоволенъ. Я не понимаю, зачѣмъ всѣ эти пѣвцы и музыканты такъ любятъ тратить свои силы на риторическія фигуры, все достоинство которыхъ въ трудности? Диллетанты восхищаются, но на меня это дѣйствуетъ обратно. Музыка—это совершеннѣйшее изъ искусствъ, и власть ея надъ человѣческимъ сердцемъ безгранична. Она—гармонія души, а изъ нея дѣлаютъ игру въ звуки.

— 16. Прекрасный, теплый день. Пошелъ на площадь, гдѣ выстроены балаганы. Много народу. Мертвая тишина, безжизненность на лицахъ. Полное отсутствіе одушевленія.

— 27. Непріятности въ институтѣ заставили меня опять выдвинуть тамъ вопросъ объ отставкѣ. Принцъ Ольденбургскій поручилъ начальницѣ уговорить меня остаться. Пришлось пока согласиться.

Май.—5. Сегодня я глубоко счастливъ: я отправилъ увольнительные акты матушкѣ и брату.

— 8. Обѣдалъ сегодня съ Брюловымъ (Карломъ) въ прескверномъ трактирѣ на Васильевскомъ острову, у какой-то мадамъ Юргенсонъ. Брюловъ изрядно уписывалъ щи и говядину, которыя по моему, скорѣе способны были отбить всякую охоту обѣдать. Тѣмъ не менѣе, мы отлично провели время. Брюловъ былъ занимателенъ, остеръ и любезенъ. Онъ слыветъ человѣкомъ безнравственнымъ—не знаю, справедливо или нѣтъ, но въ разго-

ворѣ его не замѣчаю ни малѣйшаго цинизма. Вотъ хоть бы сегодня, онъ говорилъ не только умно и тонко, но и вполнѣ прилично, съ уваженіемъ къ добрымъ людямъ и къ честнымъ понятіямъ.

— 29. Въ заботахъ и хлопотахъ забылъ упомянуть о важной домашней перемѣнѣ. Съ 22-го мая я на новой квартирѣ, въ домѣ Фридерикса, противъ, или почти противъ, Владимірской церкви[1]). Кварира эта гораздо лучше прежней: чище, свѣтлѣе, удобнѣе расположена. Кабинетъ у меня прекрасный—уединенный и просторный. Но зато все это и стоитъ дороже. За эту новую квартиру я буду платить 1,400 р. (ассигнаціями) въ годъ, а за прежнюю платилъ двумя стами меньше.

Іюль.—12. Въ Кушелевкѣ обработалъ два важныя дѣла: мнѣніе о необходимости преподаванія русской словесности для студентовъ юридическаго факультета и проектъ закона о періодическихъ изданіяхъ. Первое возникло по слѣдующему поводу. Деканъ юридическаго факультета и профессора представили въ совѣтъ университета проектъ объ уничтоженіи въ этомъ факультетѣ нѣкоторыхъ вспомогательныхъ предметовъ, въ томъ числѣ и русской словесности, для облегченія студентовъ, будто, бы, обремененныхъ науками. Но это невѣрно. Деканъ считалъ науки юридическія не по курсамъ, а гуртомъ и отъ того ихъ вышло много. Сверхъ того, у нихъ на юридическомъ факультетѣ исторія римскаго права и римское право. Законы о полиціи вообще и предупредительная полиція считаются предметами отдѣльными. При такомъ раздробленіи наукъ, не мудрено насчитать ихъ десятка три, четыре. На этомъ основаніи, деканъ положилъ исключить изъ факультета: русскую исторію, всеобщую исторію и русскую словесность. Но тутъ была другая, тайная причина, а именно угодливость студентамъ изъ аристократовъ, которые предпочитаютъ юридическій факультетъ остальнымъ. Эти молодые люди занимаются наукой между прочимъ, и потому, конечно, каждый предметъ считаютъ для себя обременительнымъ. Для изслѣдованія этого дѣла, по моему настоянію, была назначена особая комиссія. Я, въ качествѣ одного изъ

[1]) На этой квартирѣ А. В. Никитенко прожилъ до самаго года своей кончины, болѣе тридцати пяти лѣтъ. *Ред.*

ея членовъ, написалъ мнѣніе и читалъ его. Оно оказало свое дѣйствіе, и теперь положено отмѣнить мѣру, придуманную юридическимъ факультетомъ, и оставить все по прежнему.

Проектъ закона о періодическихъ изданіяхъ составленъ мною при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Государь строжайше запретилъ разрѣшать изданія новыхъ журналовъ. Но умъ человѣческій хитеръ и изворотливъ. Высочайшее повелѣніе объ этомъ существуетъ уже около трехъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ, кромѣ того, оно неоднократно подтверждалось. Между тѣмъ, за это время возникли: „Москвитянинъ", „Отечественныя Записки", „Русскій Вѣстникъ",—первый совершенно новый, два вторые будто бы только возобновлены, но въ нихъ нѣтъ и тѣни прежнихъ журналовъ съ этимъ именемъ. Сверхъ того, литераторы умудрились издавать книги выпусками, но эти мнимыя книги—настоящія періодическія изданія. Таковы: „Маякъ", „Пантеонъ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ", „Репертуаръ", „Экономъ". Готовилось и еще не мало другихъ такихъ же изданій. Такимъ образомъ возникла необходимость въ законѣ, который опредѣлялъ бы, что̀ считать журналомъ и что̀ нѣтъ. Цензурному комитету приказано составить такой законъ, а комитетъ возложилъ это на меня. Дѣло не легкое. Хотѣлось бы склонить правительство взглянуть на дѣло мягче, спасти всѣ новыя изданія и удалить препятствіе съ пути будущихъ. Предстоитъ борьба съ Гаевскимъ и Крыловымъ. Третьяго дня я прописалъ всю ночь. Обдумалъ и сообразилъ, какъ будто, недурно. Въ слѣдующее цензурное засѣданіе проектъ мой будетъ читанъ.

— 19. Нѣсколько дней провелъ въ моей кушелевской избѣ. Гулялъ по полямъ и по лѣсу. Въ воскресеніе провелъ пріятный вечеръ съ Брюловымъ, а поутру былъ у меня монахъ Іоакинфъ, да не засталъ меня дома.

— 28. Дни сумрачные, но теплые. Читалъ, между прочимъ, „Москвитянина". Чудаки эти москвичи. Ругаютъ западъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Западъ умираетъ, уже умеръ и гніетъ. Въ Россіи только и можно жить и учиться чему нибудь. Это страна благополучія и великихъ убѣжденій. Если это искренно, то москвичи самые отчаянные систематики. Они отнимаютъ у Бога тайны его предначертаній и рѣшаютъ по своему жизнь и упадокъ царствъ. Они похожи на школьниковъ, которые считаютъ себя всемірными

мудрецами, все знают и все могут. Они, дѣйствительно, являются выраженіемъ нашей „младенчествующей самостоятельности“. Въ такомъ случаѣ они, говоря ихъ словами, историческія явленія. Ну, съ Богомъ!

Гулялъ съ переводчикомъ Шлегеля Комовскимъ, который живетъ также въ Кушелевкѣ. Онъ защищалъ „Москвитянина“, особенно Шевырева. Я спорилъ горячо, даже слишкомъ горячо, и, хотя сбилъ его съ основаній, однако, какъ водится, не убѣдилъ, а только остановилъ. Комовскій человѣкъ очень хорошій, съ душею чисто шиллеровскаго покроя. Онъ тонокъ всѣмъ: станомъ, чувствами, умомъ—тонокъ до того, что врядъ ли можетъ удержать какую нибудь крѣпкую истину, не согнувшись. Мы съ нимъ недавно познакомились, но уже довольно сошлись.

Сегодня начались въ университетѣ пріемные экзамены. Это самая тяжкая, самая нелюбимая часть моихъ профессорскихъ обязанностей. Рыться въ мозгу около сотни мальчиковъ и часто приходить къ крайне неутѣшительнымъ выводамъ, относительно научной подготовки и степени умственнаго развитія этихъ будущихъ гражданъ — неблагодарная работа, и дѣйствующая на меня разслабляющимъ образомъ. Сегодня экзаменъ длился съ девяти часовъ утра и до трехъ. У меня подъ конецъ еле шевелился языкъ.

Всю послѣднюю недѣлю много думалъ о моихъ лекціяхъ въ наступающемъ учебномъ году. Намѣревался сначала кое-что измѣнить въ порядкѣ изложенія идей, но потомъ оставилъ все по старому. Главная задача моя въ самихъ идеяхъ, въ ихъ духѣ и въ словѣ, которое дѣйствовало бы на умы и пробуждало въ слушателяхъ стремленіе къ высокому, къ гуманному. У всякаго общественнаго дѣятеля свои элементы силы, посредствомъ которыхъ онъ достигаетъ желаемыхъ результатовъ. Элементами моей силы я считаю: мысль и слово, а не эрудицію. Мое естественное влеченіе обратить каѳедру въ трибуну. Я желаю больше дѣйствовать на чувство и волю людей, чѣмъ развивать передъ ними теорію науки. Мнѣ кажется, что я больше ораторъ, чѣмъ профессоръ. Познанія у меня средство, а не цѣль. Я не „науковой“ (зри „Москвитянина“) человѣкъ, а человѣкъ мысли и чувства. Потому мнѣ всего больше нужно для каѳедры: 1) ясность, стройность и діалектическая гибкость мысли, и 2) мощь слова.

Я долженъ дѣлать доступными моимъ слушателямъ такія истины, которыя содѣйствуютъ прямо и непосредственно ихъ внутренней гармоніи и ставятъ ихъ въ гармоническія отношенія съ человѣчествомъ. Это—добро и такому добру я долженъ и хочу содѣйствовать. Если бы я былъ дѣятель политическій, я старался бы, чтобы люди были довольны своимъ внѣшнимъ положеніемъ. Но такъ какъ мнѣ это не дано, я долженъ содѣйствовать ихъ внутреннему благоустройству.

Прежде всего надо стремиться къ образованію въ нихъ внутренней законодательной силы. Въ рукахъ моихъ важное для этого орудіе — изящное. Какъ! Изящное — только орудіе? Да! Искусство должно служить человѣчеству, а не человѣчество искусству. Человѣкъ созидаетъ исторію столько же для себя, сколько и для удовлетворенія внѣшнимъ законамъ своего назначенія.

Нынѣ въ модѣ толковать о судьбѣ цѣлаго, о „міровомъ" и т. д. Правда, мы видимъ, что сама судьба недѣлимое приноситъ въ жертву цѣлому. Но это ея неисповѣдимая тайна. Для насъ же, что это какъ не соблазнъ и не камень преткновенія? Цѣлое есть отвлеченная идея. Не цѣлое живетъ, а живутъ недѣлимыя, которыя одни могутъ страдать или не страдать. Заботьтесь же о недѣлимыхъ, а цѣлое всегда будетъ, такъ или иначе хорошо, независимо отъ вашей воли.

Людямъ нужно какое нибудь убѣжденіе, какая нибудь нравственная точка опоры. Но невѣжество не обдумываетъ своего убѣжденія: ему только надо надъ чѣмъ нибудь остановиться, за что нибудь держаться, и оно охотно подчиняется вліянію первой силы, которая смѣло съумѣетъ наложить на него иго, или вліянію первой мысли, какая испугаетъ, изумитъ или очаруетъ его минутнымъ блескомъ. Время и властолюбцы укрѣпятъ эту мысль—и вотъ вамъ священныя преданія; вотъ вамъ законъ обычая, или, по новому, великая историческая идея.

Люди просвѣщенные не хотятъ быть управляемы ни произволомъ, ни случаемъ: они требуютъ законовъ и правосудія. Всѣ общественныя волненія проистекаютъ изъ сокрытой борьбы права съ властью, которая не хочетъ знать никакого права или которая дурно примѣняетъ его.

Августъ.—18. Жилъ большею частью въ моей избѣ, въ Ку-

шелевкѣ. Главнымъ предметомъ моихъ думъ былъ нынѣ курсъ публичныхъ лекцій, который мнѣ хочется открыть нынѣшнею зимой. Еслибъ мнѣ удалось прочесть ихъ такъ, какъ иногда удается читать въ университетѣ, то есть, съ жаромъ и одушевленіемъ, я полагаю, онѣ не остались бы совсѣмъ безплодными. Не скрою, однако, что мысль выступить передъ публикою нѣсколько страшитъ меня, тѣмъ болѣе, что я хочу, какъ Гречъ, читать по тетради.

Пока я неутомимо собираю матеріалы, то есть обдумываю и соображаю начала, главныя положенія, факты и прочее. Мнѣ хочется утвердить основы литературной идеи и опредѣлить ходъ нашей литературы въ главныхъ ея дѣятеляхъ. Впрочемъ, что такое литературная идея? Главное—возбудить въ сердцахъ уваженіе къ подвигамъ ума и просвѣщенія. Пусть бы по туманному и безжизненному полю нашего общества пронеслось хоть нѣсколько свѣтлыхъ, благородныхъ идей.

Сентябрь.—7. Есть два рода либерализма въ политикѣ и въ искусствѣ. Одинъ требуетъ свободы и закона, другой—свободы и произвола.

Составленныя мною постановленія о публичныхъ лекціяхъ напечатаны уже въ журналѣ „Министерства Народнаго Просвѣщенія“ и въ другихъ журналахъ. Многіе недовольны, не столько сутью постановленій, сколько появленіемъ ихъ на свѣтъ, и даже не оставляютъ безъ укора и меня. Но притомъ забываютъ или не хотятъ помнить, что идея закона не моя, а я, призванный осуществить ее, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, руководствовался однимъ, а именно:—сдѣлать законъ наименѣе обременительнымъ, полагая, что если онъ попадетъ въ другія руки, о которыхъ шла рѣчь, то будетъ хуже для всѣхъ. Пусть упрекаютъ меня въ самонадѣянности, но, во всякомъ случаѣ, я дѣйствовалъ одушевленный благимъ намѣреніемъ и правиломъ: не отказываться ни отъ какого дѣла, если это обѣщаетъ хотя отрицательную, если не положительную пользу просвѣщенію.

— 15. Я окончательно сложилъ съ себя званіе редактора „Сына Отечества“ и напечаталъ мое отреченіе въ журналахъ. Я былъ вынужденъ къ этой рѣшительной мѣрѣ непослѣдовательностью Смирдина и своекорыстіемъ Сенковскаго. Нынѣшній годъ я имѣлъ дѣло съ послѣднимъ, ибо онъ купилъ у Смирдина право изданія.

Такъ, по крайней мѣрѣ, было объявлено мнѣ. Вдругъ, въ половинѣ года, Сенковскій отказывается отъ журнала и снова передаетъ его Смирдину, который никому не можетъ платить. Видя, что такимъ образомъ мнѣ навязывается исключительная отвѣтственность за всѣ неблагопристойности, чтобъ не сказать больше, совершаемыя „Сыномъ Отечества", я принужденъ былъ, ради чести моего имени, наконецъ бросить это негодное и потерянное дѣло.

Смирдинъ хотѣлъ передать редакцію Краевскому. Но я воспротивился этому. Соединить въ однѣхъ рукахъ нѣсколько журналовъ значитъ допустить пагубную монополію въ нашей литературѣ и предать ее на произволъ одной партіи.

— 16. Былъ у графа Клейнмихеля, который, по случаю отъѣзда генерала Рерберга куда-то надолго, захотѣлъ поручить мнѣ полное завѣдываніе Аудиторскою школою, гдѣ я состою инспекторомъ только по части преподаванія русской словесности. Онъ, между прочимъ, замѣтилъ мнѣ, что я рѣдко бываю въ училищѣ. Ему о томъ донесли, но это совершенная правда, и я, конечно, не отрицалъ ее. Впрочемъ, графъ не сердится на меня за то и, по обыкновенію, обошелся со мною ласково.

— 24. Вчера обѣдалъ у Дмитрія Максимовича Княжевича, недавно пріѣхавшаго изъ за границы. Съ нимъ ѣздилъ и Надеждинъ, который также вернулся. Разговоръ шелъ о славянахъ Австріи. Я не ошибся. Я всегда думалъ, что славянскій патріотизмъ, мечтающій о централизаціи славянскаго міра существуетъ только въ головахъ нѣкоторыхъ фанатиковъ, какъ Шафарикъ Ганка Погодинъ и проч., но что народы славянскіе вообще живутъ себѣ преспокойно подъ австрійскимъ владычествомъ, ни мало не думая о какой-либо политической самобытности. Исключеніе составляютъ только венгерскіе славяне и русины, которые очень угнетены магнатами. Все это подтвердилъ Надеждинъ, который однако самъ не изъ послѣднихъ славянофиловъ.

Тонулъ въ бумагахъ и корректурныхъ листахъ: сочиненія студентовъ, лекціи, цензура, сочиненія литераторовъ, присылаемыя на судъ—Боже мой, какая пестрота, а подчасъ и какое убійство времени! Я ложусь спать въ три часа ночи, встаю въ семь и все еще не могу справиться со всѣмъ. Утро до четырехъ часовъ, кромѣ того, обыкновенно уходитъ на службу, то есть на

занятія учебныя, на экзамены и на цензурныя дѣла. Сверхъ того, графъ Клейнмихель поручилъ мнѣ временное завѣдываніе Аудиторскою школою. А что изъ всего этого? Возможность жить, то есть скромно ѣсть, одѣваться и имѣть надъ головою крышу.

Октябрь.—8. Получены письма отъ Чижова изъ за границы. Ко мнѣ онъ писалъ изъ Дрездена, къ Гебгардту изъ Бельгіи. Онъ видѣлся съ Печеринымъ. Не далеко отъ Льттиха есть іезуитскій монастырь св. Вита. Въ него удалился Печеринъ и принялъ монашество. Итакъ, два прозелитизма разомъ: политическій и религіозный. Странный поворотъ, и какія потрясенія должны произойти въ душѣ человѣка, чтобы привести его къ такимъ результатамъ. Чижовъ говоритъ съ негодованіемъ о нравственномъ упадкѣ, въ какомъ засталъ нашего Печерина. Онъ принялъ не только идеи своего званія, но и всѣ предразсудки его. Чижовъ полагаетъ, что его увлекли бѣдность и обольщенія іезуитовъ, которымъ онъ можетъ быть полезенъ своими обширными свѣдѣніями, особенно по части филологіи. Изъ этого выходитъ, что поступокъ Печерина не есть слѣдствіе смѣлой, обдуманной рѣшимости и твердаго убѣжденія, а только случайный выходъ изъ затруднительнаго положенія, подъ давленіемъ обстоятельствъ—плодъ незрѣлой мысли. Онъ укорялъ Чижова и всѣхъ товарищей, въ особенности меня, за то, что мы потворствовали его самолюбію, внушая ему слишкомъ высокое мнѣніе о его дарованіяхъ. Но это, помимо всего другого, еще и несправедливо. По возвращеніи его изъ за границы, я сильно возставалъ противъ его эгоизма и полуфилософіи, слѣдствіемъ чего даже было наше взаимное охлажденіе. Когда онъ уѣхалъ въ Москву занять тамъ профессорскую каѳедру, отношенія наши были уже далеко не прежнія. И, всетаки, я не могу придти въ себя отъ изумленія и не нахожу объясненія столь странному моральному явленію. Печеринъ—католическій монахъ! Это просто непостижимо! Поистинѣ, горе человѣку, одаренному сильными чувствами и широкою мыслью, безъ равносильной имъ силы воли и характера.

— 26. Заваленъ цензурою. Разсматриваю: „Исторію Петра Великаго“ Н. Полеваго, „Всеобщую исторію“ профессора Лоренца, „Исторію философіи“, огромную политическую экономію, нѣсколько повѣстей и т. д., и т. д., журналы „Отечественныя Записки“ и „Русскій Вѣстникъ“. Спустишь съ рукъ одно—онѣ уже

полны другимъ. Такъ и жизнь уходитъ. Началъ было, и довольно успѣшно, подвигать свой курсъ словесности: пришлось опять пріостановить его.

— 27. Ходилъ во дворецъ и смотрѣлъ картину Бруни: „Воздвиженіе змія въ пустынѣ". Я ожидалъ отъ нея большаго. Это— картина разныхъ смертей, а гдѣ же поэтическая идея Моисея съ его чудомъ? Моисей мелькаетъ вдали неясною тѣнью, а вы видите только кучи умирающихъ, изображенныхъ съ ужасающею истиной. Художникъ очевидно заботился не о художественной, а объ анатомической правдѣ фигуръ.

— 28. Для насъ, въ Россіи, еще не насталъ періодъ нравственныхъ потребностей. Общественное устройство подавляетъ всякое развитіе нравственныхъ силъ, и горе тому, кто поставленъ въ необходимость дѣйствовать въ этомъ направленіи. Это самое тяжелое положеніе, потому что самое ложное. Не того намъ надо. Быть солдатомъ, а не человѣкомъ—вотъ наше единственное назначеніе. Возвѣщать науку?—гдѣ потребность въ ней? Она не имѣетъ поддержки въ жизни, и потому является только школьнымъ плетеніемъ понятій. Тутъ, по неволѣ, становишься въ ряды шарлатановъ.

Особенно моя наука—сущая нелѣпость и противорѣчіе. Я долженъ преподавать русскую литературу,—а гдѣ она? Развѣ литература у насъ пользуется правами гражданства? Остается одно убѣжище—мертвая область теоріи. Я обманываю и обманываюсь, произнося слова: развитіе, направленіе мыслей, основныя идеи искусства. Все это что нибудь, и даже много, значитъ тамъ, гдѣ существуютъ общественное мнѣніе, интересы умственные и эстетическіе, а здѣсь просто швырянье словъ въ воздухъ. Слова, слова и слова! Жить въ словахъ и для словъ, съ душою, жаждущею истины, съ умомъ, стремящимся къ вѣрнымъ и существеннымъ результатамъ — это дѣйствительное, глубокое злополучіе. Часто, очень часто, какъ напримѣръ, сегодня, я бываю пораженъ глубокимъ мрачнымъ сознаніемъ моего ничтожества. Если бы я жилъ среди дикихъ, я ходилъ бы на звѣриную и рыбную ловлю, я дѣлалъ бы дѣло,—а теперь, я, какъ ребенокъ, какъ дуракъ, играю въ мечты и призраки! О, кровію сердца написалъ бы я исторію моей внутренней жизни! Проклято время, гдѣ существуетъ выдуманная, оффиціальная необходимость мо-

ральной дѣятельности, безъ дѣйствительной въ ней нужды— гдѣ общество возлагаетъ на васъ обязанности, которыя само презираетъ... Вотъ уже два часа ночи, а я все еще думаю о томъ же. Засну, завтра выйду изъ этого душевнаго хаоса, буду опять стараться обманывать себя и другихъ, чтобы не умереть отъ физическаго и духовнаго голода, пока дѣйствительно не умру и не унесу съ собой въ могилу горькаго сознанія безплодно растраченныхъ силъ...

Ноябрь. — 25. Весь мѣсяцъ прекращено сообщеніе съ Васильевскимъ островомъ и въ университетѣ нѣтъ лекцій. Сначала Нева становилась, мосты были разведены. Вдругъ оттепель: мосты нельзя наводить. Кой-какъ еще перебирались по шаткимъ мосткамъ, да и то полиція часто запрещала. Наконецъ, оттепель дошла до того, что ледъ на Невѣ сломало и рѣка прошла, какъ весною. Третьяго дня мостъ было навели, но сильный ледоходъ заставилъ опять развести его. Вчера — день моихъ лекцій въ университетѣ. Я отважился пойти къ Невѣ, но въ заключеніе только полюбовался глыбами льда на ней и вернулся домой. Трудно будетъ потомъ соблюсти полноту и порядокъ въ лекціяхъ.

Сегодня тоже день, назначенный для засѣданія цензурнаго комитета, но и оно не состоялось: Нева не допустила.

Декабрь. — 31. Конецъ 1841 года. Мало радостей и никакого удовлетворенія онъ не принесъ мнѣ. Провожаю его безъ сожалѣній и смѣло иду навстрѣчу 1842 г.: умереть вѣдь надо же когда нибудь.

1842 годъ.

Январь. — 3. Въ Новый годъ, на балу въ Смольномъ монастырѣ, встрѣтился и познакомился съ генералъ-адъютантомъ Шиповымъ. Онъ, между прочимъ, много говорилъ о системѣ народнаго образованія, которую намѣревался ввести въ Польшѣ, гдѣ завѣдывалъ этою частью. Онъ противникъ такъ называемаго классическаго образованія и сторонникъ реальнаго. Не поладивъ съ Паскевичемъ, онъ принужденъ былъ оставить свой постъ и возвратился въ Петербургъ. Теперь онъ назначенъ казанскимъ генералъ-губернаторомъ.

— 7. У меня просидѣлъ вечеръ И. И. Давыдовъ, профессоръ московскаго университета. Обширный умъ, бездна познаній, знаніе жизни—все это есть у него,—а дальше что? Пока не знаю. Его упрекаютъ въ уклончивости, или вѣрнѣе, слишкомъ большой „склонности“ характера. Но всѣ, знавшіе его прежде, давно, какъ напримѣръ Н. А. Полевой, утверждаютъ, что онъ сдѣлался такимъ послѣ несчастной исторіи, когда ему запретили читать философію въ Москвѣ и начали смотрѣть на него, какъ на врага вѣры, престола и т. д. Но Полевому не слѣдовало бы упрекать его за сближеніе съ властями: онъ самъ пережилъ нѣчто подобное, послѣ запрещенія „Телеграфа“.

— 8. Графъ Клейнмихель всесиленъ при дворѣ. Онъ можетъ сыпать милостями, крестами, деньгами и чинами. Вотъ работа для страстей! Аудиторское училище, въ данную минуту, превратилось въ арену для недостойной погони за всѣми этими благами. Послѣ предстоящаго выпуска ожидаютъ массу наградъ. Большинство моихъ сослуживцевъ плашмя лежатъ, простирая руки кто къ Станиславу, кто къ Аннѣ, къ перстню, къ табакеркѣ. Можно, конечно, желать общественныхъ выгодъ: это натурально. Но пусть бы эти выгоды, по крайней мѣрѣ, покупались цѣною настоящаго дѣла, а не составляли исключительную добычу тѣхъ, кто всѣхъ искуснѣе въ проискахъ и сплетняхъ.

— 11. Былъ у графа Віельгорскаго. Онъ просилъ меня о романѣ Миклашевичевой: нельзя ли пропустить? Нельзя. Много дѣйствующихъ лицъ изъ духовныхъ, есть на сценѣ архіерей, разбойникъ-помѣщикъ, плутъ-губернаторъ и прочее. Но главное препятствіе въ духовныхъ лицахъ.

Графъ сообщилъ мнѣ, что государь ему недавно говорилъ съ негодованіемъ о враждебномъ направленіи нашей литературы, о нападкахъ ея на высшіе классы, въ примѣръ чего приводилъ: „Сказку за сказкой“. Въ одной изъ нихъ съ невыгодной стороны выставлено наше дворянстно, и цензору Очкину былъ сдѣланъ строгій выговоръ.

— 16. Профессоръ Давыдовъ въ большой милости у Уварова. Онъ добился этого грубою лестью, которую министръ всегда принимаетъ съ простодушіемъ ребенка, чему нельзя не удивляться, ибо у него нельзя отнять ума, если не глубокаго, то, во всякомъ случаѣ, сметливаго. Давыдовъ особенно завоевалъ его

сердце статьею „о Порѣчьѣ“, деревнѣ Уварова,—статьею, до того льстивою, что она насмѣшила всѣхъ въ Петербургѣ, гдѣ нравы не такъ уже наивны, какъ въ Москвѣ. Уваровъ теперь принялъ здѣсь Давыдова съ распростертыми объятіями. Недавно онъ заставилъ его прочитать по одной лекціи въ Екатерининскомъ институтѣ и Смольномъ монастырѣ, объявивъ предварительно дѣвицамъ этихъ заведеній, что онѣ услышатъ „русскаго Вильмена“. Давыдовъ явился и не произвелъ ожидаемаго эффекта. Особенно не по вкусу пришелся онъ въ Смольномъ монастырѣ. Дѣлая тамъ обзоръ русской литературѣ, онъ отказалъ въ поэтическомъ дарѣ Державину и вовсе не упомянулъ о Пушкинѣ—разумѣется изъ желанія угодить Уварову, который никакъ не можетъ забыть „Лукулла“. Въ заключеніе Давыдовъ сказалъ, что всему въ Россіи даетъ жизнь и направленіе министерство народнаго просвѣщенія. И все это въ присутствіи Уварова, который не покраснѣлъ и тогда даже, когда Давыдовъ торжественно объявилъ, что если онъ (Давыдовъ) сказалъ что нибудь хорошее, то обязанъ этимъ не себѣ, а присутствію его высокопревосходительства: самъ онъ (Давыдовъ) только „Мемнонова статуя, возбужденная лучезарнымъ солнцемъ“.

Послѣ лекціи Уваровъ подошелъ къ начальницѣ М. П. Леонтьевой, и сказалъ ей:—„Вѣдь вы напишете государю о моемъ посѣщеніи?“ Затѣмъ онъ уѣхалъ и увезъ съ собой оратора. А вѣдь и тотъ, и другой слывутъ за умныхъ людей!

— 22. Новая тревога въ цензурѣ. Башуцкій издаетъ тетрадями книгу: „Наши“, гдѣ помѣщаются разныя отдѣльныя статьи. Одна изъ нихъ, „Водовозъ“, надѣлала много шуму. Дѣйствительно, демократическое направленіе ея не подлежитъ сомнѣнію. Въ ней, между прочимъ, сказано, что „народъ нашъ терпитъ притѣсненія и добродѣтель его состоитъ въ томъ, что онъ не шевелится“. Государь очень недоволенъ. Къ общему удивленію, дѣло, однако, обошлось тихо. Цензору даже не сдѣлали оффиціальнаго выговора, а автора призывалъ къ себѣ Бенкендорфъ и сдѣлалъ ему лишь умѣренное увѣщаніе. Цензоровалъ статью Корсаковъ. Литераторы часто употребляютъ его, какъ свое орудіе, особенно Гречъ и Булгаринъ. Ему многое сходитъ съ рукъ, отъ чего не поздоровилось бы другимъ. Хорошо имѣть начальникомъ брата! Вонъ, Очкину, за сказку Кукольника, надняхъ

сдѣлали строжайшій выговоръ. Аристократы сильно взволнованы этими литературными дрязгами. Недавно одинъ князь, членъ государственнаго совѣта, съ великимъ гнѣвомъ говорилъ мнѣ о демократическомъ направленіи нашей литературы. Значитъ, они начинаютъ читать русскія книги: бѣда же книгамъ и цензурѣ!

Оно, впрочемъ, и правда, что стремленіе нашей литературы къ такъ называемой народности и вообще усилія ея пробудить народное сознаніе мало благопріятны для высшаго сословія. У всѣхъ писателей, пишущихъ въ народномъ духѣ, начиная съ Полеваго и такъ далѣе, тайная мысль та, чтобы возбуждать массу. Наше высшее сословіе не имѣетъ никакихъ нравственныхъ опоръ и, естественно, должно падать съ развитіемъ образованія въ среднемъ и низшемъ классахъ. Но не само ли высшее сословіе въ томъ виновато? Оно вовсе не заботится о пріобрѣтеніи моральнаго перевѣса. Вѣдь кто, напримѣръ, учится въ университетахъ? Плебеи, а аристократы только „проходятъ курсъ“, для аттестата. Мнѣ памятенъ Пажескій корпусъ, изъ котораго я, несмотря на ласки начальства, ушелъ, потому что не видѣлъ въ аристократическомъ юношествѣ ни малѣйшаго сочувствія ни къ наукѣ, ни къ ея представителямъ.

— 27. Императорскій экзаменъ въ Смольномъ монастырѣ. Въ половинѣ экзамена пріѣхалъ наслѣдникъ съ женою, а спустя нѣсколько времени и самъ государь. Онъ хотѣлъ послушать только пѣніе. Пропѣли концертъ, „Боже, Царя храни“, „Многая лѣта“, и онъ уѣхалъ.

Февраль.—12. Музыкальная и танцовальная репетиція въ Смольномъ монастырѣ. Есть прекрасные голоса. Особенно отличилась пѣніемъ калмычка Капчукова. Хороши были также и танцы. Неистощимая Дидло къ каждому выпуску припасаетъ новыя группы и фигуры.

Итакъ, вотъ воспитаніе этихъ дѣвушекъ кончено. Онѣ выходятъ въ жизнь—съ чѣмъ же? Съ пѣніемъ, съ плясками, съ легкимъ, очень легкимъ запасомъ познаній, съ привычками къ роскоши, съ жаждою къ наслажденіямъ и съ совершеннымъ непониманіемъ жизни, незнаніемъ ея темныхъ сторонъ и своихъ обязанностей. Между тѣмъ каждой изъ нихъ уже лѣтъ восемнадцать, двадцать. Въ этихъ заведеніяхъ вообще слишкомъ много

жертвуется для блеска. Они какъ бы составляютъ часть двора, и потому въ нихъ все, главнымъ образомъ, обращено на внѣшность.

— 13. Въ Аудиторской школѣ происходятъ ужасныя сплетни и мерзости. Рербергъ уже открыто идетъ противъ меня и окружаетъ меня шпіонами. Въ добрый часъ!

Университетъ опять возложилъ на меня произнести рѣчь на актѣ. Хочу написать что нибудь о критикѣ.

— 24. Встрѣтился съ княгиней Щербатовой, которая завела со мной рѣчь о драмѣ „Еленѣ Глинской". Она была недавно на представленіи ея. Да, наши аристократы начинаютъ не только читать русскія книги; но и посѣщать русскій театръ. Вотъ все, что они вынесли хоть бы изъ представленія „Елены Глинской": „Зачѣмъ выводить на сцену русскій дворъ въ такомъ непристойномъ видѣ?" Я не читалъ и не видалъ пьесы, и потому ничего не могъ на это отвѣчать; замѣтилъ только, что русская исторія вообще бѣдна драматическими эффектами и писателю трудно выбирать. Онъ радъ, когда нападаетъ на что-нибудь живое.

Мартъ.—1. Вчера былъ въ театральномъ маскарадѣ. Тамъ, по обыкновенію, присутствовалъ государь. Онъ былъ очень веселъ, его постоянно затрогивали маски, и самъ онъ многихъ останавливалъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ оставался еще послѣ меня, а я уѣхалъ въ три часа ночи.

— 4. Въ Смольномъ монастырѣ раздача шифровъ, медалей и проч. Дѣвица, удостоенная награды первой степени, выходитъ изъ ряда остальныхъ, дѣлаетъ два реверанса и опускается на подушку, на колѣни, передъ государыней. Та прикалываетъ ей шифръ къ платью, на плечѣ. Награжденная цѣлуетъ императрицѣ руку, а послѣдняя возвращаетъ ей поцѣлуй въ щеку или въ голову. Первые три шифра получили: Арсеньева, Каховская 2-ая и Буссе. Государь былъ не долго и уѣхалъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ. Наслѣдникъ оставался до конца церемоніи. Затѣмъ государыня подошла къ учителямъ, кивнула головой и проговорила:—благодарю!

Въ послѣднемъ маскарадѣ въ Дворянскомъ собраніи, говорятъ, случилось слѣдующее: государь съ трудомъ пробирался въ толпѣ. Въ этотъ день собраніе было особенно многочисленное. Въ одномъ мѣстѣ его окружили маски-патріотки и, желая на-

сладиться лицезрѣніемъ монарха, до того стѣснили его, что онъ принужденъ былъ остановиться и ожидать. Наконецъ, терпѣніе его не выдержало, онъ топнулъ ногой и грозно крикнулъ по французски . . . .
Волны народа, какъ волны Чермнаго моря передъ жезломъ Моисея, мгновенно разступились отъ этого слова. И по дѣломъ! Надо быть умѣренными и въ выраженіи патріотическаго чувства. . . . .

— 7. День выпуска въ Смольномъ монастырѣ. Около двухъ часовъ пополудни состоялся обѣдъ для дѣвицъ и ученой братіи. Императрица кушала со всѣми. Ее окружали дѣвицы, получившія шифръ. Въ началѣ обѣда пріѣхалъ государь. Мнѣ досталось сидѣть прямо противъ него. Столъ былъ постный. Государь былъ веселъ и любезенъ, разговаривалъ все время съ дѣвицами, ни одной не оставилъ безъ вниманія, пилъ за ихъ здоровье. Обходя столы, онъ вдругъ сказалъ Тимаеву (инспектору):

— Вы зачѣмъ здѣсь?

— Я и всѣ прочіе приглашены, ваше величество.

— Я не о томъ спрашиваю, возразилъ государь,—почему вы присутствуете на обѣдѣ, а о томъ, зачѣмъ вы помѣстились именно возлѣ этихъ милыхъ дѣвицъ? Вѣрно фаворитки?

— Наши фаворитки, ваше величество, отвѣчалъ Тимаевъ,— не здѣсь: онѣ всѣ около императрицы.

— Т. е. шиферныя, хотите вы сказать, продолжалъ государь,— да, знаю, знаю!

Государь и государыня вообще были очень ласковы, просты, безъ этикета. Былъ провозглашенъ тостъ за императрицу, при чемъ всѣ встали. Государь приказалъ опять садиться и скомандовалъ:

— Разъ, два, три!

Послѣ обѣда пошли въ церковь. Многія изъ дѣвицъ, прощаясь, рыдали. Мои ученицы окружили меня тѣсной толпой и благодарили „за тѣ высокія чувства, которыя я вложилъ въ ихъ душу“ и проч. Я былъ тронутъ не меньше ихъ самихъ.

Здѣсь, между прочимъ, видѣлъ я г-жу Нелидову. Она не красавица, но въ лицѣ ея много прелести и во всей особѣ что-то въ высшей степени привлекательное. Къ пяти часамъ всѣ разъѣхались.

— 25. Публичный актъ въ университетѣ. Я произнесъ рѣчь „О критикѣ". Публика приняла ее съ большимъ одобреніемъ. Многіе подходили благодарить меня. Были въ публикѣ лица, пріѣхавшія нарочно только для моего чтенія и уѣхавшія тотчасъ послѣ него. Вообще я въ настоящее время пользуюсь расположеніемъ публики. Говорятъ, что лекціи мои производятъ эффектъ. Прекрасно, но на долго ли все это?... Плетневъ прочелъ свой отлично составленный отчетъ за истекшій годъ. Вообще, весь актъ прошелъ прилично и торжественно, какъ это рѣдко удается.

— 29. Былъ у Клейнмихеля, чтобы какъ нибудь выяснить, наконецъ, мои отношенія къ Аудиторской школѣ. Графъ сказалъ:

— Прошу васъ, не оставляйте только насъ. Вы настоящій начальникъ всей учебной части въ Аудиторской школѣ. Она вся на вашей исключительной отвѣтственности. Во всемъ относитесь прямо ко мнѣ, а я васъ ужъ поддержу.

Послѣднія слова онъ особенно подчеркнулъ. Итакъ, пока дѣло уладилось, кажется.

Апрѣль. — 9. Вчера выпущенныя монастырки собрались ко мнѣ провести вечеръ. Ихъ было до двадцати. Между ними особенно сіяли красотой царевна Гурійская и Галенкина. Вечеръ прошелъ оживленно и очень пріятно.

— 16. Множество толковъ по поводу указа о крестьянахъ. Мое мнѣніе, что указъ этотъ не есть окончательная мѣра: онъ слишкомъ страненъ и противенъ политикѣ. Одно изъ двухъ: или это первый шагъ, за которымъ послѣдуютъ другіе, или существуютъ секретныя дополнительныя предписанія мѣстнымъ властямъ, чтобы они склонили дворянство понять волю государя и приступить къ добровольной сдѣлкѣ съ крестьянами. Это можетъ повести къ тому, что народъ подумаетъ, будто все сдѣлано по желанію самого дворянства, и послѣднее, такимъ образомъ, не будетъ скомпрометировано.

— 24. Былъ, между прочимъ, у дѣвицъ Бурнашевыхъ, съ которыми познакомилъ меня Гросъ-Гейнрихъ, учитель дѣвицы Кульманъ. Это двѣ бѣдныя дѣвушки, съ отличными дарованіями. Отца ихъ какъ-то притѣснили по службѣ. Онъ живетъ ничтожнымъ пенсіономъ или жалованьемъ и не могъ дать образованія своимъ дочерямъ. Къ нимъ на помощь явился Гросъ-Гейн-

рихъ. Онъ замѣтилъ ихъ способности и принялся за ихъ образованіе, подобно тому, какъ уже это сдѣлалъ съ Елисаветою Кульманъ. И вотъ теперь эти дѣвушки отлично знаютъ языки: французскій, нѣмецкій, англійскій, итальянскій и, кромѣ того, занимаются древними—латинскимъ и греческимъ. Я засталъ ихъ за переводомъ Матѳеева Евангелія съ греческаго языка на русскій. Я пробылъ у нихъ часа полтора и, уходя, обѣщался посѣщать ихъ и, съ своей стороны, руководить ихъ занятіями по русской словесности. Онѣ съ удовольствіемъ приняли мое предложеніе.

— 26. Сегодня я въ первый разъ слышалъ Листа. Принцъ Ольденбургскій пригласилъ его въ Смольный монастырь, а начальница пригласила меня послушать знаменитаго артиста. Это настоящій геній. Какая сила, какой огонь въ его игрѣ! Инструментъ подъ его пальцами исчезаетъ. Онъ переноситъ васъ всецѣло въ міръ звуковъ, гдѣ онъ безграничный властелинъ. Каждый звукъ, который онъ извлекаетъ изъ инструмента — или мысль, или чувство. Нѣтъ, я никогда не слыхалъ ничего подобнаго! Далѣе въ музыкѣ, кажется, нельзя идти.

Наружность Листа очень оригинальна. У него тонкія черты лица; онъ худъ и блѣденъ. Длинные свѣтлорусые волосы стелятся у него по плечамъ. Когда онъ играетъ, физіономія его оживляется и буквально дѣлается говорящею. Всѣ пріемы его показываютъ человѣка европейски образованнаго. Его приняли какъ царя. Всѣ встали, когда онъ вошелъ. Принцъ Ольденбургскій, министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ, начальница Смольнаго монастыря—встрѣтили его у эстрады, гдѣ ожидали его два флигеля. Листа сопровождалъ и неотлучно при немъ находился, какъ камергеръ при царѣ, графъ Віельгорскій, самъ превосходный музыкантъ. Я и до сихъ поръ еще нахожусь подъ вліяніемъ дивной, непостижимой игры Листа.

Май.—16. У насъ новый попечитель. Ужъ съ годъ, какъ князь Дондуковъ-Корсаковъ подалъ въ отставку. На его мѣсто долго никого не назначали. Но вотъ пріѣхалъ изъ за границы князь Григорій Петровичъ Волконскій и его сдѣлали попечителемъ. Онъ былъ уже года два помощникомъ попечителя, и потому намъ знакомъ. Онъ человѣкъ, какъ говорится нынѣ, съ европейскимъ образованіемъ, со свѣжей головой и честными стремленіями, еще не остывшій къ добру—только очень молодъ. Ему лѣтъ за трид-

цать, не болѣе. Хватитъ ли у него твердой воли и выдержки въ добрѣ? Много есть людей, которые, начавъ свою дѣятельность съ хорошими намѣреніями, скоро измѣняютъ имъ. Общество и жизнь такъ переворачиваютъ ихъ, что они начинаютъ дѣйствовать въ смыслѣ, обратномъ своимъ первоначальнымъ цѣлямъ. У насъ люди удивительно скоро подвергаются порчѣ.

— 22. Сегодня университетъ давалъ обѣдъ бывшему своему попечителю, князю М. А. Дондукову-Корсакову. Обѣдающихъ было до восьмидесяти человѣкъ. Присутствовали, между прочимъ, и министръ народнаго просвѣщенія, и графъ Протасовъ, и новый попечитель, князь Волконскій, съ братомъ. Все сошло очень хорошо. Плетневъ, отъ имени университета, прочелъ князю благодарственное слово за его управленіе. Это, видимо, тронуло его и онъ, въ свою очередь, отвѣчалъ просто, съ чувствомъ. За обѣдомъ и послѣ обѣда играла музыка.

— 31. Князь Дондуковъ-Корсаковъ давалъ университету отвѣтный прощальный обѣдъ на своей дачѣ въ Ораніенбаумѣ. Поутру, въ двѣнадцать часовъ, профессора собрались на Англійской набережной, на пароходѣ, который нарочно для нихъ былъ приготовленъ. Погода стояла ясная, хотя немного холодная. Когда мы выѣхали на взморье, грянула музыка и играла все время плаванія. Пароходъ остановился на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Къ нему причалило три катера, и мы быстро очутились у пристани, гдѣ ожидали насъ экипажи. Въ три часа мы были на дачѣ, и встрѣчены хозяйкой въ саду у террасы. Обѣдъ прошелъ живо и весело. Вечеромъ привелось быть зрителемъ интереснаго зрѣлища. Кто-то изъ властей—говорятъ принцъ Оранскій—приближался на пароходѣ къ Кронштадту. Вдругъ на крѣпости и на корабляхъ, стоящихъ на рейдѣ, мелькнули огоньки, раздался громъ пушекъ: это былъ салютъ высокому гостю.

Вечеромъ тѣмъ же порядкомъ совершился нашъ обратный путь въ Петербургъ. Дулъ попутный, но сильный вѣтеръ и пароходъ покачивало. Многіе изъ нашихъ забрались въ каюту и, въ воспоминаніе своего минувшаго студенчества, затянули бурскія пѣсни. На палубѣ, тѣмъ временемъ, играла музыка, и все это, вмѣстѣ съ шумомъ пѣнящихся подъ колесомъ парохода волнъ, составляло какой-то дикій, оригинальный концертъ.

Ноябрь.—1. Я подалъ Позену, для представленія военному

министру, записку объ Аудиторскомъ училищѣ. Оно день ото дня падаетъ, и если не дать ему средствъ поправиться, наконецъ, совсѣмъ упадетъ. Позенъ обѣщалъ похлопотать.

Четыре бѣдствія постигли Россію въ продолженіе послѣдней четверти года: пожаръ въ Казани, пожаръ въ Перми, крушеніе корабля „Ингерманландія“ и—приказы Клейнмихеля. Не знаешь, чему больше удивляться въ этихъ приказахъ: цинизму ли тона и выраженій, или слѣпотѣ произвола, который идетъ на проломъ, не признавая ни причинъ, ни обстоятельствъ, ни закона. Говорить съ насмѣшкою о великомъ государственномъ злѣ, профанировать казни, плевать въ глаза обществу, издѣваясь надъ тѣмъ, что̀ оно терпитъ—это уже черезчуръ гнусно.

Величайшее зло для властителя, когда онъ не имѣетъ около себя людей просвѣщенныхъ и благодушныхъ. На всѣхъ дѣлахъ его тогда печать неудачи, и лучшія намѣренія его искажаются въ исполненіи.

Люди осуждены дѣлать глупости, терпѣть и умирать. Но природа не назначила намъ ни количества зла, какое мы должны вытерпѣть, ни минуты смерти—слѣдовательно, можно заботиться объ уменьшеніи первыхъ такъ же, какъ объ отдаленіи послѣдней.

— 25. Этотъ мѣсяцъ ознаменовался слѣдующей цензурной тревогой. Нѣкто Машковъ вздумалъ издавать листки подъ названіемъ „Сплетни“, въ которыхъ, соотвѣтственно ихъ названію, собирался разсказывать разные городскія слухи, скандалы, осмѣивать извѣстныя лица и т. д. Это не было періодическое изданіе по названію, но сильно на него походило. Цензоръ Очкинъ поддался обману и пропустилъ уже четыре номера. Въ одномъ изъ нихъ сильно досталось генералъ-губернатору Эссену, подъ именемъ „Недремлющаго ока“. Это разошлось по городу, дошло до государя, который приказалъ изданіе запретить и сдѣлать выговоръ цензору.

Бенкендорфъ писалъ нашему министру, что литераторы опять начали непристойно браниться. Въ примѣръ онъ привелъ „Комаровъ“ Булгарина, которые, по его словамъ, заключаютъ въ себѣ непростительныя ругательства на разныхъ лицъ. Цензорамъ отданъ приказъ впередъ строже относиться къ такого рода литературнымъ сплетнямъ.

Получилъ приглашеніе занять мѣсто профессора во вновь

учреждающейся Римско-Католической духовной академіи. Въ ней полагаютъ воспитывать до сорока поляковъ, съ цѣлью внушать имъ, что папа не долженъ считаться ихъ господиномъ и что, кромѣ императора, не существуетъ другого главы церкви. Моя роль скромная—преподаваніе русской словесности. Я видѣлся уже съ этой цѣлью съ княземъ Волконскимъ, съ вице-директоромъ департамента иностранныхъ исповѣданій Ребиндеромъ и съ самимъ Скрипицинымъ.

Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, между прочимъ, представилъ проектъ о преобразованіи Аудиторской школы. Это черезъ Позена пошло къ военному министру. Позенъ сообщилъ мнѣ, что министръ очень доволенъ проектомъ и хочетъ привести его въ исполненіе. Но носятся слухи, что онъ не останется министромъ, и ему въ преемники прочатъ князя Меншикова.

Декабрь.—10. Военный министръ вполнѣ одобрилъ мою записку объ Аудиторскомъ училищѣ и велѣлъ назначить комитетъ для выработки правилъ преобразованія сего заведенія. Комитетъ состоитъ изъ директора канцеляріи военнаго министра, генерала Анненкова, изъ директора военныхъ поселеній, Корфа и меня. Сегодня было первое засѣданіе. Дѣла будетъ много, но я не жалѣю: это пріятное дѣло, такъ какъ оно обѣщаетъ пользу. Анненковъ человѣкъ образованный, мыслящій и благонамѣренный, но еще не знаю до какой степени хорошій администраторъ. Генералъ Корфъ добрый старикъ, но, бѣдный, кажется, тяготится бременемъ, которое, нечаянно кинули ему на плечи. Онъ управлялъ дивизіей, а теперь его заставили управлять огромною и многосложною машиною—департаментомъ военныхъ поселеній.

— 12. Неожиданное и нелѣпое приключеніе, которое заслуживаетъ подробнаго описанія. Вчера утромъ, около двѣнадцати часовъ, я вернулся съ лекціи изъ Екатерининскаго института и, ничего не подозрѣвая, преспокойно занимался у себя въ кабинетѣ. Вдругъ является жандармскій офицеръ и въ отборныхъ выраженіяхъ проситъ пожаловать къ Леонтію Васильевичу Дубельту. „Вѣроятно, что нибудь по цензурѣ", подумалъ я и немедленно отправился въ III отдѣленіе собственной его величества канцеляріи.

Дорогою я обдумывалъ всѣ мои цензурныя дѣла и ни на од-

номъ не могъ остановиться. Въ теченіе десяти лѣтъ я успѣлъ пріобрѣсти нѣкоторую опытность и теперь тщетно терялся въ догадкахъ.

Пріѣхавшій за мною офицеръ справлялся у меня о квартирѣ Куторги, котораго также требуютъ къ Дуббельту. Это значитъ намъ предстоитъ гроза за „Отечественныя Записки“.

Я пріѣхалъ въ канцелярію раньше Куторги. Черезъ полчаса явился и онъ. Насъ ввели къ Дуббельту.

— Ахъ, мои милые, сказалъ онъ, взявъ насъ за руки,—какъ мнѣ грустно встрѣтиться съ вами по такому непріятному случаю. Но думайте, сколько хотите, продолжалъ онъ,—вы никакъ не догадаетесь, почему государь недоволенъ вами.

Съ этими словами онъ открылъ восьмой номеръ „Сына Отечества“ и указалъ на два мѣста, отмѣченныя карандашемъ. Вотъ эти мѣста. Статья Ефибовскаго, подъ заглавіемъ: „Гувернантка“, повѣсть. Описывается балъ у одного чиновника на Пескахъ. „Я васъ спрашиваю, чѣмъ дурна фигура вотъ хоть бы этого фельдъегеря, съ блестящимъ, совсѣмъ новымъ, эксельбантомъ? Считая себя военнымъ и, что еще лучше, кавалеристомъ, господинъ фельдъегерь имѣетъ полное право думать, что онъ интересенъ, когда побрякиваетъ шпорами и крутитъ усы, намазанные фиксатуаромъ, котораго розовый запахъ пріятно обдаетъ и его самого и танцующую съ нимъ даму“... „Затѣмъ, прапорщикъ строительнаго отряда путей сообщенія, съ огромными эполетами, высокимъ воротникомъ и еще высшимъ галстукомъ“.

— Такъ это-то? спросилъ я у Дуббельта.

— Да, отвѣчалъ онъ: графъ Клейнмихель жаловался государю, что его офицеры оскорблены этимъ!

Я до того успокоился, что Владиславлевъ замѣтилъ:

— Да вы, кажется, очень довольны!

— Дѣйствительно, доволенъ, отвѣчелъ я.—Я безпокоился, пока не зналъ въ чемъ насъ обвиняютъ. По сложности и трудности цензурнаго дѣла, мы легко могли бы что нибудь просмотрѣть и подать поводъ къ взысканію. Но теперь я вижу, что настоящій случай равняется кому снѣга съ крыши, который на васъ валится, когда вы идете по тротуару. Противъ такихъ взысканій нѣтъ ни заслугъ, ихъ предупреждающихъ, ни предосторож-

ностей, потому что они выходятъ изъ ряда дѣлъ разумныхъ, изъ круга человѣческой логики.

Дуббельтъ повелъ насъ къ Бенкендорфу.

Бенкендорфъ, почтеннаго вида старикъ, котораго я видѣлъ въ первый разъ, встрѣтилъ насъ съ лицомъ важнымъ и печальнымъ.

— Господа, сказалъ онъ кроткимъ и тихимъ голосомъ:—мнѣ крайне прискорбно вамъ объявить непріятную вѣсть. Государь очень огорченъ мѣстами журнала, которыя вамъ уже показали. Онъ считаетъ неприличнымъ нападать на лица, принадлежащія къ его двору (фельдъегерь) и офицеровъ. Я представилъ ему самое лучшее свидѣтельство о васъ, говорилъ о вашей репутаціи въ обществѣ—однимъ словомъ, сдѣлалъ все, что могъ въ вашу пользу. Несмотря на это, онъ приказалъ арестовать васъ на одну ночь.

Изъявивъ прискорбіе, что мы навлекли на себя гнѣвъ государя, я сказалъ:

— Будьте, ваше сіятельство, нашимъ предстателемъ у государя императора. Представьте его величеству, въ какомъ тяжкомъ затрудненіи находится цензура. Мы рѣшительно не знаемъ—чего отъ насъ требуютъ и какого направленія намъ держаться и мы часто страдаемъ только потому, что постороннему лицу вздумается вмѣшаться въ наши дѣла. Такимъ образомъ, мы никогда не безопасны, взысканіямъ не будетъ конца и мы окажемся въ невозможности исполнять наши обязанности.

Бенкендорфъ взялъ насъ обоихъ за руки и увѣрялъ, что все это доложитъ государю. Мы вышли. Владиславлевъ приготовилъ бумагу къ коменданту и вручилъ намъ ее. Было уже около четырехъ часовъ. Насъ отпустили домой пообѣдать съ тѣмъ, чтобы быть у коменданта непремѣнно въ девять часовъ. Въ восемь я заѣхалъ за Куторгой, который былъ въ большихъ хлопотахъ, не зная какъ объявить о своемъ арестѣ больной женѣ. Наконенъ, мы отправились къ коменданту въ Зимній дворецъ. Его не было дома, и мы отдали нашу депешу его плацъ-адъютанту.

Онъ ввелъ насъ въ какую-то каморку, гдѣ сидѣлъ писарь за бумагами, поставилъ у дверей часоваго, а самъ поѣхалъ за приказаніями къ коменданту. Черезъ полчаса онъ вернулся и объявилъ, что мѣстомъ моего заточенія назначена Петровская

или Сенатская гауптвахта, а Куторгу велѣно отвезти на Сѣнную.

Сначала онъ меня отвезъ. Я очутился въ огромной комнатѣ со сводами—въ подвалѣ, вмѣстѣ съ караульнымъ офицеромъ. Плацъ-адъютантъ былъ съ нами все время очень учтивъ. Онъ и Куторга уѣхали, я остался одинъ съ офицеромъ. Это былъ молодой человѣкъ изъ Образцоваго полка, повидимому очень добрый. Онъ съ участіемъ на меня смотрѣлъ, распорядился, чтобы мнѣ достали кровать, далъ покрыться на ночь свою шинель, однимъ словомъ, окружилъ меня вниманіемъ и заботливостью.

На другой день явился тотъ же плацъ-адъютантъ объявить мнѣ, что я свободенъ. Опять поѣхали мы вмѣстѣ, на Сѣнную, освободить Куторгу. Распростившись съ плацъ-адъютантомъ и, поблагодаривъ его за вѣжливость, мы отправились къ князю Г. П. Волконскому, нашему попечителю.

Онъ принялъ насъ не только любезно, но даже тепло. Я высказалъ князю все, что у меня накипѣло на душѣ. Съ цензорами обращаются какъ съ мальчишками или безбородыми прапорщиками, сажаютъ ихъ подъ арестъ за пустяки, не стоющіе вниманія, а между тѣмъ возлагаютъ на нихъ обязанность охранять умы и нравы отъ всего, что можетъ совратить ихъ съ пути, охранять общественный духъ, законы, наконецъ, самое правительство. Какой же логической дѣятельности можно отъ насъ требовать тамъ.

. . . .

Отъ князя мы поѣхали къ министру. То-же сожалѣніе, тѣ-же ласки.

— На кого тутъ жаловаться и сѣтовать? сказалъ министръ.— Случай этотъ выходитъ изъ общаго порядка вещей. Я тутъ ничего не могъ сдѣлать: я обо всемъ узналъ, когда уже все кончилось. Я тотчасъ же поѣхалъ бы къ государю, но не могъ, потому что у меня въ домѣ корь. Въ моей власти было только написать письмо и просить Бенкендорфа представить его государю.

Графъ читалъ намъ это письмо. Оно написано умно и сильно. Свидѣтельствуя о насъ, т. е. о Куторгѣ и обо мнѣ, какъ о лучшихъ цензорахъ и профессорахъ, министръ заявлялъ, что находится нынѣ въ большомъ затрудненіи относительно цензуры. Люди благонадежные не хотятъ брать на себя этой несчастной должности, и если мы съ Куторгою еще остаемся въ ней, то един-

ственно по просьбѣ его, министра. Онъ боится, что цензурное дѣло вскорѣ сдѣлается всѣмъ ненавистно.

Говорятъ, государь прочелъ это письмо и ни слова не сказалъ.

Куторга выразилъ опасеніе, что такой случай можетъ и впередъ повториться.

— Могу васъ увѣрить, отвѣчалъ министръ,—что при первомъ такомъ случаѣ я подаю въ отставку. То, что теперь съ вами случилось, болѣе для меня пятно—если тутъ есть какое нибудь пятно, чѣмъ для васъ.

— 14. Новое затрудненіе! Студенты вздумали выказать свое участіе ко мнѣ, по случаю постигшей меня бѣды. Я читалъ въ первомъ курсѣ лекцію: „объ отношеніи искусства къ природѣ и о началѣ подражанія природѣ“. Правду сказать, я прочелъ ее съ большимъ одушевленіемъ: предметъ богатый. Я кончилъ уже и сдѣлалъ шагъ съ каѳедры, какъ вдругъ раздались громкія рукоплесканія и крики: „браво!“ Студенты сплошной массой бросились ко мнѣ. Я на минуту смутился, но быстро оправился.

— Тише, господа, тише, сказалъ я студентамъ, — что вы! Остановитесь!

Мнѣ удалось, наконецъ, выйти изъ аудиторіи, а ихъ удержать въ ней.

Что изъ этого будетъ? Не знаю. Можетъ быть, новая гроза.

— 16. До меня дошли слухи, что студенты замышляютъ устроить мнѣ еще что-то въ родѣ бывшаго въ понедѣльникъ. Я колебался, ѣхать ли мнѣ въ университетъ. Наконецъ, рѣшился ѣхать, чтобы не подать вида, что придаю важность подобнымъ вещамъ. Читалъ въ двухъ курсахъ—въ первомъ и во второмъ. Слава Богу, все обошлось спокойно!

— 19. Въ прошедшій понедѣльникъ, вечеромъ, князь Волконскій былъ во дворцѣ. Онъ не говорилъ ничего государю о происшествіи въ университетѣ, но разсказалъ о томъ великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ. которая отозвалась, что меня знаетъ.

Между тѣмъ, исторія моя возбуждаетъ много толковъ въ городѣ. Общественное мнѣніе за меня. Всѣ клеймятъ Клейнмихеля. Говорятъ, на балѣ во дворцѣ многіе изъ знати выговаривали ему. Онъ извинялся передъ Уваровымъ.

— 22. Государь спросилъ у Бенкендорфа:—знаетъ ли онъ, что̀ произошло въ университетѣ на лекціи у профессора Никитенко?

Бекендорфъ отвѣчалъ, что знаетъ, но что считаетъ это мелочью, которая не заслуживаетъ вниманія, тѣмъ болѣе, что профессоръ Никитенко самъ постарался возстановить на одно мгновеніе нарушенный порядокъ.

— Однако-жъ, министръ дурно сдѣлалъ, что тотчасъ не увѣдомилъ меня объ этомъ, продолжалъ государь:—сказать ему это. А между тѣмъ подать мнѣ списокъ студентовъ, которые были на лекціи въ этотъ день.

Князь Волконскій, которому все это передалъ его тесть, тотчасъ написалъ заднимъ числомъ донесеніе министру о происшествіи въ университетѣ, вслѣдствіе котораго, будто бы, въ тотъ же день, онъ и министръ, сообща, положили не доносить объ этомъ государю, какъ о пустякахъ, которыми не стоитъ его утруждать.

Все это Бенкендорфъ передалъ императору, вмѣстѣ со спискомъ студентовъ.

Государь сказалъ:—„Если всѣ находятъ это дѣло не важнымъ, то и мнѣ остается тоже дѣлать. Посмотримъ списокъ!"

Онъ пробѣжалъ его глазами и только замѣтилъ:—„Какъ мало извѣстныхъ именъ!"

Тѣмъ все и кончилось.

Между тѣмъ толки о моемъ арестѣ не умолкаютъ. О Клейнмихелѣ говорятъ, что онъ охмѣлѣлъ отъ . . . . . милостей, и впереди не ждутъ отъ него ничего другого, послѣ знаменитыхъ приказовъ, еще такъ недавно произведшихъ удручающее впечатлѣніе на общество смѣсью произвола съ грубымъ цинизмомъ...

— 24. Говорятъ, государь очень недоволенъ всѣмъ случившимся въ цензурѣ. Онъ видитъ, что надѣлана чепуха. Этотъ, повидимому, ничтожный случай дѣйствительно оставилъ глубокій слѣдъ въ умахъ. Въ цензурѣ теперь какое-то оцѣпенѣніе. Никто не знаетъ какого направленія держаться. Цензора боятся погибнуть за самую ничтожную строчку, вышедшую въ печать за ихъ подписью. Я разсматривалъ новое изданіе сочиненій Гоголя, гдѣ, между старыми его вещами, помѣщено нѣсколько новыхъ, напр. „Шинель", повѣсть; „Женитьба", драматическое произведеніе; „Разъѣздъ изъ театра" и прочее. Пьесы эти я представлялъ комитету, и рѣшено было ихъ напечатать. Онѣ напечатаны, осталось только выдать билетъ на выпускъ ихъ изъ типографіи.

Это совпало съ моимъ арестомъ, и комитетъ остановилъ не только новое изданіе Гоголя, но и напечатанный уже также романъ Даля: „Вакхъ Сидоровичъ Чайкинъ".

Гоголь и Даль пишутъ повѣсти, а первый и комедіи, въ которыхъ нападаютъ на современныя гадости. Разумѣется, тутъ дѣйствуютъ разные люди: помѣщики, чиновники, офицеры, такъ же точно, какъ и въ „Горе отъ ума", въ „Ревизорѣ" и во многихъ другихъ пьесахъ, напечатанныхъ, игранныхъ на театрѣ, пропущенныхъ самимъ государемъ:—теперь все это сдѣлалось преступнымъ и запретнымъ. Комитетъ поручилъ мнѣ составить представленіе министру о затрудненіяхъ, въ какихъ онъ находится: онъ проситъ наставленій и руководства.

— 29. Всѣ дни занимался сочиненіемъ представленія министру. Комитетъ одобрилъ его, князь (Волконскій) тоже. Оно теперь переписывается. Актъ этотъ очень любопытенъ. Я сохраню копію съ него въ моихъ бумагахъ. Можетъ быть онъ будетъ не безполезенъ будущему историку нашего просвѣщенія и литературы. Нельзя не питать глубокаго (недовольства) къ такому порядку вещей; но надо помнить, что жизнь возвышается только жертвами.

— 31. Вотъ и конецъ 1842 года. Итогъ благъ, имъ дарованныхъ, очень не великъ. Провожать его приходится тѣмъ же, чѣмъ встрѣтили: сѣтованіями за прошлое, несбыточными надеждами на будущее.

1843 годъ.

Январь.—2. Дѣлалъ мало визитовъ, желая, по возможности, избѣжать толковъ о моемъ арестѣ и о выраженномъ мнѣ сочувствіи студентовъ — но не избѣжалъ, даже въ институтѣ и въ Смольномъ монастырѣ. Въ послѣднемъ я съ трудомъ уклонился отъ разспросовъ начальницы и отъ взрыва негодованія за мой арестъ со стороны старшихъ воспитанницъ.

До смерти надоѣли мнѣ всѣ эти толки и утомили меня всѣ эти сочувствія! Развѣ отъ того лучше пойдутъ дѣла и менѣе (тягостно) сдѣлается положеніе нашей литературы!

— 3. Министръ назначилъ сегодняшній день для принятія

поздравленій съ Новымъ годомъ. Пестрая толпа чиновниковъ въ мундирахъ наполняла до тѣсноты узкую, длинную залу. Многіе являются сюда для того только, чтобы побывать въ этой залѣ: министръ видитъ только тѣхъ, которые въ первомъ ряду. Съ одними онъ поговорилъ, другимъ кивнулъ головой, на большинство даже не взглянулъ. Вотъ и все.

— 10. Сильно подумываю объ отставкѣ изъ цензурнаго вѣдомства. Нельзя служить: при такихъ условіяхъ никакое добро не мыслимо. Совѣтывался объ этомъ кое съ кѣмъ, между прочимъ съ Врончeнко. Всѣ одобряютъ мои мотивы, но не одобряютъ моего намѣренія, находя его пагубнымъ для литературы. Особенно сильно говорилъ мнѣ въ этомъ смыслѣ Врончeнко. Положимъ, все это преувеличенія: никакое дѣло не держится однимъ человѣкомъ. Тѣмъ не менѣе, надо подумать.

— 19. Я назначенъ членомъ комитета, который устроиваетъ литературное чтеніе въ пользу погорѣвшихъ студентовъ Казанскаго университета. Комитетъ долженъ собраться сегодня у генерала Скобелева, главнаго члена.

— 20. Пробылъ у Скобелева до двѣнадцати часовъ. Тамъ были: Гречъ, Шульгинъ, Булгаринъ, Кукольникъ. Ждали Полеваго, но онъ не пріѣхалъ. Читаны были пьесы, предназначаемыя для литературнаго вечера. Статьи бо̀льшею частью посредственныя. Лучшая—отрывокъ изъ пьесы Кукольника: „Построеніе Петербурга“. Духъ времени и нравы прекрасно выражены въ нѣкоторыхъ лицахъ. „Отрывокъ изъ жизни Державина“, писанный самимъ поэтомъ, любопытенъ по характеристическимъ чертамъ, но написанъ варварски. Мнѣ поручаютъ читать его. Разсказъ Даля о какомъ-то французскомъ учителѣ ужъ черезчуръ пошлъ, и всѣ со мной согласились, что его лучше исключить. Вечеръ заключился, какъ и всѣ такіе вечера, ужиномъ.

Здѣсь, между прочимъ, видѣлъ я замѣчательнаго человѣка, полковника Непейцына, безъ ноги, которую онъ потерялъ подъ Очаковымъ. Ему семьдесятъ лѣтъ, но онъ бодръ и свѣжъ, какъ будто ему было всего сорокъ. На головѣ ни сѣдинки.

Скобелевъ, съ обычной своей солдатской размашкою, сказалъ мнѣ:—„Вы были арестованы, вотъ и я, вмѣстѣ съ другими прочими,—а ихъ было не мало: весь городъ,—принялся жалѣть о васъ. Но въ заключеніе кончилъ тѣмъ, что пересталъ жалѣть,

сказавъ самому себѣ: тьфу ты, къ чорту! Да этакимъ несчастливцемъ и я хотѣлъ бы быть—несчастливцемъ, за котораго весь крещеный міръ стоитъ въ одинъ голосъ. Право, вышло, что вамъ сдѣлали больше добра, чѣмъ хотѣли сдѣлать зла“.

— 26. Былъ у Скрипицына. Дѣло о профессорствѣ моемъ въ Католической академіи, кажется, кончено: меня опредѣляютъ. Каѳедру исторіи займетъ Куторга. На философію никого не находятъ. Да гдѣ-жъ у насъ не только философы, но и сама философія? Я совѣтывалъ обратиться къ Карпову, переводчику Платона и автору: „Введенія въ философію“, о которомъ я писалъ въ „Сынѣ Отечества“. Галича не хотятъ: онъ шеллингистъ, старъ и ему не достаетъ практической смышленности, а въ польской католической академіи, особенно философу, необходимо быть мудрымъ, не только по книжному, но и по житейскому. Фишеръ, нашъ университетскій профессоръ, не любъ, потому что самъ католикъ. Больше никого нѣтъ. Надняхъ долженъ буду представиться министру внутреннихъ дѣлъ, Перовскому.

— 28. Получилъ оффиціальную бумагу объ утвержденіи меня профессоромъ Римско-Католической академіи.

Прибѣгалъ ко мнѣ Рейсихъ увѣдомить меня, что на меня возстали всѣ генералы, прикосновенные къ Аудиторской школѣ (ихъ четверо), за мой проектъ преобразованія ея. Въ самомъ дѣлѣ, ужасное дѣло! Всякій изъ нихъ рветъ изъ нея кусочекъ власти, а я стремлюсь установить единство и возвысить учебную часть, соединивъ ее съ нравственною. Вообще проектъ мой имѣлъ добрые виды, да и всѣ были согласны съ тѣмъ, что школу нельзя оставить въ ея настоящемъ видѣ. Назначеніе ея важное: она должна возвысить и, если можно, такъ сказать, оправосудить военно-судную часть въ арміи. Идея моя принята въ соображеніе военнымъ министромъ. Составленъ комитетъ изъ Анненкова, генерала Корфа и меня, для разработки этого дѣла. Но, кажется, доброму дѣлу не бывать, ибо сюда вмѣшались частные интересы, а у меня нѣтъ времени, да наконецъ, и охоты, бить прутомъ по водѣ. Я и то ужъ много времени и труда отдалъ этой школѣ, а сдѣлать удалось очень мало.

— 31. Литературное чтеніе въ пользу казанскаго университета. Посѣтителей было не особенно много. И правду сказать, чтенія эти скучны таки. Приходится слушать все отрывки. Бул-

гаринъ прочелъ, и очень дурно, отрывокъ изъ своего полуромана, полуисторіи о Суворовѣ: написано гладко, холодно; ни одной выдающейся мысли, ни одного слова, которое запало бы въ душу. Полевой прочелъ отрывокъ изъ своей драмы: „Ломоносовъ". Я прочелъ отрывокъ изъ мемуаръ Державина, любопытный по чертамъ времени, но написанный ужаснымъ языкомъ, и еще отрывокъ изъ поэмы Гребенки: „Богданъ Хмѣльницкій". Послѣдняя пьеса хороша, но изъ нея опять-таки былъ вырванъ только отрывокъ. Кукольникъ прочелъ отрывокъ изъ драмы или поэмы: „Построеніе Петербурга". Это былъ перлъ нашего чтенія. Бенедиктовъ бросилъ горсть своихъ блестокъ изъ пьесы „Туча". Въ итогѣ—одинъ Кукольникъ дѣйствительно занялъ публику. Къ счастью, не явился Мятлевъ, съ своей безконечною „Курдюковой": пришлось бы выслушать еще отрывокъ. Чтеніе продолжалось два съ половиною часа.

Мнѣ сообщили слѣдующее. Государыня сдѣлала сильный выговоръ Клейнмихелю за меня и, въ наказаніе, не пригласила его къ обѣду, къ которому были приглашены всѣ лица, близкія ко двору. Поводомъ къ принятію во мнѣ такого участія было мое отсутствіе въ Смольномъ монастырѣ, въ теченіе цѣлой недѣли. Случилось это вовсе не преднамѣренно и помимо моей воли. Государынѣ донесли о томъ, объясняя мое отсутствіе сильнымъ огорченіемъ и т. д. За меня сильно говорили, по этому случаю, начальница, принцъ Ольденбургскій и статсъ-секретарь Гофманъ.

Февраль. — 6. Первое засѣданіе въ Римско-Католической академіи. Присутствовали: ректоръ, двѣ духовныя особы—какіе-то каноники, Куторга и я. Положено, между прочимъ, что я буду преподавать русскую словесность по понедѣльникамъ и вторникамъ, отъ 10-ти часовъ до половины 12-го, и въ пятницу отъ двухъ до четырехъ. Эти послѣдніе часы я предполагаю отдать практическимъ занятіямъ.

— 7. Былъ у директора канцеляріи военнаго министра, генерала Анненкова. Мнѣ хотѣлось съ нимъ поговорить о возстаніи на меня генераловъ за мой проектъ преобразованій въ Аудиторскомъ училищѣ. Онъ меня увѣрилъ, что никто, начиная съ него самого, не раздѣляетъ генеральскаго негодованія, а напротивъ,

всѣ порядочные люди ожидаютъ отъ меня обновленія и усовершенствованія школы.

Нѣкто Машковъ еще въ прошедшемъ году началъ было издавать нѣчто въ родѣ журнала, подъ названіемъ: „Сплетни". За это досталось цензору Очкину, а „Сплетни" запретили издавать. Надо еще замѣтить, что авторъ или издатель принялъ псевдонимъ: „Кукуреку". Немного спустя, онъ вздумалъ издавать повѣсти, одну за другою. Въ нихъ уже не было ничего общаго со „Сплетнями", и я пропустилъ ихъ. Между тѣмъ, въ „Пчелѣ" напечатали объявленіе, что выходятъ новыя сочиненія Кукуреку и въ скобкахъ: автора „Сплетней". Къ этому прибавлено, что самыя „Сплетни", остающіяся въ небольшомъ количествѣ, можно покупать тамъ-то.

И вотъ изъ-за этихъ „Сплетней" новыя сплетни. Министръ сдѣлалъ мнѣ выговоръ, зачѣмъ я позволилъ Машкову называться Кукуреку, а Корсакову и Очкину за то, что они пропустили объявленіе въ „Пчелѣ". Странное дѣло, какъ будто существуетъ законъ, налагающій запрещеніе на то или другое имя. Еслибъ Машковъ назвался собственнымъ именемъ въ „Сплетняхъ", я долженъ былъ бы, оказывается, запретить ему называться Машковымъ въ другихъ, самыхъ невинныхъ сочиненіяхъ, какія ему вздумалось бы еще напечатать. Можно ли оставаться цензоромъ при такихъ понятіяхъ нашихъ властей?

Я былъ сегодня у князя Волконскаго, горячо объяснялся съ нимъ и просилъ уволить меня отъ цензуры. Что остается дѣлать въ этомъ званіи честному человѣку? Цензорà теперь хуже квартальныхъ надзирателей. Князь во всемъ согласенъ со мной, но крайне огорченъ моимъ намѣреніемъ подать въ отставку.

Надняхъ я представлялся министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому. Принятъ былъ весьма вѣжливо. Онъ одобрилъ мои идеи о преподаваніи русской словесности въ Римско-Католической академіи. Обращеніе его вообще привлекательно: просто, изящно, благородно. Онъ какъ будто и въ самомъ дѣлѣ уважаетъ человѣка, съ которымъ говоритъ по службѣ.

— 8. Литературный вечеръ въ пользу казанскихъ студентовъ доставилъ 2,710 руб. 15 коп. ассигнаціями. Изъ нихъ употреблено на расходы (на освѣщеніе залы 126 р., за 35 дюжинъ стульевъ 218 р., жандармамъ и полицейскимъ 15 р., универси-

тетскимъ служителямъ 28 р., за объявленіе въ афишахъ 95 р., за напечатаніе билетовъ и программъ 70 р.) 546 р. 50 к. Слѣдовательно, очистилось 2,171 р. 65 к. ассигнаціями,—не особенно много. Но и тутъ еще помогло то, что за многіе билеты заплачено свыше ихъ настоящей цѣны. Государь и государыня прислали за два билета 350 р., Наслѣдникъ за два билета—50 р. великія княжны за два билета—50 р., Константинъ, Николай и Михаилъ Николаевичи за три билета 150 руб., Штиглицъ взялъ два билета и заплатилъ за нихъ 350 руб. и Демидовъ, Анатолій, одинъ билетъ за 250 руб.

— 9. Первая лекція въ Римско-Католической академіи. Безъ большаго эффекта—не то, что въ университетѣ или въ Смольномъ, но въ надлежащемъ порядкѣ.

Перовскій составилъ себѣ прекрасную репутацію въ публикѣ тѣмъ, что смотритъ строго за вѣсами, за мѣрами, за тѣмъ, чтобы русскіе купцы не мошенничали, безъ чего они, впрочемъ, какъ безъ воздуха, не могутъ жить. Вотъ первый министръ, обращающій свою дѣятельность туда, куда надо, то есть, на настоящія народныя нужды—и это привело всѣхъ въ восторгъ. А кажется, тутъ нѣтъ ничего необычайнаго: это только простое выполненіе своего долга. Однако, это величайшая рѣдкость у насъ. Всѣ прочіе смотрятъ, какъ говоритъ Пушкинъ, въ Наполеоны, приготовляютъ себѣ страницы въ исторіи „великими идеями, глубокими теоріями, обширными, безконечными видами". Всѣ метятъ поверхъ Россіи—и никто не заботится о томъ, что бѣдной Россіи ѣсть нечего, что воры-чиновники грабятъ послѣднее достояніе народа, что правды въ ней нѣтъ и проч., и проч.

— 10. Былъ въ концертѣ. Блезъ игралъ на кларнетѣ. Удивительный талантъ! Удивительное искусство! Не знаю, изъ сердца-ли беретъ онъ прекрасные свои звуки, или они только торжество техники, во всякомъ случаѣ—эффектъ поразительный.

— 14. Князь не объявилъ въ комитетѣ предписанія министра о глупомъ „Кукуреку". Сегодня у меня съ нимъ былъ продолжительный разговоръ, въ заключеніе котораго я долженъ былъ дать ему слово повременить еще съ отставкой. На прощанье мы горячо обнялись.

— 16. Былъ въ маскарадѣ, въ такъ называемомъ соединенномъ обществѣ, куда поѣхалъ изъ любопытства. Толпа страш-

ная. Тутъ собираются люди средняго общества. Правда, сюда не ѣздятъ люди высокопоставленные и отъ того здѣсь, говорятъ, свободнѣе, а потому, будто бы, и веселѣе. Пѣли цыгане: между ними два-три хорошіе голоса. Но мнѣ пѣніе ихъ скоро надоѣло. Меня пригласили въ комнату старшинъ, гдѣ происходилъ судъ и расправа. Одного господина обвиняли въ томъ, что онъ, вмѣстѣ съ другими, танцовалъ неблагопристойный танецъ. Онъ оправдывался очень забавно. Обвинитель тогда перешелъ къ личностямъ и сталъ увѣрять, что обвиняемый называлъ его бранными словами... Нѣтъ, не весело!

— 21. Получилъ письмо отъ Чижова изъ Рима. Счастливецъ, онъ пьетъ жизнь изъ большой чаши. Но что-же? Черпая средства для обогащенія своей внутренней жизни изъ такого богатаго хранилища, онъ недоволенъ собой, боится нравственной бѣдности и пустоты! Странное противорѣчіе!

Мартъ.—7. Въ пятницу годичный праздникъ въ память выхода нашего изъ университета. Явилось двѣнадцать человѣкъ. Это пятнадцатый годъ. Еще между нами есть нѣкоторая сердечная связь: и это хорошо для пятнадцати лѣтъ.

— 14. Былъ у статсъ-секретаря Гофмана, съ просьбою объ отставкѣ меня изъ Екатерининскаго института. Около тринадцати лѣтъ прослужилъ я тамъ—дальше не подъ силу. Статсъ-секретарь сѣтовалъ, хотѣлъ доложить государынѣ и такъ далѣе. Отъ него пошелъ къ начальницѣ, г-жѣ Родзянко, съ тою же цѣлью. Ужасныя сожалѣнія. Завтра она поѣдетъ къ императрицѣ съ просьбою, чтобы та приказала мнѣ остаться хоть до выпуска. И все это пустяки! Никто не думаетъ, что тутъ замѣшаны пользы воспитанія. Нуженъ только экзаменный блескъ.

— 15. Вотъ какъ директоръ 1-й гимназіи, Калмыковъ, разсказываетъ о посѣщеніи государемъ этой гимназіи и объ опалѣ, которой онъ подвергся.

Государь пріѣхалъ сердитый, вездѣ ходилъ, обо всемъ спрашивалъ . . . . . Ему не понравилось лицо одного изъ воспитанниковъ.—„Это что за чухонская (физіономія)?“ воскликнулъ онъ, гнѣвно глядя на него. Въ заключеніе онъ сказалъ директору:

— Да, у васъ все хорошо по наружности, но что за (лица) у вашихъ воспитанниковъ! Первая гимназія должна быть первая по всему: у нихъ нѣтъ этой живости, этой полноты, этого благо-

родства, какими, напримѣръ, отличаются воспитанники 4-й гимназіи!

— 16. Лекція поутру въ Римско-Католической академіи. Мои занятія тамъ идутъ успѣшно, лекціи производятъ эффектъ. Затѣмъ поѣхалъ въ засѣданіе цензурнаго комитета. Тамъ Бурачекъ издатель „Маяка“, „христіанинъ, православный и патріотъ“, пойманъ въ плутовствѣ. Онъ хотѣлъ перепечатать въ своемъ журналѣ запрещенный романъ Миклашевской: уличили и не дозволили ему этого.

— 21. Сегодня, по повѣсткѣ товарища нашего министра, князя Ширинскаго-Шихматова, собрались всѣ служащіе въ министерствѣ къ Уварову, поздравить его съ десятилѣтіемъ его управленія народнымъ образованіемъ. Князь Ширинскій-Шихматовъ привѣтствовалъ Уварова рѣчью, въ которой выражалъ всеобщую радость по случаю того, что онъ со славою прошелъ весь этотъ періодъ времени, и говорилъ о желаніи всѣмъ подобной-же будущности впереди—однимъ словомъ, все, какъ слѣдуетъ, по риторикѣ Кошанскаго.

Министръ отвѣчалъ сначала хорошо, но потомъ вдался въ повторенія и самовосхваленія. Исчисляя свои заслуги, онъ, между прочимъ, не совсѣмъ осторожно упомянулъ „о свободѣ мыслей, о движеніи умовъ“. Говорилъ также о „твердыхъ началахъ, имъ созданныхъ, о вѣрности этихъ началъ, о томъ, что все это не есть минутная воля государя, но твердая и прочная система“. Нѣсколько разъ у него неловко вырывались слова: „я и государь“, или „государь и я“.—„Даже враги министерства, объявилъ онъ,—и тѣ сознаются, что мы знаемъ свое дѣло“. Упомянулъ онъ также и о возможности съ своей стороны выйти изъ министерства.

Если весь этотъ церемоніалъ дѣйствительно имѣлъ цѣлью, какъ говорятъ, привлечь на себя благосклонное вниманіе двора, который, вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ непріязненно относится къ Уварову—врядъ ли этотъ маневръ поможетъ ему. Призывая къ себѣ въ защиту общественное мнѣніе, онъ скорѣй можетъ повредить себѣ. . . . .

Жаль Уварова: онъ самъ себѣ портитъ дѣло. А между тѣмъ онъ лучшій изъ министровъ, когда либо управлявшихъ нашимъ министерствомъ. Исчисляя свои заслуги, онъ не упомянулъ или не могъ упомянуть о важнѣйшей: „что въ десять лѣтъ ни одинъ

человѣкъ не былъ, по его волѣ, преслѣдуемъ за идеи". Даже ограниченный князь Ливенъ — и тотъ не обошелся безъ того, чтобы не лягнуть наше образованіе: онъ, вмѣстѣ съ Адеркасомъ, растерзалъ Нѣжинскій лицей. Уваровъ, дѣйствительно, неповиненъ въ этомъ отношеніи, а это въ настоящее время много значитъ. Какъ бы то ни было, если мы потеряемъ его, Богъ знаетъ еще какой солдатъ будетъ командовать у насъ умами и распоряжаться воспитаніемъ гражданъ и идей.

Вечеромъ концертъ въ университетѣ. Дѣвица Фрейгангъ пѣла прелестно. У ней удивительно чистый и свѣжій голосъ. Это настоящій голосъ пѣвчей птички. Зашелъ послѣ къ Плетневу. Тамъ были: и нашъ попечитель, князь Волконскій, князь Одоевскій и Арсеньевъ. Говорили объ Уваровѣ. Всѣ того мнѣнія, что нынѣшнее утро онъ сдѣлалъ большую ошибку. Между прочимъ, расказали о немъ еще слѣдующую странность. Великая княгиня Елена Павловна, по смерти его дочери, изъявила ему письменное свое участіе. Вмѣсто отвѣта, онъ послалъ ей только что напечатанный по французски томъ своихъ сочиненій.

Апрѣль.—1. Получилъ отношеніе отъ статсъ-секретаря Гофмана съ изъявленіемъ желанія императрицы, чтобы я остался въ Екатерининскомъ институтѣ еще, по крайней мѣрѣ, на годъ— до конца нынѣшняго выпуска. Отношеніе написано въ очень учтивыхъ выраженіяхъ. Останемся на годъ.

— 3. Отправилъ поутру проектъ преобразованія Аудиторской школы къ директору военнаго министерства. Я много поработалъ надъ нимъ, но, если мнѣ удастся провести мой проектъ, я буду думать, что не даромъ трудился.

— 17. Вотъ чѣмъ кончились и мои труды, и мои мечты по преобразованію Аудиторской школы. Свой планъ преобразованія я представилъ въ военное министерство: оттуда никакой вѣсти. Между тѣмъ, преобразованіе поручено производить Ноинскому и Корфу. Что же мнѣ опять остается, какъ не уйти въ сторону?

— 26. Былъ у генерала Корфа съ просьбою объ отставкѣ. Онъ не принялъ ее и долго упрашивалъ меня остаться. Я, наконецъ, согласился, съ оговоркой, однако, что уйду—лишь только замѣчу перемѣну въ направленіи преобразованій. Забавно, право, мое служебное положеніе. Мнѣ поручаютъ дѣло и на каждомъ шагу, по пути къ предназначенной цѣли, воздвигаютъ препятствія. Я

уступаю враждебному натиску и подаю въ отставку—не тутъ-то было, меня чуть не за полы платья удерживаютъ. Зачѣмъ? Вѣдь въ заключеніе всетаки все кончится ничѣмъ.

— 27. Боже мой, да неужели же нельзя и мысли допустить, чтобы человѣкъ кому-нибудь и чему-нибудь желалъ добра, безъ подкладки личныхъ расчетовъ? Оказывается, что я съ своимъ планомъ преобразованія Аудиторскаго училища мѣчу въ директора его!! Ѣздилъ къ барону Зедлеру и объяснялся съ нимъ по этому поводу. Кажется, на этотъ разъ успокоилъ и убѣдилъ его— до завтра, можетъ быть.

Гнусно, холодно въ природѣ. Но чуть-ли не еще гнуснѣе среди этой нравственной пустыни, которая называется современнымъ обществомъ.

Май.—5. Провелъ часа два въ публичной библіотекѣ. Читалъ и дѣлалъ выписки изъ Ѳеофана. Это человѣкъ съ большими дарованіями. Меня очень заняла его рѣчь на Ништадтскій миръ: умное діалектическое краснорѣчіе.

Въ библіотекѣ очень удобно заниматься. Никто не мѣшаетъ— да и кому мѣшать? Всего было человѣкъ семь посѣтителей. Порядокъ хорошъ. Книги выдаются безпрепятственно.

— 10. Былъ въ оперѣ Доницетти: „Ламермурская Невѣста". Игралъ и пѣлъ знаменитый Рубини. Музыка оперы прелестна, легка, нѣжна, граціозна. Рубини великій мастеръ. Главное въ его исполненіи: ясность, непринужденность и страсть.

Жуковскій прислалъ мнѣ на цензуру свою новую пьесу: „Наль и Дамаянти", эпизодъ изъ индѣйской поэмы „Магабараты". Что сказать о ней? Гекзаметры прекрасны: свѣжій, стройный, роскошно благоухающій языкъ. Но фантастическое зданіе поэмы не съ разу можетъ прійтись по вкусу нашимъ европейскимъ требованіямъ.

Опять работалъ въ библіотекѣ. Перебиралъ журналъ „Ежемѣсячныя сочиненія" за 1756 годъ и далѣе. Журналы умно составлены, но безъ критики и современности. Много дѣльныхъ статей по части наукъ и промышленности. Языкъ довольно ясенъ и чистъ.

Прочелъ у Мармье слѣдующія замѣтки о Россіи: „Всѣ дома въ русскихъ деревняхъ сѣрые, вытянутые въ одну линію, по-

строенные по одному образцу, кажутся вышедшими изъ земли по повелѣнію русскаго офицера". Очень вѣрно!

Далѣе: „Я сидѣлъ въ почтовой коляскѣ возлѣ русскаго купца, скупаго, занятаго только своими расчетами, и вонючаго... Онъ ѣлъ тутъ же, на подушкѣ, чтобы не платить въ гостинницѣ, и запахъ его пищи и платья былъ несносный".

.... „Помѣщичьимъ крестьянамъ въ Россіи лучше, чѣмъ казеннымъ. Первыхъ защищаетъ помѣщикъ, какъ свою собственность, а вторыхъ грабятъ чиновники".

„Во время голода, государь велѣлъ раздать пособіе казеннымъ крестьянамъ: проходя множество рукъ, оно не дошло до нихъ".

Мармье очень удивило восклицаніе нашихъ нищихъ (которыхъ онъ множество видѣлъ по пути отъ Петербурга до Москвы): „Красное Солнышко!" Онъ называетъ это восточнымъ привѣтствіемъ.

Вообще замѣчанія Мармье вѣрны. Очевидно, онъ писалъ со словъ кого нибудь хорошо знающаго Россію.

— 20. Вчера былъ министръ на экзаменѣ русской словесности у Плетнева. Онъ много говорилъ. Нельзя было не признать въ немъ настоящаго министра народнаго просвѣщенія. Всѣ его замѣчанія были умны, вѣрны, богаты знаніемъ и хорошо сказаны. Какъ жаль, что этому человѣку не дано одной силы— силы нравственной воли. Добиваясь вліянія и милостей при дворѣ, онъ связалъ себя по рукамъ и ногамъ и лишился одновременно уваженія и двора, и общества. Онъ хотѣлъ пожертвовать послѣднимъ первому — и жестоко ошибся. . . . . Слѣдовательно, онъ знаетъ ему силу. Правду говорятъ французы, что нѣтъ ничего хитрѣе безупречнаго поведенія. Перовскій является живымъ примѣромъ этого. Его хитрость состоитъ въ томъ, чтобы дѣйствовать правдиво и зато онъ никого не боится. Уваровъ же постоянно запутывается въ тонкостяхъ своего ума. Онъ думаетъ ловить мухъ въ паутинѣ и прилежно сучитъ нити ея, не замѣчая, что онѣ служатъ только къ тому, чтобы указывать путь врагамъ къ его гнѣзду.

Нынѣшнее (время) очень важно: оно полагаетъ конецъ патріархальному быту . . . . Такъ и должно быть. Что за несообразность семейство, состоя-

щее изъ пятнадцати милліоновъ дѣтей? Гдѣ тутъ семейное право? . . . .

— 21. Надняхъ у меня былъ Бѣлинскій. Онъ уменъ. Замѣчанія его часто вѣрны, умны и остроумны, но проникнуты горечью.

— 25. Важную роль въ русской жизни играютъ государственное воровство и такъ называемыя злоупотребленія: это наша оппозиція, нашъ протестъ . . . .
Власть думаетъ, что для нея нѣтъ невозможнаго, что ея воля нигдѣ не встрѣчаетъ сопротивленія. Между тѣмъ ни одно ея предписаніе не исполняется такъ, какъ она хочетъ. Исполнители притворяются въ раболѣпной готовности все сдѣлать, что отъ нихъ потребуютъ, а на самомъ дѣлѣ ничего не дѣлаютъ такъ, какъ отъ нихъ требуютъ.

Іюнь.—11. Экзаменъ въ Римско-Католической академіи. Хотѣлъ быть Перовскій, но его отозвали въ Петергофъ. Зато былъ Скрипицынъ, директоръ департамента иностранныхъ вѣроисповѣданій, человѣкъ довольно ловкій, но самъ себя считающій глубокимъ политикомъ. Это, вѣроятно, отъ того, что онъ однажды былъ посланъ для усмиренія какихъ-то раскольничьихъ волненій и совершилъ это удачно, урезонивъ недовольныхъ краснорѣчивымъ обѣщаніемъ кнута. Съ тѣхъ поръ его начали считать способнымъ къ государственнымъ дѣламъ, а онъ самъ себя произвелъ въ Талейраны.

Былъ на экзаменѣ еще малъ-человѣчекъ, нѣчто въ родѣ чиновнаго котенка, воспитанникъ іезуитовъ, поборникъ православія, дающаго кресты и большіе оклады, фанатикъ и другъ карамзинскаго періода, гладенькій, чистенькій, аккуратненькій, любящій старинный порядокъ, за исключеніемъ, однако, кнута, и потому чиновникъ новой генераціи, почти либералъ, всякую новую мысль называющій неправославною, а всякій новый оборотъ въ языкѣ, отступающій отъ карамзинской стрижки, непонятнымъ,—однимъ словомъ Константинъ Степановичъ Сербиновичъ.

Говорятъ, экзаменъ былъ хорошъ. Главное, онъ былъ непродолжителенъ.

Сентябрь.—5. Ѣздилъ къ Сергію, съ семействомъ Левиной. День прекрасный, какихъ и лѣтомъ бываетъ мало въ Петербургѣ.

Сергій славится своимъ архимандритомъ и монахами. Архимандрита я не видалъ, но монахи, дѣйствительно, аристократически благообразны и благолѣпны осанкой, лицемъ, одеждой и службой. Они очень хорошо поютъ. Но простота ихъ пѣнія до того утонченна, что перестаетъ быть простотою и отзываетъ изысканностью.

Вчера государыня была въ Смольномъ монастырѣ. Она пріѣхала во время классовъ, но не посѣтила ихъ. Дѣвицъ позвали въ садъ, заставили пѣть и плясать, а учителямъ велѣли идти съ миромъ во свояси.

— 14. Слухи о покушеніи на жизнь государя. Объ этомъ говорятъ еще шепотомъ.

— 15. Наконецъ, открыто говорятъ о покушеніи на жизнь государя. Въ придворной церкви былъ благодарственный молебенъ, также и въ церквахъ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній. Вечеромъ былъ у меня сынъ лейбъ-медика Маркуса и говорилъ, что государыня показывала отцу его письмо государя, гдѣ онъ извѣщаетъ ее о злоумышленіи. Государь проѣзжалъ мостъ въ Познани, въ Пруссіи, и не желая встрѣтиться съ какими-то похоронами, вышелъ изъ своей кареты и пересѣлъ въ другую. Когда экипажи поѣхали по мосту, раздалось семь выстрѣловъ и семь пуль полетѣло въ ту карету, въ какой обыкновенно ѣздитъ государь. Но его тамъ, на этотъ разъ, не было и злое дѣло кончилось ничѣмъ. Оконтузили только какого-то писаря.

— 17. Вчера былъ на балѣ у Позена на дачѣ. Великолѣпное освѣщеніе китайскими фонарями, роскошное угощеніе, толпа военныхъ и гражданскихъ ничтожествъ, разливное море кахетинскаго вина и шампанскаго, скука и разъѣздъ въ два часа ночи. Кукольникъ, Струговщиковъ и я были неразлучны.

Человѣку нужна не столько истина, сколько убѣжденіе. Сколько поколѣній жило, считая за истину нелѣпыя суевѣрія и предразсудки, но они жили хорошо, когда слѣдовали имъ съ сердечною вѣрою и опирались на нихъ всѣми своими нравственными силами. Да и не въ томъ-ли состоитъ истина, чтобы вѣрить и дѣйствовать по вѣрѣ? Истина есть то, что есть.

Октябрь.—23. Бѣднаго М. Сорокина, по высочайшему повелѣнію, посадили на гауптвахту, и вотъ за что. Въ прошедшую среду объявлено было въ афишахъ, что Гарсія въ первый разъ

явится на сцену въ „Севильскомъ цирульникѣ“. Краевскій, редакторъ литературнаго отдѣла въ „Русскомъ Инвалидѣ“, заказалъ Сорокину статью для фельетона, попросивъ его написать ее заранѣе. Онъ полагалъ, что „Севильскій цирульникъ“ непремѣнно будетъ сыгранъ въ среду, что Гарсія произведетъ всеобщій восторгъ, а статья о ней будетъ готова поутру въ четвергъ и появится раньше, чѣмъ въ другихъ журналахъ и газетахъ. М. Сорокинъ написалъ статью, въ которой превознесъ до небесъ пѣніе и игру знаменитой артистки. Публика, по его словамъ, была въ неистовомъ восторгѣ, на сцену было брошено два вѣнка и т. д.

Между тѣмъ спектакль въ среду не состоялся по болѣзни Рубини. Можно вообразить себѣ всеобщее удивленіе и смѣхъ, когда въ четвергъ прочли въ „Инвалидѣ“ восторженныя похвалы блестящему спектаклю, котораго не было—и особенно царицѣ его, Гарсіи.

Государь велѣлъ автора статьи, Сорокина, немедленно посадить на гауптвахту, а „Инвалиду“ запретилъ писать статьи о театрѣ.

Но вотъ другое событіе, уже не театральное и вызвавшее не смѣхъ . . . . Въ корпусѣ путей сообщенія мальчики освистали какого-то учителя-офицера, обращавшагося съ ними нестерпимо грубо, и грозили выгнать его изъ класса, если онъ не перемѣнитъ съ ними обращенія. Дерзкая шалость, которая заслуживала школьнаго взысканія. Но какъ же поступили съ этими бѣдными, неразумными дѣтьми? Сначала ихъ, числомъ шесть, бросили въ какой-то подвалъ—пока послѣдуетъ особое распоряженіе. Потомъ ихъ сѣкли передъ всѣмъ заведеніемъ и такъ, что докторъ, при этомъ присутствовавшій, пересталъ отвѣчать за жизнь нѣкоторыхъ изъ нихъ. Затѣмъ лишили дворянства, разжаловали въ солдаты и, по этапамъ, какъ обыкновенныхъ колодниковъ, отправили на Кавказъ. Ужасъ, ужасъ и ужасъ! Генералъ-лейтенантъ Готманъ, директоръ заведенія, устраненъ отъ должности. Это (наказаніе) дѣтей, какъ будто они были уже полноправными гражданами и настоящими преступниками, потрясло всѣ умы. Нѣсколько матерей, говорятъ, на другой же день взяли изъ корпуса своихъ сыновей. Нѣтъ! говоря словами Талейрана, это болѣе, чѣмъ... это ошибка. Тотъ, кто при-

совѣтовалъ подобную мѣру, измѣнникъ и врагъ существующаго порядка.

— 30. Подалъ просьбу объ увольненіи меня изъ Смольнаго монастыря. Мнѣ надо время, время, время!

— 31. Переговоры съ начальницей Смольнаго монастыря. Нѣтъ, я окончательно рѣшился оставить это заведеніе. Мечты мои о пользѣ и здѣсь—однѣ мечты! Мои лекціи производили эффектъ и нерѣдко возбуждали въ моихъ слушательницахъ энтузіазмъ. Я ихъ любилъ, а онѣ любили меня, но что все это значитъ тамъ, гдѣ вся система фальшива? Вообще въ нашихъ женскихъ заведеніяхъ такъ мало обращаютъ вниманія на учебную и на нравственную часть воспитанія, что у честнаго человѣка руки опускаются и онъ, наконецъ, чувствуетъ, что ему здѣсь нечего дѣлать. Тутъ думаютъ только о пляскахъ, о пѣньѣ и о реверансахъ. Головы дѣвицъ кружатъ красными ливреями, галунами и т. д. Въ нихъ не развиваютъ ни моральной силы, ни сознанія своихъ семейныхъ и общественныхъ обязанностей. А между тѣмъ это матери будущаго поколѣнія. И такъ въ результатѣ выходитъ, что русское дворянство роститъ своихъ сыновей для розогъ, а дочерей . . . . Не всѣ, конечно, будутъ... не всѣ понесутъ въ свои семьи безнравственность и чадъ пышнаго высшаго круга. И много времени понадобится, чтобы изъ этихъ выточенныхъ куколъ сдѣлать хорошихъ женъ и матерей.

Ноябрь.—9. Какой-то офицеръ, сеидъ Клейнмихеля, вздумалъ прославить его, напечатать его портретъ и пришелъ къ нему просить на то позволенія.

— Вы хотите пустить портретъ въ продажу?—спросилъ Клейнмихель.

— Да, ваше сіятельство.

— Ну, такъ ручаюсь вамъ, что за мой портретъ никто гроша не дастъ вамъ, и вы останетесь въ убыткѣ.

Выходитъ, что и онъ самъ о себѣ раздѣляетъ мнѣніе о немъ многихъ. Еще надняхъ, начальница Смольнаго монастыря М. П. Леонтьева говорила мнѣ:

— Будьте увѣрены, что сила Клейнмихеля будетъ рости по мѣрѣ усиленія къ нему ненависти и презрѣнія въ обществѣ.....

Говорятъ, Киселевъ въ опалѣ по случаю какого-то обнаруженія въ его управленіи либерализма.

— 15. Начальница Смольнаго монастыря пригласила меня сегодня къ обѣднѣ въ свою церковь, гдѣ долженъ служить митрополитъ. Я былъ. Давно не видалъ я архіерейской службы. Первое впечатлѣніе поразительно: въ ней родъ какого-то драматическаго величія. Потомъ становится монотонно . . . .

Митрополитъ Антоній—бодрый старикъ. Въ выговорѣ его малороссійское произношеніе, а въ физіономіи его что-то добродушно пошлое. Это добрый сельскій священникъ, повидимому готовый побалагурить и повеселиться. Протодьяконъ—гигантъ, геркулесъ, ѣдунъ. Впрочемъ, завтракали очень умѣренно. Вѣроятно, экономъ положилъ половину завтрака себѣ въ карманъ. Потомъ дѣвицы тѣшили преосвященнаго игрою на фортепіано и въ заключеніе поднесли ему коверъ своей работы. Меня мои ученицы засыпали упреками и сожалѣніями, что я ихъ покидаю.

— 16. Нѣкто увидѣлъ въ Варшавѣ, на сценѣ пѣвицу Ассандри, которая очень красива, и захотѣлъ, чтобы она была въ Петербургѣ. Ее пригласили участвовать въ итальянской оперѣ за большія деньги. На бѣду, Ассандри настолько же худо поетъ, насколько она прекрасна. Наглость-ли или надежда на высокое покровительство воодушевили ее, только она рѣшилась выступить на сцену, послѣ величайшей пѣвицы нашего времени—Гарсіи Віардо. Ее жестоко ошикали . . . . Между тѣмъ въ 256 номерѣ „Пчелы“ сказано о первомъ представленіи „Нормы“, гдѣ явилась прелестная и трикраты счастливая Ассандри, слѣдующее: „Мы не скажемъ объ этомъ представленіи ни словечка, по латинской пословицѣ: aut bene, aut nihil... Гораздо болѣе имѣли мы наслажденія въ звѣринцѣ г-на Зама“ и пр.

Изъ-за этой фразы надъ цензурой разразилась страшная гроза. Князь Волконскій [1]) требуетъ отвѣта для доклада: „на какомъ основаніи осмѣлились пропустить сію неприличную фразу и кто ея сочинитель?“ Мы до пяти часовъ пробыли въ цензурномъ комитетѣ, изготовляя отвѣтъ на сей мудрый запросъ. Отвѣтили, что цензура не находитъ въ этой статьѣ ничего ни для кого обиднаго, а „въ простомъ сближеніи двухъ разнородныхъ предметовъ—оперы и звѣринца—она видитъ только дурной

---

[1]) Министръ двора. *Ред.*

вкусъ автора статьи, противъ чего нѣтъ никакихъ цензурныхъ правилъ, а напротивъ цензурный уставъ требуетъ, чтобы цензора не вмѣшивались въ дѣла личнаго вкуса". Приведены параграфы устава.

Повѣритъ-ли потомство такой тяжбѣ?.. Цензора „Сѣверной Пчелы", Очкинъ и Корсаковъ, приготовляются уже къ гауптвахтѣ. Посмотримъ что̀ изъ этого выйдетъ.

Декабрь.—1. Публичный экзаменъ въ Аудиторской школѣ. Много было знати, между прочимъ: военный министръ, графъ Блудовъ, статсъ-секретарь Корфъ. Позже пріѣхалъ принцъ Ольденбургскій, Позенъ и т. д. Ученики отвѣчали хорошо. Генералъ Корфъ объявилъ мнѣ и прочимъ, что министръ очень доволенъ экзаменомъ, что онъ велѣлъ всѣхъ представить къ наградамъ. Анненковъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, но также сказалъ, что экзаменъ былъ хорошъ, что всѣ такого мнѣнія. Корфъ, Модестъ Андреевичъ, объявилъ, что онъ гораздо довольнѣе этимъ экзаменомъ, чѣмъ экзаменомъ въ школѣ правовѣдѣнія.

— 3. Вотъ неожиданная перемѣна вѣтра. Вчера еще экзаменъ въ Аудиторской школѣ заслуживалъ всеобщаго одобренія, сегодня ходитъ сплетня, что онъ былъ плохъ, что военный министръ недоволенъ и т. д. Я пишу длинное и серьезное объясненіе Анненкову, съ просьбою доложить министру и спросить у него окончательнаго рѣшенія: „угодно-ли, чтобы я остался въ школѣ?"

— 7. Отослалъ письмо къ Анненкову.

Булгаринъ подалъ доносъ на цензуру, на попечителя, князя Волконскаго, и на самого министра. Вотъ въ чемъ дѣло. Въ прошедшій вторникъ, въ засѣданіи цензурнаго комитета, положено озаботиться прекращеніемъ ругательствъ, которыми осыпаютъ другъ друга журналисты, особенно Булгаринъ и Краевскій. Въ самомъ дѣлѣ, это, такъ называемая, полемика часто доходитъ до отвратительнаго цинизма. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „Сѣверной Пчелы" Булгаринъ объявляетъ, что Краевскій унижаетъ Жуковскаго, несмотря на то, что Жуковскій авторъ нашего народнаго гимна: „Боже, царя храни". Что̀ это, какъ не полицейскій доносъ? Князь Волконскій велѣлъ рѣшеніе комитета сообщить Булгарину не оффиціально, а въ видѣ предостереженія, чтобы тотъ больше не трудился пи-

сать такихъ мерзостей, ибо цензура будетъ безжалостно вымарывать ихъ. Впрочемъ, это распоряженіе касается всѣхъ журналистовъ-ругателей. По этому-то поводу Булгаринъ написалъ князю Волконскому дерзкое и нелѣпое письмо. Онъ, между прочимъ, пишетъ, что: „существуетъ партія мартинистовъ, положившихъ себѣ цѣлью ниспровергнуть существующій порядокъ вещей, и что представителемъ этой партіи являются „Отечественныя Записки"; цензура явно имъ потворствуетъ". Къ этому присоединилъ нѣсколько и весьма неудачныхъ выписокъ изъ „Отечественныхъ Записокъ"—совершенно невинныхъ. Въ заключеніе, онъ говоритъ князю: „Но съ того времени, какъ вы предсѣдательствуете въ комитетѣ, пропускаются вещи посильнѣе и почище этихъ".

Далѣе онъ упрекаетъ министра въ томъ, что тотъ не видитъ, что̀ дѣлается у него подъ носомъ, давая понять, что онъ или простякъ, или покровитель либерализма; требуетъ слѣдственной комиссіи, передъ которой предстанетъ, какъ „доноситель", для обличенія партіи, колеблющей вѣру и престолъ; будетъ просить государя разобрать это дѣло, а если государь не вникнетъ въ это, или до него не дойдутъ его, Булгарина, извѣты, то онъ будетъ просить прусскаго короля довести до свѣдѣнія государя императора все, что угодно будетъ ему, Булгарину, сказать въ огражденіе его священной особы и его царства. Все это заключается многозначительною и сильною фразой: „Я не позволю, чтобы на меня, какъ на собаку, надѣвала цензура намордникъ".

Такъ какъ это письмо заключаетъ въ себѣ формальный доносъ о важномъ государственномъ дѣлѣ—царево слово и дѣло—то князь Волконскій препроводилъ его къ министру, а министръ, при своемъ отношеніи, оффиціально препроводилъ къ Бенкендорфу. Ожидаемъ послѣдствій.

— 10. Отъ Анненкова нѣтъ никакого отвѣта. Кажется, придется разстаться съ военнымъ министромъ, какъ я разстался съ женскими заведеніями. Жаль только потеряннаго времени.

— 10. Видѣлся съ Юзефовичемъ, однимъ изъ первыхъ друзей моей юности, съ которымъ давно не встрѣчался. Оба мы очень обрадовались этому свиданью. Онъ теперь помощникъ попечителя кіевскаго учебнаго округа и пріѣхалъ сюда на время.

— 12. Былъ у Анненкова. Военный министръ согласился на

напечатаніе моей статьи объ экзаменѣ Аудиторской школы въ „Русскомъ Инвалидѣ". Это хорошій знакъ, потому что статья намекаетъ на необходимость поднять это заведеніе. О моемъ письмѣ Анненкóвъ—ни слова. Но это все равно: оно подѣйствовало, а мнѣ только того и надо было.

— 13. Отъ экзаменовъ отбою нѣтъ. Кромѣ аудиторскихъ, Корфъ просилъ меня заняться еще и экзаменами кантонистовъ въ баталіонѣ.

— 16. Князь Григорій Петровичъ Волконскій вчера въ цензурномъ комитетѣ говорилъ слѣдующее по поводу дѣла Булгарина. Министръ сдѣлалъ представленіе государю о необходимости дополнить и измѣнить цензурный уставъ. Въ немъ будто дано мало средствъ для обуздыванія литераторовъ, особенно журналистовъ. Онъ ссылался на попечителя, который будто бы требуетъ его помощи, а министръ самъ имѣетъ мало возможности дѣлать что нибудь рѣшительное. Очевидно, Уваровъ хотѣлъ расширить свою власть. Говорятъ, онъ просилъ, чтобы ему было предоставлено право немедленно прекращать журналы, какъ скоро въ нихъ найдется что-нибудь бранное.

Государь отвѣчалъ, что цензурный уставъ достаточенъ и что, слѣдовательно, нѣтъ никакой надобности дополнять его, а еще менѣе измѣнять. „У цензоровъ довольно власти", сказалъ онъ:—„у нихъ есть карандаши: это ихъ скипетры". За испрашиваніе же помощи велѣлъ сдѣлать строгій выговоръ князю Волконскому, потому что эту помощь онъ долженъ бы найти въ своихъ правахъ.

Тутъ что-то много темнаго. Кажется, князь заранѣе условился съ государемъ дать дѣлу такой оборотъ . . . .
Хорошаго въ этомъ—то, что цензурный уставъ остается неприкосновеннымъ. Въ противномъ случаѣ, Богъ знаетъ, къ какимъ еще стѣсненіямъ могъ бы повести пересмотръ его въ настоящее время.

Въ заключеніе, что выигралъ, или проигралъ Булгаринъ своимъ доносомъ—неизвѣстно. Князь сказалъ, что тутъ есть подробности, которыхъ онъ не можетъ объявить.

Я просилъ, чтобы „Отечественныя Записки" были поручены другому цензору, вмѣсто меня, ибо Булгаринъ подозрѣваетъ, что я и Куторга, мы особенно покровительствуемъ ихъ либерализму,

или, какъ онъ выражается, ихъ мартинистскому духу. Князь отвѣчалъ, что теперь-то именно и надлежитъ журналу остаться въ прежнихъ рукахъ. Итакъ, на слѣдующій годъ у меня опять повисъ на шеѣ этотъ толстѣйшій журналъ. Къ нему присоединилась еще „Библіотека для Чтенія".

— 20. Выбрали въ ректоры опять Плетнева. Онъ получилъ девятнадцать одобрительныхъ шаровъ, противъ четырехъ отрицательныхъ.

Былъ у князя для объясненій по цензурнымъ дѣламъ. Какой хаосъ и безтолковщина. Кажется, хотятъ гасить послѣднія искры мысли. У меня въ карманѣ, неотлучно при мнѣ, просьба объ отставкѣ.

— 21. Неожиданная, нелѣпая мѣра министра народнаго просвѣщенія. Въ цензурномъ комитетѣ получена отъ него бумага, въ которой онъ объявляетъ, что „дѣйствительно нашелъ въ журналахъ статьи, гдѣ, подъ видомъ философскихъ и литературныхъ изслѣдованій, распространяются вредныя идеи", и потому онъ предписываетъ цензорамъ „быть, какъ можно, строже". Повторяется также приказаніе бдительнѣе смотрѣть за переводами французскихъ повѣстей и романовъ.

Я былъ у князя по этому поводу. Онъ очень сердитъ на министра за всѣ эти распоряженія. Министръ Уваровъ сказалъ ему, что „хочетъ, чтобы, наконецъ, русская литература прекратилась. Тогда, по крайней мѣрѣ, будетъ что нибудь опредѣленное, а главное", говорилъ онъ, „я буду спать спокойно".

Министръ объявилъ также, что онъ будетъ карать цензоровъ безпощадно. Пріятная перспектива!

Самое интересное въ этихъ новыхъ распоряженіяхъ министра то, что они какъ бы совершенно оправдываютъ доносъ Булгарина на него самого, на князя Волконскаго и на всѣхъ насъ.

Говорятъ, что государь, прочитавъ письмо Булгарина, отдалъ его Бенкендорфу со словами: „Сдѣлай такъ, чтобы я, какъ будто, объ этомъ ничего не зналъ и не знаю".

1844 годъ.

Январь.—2. Вчерашній вечеръ провелъ на балу въ Смольномъ монастырѣ. Дѣвицы окружили меня тѣсной толпой, отказывались отъ танцевъ, выражали свое горе и упрекали за то, что я ихъ покидаю. Но ихъ простодушныя изъявленія расположенія ко мнѣ не понравились начальству. Въ разныхъ мѣстахъ залы были разсажены классныя дамы, съ порученіемъ слѣдить за моими и ихъ взглядами, улыбками, движеніями. Чего онѣ боялись?

Возвратясь домой, я нашелъ отношеніе барона Корфа, которымъ онъ извѣщалъ меня, что государь императоръ, за службу мою въ Аудиторской школѣ, пожаловалъ мнѣ орденъ Станислава 2-й степени. Это можетъ быть и очень лестно, но насколько лестнѣе было бы для меня, еслибъ въ заключеніе восторжествовала моя идея. Я хочу, чтобы Аудиторская школа сдѣлалась разсадникомъ новыхъ началъ судопроизводства въ арміи,—я хочу истины и правосудія.

— 10. Вотъ люди! Надняхъ пріѣзжали ко мнѣ учителя Аудиторской школы благодарить за награды: при чемъ же я-то тутъ? А одновременно съ этимъ я думаю, что надзирающій за порядкомъ въ классахъ, маіоръ Рейсихъ, составилъ изъ учителей комитетъ ругателей, которые преусердно обливаютъ меня грязной водой. Въ добрый часъ, ругайтесь, сколько угодно, но, предупреждаю, не касайтесь моего дѣла по Аудиторской школѣ!

— 12. Кіевскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ прислалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ жалобу на цензуру, или, вѣрнѣе, на „Библіотеку для Чтенія“, за статьи, помѣщенныя тамъ въ прошломъ году объ исторіи Малороссіи Маркевича. „Библіотека для Чтенія“ обвиняется въ явномъ пристрастіи къ Польшѣ, въ неблагопріятныхъ отзывахъ о Россіи и Малороссіи, въ оскорбленіи малороссійской національности словами: „что народъ ея составился изъ бѣглыхъ польскихъ холопей“,—въ ругательномъ тонѣ вообще и, наконецъ, въ самомъ пагубномъ антинаціональномъ направленіи. Эту жалобу Перовскій препроводилъ къ нашему министру, а тотъ сдѣлалъ легкій выговоръ цензорамъ Корсакову и Фрейгангу.

— 14. Мы читали въ цензурномъ комитетѣ объясненіе цензоровъ Корсакова и Фрейганга на жалобу Бибикова. Оно написано довольно дѣльно. Я предложилъ легкія измѣненія, которыя и были приняты. Цензора опираются на то, что „Библіотека для Чтенія“ изъявила только свое ученое мнѣніе относительно малороссійскаго народа—мнѣніе, въ которомъ всякій воленъ. Что же касается общаго направленія журнала, будто бы мирволящаго польскимъ идеямъ—это совершенно несправедливо: въ немъ, напротивъ, можно указать много мѣстъ, гдѣ Польша сильно порицается. Но главную свою защиту цензора построили на слѣдующей основной мысли „Библіотеки для Чтенія“: „Малороссія никогда не составляла отдѣльнаго политическаго общества, дѣлала много глупостей и зла сосѣдямъ и все это кончилось лишь съ тѣхъ поръ, какъ она соединилась съ Россіей“.

Былъ у графа Клейнмихеля, который приглашаетъ меня занять каѳедру словесности въ корпусѣ путей сообщенія.

— 20. Жалоба Бибикова, наконецъ, дошла до государя. Онъ прекрасно рѣшилъ это дѣло:

— Если въ статьяхъ „Библіотеки для Чтенія“ заключается ложь, то ее и должно опровергнуть литературнымъ образомъ, только безъ брани.

Февраль.—5. Вчера въ университетѣ происходилъ выборъ въ ординарные профессора на вакансію, которая открылась съ увольненіемъ Шульгина. Кандидатовъ было нѣсколько, въ томъ числѣ и я. На мою долю выпало всего шесть бѣлыхъ шаровъ—очень мало. Всѣ прочіе были мнѣ предпочтены. Профессоръ Фишеръ мнѣ сказалъ:

— Вамъ оказали вопіющую несправедливость — но такъ должно быть. Кто имѣетъ несчастную репутацію человѣка съ дарованіями, тому посредственность никогда не отдастъ должнаго.

Я на это отвѣчалъ:

— Товарищи мои вправѣ выказать мнѣ свое недоброжелательство, а я имѣю право немедленно забыть это.

Развѣ я когда нибудь полагалъ иначе, что могу и долженъ опираться не на одинъ только свой трудъ? Итакъ, работать, работать.

— 8. Празднованіе въ университетѣ двадцатипятилѣтія его

существованія. Митрополитъ служилъ обѣдню и молебенъ. Въ залѣ невыносимый холодъ. Ректоръ три часа и восемнадцать минутъ читалъ исторію университета. Тоска и холодъ всѣхъ одолѣли. Никогда еще, кажется, университетскій актъ не былъ неудачнѣе. О дѣятельности университета за истекшіе двадцать пять лѣтъ не сказано ничего существеннаго, а можетъ быть и не могло быть сказано.

— 10. Экзаменъ Екатерининскимъ институткамъ въ Аничковскомъ дворцѣ. Это мой послѣдній экзаменъ. Былъ весь дворъ, кромѣ Маріи Николаевны и Александры Николаевны. Государь два раза входилъ въ залу, разъ—въ половинѣ экзамена, другой—въ концѣ. Въ моемъ предметѣ, какъ всегда водится, однѣ отвѣчали плохо, другія хорошо и немногія превосходно. Чуть ли не главное состояло въ произнесеніи стиховъ. Государь читалъ нѣкоторыя изъ сочиненій, писанныхъ тутъ же на доскахъ. Всѣ остались довольны. Послѣ завтрака государыня встрѣтилась со мной у двери, гдѣ я, по близорукости и вслѣдствіе недавней потери очковъ, не узналъ ея сначала. Она очень ласково сказала:

— Вы Никитенко, не правда ли? Очень вамъ благодарна: экзаменъ былъ очень хорошъ.

Я поклонился—и дѣло кончено. Присутствовавшіе, замѣтивъ благосклонную улыбку на лицѣ государыни, когда она мнѣ говорила эти слова, поспѣшили ко мнѣ, кто съ рукопожатіемъ, кто съ комплиментами.

Мартъ.—2. Государь посѣтилъ Римско-Католическую академію и былъ чрезвычайно ласковъ и всѣми доволенъ. Ректору онъ оказалъ лестное вниманіе, а воспитанникамъ сказалъ, что желаетъ, „чтобы они были вѣрными католиками и въ то же время вѣрными подданными Россіи. Исповѣдуя безпрепятственно свою вѣру, они должны помнить, что власть церковная не должна мѣшаться въ дѣла политическія“. Въ заключеніе императоръ поблагодарилъ академію за порядокъ и за все, что онъ въ ней нашелъ. Уѣзжая, онъ прибавилъ, что будетъ чаще посѣщать академію, когда она переселится на Васильевскій островъ. Вообще, нынѣшнюю зиму, послѣ несчастной исторіи съ кадетами корпуса путей сообщенія и главная отвѣтственность за которую падаетъ на Клейнмихеля, все идетъ какъ-то мягче и гуманнѣе. Будемъ надѣяться!

— 4. Былъ у графа Клейнмихеля. Принятъ въ высшей степени ласково. Онъ позвалъ меня въ кабинетъ и просилъ заняться приведеніемъ въ порядокъ преподаванія въ корпусѣ путей сообщенія русскаго языка, который тамъ въ большомъ упадкѣ.

— Вообще, прибавилъ онъ,—это заведеніе было вертепомъ разврата, разбоя и либерализма: я уничтожу этотъ духъ!

— 12. Князь Волконскій заключилъ миръ съ Уваровымъ при посредничествѣ князя Дондукова. Итакъ, онъ остается у насъ попечителемъ, чему всѣ рады, особенно я.

— 19. Вышелъ или выйдетъ надняхъ указъ объ увеличеніи пошлинъ съ отъѣзжающихъ за границу. Всякій платитъ сто рублей серебромъ за шесть мѣсяцевъ пребыванія за границею. Лицамъ моложе двадцати пяти лѣтъ совсѣмъ воспрещено ѣздить туда. А если болѣзнь требуетъ поѣздки въ Карлсбадъ, Маріенбадъ или на другія воды? Въ такомъ случаѣ милостиво позволяется больному умирать у себя дома. Сверхъ того, отнынѣ мѣстные генералъ-губернаторы не могутъ болѣе выдавать паспортовъ на выѣздъ за границу. Однимъ словомъ, приняты всѣ мѣры, чтобы сдѣлать Россію Китаемъ. Говорятъ, поводомъ къ этому послужили послѣднія пренія въ англійскомъ парламентѣ, гдѣ сильно досталось нашему правительству. Въ обществѣ сильный ропотъ. И дѣйствительно, мѣра эта крайне неловкая, не говоря уже о ея насильственности. Вслѣдстсіе положеннаго на нее запрета, Европа становится какою-то обѣтованною землей. Но вѣдь нельзя же, чтобы идеи изъ нея не проникли къ намъ? Да и гдѣ необходимость этого насилія, не позволяющаго мнѣ дышать тѣмъ воздухомъ, какимъ я хочу? Вездѣ насилія и насилія, стѣсненія и ограниченія — нигдѣ простора бѣдному русскому духу. Когда же и гдѣ этому конецъ?

— 28. У нашего министра. Онъ получилъ брильянтовые знаки Александра Невскаго и очень благосклонный рескриптъ. Очевидно, онъ опять укрѣпился на своемъ посту.

Апрѣль.—6. Хотѣть управлять народомъ посредствомъ одной бюрократіи, безъ содѣйствія самого народа, значитъ въ одно и то же время угнетать народъ, развращать его и подавать поводъ бюрократамъ къ безчисленнымъ злоупотребленіямъ. Есть части правленія, которыя непремѣнно должны находиться подъ вліяніемъ народа или общества. Напримѣръ, часть судебная. И

это можетъ быть достигнуто безъ нарушенія (чьихъ либо) правъ. Надо только, чтобы (власть) имѣла меньше эгоизма.

— 23. Былъ вечеромъ у Маркуса, лейбъ-медика императрицы. Онъ пользуется отличной репутаціей, какъ врачъ и какъ человѣкъ—и не даромъ. Это одинъ изъ рѣдкихъ людей по образованію, по гуманности, прямодушію и прекрасному сердцу. Умъ у него ясный и обогащенный разнообразными свѣдѣніями. Ему доступны всѣ умственные, нравственные и эстетическіе интересы. Всякій прогрессъ человѣчества его радуетъ. Спеціальность, и при томъ блистательно выполняемая, не поглотила въ немъ ни человѣка общественнаго, ни даже высшихъ поэтическихъ и религіозныхъ вѣрованій. Въ его характерѣ счастливое равновѣсіе силъ и сочетаніе элементовъ самыхъ разнообразныхъ и богатыхъ. Отъ этого мысль его ясна и чиста—безъ пятенъ, какія налагаетъ на человѣческую мысль духъ партій, школъ и пр. Медикъ, онъ вѣруетъ въ Бога, какъ христіанинъ, очищенною вѣрою; вѣруетъ въ безсмертіе души, какъ философъ, знающій, что человѣчество выше философіи, а Богъ выше человѣчества; вѣруетъ въ добродѣтель, какъ человѣкъ добродѣтельный. Бесѣда его пріятна и поучительна. Онъ много видѣлъ, много испыталъ. У него богатый запасъ разнородныхъ свѣдѣній, потому всякій можетъ найти съ нимъ предметъ для разговора. Онъ при дворѣ, но онъ не царедворецъ. Любовь къ общему благу внушаетъ ему разные проекты улучшеній въ области его спеціальности. Близость къ государю, казалось бы, должна была облегчить ему осуществленіе ихъ. На дѣлѣ не такъ: ему на каждомъ шагу воздвигаютъ препятствія; самыя очевидныя нужды не уважаются. Онъ не уступаетъ, бьется, но дѣло медленно подвигается. Такова, впрочемъ, у насъ судьба всѣхъ общественныхъ идей и благихъ предначертаній. Предложите любую мѣру именемъ закона, именемъ пользы гражданъ—васъ осмѣютъ, какъ фантазера, какъ выскочку-идеалога, если только вамъ не явятся тутъ на помощь чьи-нибудь личные интересы. Это мечта думать, что, приближаясь къ источнику власти, можно открыть себѣ путь къ полезной дѣятельности. Самая власть эта до того опутана сѣтями противоположныхъ вліяній, что рѣшительно не въ состояніи ничего дѣлать. Она можетъ гнѣваться, грозить, а дѣла всетаки пойдутъ своимъ порядкомъ. А порядокъ этотъ странный, удивительный, но прочно

укоренившійся у насъ. Онъ состоитъ изъ злоупотребленій, безпорядковъ, всяческихъ нарушеній закона, наконецъ, сплотившихся въ систему, которая достигла такой прочности и своего рода правильности, что можетъ держаться такъ, какъ въ другихъ мѣстахъ держатся порядокъ, законъ и правда. Говорите послѣ того о разсудкѣ, о справедливости дѣлъ человѣческихъ! Нѣтъ такого зла, котораго люди не могли бы снести: все дѣло только въ томъ, чтобы привыкнуть къ нему.

Май.—4. Получилъ отъ государыни брильянтовый перстень за службу въ Екатерининскомъ институтѣ, но, какъ оказывается, не безъ хлопотъ. Я прослужилъ въ этомъ заведеніи тринадцать лѣтъ, всегда пользовался расположеніемъ моихъ учениц, но не успѣлъ заслужить расположенія высшаго начальства, въ лицѣ принца Ольденбургскаго. Когда я подалъ въ отставку, онъ положилъ отпустить меня, не сказавъ мнѣ даже простаго спасибо. Но Ободовскій, инспекторъ классовъ, и начальница, Екатерина Владиміровна Родзянко, иначе взглянули на дѣло. Послѣдняя, помимо принца, лично сдѣлала обо мнѣ представленіе императрицѣ. Государыня поручила ей въ лестныхъ выраженіяхъ передать мнѣ ея благодарность и вручить брильянтовый перстень. При моемъ безденежьи и это очень кстати. Я отдалъ перстень въ кабинетъ и получилъ взамѣнъ, за обыкновенными вычетами, 800 рублей.

— 9. Высочайшее повелѣніе по цензурѣ, чтобы не позволять печатать въ журналахъ извѣстій о выѣздѣ государя изъ столицы.

Въ воскресенье ѣздилъ въ Кронштадтъ навѣстить брата моей жены, который состоитъ на морской службѣ. Оснащивая корабль, онъ недавно упалъ въ море, сильно ушибся и чуть не утонулъ. Между прочимъ ѣздилъ въ гавань осматривать пароходъ „Камчатку“. Онъ выстроенъ въ Америкѣ, стóитъ три милліона съ половиною, но зато и представляетъ чудо искусства. Судно кажется вылитымъ изъ одного куска желѣза или дерева. Это не постройка, а живое существо, съ мускулами, костями, жилами, легкими, желудкомъ—тѣло, и притомъ стройное и прекрасное тѣло.

— 29. Сегодня экзаменовалъ воспитанниковъ института путей сообщенія. Они очень плохи въ русскомъ языкѣ, особенно въ низшихъ классахъ, гдѣ, однако, сидятъ молодцы лѣтъ шестнад-

цати-семнадцати, которые не умѣютъ написать фразы безъ грубыхъ грамматическихъ ошибокъ. Все это мнѣ предстоитъ исправить, то есть, дать новую методу, которой слѣдовали бы учителя.

Іюнь.—22. Недавно въ цензурѣ случилось громкое происшествіе. Кто-то, подъ вымышленнымъ именемъ, написалъ книгу, подъ заглавіемъ: „Продѣлки на Кавказѣ". Въ ней довольно рѣзко описаны безпорядки въ управленіи на Кавказѣ и разныя административныя мерзости. Книгу пропустилъ московскій цензоръ Крыловъ. Военный министръ прочелъ книгу и ужаснулся. Онъ указалъ на нее Дуббельту и сказалъ:

— Книга эта тѣмъ вреднѣе, что въ ней—что строчка, то правда.

25-го мая ее отобрали у здѣшнихъ книгопродавцевъ, но въ Москвѣ она уже успѣла разойтись въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Я ничего не зналъ ни объ этой мѣрѣ, ни о самой книгѣ. Между тѣмъ, мнѣ прислали на разсмотрѣніе разборъ ея для іюньской книжки „Отечественныхъ Записокъ". Въ разборѣ помѣщено и нѣсколько выдержекъ изъ нея. Выдержки показались мнѣ „подозрительными и неблагонадежными", говоря цензурнымъ языкомъ. Но дѣлать было нечего: надо было пропустить то, что уже разъ было пропущено цензурою.

2-го іюня Владиславлевъ велѣлъ мнѣ передать, что статья въ „Отечественныхъ Запискахъ" производитъ шумъ и, чего добраго, надѣлаетъ бѣды. Я поспѣшилъ къ нему и тутъ только узналъ, что „Продѣлки на Кавказѣ" запрещены, и что, слѣдовательно, о нихъ ничего нельзя говорить, а еще меньше можно перепечатывать изъ нея отрывки... Но дѣло уже было сдѣлано. Однако, я сказалъ Краевскому, чтобы онъ уничтожилъ статью въ еще не разосланныхъ экземплярахъ.

Неужели опять придется расплачиваться за чужія ошибки? А почему бы и нѣтъ? Наша юстиція, какъ извѣстно, зависитъ отъ расположенія духа.... Я былъ у министра, объяснялся съ Комовскимъ. Министръ не находитъ за мной вины.

Все это случилось въ отсутствіе государя. Но вотъ онъ пріѣхалъ. Пока еще ничего нѣтъ. Можетъ быть, заботы по случаю болѣзни Александры Николаевны, заставятъ забыть эту исторію.

Сегодня же состоялось освященіе зданія Римско-Католической академіи. Былъ министръ Перовскій и высшее католическое ду-

ховенство. Обѣдню служилъ епископъ. Церемонія закончилась гастрономическимъ обѣдомъ, при звукахъ кавалергардской музыки. Я все время не разставался съ Надеждинымъ, умная и живая бесѣда котораго меня очень занимала.

— 30. Московскій цензоръ Крыловъ вызванъ сюда для объясненій. Онъ, по всему видно, вмѣстѣ съ московскимъ цензурнымъ комитетомъ, далъ промаха. Впрочемъ, его отпустили обратно въ Москву. Еще неизвѣстно, чѣмъ это кончится.

Сентябрь.—20. Они изо всѣхъ силъ хлопочутъ о церкви, а о религіи не думаютъ, ибо у нихъ нѣтъ ея въ сердцѣ. Они не любятъ искренно ни Бога, ни людей. Они любятъ только свою славу, свою школу. Быть первыми въ движеніи общества во что бы то ни стало—вотъ ихъ лозунгъ, который прячется за народностью, за патріотизмомъ и т. д. То идея, а то сила. Идеи даются намъ вѣками и положеніемъ нашимъ въ обществѣ, а сила отъ Бога. Она принадлежитъ избраннымъ. Бѣда въ томъ, что многіе считаютъ идею за силу и воображаютъ, что они могутъ дѣйствовать, когда они только могутъ думать.

Мы видѣли во времена Магницкаго, куда ведетъ церковь безъ раціонализма, вѣра не по разуму.

Октябрь.—1. .... Поутру былъ у нашего министра. Кажется, на него порядочно подѣйствовалъ пріемъ лести, поднесенный ему москвичами: онъ недавно изъ Москвы. Слабые нервы его живаго, но не твердаго ума не выносятъ этого рода щекотанія. Онъ ужасно вооруженъ противъ „Отечественныхъ Записокъ", говоритъ, что у нихъ дурное направленіе—соціализмъ, коммунизмъ и т. д. Очевидно, это навѣяно москвичами-патріотами, которымъ, во что бы то ни стало, хочется быть вождями времени. Министръ желаетъ не щадить „Отечественныхъ Записокъ". Между тѣмъ, давно-ли онъ, и словомъ и дѣломъ, осуждалъ доносъ Булгарина, составленный совершенно въ томъ же духѣ?

— 22. Объяснялся съ княземъ Волконскимъ, по поводу доноса духовенства или, вѣрнѣе, ректора здѣшней духовной академіи, епископа Аѳанасія, на цензуру, за пропускъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" статей о реформаціи, извлеченныхъ изъ сочиненія Ранке. Я узналъ, что дѣло объ этомъ уже пошло въ синодъ Аѳанасій слыветъ за фанатика, поборника того православія, которое держится не смысла, а буквы религіи и которое больше

уважаетъ преданіе, чѣмъ Евангеліе. Я говорилъ съ клевретомъ его, нашимъ университетскимъ законоучителемъ Райковскимъ, и спрашивалъ его, что находитъ онъ предосудительнаго въ статьяхъ о реформаціи? Въ отвѣтъ не получилъ ни слова путнаго, а въ заключеніе услышалъ слѣдующее:

— Въ нашемъ собственномъ духовенствѣ много лицъ, напитанныхъ протестантскими идеями, поэтому надо преслѣдовать реформацію.

— Но вѣдь это фактъ, возразилъ я:—развѣ можно выкинуть его изъ исторіи? Да и что въ немъ общаго съ нашею церковью? Реформація была слѣдствіемъ злоупотребленій духовной власти на Западѣ: развѣ у насъ было или можетъ быть что нибудь подобное? А если наши попы склонны къ протестантизму, какое дѣло до этого свѣтской цензурѣ? Въ этомъ виноваты духовныя власти: зачѣмъ онѣ допускаютъ до этого . . . . .

Князь хотѣлъ объясниться по этому поводу съ Войцеховичемъ и просилъ меня переговорить съ княземъ Одоевскимъ, который очень друженъ съ Войцеховичемъ. Но я предпочелъ бы, чтобы у меня потребовали оффиціально объясненія: можно было бы проучить этого монаха Аѳанасія, который не впервые уже обнаруживаетъ поползновеніе мѣшаться не въ свои дѣла. Бѣда, если монахамъ дать волю: опять настанутъ времена Магницкаго. Нынѣ и то ужъ слишкомъ много толкуютъ о православіи, бранятъ Петра, хотятъ воскресить блаженныя времена до-Петровской Руси и т. д.

Обѣдалъ у Мартынова, Саввы Михайловича. Онъ друженъ съ И. А. Крыловымъ и, между прочимъ, разсказалъ мнѣ о немъ слѣдующее. Крылову нынѣшнимъ лѣтомъ вздумалось купить себѣ домъ, гдѣ-то у Тучкова моста, на Петербургской сторонѣ. Но, осмотрѣвъ его хорошенько, онъ увидѣлъ, что домъ плохъ и потребуетъ большихъ передѣлокъ, а слѣдовательно и непосильныхъ затратъ. Крыловъ оставилъ свое намѣреніе. Нѣсколько дней спустя, къ нему является богатый купецъ (имени не знаю) и говоритъ:

— Я слышалъ, батюшка Иванъ Андреичъ, что вы хотите купить такой-то домъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Крыловъ,—я уже раздумалъ.

— Отчего же?

— Гдѣ мнѣ возиться съ нимъ? Требуется много поправокъ, да и денегъ не хватаетъ.

— А домъ-то чрезвычайно выгоденъ. Позвольте мнѣ, батюшка, устроить вамъ это дѣло. Въ издержкахъ сочтемся.

— Да съ какой же радости вы станете это дѣлать для меня? Я васъ совсѣмъ не знаю.

— Что вы меня не знаете это не диво. А удивительно было бы, еслибъ кто изъ русскихъ не зналъ Крылова. Позвольте-же одному изъ нихъ оказать вамъ небольшую услугу.

Крыловъ долженъ былъ согласиться, и вотъ домъ отстраивается. Купецъ усердно всѣмъ распоряжается, доставляетъ превосходный матеріалъ. Работы, подъ его надзоромъ, идутъ успѣшно, а цѣны за все онъ показываетъ половинныя—однимъ словомъ, Иванъ Андреевичъ будетъ имѣть домъ, отлично отстроенный, безъ малѣйшихъ хлопотъ, за ничтожную, въ сравненіи съ выгодами, сумму.

Такая черта уваженія къ таланту въ простомъ русскомъ человѣкѣ меня пріятно поразила. Вотъ что значитъ **народный писатель**! Впрочемъ, это не единственный случай съ Крыловымъ. Однажды къ нему же явились два купца изъ Казани. „Мы, батюшка Иванъ Андреичъ, торгуемъ чаемъ. Мы, наравнѣ со всѣми казанцами, васъ любимъ и уважаемъ. Позвольте же намъ ежегодно снабжать васъ лучшимъ чаемъ“.

И дѣйствительно, Крыловъ каждый годъ получаетъ отъ нихъ превосходнаго чая такое количество, что его вполнѣ достаточно для наполненія пространнаго брюха геніальнаго баснописца.

Прекрасно! Дай Богъ, чтобы подвиги ума цѣнились у насъ не литературной кликой, а самимъ народомъ.

1845 годъ.

Январь.—6. Утопаю въ дѣлахъ. На меня возложено еще новое дѣло: составленіе проекта измѣненій и дополненій къ цензурному уставу. Теперь очень что-то заторопились съ этимъ.

— 31. Позенъ уволенъ отъ должности. Безконечные толки. Дѣло между тѣмъ очень просто объясняется пословицею: „два медвѣдя въ одной берлогѣ не могутъ житъ“. Позенъ настолько

уменъ и сознателенъ, что не могъ занимать важное мѣсто безъ вліянія, а графъ Воронцовъ не могъ допустить, чтобы между нимъ и государемъ состоялъ посредникомъ умный человѣкъ.

Февраль.—8. Актъ въ университетѣ, кончившійся и печально, и смѣшно. Куторга, Степанъ, читалъ за Устрялова рѣчь послѣдняго: „О Петрѣ Великомъ, какъ историкѣ". Самъ авторъ не могъ читать, по болѣзни. Профессоръ дочиталъ до того мѣста, гдѣ Петръ говоритъ о Прутскомъ походѣ. При словахъ: „мы были окружены со всѣхъ сторонъ, намъ надо было или умереть, или пробиться—одинъ Богъ"...—вдругъ въ лѣвомъ углу залы, у колоннъ раздался шумъ, и нѣсколько студентовъ опрометью бросилось къ дверямъ. Въ одно мгновеніе вся зала поднялась, полетѣли стулья и публика, безпорядочной толпой, тоже ринулась къ выходу. Суматоха, давка, всеобщее смятеніе. Толпа у дверей сама себѣ затруднила выходъ. Нѣсколько человѣкъ бросились къ окнамъ, разбили стекла и собирались выпрыгнуть на улицу. Кто-то поранилъ себѣ руки. Никто не зналъ причины смятенія, но каждый находился подъ вліяніемъ паническаго страха. „Что это значитъ? думалъ я:—„не пожаръ-ли?" Нѣтъ: нигдѣ ни дыма, ни огня. Между тѣмъ толпа все больше и больше напирала къ дверямъ, непроизвольно увлекая и сталкивая отдѣльныя личности. Меня столкнули съ адмиралами Рикордомъ и Крузенштерномъ. Послѣдняго сильно помяли.—„Да въ чемъ дѣло? Что случилось?" спрашивалъ онъ у меня, а я у него. Министръ, попечитель, архіерей Аѳанасій, ректоръ и большинство профессоровъ находились позади и меньше всѣхъ растерялись: по крайней мѣрѣ они не метались, не толкались, и даже дѣлали попытки образумить ошалѣвшее юношество и публику. Наконецъ, нѣсколькимъ голосамъ удалось покрыть наполнявшій залу шумъ.—Господа, остановитесь, ничего, ничего!"

И дѣйствительно, оказалось—ничего. Нѣсколько студентовъ, расположившихся у колоннъ, услышали какой-то трескъ, вообразили себѣ, что колонны, потолокъ, хоры, все на нихъ рушится, вскочили и ринулись къ выходу. Публика, увлеченная ихъ примѣромъ и чувствомъ самосохраненія, ничего не понимая, бросилась за ними. По приказанію министра, позвали архитектора. На колоннахъ, въ самомъ дѣлѣ, оказались трещины, но только по штукатуркѣ. Онѣ недавао были заново отштукатурены по

верхамъ. Отъ усиленной топки для осушки штукатурки, она треснула въ моментъ торжества и произвела суматоху. Вотъ все, что могли найти послѣ тщательнаго освидѣтельствованія—по крайней мѣрѣ въ первую минуту.

Когда всѣ не много опомнились, зала представляла небывалое зрѣлище: опрокинутые стулья, побитыя стекла въ окнахъ, на полу платки, перчатки, на лицахъ слѣды только что испытаннаго страха. Куда дѣвалась напускная важность сановниковъ.... Министръ закончилъ актъ раздачею студентамъ медалей, но уже въ другой залѣ. Затѣмъ всѣ, посмѣявшись сами надъ собой за свой испугъ, благополучно разъѣхались.

Мораль: сколько человѣкъ ни возвышайся умомъ, ни настраивай себя на высокій ладъ—достаточно легкаго шороха, мнимой опасности, чтобы умъ его опрокинулся вмѣстѣ со стульями и онъ сдѣлался добычею безсмысленнаго, животнаго страха. Поистинѣ—отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ.

— 24. Былъ у бывшаго нашего попечителя, князя Григорія Петровича Волконскаго. Говорю: бывшаго, потому что онъ надняхъ совершенно неожиданно переведенъ попечителемъ же въ Одессу. Онъ разсказалъ мнѣ всѣ подробности этого происшествія, очень для него непріятнаго. Князь уже два года, какъ просилъ министра дать ему помощника, въ которомъ онъ особенно сталъ нуждаться послѣднее время. У него хворала жена, и ему приходилось, ради нея, по нѣсколько мѣсяцевъ отлучаться изъ Петербурга на югъ. Но министръ, подъ разными предлогами, до сихъ поръ отказывалъ ему. Между тѣмъ, государь лично предоставилъ князю самому выбрать себѣ помощника, и лично же, помимо министра, сдѣлать о томъ ему, государю, представленіе. Значитъ, Волконскій могъ дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ совсѣмъ самостоятельно, но воздерживался только изъ деликатности. Но вотъ, болѣзнь княгини до того усилилась, что явилась уже неотложная потребность везти ее на югъ. Тогда Григорій Петровичъ сталъ подумывать о перемѣщеніи своемъ попечителемъ въ Одессу, полагая, что климатъ этого города будетъ достаточно хорошъ для его жены. Но онъ рѣшался на это только въ послѣдней крайности. Между тѣмъ князь Воронцовъ, который любитъ Григорія Петровича и давно желаетъ его перечисленія къ себѣ въ Одессу, намекнулъ о намѣреніи князя Волконскаго Ува-

рову. Тотъ сталъ еще больше затруднять назначенiе помощника попечителя и, наконецъ, вынудилъ у послѣдняго заявленiе о намѣренiи его, въ крайнемъ случаѣ, переселиться въ Одессу. Этимъ заявленiемъ онъ недобросовѣстно поспѣшилъ воспользоваться, сдѣлалъ докладъ государю, и назначенiе князя Волконскаго попечителемъ въ Одессу было рѣшено и подписано. Слѣдствiемъ этого было сильное неудовольствiе отца князя Волконскаго, который разсердился на сына за то, что тотъ не посовѣтовался предварительно съ нимъ о своемъ перемѣщенiи. Это съ одной стороны, а съ другой доктора объявили, что климатъ Одессы вовсе не годится для княгини и ее надо везти за границу, въ Германiю. Григорiя Петровича такимъ образомъ обошли: онъ въ большомъ затрудненiи теперь и негодуетъ на министра, который съигралъ съ нимъ грубую шутку.

Мы много теряемъ. Князь не былъ усерднымъ администраторомъ, но онъ человѣкъ вполнѣ благородный, просвѣщенный, съ европейскимъ образомъ мыслей, а положенiе его при Дворѣ таково, что онъ не замѣнимъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ по университету и по цензурѣ. Сколько разъ отвращалъ онъ отъ нихъ бѣду своимъ влiянiемъ! Вотъ хоть бы послѣднее происшествiе о тайныхъ сходкахъ студентовъ, которое, единственно благодаря ему, окончилось безъ шума. Теперь мы со страхомъ ожидаемъ новаго попечителя. Въ послѣднемъ засѣданiи цензурнаго комитета, Плетневъ, заступившiй на время мѣсто председателя, уже поднялъ вопросъ объ усиленiи строгости и бдительности цензуры, такъ какъ она лишилась своего покровителя и защитника. Между тѣмъ эта несчастная цензура и при князѣ Волконскомъ уже висѣла на волоскѣ. Онъ самъ мнѣ сегодня сказалъ, что намѣревался сильно хлопотать о выдѣленiи ея изъ круга обязанностей своихъ, какъ попечителя. Вообще князь занимался ею очень неохотно и подчасъ выказывалъ презрѣнiе даже ко всему тому, что называется русскою литературою. Можетъ быть, онъ и правъ въ настоящiй перiодъ ея развитiя или, вѣрнѣе, застоя.

— 26. Въ цензурномъ комитетѣ получено высочайшее повелѣнiе не дозволять печатать никакихъ статей о постройкахъ по вѣдомству путей сообщенiя, безъ предварительнаго сношенiя съ его главнымъ начальствомъ. У насъ всякiй отдѣльный началь-

никъ избѣгаетъ гласности и старается окружить непроницаемымъ мракомъ всѣ свои дѣйствія. Такъ, конечно, лучше: во мракѣ все позволительно. Чудная эта вещь русская администрація!

Книгопродавецъ Лисенко подалъ на Булгарина жалобу, что сей „сочинитель", какъ онъ его называетъ, сплутовалъ: продалъ ему изданіе своихъ сочиненій и въ то-же время продалъ и другимъ. Дѣло производится въ гражданской палатѣ

Мартъ.—8. Плетневъ предсѣдательствуетъ въ цензурномъ комитетѣ. Первое употребленіе, какое онъ сдѣлалъ изъ своей власти въ пользу литературы—это притѣсненіе журналовъ, ему непріязненныхъ, а они почти всѣ ему непріязненны, ибо не обращаютъ вниманія на его бѣдный „Современникъ". Болѣе всего онъ ожесточенъ противъ „Отечественныхъ Записокъ", которыя какъ-то разъ легонько посмѣялись надъ романомъ „Семейство", покровительствуемомъ имъ. Теперь Плетневъ вздумалъ провѣрить: издаются ли журналы точь въ точь по программѣ, которая была утверждена правительствомъ, то есть, не помѣщаютъ ли журналисты въ своихъ изданіяхъ такихъ статей, которыя не были поименованы въ первоначальной программѣ? Оказалось, что всѣ отступали отъ нея, болѣе или менѣе, и это въ первый же годъ своего существованія. Особенно виноваты въ этомъ смыслѣ „Отечественныя Записки", которыя сначала не обѣщались помѣщать иностранныхъ повѣстей, а теперь помѣщаютъ. Обстоятельство это никогда не считалось въ цензурѣ важнымъ. Она знала, что всѣ наши журналы стремятся быть энциклопедическими—и это весьма естественно: спеціальные журналы еще не могутъ у насъ существовать. Всякій редакторъ спѣшитъ взять верхъ надъ своими товарищами объемомъ и разнообразіемъ своего журнала. Цензура заботилась только о томъ, чтобы журналы не нарушали правилъ ея и не касались предметовъ, предоставленныхъ другимъ цензурамъ: духовной, военной и проч. Плетневъ, поднимая этотъ вопросъ, воздвигалъ страшную бурю и повергалъ въ затрудненіе самого министра, который въ началѣ каждаго года утверждаетъ существованіе журнала въ томъ видѣ, въ какомъ онъ уже существовалъ передъ тѣмъ. Я вступилъ въ споръ съ Плетневымъ и успѣлъ заставить его отмѣнить это намѣреніе. Но хороши мои товарищи: одни под-

дакивали Плетневу, другіе молчали, предоставляя мнѣ одному сражаться и побѣждать. Особенно поразилъ меня Куторга, который всегда такъ много толкуетъ о гуманныхъ началахъ: на этотъ разъ онъ настаивалъ, чтобы предложеніе председателя было уважено. Впрочемъ, онъ это дѣлалъ не изъ дурныхъ побужденій: онъ честный человѣкъ—а по легкомыслію и недостатку твердости, которыя часто повергаютъ его въ противорѣчія съ самимъ собой. Какъ бы то ни было, бой былъ жаркій и, хотя я одержалъ побѣду, однако, не увѣренъ въ прочности ея.

— 15. Не даромъ сомнѣвался я въ Плетневѣ. Въ комитетѣ онъ согласился не начинать дѣла о журналахъ. Въ среду, въ дружескихъ моихъ съ нимъ объясненіяхъ, онъ подтвердилъ мнѣ то же, а сегодня мы получили предписаніе министра, который, „увидѣвъ, что нѣкоторые журналы самопроизвольно отступили отъ своихъ программъ, предписываетъ ввести ихъ въ предѣлы“. На этотъ разъ, однако, весь комитетъ возсталъ. Мнѣ поручено написать отвѣтъ министру. Жаркія пренія. Плетневъ, который, кромѣ того, покушался еще на разныя другія стѣснительныя распоряженія по цензурѣ,—разбитъ на всѣхъ пунктахъ. Я больше всего поражалъ его закономъ. Была прочитана статья устава, по которой права предсѣдателя являются очень ограниченными въ томъ, что касается цензорованія. На этотъ разъ всѣ дѣйствовали единодушно и твердо, и Плетневъ былъ разбитъ въ пухъ. Пробовалъ онъ придраться и къ „Библіотекѣ для Чтенія“: въ программѣ ея объявлено, „что она будетъ печатать переводныя повѣсти, а она печатаетъ романы, какъ напр.: „Вѣчный Жидъ“.

— Какую же существенную разницу полагаете вы, спросилъ я,—между повѣстью и романомъ? Мы оба съ вами профессора словесности и я, по крайней мѣрѣ, не могу опредѣлить иначе повѣсть, какъ повѣсть есть романъ, а романъ, какъ романъ, есть повѣсть.

Бѣдная, бѣдная наша литература!

Май. — 8. Въ воскресенье былъ у министра. Онъ много говорилъ „о дурномъ, грязномъ и торговомъ“ направленіи нашей литературы. Вспоминалъ о прежнемъ времени, когда имя литератора, по его словамъ, считалось почетнымъ.

— Напримѣръ, продолжалъ онъ,—вотъ хотя бы наше литературное общество, состоявшее изъ Дашкова, Блудова, Карам-

зина, Жуковскаго, Батюшкова и меня. Карамзинъ читалъ намъ свою исторію. Мы были еще молоды, но настолько образованы, что онъ слушалъ наши замѣчанія и пользовался ими. Однажды покойный государь Александръ Павловичъ завелъ съ Карамзинымъ рѣчь объ академіяхъ. Вотъ что сказалъ ему по этому поводу нашъ историкъ: „А знаете ли, ваше величество, какая у насъ самая полезная академія? Это та, которая состоитъ изъ этихъ шалуновъ и молодыхъ людей, шутя и смѣясь высказывающихъ мнѣ много полезныхъ истинъ и вѣрныхъ замѣчаній".— Онъ разумѣлъ наше общество. Теперь не то. Имя литератора не внушаетъ никому уваженія.

Уваровъ хотѣлъ показать мнѣ письмо къ нему Гоголя, да не отыскалъ его въ бумагахъ. Онъ передалъ мнѣ его содержаніе на словахъ, ручаясь за достовѣрность ихъ. Гоголь благодаритъ за полученіе отъ государя денежнаго пособія и, между прочимъ, говоритъ: „Мнѣ грустно, когда я посмотрю, какъ мало я написалъ достойнаго этой милости. Все написанное мною до сихъ поръ и слабо, и ничтожно до того, что я не знаю, какъ мнѣ загладить передъ государемъ невыполненіе его ожиданій. Можетъ быть, однако, Богъ поможетъ мнѣ сдѣлать что нибудь такое, чѣмъ онъ будетъ доволенъ".

Печальное самоуничиженіе со стороны Гоголя! Вѣдь это человѣкъ, взявшій на себя роль обличителя нашихъ общественныхъ язвъ и дѣйствительно разоблачающій ихъ, не только мѣтко и вѣрно, но и съ тактомъ, съ талантомъ геніальнаго художника. Жаль, жаль! Это съ руки и Уварову и кое-кому другому.

— 10. Заходилъ въ канцелярію къ Комовскому, чтобы, по желанію министра, прочесть письмо Гоголя. Сущность его почти та же, что передавалъ мнѣ Уваровъ.

— 17. Кукольникъ въ каждомъ номерѣ своей „Иллюстраціи" помѣщаетъ шараду, въ видѣ какой нибудь картинки, и отдавая ее въ цензуру, прилагаетъ къ ней и разгадку, которая печатается въ слѣдующемъ номерѣ. Но вотъ въ послѣднемъ выпускѣ „Иллюстраціи" разгадка дошла до меня уже по выходѣ въ свѣтъ картинки. Она заключается въ словахъ: „усердіе безъ денегъ, одно, и лачуги не построитъ". Это, очевидно, пародія на извѣстныя слова, данныя въ девизъ графу Клейнмихелю за постройку Зимняго дворца: „усердіе все превозмогаетъ". Пришлось не пропу-

стить разгадки, и я лично объяснилъ Кукольнику—почему. Не смотря на это, въ пятомъ номерѣ „Иллюстраціи“ разгадка напечатана. Кукольникъ извиняется тѣмъ, что онъ положился на типографію, а послѣдняя виновата въ небрежности. Расплачиваться за то, однако, придется мнѣ. Въ городѣ уже толкуютъ объ этомъ. Очкинъ даже откуда-то слышалъ, что Клейнмихель послалъ несчастную фразу государю. Комитетъ обратился ко мнѣ съ запросомъ: я объяснилъ, какъ было дѣло.

Іюнь. — 19. Былъ у графа Клейнмихеля. Принятъ вѣжливо. Онъ много говорилъ о постороннихъ предметахъ, жаловался на тягости своего управленія.

— Положимъ, прибавилъ онъ въ заключеніе,—я уже вижу результаты моей дѣятельности. Но это только цвѣтки: плоды же не мнѣ достанется видѣть. Да и прочно ли все это? Прійдетъ другой и все испортитъ, разрушитъ!

Сегодня также хоронили Лингвиста. Это былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ нашихъ товарищей. Четыре года лежалъ онъ, пораженный параличемъ. Теперь его свалилъ послѣдній ударъ. Вотъ и нѣтъ его, а онъ тоже былъ.

Іюль. — 24. Пріѣхалъ новый попечитель Мусинъ-Пушкинъ.

Завтра пріемные экзамены въ университетѣ.

Октябрь.—18. Министръ Уваровъ страшно притѣсняетъ журналы. Надняхъ „Литературной Газетѣ“ не позволено выходить по три раза въ недѣлю (не измѣняя ни на одну іоту программы) и переставлять статью съ одного мѣста на другое, напримѣръ, печатать повѣсти подъ чертою, въ видѣ фельетона и т. д., хотя все это позволялось или, лучше сказать, не замѣчалось прежде, потому что не заслуживаетъ замѣчанія. Конечно, всему этому можно привести важныя государственныя причины. У насъ чрезвычайно богаты на государственныя причины. Еслибъ вамъ запретили согнать муху съ носа, это по государственнымъ причинамъ. Вѣдь издалъ же, года три тому назадъ, здѣшній генералъ-губернаторъ прокламацію, чтобы дѣти въ одеждѣ не отступали отъ предписанной формы, о которой, впрочемъ, никто ничего не зналъ. Вѣроятно и на это была государственная причина...

— 21. Я начинаю думать, что 1812-й годъ не существовалъ

дѣйствительно, что это мечта или вымыселъ. Онъ не оставилъ никакихъ слѣдовъ въ нашемъ народномъ духѣ—не заронилъ въ насъ ни капли гордости, самосознанія, уваженія къ самимъ себѣ,—не далъ намъ никакихъ общественныхъ благъ, плодовъ мира и тишины. Странный гнетъ, безмолвное раболѣпство—вотъ что Россія пожала на этой кровавой нивѣ, на которой другіе народы обрѣли богатства правъ и самосознанія. Что же это такое? Дѣйствовалъ ли, въ самомъ дѣлѣ, народъ въ 12-мъ году? Такъ ли мы знаемъ событія? Не фальшь ли все, что говорятъ о народномъ патріотизмѣ? Не ложь ли это, столь привычная нашему холопскому духу?.. Или нашъ народъ, въ самомъ дѣлѣ, никогда ничего не дѣлалъ, а за него всегда дѣлала власть и лица? Неужели онъ всѣмъ обязанъ только тому, что всегда повиновался... Ужасъ, ужасъ, ужасъ!...

— 24. Вотъ уже сколько лѣтъ прожито, сколько лѣтъ проработано на нивѣ человѣческихъ бѣдствій, страстей и заблужденій: какая же жатва? Только не охлажденіе къ великому и прекрасному! Благодаря Бога, ни опытъ, ни люди не могли отнять и не отнимутъ у меня вѣры въ истину и добро. Но зато только и осталась одна вѣра—надежды исчезли. Не эту эпоху судьба избрала для дѣлъ: довольно и вѣры. Героевъ нѣтъ въ наше время, кромѣ тѣхъ, кои умѣли сохранить теплоту крови и ясность ума.

— 28. Право, мы, кажется, только путемъ разврата можемъ выйти изъ этого оцѣпенѣнія, изъ этого хаоса нашей гражданственности и образовать свою нравственную физіономію. По крайней мѣрѣ, мы идемъ этимъ путемъ. Продажность, отсутствіе чести, отсутствіе вѣры — развѣ это не развратъ? А раболѣпство?..

— 30. Въ XVIII-мъ вѣкѣ идеи боролись съ вѣрованіями, предразсудками—однимъ словомъ, съ идеями же, хотя и отвергаемыми требованіями вѣка и разумомъ. Нынѣ идеи борятся съ могуществомъ вещественнымъ... Кто преодолѣетъ? Вопросъ этотъ не скоро разрѣшится. И разрѣшеніе его будетъ стоить много жертвъ и крови.

1846 годъ.

Январь.—2. Въ послѣднихъ числахъ декабря кончилъ большое дѣло, возложенное на меня министромъ народнаго просвѣщенія, и которому я безъ перерыва посвятилъ два послѣдніе мѣсяца прошлаго года. Это „Проектъ измѣненій и дополненій къ цензурному уставу“. Министру, кажется, хочется издать новый уставъ—въ какомъ духѣ, понятно. Я рѣшился, на сколько возможно, помѣшать этому и собралъ всѣ доводы, чтобы доказать необходимость сохранить нынѣ существующій уставъ, который, по настоящимъ временамъ все таки меньшее зло изъ массы тяготѣющихъ надъ нами золъ. Надо было и комитетъ склонить къ тому же. Въ прошедшую пятницу состоялось совѣщаніе о моемъ проектѣ: принятъ весь съ весьма незначительными измѣненіями, Куторга попытался было возражать, но всѣ остальные пристали ко мнѣ.

— 5. Что такое Мусинъ-Пушкинъ? Не страдаетъ ли онъ по временамъ умопомѣшательствомъ? Какъ онъ обращается съ своими подчиненными! Недавно онъ позвалъ къ себѣ нѣсколькихъ учителей гимназій и разругалъ ихъ: „болванами, дураками, пустыми головами, шутами“ и пр. И онъ таковъ со всѣми подчиненными, имѣющими въ немъ нужду, кромѣ, впрочемъ профессоровъ университета. Надняхъ онъ одного изъ служащихъ у него прогналъ, грозя кулаками. Дамамъ, которыя къ нему приходятъ съ просьбами, онъ кричитъ: „пойди вонъ!“ Словомъ, это звѣрь! Онъ началъ было обращаться также и со студентами. Ему погрозили, что сначала освищутъ его, а, наконецъ, и поколотятъ. Онъ притихъ. И этого человѣка выбрали попечителемъ университета въ столицѣ! Но, опять-таки, приходится сказать, что всякое общество управляется, какъ оно того заслуживаетъ. Никто изъ оскорбленныхъ новымъ попечителемъ даже не пожаловался министру. Двое, однако, подали въ отставку.

Что-жъ онъ дѣлалъ въ Казани семнадцать лѣтъ, когда здѣсь таковъ? Тамъ терпѣли и сносили. Должно полагать, что и у насъ стерпятъ и снесутъ.

— 6. Каждый день новые анекдоты о Мусинѣ-Пушкинѣ. На-

дняхъ, онъ въ присутствіи многихъ, у себя въ пріемной, ругалъ своего предшественника, князя Г. П. Волконскаго.

— У него, сказалъ онъ, между прочимъ,—не такая голова, чтобы управлять округомъ. Вотъ я семнадцать лѣтъ управлялъ въ Казани и т. д.

Обыкновенно у него на все неопровержимое доказательство: „я семнадцать лѣтъ пробылъ въ Казани".

По цензурѣ онъ ничего не понимаетъ, кричитъ только, что въ русской литературѣ масса либерализма, особенно въ журналахъ. Больше всего громитъ онъ „Отечественныя Записки". Но, къ счастью, онъ здѣсь ничего не значитъ, такъ какъ не онъ цензоруетъ. Однако, мы узнали изъ какого источника почерпаетъ Мусинъ-Пушкинъ свои мнѣнія о русской литературѣ. Онъ заимствуетъ ихъ у Бориса Михайловича Ѳедорова, несчастнаго автора дѣтскихъ книжонокъ, обруганнаго всѣми журналами. Жажда мести увлекла его къ доносамъ, на которые онъ и прежде уже покушался. Теперь же онъ окончательно опредѣлился въ шпіоны къ казанскому хану и руководитъ его сужденіями о всѣхъ вопросахъ современной русской образованности.

Февраль.—22. Николай Алексѣевичъ Полевой умеръ. Это большая потеря. Онъ былъ необыкновенный человѣкъ. Всеобщее участіе и сожалѣніе.

Мартъ.—7. Попечитель нашъ очень перемѣнился. Онъ, кажется, рѣшился отстать отъ барскихъ дерзостей съ подчиненными. На него, должно быть, подѣйствовало слѣдующее обстоятельство. Я передалъ его старому знакомому, Кирѣеву, разные факты изъ его дѣятельности у насъ, а тотъ, въ свою очередь, передалъ его другу Мусина-Пушкина, Влад. Ив. Панаеву, съ тѣмъ, чтобы тотъ уже довелъ все до самого Пушкина. Такъ и было сдѣлано, и онъ присмирѣлъ, хотя неизвѣстно, надолго ли. Впрочемъ, о немъ говорятъ, что онъ, по натурѣ своей, добрый человѣкъ, но его испортило провинціальное раболѣпство и угодничество. Въ Казани онъ былъ настоящимъ ханомъ.

Октябрь.—12. По цензурѣ новая исторія. Цензоръ Крыловъ пропустилъ книгу: „Словарь иностранныхъ словъ", которую издаетъ какое-то общество молодыхъ людей. Книга, дѣйствительно такая, что, по уставу, ее не слѣдовало пропускать. Но всего интереснѣе, что изданіе посвящено великому князю Михаилу Па-

вловичу. Произошла тревога. Крылову сдѣлали выговоръ, книгу велѣли отобрать у книгопродавцевъ—но, кажется, тѣмъ дѣло и кончилось. По крайней мѣрѣ все затихло.

Было новое гоненіе на „Отечественныя Записки". Булгаринъ съ Гречемъ и Борисомъ Ѳедоровымъ подали на нихъ доносъ въ III-е отдѣленіе. Узнавъ объ этомъ, я тотчасъ сообщилъ Краевскому и посовѣтовалъ ему съѣздить къ министру, а потомъ и къ Дуббельту. Послѣдній, какъ говорится, намылилъ ему голову за либерализмъ, но въ заключеніе объявилъ, что, впрочемъ, ничего изъ этого не будетъ.

Уваровъ получилъ графское достоинство, отчего пришелъ въ неописанный восторгъ.

Нѣкоторые изъ московскихъ литераторовъ, въ лицѣ И. И. Панаева, предложили мнѣ быть редакторомъ журнала, который хотятъ купить у кого-нибудь изъ нынѣшнихъ владѣльцевъ журналовъ. Покупается „Современникъ". Я согласился. Предварительныя условія составлены. Ожидаютъ только Уварова, который въ Москвѣ.

Третьяго дня я познакомился съ Герценомъ. Онъ былъ у меня. Замѣчательный человѣкъ. Вчера обѣдали мы вмѣстѣ у Леграна. Были еще литераторы, между прочимъ, графъ Соллогубъ. Ума было много, но онъ въ заключеніе потонулъ въ шампанскомъ.

— 14. Министръ согласился на передачу мнѣ редакціи „Современника".

1847 годъ.

Январь.—4. Вышелъ перваго числа первый № „Современника" подъ новой редакціей. Онъ произвелъ хорошее впечатлѣніе. Отовсюду слышу благопріятные отзывы его тону и направленію.

— 5. Суматоха и толки въ цѣломъ городѣ. Въ № 284-мъ за 17-е декабря „Сѣверной Пчелы" напечатано нѣсколько стихотвореній графини Ростопчиной и, между прочимъ, баллада: „Насильный бракъ". Рыцарь баронъ сѣтуетъ на жену, что она его не любитъ и измѣняетъ ему, а она возражаетъ, что и не можетъ

любить его, такъ какъ онъ насильственно овладѣлъ ею. Кажется, чего невиннѣе въ цензурномъ отношеніи? И цензора, и публика сначала поняли такъ, что графиня Растопчина говоритъ о своихъ собственныхъ отношеніяхъ къ мужу, которыя, какъ всѣмъ извѣстно, непріязненны. Удивлялись только смѣлости, съ какою она отдавала на судъ публикѣ свои семейныя дѣла и тому, что она связалась съ „Сѣверною Пчелою“.

Но теперь оказывается, что баронъ — Россія, а насильно взятая жена—Польша. Стихи, дѣйствительно, удивительно подходятъ къ отношеніямъ той и другой и, какъ они очень хороши, то ихъ всѣ твердятъ наизусть. Баронъ, напримѣръ, говоритъ:

Ее я призрѣлъ сиротою,
И раззоренной взялъ ее,
И далъ съ державною рукою
Ей покровительство мое;
Одѣлъ ее парчей и златомъ,
Несмѣтной стражей окружилъ;
И врагъ ее чтобъ не сманилъ,
Я самъ надъ ней стою съ булатомъ...
Но недовольна и грустна
Неблагодарная жена.
Я знаю—жалобой, навѣтомъ,
Она вездѣ меня клеймитъ,
Я знаю—передъ цѣлымъ свѣтомъ
Она клянетъ мой кровъ и щитъ,
И косо смотритъ изъ подлобья,
И повторяя клятвы ложь,
Готовитъ козни... точитъ ножъ...
Вздуваетъ огнь междоусобья;
Съ монахомъ шепчется она,
Моя коварная жена.

Жена на это отвѣчаетъ:

Раба ли я, или подруга—
То знаетъ Богъ!.. Я-ль изобрала
Себѣ жестокаго супруга?
Сама ли клятву я дала?..
Жила я вольно и счастливо,
Свою любила волю я...
Но побѣдилъ, плѣнилъ меня
Сосѣдей злыхъ набѣгъ хищливый...
Я предана... я продана...
Я узница, а не жена.

Онъ говорить мнѣ запрещаетъ
На языкѣ моемъ родномъ,
Знаменоваться мнѣ мѣшаетъ
Моимъ наслѣдственнымъ гербомъ...
Не смѣю передъ нимъ гордиться
Стариннымъ именемъ моимъ,
И предковъ храмамъ вѣковымъ,
Какъ предки славные, молиться...
Иной уставъ принуждена
Принять несчастная жена!
Послалъ онъ въ ссылку, въ заточенье
Всѣхъ вѣрныхъ, лучшихъ слугъ моихъ;
Меня же предалъ притѣсненью
Рабовъ, лазутчиковъ своихъ...

Кажется, нельзя сомнѣваться въ истинномъ значеніи и смыслѣ этихъ стиховъ. Булгарина призывали уже къ графу Орлову. Цензура ждетъ грозы.

— 11. Толки о стихотвореніи графини Ростопчиной не умолкаютъ. Петербургъ радъ въ своей апатичной жизни, что поймалъ какую нибудь новость, живую мысль, которая можетъ занять его на нѣсколько дней. Государь былъ очень недоволенъ и велѣлъ было запретить Булгарину издавать „Пчелу“. Но его защитилъ графъ Орловъ, объяснивъ, что Булгаринъ не понялъ смысла стиховъ. Говорятъ, что на это замѣчаніе графа послѣдовалъ отвѣтъ:

— Если онъ (Булгаринъ) не виноватъ, какъ полякъ, то виноватъ какъ д . . . . . !

Однако, этимъ и кончилось. Но Ростопчину велѣно вызвать въ Петербургъ. Цензора успокоились.

— 31. У меня ужъ со втораго номера „Современника“ возникли несогласія съ издателями. Пришлось исключить нѣкоторыя статьи, по причинамъ литературнымъ и цензурнымъ. Напримѣръ, предполагали помѣстить грязный пасквиль на Кукольника: я воспротивился. Была на очереди еще статья какого-то мальчика-писуна о наукахъ—пренелѣпая, безъ толку и смысла, но съ большими претензіями и самоувѣреннымъ тономъ: я отвергъ ее. Они, то есть издатели, въ свою очередь, возстали противъ очень умѣренной и учтиво написанной критики на книгу Корсини—книги плохой, хотя авторъ ея очень милая и умная

женщина, моя бывшая ученица и большая пріятельница. Но вѣдь и умный человѣкъ можетъ написать неудачную книгу. Мои издатели вознегодовали на меня, забывая, что, по первоначальнымъ условіямъ моего редакторства, они сами предоставили мнѣ полную свободу въ выборѣ статей и въ сообщеніи журналу направленія. Я только на этихъ условіяхъ и могъ согласиться подписывать подъ нимъ мое имя.

Февраль.—5. Я начинаю подумывать о томъ, чтобы отказаться отъ редакціи „Современника". Скоро, но что-же дѣлать. Мнѣ слишкомъ тяжело находиться въ постоянной борьбѣ съ издателями, которыхъ, въ свою очередь, можетъ тяготить мое вліяніе. Они, вѣроятно, разсчитывали найти во мнѣ слѣпое орудіе и хотѣли самостоятельно дѣйствовать подъ прикрытіемъ моего имени. Я не могу на это согласиться.

— 7. Намѣреніе мое насчетъ „Современника" сообщилъ я Гебгардту и Ребиндеру. Панаевъ и Некрасовъ встревожились и рѣшились вступить со мной въ переговоры. Назначено у меня совѣщаніе въ присутствіи Гебгардта и Ребиндера. Я думалъ пригласить еще Даля, но не сдѣлалъ этого, не желая стѣснять моихъ противниковъ. Вечеромъ всѣ сошлись у меня. Я высказалъ мои идеи относительно духа и направленія журнала, а также и взглядъ мой на мои редакторскія права. Потомъ объяснилъ причины моихъ дѣйствій, которыя вызвали неудовольствіе противъ меня издателей. Въ заключеніе они выразили претензію только насчетъ статьи о Корсини. Но это была уже дѣтская уловка, и они не замедлили вскорѣ сами отъ нея отказаться. Исключеніе статьи Штрандмана, за которое они сначала такъ сильно взволновались, теперь они признали вполнѣ основательнымъ, ибо она своею научною несостоятельностью могла бы повредить репутаціи журнала. Такъ мы постепенно пришли къ соглашенію, но сильно сомнѣваюсь, чтобы это былъ прочный миръ, а не временное только перемиріе.

Апрѣль.—2. Напрасно мы жалуемся на безсодержательность нашей общественной жизни. У насъ есть свои общественные событія и вопросы. У насъ умы тоже напрягаются въ сужденіяхъ и важныхъ задачахъ. Вотъ, напримѣръ, теперь весь городъ занятъ толками о казенныхъ воровствахъ. Наши администраторы подняли страшное воровство по Россіи. Высшая власть стала ихъ

31*

унимать, а они, движимые духомъ оппозиціи, заворовали еще сильнѣе. Комедія, да и только! Сначала предсѣдатель здѣшней управы благочинія, Клевецкій, укралъ полтораста тысячъ рублей серебромъ. Онъ вынулъ ихъ безъ церемоній изъ портфеля, который везъ, чтобы положить на храненіе въ узаконенное мѣсто, а на мѣсто ассигнацій, говорятъ, положилъ пачку „Сѣверной Пчелы“, предоставляя ей лестную честь прикрыть мошенничество. Затѣмъ огромную сумму своровали начальники (генералы и полковники) резервнаго корпуса. Они должны были препроводить къ князю Воронцову семнадцать тысячъ рекрутъ и препроводили ихъ безъ одежды и хлѣба, нагихъ и голодныхъ, такъ что только меньшая часть ихъ пришла на мѣсто назначенія, остальные же перемерли. Генералъ Тришатный, главный начальникъ корпуса и этихъ дѣлъ, былъ посланъ изслѣдовать ихъ и донесъ, что все обстоитъ благополучно, что рекруты благоденствуютъ,— вѣроятно, на небесахъ, куда они отправились по его милости. Послали другого слѣдователя. Оказалось, что Тришатный своровалъ. Своровали и подчиненные ему генералы и полковники—и всѣ они воровали съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ получили, по своему положенію, возможность воровать. Еще: гвардейскій генералъ, любимецъ, красивый, бравый молодецъ, ***—деръ, растратилъ деньги, которыя покойный государь Александръ I дарилъ Семеновскому полку на праздники, и тѣ, которыя оставались въ экономіи полка, и т. д. Ну, не комедія-ли въ самомъ дѣлѣ?!

— 13. Допускать въ образованіи одинъ историческій и прикладной методъ, безъ духа философскаго и теоретическаго, значитъ отдавать человѣка на жертву случайностямъ и потоку временъ; значитъ уничтожать въ немъ всякій порывъ къ лучшему, всякое довѣріе къ высшимъ, непреложнымъ истинамъ. Погасите въ людяхъ стремленіе къ идеальному, выраженіемъ которому служитъ разумъ, съ его общими понятіями—и вы увидите ихъ погрязшими въ матеріальныхъ и своекорыстныхъ побужденіяхъ настоящаго. Какъ животныя, они будутъ довольствоваться гнѣздами и логовищами, не помышляя о будущемъ и о возможности усовершенствованія. Теоріи—это не иное что, какъ постулаты разума. Неужели же разумъ не имѣетъ права и голоса въ дѣлахъ человѣческихъ, и нами должно руководить одно жи-

тейское благоразуміе, одно побужденіе немедленной пользы? Теоріи могутъ быть обманчивы, вести къ предразсудкамъ и схоластикѣ. Но нашъ вѣкъ далъ уже намъ противъ нихъ оружіе: онъ требуетъ для теорій опоры анализа и свидѣтельства исторіи. При томъ развѣ не лучше обмануться, вѣря въ истинное и прекрасное, чѣмъ придти къ горькому убѣжденію, что истиннымъ можетъ быть одно только то, что кладется въ карманъ или въ ротъ, а прекраснымъ то, что можетъ мишурнымъ блескомъ польстить глазамъ или чувствамъ?

— 15. Похороны Губера, молодаго литератора, которому было тридцать два года. Это былъ благородный, образованный человѣкъ, талантъ не блистательный и не могучій, однакожъ, замѣчательный. Онъ въ своихъ стихахъ все воспѣвалъ смерть и вотъ самъ умеръ, скорѣе, чѣмъ ожидалъ и чѣмъ должно. Докторъ Спасскій, присутствовавшій при его послѣднихъ минутахъ, говоритъ, что, въ теченіи своей тридцатилѣтней практики, онъ не видалъ умирающаго—а онъ видѣлъ ихъ довольно, благодаря своему искусству,—который бы умиралъ съ такою твердостью и съ такимъ присутствіемъ духа. Послѣднія слова его были:

— Я не зналъ, что такъ пріятно умирать.

— 29. Еще растратилъ деньги одинъ генералъ. Онъ сдѣлалъ это очень оригинально. Это *** . . . . харьковскій и попечитель тамошняго университета. Онъ бралъ деньги изъ приказа общественнаго призрѣнія и набралъ ихъ 140 тысячъ. Наконецъ, усталъ брать и жить. Умеръ. Послѣ него нашли письмо на высочайшее имя, въ которомъ онъ откровенно признается въ своихъ захватахъ. Между ними оказались и университетскія деньги.

Май.—2. Въ нѣсколькихъ номерахъ дѣтскаго журнала: „Звѣздочка", издаваемаго Ишимовою, была въ прошломъ году напечатана краткая исторія Малороссіи. Авторъ ея Кулишъ. Теперь изъ-за нея поднялась страшная исторія. Кулишъ былъ лекторомъ русскаго языка у насъ въ университетѣ: его выписалъ сюда и пристроилъ Плетневъ. По ходатайству послѣдняго, онъ былъ признанъ Академіей наукъ достойнымъ отправленія за границу на казенный счетъ. Его послали изучать славянскія нарѣчія.

Онъ поѣхалъ и взялъ съ собой пачку отдѣльно отпечатан-

ныхъ экземпляровъ своей „Исторіи Малороссіи“, и по дорогѣ раздавалъ ихъ, гдѣ могъ. Теперь эту „Исторію“ и самого Кулиша схватили. Онъ былъ уже въ Варшавѣ, съ молодою женою, на которой всего два мѣсяца женатъ. У цензора Ивановскаго спрашиваютъ: „Какъ онъ пропустилъ сочиненіе Кулиша?“ Онъ отвѣчалъ прямо, что „это ошибка и что онъ виноватъ“. На отдѣльныхъ книжкахъ стоитъ имя Куторги, и онъ тоже призванъ къ допросу.

Я, наконецъ, досталъ „Звѣздочку“ и прочелъ исторію Кулиша: теперь мнѣ понятно, почему Ивановскій не могъ отвѣчать ничего кромѣ: „виноватъ“. Государь, увидѣвъ подъ отдѣльными книжками имя цензора Куторги, велѣлъ посадить его въ крѣпость. Но графъ Орловъ представилъ, что надо прежде узнать, какъ дѣло было. Что еще изъ этого произойдетъ—трудно предвидѣть.

Съ этой маленькой книжкой, впрочемъ, соединены, говорятъ, гораздо болѣе важныя обстоятельства. На югѣ, въ Кіевѣ, открыто общество, имѣющее цѣлью конфедеративный союзъ всѣхъ славянъ въ Европѣ на демократическихъ началахъ, на подобіе Сѣвероамериканскихъ Штатовъ. Къ этому обществу принадлежатъ профессора кіевскаго университета: Костомаровъ и Кулишъ, Шевченко, Гулакъ и проч. Имѣютъ-ли эти южные славяне какую нибудь связь съ московскими славянофилами—не извѣстно, но правительство, кажется, намѣрено за нихъ взяться. Говорятъ, что все это вывели наружу представленія австрійскаго правительства.

Было назначено нѣсколько молодыхъ людей изъ Педагогическаго института къ отправленію за границу: ихъ отъѣздъ остановленъ.

— 7. Сегодня я получилъ отъ министра черезъ попечителя секретное предписаніе слѣдующаго содержанія: „Разсматривая появляющіяся въ повременныхъ изданіяхъ сочиненія объ отечественной исторіи, я замѣтилъ, что въ нихъ нерѣдко вкрадываются разсужденія о вопросахъ государственныхъ и политическихъ, которыхъ изложеніе должно быть допускаемо съ особенною осторожностью и только въ предѣлахъ самой строгой умѣренности. Особеннаго вниманія требуетъ тутъ стремленіе нѣкоторыхъ авторовъ къ возбужденію въ читающей публикѣ

необдуманныхъ порывовъ патріотизма, общаго или провинціальнаго, становящагося иногда, если не опаснымъ, то по крайней мѣрѣ неблагоразумнымъ по тѣмъ послѣдствіямъ, какія онъ можетъ имѣть". Въ заключеніе предписывается имѣть строгое наблюденіе и проч.

Іюнь.—1. Въ эти для меня роковые дни [1]) я выпустилъ изъ виду разныя общественныя событія. Глаза мои, полные слезъ, тускло смотрѣли на внѣшніе предметы: они блуждали только въ страшной безднѣ моего собственнаго злополучія, тщетно стараясь уловить хоть одинъ лучъ отрады.

Между тѣмъ случилось много любопытнаго. Чижовъ былъ схваченъ, по повелѣнію правительства, на границѣ, у таможенной заставы, и, въ качествѣ опаснаго славянофила съ своей бородой привезенъ въ III отдѣленіе. Послѣ девятидневнаго заключенія и нѣсколькихъ допросовъ, онъ третьяго дня выпущенъ на волю.

Онъ былъ у меня и разсказалъ мнѣ много любопытнаго о вопросахъ, которые ему предлагались, и о своихъ отвѣтахъ на нихъ. Отвѣты эти онъ давалъ сначала устно, а потомъ самъ же излагалъ на бумагу, для доклада государю. Если вѣрить ему, онъ не говорилъ ничего, компрометирующаго убѣжденія, противныя его школѣ. Но я считаю Чижова хитрѣйшимъ изъ всѣхъ настоящихъ и будущихъ славянофиловъ. Я думаю, что онъ— конечно, тонко, ловко и не вдаваясь въ личности—въ массѣ не пощадилъ тѣхъ, которые думаютъ не за одно съ нимъ. Не выдаю за непреложное свое мнѣніе, но вотъ какое сложилось оно у меня изъ его словъ. Онъ раздѣлилъ свою исповѣдь на двѣ части. Въ первой онъ какъ бы признавался въ нѣкоторыхъ заблужденіяхъ, а именно относительно соединенія всѣхъ славянъ въ одну монархію, подъ скипетромъ Россіи. Само собой разумѣется, что это заблужденіе, какъ проистекающее изъ избытка любви, было ему охотно прощено. Во второй части своей исповѣди онъ явился горячимъ патріотомъ, совсѣмъ въ духѣ самодержавія, православія и народности, чуждой всего европейскаго, и даже враждебной Европѣ. Онъ въ припадкѣ увлеченія, даже воскликнулъ, что „Петръ I былъ величайшимъ и опаснѣйшимъ революціоне-

[1]) Дни эти ознаменовались потерей любимаго сына автора. *Ред.*

ромъ". Это уже не мое предположеніе, а Чижовъ дѣйствительно сказалъ это, какъ самъ мнѣ признался. Въ заключеніе его почтенные духовники, Леонтій Васильевичъ и графъ Орловъ остались имъ вполнѣ довольны. Конечно, онъ въ свой исповѣди не коснулся демократическихъ началъ славянофильской проповѣди и вышелъ изъ допроса совершенно бѣлымъ и чистымъ. Его даже поблагодарили, но замѣтили ему на прощанье, что онъ слишкомъ пылокъ и потому ему еще пока нельзя разрѣшить изданіе журнала въ Москвѣ. Какъ онъ впереди соединитъ свои славянофильскія идеи съ тѣмъ, что теперь долженъ будетъ писать и дѣлать—не знаю. Это тѣмъ труднѣе, что онъ отнынѣ обязанъ всѣ свои сочиненія представлять на цензуру въ третье отдѣленіе.

Вчера, то есть 31-го мая, состоялось чрезвычайное собраніе совѣта въ университетѣ, подъ предсѣдательствомъ попечителя. Въ совѣтъ былъ приглашенъ и директоръ педагогическаго института, Ив. Ив. Давыдовъ. Читали предписаніе министра, составленное по высочайшей волѣ и гдѣ объясняется, какъ надо понимать намъ нашу народность и что̀ такое славянство по отношенію къ Россіи. Народность наша состоитъ въ безпредѣльной преданности и повиновеніи самодержавію, а славянство западное не должно возбуждать въ насъ никакого сочувствія. Оно само по себѣ, а мы сами по себѣ. Мы симъ самымъ торжественно отъ него отрекаемся. Оно и не заслуживаетъ нашего участія, потому что мы безъ него устроили свое государство, безъ него страдали и возвеличились, а оно всегда пребывало въ зависимости отъ другихъ, не умѣло ничего создать и теперь окончило свое историческое существованіе.

На основаніи всего этого, министръ желаетъ, чтобы профессора съ каѳедры развивали нашу народность не иначе, какъ по этой программѣ и по повелѣнію правительства. Это особенно касается профессоровъ: славянскихъ нарѣчій, русской исторіи и исторіи русскаго законодательства.

По прочтеніи этой бумаги, попечитель объявилъ, что онъ не сомнѣвается въ благонамѣренности нашей и въ готовности слѣдовать этому призыву; что онъ видитъ, какъ мы тронуты и непремѣнно доведетъ это до свѣдѣнія министра. Ректоръ счелъ нужнымъ поблагодарить попечителя отъ имени совѣта за до-

вѣріе правительства и увѣрилъ его во всеобщемъ усердіи и т. д.

По выходѣ изъ совѣта попечителя, наличные цензора тутъже образовали чрезвычайное собраніе комитета, который, не долго думая, поспѣшилъ запретить остроумную и совсѣмъ невинную статью противъ славянофиловъ, написанную Сенковскимъ совершенно въ духѣ тѣхъ идей, какія за полчаса мы слышали въ совѣтѣ. А три дня тому назадъ, за такую же точно статью, напечатанную въ „Отечественныхъ Запискахъ“, Краевскій получилъ въ III-мъ отдѣленіи благодарность отъ имени государя.

Боже мой, что̀ за хаосъ, что̀ за смѣшеніе понятій!

— 17. Ивановскій получилъ легкій высочайшій выговоръ за пропускъ „Исторіи Малороссіи“ Кулиша. Сказано, что такъ какъ это случилось единственно по неосмотрительности цензора и по довѣрію его къ журналу, для котораго назначалось сочиненіе, и какъ цензоръ этотъ отличный человѣкъ, то сдѣлать ему только выговоръ, безъ занесенія послѣдняго въ послужной списокъ.

— 20. Распоряженія министра: хотя французскіе романы и повѣсти, печатаемые въ иныхъ журналахъ, до такой степени передѣлываются въ русскихъ переводахъ, что въ нихъ не остается ничего вреднаго, однако, лучше не допускать ихъ вовсе—за чѣмъ предписывается цензорамъ строго смотрѣть. Да и вообще не должно разрѣшать печатанія никакихъ переводовъ иначе, какъ представляя предварительно каждый переводъ попечителю, отъ усмотрѣнія коего будетъ зависѣть пропустить его или нѣтъ. Другими словами: цензора уже не разсматриваютъ этихъ произведеній, цензурный комитетъ отмѣняется и высочайшій законъ больше не существуетъ.

Я ѣздилъ объясняться къ Комовскому и намѣревался поѣхать отъ него къ министру, но увидѣлъ изъ бесѣды съ первымъ безполезность этого. Былъ, однако, у попечителя, говорилъ ему о нарушеніи устава и о невозможности исполнить предписаніе министра. Онъ согласился съ этимъ. Тогда я просилъ его объявить о томъ въ комитетѣ,—что̀ онъ и сдѣлалъ. Итакъ, положено не исполнять предписанія министра и все оставить попрежнему.

Августъ.—5. Возвратился изъ цензурнаго засѣданія. Спорилъ съ попечителемъ, который объявилъ, что „надо совсѣмъ вывести романы въ Россіи, чтобы никто не читалъ романовъ“.

Я еще не встрѣчался на моемъ служебномъ поприщѣ съ такимъ.... У него обыкновенно ни на что нѣтъ причинъ. Онъ шумитъ, кричитъ, размахиваетъ руками и въ своихъ мнѣніяхъ скачетъ черезъ всѣ логическія преграды, пока, наконецъ, не стукнется лбомъ о какую нибудь до того отчаянную нелѣпость, что уже самъ остановится.

Сентябрь.—11. Нынѣшній годъ лѣто особенно долго не разставалось съ Петербургомъ: всего дня два, какъ въ воздухѣ почуялась осень. Природа черезчуръ милостива. Но не хочетъ-ли она дать намъ немного больше въ одномъ отношеніи, чтобы покрѣпче прижать въ другомъ? Ходятъ слухи о время отъ времени повторяющихся случаяхъ холеры. Врачи, для утѣшенія умирающихъ, называютъ ее спорадическою—и успокоиваются сами, полагая, что ученымъ словомъ все изъяснили и поправили. Но люди умираютъ.

Ноябрь.—2. Петербургъ оживился: у него появился предметъ для размышленія, бесѣдъ и толковъ. Въ самомъ дѣлѣ, есть о чемъ подумать и поговорить. Холера, раскинувшая свои широкія объятія на всю Россію, медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ приближается къ Петербургу. Но въ публикѣ пока замѣтно больше любопытства, чѣмъ страха. Можетъ быть, это отъ того, что она грозитъ еще издалека, а можетъ быть отъ того, что жизненность нашего общества вообще хило проявляется: мы нравственно ближе къ смерти, чѣмъ слѣдовало бы, потому смерть физическая возбуждаетъ въ насъ меньше естественнаго ужаса.

Въ литературѣ все по старому. Булгаринъ продолжаетъ дѣлать доносы на журналы. Къ концу года похотливая страсть къ нимъ у него обыкновенно еще усиливается. Въ это время начинается подписка. Всякій новый подписчикъ на журналъ, не имъ издаваемый, вызываетъ въ немъ желчь. Что за гнусное сердце у этого человѣка! Онъ говоритъ печатно о своихъ противникахъ такъ, что если бы ему повѣрили, ихъ всѣхъ слѣдовало бы засадить въ крѣпость, а изданія ихъ запретить. Тогда во всей Россіи осталась бы одна „Сѣверная Пчела“, которую, разумѣется, уже одну и выписывали бы. Общественное презрѣніе заклеймило Булгарина, но это не трогаетъ его. У него своего рода величіе: онъ никого и ничего не боится, кромѣ кнута, а какъ кнутъ теперь

не въ употребленіи, то онъ и считаетъ себя въ полной безопасности.

Въ цензурѣ бѣда съ Крыловымъ. Онъ вообще не умѣетъ разобраться въ своемъ дѣлѣ: то запрещаетъ самыя невинныя вещи, то пропускаетъ такія, которыя, при существующемъ порядкѣ вещей, считаются вредными. И поэтому онъ чаще другихъ попадается въ бѣду. Теперь на него поступили разомъ: двѣ жалобы отъ Клейнмихеля, за пропускъ статей, неудобныхъ для путей сообщенія въ „Инвалидѣ“ и въ „Посредникѣ“; и третья отъ министерства государственныхъ имуществъ за непропускъ въ его журналѣ статьи о торговлѣ, которую онъ, Крыловъ, отправилъ на разсмотрѣніе Клейнмихелю за то только, что въ ней сказано, что хлѣбъ у насъ перевозится по воднымъ сообщеніямъ. Невѣроятно—однако правда. Крыловъ, тѣмъ не менѣе, въ милости у предсѣдателя цензурнаго комитета.

1848 годъ.

Январь.—17. Суббота. Гроза виситъ надъ „Отечественными Записками“. Мѣсяца три тому назадъ, у какихъ-то мальчиковъ, учениковъ Горнаго корпуса, найдены либеральныя идеи. Одинъ изъ нихъ признался, что эти идеи онъ почерпнулъ изъ „Отечественныхъ Записокъ“.

— 22. Краевскій служитъ въ одномъ изъ корпусовъ наставникомъ-наблюдателемъ и потому въ немъ приняло участіе начальство военно-учебныхъ заведеній, т. е. Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ. Краевскаго призывалъ къ себѣ великій князь Михаилъ Павловичъ. Онъ сдѣлалъ ему нѣсколько суровыхъ замѣчаній на счетъ духа и направленія издаваемаго имъ журнала, а въ заключеніе объявилъ, что питаетъ глубокое (нерасположеніе) ко всѣмъ журналамъ и журналистамъ. Краевскій однако былъ отпущенъ безъ дальнѣйшихъ послѣдствій [1]).

[1]) Покойный А. А. Краевскій жилъ въ то время на углу Невскаго и Садовой улицъ. „Каждый вечеръ, возвращаясь домой, въ злополучные 1848—1849-й годы, я съ тревогой взглядывалъ,—разсказывалъ намъ А. А.,—

Говорятъ, что и о „Современникѣ“ были неблагопріятные отзывы. Между тѣмъ Булгаринъ, Калашниковъ и Борисъ Ѳедоровъ не устаютъ распространять самыя черныя клеветы на „Современникъ“. Булгаринъ каждую недѣлю разными намеками даетъ знать въ „Сѣверной Пчелѣ“, что „Современникъ“ зловредный журналъ, такъ-же какъ и „Отечественныя Записки“. Пора заклеймить, наконецъ, этихъ ш.....въ! Я пишу статью и хочу напечатать ее въ академической газетѣ, чтобъ не вводить въ полемику „Современника“. Калашниковъ принимаетъ дѣятельное участіе въ козняхъ противъ обоихъ журналовъ. Это былъ когда-то плохой авторъ и плохой учитель и пошелъ, наконецъ, въ чиновники. Теперь онъ состоитъ директоромъ канцеляріи коннозаводскаго управленія. Стремясь къ наживѣ, онъ написалъ, между прочимъ, книжку для чтенія поселянъ коннозаводскаго вѣдомства, какъ будто эти поселяне не такіе, какъ всѣ, и для нихъ не годится прекрасное сельское чтеніе, издаваемое Заблоцкимъ— если толко поселяне умѣютъ читать. Онъ выпросилъ у начальства двѣ тысячи рублей серебромъ пособія для напечатанія своей книги. Книга издана, но оказалась очень плохою. „Современникъ“, со всей своею умѣренностью, не могъ не отозваться о ней дурно. „Отечественныя Записки“ раскритиковали ее строже, а академическая газета еще строже. Калашниковъ взбѣсился и, въ совѣтѣ съ Булгаринымъ (который числится на службѣ въ его канцеляріи), замыслилъ увѣрить начальство, что журналы, его покритиковавшіе, черезчуръ либеральны и потому опасны: развѣ они не осмѣлились найти недостатки въ его книгѣ, изданной съ одобреніемъ начальства и т. д. Начальство дѣйствительно убѣдилось, что журналы опасны и начало дѣйствовать соотвѣтственно.

Апрѣль.—25. Болѣе трехъ мѣсяцевъ не принимался я за мой Дневникъ, а между тѣмъ въ исторіи міра совершились важныя событія..... Франція, по обыкновенію, подала примѣръ. За ней послѣдовали Германія и Италія. Авторитетъ лицъ уничтоженъ и на мѣсто его водворенъ авторитетъ человѣчности..... Они

на окна моей квартиры, верхняго этажа, не свѣтится ли въ нихъ огонь, не явились-ли жандармы отъ Л. В. Дуббельта съ обыскомъ у меня и за мною“. „Рус. Стар.“ 1891 г.

не осуществятъ всѣхъ идеаловъ человѣческаго разума. У нихъ будутъ и свои тревоги, и свои страданія, и свои жертвы. Но у человѣка—и бѣдствія да будутъ человѣческія и конечно въ нихъ больше отраднаго, чѣмъ въ благѣ, какое человѣкъ похищаетъ у животнаго. На землѣ мало непреложныхъ истинъ, но одна изъ самымъ несомнѣнныхъ та, что все живущее должно жить по законамъ своей природы и кому суждено ходить среди тварей съ головою поднятою вверхъ и съ мыслью въ головѣ, тотъ не совершитъ ничего хорошаго, спустясь на низшую степень существъ.

Но по мѣрѣ того какъ въ Европѣ рѣшаются вопросы всемірной важности, у насъ тоже разыгрывается драма... невыразимо печальная для лицъ, съ нею соприкосновенныхъ. Нѣсколько убогихъ литераторовъ, съ Булгаринымъ, Калашниковымъ и Борисомъ Ѳедоровымъ во главѣ, еще до европейскихъ событій пытались очернить въ глазахъ правительства многіе изъ нашихъ журналовъ, особенно „Отечественныя Записки“ и „Современникъ“. Но едва раздался громъ европейскихъ переворотовъ, какъ въ качествѣ доносчиковъ выступили и лица гораздо болѣе сильныя и опасныя. Графъ С. Г. Строгоновъ, бывшій попечитель московскаго университета, движимый злобой на министра народнаго просвѣщенія, Уварова, который былъ причиною увольненія его отъ должности попечителя, представилъ государю записку объ ужасныхъ идеяхъ, будто бы господствующихъ въ нашей литературѣ—особенно въ журналахъ, благодаря слабости министра и его цензуры. Баронъ М. А. Корфъ, желая свергнуть графа Уварова, чтобы занять его постъ, представилъ другую такую же записку. И вотъ въ городѣ вдругъ узнаютъ, что вслѣдствіе этихъ доносовъ учрежденъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ морскаго министра князя Меншикова, и съ участіемъ слѣдующихъ лицъ: Бутурлина, Корфа, графа Строгонова (брата бывшаго попечителя), Дегая и Дуббельта. Цѣль и значеніе этого комитета были облечены таинственностью, и отъ того онъ казался еще страшнѣе. Наконецъ, постепенно выяснилось, что комитетъ учрежденъ для изслѣдованія нынѣшняго направленія русской литературы, преимущественно журналовъ, и для выработки мѣръ обузданія ея на будущее время. Паническій страхъ овладѣлъ умами. Распространились слухи, что ко-

митетъ особенно занятъ отыскиваніемъ вредныхъ идей коммунизма, соціализма, всякаго либерализма, истолкованіемъ ихъ и измышленіемъ жестокихъ наказаній лицамъ, которыя излагали ихъ печатно, или съ вѣдома которыхъ онѣ проникали въ публику. „Отечественныя Записки" и „Современникъ", какъ водится, поставлены были во главѣ виновниковъ распространенія этихъ идей. Министръ народнаго просвѣщенія не былъ приглашенъ въ засѣданія комитета; ни отъ кого не требовали объясненій; никому не дали знать, въ чемъ его обвиняютъ, а между тѣмъ обвиненія были тяжкія. Ужасъ овладѣлъ всѣми мыслящими и пишущими. Тайные доносы и шпіонство еще болѣе усложняли дѣло. Стали опасаться за каждый день свой, думая, что онъ можетъ оказаться послѣднимъ въ кругу родныхъ и друзей.

Августъ.—22. Четыре мѣсяца ничего не вносилъ въ свой Дневникъ, но за это время легко могло бы случиться, что и дни перестали бы для меня существовать. Съ первыхъ чиселъ іюня въ Петербургѣ начала свирѣпствовать холера и до половины іюля погубила до пятнадцати тысячъ человѣкъ. Каждый въ этотъ промежутокъ времени, такъ сказать, стоялъ лицомъ къ лицу со смертію. Она никого не щадила, но особенно много жертвъ выхватила изъ среды простаго народа. Малѣйшей неосторожности въ пищѣ, малѣйшей простуды достаточно было, чтобы человѣка не стало въ 4—5 часовъ.

Ужасъ повсюду царствовалъ въ теченіе цѣлаго лѣта. Умирающихъ на дачахъ около Лѣснаго корпуса почти не было, но тѣмъ не менѣе всѣ чувствовали себя въ тяжеломъ, напряженномъ состояніи. Вѣсти изъ города ежедневно приходили печальныя, особенно съ половины іюня и до послѣднихъ чиселъ іюля.

Октябрь.—27. Холера продолжаетъ подбирать жертвы, забытыя ею во дни великой жатвы. Послѣднее время холерные случаи стали чаще встрѣчаться въ средѣ людей высшаго и средняго класса. Въ домахъ соблюдаются тѣ-же предосторожности, что и лѣтомъ. Плодовъ, копченій и соленій не ѣдятъ, квасу не пьютъ.

Декабрь.—1. Чудная эта земля Россія! Полтораста лѣтъ прикидывались мы стремящимися къ образованію. Оказывается, что это было притворство и фальшь: мы улепетываемъ назадъ быстрѣе, чѣмъ когда либо шли впередъ. Дивная, чудная земля! Когда Бутурлинъ предлагалъ закрыть университеты, многіе

считали это несбыточнымъ. Простяки! Они забыли, что того только нельзя закрыть, что никогда не было открыто. Вотъ теперь тотъ же самый Бутурлинъ дѣйствуетъ въ качествѣ предсѣдателя какого-то высшаго негласнаго комитета въ цензурѣ и дѣйствуетъ такъ, что становится невозможнымъ что бы то ни было писать и печатать. Вотъ недавній случай. Далю запрещено писать. Какъ? Далю, этому умному, доброму, благородному Далю! Неужели и онъ попалъ въ коммунисты и соціалисты? Въ „Москвитянинѣ“ напечатаны его два разсказа. Въ одномъ изъ нихъ изображена цыганка-воровка. Она скрывается; ее ищутъ и не находятъ, обращаются къ мѣстному начальству и все-таки не могутъ отыскать. Бутурлинъ отнесся къ министру внутреннихъ дѣлъ съ запросомъ, не тотъ ли это самый Даль, который служитъ у него въ министерствѣ? Перовскій призвалъ къ себѣ Даля, выговорилъ ему за то, что, дескать, охота тебѣ писать что-нибудь кромѣ бумагъ по службѣ и въ заключеніе предложилъ ему на выборъ любое: „писать—такъ не служить; служить—такъ не писать“.

Но этимъ еще не кончилось. Бутурлинъ представилъ дѣло государю въ слѣдующемъ видѣ: что хотя Даль своимъ разсказомъ и вселяетъ въ публику недовѣріе къ начальству, но, повидимому, дѣлаетъ это безъ злаго умысла, и такъ какъ сочиненіе его вообще не представляетъ въ себѣ ничего вреднаго, то онъ, Бутурлинъ, полагалъ бы сдѣлать автору замѣчаніе, а цензору выговоръ. Послѣдовала резолюція: „сдѣлать и автору выговоръ, тѣмъ болѣе, что и онъ служитъ“.

Графъ Уваровъ сбросилъ графа Строгонова съ мѣста попечителя въ московскомъ университетѣ. Строгоновъ отомстилъ ему въ мартѣ, представивъ государю записку о либерализмѣ, коммунизмѣ и соціализмѣ, господствующими въ цензурѣ и во всемъ министерствѣ народнаго просвѣщенія, такъ что графъ Уваровъ самъ едва удержался на мѣстѣ. Въ сентябрѣ онъ ѣздилъ въ Москву. Тамошнее „Общество исторіи и древностей“, состоящее подъ предсѣдательствомъ Строгонова, занималось въ это время печатаніемъ въ русскомъ переводѣ записокъ Флетчера. Изданіе это предпринято на основаніи статьи цензурнаго устава, разрѣшающей печатать безъ исключенія предосудительныхъ для Россіи мѣстъ все, что пишется и писалось о ней до водворенія

дома Романовыхъ. Графъ Строгоновъ лично разрѣшилъ записки Флетчера, въ которыхъ невыгодно говорится объ Іоаннѣ IV, Ѳеодорѣ и о разныхъ обрядахъ нашей церкви, что, впрочемъ, давно уже напечатано въ запискахъ Бера. Шевыревъ, нѣкогда ухаживающій за Строгоновымъ, теперь представилъ министру, какъ неблаговидно въ данную минуту печатать Флетчера и какъ дурно дѣлаетъ Строгоновъ, допуская это. И какъ то всегда бываетъ на Святой Руси, онъ подкрѣплялъ свое представленіе завѣреніями въ собственной преданности и усердіи . . . .

Уваровъ приказалъ остановить печатаніе и довелъ это до свѣдѣнія государя. Послѣдовало повелѣніе: объявить графу Строгонову строжайшій выговоръ черезъ московскаго генералъ-губернатора. Это неслыханный случай съ генералъ-адъютантомъ. Говорятъ, что Закревскій не поцеремонился и послалъ къ графу Строгонову квартальнаго надзирателя, съ приглашеніемъ явиться къ нему для полученія выговора.

Но дѣло не въ этомъ: „иже мѣрою мѣрите, возмѣрится и вамъ". Строгоновъ, по выраженію Гоголя, „нагадилъ" Уварову, Уваровъ—Строгонову. Это въ порядкѣ вещей на Святой Руси, гдѣ такія явленія только доказываютъ обычную и глубокую безнравственность, къ которой всѣ привыкли. Но за что погибла книга Флетчера—книга полезная для нашей исторіи? За что пострадалъ секретарь общества Бодянскій, котораго велѣли удалить въ Казань? За что парализовано „Общество", оказавшее не мало услугъ наукѣ?

А въ нашемъ кругу, то-есть, въ ученомъ и учебномъ, вотъ какъ люди поставлены: если ты человѣкъ безъ дарованія и дѣлаешь худо свое дѣло—тебя выгонятъ за неспособность; если ты человѣкъ съ дарованіемъ и дѣлаешь свое дѣло хорошо, тебя выгонятъ за то, что ты человѣкъ способный, слѣдовательно опасный. Какъ же тутъ быть? Быть немножко глупымъ и немножко не глупымъ? Въ средніе вѣка жгли за идеи и мнѣнія, но по крайней мѣрѣ каждый зналъ, что можно и чего нельзя. . . . . .

. . . .

Министръ приказалъ деканамъ наблюдать за преподаваніемъ профессоровъ въ университетѣ, особенно наукъ политическихъ и юридическихъ. Послѣднимъ велѣно представить программы своихъ предметовъ, составивъ ихъ такъ, чтобы „все ненужное

или лишнее“ было изъ нихъ выпущено, но „не вредя достоинству и полнотѣ науки“.

Въ университетѣ страхъ и упадокъ духа. Я присутствовалъ въ засѣданіи совѣта, въ которомъ между прочимъ было читано предписаніе министра, чтобы ничто не печаталось отъ имени университета, что не самъ университетъ издаетъ. Да это-же и не дѣлалось! Очевидно, министръ вербуетъ факты для годоваго отчета: теперь конецъ года. Нужны пышныя фразы, что приняты такія-то распоряженія, запрещено то-то, и т. д.

Между тѣмъ нѣкоторые члены предложили вопросъ: имѣетъ-ли право университетъ разрѣшать диссертаціи на ученыя степени, что до сихъ поръ онъ дѣлалъ, придерживаясь смысла устава и что принадлежитъ ему по праву. Ибо кто же будетъ цензоровать спеціальныя сочиненія, какъ не университетъ? Да притомъ развѣ университетъ не оффиціальное мѣсто и если ему не вѣрить въ этомъ, то какъ же вѣрить въ лекціяхъ, гдѣ гораздо легче внушать мысли „опасныя“? Нѣкоторые члены однако порѣшили обратить это въ вопросъ и представить на разрѣшеніе министра. Я возсталъ противъ этого. Самое сомнѣніе въ правѣ университета печатать самостоятельно диссертаціи обнаруживало преувеличенный страхъ или, вѣрнѣе, трусость, и совершенно ненужное уничиженіе, которое могло вредно на немъ отразиться. Завязался споръ. Приступили къ собиранію голосовъ. За меня оказалось шесть, противъ меня одиннадцать! Любопытный фактъ, доказывающій, какъ настроены умы въ университетѣ.

— 2. Событія на Западѣ вызвали страшный переполохъ . .
. . . .
. . . .
. . . . образованіе и мысль, искавшія (въ умѣ человѣческомъ) опоры, оказались еще столь шаткими, что не вынесли перваго же дуновенія на нихъ . . . . И тѣ, которые уже склонялись къ тому, чтобы считать мысль въ числѣ человѣческихъ достоинствъ и потребностей, теперь опять обратились къ безмыслію . . . .
. . . . Произволъ—въ апогеѣ. Никогда еще не почитали его столь законнымъ, какъ нынѣ.

Западныя происшествія, западныя идеи о лучшемъ порядкѣ

вещей признаются за поводъ не думать ни о какомъ улучшеніи. . . . .
. . . .
. . . .
. . . . Поворотъ назадъ такимъ образомъ сдѣлался гораздо легче, чѣмъ ожидали и надѣялись нѣкоторые мечтатели. Это даже не ходъ назадъ, а быстрый бѣгъ обратно.....

Возникъ было вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Господа испугались и воспользовались теперь случаемъ, чтобы объявить всякое движеніе въ этомъ направленіи пагубнымъ для государства.

Наука блѣднѣетъ и прячется. Невѣжество возводится въ систему. Еще немного, и все, въ теченіе полутораста лѣтъ созданное Петромъ и Екатериной, будетъ въ конецъ низвергнуто, затоптано... И теперь уже простодушные люди со вздохомъ твердятъ: „видно наука и впрямь дѣло нѣмецкое, а не наше".

— 5. „Дѣло нѣмецкое" и на западѣ идетъ назадъ. Восстаніе пока ни къ чему не привело. На помощь потрясеннымъ авторитетамъ явилась физическая сила и одержала верхъ въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, во Франкфуртѣ и въ Берлинѣ. Значитъ, или хотѣли дурнаго, или хорошее проиграно...

— 6. Вчера одинъ изъ молодыхъ магистровъ, Варнекъ, защищалъ въ университетѣ диссертацію: „О зародышѣ вообще и о зародышѣ брюхоногихъ слизняковъ". Вещь очень любопытная и прекрасно изложенная молодымъ ученымъ. Но на диспутѣ произошла непристойность. Диспутантъ, по обыкновенію, сопровождалъ свою рѣчь въ иныхъ мѣстахъ латинскими терминами, иногда нѣмецкими и французскими, которые ставилъ въ скобкахъ при названіи техническихъ предметовъ. Изъ этого профессоръ Шиховской вывелъ заключеніе, что Варнекъ не любитъ своего отечества и презираетъ свой языкъ, о чемъ велерѣчиво и объявилъ автору диссертаціи. Послѣдній былъ до того озадаченъ этимъ новымъ способомъ научнаго опроверженія, что растерялся и не нашелъ, что отвѣчать. Тогда профессоръ началъ намекать на то, что диспутантъ яко-бы склоненъ къ матеріализму, а въ заключеніе объявилъ, что диссертація такъ нелѣпа и темна, что онъ не понялъ ея вовсе. Между тѣмъ Куторга, къ каѳедрѣ котораго и относится настоящее разсужденіе, тутъ же вполнѣ одо-

брилъ трудъ молодаго ученаго и мы всѣ, даже люди не спеціальные, съ удовольствіемъ слушали его любопытное и ясное изложеніе. Итакъ, вотъ одинъ изъ профессоровъ, вмѣсто ученаго диспута, направился прямо къ полицейскому доносу. Такова судьба науки . . . . Мудрено ли, что (многіе у насъ) презираютъ и науку и ученыхъ?

— 15. Новопожалованный католическій епископъ Боровскій разсказывалъ мнѣ о своемъ представленіи государю. Съ нимъ вмѣстѣ представлялся и Головинскій и прочіе епископы. Государь сказалъ Головинскому:

— Не правду ли я вамъ говорилъ года полтора тому назадъ, что въ Европѣ будетъ смятеніе?

Головинскій отвѣчалъ:

— Только что услышалъ я объ этихъ безпорядкахъ, какъ вспомнилъ эти высокія слова вашего величества и изумился ихъ пророческому значенію.

— Но будетъ еще хуже, замѣтилъ государь. Все это отъ безвѣрія и потому я желаю, чтобы вы, господа, какъ пастыри, старались всѣми силами объ утвержденіи въ сердцахъ вѣры. Что же меня касается, прибавилъ онъ, сдѣлавъ широкое движеніе рукой,—то я не позволю безвѣрію распространяться въ Россіи, ибо оно и сюда проникаетъ.

Аудіенція продолжалась полчаса.

— 20. Главное — быть достойнымъ собственнаго уваженія, все прочее не стоитъ вниманія. Ты иначе воспитался, инымъ путемъ шелъ, чѣмъ другіе, иною судьбою былъ руководимъ и искушаемъ, а потому имѣешь право не уважать ихъ правилъ и обычаевъ. Ограниченность внѣшней дѣятельности умѣй замѣнить внутреннею дѣятельностью духа и воздѣлываніемъ идей. Арена исторіи не отъ тебя зависитъ, но поприще внутренняго міра твое. Кто хотѣлъ быть полезенъ людямъ и не успѣлъ, потому что люди того не захотѣли, тотъ имѣетъ право уединиться въ себѣ самомъ.

Я хотѣлъ содѣйствовать утвержденію между ними владычества разума, законности и уваженія къ нравственному достоинству человѣка, полагая, что отъ этого можетъ произойти добро для общества. Но общество—еще не выработалось для этихъ началъ: они слишкомъ для него отвлеченны. Оно не имѣетъ

вкуса къ нравственнымъ началамъ. Вкусъ его направленъ къ грубымъ и пошлымъ интересамъ. Въ немъ нѣтъ никакой внутренней самостоятельности. Оно движется единственно внѣшнею побудительною силою. Гдѣ же тутъ мѣсто разуму, законности?..

Сколько разъ бывалъ я обманутъ притворнымъ и лицемѣрнымъ изъявленіемъ уваженія къ добру и истинѣ! У всѣхъ, на самомъ дѣлѣ, одна цѣль—исключительность положенія, безъ всякаго вниманія къ нуждамъ, правамъ и достоинству другихъ. А сколькіе еще, въ пылу своей эгоистической дѣятельности переходятъ отъ этого отрицательнаго равнодушія къ дѣйствительному притѣсненію всѣхъ, кого могутъ тѣснить безнаказанно. Иные подчасъ принимаютъ на себя личину образованія, выказываютъ стремленіе къ умственнымъ или нравственнымъ интересамъ. Не вѣрьте, это чистая фальшъ. Они похожи на дикарей, которые, вмѣсто куска грубой туземной ткани, драпируются въ европейскій плащъ, но ни сшить его сами, ни носить, какъ должно, не умѣютъ.

Теперь въ модѣ патріотизмъ, отвергающій все европейское, не исключая науки и искусства, и увѣряющій, что Россія столь благословенна Богомъ, что проживетъ безъ науки и искусства. Патріоты этого рода не имѣютъ понятія объ исторіи и полагаютъ, что Франція объявила себя республикой, а Германія бунтуетъ отъ того, что есть на свѣтѣ физика, химія, астрономія, поэзія, живопись и т. д. Они точно не знаютъ, (что̀ такое была) Византія... въ ней наука и искусства были въ страшномъ упадкѣ . . . . Видно по всему, что дѣло Петра Великаго имѣетъ и теперь враговъ не менѣе, чѣмъ во времена раскольничьихъ и стрѣлецкихъ бунтовъ. Только прежде они не смѣли выползать изъ своихъ темныхъ норъ, куда загнало ихъ правительство, поощрявшее просвѣщеніе. Теперь же всѣ подпольные, подземные, болотные гады выползли, услышавъ, что просвѣщеніе застываетъ, цѣпенѣетъ, разлагается...

— 24. Если наука не можетъ существовать безъ нѣкоторой доли независимости ума и самоуваженія, такъ убьемъ науку— вотъ основная мысль комплота обскурантовъ, которые теперь такъ усилились, что думаютъ навсегда уничтожить дѣло Петра. Но—вскуе шаташася языцы и людіе научашася тщетнымъ? Ус-

пѣютъ ли они въ этомъ? Успѣютъ, во всякомъ случаѣ, усилить безнравственность, осудивъ на бездѣйствіе нравственныя силы, которыя всетаки начали пробуждаться. Они хотятъ всю дѣятельность сосредоточить въ предѣлахъ (самыхъ тѣсныхъ): но развѣ это дѣятельность? Впрочемъ, на обществѣ можно выводить какіе угодно узоры: оно всему подчинится...

— 25. Вчера, съ 12-ти до пяти часовъ, занимался въ „Обществѣ посѣщенія бѣдныхъ" раздачею пособій. На меня возложена также инспекція заведеній, гдѣ воспитываются дѣти, находящіяся подъ покровительствомъ Общества.

— 27. Какой-то негодяй Ар—въ, рязанскій помѣщикъ, промотавшій свое состояніе, пріѣхалъ въ Петербургъ доматывать остатки его. Исполнивъ это съ точностью, онъ придумалъ удивительный способъ пополнить свою опустѣвшую казну. Онъ явился въ III-е отдѣленіе и объявилъ, что ему извѣстно существованіе заговора противъ правительства, участниковъ котораго онъ всѣхъ откроетъ и предастъ, если только ему даны будутъ на то средства, т. е. деньги. Дуббельтъ, говорятъ, этому не повѣрилъ, но другіе не только повѣрили, но и испугались. Доносчику дали денегъ. Онъ началъ задавать пиры въ трактирахъ и, накормивъ и напоивъ своихъ гостей, тутъ же передавалъ ихъ переодѣтымъ жандармамъ, какъ участниковъ вышеупомянутаго заговора. Такимъ образомъ было перехвачено человѣкъ семьдесятъ. Въ числѣ ихъ попался какой-то Лавровъ, племянникъ одного директора департамента, который хорошо знакомъ съ Дуббельтомъ. Директоръ этотъ явился къ послѣднему и объяснилъ, что племянникъ его самое невинное созданіе, никогда не читавшее ничего либеральнаго и не мыслящее, вовсе неспособное не только къ заговорамъ, но даже и къ простымъ разговорамъ. Но это еще не распутывало дѣла, которое могло бы продлиться, а можетъ быть и кончиться для многихъ дурно. Къ счастью, этотъ же самый директоръ получилъ отъ какого-то пріятеля изъ Рязани письмо, въ которомъ тотъ его просилъ похлопотать о высылкѣ изъ Петербурга нѣкоего Ар—ва, извѣстнаго у нихъ плута, воришку, картежника, который наполнилъ всю губернію своими похожденіями и долгами. Письмо это было представлено въ III отдѣленіе, и такимъ образомъ, наконецъ, открылась комедія, которую игралъ этотъ негодяй, чтобы на выманенныя деньги гулять. Въ заклю-

ченіе онъ самъ во всемъ признался. Разумѣется, всѣхъ невинно забранныхъ отпустили, а молодца, говорятъ, отправили въ арестантскія роты.

— 31. Холера опять усиливается. Недавно заболѣвшихъ оставалось менѣе сорока, умершихъ было по двое, по трое въ сутки и вновь заболѣвавшихъ не больше. Теперь больныхъ сто, умершихъ вчера было уже двадцать два, вновь заболѣвшихъ тридцать. Въ числѣ умершихъ нѣсколько молодыхъ людей изъ такъ называемаго порядочнаго общества. Приписываютъ это чрезвычайнымъ холодамъ, которые доходятъ до 27°.

1849 годъ.

Январь.—4. Существенная ошибка людей въ понятіяхъ о жизни есть та, что цѣлью ея они считаютъ счастіе, тогда какъ разумъ долженъ ставить на мѣсто счастья долгъ. Счастіе или наслажденія даны намъ какъ пряности, какъ приправа жизни, безъ которыхъ она была бы ужъ черезчуръ водяниста и невкусна. Но главное дѣло въ томъ, чтобы мы исполнили законъ развитія, сообразно съ основными требованіями или началами нашей природы. Тутъ не спрашивается, хорошо-ли, или дурно будетъ это для насъ: иди, дѣлай, терпи и умирай, если этого требуетъ законъ жизни. Лови также и наслажденіе, гдѣ оно мелькнетъ передъ тобою, но употребляй его умно, то есть, не забывая, что его всегда или можно, или должно лишиться. Быть довольнымъ собою не то, что быть счастливымъ, хотя въ довольствѣ собой есть своя доля счастія. Но оно, главнымъ образомъ, всетаки выражаетъ то, что мы исполнили свой долгъ.

Наука столько же виновата въ приписываемыхъ ей волненіяхъ и злѣ, сколько виновато солнце, при свѣтѣ коего, какъ извѣстно, совершаются многія и разныя дѣла, хорошія и дурныя. Но извѣстно также, что всѣ дѣла низкаго рода, воровства, разбои и проч. дѣлаются предпочтительно ночью.

— 7. Въ городѣ невѣроятные слухи о закрытіи университета. Проектъ этотъ приписываютъ Ростовцеву, который, будто бы, подалъ государю записку о преобразованіи всего воспита-

нія, образованія и самой науки въ Россіи, и гдѣ онъ предлагаетъ на мѣсто университета учредить въ Петербургѣ и Москвѣ два большіе высшіе корпуса, гдѣ науки преподавались бы спеціально только людямъ высшаго сословія, готовящимся къ службѣ. Правда, обскуранты полагаютъ, что спасеніе Россіи, то есть ихъ самихъ, въ крѣпостномъ состояніи и въ невѣжествѣ и они находятъ себѣ сочувствіе (въ разныхъ лицахъ)... Лица эти давно уже ненавидятъ университеты, а современныя событія въ Германіи ненавидятъ до ярости. Слѣдовательно, невозможнаго въ городскихъ слухахъ ничего нѣтъ. Но вѣдь закрыть университеты значитъ уничтожить науку, а уничтожить науку—это безуміе въ человѣческомъ, гражданскомъ и государственномъ смыслѣ. Во всякомъ случаѣ, ненависть къ наукѣ очень сильна. Недавно князь К... говорилъ мнѣ вещи, отъ которыхъ страшно и стыдно становилось мнѣ. Они забываютъ, что наукѣ единственно Россія обязана, что она еще есть, и нельзя же въ самомъ дѣлѣ выбросить изъ ея исторіи цѣлыхъ полтораста лѣтъ!.. Увидимъ, какъ произойдетъ это любопытное событіе! Въ Россіи много происходило и происходитъ такого, чего нѣтъ, не было и не будетъ нигдѣ на свѣтѣ. Почему же не быть и этому?

— 15. Долженъ подать и уже подалъ въ отставку изъ института путей сообщенія. Тамъ произошли удивительныя преобразованія по плану и вліянію Ростовцева. Уничтожены офицерскіе классы, учрежденъ учебный комитетъ, завѣдывающій, вмѣсто инспектора, исполнительною частью въ заведеніи, велѣно процѣдить всѣ программы такъ, чтобы мысль вся осталась на днѣ и затѣмъ была выброшена,—словомъ институтъ, одно изъ полезнѣйшихъ и лучшихъ заведеній въ имперіи, какимъ онъ былъ до послѣднихъ клейнмихельскихъ преобразованій,—институтъ, подарившій Россіи отличныхъ инженеровъ, низведенъ до кадетскаго корпуса. Забавно, что Ростовцевъ говорилъ нѣкоторымъ, что заведеніе это гибнетъ именно отъ того, что его хотятъ поставить на корпусную ногу, и одновременно дѣйствовалъ такъ, чтобы изъ него дѣйствительно вышелъ корпусъ, да еще дрянной. Между прочими новостями, заведены наставники-наблюдатели изъ постороннихъ лицъ (любимая идея Якова Ивановича). Хотя я самъ уже былъ инспекторомъ по преподаванію руской словесности и въ институтѣ и въ строительномъ учи-

лищѣ, мнѣ тоже дали такого наставника-наблюдателя, преподавателя тактики, извѣстнаго жуира и бонвивана, да къ тому же еще и нѣмца, генерала Ортенберга. Само собою разумѣется, я немедленно подалъ въ отставку.

Любопытно, что на этой недѣлѣ нѣсколько запрещеній. Недавно вышло запрещеніе относительно спичекъ; потомъ запрещено лото въ клубахъ, затѣмъ маскарады съ аллегри. Любопытна фраза въ актѣ послѣдняго запрещенія: не осмѣливаться даже входить съ просьбами о маскарадахъ-аллегри въ пользу благотворительныхъ заведеній: это дозволяется только театру.

— 25. Видѣлся съ товарищемъ графа Клейнмихеля, генераломъ Рокасовскимъ, который принялъ меня очень любезно. Онъ думаетъ, что графъ меня не выпуститъ изъ института и скорѣе отмѣнитъ свое распоряженіе. Мнѣ сказали также, что меня представили къ наградѣ и что я могу потерять ее, если теперь выйду. Я объявилъ, что всетаки выйду.

— Получите, по крайней мѣрѣ, награду, а потомъ выходите, посовѣтывалъ мнѣ добродушный инспекторъ Языковъ:—зачѣмъ лишаться того, что даютъ?

Долженъ былъ объяснять, что это противно моимъ правиламъ, что это было бы похищеніемъ награды и т. д. О, Господи, о Господи!

— 30. Мнѣ предлагаютъ новое дѣло. По министерству финансовъ, гдѣ, кажется, особенно по департаменту внѣшней торговли, нужно лицо для редакціи важнѣйшихъ записокъ государю и т. п. Указали на меня, какъ на человѣка съ перомъ, и я получилъ приглашеніе занять эту должность, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, разумѣется, съ сохраненіемъ настоящихъ моихъ должностей. Небольсинъ взялъ у меня записку о моей службѣ и отдалъ директору. Уже было доложено министру финансовъ, который хотѣлъ только предварительно заручиться согласіемъ на то министра народнаго просвѣщенія. Послѣднему доложилъ о томъ попечитель и затѣмъ объявилъ мнѣ, что графъ согласенъ на это. Итакъ, теперь остается только министерству финансовъ сдѣлать представленіе о мнѣ государю. Разумѣется я охотно принимаю это предложеніе, тѣмъ охотнѣе, что я за послѣднее время понесъ большія денежныя потери, отказавшись отъ цензуры и отъ редакціи „Современника“, ко-

торый обѣщалъ мнѣ тысячъ до восьми въ годъ. А теперь теряю еще 2000 въ годъ отъ института путей сообщенія. Необходимо это чѣмъ нибудь вознаградить: иначе придется опять попасть въ когти нуждѣ, съ которой я уже былъ такъ долго и коротко знакомъ. Впрочемъ, она никогда не перестаетъ вполнѣ грозить мнѣ.

Февраль.—3. Слухи о закрытіи университетовъ умолкаютъ. Теперь говорятъ, что никто никогда объ этомъ и не помышлялъ.

— 6. Недавно былъ у меня князь М. А. Оболенскій, начальникъ московскаго архива, и разсказывалъ мнѣ о подвигахъ Шевырева и Погодина, чтобы выслужиться передъ графомъ Уваровымъ: какъ они подвизались противъ графа Строгонова, какъ подали доносъ о печатаніи Флетчера, какъ пострадало отъ того „Общество исторіи и древностей“ и секретарь послѣдняго Бодянскій, и пр.

— 8. Университетскій актъ. Плетневъ читалъ отчетъ за прошедшій академическій годъ, Срезневскій—диссертацію по части русскаго языка и славянскихъ нарѣчій. Плетневъ въ своемъ отчетѣ старался, сколь возможно, выставить пользу и безопасность университетскаго образованія. Онъ искусно воспользовался нѣкоторыми мѣстами прекрасной статьи Порошина, надняхъ напечатанной въ „Академической газетѣ“: „Объ ученыхъ торжествахъ“. Статья эта написана съ цѣлью защитить университеты отъ посягательства татаръ, которые только теперь и думаютъ о томъ, какъ бы остановить въ Россіи науку и искусство, подъ предлогомъ, что она-то, наука, и виновата во всемъ, что творится на Западѣ. Статья Порошина произвела сильное впечатлѣніе на людей просвѣщенныхъ. Подѣйствовала ли она на невѣждъ? Это было бы всего важнѣе, ибо въ наши печальные дни невѣжды располагаютъ ходомъ событій. Но они ничего не читаютъ.

На актѣ было довольно посѣтителей, много высшаго духовенства, въ томъ числѣ новый митрополитъ Никаноръ и знаменитый Иннокентій. Министръ пріѣхалъ почти къ самому концу.

Послѣ акта Ростовцевъ отозвалъ меня въ сторону и объяснилъ, что вовсе не зналъ о моемъ пребываніи въ институтѣ путей сообщенія. Иначе онъ не рекомендовалъ бы въ наставники-наблю-

датели по русской словесности Ортенберга. Это вина Клейнмихеля, который о томъ не вспомнилъ. Я возразилъ, что вовсе не приписывалъ ему того, что лично меня касается въ этомъ дѣлѣ, и что вообще потеря моя въ настоящемъ случаѣ не велика, такъ какъ я надѣюсь вознаградить ее другимъ трудомъ. Такимъ образомъ, мы разстались друзьями.

Актомъ, кажется, всѣ остались довольны.

— 10. Заглянулъ въ записки Флетчера, экземпляръ которыхъ какъ-то ускользнулъ въ Москвѣ изъ рукъ полиціи и бѣжалъ сюда. „Общество исторіи и древностей“ поступило съ молодецкою отвагою, переведя и напечатавъ ихъ въ своихъ актахъ. Замѣчательно слѣдующее: князь Оболенскій, доставившій обществу книгу Флетчера въ оригиналѣ, расхваливаетъ ее въ своемъ предисловіи „за вѣрность сказаній и за безпристрастіе“. А за его предисловіемъ немедленно слѣдуетъ посвященіе Флетчера своего труда королевѣ Елисаветѣ. Въ этомъ посвященіи онъ представляетъ ей картину удивительнаго правленія, гдѣ тиранія является какъ начало и система. А въ самой книгѣ, напримѣръ, говорятся такія вещи: описывая всеобщее повальное рабство въ Россіи, авторъ отчаявается въ возможности когда либо другого порядка вещей въ ней. Дворянство, говоритъ онъ, не имѣетъ никакого корпоративнаго духа и думаетъ только о чинахъ и грабежахъ. Народъ до такой степени угнетенъ, что и думать не можетъ о какомъ либо противодѣйствіи. Войско довольно тѣмъ, что можетъ жить на счетъ другихъ и грабить—все разъединено. Да, эту книгу дѣйствительно нельзя было теперь печатать!

— 11. Читалъ любопытную вещь: подлинное дѣло главнаго правленія училищъ о Магницкомъ въ 1826 году. Былъ, по высочайшему повелѣнію, отправленъ генералъ-маіоръ Желтухинъ въ Казань, для изслѣдованія дѣйствій Магницкаго и вообще состоянія тамошняго университета. Когда онъ возвратился, донесеніе его велѣно было разсмотрѣть главному управляющему училищъ. Это и повело къ раскрытію многихъ поступковъ Магницкаго. Такъ, напримѣръ, онъ ввелъ въ университетѣ слѣдующую дисциплину. Во время обѣда, кстати, очень плохаго, читались молитвы. Студентъ, въ чемъ нибудь провинившійся, назывался грѣшникомъ. Его отводили въ комнату уединенія, гдѣ не было ничего, кромѣ распятія и картины страшнаго суда. Къ

нему посылали священника, передъ которымъ онъ долженъ былъ принести покаяніе. Затѣмъ его пріобщали. Студенты, во время общихъ молитвъ, молились за грѣшника.

Двухъ молодыхъ людей Магницкій отдалъ въ солдаты, не смотря на отличный о нихъ отзывъ университета—одного за то, что отъ него пахло виномъ, другаго за то, что онъ дѣйствительно разъ напился. Директора университета произвелъ въ IV классъ. Назначенныя для учебныхъ пособій пять тысячъ рублей укралъ. Отчетовъ никакихъ не могъ представить. Вообще дѣйствовалъ совсѣмъ произвольно, ни на что не испрашивая даже разрѣшенія министра, а когда тотъ однажды далъ ему предписаніе, по дѣлу Жобара, онъ не послушалъ его и отвѣчалъ дерзко. Профессоровъ смѣнялъ и опредѣлялъ помимо совѣта, по своему личному усмотрѣнію. Опредѣленный имъ профессоръ изъ учителей семинаріи, преподаватель латинскаго языка, Кориблиновъ, такъ понравился Магницкому, что онъ поручилъ ему каѳедры: политической экономіи, дипломатики, исторіи философіи, логики, а латинскаго языка само по себѣ. Далъ инструкцію ректору университета, которою во многомъ противорѣчилъ уставу.

Въ своемъ отношеніи о профессорѣ Куницынѣ Магницкій, между прочимъ, писалъ, что видитъ въ немъ „орудіе врага Божія, потрясающее Неаполь, Мадритъ, Туринъ, Лиссабонъ, внушающее Каннингу политическую исповѣдь его и вооружающее до 200,000 штыковъ и 200 линейныхъ кораблей“.

Въ проектѣ объ уничтоженіи въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ философіи Магницкій говоритъ, что преподаваніе этой науки невозможно безъ пагубы религіи и престола. Годъ спустя, однако, онъ уже считалъ преподаваніе ея возможнымъ, только съ нѣкоторыми ограниченіями. Это мнѣніе Магницкаго было передано на обсужденіе главнаго управленія училищъ. Всѣ члены подали голосъ за философію и противъ Магницкаго. Наиболѣе умные письменные отзывы по этому дѣлу дали: Муравьевъ-Апостолъ, Крузенштернъ и Мартыновъ; самые нелѣпые: Карнѣевъ, бывшій харьковскій попечитель, и Ширинскій-Шихматовъ, братъ нынѣшняго товарища министра. Карнѣевъ, напримѣръ, осуждаетъ философію за то, что она ни во что ставитъ чорта и волшебниковъ, какъ бы отрицая ихъ существованіе, тогда какъ, по мнѣнію его, Карнѣева, чортъ и колдуны много

бѣдъ производятъ на свѣтѣ. Однако-же, и онъ допускаетъ логику и психологію, только не жалуетъ метафизики. Князь Ливенъ, бывшій послѣ министромъ народнаго просвѣщенія, объявилъ себя также на сторонѣ философіи. Всѣ защитники ея, между прочимъ, опирались на то, что злоупотребленія философіи не должно смѣшивать съ самой философіей: ибо чего нельзя употребить во зло? Самая религія развѣ не подвергалась ужаснѣйшимъ злоупотребленіямъ. Еще въ высшей степени ни съ чѣмъ несообразно мнѣніе Штера.

Магницкій напалъ также на логику И. И. Давыдова, которою тотъ руководился при преподаваніи ея въ московскомъ благородномъ пансіонѣ. Нѣкоторые члены главнаго правленія училищъ видѣли въ ней даже безбожныя мысли, другіе нашли ее только темною и неудобною для преподаванія, и потому рѣшено было исключить ее изъ числа учебныхъ книгъ и не печатать вновь, а цензурѣ сдѣлать выговоръ за пропускъ ея.

— 12. Въ „Современникѣ“ печатается чрезвычайно любопытная статья профессора московскаго С. М. Соловьева. Никто еще изъ нашихъ историковъ не обнаруживалъ такого основательнаго и глубокаго анализа, какъ этотъ ученый. Отъ него многаго слѣдовало ожидать для нашей исторіи, которой до сихъ поръ не доставало именно такого рода критическихъ изслѣдованій. Но вотъ что случилось. Негласный комитетъ или, лучше сказать Бутурлинъ, нашелъ, что статьи Соловьева хотя благонамѣренны и безвредны, однако, ему не слѣдовало говорить въ нихъ о Болотниковѣ!!—особенно въ журналѣ. Цензору велѣно сдѣлать замѣчаніе.

Я заходилъ въ цензурный комитетъ. Чудныя дѣла дѣлаются тамъ. Напримѣръ, цензоръ Мехелинъ вымарываетъ изъ древней исторіи имена всѣхъ великихъ людей, которые сражались за свободу отечества или были республиканскаго образа мыслей—въ республикахъ Греціи и Рима. Вымарываются не разсужденія, а просто имена и факты. Такой ужасъ навелъ на цензоровъ Бутурлинъ съ братіей, т. е. съ Корфомъ и Дегаемъ.

Что-жъ это такое въ самомъ дѣлѣ? Крестовый походъ противъ науки? Слѣпцы, они не видятъ, что отнимая у идей, т. е. у идей науки, способъ идти впередъ путемъ печати, они наталкиваютъ ихъ на путь устныхъ сообщеній. А этотъ путь гораздо опас-

нѣе, ибо тутъ невольно примѣшивается желчь раздраженія и негодованія, которую въ печати сдерживаютъ и цензура, и приличія. Пора бы, кажется, перемѣнить пошлую политику угрозы и угнетенія на политику направляющую. Но для этого потребовался бы умъ не бутурлинскій. Вѣдь въ настоящемъ случаѣ вызывается недовольство не въ мальчикахъ-писунахъ, не въ журнальныхъ борзописцахъ, а въ людяхъ солидныхъ, съ дарованіями и съ прошлымъ, людяхъ съ серьезнымъ образомъ мыслей, которые уже дѣйствовали на общество и оказали важныя услуги и образованію нашему и языку. Слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, хоть отличать тѣхъ отъ этихъ и ужъ если укрощать однихъ, когда они врутъ, то поощрять другихъ. Но здѣсь всѣ подъ одну шапку: вы всѣ люди вредные, потому что мыслите и печатаете свои мысли.

Не мудрено, если въ понятіяхъ водворяется хаосъ. Молодое поколѣніе, не находя благородной цѣли своимъ стремленіямъ, удаляется отъ науки, отъ искусствъ, спутываетъ всѣ основныя понятія о жизни, о назначеніи человѣка и общества. Въ обществѣ нѣтъ точки опоры; всѣ бродятъ, какъ шалые или пьяные. Одни воры и мошенники бодры и трезвы. Одни они сохраняютъ присутствіе духа и видятъ ясно цѣль своей жизни—въ стяжаніи. Злоупотребленія повсюду выступаютъ открыто и нагло, даже не боясь наказанія, которое случайно падаетъ изъ сильной руки, а не изъ нѣдръ закона. Безнравственность быстро распространяется и поражаетъ даже души простыя и не лишенныя чувства чести, но не находящія безопасности въ честныхъ убѣжденіяхъ и поступкахъ. Нашъ попечитель Мусинъ-Пушкинъ сдѣланъ сенаторомъ. Надняхъ онъ мнѣ говорилъ, что читая сенатскія записки, онъ приходитъ въ ужасъ отъ безпорядковъ и злоупотребленій, свирѣпствующихъ въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ Онъ еще новичекъ въ этой сферѣ и потому его поражаетъ эта гнилая атмосфера.

— 16. Куторга посаженъ на гауптвахту на десять дней, за пропускъ какихъ-то нѣмецкихъ стиховъ, относящихся къ 1847 г. Онъ съ іюля мѣсяца уже не цензоръ.

— 25. Нѣсколько школьниковъ изъ училища правовѣдѣнія гуляли въ какомъ-то трактирѣ, пѣли либеральныя пѣсни и что-то врали о республикѣ. Двое изъ нихъ теперь сидятъ въ канце-

ляріи графа Орлова. Тутъ попался, между прочимъ, какой-то князь Гагаринъ.

Какъ и за что посаженъ на гауптвахту Куторга? Я читалъ бумагу, гдѣ изложено донесеніе великаго инквизитора Бутурлина, что „пропущенные Куторгою нѣмецкіе стихи содержатъ въ себѣ мистическія изображенія и неблаговидные намеки, не согласные съ нашею народностью". Но развѣ можно кого либо обвинять такимъ мистическимъ образомъ? Это не все еще. Книга состоитъ изъ двухъ частей: первая пропущена въ Дерптѣ профессоромъ Неемъ, имя котораго и выставлено на книгѣ, а имя Куторги умолчено. Изъ этого Бутурлинъ, съ Корфомъ и Дегаемъ, заключили, что Куторга учинилъ подлогъ, съ намѣреніемъ не выставилъ своего имени на печатномъ экземплярѣ, чтобъ всю отвѣтственность свалить на Нея. Вотъ почему и рѣшено было посадить Куторгу на десять дней на гауптвахту, внести это въ его послужной списокъ и спросить у министра народнаго просвѣщенія, считаетъ ли тотъ возможнымъ послѣ этого терпѣть Куторгу на службѣ? Все это было сдѣлано безъ всякаго разслѣдованія, безъ сношенія съ министромъ, безъ запроса Куторгѣ. А послѣдній уже лѣтъ пятнадцать какъ извѣстенъ и въ публикѣ и на службѣ за полезнаго, талантливаго ученаго и благороднаго человѣка. Между тѣмъ оказалось, что имя Куторги напечатано на всѣхъ экземплярахъ, находящихся въ продажѣ, но по типографской опечаткѣ или недосмотру, не выставлено на двухъ или трехъ экземплярахъ. О подлогѣ, значитъ, и помину нѣтъ, а о цензурномъ проступкѣ даже самъ государь отозвался, что считаетъ его неважнымъ. Куторгу освободили на пятый день. Вотъ какъ дѣйствуетъ Бутурлинъ съ братіей!

Мартъ.—6. Былъ у министра, чтобы лично испросить его согласіе на опредѣленіе меня чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ финансовъ, по департаменту внѣшней торговли. Онъ принялъ меня привѣтливо и сказалъ, что согласенъ, лишь бы университетъ отъ того не потерялъ.

— Но вѣдь университетъ для меня не служба, а цѣль моей жизни,—отвѣчалъ я.

— Да, я самъ такъ думаю, замѣтилъ министръ,—и съ моей стороны нѣтъ никакихъ препятствій для вашего новаго назначенія.

— 8. Послалъ просьбу Языкову, директору департамента внѣшней торговли, объ опредѣленіи меня въ министерство финансовъ.

Есть нѣкто Юрій Самаринъ, молодой и богатый аристократъ, человѣкъ весьма образованный и съ замѣчательными способностями. Этотъ Самаринъ теперь въ крѣпости. Онъ служилъ въ Ригѣ, при тамошнемъ генералъ-губернаторѣ Суворовѣ. Самаринъ вздумалъ, въ видѣ писемъ къ друзьямъ, описать состояніе остзейскихъ нѣмцевъ и управленіе ими. Тутъ сильно достается и нѣмцамъ и Суворову. Авторъ смотритъ на вещи съ славянофильской точки зрѣнія. Письма эти, собранныя въ тетрадь, ходили по рукамъ здѣсь и въ Москвѣ. Суворовъ пожаловался сначала Перовскому, а когда тотъ принялъ жалобу равнодушно, то самому государю, слѣдствіемъ чего и было заключеніе автора въ крѣпость.

— 21. Самаринъ выпущенъ изъ крѣпости и еще даже при лестныхъ для него условіяхъ. Прямо изъ крѣпости его позвалъ къ себѣ государь. Такимъ образомъ онъ явился во дворецъ, какъ былъ, не бритый, въ платьѣ очень не парадномъ. Государь встрѣтилъ его слѣдующими словами:

— Обдумалъ ли ты, молодой человѣкъ, свое положеніе и свой поступокъ? Ты имѣлъ на то время.

— Если я моимъ поступкомъ имѣлъ несчастіе неумышленно оскорбить ваше величество, отвѣчалъ Самаринъ,—то прошу милостиво меня простить.

— Ну, счеты наши кончены, сказалъ государь, обнялъ его, поцѣловалъ, потомъ прибавилъ:—объ отцѣ твоемъ не тревожься: онъ успокоенъ. Садись.

По вторичному приглашенію Самаринъ сѣлъ.

— Теперь поговоримъ. Знаешь ли ты, что могла произвести V-я глава твоего сочиненія? Новое четырнадцатое декабря.

Самаринъ сдѣлалъ движеніе ужаса.

— Молчи! Я знаю, что у тебя не было этого намѣренія. Но ты пускалъ въ народъ опасную идею, толкуя, что русскіе цари, со времени Петра Великаго, дѣйствовали только по внушенію и подъ вліяніемъ нѣмцевъ. Если эта мысль пройдетъ въ народъ, она произведетъ ужасныя бѣдствія.

Что за тѣмъ говорено было — мнѣ не передано. Самаринъ

однако, пробылъ больше часа въ кабинетѣ государя, который въ заключеніе милостиво простился съ нимъ, сказавъ:

— Поѣзжай немедленно въ Москву и лично успокой отца. Мы скоро увидимся тамъ. Ты до сихъ поръ служилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, я дамъ тебѣ другое назначеніе.

Все это Самаринъ пересказывалъ Надеждину при нашемъ профессорѣ Неволинѣ, который мнѣ передалъ.

Государь и весь дворъ дѣйствительно ѣдутъ въ Москву, гдѣ, говорятъ, готовится какое-то большое народное торжество.

Въ Москвѣ много толковали объ арестѣ Самарина. Онъ принадлежитъ къ одной изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ фамилій и состоитъ въ родствѣ съ многими знатными домами. Теперь, вмѣсто Самарина, посаженъ въ крѣпость И. С. Аксаковъ, братъ знаменитаго славянофила, который расхаживаетъ по Москвѣ въ старинномъ русскомъ охабнѣ, въ мурмулкѣ и съ бородою.

— 26. И Аксаковъ выпущенъ. Впрочемъ онъ не былъ въ крѣпости. Его только три дня продержали въ III отдѣленіи. Хотѣли узнать его образъ мыслей и въ этомъ духѣ дѣлали ему вопросы, на которые онъ отвѣчалъ письменно. Государь, говорятъ, благосклонно принялъ эти отвѣты. Аксаковъ принадлежитъ къ партіи тѣхъ славянофиловъ, которые возбуждаютъ духъ народный съ самаго дна его и придерживаются старины въ этомъ смыслѣ. Ненависть къ нѣмцамъ тутъ не иное что, какъ выраженіе мысли: пора дѣлать что нибудь самимъ и изъ себя. Мысль эта гораздо глубже, чѣмъ кажется инымъ и многимъ. Партія такихъ славянофиловъ должна быть сильна, ибо опирается дѣйствительно на народъ. Съ ней въ наружной оппозиціи партія европейскихъ людей, послѣ петровскихъ, которыя опираются на общечеловѣческія идеи, на идеи науки и искусства. Но и у тѣхъ и у другихъ есть оттѣнки, выражающіе крайности. Главное въ томъ, что обѣ эти партіи начинаютъ обозначаться явственно и опредѣленно. Но такъ какъ у насъ гласно ничего не высказывается, то онѣ работаютъ въ кружкахъ, безъ всякаго впрочемъ соглашенія, сближаясь по внутреннему влеченію своихъ характеровъ или по идеямъ, прежде кѣмъ нибудь высказаннымъ печатно или словесно.

— 27. Надняхъ вышло въ свѣтъ „Наставленіе для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній“, составлен-

ное Ростовцевымъ. Люди недалекіе въ восторгѣ. Другіе недоумѣваютъ надъ этимъ притязаніемъ скомкать всякую науку такъ, чтобы она была и наука, и то, что намъ угодно. Основная мысль „Наставленія“ та, что мы должны изобрѣсти такую науку, которая уживалась бы съ оффиціальною властью, желающею располагать убѣжденіями и понятіями людей посвоему. Это уже не отрицательное намѣреніе помѣшать наукѣ посягать на существующій порядокъ вещей, но положительное усиліе сдѣлать изъ нея именно то, что намъ угодно, то есть—это чистое отрицаніе науки, которая потому именно и наука, что не знаетъ другихъ видовъ, кромѣ видовъ и законовъ человѣческаго разума. Ограниченіе науки въ ея мнимыхъ покушеніяхъ на что-то недоброе — это всетаки понятно. Но приводить ее въ другія нормы, кромѣ тѣхъ, на какія указываетъ разумъ въ своемъ постепенномъ развитіи—это ужъ что-то неисповѣдимое. Вотъ что называется служить двумъ господамъ. Всѣ мы до гадости малодушны. Немногіе, лучшіе, для успокоенія совѣсти, иногда рѣшаются обманомъ, воровски, пустить въ ходъ ту или другую идею, провести ту или другую полезную мѣру, которая тутъ же, на ихъ глазахъ, разлетается въ прахъ отъ недостатка ростора и содѣйствія со стороны исполнителей. Наша эпоха—эпоха мелкихъ душенокъ: нѣтъ ни сильныхъ характеровъ, ни твердыхъ умовъ...

— 29. Былъ на экзаменѣ въ Маріинскомъ институтѣ. На немъ присутствовала великая княгиня Елена Павловна. Она была очень привѣтлива и любезна со всѣми. Меня она спрашивала, доволенъ ли я отвѣтами дѣвицъ, выражала желаніе, чтобы онѣ говорили не заученное только по учебникамъ, но и думали о томъ, что отвѣчаютъ.

— А я сама, замѣтила она потомъ,—видите какъ дурно говорю по-русски. Но въ этомъ виноватъ вотъ онъ, и она съ улыбкой показала на Плетнева.

Вотъ, между прочимъ, замѣчательныя слова, сказанныя ею въ теченіе экзамена. Одной дѣвицѣ досталось говорить о состояніи Россіи до Петра и, разумѣется, приходилось говорить о ея невѣжествѣ, дикихъ нравахъ и т. д. Ученица, по знаку учителя, немножко, какъ говорится, замялась и начала подбирать учтивыя выраженія. Великая княгиня замѣтила это и сказала:

— Говорите, говорите прямо и свободно. Надо, съ русскимъ чувствомъ, но говорить о Россіи правду.

Вопросы, которые она задавала сама, и замѣчанія, какія дѣлала на отвѣты дѣвицъ, были очень умны. Она, очевидно, женщина образованная. На прощанье она подошла ко мнѣ и съ ласковой улыбкой проговорила:

— Благодарю васъ за терпѣніе, съ какимъ вы такъ долго оставались съ нами.

Въ самомъ дѣлѣ экзаменъ продолжался съ часу до шести. Но, благодаря простотѣ обращенія и любезности великой княгини, никто не ощущалъ особеннаго утомленія.

Апрѣль.—1. Холера опять усиливается. Заболѣваетъ человѣкъ по пятидесяти въ день и умираетъ до тридцати. Почти весь мартъ стояли холода, но дни были ясные. Вдругъ наступила оттепель; улицы запружены грязью и кучками колотаго льда. Люди дышатъ отвратительными испареніями, и смертность отъ заразы относительно усилилась.

— 3. Праздники. Грязно, скучно, уныло. Ѣздилъ къ заутрени въ театральную церковь, по дорогѣ, до того избитой выбоинами и ледяными кочками, что до сихъ поръ не понимаю, какъ добрался до дому цѣлъ.

Въ прошедшемъ номерѣ „Современника“ была напечатана статья въ защиту университетовъ. Она произвела сильное впечатлѣніе на людей со здравымъ смысломъ и на тѣхъ, кому дорога наука. Писалъ эту статью Давыдовъ, а министръ исправлялъ ее, дополнялъ и въ заключеніе далъ позволеніе напечатать. За статью изъявлено неудовольствіе и велѣно отнынѣ ничего не печатать объ учебныхъ заведеніяхъ, безъ особеннаго разрѣшенія высшаго начальства.

— 4. Представлялся министру. Видѣлся со многими, между прочимъ съ княземъ Дондуковымъ и съ Давыдовымъ. Бутурлинскій комитетъ обращался къ министру съ запросомъ: „на какомъ основаніи позволилъ онъ напечатать статью объ университетахъ?“ Министръ отвѣчалъ, что статья написана по его распоряженію, въ его кабинетѣ, и напечатана тоже по его распоряженію. Онъ считалъ и считаетъ ее необходимою для успокоенія учащихъ и учащихся въ университетахъ и гимназіяхъ и всѣхъ сильно встревожившихся слухами о закрытіи универси-

тетовъ. Слухи эти приводили въ смятеніе всѣхъ соприкосновенныхъ съ наукою. Статья достигла своей цѣли, ибо съ появленіемъ ея въ печати всѣ успокоились.

Запрещено печатать что либо не объ однихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и о какихъ бы то ни было учрежденіяхъ, мѣрахъ и распоряженіяхъ правительства. Значитъ, отечественная статистика отнынѣ становится невозможною.

— 16. Ростовцевъ, въ своей программѣ изображая Іоанна III, ясно говоритъ о другомъ лицѣ, тоже централизаторѣ. Странное заблужденіе! Что нынѣ дѣйствуютъ по той же системѣ, это, можетъ быть, и правда. Но въ томъ-то и состоитъ ошибка. Іоаннъ III соединялъ механически то, что было только механически разъединено. Тверскія, Рязанскія, Новгородскія области были населены русскими, связанными между собой внутреннимъ единствомъ духа, нравовъ, религіи. Тутъ только стоило спихнуть съ дороги князей, и части сами собой сростались. То-ли теперь? Можно ли механически, насильственно спаять съ Россіей нѣмцевъ, поляковъ, мусульманъ и проч.? Ихъ можно удержать другъ возлѣ друга, но слить въ одно нераздѣльное, нравственное цѣлое—невозможно. Надо, чтобы они чувствовали себя довольными въ сожительствѣ съ Россіей: вотъ одно доступное при такихъ условіяхъ единство—единство интересовъ.

Впрочемъ, все это однѣ мечты, ни на чемъ не основанныя, какъ развѣ на минутныхъ вспышкахъ внутренней душевной тревоги. Посмотрѣвъ на вещи ближе, нельзя не замѣтить, что Провидѣніе въ концѣ концовъ лучше управляетъ вещами, чѣмъ намъ часто кажется. Главное, надо, съ чистою совѣстью, вѣрить въ лучшее, которое не нами строится. Вотъ на чемъ останавливаюсь я среди тревожныхъ мнѣній и сомнѣній, и что дѣлаетъ меня спокойнымъ и вѣрнымъ исполнителемъ моихъ общественныхъ обязанностей.

1850 годъ.

Февраль.—6. Сегодня министръ народнаго просвѣщенія, князь Ширинскій-Шихматовъ, утвердилъ меня ординарнымъ профессоромъ русской словесности, по представленію совѣта университета. Полагали, что я буду избранъ единогласно, однако два голоса было противъ меня.

— 12. Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ сдѣланъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Я былъ у него сегодня: онъ очень доволенъ. Меня встрѣтилъ съ распростертыми объятіями, завѣреніями въ неизмѣнной дружбѣ и довѣріи и просьбами быть ему помощникомъ. Всѣ ожидали, что товарищемъ новаго министра будетъ Мусинъ-Пушкинъ,—кажется и онъ самъ,—съ оставленіемъ въ должности попечителя. Но Ширинскій-Шихматовъ ловко обошелъ его. Норовъ утвержденъ по его ходатайству.

— 22. Годичное собраніе въ „Географическомъ обществѣ". Меня предложили въ члены его и я сегодня былъ тамъ. Предсѣдательствовалъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Происходило избраніе членовъ правленія. Разумѣется, всѣхъ особенно занималъ выборъ вице-президента. Было предложено три кандидата: настоящій вице-президентъ Литке, Муравьевъ и нашъ попечитель Мусинъ-Пушкинъ. Изъ ста тридцати голосовъ, Литке получилъ шестьдесятъ четыре, М. Н. Муравьевъ—шестьдесятъ одинъ, Мусинъ-Пушкинъ—три. Такъ какъ абсолютнаго большинства не оказалось, то приступили къ баллотировкѣ закрытыми записками. И тогда Муравьевъ получилъ шестьдесятъ пять, Литке шестьдесятъ три. Такъ называемая русская партія восторжествовала. Вотъ въ чемъ ея торжество: въ оказаніи величайшей несправедливости. Литке создалъ общество, лелѣялъ ёго и поставилъ на ноги. Онъ въ этомъ дѣлѣ спеціально ученое лицо. Имя его извѣстно и въ Европѣ. А Муравьевъ чѣмъ извѣстенъ? Онъ былъ гдѣ-то губернаторомъ. И еслибъ тутъ дѣйствовало хоть какое нибудь убѣжденіе! Каждый выпрашивалъ у другого голосъ за своего кандидата. Ко мнѣ подходило четыре человѣка и, принимая за дѣйствительнаго члена, просили меня за Муравьева. Я отвѣчалъ, что еслибъ имѣлъ право голоса, то, конечно, подалъ бы его за Литке. Мы съ Никитинымъ (статсъ-

секретаремъ) вышли въ большой досадѣ. Вечеръ провелъ у Норова, гдѣ, какъ и во всѣхъ салонахъ, царствовали карты и скука.

Нѣкоторые говорятъ: „пусть хоть въ чемъ нибудь, да выражается самостоятельно общественное мнѣніе". Но вѣдь это ребячество выражать его такъ неразумно. Литке упрекаютъ въ томъ, что онъ самовластно дѣйствовалъ при составленіи устава. Но другіе утверждаютъ, что безъ него уставъ не былъ бы утвержденъ, такъ какъ въ него хотѣли вплести много не относящихся къ дѣлу нелѣпостей, и обществу угрожала гибель въ самомъ зародышѣ.

Мартъ.—4. Домашній праздникъ у меня, на который собралось нѣсколько лицъ и въ томъ числѣ епископъ Головинскій. Это очень умный человѣкъ. О чемъ бы онъ ни говорилъ, о религіи, о свѣтѣ, объ Европѣ, о Россіи, о католицизмѣ, онъ всегда говоритъ съ тактомъ, тонко и мѣтко. Вотъ, напримѣръ, его характеристика нашихъ двухъ Филаретовъ, московскаго и кіевскаго: „вѣра перваго—въ умѣ, втораго—въ сердцѣ".

— 16. Опять гоненіе на философію. Предположено преподаваніе ея въ университетахъ ограничить логикою и психологіею, поручивъ и то, и другое духовнымъ лицамъ. За основаніе принимается шотландская школа. Говорятъ, Блудовъ настаиваетъ, чтобы въ программу была включена и исторія философіи. Министръ не соглашается. У меня былъ Фишеръ, теперешній профессоръ философіи, и передавалъ свой разговоръ съ министромъ. Послѣдній главнымъ образомъ опирался на то, что „польза философіи не доказана, а вредъ отъ нея возможенъ".

— 17. Надняхъ былъ у Юсупова. Онъ пожертвовалъ университету десять тысячъ рублей, чтобы изъ процентовъ учредить двѣ стипендіи въ пользу бѣдныхъ студентовъ, которые выкажутъ особенныя способности и желаніе заняться изученіемъ русскаго языка и русской исторіи. Я, между прочимъ, склонялъ его открыть для публики, хоть по билетамъ, свою богатую картинную галлерею. Но у насъ не принято служить общественнымъ интересамъ иначе, какъ въ званіи чиновника.

— 18. Заходилъ въ цензурный комитетъ справиться о литературныхъ новостяхъ. Книгъ никакихъ нѣтъ, нѣтъ и рукописей, которыя обѣщали бы книги. Между прочимъ, получена отъ министра конфиденціально бумага, по запросу верховнаго, или,

какъ его называютъ, негласнаго комитета, слѣдующаго содержанія: „Вышла гадальная книга. Отъ цензурнаго комитета требуютъ, чтобы онъ донесъ, кто авторъ этой книги и почему этотъ авторъ думаетъ, что звѣзды имѣютъ вліяніе на судьбу людей?“

На это комитетъ отвѣчалъ, что „книгу эту напечаталъ новымъ—вѣроятно сотымъ—изданіемъ такой-то книгопродавецъ а почему онъ думаетъ, что звѣзды имѣютъ вліяніе на судьбу людей—комитету это неизвѣстно“. Нынѣ въ негласномъ комитетѣ предсѣдательствуетъ, вмѣсто Бутурлина, генералъ-адъютантъ Николай Николаевичъ Анненковъ.

Кажется, наша литература въ послѣднее время ужъ очень скромна, такъ скромна, что люди образованные, начавшіе было почитывать по-русски, теперь опять вынуждены обращаться къ иностраннымъ, особенно французскимъ книгамъ. Однако Анненковъ, въ какихъ-то книжкахъ и журнальныхъ статьяхъ, набралъ шестнадцать обвинительныхъ пунктовъ противъ нея — разумѣется все изъ отдѣльныхъ фразъ, и приготовилъ докладъ. М. А. Корфъ успѣлъ доказать нелѣпость этихъ придирокъ, но принужденъ былъ уступить въ двухъ пунктахъ. Корфъ говорилъ своему брату, что все, что дѣлается въ негласномъ комитетѣ, приводитъ его въ омерзеніе, и что онъ давно бѣжалъ бы оттуда, еслибъ не надежда иногда что нибудь устраивать въ пользу преслѣдуемыхъ. Сегодня я былъ у попечителя, который тоже поразсказалъ мнѣ много страннаго и просто непостижимаго въ дѣйствіяхъ комитета.

— 22. Учреждено новое цензурное вѣдомство для учебныхъ и всякихъ, относящихся къ ученію и воспитанію, книгъ. Это комитетъ, состоящій изъ директоровъ здѣшнихъ гимназій, изъ инспектора казенныхъ училищъ, подъ предсѣдательствомъ директора Педагогическаго института. Итакъ, вотъ сколько у насъ нынѣ цензуръ: общая при министерствѣ народнаго просвѣщенія, главное управленіе цензуры, верховный негласный комитетъ, духовная цензура, военная, цензура при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, театральная при министерствѣ императорскаго двора, газетная при почтовомъ департаментѣ, цензура при III отдѣленіи собственной его величества канцеляріи и новая педагогическая. Итого: десять цензурныхъ вѣдомствъ. Если сосчитать

всѣхъ лицъ, завѣдывающихъ цензурою, ихъ окажется больше, чѣмъ книгъ, печатаемыхъ въ теченіе года.

Я ошибся: больше. Еще цензура по части сочиненій юридическихъ при II отдѣленіи собственной канцеляріи и цензура иностранныхъ книгъ—всего двѣнадцать.

— 28. Общество быстро погружается въ варварство. Спасай, кто можетъ, свою душу!

Апрѣль.—11. Читалъ бумагу объ учрежденіи новаго комитета для разсмотра сочиненій по части наукъ и воспитанія. Комитетъ обязанъ слѣдить не только за духомъ и направленіемъ этого рода сочиненій, но и за „методомъ изложенія ихъ“, то есть за ученымъ и педагогическимъ достоинствомъ ихъ.

Освободясь отъ цензурныхъ дѣлъ, поглощавшихъ у меня такъ много времени и нравственныхъ силъ, я приготовился приступить къ изданію моего курса словесности, этого плода многолѣтней опытности и моихъ лучшихъ умственныхъ усилій. Теперь все это запрятано на дно моего стола...

Былъ вчера у Комовскаго. Онъ тоже сильно огорченъ этимъ новымъ учрежденіемъ и съ жаромъ выражалъ свое негодованіе.—Въ Европѣ напроказятъ, замѣтилъ онъ въ заключеніе, а русскихъ бьютъ по спинѣ.

— 13. Былъ надняхъ у Позена. Онъ только что пріѣхалъ сюда изъ своего екатеринославскаго помѣстья, съ больною женою. Жаль, что такой умный человѣкъ остается въ бездѣйствіи. Къ тому же онъ сильно чувствуетъ свое бездѣйствіе. Семейная идиллія его не удовлетворяетъ. Много было говорено о современныхъ событіяхъ. Я завелъ рѣчь о Ростовцевѣ, съ которымъ онъ друженъ. Позенъ оправдываетъ его въ приписываемыхъ ему козняхъ противъ просвѣщенія, противъ университетовъ.

Недавно еще, говорилъ Позенъ, защищая своего друга, Ростовцевъ доказывалъ Блудову, что „не должно принимать крутыхъ мѣръ“. Не много же подвизается онъ въ пользу благаго дѣла! Впрочемъ, и вся защита Позена была слаба. Роль Якова Ивановича постоянно какая-то двойственная. Когда я упомянулъ о программахъ для военно-учебныхъ заведеній, Позенъ тотчасъ согласился, что онѣ—знаменитая ошибка. Да теперь и само корпусное начальство сознается, что программы эти неосуществимы. Значитъ, имъ недостаетъ даже практическаго достоинства.

— 14. Выпускной экзаменъ въ специальномъ педагогическомъ классѣ Смольнаго монастыря. Тутъ пепиньерки съ обѣихъ половинъ заведенія (такъ называемой Благородной и Александровской) въ теченіе двухъ лѣтъ спеціально подготовляются къ званію наставницъ и гувернантокъ. Экзаменъ сильно отзывался подготовкой. Дѣвицы отвѣчали наизусть заученныя фразы. Судьи, однакожъ, остались довольны. Тимаевъ, инспекторъ классовъ, сказалъ очень умную рѣчь. Говоря въ ней, между прочимъ, о томъ, какъ мало цѣнится вообще званіе наставника, онъ прибавилъ, „что мы, сильные наградою и убѣжденіемъ своей совѣсти, не жалуемся на это, но только желаемъ, чтобы непризванные, подъ личиной усердія, не мѣшали святому дѣлу просвѣщенія и не трудились бы искажать человѣчество“. Мысль эта кое-кому не понравилась.

— 24. Праздники. Шумъ, толкотня, суматоха. Былъ у заутрени въ церкви театральнаго училища. Пѣли дурно и такъ скомкали всю службу, что въ два часа я былъ уже дома. Сегодня же поздравляли министра. Было много людей или тѣхъ, которые называются людьми. Забавно видѣть, какъ всѣ они обнимаются и цѣлуются по братски. Въ министрѣ замѣтна еще непривычка къ своему новому положенію. Впрочемъ, онъ по христіански со всѣми перехристосовался.

Октябрь.—6. А. И. Селинъ, адъюнктъ русской словесности въ кіевскомъ университетѣ, еще въ прошломъ году пріѣхалъ сюда, чтобы держать экзаменъ на доктора. Онъ уменъ, талантливъ и благороденъ. У меня онъ надняхъ прекрасно выдержалъ экзаменъ. Диссертація его написана умно и живо. Но Срезневскій побилъ его жестоко на филологическихъ вопросахъ. Это былъ бой буквы съ духомъ — и буква одержала побѣду. Бѣдный Селинъ не принялъ надлежащихъ мѣръ противъ напора педантизма, считая себя довольно сильнымъ въ дѣлѣ мысли и художественнаго слова. Но Срезневскій доказалъ ему, что мысль можетъ и не существовать въ наукѣ, что она, во всякомъ случаѣ, не главное въ ней. Впрочемъ, онъ согласился дать Селину мѣсяца три на исправленіе ошибки и обѣщался помочь совѣтами и книгами: это по человѣчески. Деканъ и ректоръ, уважая талантъ и прочія знанія Селина, охотно согласились на это.

— 18. Бѣдный Селинъ окончательно побитъ, но уже не бук-

вою, а людскою недобросовѣстностію. Въ дѣло вмѣшался Иванъ Ивановичъ Давыдовъ, который почему-то вообразилъ себѣ, что Селинъ ищетъ мѣста адъюнкта въ здѣшнемъ университетѣ, тогда какъ онъ самъ хлопочетъ за кого-то изъ своихъ. Онъ такъ настроилъ Срезневскаго и Устрялова, что тѣ тоже стали недоброжелательно относиться къ Селину. Срезневскій, вопреки своему первоначальному обѣщанію, теперь объявилъ ему, что онъ въ три мѣсяца никакъ не можетъ приготовиться къ экзамену и вообще выказываетъ большое нетерпѣніе въ сношеніяхъ съ нимъ. Бѣдный Селинъ въ отчаяніи. Онъ боится, чтобы это не уронило его окончательно въ глазахъ министерства и, чего добраго, не заставило потерять мѣсто, которое онъ теперь занимаетъ при кіевскомъ университетѣ. Предосудительнѣе всѣхъ здѣсь дѣйствуетъ И. И. Давыдовъ, потому что онъ въ глаза Селину увѣряетъ его въ дружбѣ, а за глаза строитъ ему козни. Чтобы спасти Селина, я отправился къ Норову, въ настоящую минуту управляющему министерствомъ, и постарался заинтересовать его и директора департамента въ пользу этой бѣдной игрушки мелкихъ страстей. Такимъ образомъ, мнѣ удалось, по крайней мѣрѣ, отвратить отъ Селина худшую изъ грозившихъ ему бѣдъ—выходъ изъ службы.

— 21. Управляющій министерствомъ передалъ мнѣ секретно для разсмотрѣнія „Грамматику русскаго языка“, И. И. Давыдова, съ тѣмъ, чтобы я сдѣлалъ на нее свои замѣчанія.

— 29. Разсмотрѣлъ грамматику Давыдова. Въ ней самостоятельнаго только предисловіе и введеніе, остальное заимствовано изъ разныхъ уже существующихъ у насъ трудовъ по части языка. Вообще книга эта полезна для учащихъ, но не для учащихся, ибо изложеніе ея крайне туманно, а введеніе напыщено, отчего парализуются ея достоинства.

Декабрь.—17. Новое постановленіе о чиновникахъ. Начальникъ имѣетъ право исключать чиновника изъ службы за неблагонадежность или „за проступки, которыхъ доказать нельзя“, не изъясняя ему даже причины его увольненія. А если бы чиновникъ всетаки захотѣлъ оправдаться, отъ него „не велѣно нигдѣ принимать просьбъ и никакихъ объясненій...“ Между тѣмъ чиновникъ, совершившій настоящее очевидное преступленіе и преданный уголовному суду, имѣетъ право оправдываться

передъ этимъ самымъ судомъ. Я читалъ все постановленіе . . . . Интересно, между прочимъ, что въ постановленіи предусмотрѣна возможность злоупотребленія власти со стороны начальниковъ— и всетаки ничего не сдѣлано для ограниченія ихъ права самовольно рѣшать судьбу людей!

— 18. Въ гимназіяхъ приказано учить фронту.

„Географическое общество“ возложило на меня изданіе VI-й книги его трудовъ и критическій разборъ всѣхъ до сихъ поръ вышедшихъ книжекъ. Кромѣ того, „Общество посѣщенія бѣдныхъ“ поручило мнѣ написать уставъ „Кузнецовскаго женскаго училища“.

1852 годъ [1].

Январь.—3. Два комитета, по поговоркѣ, какъ снѣгъ на голову, свалились на меня—оба по военному министерству. Одинъ для изслѣдованія методы преподаванія русскаго языка въ здѣшнемъ баталіонѣ кантонистовъ, предложенной какимъ-то учителемъ, а другой для устройства учебной части вообще для всѣхъ кантонистовъ въ имперіи. Ихъ до тридцати тысячъ въ школахъ, а всего до трехсотъ тысячъ въ имперіи и обучаютъ ихъ какъ попало, безъ всякаго направленія. Теперь хотятъ дать ихъ обученію надлежащее устройство. Всего забавнѣе въ этомъ дѣлѣ то, что столь важную, сложную и запущенную часть надо привести въ порядокъ, не требуя ни копѣйки денегъ. Между тѣмъ, тамъ, напримѣръ, въ классахъ по 50, по 60 человѣкъ учатся читать по одной книжкѣ на весь классъ и т. д.

— 6. Былъ вечеромъ, вмѣстѣ съ графомъ Д. А. Толстымъ, у прелестной женщины Вѣры Ивановны Опочининой, урожденной Скобелевой. Была тамъ и жена ея умершаго брата, бывшая Полтавцева, не столь прелестная, какъ первая, но, повидимому, большая умница. Вообще обѣ эти дамы читаютъ, и даже по-русски, интересуются мыслію, поэзіей, искусствомъ и въ разговорахъ касались предметовъ, о которыхъ рѣдко толкуютъ въ салонахъ. Онѣ говорили о ничтожествѣ и пустотѣ

---

[1]) „Дневника“ за 1851 г. въ бумагахъ автора вовсе не оказалось. *Ред.*

свѣтской жизни и стереотипности нынѣшняго аристократическаго поколѣнія, о жалкой необходимости, однакожъ, быть съ ней за одно... о прелести заграничной жизни и природы. Опочинина особенно въ восторгѣ отъ Неаполя. Въ теченіе вечера были прочитаны: моя статья о графинѣ Ростопчиной и произведеніе Майкова: „Выборъ смерти“. Чтеніе сопровождалось оживленными преніями и нерѣдко мѣткими замѣчаніями обѣихъ слушательницъ. Вечеръ, такимъ образомъ, прошелъ незамѣтно, и я вернулся домой послѣ двухъ часовъ ночи.

...Возвращаясь изъ университета съ лекціи, около полудня, я наткнулся на парадъ. Войска заливали всю Исаакіевскую площадь и набережную отъ Сената до Благовѣщенскаго моста: не было возможности ни пройти, ни проѣхать на ту сторону площади. Такіе парады обыкновенно на цѣлые полъ-дня прекращаютъ сообщеніе между главными частями города. Какія бы ни были у васъ нужды—васъ не пропустятъ ни пѣшкомъ, ни въ экипажѣ. Разъ такъ было со мной. Жена моя захворала. Докторъ ея жилъ на Васильевскомъ острову. Я бросился за нимъ и былъ остановленъ парадомъ. Между тѣмъ, каждая минута была дорога. Я метался изъ стороны въ сторону—нигдѣ прохода. Наконецъ, мнѣ удалось объѣхать парадъ у новаго адмиралтейства и то съ величайшимъ трудомъ и безконечными остановками. А бѣдная больная все время оставалась безъ помощи. Что̀ я тогда вытерпѣлъ въ моей борьбѣ съ парадомъ—трудно передать. Въ настоящемъ случаѣ я могъ спокойно переждать часа три времени, пока добрался благополучно домой.

— 11. Экзаменъ въ „Кузнецовскомъ училищѣ“, гдѣ я завѣдываю нравственною и учебною частью. Дѣвочки отвѣчали хорошо, ничуть не хуже тѣхъ, которыя воспитываются въ казенныхъ заведеніяхъ.

Вечеромъ сегодня былъ у меня Леонтьевъ, московскій профессоръ и издатель „Пропилей“. Наружность его не привлекательна: небольшой ростомъ, онъ горбатъ, но лицо у него умное. Онъ передавалъ мнѣ о подвигахъ Шевырева, напримѣръ, какъ тотъ устроилъ удаленіе изъ университета Каткова, чтобы занять самому назначавшуюся послѣднему каѳедру педагогіи; какъ добился онъ деканства, вооруживъ попечителя и генералъ-губернатора противъ Грановскаго, котораго, было, избралъ въ деканы

факультетъ и т. д. Леонтьевъ прибавилъ, что Шевыревъ вообще сдѣлался теперь въ Москвѣ чѣмъ то въ родѣ нашего Булгарина. Интересно, что всѣ свои некрасивые поступки онъ оправдываетъ тѣмъ, будто дѣйствуетъ во имя какого-то высшаго принципа, ради котораго даже приноситъ въ жертву свое имя.

Графъ А. С. Уваровъ разсказывалъ мнѣ надняхъ, какъ онъ боролся съ цензурою при печатаніи своей книги, недавно вышедшей, „О греческихъ древностяхъ, открытыхъ въ южной Россіи". Надо было, между прочимъ, перевести на русскій языкъ нѣсколько греческихъ надписей. Встрѣтилось слово: демосъ — народъ. Цензоръ никакъ не соглашался пропустить это слово и замѣнилъ его словомъ: граждане. Автору стоило большаго труда убѣдить его, что это былъ бы не переводъ, а искаженіе подлинника. Еще цензоръ не позволялъ говорить о римскихъ императорахъ, убитыхъ, что они убиты, а велѣлъ писать: погибли, и т. д.

— 16. Пробныя лекціи на должность моего адъюнкта при университетѣ. Состязалось четыре кандидата. Темою было: „О слогѣ вообще и о русскихъ писателяхъ, образовавшихъ литературныя школы въ нашей словесности". Первый читалъ Лебедевъ—основательно, но крайне сухо. Второй Сухомлиновъ: опять основательно, но въ то же время умно и живо. На этихъ двухъ лекціяхъ присутствовалъ и министръ. Затѣмъ Введенскій также выказалъ достаточно свѣдѣній, но изложилъ ихъ неосновательно, непослѣдовательно, съ наѣзднически-семинарскимъ ухарствомъ. Между прочимъ, онъ очень неловко выразился, говоря о Ломоносовѣ, что тотъ такъ много сдѣлалъ „потому, что былъ мужикъ". Тимоѳеевъ говорилъ также очень хорошо. Общее мнѣніе—кромѣ интригующихъ за Введенскаго—въ пользу Сухомлинова и Тимоѳеева и особенно склоняется въ пользу перваго.

Былъ на балу у товарища министра Норова. Тамъ блистали двѣ звѣзды: Бутковъ, въ короткое время сдѣлавшійся управляющимъ дѣлами комитета министровъ и теперь страшно увивавшійся около дамъ, и красавица Анненкова. Она великолѣпно и безукоризненно хороша.

— 19. Факультетское собраніе для выбора адъюнкта. Я прочиталъ мое донесеніе о достоинствѣ программъ, представленныхъ соискателями. Потомъ приступили къ выбору. Сперва спросили моего мнѣнія. Я назвалъ двухъ: Сухомлинова и Тимоѳеева,

но преимущество отдалъ первому, хотя второй ближе моему сердцу, какъ мой ученикъ и близкій человѣкъ. Но за Сухомлинова широта взглядовъ и, при равныхъ познаніяхъ, большая даровитость и изящество въ изложеніи. Ректоръ и всѣ прочіе согласились со мной, кромѣ Касторскаго, который очень неловко защищалъ Введенскаго и упрекнулъ меня въ томъ, будто я „придираюсь“ къ его кандидату. Но онъ самъ тотчасъ же увидѣлъ неприличіе своей выходки и извинился. Срезневскій колебался между той и другой стороной. Въ заключеніе, однако, побѣда, какъ и слѣдовало по справедливости, осталась за Сухомлиновымъ. Съ нимъ вмѣстѣ торжествую и я. Вся моя забота состояла въ томъ, чтобы не допустить науку попасть въ руки буквоѣдовъ, которые непремѣнно постарались бы вытрясти изъ нея жизнь и душу и затѣмъ потѣшались бы надъ трупомъ ея, дѣлая свои анатомическіе и филологическіе препараты.

— 21. Факультетъ очень занятъ моимъ донесеніемъ о программахъ и осыпаетъ его похвалами. Это хорошо, но еще лучше то, что каѳедра по дорогому для меня предмету, отечественной словесности, попала въ руки ученаго, который не унизитъ ея достоинства.

— 23. Сегодня у попечителя засталъ помощника его, князя Щербатова, и профессора педагогіи, Фишера. Разговоръ, между прочимъ, коснулся проекта И. И. Давыдова о томъ, чтобы присвоить каѳедрѣ педагогіи ученыя степени магистра и доктора. Но за этимъ кроется другой умыселъ. Давыдову хочется, чтобы право производить въ эти ученыя степени было предоставлено Педагогическому институту, то есть ему. Это уже не первый опытъ И. И. забрать въ свои руки то, что плохо лежитъ по министерству народнаго просвѣщенія. Вотъ человѣкъ, который изъ своего ума, таланта и обширныхъ свѣдѣній сдѣлалъ себѣ орудіе мелкаго своекорыстія. Стоило для этого столько трудиться, чтобы въ заключеніе осквернить дары, предназначенные для лучшаго употребленія! Но такова безнравственность эпохи. Умъ и дарованіе не возвышаются до вѣры въ практическое добро. Какъ доказательство своей силы, они представляютъ одни итоги нахватанныхъ ими чиновъ, орденовъ и денегъ. Они не вѣруютъ ни въ какое другое право на уваженіе общества. Это они называютъ искусствомъ жить и презираютъ тѣхъ, которымъ не достаетъ

охоты или умѣнья идти ихъ путемъ и употреблять свой умъ и силы на ловлю житейскихъ благъ. Но не въ правѣ ли они и въ самомъ дѣлѣ считать себя правыми? Они довольны собой и своими успѣхами, тогда какъ мудрецъ обыкновенно недоволенъ ни собой, ни результатами своихъ усилій, да вдобавокъ, подчасъ еще голодаетъ, холодаетъ и сноситъ толчки отъ своихъ менѣе щепетильныхъ ближнихъ. На это одинъ отвѣтъ: волку волчье счастье, барану—баранье, птицѣ—птичье...

— 25. Общество опять оживилось. Судьба послала ему интересный предметъ для разговоровъ за преферансомъ и ералашемъ. Надняхъ велѣно посадить на гауптвахту генерала оберъ-аудитора, тайнаго совѣтника и александровскаго кавалера Ноинскаго за то, что въ какомъ-то уголовномъ дѣлѣ объ одномъ капитанѣ поводомъ къ смягченію наказанія была принята долговременная служба виновнаго: въ эту службу случайно зачлись и тѣ восемь лѣтъ, которыя онъ провелъ, учась въ Дворянскомъ полку. Говорятъ, что это ошибка какого-то мелкаго чиновника, который вообразилъ себѣ, что подсудимый служилъ въ Дворянскомъ полку, принимая слово полкъ въ настоящемъ его смыслѣ, а не въ смыслѣ корпуса или училища.

Другой предметъ разговора: офицеръ Безобразовъ, въ маскарадѣ Дворянскаго собранія, въ пьяномъ видѣ, разрубилъ саблею черепъ какому-то молодому человѣку, ничѣмъ его не оскорбившему. Говорятъ, раненый умеръ.

Февраль.—8. Актъ въ университетѣ. Читали: Плетневъ отчетъ за прошлый годъ и Куторга Степанъ о геогнозическихъ своихъ наблюденіяхъ надъ Спб. губерніей и о картѣ, которую составилъ.

— 16. Въ Парижѣ выдуманъ какой-то новый танецъ и названъ „Мазепой“. Въ фельетонѣ „Академическихъ Вѣдомостей“ объ этомъ сказано нѣсколько словъ, съ замѣчаніемъ, что этотъ танецъ, вѣроятно, распространится вездѣ. Министру показалось, что тутъ скрывается насмѣшка надъ Россіей. Онъ позвалъ къ себѣ бѣднаго Очкина и сдѣлалъ ему строжайшій выговоръ, съ угрозой отдать его подъ судъ.

— 19. Въ Одессѣ своровано. Предсѣдатель тамошняго коммерческаго суда, Гамалей, въ надеждѣ, что останется при своей должности и на второй срокъ, кралъ казенныя деньги, то-есть

забиралъ ихъ у казначея безъ всякихъ формальностей, подъ однѣ свои росписки. Казначей, какъ подчиненный, не смѣлъ отказывать ему. Да и какъ бы онъ отказалъ, имѣя въ виду страшный законъ, въ силу котораго начальникъ можетъ уволить чиновника, не объясняя даже причины того? Такимъ образомъ изъ кассы было вынуто сто тысячъ рублей серебромъ. Между тѣмъ наступило время новыхъ выборовъ и казнокрадъ не былъ болѣе выбранъ въ предсѣдатели. Тогда онъ является къ казначею, говоритъ ему, что имъ обоимъ грозила гибель, но что онъ, Гамалей, нашелъ средство извернуться и кладетъ на столъ конвертъ. Затѣмъ требуетъ обратно свои росписки и, получивъ ихъ, тутъ же бросаетъ въ топившуюся печь. Казначей открываетъ пакетъ: тамъ, вмѣсто ассигнацій, простая бумага.—„Ну, говоритъ ему бывшій предсѣдатель,—теперь одинъ изъ двухъ, обреченныхъ на гибель, спасенъ. Но я и для васъ придумалъ средство уйти отъ бѣды. Вотъ въ этой стклянкѣ ядъ: примите его и вамъ больше некого и нечего бояться". Казначей повиновался, но, по уходѣ предсѣдателя, ему была подана помощь и дѣло открылось.

Все это похоже на басню, но весь городъ о томъ толкуетъ. Мнѣ передавалъ это одинъ изъ значительныхъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

— 20. Камергеръ и статсъ-секретарь Гавріилъ Степановичъ Поповъ, извѣстный своими стихотворными подписями къ портретамъ своихъ пріятелей, знакомыхъ и къ своему собственному—Поповъ этотъ человѣкъ очень добрый, но немного ограниченный, посаженъ на гауптвахту почти за то же самое, за что и Ноинскій. Сенатъ приговорилъ кого-то къ ссылкѣ въ Сибирь на полтора года. Государственный совѣтъ подтвердилъ рѣшеніе сената, но цифра срока наказанія при томъ оказалась измѣненною на два года съ половиною. Редакторомъ журнала, уже утвержденнаго и государемъ, былъ на этотъ разъ Г. С. Поповъ. Когда бумага дошла до министра юстиціи, тотъ крайне удивился, что уже утвержденное рѣшеніе сената измѣнено государственнымъ совѣтомъ—и это безъ всякаго объясненія причинъ. Онъ вступилъ съ запросомъ въ совѣтъ и дѣло объяснилось ошибкою. Въ заключеніе Попову велѣно просидѣть сутки на гауптвахтѣ. Тутъ впрочемъ ошибка была хуже, чѣмъ въ дѣлѣ Ноинскаго: тамъ наказаніе смягчалось, а здѣсь усиливалось.

— 22. Въ Москвѣ нѣсколько профессоровъ читали публичныя лекціи, въ пользу бѣдныхъ студентовъ. Лекціи эти собраны и изданы въ отдѣльной книгѣ. Тамъ, между прочимъ, помѣщена и лекція Рулье. „О переворотахъ земнаго шара, предшествовавшихъ его образованію". Авторъ, стараясь согласить положенія науки съ повѣствованіемъ книги „Бытія", дѣлаетъ ссылки на Библію. Министръ нашелъ это противнымъ религіи и поднялъ тревогу. Но московскій попечитель прислалъ объясненіе, которое уладило дѣло. Въ городѣ, однако, еще не умолкаютъ слухи, что книга будетъ запрещена и т. д.

Я получилъ отъ Грановскаго его четыре лекціи. Онѣ превосходны и по содержанію и по изложенію.

— 24. Сегодня получено извѣстіе о смерти Гоголя. Я былъ въ залѣ Дворянскаго собранія на розыгрышѣ лотереи въ пользу „Общества посѣщенія бѣдныхъ", встрѣтился тамъ съ Панаевымъ и онъ первый сообщилъ мнѣ эту въ высшей степени печальную новость. Затѣмъ Тургеневъ, получившій письма изъ Москвы, разсказалъ мнѣ нѣкоторыя подробности. Онѣ довольно странны. Гоголь былъ очень встревоженъ смертью жены Хомякова. Недѣли за три до собственной кончины, онъ однажды ночью проснулся, велѣлъ слугѣ затопить печь и сжегъ всѣ свои бумаги. На другой день онъ разсказывалъ знакомымъ, что лукавый внушилъ ему сначала сжечь нѣкоторыя бумаги, а потомъ такъ его подзадорилъ, что онъ сжегъ всѣ. Спустя нѣсколько дней, онъ захворалъ. Докторъ прописалъ ему лекарство, но онъ отвергъ всѣ пособія медицины, говоря, что надо безпрекословно повиноваться волѣ Господней, которой очевидно угодно, чтобы онъ, Гоголь, теперь кончилъ жизнь свою. Онъ не послушался даже Филарета, который его рѣшимость не принимать лекарствъ, называлъ грѣхомъ, самоубійствомъ. Очевидно, Гоголь находился подъ вліяніемъ мистическаго разстройства духа, внушившаго ему, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, его „Письма", надѣлавшія столько шуму.

Какъ бы то ни было, а вотъ еще одна горестная утрата, понесенная нашей умственною жизнью—и утрата великая! Гоголь много пробудилъ въ нашемъ обществѣ идей самопознанія. Онъ несомнѣнно былъ одною изъ сильныхъ опоръ партіи движенія, свѣта и мысли—партіи послѣ-петровской Руси. Уничтоженіе его бумагъ прилагаетъ къ скорби новую скорбь.

Надняхъ умеръ также генералъ Зедлеръ. Это ужъ болѣе личная для меня потеря, такъ какъ я состоялъ въ дружескихъ съ нимъ отношеніяхъ. Это былъ человѣкъ честный, прямодушный и довольно образованный. Къ недостаткамъ его можно отнести нѣмецкую флегму и слабость характера, проистекавшую изъ чрезмѣрной доброты. Ему было лѣтъ за шестьдесятъ. Онъ между прочимъ усердно и добросовѣстно занимался „Энциклопедическимъ военнымъ лексикономъ", хотя выгоды отъ того были сомнительныя.

Умы нашего вѣка находятся въ какомъ-то неестественномъ, лихорадочномъ состояніи. Человѣкъ, обладающій выдающимися умственными способностями, непремѣнно бросается въ какую-нибудь крайность. Онъ не преслѣдуетъ своей идеи съ настойчивостью упорной, разумно сознающей себя воли, а судорожно цѣпляется за нея, точно боясь выпустить изъ рукъ ее, а съ нею и блага, какія она обѣщаетъ. Есть какой-то недостатокъ душевной зрѣлости, яснаго цѣломудреннаго взгляда на жизнь и человѣка; есть какой-то недостатокъ простоты и непосредственнаго мужества въ этихъ порывистыхъ стремленіяхъ къ умственнымъ отличіямъ. Иные видятъ въ этомъ безпокойство великихъ нравственныхъ силъ, которыя отъ того такъ рвутся и мечутся, что имъ душно и тѣсно въ своей сферѣ. Мнѣ кажется, что это недостатокъ нравственной силы, которая не умѣетъ владѣть собой. Жизнь всегда и вездѣ есть тѣснота для духа; но онъ долженъ стать выше жизни. Великій характеръ тотъ, который умѣетъ наполнять собою всякую сферу.

Общество должно обновиться въ свѣжихъ и свѣтлыхъ вѣрованіяхъ, иначе развратъ пожретъ его. Опора этихъ вѣрованій должна быть найдена въ самомъ человѣкѣ. Мысль, что добро хорошо само по себѣ, что оно есть условіе естественнаго развитія и успѣшнаго примѣненія къ дѣлу нашихъ нравственныхъ силъ, что оно, т. е. добро есть нормальное, здоровое состояніе ихъ—эта мысль должна сдѣлаться основой нашихъ стремленій и поступковъ. Тѣло наше принадлежитъ планетѣ, гдѣ мы живемъ, разумъ принадлежитъ духу всеобщей жизни, который всему даетъ смыслъ и гармонію. Изъ этого двоякаго отношенія человѣка къ планетѣ, гдѣ протекаетъ его физическая жизнь, и ко всеобщимъ законамъ жизни образуется его дѣятельность, исто-

рія. Мы можемъ улучшать матеріальное бытіе свое, но не можемъ безнаказанно отрываться отъ началъ, кои выходятъ изъ круга опредѣленнаго времени и пространства, кои относятся къ высшему и всеобщему порядку вещей. Хотя бы эти начала были доступны намъ только въ формѣ вѣрованій, а не ясныхъ, точныхъ представленій, всетаки мы не можемъ не слѣдовать ихъ призывному голосу. Этимъ выражается наша разумность, не повиноваться которой мы не можемъ, какъ не можемъ не слѣдовать законамъ физическихъ нуждъ.

Должно безпрестанно ставить на видъ новому поколѣнію: 1—необходимость и непреложность основныхъ вѣрованій разума; 2—художественную обработку самихъ себя по идеѣ добраго, ради превосходства этого добраго надъ всѣмъ недобрымъ; 3—мужество въ борьбѣ не съ однимъ только физическимъ зломъ, но и со всѣмъ тѣмъ, что противорѣчитъ распространенію и владычеству разумныхъ вѣрованій.

— 25. Нерѣдко знаніе своего незнанія есть великое знаніе.

Встрѣтился въ залѣ Дворянскаго собранія съ П. В. Анненковымъ, издателемъ сочиненій Пушкина. Государь позволилъ печатать ихъ безъ всякой перемѣны, кромѣ новыхъ, какія найдутся въ бумагахъ поэта: послѣднія должны подвергнуться цензурѣ на общихъ основаніяхъ. Новыхъ, говоритъ Анненковъ, очень много. Разумѣется, ихъ трудно будетъ помѣстить въ предстоящемъ изданіи. Анненковъ за все заплатилъ вдовѣ Пушкина пять тысячъ рублей серебромъ, съ правомъ напечатать пять тысячъ экземпляровъ. Выгодно!

— 26. Нѣтъ! Не религіозное чувство одушевляло Гоголя! Религіозное чувство животворитъ и спасаетъ, а не раздираетъ душу и губитъ. Это или душевная болѣзнь, или просто тревога слабой души, неспособной вынести величія посѣтившей ея мысли и изнемогающей подъ бременемъ своихъ полувѣрованій и полуубѣжденій...

Мартъ.—1. Наслѣдникъ цесаревичъ сдѣлалъ могучій отпоръ блудовскому знаменитому проекту о пенсіонахъ по учебному вѣдомству. Писанъ проектъ Ростовцевымъ. Я самъ его не читалъ, но слышалъ отъ тѣхъ, которые его читали. Блудовъ, напримѣръ, между прочимъ выражаетъ мысль, что пенсіоны суть не вознагражденіе за службу государству, а милость правитель-

ства, и потому ихъ слѣдуетъ назначать не по опредѣленной нормѣ, а по личному усмотрѣнію властей, соображаясь съ общественнымъ положеніемъ лица. А вѣдь Блудовъ вовсе не злой человѣкъ и считается въ числѣ нашихъ образованныхъ государственныхъ людей. Знающіе его близко, правда, считаютъ его поверхностнымъ, болтливымъ, охотникомъ до безпочвенныхъ идей и до воздушныхъ за́мковъ, которые онъ принимаетъ за геніальныя созданія мысли. По крайней мѣрѣ, такъ всегда отзывался о немъ К. М. Бороздинъ, самъ человѣкъ умный и коротко знавшій Блудова. Всѣмъ извѣстно, между прочимъ, что по части законодательныхъ работъ онъ имѣетъ неоцѣненнаго помощника, въ лицѣ Губе, который и есть ихъ главный авторъ. Года тому два назадъ, я самъ видѣлъ у нашего ректора проектъ Блудова о преобразованіи университетовъ: это замѣчательный хаосъ. Въ немъ, между прочимъ, выдаются за новыя многія положенія, уже давно вошедшія въ законъ или въ обычай университетовъ. Хороша еще тамъ мысль, чтобы профессоръ читалъ не только свою науку, но еще и другую какую нибудь, соприкосновенную съ ней, для того, говоритъ авторъ проекта, чтобы студенты были всегда заняты. Въ этихъ премудростяхъ Губе, говорятъ, уже не участвовалъ.

— 16. Въ цензурѣ подвергнуты запрещенію Кантеміръ и двѣ басни Хемницера: „Левъ, учредившій совѣтъ и привиллегію". На докладѣ главнаго управленія цензуры подписано: „Согласенъ. Кантеміра, во всякомъ случаѣ, нѣтъ пользы печатать: онъ только занимаетъ мѣсто на заднихъ полкахъ библіотекъ".

— 24. На мѣсто генерала Зедлера назначенъ генералъ Дмитрій Сергѣевичъ Левшинъ. Кажется, онъ человѣкъ не безъ образованія. Онъ призывалъ меня, и мы много толковали объ устройствѣ кантонистовъ, которое ему поручено. Дѣйствительно—это важное дѣло, ибо оно касается 35 тысячъ кантонистовъ (всѣхъ ихъ въ имперіи 300 тысячъ), которые, смотря по обстоятельствамъ, могутъ сдѣлаться опасными разбойниками, или людьми полезными. Когда Левшинъ представлялся государю послѣ своего новаго назначенія, тотъ сказалъ ему:

— Займитесь хорошенько кантонистами. Желаю имъ всѣмъ быть фельдмаршалами, но надо прежде, чтобы каждый былъ хорошо приготовленъ къ исполненію своей настоящей обязанности.

И потому главное тутъ—дисциплина, основанная на страхѣ Божіемъ.

Апрѣль.—5. Думать постоянно о трудностяхъ своего положенія—это только усугублять ихъ. Когда впереди у тебя пропасть, не смотри ежеминутно въ нее—голова закружится, а лучше озирайся повнимательнѣе вокругъ: рѣдко случается, чтобы не открылась тропинка, по которой можно и обойти опасное мѣсто.

Жить не значитъ предоставить лодкѣ плыть по теченію, а значитъ неусыпно бодрствовать у руля. Кто умѣетъ плавать, тотъ спасается, даже если лодка опрокидывается, а кто не умѣетъ, тотъ тонетъ.

— 9. Встрѣтилъ сегодня на Невскомъ похороны министра финансовъ Врончeнко. Процессія тянулась отъ Знаменья, мимо Литейной, вплоть до Александринскаго театра. Длинная вереница экипажей, безмолвная толпа, чиновники въ лентахъ на ступеняхъ печальной колесницы, подушки съ орденами—вотъ и все..... Покойный былъ человѣкъ рутины. Говорятъ, онъ былъ добръ, то есть не дѣлалъ зла, когда могъ его дѣлать, не воровалъ, когда могъ бы воровать. Его цѣнили за безмолвную исполнительность. Съ подчиненными онъ былъ грубъ, не любилъ оффиціальнаго блеска, былъ циникъ въ одеждѣ и обращеніи.

— 17. Вчера Тургеневъ, авторъ „Записокъ Охотника", по высочайшему повелѣнію, посаженъ на съѣзжую за статью, напечатанную имъ о Гоголѣ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", гдѣ Гоголь названъ великимъ. Тургенева велѣно продержать на съѣзжей мѣсяцъ, а потомъ выслать изъ столицы въ деревню, подъ надзоръ полиціи.

Сейчасъ я встрѣтился съ Языковымъ, который говорилъ мнѣ, что былъ у Тургенева. Послѣдній, дѣйствительно, сидитъ въ настоящей съѣзженской тюрьмѣ, но здоровъ и спокоенъ.—„Я спокоенъ", — сказалъ онъ Языкову,—„потому что не мучаюсь неизвѣстностью. Мнѣ сказано все, чему я долженъ подвергнуться, и я уже не опасаюсь, что меня будутъ истязать" и т. д.

Въ Тургеневѣ, конечно, хотѣли заклеймить званіе литератора, но онъ, кромѣ того, еще чистокровный русскій дворянинъ, и унизительное наказаніе, какому его подвергли, едва-ли произведетъ на публику то впечатлѣніе, на какое разсчитывали.

Въ немъ одновременно оскорблены чувства дворянства и всѣхъ образованныхъ людей.

Да вообще такія мѣры никогда не препятствуютъ распространенію идей. Болѣе того: одна такая мѣра опаснѣе десяти напечатанныхъ либеральныхъ статей. Напрасно полагаютъ, что зло только то, что печатается: зло также и то, что думается.

Не слѣдуетъ . . . . въ глаза уму, хотя бы онъ и заблуждался, и наказаніе не должно превращать въ обиду.

— 18. Страшное, удручающее впечатлѣніе произвела на меня бѣда, стрясшаяся надъ Тургеневымъ. Давно не помню, чтобы меня что нибудь такъ трогало и огорчало. Сознаю, что тутъ нѣтъ еще ничего необычайнаго, что Тургеневъ все же еще не мученикъ за истину, что, назвавъ Гоголя „великимъ", онъ, въ сущности, терпитъ даже не за идею, а за риторическую фигуру. Но тѣмъ хуже, тѣмъ сильнѣе поражаетъ меня безпомощность мысли въ настоящее время....

— 20. Погодина велѣно отдать подъ надзоръ полиціи за статью, напечатанную въ „Москвитянинѣ" на пьесу Кукольника „Деньщикъ" и за то еще, что онъ выпустилъ V-ый нумеръ своего журнала съ чернымъ бордюромъ на обложкѣ, по случаю смерти Гоголя. А Булгаринъ, тѣмъ временемъ, въ „Пчелѣ" такъ и колотитъ лежачихъ: Гоголя, Тургенева, Погодина. Послѣдняя статья Булгарина въ субботнемъ фельетонѣ „Сѣверной Пчелы" возбудила всеобщее омерзѣніе. Въ ней что ни строка, то доносъ.

Тургеневу даже не объявлено за что онъ посаженъ на съѣзжую. Онъ объ этомъ узналъ только отъ посѣщающихъ его друзей. Между прочимъ, въ субботу былъ у него А. Н. Карамзинъ. Тургеневъ здоровъ, бодръ, даже веселъ. Онъ съ большой похвалой отзывается о вѣжливомъ, даже почтительномъ обращеніи съ нимъ полиціи. Частный приставъ просто удивилъ его своей гуманностью. Онъ изъ воровской тюрьмы перевелъ его въ чистую, свѣтлую и просторную горницу.

Впечатлѣніе на всѣхъ отъ заключенія Тургенева самое тяжелое. Даже если бы и считать его виноватымъ, то вина его совсѣмъ потонула бы въ несоразмѣрности наказанія. Въ повелѣніи полиціи арестовать Тургенева выставлена причиною не статья, а обстоятельства, въ какихъ она напечатана. Статья эта была написана для „Спб. Вѣдомостей" и представлена редакторомъ

ихъ цензору. Еще до того, председатель цензурнаго комитета объявилъ, что не будетъ пропускать статей въ похвалу Гоголя, „лакейскаго писателя“. Онъ запретилъ и представленную ему редакторомъ „Спб. Вѣдомостей“ статью, но безъ всякихъ формальностей, такъ что этого запрещенія и нельзя было счесть оффиціальнымъ. Тургеневъ, увидя въ этомъ просто прихоть председателя, отправилъ свою статью въ Москву, гдѣ она и явилась въ печати. Въ повелѣніи сказано: что, несмотря на объявленное помѣщику Тургеневу запрещеніе его статьи, онъ осмѣлился, и пр. Вотъ этого-то объявленія и не было. У Тургенева не требовали никакихъ объясненій; его никто не допрашивалъ, а прямо подвергли наказанію. Говорятъ, что Булгаринъ, своимъ вліяніемъ на председателя цензурнаго комитета и своими внушеніями ему, всѣхъ больше виновенъ въ этой жалкой исторіи.

— 22. Теперь извѣстно, что причиною всей бѣды было донесеніе Мусина-Пушкина, подвигнутаго на это Булгаринымъ.

Да, тяжело положеніе, когда, не питая никакихъ преступныхъ замысловъ, неукоризненные въ глубинѣ вашей совѣсти, потому только, что природа одарила васъ нѣкоторыми умственными силами и общество признало въ васъ ихъ, вы чувствуете себя каждый день, каждый часъ, въ опасности погибнуть такъ, за ничто, отъ какого-нибудь тайнаго доноса, отъ клеветы, недоразумѣнія и поспѣшности, отъ дурнаго расположенія духа другихъ, отъ ложнаго истолкованія вашихъ поступковъ и словъ..... . . . . утѣшаясь, кто можетъ, вѣрой въ болѣе свѣтлое будущее, которое, увы! врядъ ли достанется еще и нашимъ внукамъ. А самъ, искалѣченный, измученный, ужъ лучше сразу откажись отъ всякихъ правъ на жизнь и дѣятельность—во имя... Да во имя чего-же, Господи?

— 26. У Тургенева въ его заточеніи были такіе многочисленные съѣзды знакомыхъ, что, наконецъ, сочли нужнымъ запретить пріятелямъ навѣщать его. Бумаги его были захвачены и разсмотрѣны. Въ нихъ не нашли ничего предосудительнаго и вернули ихъ ему обратно.

— 28. Въ Москвѣ опять переполохъ. Тамъ изданъ Сборникъ Хомяковымъ, Кирѣевскимъ и Аксаковымъ, въ которомъ, говорятъ, напечатаны очень сильныя вещи. Мнѣ удалось про-

читать только статью о Гоголѣ, изъ имени котораго очевидно хотятъ сдѣлать знамя. Гоголь тамъ названъ „великимъ сатирикомъ—христіаниномъ“ и т. д. Путь его былъ печальный потому, что ему суждено было проходить его среди общества, какое выставлено въ его „Мертвыхъ Душахъ“ и т. д. Стихи Хомякова еще сильнѣе. О Сборникѣ уже много толкуютъ въ публикѣ. Тучи собираются: быть грозѣ. А кто виноватъ?

— 29. Состоялось годичное собраніе „Общества посѣщенія бѣдныхъ“. Я опять выбранъ въ члены правленія, хотя передъ тѣмъ объявилъ, что ни дѣла мои, ни здоровье не позволяютъ мнѣ посвящать много времени Обществу.

Май.—10. Былъ у меня сегодня поутру Погодинъ. Я не видался съ нимъ уже лѣтъ двѣнадцать, если не больше. Онъ нисколько не перемѣнился: то же простое лицо, тѣ же тяжелые, медвѣжьи пріемы и грубоватое обращеніе. Но онъ очень умный человѣкъ и заслуживаетъ полнаго уваженія за многіе труды въ пользу науки. Я былъ радъ его посѣщенію. Мы поговорили о горькихъ временахъ, о сумятицѣ въ умахъ, о Гоголѣ, о Тургеневѣ, о „Московскомъ Сборникѣ“, надъ которымъ виситъ гроза. Погодинъ спрашивалъ у министра разрѣшенія окружить въ „Москвитянинѣ“ чернымъ бордюромъ извѣстіе о смерти Жуковскаго. Министръ разрѣшилъ.

— 12. Третье Отдѣленіе и негласный комитетъ уже поднимаютъ тревогу по поводу „Московскаго Сборника“. Сегодня мнѣ говорилъ объ этомъ товарищъ министра. Онъ сообщилъ мнѣ, что министръ уже сдѣлалъ строгій выговоръ цензору, князю Львову. Я совѣтывалъ довести объ этомъ выговорѣ до свѣдѣнія негласнаго комитета: авось не сочтетъ ли онъ это достаточнымъ удовлетвореніемъ.

Сентябрь.—16. Переѣхалъ съ дачи. Лѣто прошло плохо, въ серьезномъ недомоганіи, въ упадкѣ духа и въ служебной070 вознѣ. Въ Варшавѣ свирѣпствовала холера, и ее сюда ожидаютъ.

Одна очень милая молодая дѣвушка, Ознобишина, куря папироску, зажгла на себѣ по неосторожности платье. Оно было изъ легкой лѣтней ткани и мгновенно вспыхнуло. Бѣдная дѣвушка обгорѣла и черезъ недѣлю умерла въ страшныхъ мученіяхъ.

Ноябрь.—2. Въ Лицеѣ открылось мѣсто профессора русской

словесности, за смертью Георгіевскаго, который, говорятъ' былъ очень добрый человѣкъ, но плохой профессоръ и сильно уронилъ свой предметъ въ этомъ заведеніи. Лицейское начальство и профессора, съ лестнымъ для меня замѣчаніемъ, что я одинъ могу поднять на должную высоту каѳедру русской словесности въ лицеѣ, предложили меня въ кандидаты на нее. Но они встрѣтили отпоръ со стороны принца Ольденбургскаго, котораго въ этомъ еще поддерживалъ И. И. Давыдовъ. Принцъ Ольденбургскій ко мнѣ не благоволитъ—это мнѣ давно извѣстно. Мнѣ говорили, что онъ не можетъ мнѣ простить моего появленія однажды на какомъ-то институтскомъ торжествѣ, въ черномъ галстукѣ, вмѣсто бѣлаго. Онъ тогда же лично сдѣлалъ мнѣ выговоръ и схоронилъ это въ памяти, какъ доказательство опаснаго во мнѣ свободомыслія. Ну, это и понятно, но какъ объяснить недоброжелательство ко мнѣ въ настоящемъ случаѣ И. И. Давыдова, моего „пріятеля и почитателя?“ Этого я ужъ не берусь объяснять. Русскую словесность въ Лицеѣ опредѣляютъ читать Вышнеградскаго, преподавателя педагогіи въ Педагогическомъ институтѣ.

— 10. Читалъ А. С. Норову мою статью о Жуковскомъ. Она понравилась ему. Я еще лѣтомъ обѣщалъ ее Краевскому. Теперь о томъ провѣдали издатели „Современника“ и предлагаютъ мнѣ гораздо болѣе выгодныя условія. Съ тѣмъ же являлся ко мнѣ и редакторъ „Библіотеки для Чтенія“. Но не подобаетъ измѣнять своему слову. Я только написалъ Краевскому, что такъ какъ у него уже была статья о Жуковскомъ, не предпочтетъ ли онъ отказаться отъ моей? Краевскій отвѣчалъ, что никогда ни подъ какимъ видомъ не желаетъ отказаться отъ моей статьи и проситъ прислать ему ее. Ну, такъ тому и быть.

— 18. Теперь у всѣхъ на языкѣ одинъ предметъ разговора: уставъ о пенсіяхъ. Наши пенсіоны подверглись апоплексіи, которая, хотя не убила ихъ въ конецъ, но сильно искалѣчила: у нихъ отнялся одинъ бокъ. И то еще слава Богу! Обсуждая этотъ вопросъ, нѣкоторые изъ государственныхъ людей предлагали вовсе уничтожить преимущество пенсіоновъ по учебному вѣдомству, ибо что такое ученые? Они служатъ въ день всего три, четыре часа, читая на каѳедрѣ... Если пенсіоны наши еще не совсѣмъ обрѣзаны, то это только благодаря заступничеству На-

слѣдника цесаревича, который, еще два года или годъ тому назадъ, сильно и умно протестовалъ противъ извѣстнаго блудовскаго проекта. Наше бѣдное министерство тоже предъявляетъ свою долю участія въ этой заслугѣ. Но мы знаемъ, какъ оно заступается за своихъ и что значитъ его заступничество.

— 25. Проводилъ Авраама Сергѣевича Норова въ Одессу производить какое-то слѣдствіе. Тамъ, говорятъ, сильно своровано.

— 27. Былъ вчера у цензора Фрейганга съ моей статьей о Жуковскомъ. Онъ согласился, чтобы она была представлена ему на разсмотрѣніе въ корректурѣ. Я прочиталъ ему нѣсколько страницъ заключенія. Онъ замѣтилъ одну фразу, которую, по его мнѣнію, надлежало измѣнить, или вѣрнѣе, не фразу, а два слова: „движеніе умовъ“. Отъ Фрейганга я услышалъ дивныя вещи о цензурѣ: о томъ, какъ Елагинъ не пропускалъ въ физикѣ выраженія: „силы природы“; о шпіонствѣ разныхъ прислужниковъ, о тысячѣ притѣсненій, какимъ подвергаются всѣ, кому приходится имѣть дѣло съ цензурою. Фрейгангъ въ мое время считался однимъ изъ самыхъ мнительныхъ цензоровъ, теперь же слыветъ за самаго снисходительнаго.

Редакція указа о пенсіонахъ отличается большой оригинальностью. Въ началѣ тамъ сказано: „дабы удержать на службѣ полезныхъ своей опытностью чиновниковъ и не оставить безъ надлежащаго призрѣнія семейства“ и проч. Затѣмъ слѣдуетъ уменьшеніе пенсіоновъ семействамъ (по учебному вѣдомству) и удаленіе со службы чиновниковъ, кои двадцатипятилѣтнею службою пріобрѣли опытность и доказали свои способности.

Декабрь.—2. Одно изъ двухъ: или надобно отвергнуть просвѣщеніе, или принять его со всѣми выгодами и неудобствами.

Новый пенсіонный уставъ дѣйствительно наноситъ сильный ударъ университетамъ. Многимъ изъ нынѣшнихъ профессоровъ остается не долго дослужить до двадцатипятилѣтняго срока. По истеченіи его, они оставятъ университетъ, а между тѣмъ они люди испытанной опытности, знанія и способностей. При прежнемъ пенсіонномъ уставѣ они могли бы съ честью служить государству еще лѣтъ десять и подготовить себѣ достойныхъ преемниковъ. Теперь же люди способные, даже изъ молодыхъ, предпочитаютъ идти по другимъ служебнымъ путямъ, видя, какъ неутѣшительна будущность ученой службы.

Въ городѣ ужасно лгутъ и сплетничаютъ. Напримѣръ, увѣряютъ, будто съ 6-го декабря всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ одѣнутъ въ какіе-то форменные сюртуки, въ родѣ военныхъ и въ каски; что въ Персіи и Константинополѣ чума, которая и намъ угрожаетъ и т. д., и т. д. Замѣчательно только, что ложь все останавливается на дурномъ и не сулитъ ничего хорошаго.

— 8. Каски дѣйствительно даны, но только военнымъ лакеямъ, вслѣдствіе чего простой народъ принимаетъ стоящихъ на запяткахъ слугъ за офицеровъ. Я самъ недавно слышалъ, какъ одинъ мужичекъ говорилъ другому:—„Смотри-ка, смотри, вонъ офицеръ сидитъ на козлахъ возлѣ кучера“.

— 10. Сегодня былъ у меня пріѣхавшій три дня тому назадъ курьеръ нашъ изъ Персіи, служащій тамъ драгоманомъ, Мошнинъ. Онъ говоритъ, что въ Персіи вовсе нѣтъ чумы, что и холера тамъ сильно косила только въ одной области. Зато онъ сообщилъ мнѣ другую печальную новость. Братъ его, отличный молодой человѣкъ, лѣтъ восемь тому назадъ кончившій у меня курсъ первымъ кандидатомъ, вчера утопился. Онъ бросился въ прорубь у Минеральныхъ водъ. Молодой Мошнинъ часто бывалъ у меня. Мѣсяца два тому назадъ, онъ началъ писать ко мнѣ странныя письма, почти каждый день, въ которыхъ съ паѳосомъ разсуждалъ о великихъ судьбахъ Россіи, о Пушкинѣ, объ исторіи, о религіи, о назначеніи женщины. Письма эти обнаруживали очевидное разстройство ума. Ко мнѣ приходила сестра молодаго человѣка, въ слезахъ, и просила моего совѣта. Я былъ у нихъ и нашелъ дѣла хуже, чѣмъ ожидалъ. Я посовѣтывалъ его домашнимъ обратиться къ врачу, а пока не очень противорѣчить больному. Между прочимъ мнѣ объяснили, что причиной всему отвергнутая любовь. Мошнинъ хотѣлъ жениться на одной дѣвушкѣ, но ему отказали. Онъ страшно тосковалъ. Наканунѣ своей смерти, онъ жаловался брату на упадокъ умственныхъ силъ, горько плакалъ, а теперь вотъ чѣмъ кончилъ. Братъ былъ на мѣстѣ самоубійства. Тѣло несчастнаго молодаго человѣка найдено.

— 14. Обѣдалъ у Ивана Ивановича Панаева и не скажу, чтобы остался доволенъ проведеннымъ тамъ временемъ. Тамъ были: Михаилъ Николаевичъ Лонгиновъ, авторъ замѣчательныхъ по формѣ, но отвратительныхъ по цинизму стихотвореній, А. В.

Дружининъ, Н. А. Некрасовъ, Викторъ Павловичъ Гаевскій, и т. д. Послѣ обѣда завели самые скоромные разговоры и читали нѣкоторыя изъ „Парголовскихъ элегій“, во вкусѣ Баркова. Авторы ихъ превзошли самихъ себя по цинизму образовъ въ прекрасныхъ стихахъ. Вотъ гдѣ теперь надо искать русскую поэзію! Неужели это весело, господа?

— 15. Профессоромъ въ Лицей и наставникомъ къ великимъ князьямъ окончательно опредѣленъ Яковъ Карловичъ Гротъ.

— 22. Кончилъ съ Фрейгангомъ. Онъ пропустилъ всю статью, за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣстъ, которыя, нечего дѣлать, пришлось замѣнить другими. Я впрочемъ почти не спорилъ, сознавая, что иначе и нельзя по той системѣ, которой держатся нынѣ благоразумнѣйшіе цензора, въ родѣ Фрейганга. Объ остальныхъ и говорить нечего: тѣ не держатся никакой системы и слѣдуютъ только внушеніямъ страха. Система же первыхъ въ томъ, чтобы угадывать, какъ могутъ истолковать данную статью враги литературы и просвѣщенія. Фрейгангъ откровенно мнѣ въ томъ сознался. Можно себѣ представить, каковы должны быть заключенія цензуры, которая руководится такими догадками, а не прямымъ смысломъ статьи, не постановленіями, ни даже своимъ личнымъ убѣжденіемъ. Все, значитъ, зависитъ отъ толкованія невѣждъ и недоброжелателей, которые готовы въ каждой мысли видѣть преступленіе.

— Ваша статья прекрасна, между прочимъ замѣтилъ Фрейгангъ,—она, безъ сомнѣнія, обратитъ на себя вниманіе: тутъ-то и слѣдуетъ быть строже.

Съ своей точки зрѣнія онъ правъ, но отъ того не легче бѣдному автору.

— 28. Гдѣ мысль, тамъ и страданіе—но тамъ же должно быть и врачеваніе зла.

1853 годъ.

Январь.—7. Вчера былъ въ засѣданіи правленія „Общества посѣщенія бѣдныхъ“. Объявлено, что попечительство, послѣ покойнаго герцога Лейхтенбергскаго, принимаетъ на себя великій князь Константинъ Николаевичъ. Государь уже изъявилъ

свое согласіе. Итакъ, опасность миновала: Общество не перестанетъ существовать подъ охраною сильной руки. Князь Одоевскій говорилъ, что великій князь намѣренъ усердно заняться дѣлами Общества. Онъ до сихъ поръ мало зналъ о немъ и былъ даже противъ него предубѣжденъ. Но теперь ближе съ нимъ познакомился и дѣятельность Общества, очевидно, пришлась ему по душѣ. Мы сначала предлагали попечительство великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ. Она это очень хорошо приняла, благодарила за то, что вспомнили о ней, но все-же отказалась, предложивъ, вмѣсто себя, своего брата.

Герцогъ Лейхтенбергскій былъ хорошій человѣкъ. Его всѣ любили за любезное, гуманное обращеніе, и когда онъ умеръ, буквально говоря—весь Петербургъ о немъ сожалѣлъ. Онъ ревностно занимался дѣлами нашего Общества, и только ему оно обязано тѣмъ, что уцѣлѣло въ послѣднія смутныя времена. Въ четвергъ назначено общее собраніе, будто бы для избранія новаго попечителя, но это только для соблюденія формы.

— 8. Праздники кончены. Лекція въ университетѣ. Меня встрѣтилъ Плетневъ съ изъявленіями благодарности и прочее, за мою статью о „Жуковскомъ", которую уже прочелъ въ первомъ номерѣ „Отечественныхъ Записокъ".

— Вы попали прямо въ суть дѣла, сказалъ онъ мнѣ,—и превосходно опредѣлили Жуковскаго со всѣхъ сторонъ. Особенно хорошо опредѣлены у васъ отношенія его къ обществу. Я самъ старался вездѣ показывать, что дѣятельность писателя есть гражданская заслуга.

До меня вообще доходятъ вѣсти, что статья моя принята въ публикѣ очень хорошо. Это ободряетъ меня на писаніе дальнѣйшихъ очерковъ.

Вчера же обѣдалъ у Домонтовича и, по обыкновенію, встрѣтилъ тамъ Кукольника, сіяющаго отъ успѣха своей новой пьесы: „Костровъ". Онъ обѣщалъ мнѣ билетъ: конечно, надуетъ. За обѣдомъ Кукольникъ исправно потягивалъ благородный хересъ и смотрѣлъ съ презрѣніемъ на мою рюмку съ лафитомъ, до которой я едва касался.

— 14. Сегодня былъ у двухъ министровъ: у министра внутреннихъ дѣлъ, Бибикова, и у министра народнаго просвѣщенія, князя Ширинскаго-Шихматова. Бибикову я представлялся

въ первый разъ еще. Рѣчь, разумѣется, шла о Римско-Католической Академіи. Я долженъ былъ объяснить ему въ краткихъ чертахъ правила, которымъ я слѣдую тамъ: „не касаться ни политики, ни религіи, а, по возможности, внушать молодымъ людямъ любовь и довѣріе къ нашей общей матери—Россіи“.

— Такъ вы не касаетесь съ ними вопросовъ географическихъ, не разсуждаете о соединеніи церквей? спросилъ Бибиковъ.

— Это не имѣетъ ничего общаго съ моимъ предметомъ, отвѣчалъ я.—Мое дѣло чисто національно-нравственное.

— А вы довольны ихъ направленіемъ?

— Вполнѣ доволенъ. Вотъ уже десять лѣтъ, что я у нихъ преподаю и, кромѣ хорошаго, ничего не могу о нихъ сказать.

— Прекрасно. А какъ они по-русски знаютъ? продолжалъ разспрашивать министръ.

— Весьма удовлетворительно. Разумѣется, они не обходятся безъ грамматическихъ ошибокъ, но пусть лучше дѣлаютъ ошибки противъ языка, чѣмъ противъ сердца. Я больше всего стараюсь, чтобы они полюбили нашъ языкъ, наши преданія, нашъ бытъ. Они чрезвычайно внимательно слѣдятъ за моими лекціями.

— Ну, вотъ и отлично. Это-то и надо. И государь того-же желаетъ. А что митрополитъ? Онъ, кажется, умный мужикъ?

— Митрополитъ Головинскій, отвѣчалъ я,—весьма умный и тонко образованный человѣкъ.

— У него есть сходство съ нашимъ Иннокентіемъ — не правда-ли?

— Можетъ быть. Во всякомъ случаѣ, онъ человѣкъ замѣчательный.

Поговоривъ еще въ этомъ тонѣ, онъ прибавилъ:

— Я невѣжда, однакожъ читалъ кое-что. Здѣшнихъ дѣлъ я еще не знаю: я всего два мѣсяца тутъ.

Затѣмъ онъ меня отпустилъ. Не знаю, доволенъ ли будетъ Скрипицынъ, если узнаетъ о моемъ отзывѣ о Головинскомъ. Онъ съ нимъ въ неладахъ и намекалъ мнѣ о своемъ желаніи, чтобы я возстановилъ министра противъ Головинскаго. Само собой разумѣется, я его намековъ не понялъ и сказалъ о митрополитѣ то, что дѣйствительно о немъ думаю. Я не забочусь объ обращеніи католиковъ въ православіе, да это и не мое дѣло. Моя роль чисто-нравственная.

Князя Ширинскаго-Шихматова я встрѣтилъ въ залѣ собирающимся выѣхать въ каретѣ. Онъ только что всталъ съ постели, въ которой живетъ почти всю зиму. Онъ похожъ на привидѣніе.

— 22. Прійдя сегодня на лекцію въ университетъ, я засталъ тамъ суматоху. Инспекторъ забиралъ у студентовъ тетради и, забравъ, поѣхалъ съ ними въ III Отдѣленіе. Вотъ въ чемъ дѣло. Графъ Орловъ получилъ, по городской почтѣ, безъимянное письмо, съ которымъ тотчасъ же поѣхалъ во дворецъ. Государь приказалъ непремѣнно отыскать автора письма. Какъ-то добрались до лавочки, гдѣ было подано письмо. Лавочникъ объявилъ, что его принесъ какой-то бѣдно одѣтый молодой человѣкъ, въ треугольной шляпѣ: должно быть студентъ. Вотъ и отбираютъ у студентовъ тетради, чтобы сличить почерки ихъ съ почеркомъ письма. Ничего однакоже до сихъ поръ не открыли. Тоже дѣлали и съ тетрадями гимназистовъ, и тоже ни къ чему не пришли. Содержаніе письма никому неизвѣстно.

— 24. Жить научаетъ одна только жизнь. Въ настоящее время недостаточно одной обыкновенной твердости. Нужно геройство, чтобы спасти въ себѣ святыя вѣрованія и не дать угаснуть въ себѣ искрѣ Божьей.

— 26. Вчера, вмѣстѣ съ другими членами правленія „Общества посѣщенія бѣдныхъ", представлялся великому князю Константину Николаевичу въ Мраморномъ дворцѣ. Имѣющіе мундиръ были въ мундирахъ, остальные явились въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ.

— 27. Читалъ въ факультетѣ мое донесеніе о диссертаціяхъ студентовъ, представленныхъ на золотую медаль. Задача состояла въ разборѣ Сумарокова, Фонъ-Визина, Княжнина и князя Шаховскаго. Представлены три диссертаціи. Одна никуда не годится. Двѣ превосходны. Авторы послѣднихъ очень серьезно отнеслись къ дѣлу. Они написали много, а главное умно, добросовѣстно—однимъ словомъ, прекрасно. Я потребовалъ у факультета по золотой медали для каждаго. Къ счастью, нашлась одна въ экономіи. Факультетъ и совѣтъ согласились на этотъ разъ выдать двѣ медали. Одна изъ этихъ диссертацій написана студентомъ IV-го курса Пыпинымъ, другая—студентомъ II-го курса Миллеромъ.

— 31. Еще новое и грандіозное воровство. Былъ нѣкто Полит-

ковскій, правитель дѣлъ комитета 18-го августа 1814 года. Въ комитетѣ накопился огромный капиталъ въ пользу инвалидовъ. Политковскій—камергеръ, тайный совѣтникъ, кавалеръ разныхъ орденовъ и пр. и пр. Онъ въ теченіе многихъ лѣтъ кралъ казенный интересъ, пышно жилъ на его счетъ, задавалъ пиры, содержалъ любовницъ. На дняхъ умеръ. Не задолго до его смерти открылось, что онъ укралъ милліонъ двѣсти тысячъ рублей серебромъ! Говорятъ, государь очень огорченъ и разгнѣванъ. Въ самомъ дѣлѣ, горько видѣть такой развратъ—и не гдѣ нибудь въ глуши, между приказной мелочью, а въ кругу людей значительныхъ, въ своей столицѣ, чуть не у себя въ домѣ.

Февраль. — 9. Былъ на актѣ въ университетѣ, а потомъ обѣдалъ у Карамзина. Послѣ обѣда читаны были неизданныя главы „Мертвыхъ Душъ" Гоголя. Продолжалось ровно пять часовъ, отъ семи до двѣнадцати. Эти пять часовъ были истиннымъ наслажденіемъ. Читалъ, и очень хорошо, князь Оболенскій.

— 10. Изучая сочиненія и жизнь представителей нашей умственной дѣятельности отъ Карамзина и до Гоголя включительно, видишь ясно въ ней два большія наслоенія. Въ одномъ господствуетъ первое, такъ сказать, весеннее вѣяніе духа истины и красоты. Души воспріимчивыя, благородныя, нѣжно-настроенныя, ощутили надъ собой могущество великихъ вѣрованій человѣчества и радостно, беззавѣтно отдались первымъ впечатлѣніямъ этого отраднаго знакомства. Таковы Карамзинъ и Жуковскій. Но въ этомъ прекраснодушіи еще узкій взглядъ на вещи. Это состояніе юношеской неопытности, которая не вѣдаетъ зла. Это, если можно такъ выразиться, сластолюбивое отношеніе къ истинѣ и красотѣ, а не дѣятельность мужей, для которыхъ жизнь есть не игра въ прекрасныя чувства, а подвигъ и побѣда. Но лучшіе умы постепенно отрезвляются и перестаютъ смотрѣть на міръ сквозь близорукіе очки собственнаго сердца, которое видитъ лишь только то, что хочетъ видѣть, т. е. чѣмъ можетъ наслаждаться и съ чѣмъ можетъ мириться. Они ужъ глубже всматриваются въ вещи и находятъ, что тутъ не до сибаритской роскоши чувствъ. Душа болитъ отъ мерзостей и страданій человѣческихъ. Какъ тутъ быть? Запереться въ поэтическомъ прекраснодушіи, безплодно томиться въ нѣжномъ участіи къ своимъ братьямъ, успокоивать себя безплодными чаяніями лучшаго, а

суровые, животрепещущіе вопросы о кровныхъ, существенныхъ страданіяхъ человѣка оставлять безъ разрѣшенія—однимъ словомъ, предоставлять міру идти, какъ онъ хочетъ, лишь бы не нарушалась гармонія нашей внутренней жизни? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!... И вотъ, подъ вліяніемъ новаго міровоззрѣнія, въ литературѣ нашей начинается новое наслоеніе. Переходнымъ звеномъ здѣсь является Пушкинъ, онъ уже недоволенъ, встревоженъ, язвителенъ, хотя и въ личномъ еще смыслѣ. За нимъ идетъ Лермонтовъ, а тамъ вдругъ выростаетъ Гоголь.....

— 18. Еще воровство, и на этотъ разъ воръ оказался юмористомъ. Въ Кіевѣ уѣздный казначей укралъ восемьдесятъ тысячъ рублей серебромъ и скрылся, оставивъ письмо слѣдующаго содержанія: „Двѣнадцать лѣтъ служилъ я честно и усердно; это извѣстно и начальству, которое всегда было мною довольно. Не смотря на это, меня не награждали, тогда какъ другіе мои сослуживцы получали награды. Теперь я рѣшился самъ себя наградить“ и пр. Вора не нашли. Говорятъ, онъ успѣлъ скрыться за границу.

— 20. Былъ у меня князь Дмитрій Александровичъ Оболенскій и читалъ мнѣ „Исповѣдь Гоголя“. Вещь въ высшей степени любопытная.

Князь Оболенскій разсказалъ мнѣ слѣдующія подробности о Гоголѣ, съ которымъ онъ былъ хорошо знакомъ. Онъ находился въ Москвѣ, когда Гоголь умеръ.

Гоголь кончилъ „Мертвыя Души“ за границей—и сжегъ ихъ. Потомъ опять написалъ и на этотъ разъ остался доволенъ своимъ трудомъ. Но въ Москвѣ стало посѣщать его религіозное изступленіе и тогда въ немъ бродила мысль сжечь и эту рукопись. Однажды приходитъ къ нему графъ Толстой, съ которымъ онъ былъ постоянно въ дружбѣ. Гоголь сказалъ ему:

— Пожалуйста, возьми эти тетради и спрячь ихъ. На меня находятъ часы, когда все это хочется сжечь. Но мнѣ самому было бы жаль. Тутъ, кажется, есть кое-что хорошаго.

Графъ Толстой изъ ложной деликатности не согласился. Онъ зналъ, что Гоголь предается мрачнымъ мыслямъ о смерти и т. п. и ему не хотѣлось исполненіемъ просьбы его какъ бы подтвердить его ипохондрическія опасенія. Спустя дня три, графъ опять пришелъ къ Гоголю и засталъ его грустнымъ.

— А вотъ, сказалъ ему Гоголь, — вѣдь лукавый меня таки попуталъ: я сжегъ „Мертвыя Души".

Онъ не разъ говорилъ, что ему представлялось какое-то видѣніе. Дня за три до кончины, онъ былъ увѣренъ въ своей скорой смерти.

Въ „Исповѣди Гоголя" господствуетъ религіозное настроеніе, не исключающее, однако, другихъ чувствъ. Оно и благородно и скромно. Но въ Москвѣ послѣднее время онъ предавался такимъ страннымъ религіознымъ излишествамъ, которыя ставятъ втупикъ. Тутъ у него церковная формалистика какъ-бы подавляла настоящее религіозное чувство. Неужели это обычный психологическій ходъ религіознаго энтузіазма?

Въ дѣятельности душевныхъ силъ есть свой механизмъ, своя необходимость, по которой принятое понятіе или допущенное чувство непремѣнно должны разрѣшиться такимъ, а не другимъ событіемъ, если только высшая сила, разумъ, не вмѣшается и не измѣнитъ теченія идей. Но почему люди даровитые особенно подвержены этого рода року и становятся его жертвами? Не отъ того-ли, что вообще всѣ явленія ихъ внутренней жизни сильнѣе, реальнѣе? Начавшись, они должны и довершить себя. Въ слабой головѣ все дѣлается и не дѣлается, готово чѣмъ-то быть и перестаетъ быть отъ перваго толчка другой силы, или другого впечатлѣнія. Въ такой головѣ нѣтъ возможности образоваться чему-нибудь и созрѣть, тогда какъ умъ крѣпкій именно тѣмъ отличается, что у него все, что дѣлается, дѣлается съ тѣмъ, чтобы изъ этого что-нибудь вышло. Тутъ мѣсто великимъ и прекраснымъ созданіямъ; тутъ также мѣсто и чудовищнымъ, нелѣпымъ, смотря по тому, какимъ первоначальнымъ наитіемъ или понятіемъ руководится человѣкъ. Это именно свойственно людямъ даровитымъ, ибо дарованіе есть также умъ, но умъ односторонній, спеціальный. Сила его обращена на одно: онъ рѣдко способенъ возвыситься надъ самимъ собою, чтобы столько же править, сколько творить.

— 23. Къ слѣдующему акту университетскому я назначенъ произносить рѣчь. Не написать-ли: „О нравственномъ элементѣ въ наукѣ и искусствѣ?" Трудно сказать здѣсь что-либо новое, но предметъ идетъ ко времени.

— 25. Дѣйствія цензуры превосходятъ всякое вѣроятіе.

Чего этимъ хотятъ достигнуть? Остановить дѣятельность мысли? Но вѣдь это все равно, что велѣть рѣкѣ плыть обратно. Вотъ изъ тысячи фактовъ нѣкоторые самые свѣжіе. Цензоръ Ахматовъ остановилъ печатаніе одной ариѳметики, потому что между цифрами какой-то задачи тамъ помѣщенъ рядъ точекъ. Онъ подозрѣваетъ здѣсь какой-то умыселъ составителя ариѳметики.

Цензоръ Елагинъ не пропустилъ въ одной географической статьѣ мѣста, гдѣ говорится, что въ Сибири ѣздятъ на собакахъ. Онъ мотивировалъ свое запрещеніе необходимостью, чтобы это извѣстіе предварительно получило подтвержденіе со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ.

Цензоръ Пейкеръ не пропустилъ одной метеорологической таблицы, гдѣ числа мѣсяца означены по старому и по новому стилю обыкновенно принятою формулою: $\frac{\text{по стар. стилю}}{\text{по нов. стилю}}$. Онъ потребовалъ, чтобы на верху черточки стояло по новому стилю, а слово по старому—внизу. Таблицы, между тѣмъ, какъ состоящія изъ цифръ, представлены были на разсмотрѣніе уже по напечатаніи, такъ какъ нельзя было предвидѣть, чтобы онѣ могли подвергнуться запрещенію. Издателю предстояло вновь все печатать. Онъ обратился къ попечителю и, наконецъ, тотъ, по долгомъ и глубокомъ размышленіи, насилу согласился разрѣшить, чтобы таблицы остались въ первоначальномъ видѣ.

Цензора всѣ свои нелѣпости сваливаютъ на „негласный комитетъ“, ссылаясь на него, какъ на пугало, которое грозитъ наказаніемъ за каждое напечатанное слово.

Мартъ.—4. Сегодня пришелъ ко мнѣ мой добрый Викторъ Ивановичъ Барановскій и объявилъ, что его выгнали изъ службы. Какъ? За что? Онъ служилъ начальникомъ счетнаго отдѣленія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Надняхъ вдругъ велѣно было произвести освидѣтельствованіе по департаменту денежныхъ суммъ, что теперь вошло въ обыкновеніе, послѣ знаменитаго воровства Политковскаго. Барановскій, какъ начальникъ счетнаго отдѣленія, долженъ былъ изготовить вѣдомость. Пересматривая ее второпяхъ, онъ не замѣтилъ, что писецъ пропустилъ одну сумму изъ десяти, значившихся въ вѣдомости, причемъ итогъ, однако, былъ вѣренъ. Эту ошибку замѣтилъ министръ, или кто-нибудь ему указалъ ее. По департаменту под-

нялась тревога. Барановскій рѣшился самъ отправиться къ министру, объяснить ему ошибку и исправить ее. Министръ встрѣтилъ его грозно и рѣзко спросилъ:

— Какъ это случилось?

— Ошибка произошла отъ торопливости.

— Я не признаю на службѣ ни торопливости, ни ошибокъ.

И ничего больше. Казалось, все этимъ и кончилось. Не тутъ-то было. На третій день Барановскому велѣли подать въ отставку.

— Помилуйте! За что же? Въ отставку, прослуживъ безукоризненно 25 лѣтъ! У меня восемь душъ на попеченіи.

— Что же дѣлать? отвѣчалъ директоръ.—Мнѣ очень жаль, тѣмъ болѣе, что за исключеніемъ настоящаго случая, вы всегда отличались даже педантической аккуратностью. Но воля министра должна быть исполнена.

Барановскій рѣшился вторично идти къ министру и просить его объ отмѣнѣ жестокаго приказанія. Покорно предсталъ онъ предъ нимъ и изложилъ свое дѣло.

— Вы думаете, вѣрно, отвѣчалъ министръ, — что начальники отдѣленія могутъ водить меня за носъ? Подавайте въ отставку!

— Но, ваше высокопревосходительство, это погубитъ цѣлое семейство. Умоляю васъ...

— Что? Вы еще сопротивляетесь? Знайте, что мнѣ всегда и вездѣ повиновались. Ступайте и подавайте въ отставку, или я васъ выгоню.

Барановскій подалъ въ отставку. Теперь надо всѣми силами хлопотать, чтобы доставить этому бѣдному и достойному человѣку какое-нибудь занятіе, иначе ему дѣйствительно грозитъ гибель со всѣмъ семействомъ. Онъ не бѣденъ, а нищъ. Попытаюсь завтра у А. М. Княжевича. Подниму всѣхъ, кого можно.

— 6. Для бѣднаго Барановскаго все ничего не открывается. Есть свободное мѣсто директора Могилевской гимназіи, но попечитель на́-чисто мнѣ отказалъ, говоря, что назначаетъ на эти мѣста только изъ своихъ учителей.

— 14. Умеръ Каратыгинъ старшій. Умирать вещь обыкновенная, но вотъ, почти вдругъ, сходитъ со сцены жизни все умное, изящное, даровитое. Какъ гладко очищается поле для всяческихъ ничтожествъ! Русскій театръ въ теченіе послѣднихъ десяти дней

потерялъ трехъ талантливыхъ представителей. Умеръ Брянскій. Умерла Гусева,—послѣдняя даже во время самаго представленія. Говорятъ эти двѣ смерти сильно поразили Каратыгина. Онъ безпрестанно повторялъ слова, сказанныя ему Гусевою на похоронахъ Брянскаго:—„Вотъ и до насъ доходитъ очередь, Василій Андреевичъ: сперва я, а потомъ и вы".

Такъ и случилось. Да кстати, и московскій театръ сгорѣлъ.

— 19. Новый предметъ для разговора въ гостиныхъ: Яковлевъ пожертвовалъ милліонъ рублей казнѣ.

Товарищъ министра приглашалъ меня, чтобы поговорить объ адъюнктѣ Милютинѣ. Ему какое-то важное лицо говорило о лекціяхъ послѣдняго. Дѣло въ томъ, что Милютинъ задавалъ студентамъ темы для сочиненій по исторіи русскаго права. Одна изъ темъ слѣдующая: „Показать на основаніи лѣтописей и другихъ источниковъ, какія были у насъ совѣщательныя лица при князьяхъ, какъ они назначались, въ чемъ состояли ихъ обязанности, какъ они титуловались".

Важное лицо нашло эту тему почему-то либеральною.

— Вотъ, сказалъ я товарищу министра, какъ истолковываютъ наши дѣла. Каждый считаетъ себя въ правѣ въ нихъ вмѣшиваться и распоряжаться ими. Послѣ этого на лекціяхъ нельзя слова сказать, безъ опасенія, что его перетолкуютъ по своему и самую простую общую мысль науки обратятъ въ опасную либеральную идею. Чтобы мы, работники науки и образованія, могли успѣшно совершать свое дѣло, необходимо, чтобы мы были защищены отъ посягательствъ грубаго невѣжества.

Авраамъ Сергѣевичъ, съ своей стороны, не нашелъ въ вышеозначенной темѣ ничего „неблагонамѣреннаго" и обѣщался поговорить съ министромъ въ этомъ смыслѣ.

— 25. Никогда не унывай въ настоящей скорби, помня, что ты еще счастливъ тѣмъ, что съ тобой не случилось хуже, ибо худшее всегда возможно.

Отчаяніе—признакъ душевной слабости; надежда есть дитя легкомыслія. Лучше всего мужество, которое все сноситъ и не нуждается въ обольщеніи.

Чтобы ложь могла нравиться или имѣть успѣхъ, надо, чтобы она имѣла, если не вкусъ, то, по крайней мѣрѣ, запахъ и цвѣтъ истины.

Апрѣль.—5. Есть одно важное оффиціальное лицо, которое со мною лѣтъ пятнадцать состоитъ въ дружескихъ отношеніяхъ, и несмотря на свою нынѣшнюю оффиціальную важность, сохраняетъ эти отношенія. Его пытался я заинтересовать въ пользу Барановскаго. Онъ много обѣщалъ и ничего не сдѣлалъ. Между тѣмъ бѣдный Барановскій въ страшномъ состояніи. Онъ, какъ самъ выражается, пускаетъ въ оборотъ послѣднія капли крови, чтобы не дать умереть съ голоду семьѣ. Вчера я обращался къ Карамзину, описалъ ему и женѣ его положеніе несчастнаго и просилъ для него мѣста по ихъ дѣламъ, или у кого нибудь изъ знакомыхъ ихъ. Они казались тронутыми, подали надежду.

— 9. Вчера въ засѣданіи правленія „Общества посѣщенія бѣдныхъ“ присутствовалъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Онъ пріѣхалъ въ девять часовъ и просидѣлъ часа полтора, а уѣзжая выразилъ сожалѣніе, что не можетъ остаться дольше, ибо очень занятъ. Онъ былъ веселъ и привѣтливъ. Закурилъ сигару и предложилъ другимъ послѣдовать его примѣру. Однако, никто этимъ не воспользовался. Оно, пожалуй, и хорошо: зала засѣданія не велика, и еслибъ всѣ закурили, можно было бы задохнуться отъ дыму.

Секретарь на этотъ разъ началъ читать журналъ стоя. Великій князь освѣдомился: „Развѣ это всегда такъ дѣлается?“ и получивъ отрицательный отвѣтъ, приказалъ секретарю сѣсть. Онъ внимательно слѣдилъ за совѣщаніями, которыя шли обычнымъ порядкомъ. По временамъ дѣлалъ вопросы и свои замѣчанія умно и кстати. Къ лично знакомымъ ему членамъ, какъ-то: князю В. Ѳ. Одоевскому, Хрущову, Лонгинову, обращался особенно часто и любезно. Услышавъ имя одного бѣднаго: Гладкій, великій князь припомнилъ казачьяго атамана Гладкаго и разсказалъ о немъ, что это былъ одинъ изъ тѣхъ „некрасовцевъ“, которые возвратились въ Россію, во время Турецкой кампаніи и перевозили въ лодкѣ черезъ Дунай государя.—„Тогда всѣ были удивлены, какъ государь ввѣрился этимъ людямъ“, прибавилъ великій князь. Потомъ онъ осмотрѣлъ картину одного изъ нашихъ стипендіатовъ въ академіи художествъ, замѣтилъ, что у него большой талантъ и ласково ободрилъ молодаго художника, который былъ приглашенъ въ присутствіе. Уѣзжая, великій князь благодарилъ общество за все, что въ немъ видѣлъ и нашелъ.

Вообще, посѣщеніе его во всѣхъ оставило хорошее впечатлѣніе.

Министръ нашъ, князь Ширинскій-Шихматовъ, уволенъ заграницу для излеченія болѣзни. Должность его приказано исполнять товарищу министра, А. С. Норову. Сомнительно однако, чтобы князь доѣхалъ до границы: всего вѣрнѣе, что онъ уѣдетъ за границу жизни.

— 10. Три экзамена разомъ столкнулись у меня на завтрашній день: въ университетѣ, въ Аудиторскомъ училищѣ и въ педагогическомъ спеціальномъ классѣ Смольнаго монастыря, гдѣ будетъ присутствовать ея высочество цесаревна. Пріятное стеченіе обстоятельствъ! Рѣшаюсь быть тамъ, гдѣ мое присутствіе нужнѣе, а именно въ Аудиторскомъ училищѣ. Между прочимъ, ѣздилъ къ попечителю съ просьбою отложить на понедѣльникъ экзаменъ въ университетѣ. По нѣкоторомъ колебаніи, онъ согласился. О невозможности мнѣ быть въ Смольномъ монастырѣ я уже говорилъ Тимаеву. Оставалось съѣздить къ ректору и декану предупредить ихъ о согласіи попечителя. Все утро съ этимъ провозился. Зато кончилъ его хорошо. Заѣхалъ къ Карамзину и окончательно устроилъ дѣло Барановскаго. Его опредѣляютъ на контору по демидовскимъ дѣламъ, сначала на сто рублей серебромъ въ мѣсяцъ, а потомъ предоставятъ ему мѣсто, которое навсегда можетъ обезпечить его. Барановскій ожилъ. Ну, слава Богу, и большое спасибо Карамзину: по крайней мѣрѣ спасенъ человѣкъ вполнѣ достойный уваженія и участія.

— 11. Экзаменъ въ Аудиторской школѣ. Былъ военный министръ и кое-кто изъ генераловъ, но не много. Большинство поѣхало въ судъ, гдѣ нынче объявляютъ высочайшую конфирмацію по дѣлу о Политковскомъ.

Экзаменъ шелъ прекрасно. Я, между прочимъ, долго говорилъ съ адмираломъ Рикордомъ. Это одинъ изъ замѣчательныхъ людей нашего времени. Ему семьдесятъ четыре года, но онъ свѣжъ, бодръ, веселъ, полонъ участія ко всему хорошему и благородному, а доброта его готова войти въ пословицу. Я познакомился съ нимъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, слѣдующимъ образомъ. На университетскомъ актѣ ко мнѣ подходитъ морской генералъ и говоритъ:

— Я уже знакомъ съ вами, но мнѣ пріятно ближе познако-

миться. А знаете ли вы, гдѣ я сперва познакомился съ вами? Въ Греціи.

— Какъ въ Греціи?

— Да! Я стоялъ съ эскадрою близь Пирея и тамъ прочелъ вашу прекрасную статью о дѣвицѣ Кульманъ. Съ той поры я далъ себѣ слово, по возвращеніи въ Россію, лично узнать автора ея и вотъ теперь радъ, что вижу васъ.

Рикордъ—другъ всѣхъ ученыхъ и литераторовъ. Онъ былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ съ Н. А. Полевымъ; по смерти послѣдняго взялъ подъ свое покровительство семью его и былъ главнымъ виновникомъ денежнаго сбора въ ея пользу, который, говорятъ, принесъ ей тысячъ до двадцати пяти. До сихъ поръ семейство Полеваго видитъ въ Рикордѣ отца и друга. Вообще, гдѣ только доброе дѣло, тамъ и Рикордъ. И доброта его не ограничивается одними теплыми словами и изъявленіями участія. Нѣтъ! Онъ настойчивъ и дѣятеленъ. Онъ готовъ поднять все и всѣхъ на ноги для оказанія помощи и добиться того, чтобы участіе его не было безплодно. И все это дѣлается у него чрезвычайно просто. Ни тѣни тщеславія, ни капли усталости, или охлажденія! Удивительный, рѣдкій человѣкъ!

— 14. Сегодня я слышалъ, что обо мнѣ пошло представленіе военному министру отъ начальства Аудиторской школы. Меня представляютъ къ чину дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.

— 15. Былъ вечеромъ у товарища министра, который нынѣ управляетъ министерствомъ. Онъ говорилъ о затруднительномъ своемъ положеніи, жаловался на недостатокъ друзей. Департаментскіе чиновники не болѣе, какъ канцеляристы. Въ трогательныхъ выраженіяхъ припомнилъ онъ нашу старинную дружбу и просилъ меня помогать ему. Мы условились, что важнѣйшія дѣла онъ будетъ сообщать мнѣ для предварительнаго обсужденія и для соображеній. Теперь на очереди важное дѣло: блудовскій проектъ о преобразованіи университетовъ. Этотъ проектъ выработанъ въ комитетѣ, особо учрежденномъ подъ предсѣдательствомъ Блудова. Авраамъ Сергѣевичъ просилъ меня сегодня заготовить по этому дѣлу бумагу.

— 27. Узналъ сегодня объ исходѣ представленія меня по военному министерству къ чину дѣйствительнаго статскаго со-

вѣтника. Государь на представленіе отвѣчалъ, что „еще рано“, а когда военный министръ замѣтилъ, что я уже девять лѣтъ въ чинѣ статскаго совѣтника, его величество повторилъ: „всетаки рано еще“. И впрямь рано: ну какой я, въ самомъ дѣлѣ, генералъ.

Май.—2. Умеръ докторъ Богуславскій, хорошій врачъ, подъ угрюмой наружностью скрывавшій золотое сердце. Онъ былъ еще не старъ, здоровъ и крѣпокъ, но вотъ его сразила холера. Не мудрено, что послѣдняя опять начала сильнѣе косить: холодно такъ, что хоть опять полѣзай въ шубу.

— 5. Умеръ министръ народнаго просвѣщенія, князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, въ двѣнадцатомъ часу ночи. Кончина его была тиха и спокойна. За часъ до смерти онъ еще былъ въ полной памяти, говорилъ, прощался съ окружающими, потомъ сказалъ, что хочетъ соснуть и просилъ оставить его одного. Онъ и дѣйствительно заснулъ—вѣчнымъ сномъ. Присутствующіе не замѣтили никакихъ признаковъ агоніи, только услышали легкое хрипѣніе: это былъ послѣдній вздохъ.

Князь Шихматовъ былъ добръ и по природѣ и по убѣжденію христіанина, справедливъ, простъ и доступенъ. Онъ не отличался, подобно своему предшественнику Уварову, ни блестящимъ умомъ, ни даромъ слова. Его умъ вращался въ сферѣ практической администраціи, гдѣ онъ и пріобрѣлъ много знанія и навыка. Онъ собственно не былъ государственнымъ человѣкомъ — да и гдѣ же у насъ государственные люди?—и постъ министра засталъ его, такъ сказать, врасплохъ, неожиданно. Онъ самъ сознавалъ свою несостоятельность въ этомъ отношеніи. Но, надо сказать правду, что на его долю выпало управлять министерствомъ въ тяжелое время, когда съ одной стороны возстали противъ просвѣщенія поборники прежней до-петровской тьмы, а съ другой смущенное правительство терялось и не знало, чего ему держаться. Министерство оказалось, такъ сказать, ущемленнымъ между негласнымъ архи-цензурнымъ комитетомъ 2-го апрѣля и между комитетомъ для пересмотра постановленій послѣдняго, подъ предсѣдательствомъ Блудова. Подъ министерство подкапываются со всѣхъ сторонъ. Оно сдѣлалось какою-то сомнительною отраслью государственнаго управленія, а представитель его, министръ, скорѣе отвѣтное лицо передъ допросами, чѣмъ госу-

дарственный чиновникъ. Князь Шихматовъ хотѣлъ честно и добросовѣстно выполнять свою тяжкую миссію. Въ бумагахъ, которыя я получалъ отъ его товарища по разнымъ важнѣйшимъ вопросамъ, вездѣ видно благородное усиліе защищать дѣло просвѣщенія и отклонять слишкомъ рѣзкія преобразовательныя мѣры, клонящіяся къ стѣсненію его. Но онъ не имѣлъ достаточно ни нравственнаго, ни гражданскаго мужества, чтобы смѣло повернуть противъ вѣтра руль своего корабля, со всѣхъ сторонъ обуреваемаго грозною борьбою стихій. Онъ изнемогъ въ этой борьбѣ и, можно съ достовѣрностью сказать, что она сократила срокъ его жизни. Болѣзнь и смерть его были слѣдствіемъ чрезмѣрнаго напряженія силъ и огорченій. Нельзя оставить безъ вниманія и другихъ скорбей его незавидной доли. Онъ не имѣлъ также никакого значенія, или, какъ говорится, вѣса, даже въ глазахъ своихъ подчиненныхъ. На него смотрѣли съ нѣкотораго рода пренебреженіемъ, которое было естественнымъ слѣдствіемъ его политическаго безсилія, но котораго онъ не заслуживалъ ни по чувствамъ, ни по цѣлямъ своимъ. А сколько и какъ кидали въ него грязью и въ обществѣ, и въ кругу ученыхъ! Между тѣмъ никто и не подозрѣвалъ, какъ это тяжело ему.

Вотъ уже два министра народнаго просвѣщенія сдѣлались жертвою бури, налетѣвшей на наше и безъ того еще слабое и шаткое просвѣщеніе—онъ и Уваровъ. Уваровъ тоже много вытерпѣлъ въ послѣднее время своего министерства. Когда онъ зашатался на своемъ мѣстѣ, многое ему уяснилось, и мнѣ приходилось не разъ быть свидѣтелемъ его скорби. Тогда и я лучше узналъ этого человѣка и могъ оцѣнить его хорошія стороны—его несомнѣнный умъ, который, во время его силы, часто заслонялся тщеславіемъ и мелкимъ самолюбіемъ. Къ сожалѣнію, и онъ, какъ Шихматовъ, не былъ одаренъ силами, необходимыми для временъ бурныхъ и опасныхъ. Правъ Ростовцевъ, который надняхъ мнѣ сказалъ:

— Ни одинъ человѣкъ, глубоко и основательно мыслящій, не согласится теперь принять на себя званіе министра народнаго просвѣщенія. Для этого надо имѣть колоссальную силу, какой у насъ никто не имѣетъ.

Удержится ли Норовъ на этомъ мѣстѣ? Или и онъ также будетъ жертвою? У него благородное сердце и намѣренія у него

благія, но едва ли достанетъ у него силъ. Хотя онъ и говоритъ, что готовъ пожертвовать собою, то есть своимъ чиновнымъ значеніемъ, за дѣло просвѣщенія, но станетъ ли у него на это мужества? Ему недостаетъ, между прочимъ, и того практическаго смысла и того навыка къ дѣламъ, какой всетаки былъ у Шихматова, а помощниковъ у него нѣтъ. Пока онъ мнѣ довѣряетъ, я готовъ, по его желанію, помогать ему во всякомъ благородномъ дѣлѣ, со всею добросовѣстностью и насколько хватитъ моего умѣнья—и я ему это обѣщалъ. Но, во-первыхъ, я здѣсь не оффиціальное лицо и многое можетъ идти мимо меня. Во-вторыхъ, я не могу, ради этого, отказаться отъ всѣхъ остальныхъ моихъ дѣлъ: я долженъ также трудиться для насущнаго хлѣба моей семьи... Но, не будемъ забѣгать впередъ, а будемъ дѣлать то, что предпишетъ совѣсть.

— 8. Похороны министра Ширинскаго-Шихматова. Его отвезли въ Сергіевскій монастырь. Я проводилъ его до Московской заставы. Изъ первоклассныхъ сановниковъ былъ Блудовъ.

Написалъ письмо къ князю Одоевскому, что не могу больше состоять дѣятельнымъ членомъ „Общества посѣщенія бѣдныхъ".

Вечеромъ меня опять призывалъ къ себѣ Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ. Еще сильнѣе жаловался онъ на свои затрудненія, говорилъ, что возлагаетъ всѣ свои надежды на меня. Ахъ, плохо! Какъ ожидать стойкости отъ того, кто не полагается прежде всего на самого себя и на силу собственныхъ убѣжденій? Какъ бы онъ ни былъ просвѣщенъ и гуманенъ, онъ не способенъ долго противиться натиску враждебныхъ обстоятельствъ...

— 22. Прекрасный теплый день. Утромъ я прошелся по деревнѣ Кушелевкѣ, обошелъ весь Беклешовъ садъ. Это моя первая прогулка, послѣ довольно серьезной болѣзни, которая и семью мою задержала въ городѣ дольше, чѣмъ слѣдовало. Мы только вчера переѣхали на дачу, хотя погода уже давно манила туда. Теперь сижу въ моемъ крохотномъ кабинетикѣ и приготовляюсь къ серьезнымъ работамъ, которыхъ накопилась масса за двѣ недѣли моей болѣзни.

— 25. Ѣздилъ въ городъ. Вечеромъ работалъ съ Авраамомъ Сергѣевичемъ по дѣламъ комитета о преобразованіи учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. Я долженъ заготовить записку объ этомъ. Удастся ли что нибудь вырвать изъ

рукъ всякихъ „негласныхъ“ въ пользу нашего бѣднаго гонимаго просвѣщенія?

Іюнь.—2. Въ городѣ. Духота. Вчера вечеръ провелъ за дѣлами съ Авраамомъ Сергѣевичемъ. Записка о проектахъ блудовскаго комитета, наконецъ, написана. Министръ остался доволенъ. Онъ только пожелалъ смягчить нѣсколько рѣзкихъ мѣстъ. Моя основная идея, съ которой и онъ согласился: ничего не преобразовывать, а только улучшать. Бываютъ эпохи, когда духъ преобразованій можетъ творить только зло, касаясь учрежденій укоренившихся и польза которыхъ доказана опытомъ. Мысль преобразовать министерство народнаго просвѣщенія возникла подъ вліяніемъ паническаго страха, вызваннаго европейскими событіями 1848 года. Тогда вошло въ обычай во всемъ обвинять министерство народнаго просвѣщенія. Государю подано было нѣсколько проектовъ преобразованія его—совсѣмъ не государственныхъ. Нѣкоторые отличаются даже изумительной безграмотностью. Напримѣръ, проектъ Переверзева, который былъ когда-то и гдѣ-то губернаторомъ, тамъ, говорятъ, заворовался, былъ уволенъ, долго оставался безъ мѣста, а потомъ былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Я знаю его лично. Это круглый невѣжда, къ тому же не трезвый. Хорошъ также проектъ московскаго генералъ-губернатора Закревскаго. Кажется, слѣдовало бы оставлять безъ всякаго вниманія подобныя изліянія усердія и преданности престолу. Однако былъ назначенъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ Блудова, который, конечно, не раздѣляетъ обскурантскихъ идей всѣхъ этихъ господъ, но предлагаетъ, взамѣнъ ихъ, мѣры тоже не мудрыя.

Вникая во всѣ эти государственныя и административныя дѣла, приходишь къ одному печальному заключенію: какъ мы бѣдны государственными людьми! Какой-нибудь невѣжда можетъ пустить въ ходъ совсѣмъ нелѣпое понятіе и колебать имъ цѣлый рядъ учрежденій, прикрываясь мнимой преданностью и усердіемъ... Вездѣ бьетъ въ глаза нетвердость основныхъ началъ, поверхностность, опрометчивость, непослѣдовательность, неумѣнье вникать въ сокровенныя и тонкія соотношенія вещей что̀ однако необходимо, когда хотятъ создать изъ нея стройную, богатую послѣдствіями систему.

— 10. Вчера и сегодня въ городѣ. Вчера до часу ночи зани-

мался съ Авраамомъ Сергѣевичемъ. Сегодня ѣздилъ въ Царское Село, по приглашенію графини Клейнмихель, и заѣзжалъ къ М. Н. Мусину-Пушкину. Возвратясь, обѣдалъ у Авраама Сергѣевича.

— 11. Ночевалъ въ городѣ. Былъ на публичномъ экзаменѣ военно-учебныхъ заведеній. Меня на этихъ экзаменахъ всегда радуетъ Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ. Онъ и на этотъ разъ, съ одиннадцати часовъ утра и до четырехъ, неутомимо слѣдилъ за экзаменомъ, принимая во всемъ самое радушное и живое участіе. Наука, очевидно, его не пугаетъ. Экзаменъ былъ изъ физической географіи и изъ исторіи.

— 16. Нынче совсѣмъ не пользуюсь дачной жизнью. Вотъ и теперь всѣ прошедшіе дни обработывалъ проектъ о предоставленіи Аудиторскому училищу нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ. Вчера только кончилъ его, а сегодня, какъ говорится, спустилъ съ рукъ, т. е. представилъ кому слѣдуетъ. Работы было много, но будетъ ли успѣхъ? Польза общественная вообще понятіе шаткое. Она страшная кокетка и рѣдко удовлетворяетъ того, кто всего больше за нее распинается.

Есть у Нибура слѣдующее положеніе: „Великія эпидеміи или заразы совпадаютъ съ эпохами упадка цивилизаціи". Мысль эта меня поразила. Наше время какъ бы служитъ ей подтвержденіемъ. На нашихъ глазахъ холера и нравственное разслабленіе идутъ рука объ руку, подрывая самыя свѣтлыя и великія вѣрованія. Даже въ частности замѣчаемъ, что люди съ менѣе хилымъ духомъ какъ будто не такъ легко подвергаются заразѣ, или выдерживаютъ ее счастливѣе.

— 19. Въ городѣ. Читалъ генералу Пильхау, директору департамента военныхъ поселеній, мою записку объ Аудиторскомъ училищѣ. Онъ одобрилъ ее. Генералъ Роговской хотѣлъ еще, чтобы я ѣхалъ съ нимъ по этому же дѣлу къ генералъ-оберъ-аудитору. Но отъ этого я ужъ отказался: меня ждалъ Норовъ и приближался часъ урока у Бенардаки, который я рѣшился взять на себя, такъ какъ только благодаря ему, могу обезпечить пребываніе на дачѣ моей семьи.

— 22. Экзаменъ въ Римско-Католической Академіи: ничѣмъ не отличался отъ другихъ экзаменовъ тамъ же. Прескверный обычай у учениковъ этой академіи: все заучивать наизусть! Сколько

я ни старался отучить ихъ отъ этого въ моемъ предметѣ, никакъ не могъ. Имъ велѣно въ богословскихъ наукахъ держаться буквы—вотъ они и вездѣ держатся ея. Воспитанники нашей православной академіи гораздо свободнѣе въ этомъ отношеніи—по крайней мѣрѣ были свободнѣе, лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Я имѣлъ тогда сношенія съ этими молодыми людьми. Они были хорошо образованы, прекрасно знали древніе и даже новые языки, самостоятельно мыслили. Меня съ ними сблизили ихъ литературныя попытки. Я помогъ имъ тогда перевести и издать: „Исторію литературы" „Вахлера. Напечатана была впрочемъ только первая часть, остальныя были переведены, но переводчики удалились въ провинцію, а тотъ, кому они поручили здѣсь изданіе, обманулъ ихъ довѣріе. Изданіе, разумѣется, остановилось, не смотря на то, что по моему ходатайству, министръ Уваровъ ввелъ эту книгу въ гимназіи, да и вообще она хорошо шла. Еще были переведены: „Курсъ философіи" Жерюзе, „Исторію французской литературы" Баранта и, т. д. Много очень хорошихъ статей также написано ими и напечатано, подъ моей редакціей въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ". Но бѣда въ томъ, что нравственное воспитаніе ихъ далеко уступало умственному развитію. Трое изъ нихъ, по окончаніи курса, спились съ кругу, а четвертый умеръ въ чахоткѣ. Въ періодъ моего знакомства съ ними, я всячески старался воодушевлять ихъ и пробуждать въ нихъ чувство самоуваженія. При большихъ познаніяхъ, при умѣ и добрыхъ качествахъ сердца, эти молодые люди были проникнуты какимъ-то чувствомъ уничиженія, которое угнетало ихъ, а въ заключеніе и погубило.

Іюль. — 6. Нѣкто Л. А. Мей покупаетъ у Масальскаго „Сынъ Отечества" и приглашаетъ меня быть редакторомъ его, на томъ же основаніи, какъ въ свое время „Современникъ". Но я уже испробовалъ прелестей такого редакторства, да вдобавокъ и покупка еще не состоялась. Я отвѣчалъ, что во всякомъ случаѣ, прежде всего, надо подумать о пріобрѣтеніи журнала и о средствахъ его издавать, а потомъ уже разсудимъ, могу я или нѣтъ принять редакторство его.

— 7. Ѣздилъ съ Краевскимъ въ Ораніенбаумъ къ нашему общему врачу Шипулинскому. Это была хорошая прогулка. Мы въ четыре часа отправилсь на пароходѣ въ Петергофъ, а оттуда

въ дилижансѣ въ Ораніенбаумъ. Я лѣтъ двадцать какъ не былъ въ Петергофѣ. Впрочемъ, я и теперь не видѣлъ его, такъ какъ не останавливался въ немъ. Дорога отъ Петергофа до Ораніенбаума пріятная: справа заливъ, слѣва—цѣпь холмовъ съ красивыми дачами, тонущими въ зелени садовъ. Я взобрался на козлы дилижанса, рядомъ съ кучеромъ, и оттуда съ высоты обозрѣвалъ окрестности.

— 9. Холера въ послѣдніе дни въ городѣ дѣйствуетъ слабѣе.

Дядя Маркъ [1]) приглашаетъ меня вмѣстѣ съ нимъ ѣхать въ деревню въ Витебскую губ. Онъ самъ взялъ отпускъ на 28 дней и уѣзжаетъ въ субботу. Я не могу такъ скоро собраться и потому, если рѣшусь ѣхать, то поѣду ужъ одинъ попозже. Прежде надо кончить для А. С. Норова дѣло по блудовскому комитету. Тамъ открылось нѣсколько новыхъ обстоятельствъ, и то, что я уже написалъ, требуетъ теперь пополненій. Да и уроки у Бенардаки не могутъ быть такъ, сразу, оборваны.

— 14. Отдалъ А. С. Норову уже совсѣмъ оконченную записку по блудовскому комитету.

Сентябрь.—1. Августъ провелъ въ поѣздкѣ въ Витебскъ, а теперь, вернувшись, опять принялся за усиленныя занятія съ Авраамомъ Сергѣевичемъ.

— 27. Ѣздилъ въ Павловскъ къ Норову. Много толковъ о министерскихъ дѣлахъ. Въ заключеніе онъ просилъ меня приготовить двѣ записки: одну о цензурѣ вообще, другую о давыдовскомъ комитетѣ. Авось не удастся-ли обуздать и то и другое.

Сильно подумываю оставить Аудиторское училище. Силъ моихъ не хватаетъ. Да теперь мнѣ тамъ, собственно говоря, и оставаться не за чѣмъ. Если они захотятъ мой проектъ, то и безъ меня осуществятъ его, а не захотятъ, такъ еще меньше поводовъ оставаться мнѣ тамъ.

— 30. Былъ на актѣ въ Педагогическомъ институтѣ. Тамъ праздновался двадцатипятилѣтній юбилей его. Были три чтенія: все хвалебные гимны самимъ себѣ. Особенно странно было слышать, какъ секретарь, читавшій отчетъ, во всеуслышаніе объ-

---

[1]) Родственникъ жены автора Маркъ Николаевичъ Любощинскій, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ въ трудахъ комиссіи по освобожденію крестьянъ и по устройству новаго судопроизводства, позже Членъ Государственнаго Совѣта, † 1889 г. *Ред.*

явилъ, что опредѣленіе въ директоры Педагогическаго института И. И. Давыдова составляетъ эпоху въ исторіи этого заведенія, которое съ этого только времени начало совершенствоваться и процвѣтать. И это говорилось въ глаза Ивану Ивановичу. Онъ выслушалъ, не сморгнувъ.

Октябрь.—2. Подалъ генералу Роговскому просьбу объ увольненіи меня изъ Аудиторскаго училища. Двадцать одинъ годъ проработалъ я тамъ.

— 16. Авраамъ Сергѣевичъ отправлялъ составленный мною проектъ системы нашего образованія, особенно университетскаго, Якову Ивановичу Ростовцеву, прося его сообщить ему свои замѣчанія. Проектъ этотъ одновременно служитъ и отвѣтомъ министерства на предположенія блудовскаго комитета. Ростовцевъ не предложилъ никакихъ измѣненій.

— 20. Война. Говорятъ, турки перешли Дунай, или заняли на немъ островокъ, который командуетъ переправой. Наша флотилія, ходятъ слухи, пострадала на Дунаѣ.

— 21. Видѣлся съ Гаевскимъ. Дѣло идетъ о передачѣ мнѣ редакціи журнала „Министерства Народнаго Просвѣщенія".

Ноябрь.—15. Празднованіе въ Смольномъ монастырѣ двадцатипятилѣтія со дня принятія императрицею заведеній вѣдомства Маріи въ свое завѣдываніе. Обѣдню служилъ митрополитъ, затѣмъ состоялся торжественный обѣдъ въ большомъ залѣ. Тамъ встрѣтилъ я многихъ изъ своихъ бывшихъ учениць. Онѣ привѣтствовали меня, какъ друга.

— 27. Въ октябрьской книжкѣ „Библіотеки для Чтенія" напечатана рецензія на „Пропилеи", гдѣ разобрана и разругана статья Авдѣева о храмѣ Св. Петра въ Римѣ. Въ рецензіи, между прочимъ сказано:

— Жаль, очень жаль, что „Пропилеи" издаются не на французскомъ языкѣ: такого вздору не посмѣлъ бы господинъ Авдѣевъ написать на языкѣ академіи надписей, и г-нъ Леонтьевъ (издатель „Пропилей") навѣрно не рѣшился бы напечатать для назиданія всей Европы того, что счелъ за довольно хорошее для насъ. Удивительно, что даже и въ русскомъ изданіи, въ которомъ можно пороть дичь безнаказанно, господинъ Леонтьевъ не употребилъ своей издательской власти на устраненіе, по крайней мѣрѣ, этой наглой нелѣпости!

Плоско и неприлично! Но комитетъ 2-го апрѣля, или негласный, вмѣсто литературнаго безвкусія, увидѣлъ здѣсь цѣлое пре-

ступленіе, а именно нашелъ, что тутъ „оскорблены русская литература и русское сужденіе“. Такъ точно донесъ онъ и государю. Велѣно сдѣлать цензору строгій выговоръ и спросить: „Кто писалъ статью?“ Мы съ Авраамомъ Сергѣевичемъ долго ломали головы, какъ бы спасти Сенковскаго, ибо онъ авторъ ея. Рѣшили въ отношеніи комитету сказать всевозможное въ пользу его, снесясь предварительно съ Дуббельтомъ.

— 29. Недовольство моими лекціями въ университетѣ, которое я нѣсколько времени ощущалъ, слава Богу, прошло. Я опять овладѣлъ собою и это отражается и на моихъ слушателяхъ, которые кажутся наэлектризованными. Аудиторію мою посѣщаютъ даже студенты, не обязанные меня слушать, изъ другихъ факультетовъ.

Декабрь.—6. Сенковскому велѣно сдѣлать строжайшій выговоръ черезъ министра, съ внушеніемъ, что „такія статьи не только не приносятъ пользы литературѣ, но, напротивъ, вредятъ ей“. Ну, слава Богу, дѣло обошлось легче, чѣмъ всѣ мы ожидали.

— 14. Великолѣпное торжество въ Смольномъ монастырѣ все въ честь того же двадцатипятилѣтія съ тѣхъ поръ, какъ нынѣ царствующая императрица Александра Θеодоровна приняла подъ свое покровительство женскія учебныя заведенія. Мы, вмѣстѣ съ Авраамомъ Сергѣевичемъ, поѣхали туда въ семь часовъ. Часъ спустя, прибыла вся царская семья. Начались характеристическіе танцы, которые имѣли цѣлью пантомимой выразить императрицѣ любовь и признательность дѣтей. Хоръ дѣвицъ пропѣлъ стихи, сочиненные на этотъ случай Бенедиктовымъ. Потомъ, на нарочно устроенной для того эстрадѣ, были поставлены живыя картины съ аллегорическимъ изображеніемъ добродѣтелей государыни: милосердія, любви къ искусствамъ, наукамъ и т. д. Группы изъ молоденькихъ, свѣжихъ и красивыхъ монастырокъ были очень изящны и эффектны. Затѣмъ пошли обыкновенные танцы, въ которыхъ участвовали и великіе князья. Государь, почти все время стоя, любовался оживленнымъ зрѣлищемъ. Но онъ мало къ кому обращался съ разговоромъ, однако сдѣлалъ исключеніе въ пользу Авраама Сергѣевича, котораго самъ нашелъ въ тѣсной толпѣ военныхъ и статскихъ сановниковъ. Онъ съ полчаса продержалъ его около себя и между прочимъ сказалъ ему:

— Я очень доволенъ студентами. Они такъ хорошо себя держатъ. У нихъ такой бодрый видъ.

Норовъ на это отвѣчалъ, что „онъ ручается за то, что каждый изъ нихъ готовъ стать въ ряды русскаго побѣдоноснаго войска и черезъ два мѣсяца быть офицеромъ“.

Государь еще говорилъ съ Броневскимъ и какою-то дамою Въ началѣ одиннадцатаго дворъ уѣхалъ. Авраамъ Сергѣевичъ очень доволенъ благосклоннымъ вниманіемъ къ нему государя, но, надо ему отдать справедливость, не только лично за себя, но и потому, что видитъ въ томъ залогъ успѣха для дѣла, которому дѣйствительно хочетъ честно служить.

— 15. Сегодня въ церкви Смольнаго монастыря—все по случаю юбилея императрицы—былъ молебенъ, на которомъ опять присутствовалъ государь и часть его семьи. По окончаніи молебна всѣхъ присутствовавшихъ представляли государынѣ. У ней для каждаго нашлось ласковое, привѣтливое слово.

— 17. Съ девяти часовъ утра и до половины четвертаго, почти не вставая съ мѣста, работалъ надъ составленіемъ важной записки для государя. Дѣло идетъ о сліяніи комитета 2-го апрѣля съ главнымъ управленіемъ цензуры. Это смѣлый шагъ. Комитетъ дѣлаетъ много зла. Авраамъ Сергѣевичъ хочетъ предварительно показать записку графу Д. Н. Блудову, который тоже весьма не одобряетъ дѣйствій комитета.

— 18. Булгарину велѣно сдѣлать строжайшій выговоръ за статью объ извозчикахъ.

— 23. Былъ, по приглашенію, на выпускномъ экзаменѣ въ Маріинскомъ институтѣ. Присутствовала великая княгиня Елена Павловна. При всякой новой встрѣчѣ съ ней, не можешь не отдать ей должнаго за умъ, образованіе, за любезность и тактъ. Во время завтрака она много, тонко и умно говорила о Гоголѣ и о Рашели.

Надняхъ Фетъ (Шеншинъ) читалъ у меня свой переводъ Горація. Это капитальный трудъ нѣсколькихъ лѣтъ и дѣйствительно цѣнный вкладъ въ нашу литературу.

— 25. Въ Екатерининскомъ институтѣ есть дѣвочка Попандопуло, лѣтъ четырнадцати. Изъ газетъ она узнала о смерти своего брата, убитаго въ сраженіи съ турками. Подруги изъ-

являли ей участіе, и одна изъ нихъ спросила: — „Жаль-ли ей брата?“

— Чего жалѣть, отвѣчала она:—онъ погибъ за царя и отечество.

Объ этомъ довели до свѣдѣнія государя и его величество назначилъ дѣвицѣ Попандопуло пенсію въ тысячу рублей до выхода замужъ—„за религіозно-вѣрноподданническія чувства“, какъ сказано въ оффиціальной бумагѣ. Сверхъ того, при выпускѣ изъ института, ей велѣно выдать еще тысячу рублей, а когда она будетъ выходить замужъ, то довести о томъ до свѣдѣнія двора, и тогда ее снабдятъ приданымъ.

— 30. Вчера въ торжественномъ годичномъ засѣданіи Академіи наукъ меня избрали членомъ-корреспондентомъ ея по отдѣленію русскаго языка. Я не былъ въ этомъ засѣданіи.

Теперь занимаетъ меня рѣчь къ университетскому акту. Я выбралъ темою: „Объ эстетическомъ элементѣ въ наукѣ“ и пишу ее въ промежутки между приступами жестокой головной боли, которая меня мучаетъ уже двѣ недѣли. Надо во что бы то ни стало дописать рѣчь въ теченіе праздниковъ: потомъ будетъ некогда, а актъ у насъ 8-го февраля.

1854 годъ.

Январь.—26. Все это время я работалъ, какъ говорится, не переводя духа, дни и ночи. Управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія хочетъ просить аудіенціи у государя. Надо было приготовить нѣсколько докладовъ и, кромѣ того, написать рѣчь къ университетскому акту, которую праздниками я только началъ. Къ счастью, здоровье пока выноситъ. Послѣ пріема порошковъ Шипулинскаго, головныя боли мои прекратились. На долго ли? Между тѣмъ, я чуть было не уѣхалъ въ Одессу, Харьковъ и Кіевъ, по порученію министерства. Почти все уже было готово, оставалось министру переговорить съ попечителемъ. Но когда я предупредилъ послѣдняго, онъ заупрямился. Министръ не захотѣлъ вступать съ нимъ въ бой, я не настаивалъ, такъ дѣло и кончилось ничѣмъ.

Февраль.—8. Понедѣльникъ. Актъ въ университетѣ. Я читалъ рѣчь: „Объ эстетическомъ элементѣ въ наукѣ". Получилъ много похвалъ и благодарностей, но иные жаловались, что я тихо читалъ. Какой-то архіерей, сидѣвшій возлѣ Авраама Сергѣевича, замѣтилъ, что „рѣчь очень хороша, но въ ней мало религіознаго". Вѣрно онъ ожидалъ услышать съ каѳедры университетской отрывокъ изъ Четьи-Минеи или Патерика.

— 14. Въ четвергъ была страшная вьюга. Я отправился въ университетъ пѣшкомъ, потому что такъ и здоровѣе, и дешевле, и пріятнѣе—пріятнѣе, потому что изъ всѣхъ зимнихъ прелестей нашей природы я больше всѣго люблю вьюгу, а лѣтомъ грозу. На переходѣ черезъ Неву вѣтеръ сбивалъ меня съ ногъ и заметалъ тропинку такъ, что мои калоши наполнились снѣгомъ. За это я поплатился простудою.

— 16. Въ истинѣ есть что-то такое,что ощущается тотчасъ, какъ скоро она проникаетъ въ сознаніе. Этого не докажешь никакими фактами, формулами и выводами. Тѣ, которые требуютъ совершеннаго объясненія истины, похожи на людей, которые, не довольствуются тѣмъ, что видятъ свѣтъ, но хотѣли бы захватить его рукою и поднести къ носу.

Цѣлую жизнь мою я стремился къ одному, чтобы быть возвѣстителемъ и защитникомъ чистой красоты въ жизни и въ искусствѣ. Многіе ли меня поняли? Не знаю. Но я знаю мое дѣло. Много ли сдѣлано въ этомъ родѣ? Конечно, тысячная доля изъ того, что я могъ бы, и билліонная изъ того, что можно. Но это не мѣшаетъ мнѣ продолжать идти такъ, какъ я шелъ доселѣ, и кончить такъ. Это было не юношеское одушевленіе, не поэзія возраста—нѣтъ, у меня это была строгая, непреложная задача жизни,—знамя, подъ которымъ я стоялъ и стою среди людей и на которомъ запеклось много крови изъ моего сердца. Сначала мнѣ хотѣлось, чтобы меня поняли. Но потомъ я убѣдился, что это невозможно и къ тому же самолюбиво. Не дѣлиться должно съ людьми, а давать имъ, ничего не требуя взамѣнъ.

— 18. Управляющій министерствомъ въ день акта былъ у государя для личнаго доклада. Государь принялъ его милостиво, и благосклонно утвердилъ всѣ наши доклады, въ томъ числѣ объ основаніи при С.-Петербургскомъ университетѣ факультета восточныхъ языковъ, съ закрытіемъ его въ Казанскомъ универ-

ситетѣ и вездѣ, гдѣ они есть по министерству. Другой докладъ весьма важенъ для нашей литературы: испрошено соизволеніе государя представлять ему каждую треть года вѣдомость о лучшихъ русскихъ сочиненіяхъ, и даже переводныхъ, съ краткимъ изложеніемъ ихъ содержанія и съ указаніемъ ихъ достоинствъ, чтобы государь видѣлъ, что въ нашемъ умственномъ мірѣ не однѣ гадости творятся, какъ ему постоянно доноситъ пресловутый комитетъ 2-го апрѣля. Государь и это принялъ благосклонно.

19. Такъ какъ воображаютъ, будто я нынѣ пользуюсь значеніемъ и кредитомъ въ министерствѣ, то тѣ, которые еще недавно ни во что считали оскорблять меня за то, что я имъ былъ нѣкогда полезенъ, а потомъ, по ихъ мнѣнію, сдѣлался безполезенъ, теперь опять обращаются ко мнѣ съ изъявленіями своей преданности, высокаго мнѣнія о моихъ всяческихъ заслугахъ и пр. и пр. Вотъ, напримѣръ, Г., изъ Москвы, цѣлый часъ говорилъ мнѣ въ этомъ смыслѣ: ему нужно мое содѣйствіе у министра, чтобы изданная имъ книга была признана единственною въ своемъ родѣ для учебныхъ заведеній. И это уже не первый случай.

Мартъ. 6. Докторскій диспутъ Булича: я былъ оппонентомъ.

— 12. Вчера до двухъ часовъ ночи проработалъ съ управляющимъ министерствомъ. Кажется, удалось побѣдить одно зло. Я давно уже направлялъ батарею противъ гнуснаго давыдовскаго комитета. Авраамъ Сергѣевичъ вполнѣ вошелъ въ мою идею. Съ цѣлью уничтожить это нехорошее дѣло покойнаго министра, рѣшено сдѣлать государю докладъ о возстановленіи главнаго правленія училищъ, въ которомъ долженъ потонуть и оный комитетъ. Вчера я приготовилъ докладъ. Директоръ министерской канцеляріи тоже изготовилъ проектъ, но въ противномъ духѣ, а именно клонящійся къ продолженію комитета. Такимъ образомъ мы столкнулись, однако мнѣ удалось одолѣть. Удивительные люди эти директора канцелярій! Никто ужъ и не ждетъ отъ нихъ ни ума, ни сообразительности, ни государственной сметливости,—но они не умѣютъ даже толково составить бумагу. Вотъ хоть бы директоръ министерской канцеляріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Берте. Всѣ сколько нибудь серьезныя дѣла, проходящія черезъ его руки, цѣликомъ передѣлыва-

ются или мною, или самимъ министромъ. А между тѣмъ, какое чванство, высокомѣріе! Какое презрѣніе къ наукѣ и ея представителямъ! Другой. П. И. Г . . . . бывшій цензоръ, тайный совѣтникъ, смотрящій въ товарищи министра, то что называется почтенный человѣкъ, то есть, когда говоритъ—не кричитъ, не машетъ руками, не смѣется громко, не пьетъ, не волочится, не воруетъ и—не имѣетъ собственнаго мнѣнія. Но этотъ, по крайней мѣрѣ, отлично знаетъ канцелярскія формы. Онъ очень резонабеленъ, ходитъ ощупью даже при свѣтѣ дня по широкому тротуару; все чего-то боится, во всемъ сомнѣвается, ничего не видитъ дальше своего директорскаго носа, который очень коротокъ. Но надо ему отдать справедливость, онъ не надувается, добронравно стряпаетъ свои бумаги на канцелярской кухнѣ, гдѣ изъ нихъ приготовляетъ департаментскій винегретъ отношеній за номерами.

— 13. Государь утвердилъ нашу мысль о сліяніи давыдовскаго комитета съ главнымъ правленіемъ училищъ. Вчера докладъ посланъ, а сегодня вернулся съ резолюціей: „Согласенъ“.

— 21. Всѣ эти дни работалъ надъ отчетомъ за прошлый годъ по министерству, который на этой недѣлѣ представится государю. Тутъ вся суть въ заключеніи. Это экстрактъ всего: выводы и виды правительства, приведенные въ исполненіе или еще ожидающіе очереди. Вчера я читалъ первые листы Аврааму Сергѣевичу. Онъ поблагодарилъ меня жаркимъ объятіемъ. Остается кончить немного. Если не успѣю сегодня, завтра придется пожертвовать какимъ-нибудь другимъ дѣломъ.

Апрѣль.—11. Праздникъ Пасхи. Авраамъ Сергѣевичъ утвержденъ министромъ народнаго просвѣщенія. Заутреню я слушалъ въ министерской церкви. Нынче праздникъ и для меня не безъ пріятныхъ сюрпризовъ. Наконецъ, признали, что не рано произвести меня въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Но самое пріятное это то, что Авраамъ Сергѣевичъ выхлопоталъ мнѣ пособіе въ 1000 р. с. Это меня буквально спасаетъ въ настоящую минуту, ибо, по случаю двухъ серьезныхъ болѣзней въ семьѣ, я находился въ полной невозможности свести концы съ концами.

— 14. Сегодня министръ принималъ поздравленія въ департаментской залѣ. Мое появленіе тамъ произвело неожиданный эффектъ. Когда я вошелъ, множество лицъ устремилось въ мою

сторону, такъ что я невольно обернулся посмотрѣть, какая важная особа идетъ за мной слѣдомъ. Особа оказалась—я самъ. Меня засыпали поздравленіями и любезностями, улыбками и рукопожатіями. Я, очевидно, возвысился—только не въ собственныхъ глазахъ. Завтра—новый поворотъ колеса, и я опять смятъ, затертъ. Но—всякому дню довлѣетъ злоба его, и потому отложимъ попеченіе о завтра, а сегодня—смѣло, во всеоружіи впередъ. Вліяніе, какое мнѣ въ данный моментъ приписываютъ на дѣла министерства, налагаетъ на меня новый долгъ и, какъ бы оно мимолетно ни было, изъ него надо извлечь всю возможную пользу для нашего просвѣщенія и для подвизающихся на благо ему.

— 17. Государь остался очень доволенъ нашимъ отчетомъ. Онъ говорилъ это наслѣднику и приказалъ ему прочесть его. Наслѣдникъ читалъ „съ удовольствіемъ", какъ самъ о томъ сообщилъ Аврааму Сергѣевичу.

И. И. Давыдовъ, сей великій ловецъ благъ, получилъ владимірскую звѣзду и, кажется, совсѣмъ помутился отъ радости. Для поощренія начальства къ доставленію ему вящихъ и вящихъ наградъ, онъ придумалъ слѣдующее. Съ большимъ шумомъ словъ онъ надняхъ подалъ министру бумагу, съ сообщеніемъ, что педагогическій институтъ весь рѣшается стать подъ ружье и проситъ, что бы его теперь же немедленно начали учить военнымъ эволюціямъ. Министръ изумился и не зналъ, что̀ дѣлать съ такимъ радикальнымъ усердіемъ. А Иванъ Ивановичъ хлопочетъ объ одномъ—чтобы это дошло до государя. Между тѣмъ, въ этомъ есть и своя неловкая сторона, которую И. И. упустилъ изъ виду. Предложеніе такой крайней мѣры вѣдь какъ бы намекаетъ на недостаточность нашихъ военныхъ силъ и на критическое положеніе ихъ. Въ заключеніе Авраамъ Сергѣевичъ распорядился прекрасно. Онъ далъ этому характеръ милаго, но ребяческаго усердія юношей, и въ такомъ тонѣ передалъ дѣло великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и Наслѣднику. Его высочество замѣтилъ:— „да, вѣдь, намъ нужны также и образованные педагоги". Онъ выразилъ удовольствіе, что Авраамъ Сергѣевичъ не далъ этому оффиціальнаго хода. Такъ Иванъ Ивановичъ Давыдовъ остался, какъ говорится, съ носомъ.

Май.—9. Я вполнѣ сознаю шаткость моего положенія при

министрѣ, а слѣдовательно, и нашего съ нимъ дѣла. Боюсь чтобъ большинство нашихъ надеждъ не разсѣялось дымомъ. Характеръ его мнѣ извѣстенъ. Онъ благомыслящъ, просвѣщенъ, гуманенъ, но слабъ. Горе ему и общеполезному дѣлу, если онъ попадетъ въ недобросовѣстныя руки искателей и ловцовъ личныхъ благъ. А на него исподтишка уже готовится облава! Много будетъ тогда сдѣлано ошибокъ. Вотъ почему я старался и до сихъ поръ стараюсь оградить его отъ вредныхъ вліяній, такъ сказать, своей грудью прикрыть его отъ нихъ. Трудная и неблагодарная роль. Надо быть постоянно на сторожѣ.

— 11. Моя семья переѣхала на дачу. Но я остался еще здѣсь. У меня экзамены, комитеты и тому подобное.

— 15. На дачѣ и я. Сильно надоѣлъ мнѣ этотъ Лѣсной корпусъ. Въ немъ все перемѣнилось—лѣсъ истребленъ, поля заняты огородами, населеніе умножилось, развелись кабаки — однимъ словомъ, вышелъ дрянной городишка.

— 17. Въ городѣ. Экзаменъ въ Аудиторскомъ училищѣ и докладъ министру.

— 28. Авраамъ Сергѣевичъ переѣхалъ въ министерскій домъ. Я былъ на молебнѣ въ его новомъ жилищѣ. Оно великолѣпно.

Іюнь.—17. Почти не живу на дачѣ. Ѣзжу то въ городъ, то въ Павловскъ на свиданія съ министромъ. Вчера ѣздилъ въ Царское Село къ попечителю, объясняться съ нимъ по дѣлу объ открытіи восточнаго факультета при здѣшнемъ университетѣ. Оттуда отправился опять-таки въ Павловскъ и вечеромъ возвратился въ городъ, вмѣстѣ съ Авраамомъ Сергѣевичемъ, и продолжали работать еще далеко за полночь. О собственныхъ литературныхъ трудахъ почти и думать не приходится. Между тѣмъ, очень хочется написать хоть біографію Галича, которая давно у меня просится подъ перо.

Сентябрь.—8. Сегодня мы переѣхали съ дачи. Самое интересное событіе нынѣшняго лѣта для меня—это моя поѣздка въ Москву. Я поѣхалъ туда 19-го іюля и вернулся 4-го августа. Тамъ я былъ принятъ съ распростертыми объятіями учеными собратами: Катковымъ, Соловьевымъ, Леонтьевымъ, Кудрявцевымъ, Драшусовымъ. У Каткова я провелъ нѣсколько дней въ Петровскомъ паркѣ. Радостно и любовно встрѣтилъ меня также Калайдовичъ, котораго, увы! теперь ужъ нѣтъ. Онъ

умеръ очень скоро послѣ моего отъѣзда изъ Москвы, какъ говорятъ, отъ холеры. Горькая для меня потеря!

Двѣ недѣли въ Москвѣ прошли очень пріятно въ бесѣдѣ съ ученой братіей и въ странствованіяхъ съ Калайдовичемъ по Бѣлокаменной и ея окрестностямъ. Возвратный путь тоже былъ хорошъ. Съ тѣмъ же поѣздомъ ѣхалъ Я. И. Ростовцевъ. Онъ перетащилъ меня въ свой вагонъ, и мы незамѣтно доѣхали до Петербурга.

Нынѣшнее лѣто, своей необычайной прелестью, рѣдкое въ Петербургѣ. Никто не помнитъ подобнаго. Теперь и холера почти прекратилась, зато въ Москвѣ, говорятъ, она была свирѣпа. Въ настоящее время все вошло въ обычную колею. Я опять одѣлся въ боевые доспѣхи, вооружился бодростью духа и смѣло иду навстрѣчу случайностямъ. Да будетъ, что будетъ!

— 19. А вотъ и борьба. Надежды на улучшеніе цензуры меркнутъ. Сегодня я началъ говорить министру о ея злоупотребленіяхъ и безсмысліи. Но онъ обнаружилъ такое равнодушіе, что мнѣ даже стало досадно, и я круто повернулъ разговоръ на другой предметъ. Отложимъ атаку до болѣе благопріятной минуты.

Было между прочимъ говорено, по случаю настоящихъ событій, о томъ, что у насъ на высшихъ ступеняхъ государственной и общественной дѣятельности нѣтъ людей способныхъ. Я замѣтилъ, что это въ связи со всей системой управленія у насъ. Со мной согласились. Дѣйствительно настоящая эпоха — это эпоха нравственныхъ и умственныхъ ничтожествъ. Забавно, что всѣ это понимаютъ, но и находятъ, что такъ тому и быть. Ростовцевъ, ѣдучи со мной изъ Москвы, сильно напиралъ на то, что матеріалы у насъ прекрасные, но нѣтъ распорядителей, которые съ толкомъ употребляли бы ихъ въ дѣло.

— Да, прибавилъ я—и это наше горе вездѣ: и на гражданскомъ и на военномъ поприщѣ.

Обѣдалъ у министра, гдѣ былъ также ректоръ казанскаго университета, Симоновъ. Это умный человѣкъ, говоритъ хорошо. За обѣдомъ и послѣ обѣда я навелъ разговоръ на его кругосвѣтное путешествіе съ капитаномъ Биллинсгаузеномъ. Онъ поразсказалъ много интереснаго и сопровождалъ свои разсказы умными, дѣльными замѣчаніями. Министру онъ очень по-

нравился. Онъ пріѣхалъ сюдо лечиться отъ полипа, хочетъ просить Пирогова сдѣлать ему операцію.

— 21. Было совѣщаніе между нашимъ министромъ и управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, Синявинымъ. Дѣло шло объ устройствѣ восточнаго факультета при здѣшнемъ университетѣ. Я присутствовалъ въ качествѣ члена комитета, учрежденнаго по этому вопросу, и дѣлопроизводителя.

Вотъ какъ у насъ, между прочимъ, назначаютъ людей на важные посты. Умеръ попечитель дерптскаго учебнаго округа Крафштремъ. Надняхъ я засталъ министра въ кабинетѣ задумавшимся надъ адресъ-календаремъ.

— Вотъ, говоритъ онъ, — думаю, думаю и ума не приложу, кого назначить на мѣсто Крафштрема.

И при этомъ онъ прочелъ вереницу именъ, гдѣ между прочимъ упоминались: Дюгамель, Врончено, Брадке.

— На комъ же изъ нихъ вы думаете остановиться? спросилъ я.

— Право, не знаю. Не укажете ли вы кого?

— Вы въ числѣ другихъ назвали Брадке, отвѣчалъ я.—Чего же лучше? Онъ уже былъ попечителемъ въ Кіевѣ. Это человѣкъ опытный, образованный и благородный.

— А что вы думаете? сказалъ министръ.—И въ самомъ дѣлѣ! Не написать ли ему и не попросить ли его заѣхать ко мнѣ завтра?

Я зналъ, что написаніе письма можетъ быть отложено до завтра. Завтра придетъ Павелъ Ивановичъ Гаевскій и испортитъ дѣло своими вѣчными затрудненіями, которыхъ не трудно найти всегда, когда захочешь.

— Не лучше ли, Авраамъ Сергѣевичъ, возразилъ я,—если дѣлать, то дѣлать сейчасъ же. Не угодно ли вамъ: я съѣзжу къ Брадке и переговорю съ нимъ отъ вашего имени?

— Прекрасно! Возьмите мой экипажъ и поѣзжайте немедленно.

Къ сожалѣнію, я не засталъ Брадке дома, но, возвратясь постарался такъ настроить Авраама Сергѣевича, что онъ тутъ же написалъ записку и послалъ къ Брадке на дачу, гдѣ тотъ теперь живетъ. Въ настоящее время и государь уже согласился на его опредѣленіе. Лица достойныя и способныя къ отправленію выс-

шихъ должностей у насъ такъ мало поставлены на видъ, что опредѣленіе на соотвѣтственное мѣсто одного изъ нихъ является просто случайной находкой.

— 25. Въ „Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" напечатано нѣсколько народныхъ пѣсенъ не совсѣмъ нравственнаго содержанія—разумѣется въ видѣ матеріала для изученія нашей народности. Негласный комитетъ, управлаемый нынѣ Корфомъ, донесъ о томъ государю. Велѣно: губернатору сдѣлать выговоръ, цензоровавшаго газету директора гимназіи выдержать мѣсяцъ на гауптвахтѣ и спросить—министра: „благонадеженъ ли онъ продолжать дольше службу"? Министръ самъ написалъ очень умный докладъ въ защиту бѣднаго директора, который дѣйствительно одинъ изъ лучшихъ нашихъ губернскихъ директоровъ. Сегодня докладъ посланъ.

Одна дама въ Москвѣ хотѣла издать сборникъ изъ хорошихъ статей, подаренныхъ ей знакомыми московскими учеными [1]). Бывшій министръ, Ширинскій-Шихматовъ, исходатайствовалъ повелѣніе считать сборники за журналы, и потому на этотъ новый сборникъ пришлось испрашивать высочайшее разрѣшеніе. Послѣдовала резолюція: „И безъ того много печатается". На самомъ же дѣлѣ, у насъ вовсе не выходитъ никакихъ книгъ, а какъ и сборники запрещены, то литература наша въ полномъ застоѣ. Только и есть, что журналы: „Отечественныя Записки", „Современникъ", „Библіотека для Чтенія", „Москвитянинъ" и „Пантеонъ". Но и въ нихъ бо̀льшею частью печатаются жалкія, безцвѣтныя вещи.

— 26. Слава Богу! Саратовскій директоръ, цензоровавшій вышеупомянутыя народныя пѣсни, по ходатайству министра, прощенъ. Ему велѣно одновременно объявить мѣсячный арестъ и помилованіе.

Но тутъ же новое горе для литературы. Въ „Москвитянинѣ", кажется въ іюньской книжкѣ, напечатана повѣсть Лихачева: „Мечтатель". Въ ней мѣста три—четыре, дѣйствительно, лучше было бы не пропускать, во избѣжаніе худшаго зла, но цензора,

---

[1]) Эта дама была извѣстная впослѣдствіи писательница и издательница журнала для дѣтей „Игрушечка" Татьяна Петровна Пассекъ († 1889 г.). Сборникъ предполагался для юношества, онъ былъ педагогическаго содержанія. *Ред.*

Похвистневъ и Ржевскій пропустили ихъ. Министръ велѣлъ подать имъ въ отставку. Сколько ни убѣждалъ я, чтобы съ ними было поступлено не такъ строго, министръ на этотъ разъ остался при своемъ рѣшеніи. Къ сожалѣнію, это подастъ поводъ здѣшнимъ цензорамъ быть еще неукротимѣе въ своихъ запрещеніяхъ.

— 30. Я написалъ и представилъ министру еще въ первыхъ числахъ августа планъ преобразованія и улучшенія „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія", редакцію котораго предположено передать мнѣ. Авраамъ Сергѣевичъ, какъ обыкновенно, съ жаромъ торопилъ меня заняться предварительными соображеніями о Журналѣ, а когда я это сдѣлалъ, онъ совсѣмъ о немъ замолчалъ. А Журналъ дѣйствительно въ плохомъ состояніи.

Октябрь.—1. Что сдѣлалось съ Авраамомъ Сергѣевичемъ? Не понимаю! Онъ поступаетъ съ цензурой чуть не хуже, чѣмъ его робкій и неспособный предшественникъ. На него напалъ какой-то паническій страхъ. Онъ привязывается къ самымъ невиннымъ фразамъ, и стоитъ только кому-нибудь, Комаровскому или Волкову, указать на самое безупречное мѣсто въ книгѣ или журналѣ, чтобы взволновать его, и у него тотчасъ готово строгое предписаніе, выговоръ. Сегодня Берте показывалъ мнѣ кучу заготовленныхъ бумагъ этого рода. Надо приготовить записку о цензурѣ и подать ее министру. Но это потребуетъ довольно времени, да и надежды мало на успѣхъ. Какой-то рокъ влечетъ нашу эпоху. Куда?—не знаемъ.

Мы только плачемъ и взываемъ:
О, горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!

Но честный человѣкъ не долженъ слагать оружія и предаваться бездѣйствію, доколѣ есть хоть тѣнь возможности дѣйствовать.

— 7. Хлопоталъ у министра за Лясковскаго, чтобы ему дали каѳедру химіи въ Москвѣ. О немъ всѣ, и спеціалисты и неспеціалисты, отзываются одинаково хорошо, какъ объ ученомъ и какъ о человѣкѣ. На бѣду, онъ докторъ медицины, а не химіи, по закону же надо быть докторомъ той науки, по которой желаешь занять каѳедру. Однако, министръ обѣщалъ опредѣлить его исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора, а тамъ его ученыя заслуги какъ-нибудь проведутъ его и дальше.

Кстати: у насъ есть благодѣтельное какъ-нибудь, которое производитъ неисчислимыя зла на Руси, но иногда помогаетъ и добру.

Измѣняться свойственно человѣку, но неужели онъ долженъ измѣняться только къ худшему? Сколькихъ людей я зналъ и знаю, которые начали свое поприще по человѣчески, а продолжали его или кончали такъ, что и сказать стыдно. Они все повалили разомъ: и юношескія увлеченія, и прекрасныя вѣрованія въ добро, правду и истину. Да, видно, вѣрованія-то ихъ были не иное что, какъ тоже только юношескія увлеченія или броженіе неустановившейся мысли, навѣянное чтеніемъ иностранныхъ книгъ. Вотъ, напримѣръ, М.... человѣкъ съ замѣчательнымъ умомъ, учившійся у насъ въ университетѣ,—какъ скоро занялъ значительное мѣсто, такъ и сталъ кривиться на одинъ бокъ. Прежде это была свѣтлая голова, воздававшая Божіе Богови и Кесарю Кесарево, понимавшая и дѣло и мысль, движущую дѣлами, а теперь онъ чуть не гонитель науки. У него всѣ науки— безполезныя теоріи, и только тотъ чего-нибудь стоитъ, кто постигъ практику дѣловую и житейскую, то есть, кто ничего не видитъ и видѣть не хочетъ, кромѣ того болота, въ которомъ копошится.

— 8. Составилъ и отдалъ въ канцелярію для переписки докладъ государю и списокъ о лучшихъ произведеніяхъ нашей учено-литературной дѣятельности съ января по октябрь. Набралось шестнадцать сочиненій.

— 16. Министръ поручилъ мнѣ разсмотрѣть и обсудить нѣсколько важныхъ вопросовъ, касающихся нашихъ университетовъ. Ко мнѣ прислана для справокъ и наблюденій куча дѣлъ. Теперь я весь утонулъ въ нихъ.

— 19. Бѣда съ людьми, у которыхъ больше добрыхъ намѣреній, чѣмъ силъ приводить ихъ въ исполненіе. Обѣщавъ Лясковскому опредѣлить его исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора, министръ ничего не предпринялъ для осуществленія своего обѣщанія, а сегодня директоръ департамента объявилъ бѣдному Лясковскому, чтобы онъ объ этомъ и не помышлялъ, что министръ вѣроятно ошибся, забылъ и т. д.

— 23. Вечеромъ присылалъ за мною министръ. Нѣкоторые изъ нашихъ докладовъ возвратились отъ государя утвержден-

ными. Между ними меня особенно интересовали два, составленные мною: объ образованіи восточнаго факультета при здѣшнемъ университетѣ и докладъ о лучшихъ учено-литературныхъ произведеніяхъ, появившихся въ промежутокъ времени съ января по октябрь, и гдѣ, между прочимъ, испрашивалось благоволеніе „Обществу древностей“ въ Москвѣ, Соловьеву—за его исторію, Калачову—за сборникъ и Ѳедоренкѣ—за астрономическія вычисленія. Все это труды въ высшей степени почтенные, и я съ особеннымъ удовольствіемъ на нихъ остановился: пусть пріучаются тамъ, гдѣ слѣдуетъ, смотрѣть на нашу научно-литературную дѣятельность не какъ на пугало, а какъ на нѣчто заслуживающее уваженія и поощренія.

Большаго труда стоило мнѣ отклонить отъ представленія въ государственный совѣтъ нашего перваго доклада. Однако это удалось: министръ, наконецъ, согласился обратиться прямо къ государю. Такимъ образомъ, дѣло это теперь поставлено прочно.

Удалось мнѣ также добиться того, что министръ, по крайней мѣрѣ, далъ слово, по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, сдѣлать Лясковскаго исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора.

— 24. Много толковъ объ отставленныхъ цензорахъ. Пріѣхалъ изъ Москвы Погодинъ хлопотать о себѣ и о другихъ. Я видѣлся съ нимъ у министра.

— 25. Недоволенъ собой. Чувствую сильную усталость, вслѣдствіе которой, должно быть, не выказалъ должной настойчивости. Одну изъ предложенныхъ мною за эти дни мѣръ вовсе не съумѣлъ отстоять, а двѣ другія подверглись канцелярскимъ передѣлкамъ и поправкамъ, сильно ихъ исказившимъ. Мои виды честные и надо поддерживать ихъ съ бо̀льшей энергіей мысли и слова.

— 27. На вечерѣ у министра. Авраамъ Сергѣевичъ по середамъ принимаетъ у себя многочисленное общество. Онъ чуть ли не первый изъ нашихъ министровъ завелъ, чтобы гости его состояли не изъ однихъ игроковъ въ преферансъ, но и изъ людей съ ученымъ и литературнымъ именемъ. На этотъ разъ я у него встрѣтилъ нашего Фишера, Буняковскаго, Чебышева и другихъ. Я довольно много говорилъ съ Погодинымъ. Онъ нынѣ занимается собираніемъ портретовъ русскихъ писателей. Не хочетъ ли онъ потомъ и эту коллекцію продать также выгодно, какъ свое

древнехранилище, за которое онъ взялъ съ правительства 150 тысячъ рублей серебромъ? Онъ написалъ еще какое-то посланіе къ раскольникамъ, которое мнѣ очень хвалилъ министръ. Погодинъ обѣщался мнѣ прочесть его. Умный и плутоватый мужикъ! Долго разговаривалъ я также съ генераломъ Висковатовымъ о нынѣшнихъ военныхъ событіяхъ и неожиданно встрѣтился съ княземъ А. В. Мещерскимъ, съ которымъ не видался семнадцать лѣтъ. Онъ все это время служилъ въ Варшавѣ, а теперь переведенъ сюда. Мы нѣкогда были съ нимъ близко знакомы и сегодня съ удовольствіемъ встрѣтились.

— 28. Безалаберность—вотъ девизъ нашего общества, а ложь его кумиръ. Оно лжетъ ежеминутно, мыслью и дѣломъ, сознательно и безсознательно. Подъ вліяніемъ послѣднихъ чрезвычайныхъ событій, въ немъ какъ будто и начала шевелиться мысль: она куда-то рвется, что-то хочетъ понять, выяснить. Но ей не удалось развиться логически, ей не достаетъ опоры науки и она кружится въ пространствѣ, бьется, какъ подстрѣленная птица.... Нѣтъ, тутъ надо еще цѣлое столѣтіе, чтобъ могла выработаться какая-нибудь разумная сила.

— 29. Сегодня мы долго говорили съ Авраамомъ Сергѣевичемъ. Я, между прочимъ, сказалъ ему о томъ, какое непріятное впечатлѣніе производитъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, отрѣшеніе двухъ цензоровъ Похвистнева и Ржевскаго, что въ публикѣ это приписываютъ вліянію графа Панина, будто-бы обратившаго вниманіе на глупыя фразы, которыхъ никто другой не замѣтилъ и которыми никто не думалъ соблазняться, и т. д.

Просвѣщеніе, наука—это не иное что, какъ опыты вѣковъ. Вопросъ въ томъ: принять эти опыты, или отвергнуть ихъ? Но, разъ принявъ ихъ, надо уже видѣть ихъ такими, какъ они есть, иначе то будутъ не опыты, порождающіе мудрость, а призраки, ведущіе къ блужданью среди мнимыхъ пропастей и западней.

— А вѣдь ларчикъ просто отпирается: не надо лгать.

— 29. Говорилъ съ министромъ о необходимости составить инструкцію для цензоровъ, чтобы они знали, чего держаться и чтобы обуздать ихъ произволъ, часто невѣжественный и эгоистичный. На этотъ разъ министръ меня выслушалъ, казался убѣжденнымъ и просилъ меня заняться этимъ.

Каролина Павлова, написавшая: „Разговоръ въ Кремлѣ“,

ужасно хвастаетъ фразою: „Пусть гибнутъ наши имена, да возвеличится Россія“. Любовь къ отечеству—чувство похвальное, что̀ и говорить. Но выраженіе этой любви хорошо, когда оно истинно, когда оно не пустая звонкая фраза, а мысль реальная и вѣрная. Сказать: „пусть гибнутъ наши имена, лишь бы возвеличилось отечество“, значитъ сказать великолѣпную нелѣпость. Отечество возвеличивается именно сынами избранными, доблестными, даровитыми, которые не гибнутъ безъ смысла, безъ достоинства и самоуваженія. Оно первое чтитъ славныя имена этихъ сыновъ, сохраняетъ ихъ въ своей благодарной памяти, какъ святыню, и гордится ими, указывая на нихъ грядущимъ поколѣніямъ, какъ на образецъ для подражанія. То, что говоритъ Павлова,—гипербола и фальшъ. Вообще, госпожа эта—особа крайне напыщенная. Она не безъ дарованія, но страшно всѣмъ надоѣдаетъ своей болтовней и навязчивостью. Къ тому же, единственный предметъ ея разговора—это она сама, ея авторство, стихи. Она всякому встрѣчному декламируетъ ихъ, или вѣрнѣе выкрикиваетъ и поетъ. Лѣтомъ, на дачѣ, она жила близко отъ меня и не давала мнѣ проходу, также какъ и Плетневу: мы буквально отъ нея бѣгали.

Кстати о поэтахъ. Между ними теперь вообще въ модѣ патріотическіе стихи. Въ этомъ, конечно, ничего предосудительнаго. Но бѣда въ томъ, что всѣ эти признанные и непризнанные поэты—особенно послѣдніе, вдохновляются не столько дѣйствительнымъ патріотизмомъ, сколько вожделѣніями къ перстнямъ, табакеркамъ и т. д. Стихи подносятся министру, въ надеждѣ, что бьющія въ нихъ черезъ край вѣрноподданическія изліянія будутъ повергнуты къ стопамъ монарха и принесутъ желаемые плоды. Не разъ уже ставили они въ затрудненіе добраго Авраама Сергѣевича. Легко поддающійся первому впечатлѣнію, онъ еще надняхъ взялся представить такіе стихи—одни изъ лучшихъ—государю, а теперь не знаетъ, какъ отъ этого отвертѣться. Не время, право, занимать государя такими пустяками, и люди съ дарованіемъ могли бы дѣлать болѣе достойное употребленіе изъ своего таланта.

Ноябрь.—7. Странное и страшное происшествіе въ городѣ. Сегодня рано утромъ появился на улицахъ бѣшеный волкъ. Онъ съ Елагина острова пробрался на Петербургскую сторону,

обѣжалъ Троицкую площадь вокругъ крѣпости, промчался по Троицкому мосту, черезъ Сергіевскую, къ Таврическому саду и обратился вспять къ Лѣтнему саду, гдѣ, наконецъ, и былъ убитъ двумя мужиками. По пути онъ искусалъ до тридцати восьми человѣкъ и вообще надѣлалъ пропасть бѣдъ. Несчастныя жертвы его отправлены въ больницы.

— 8. Говорятъ, что это Иванъ Ивановичъ Давыдовъ указалъ графу Панину на извѣстныя фразы въ напечатанной въ „Москвитянинѣ“ повѣсти „Мечтатель“, за которыя были отставлены цензора Похвистневъ и Ржевскій. Если это правда, такъ Иванъ Ивановичъ сдѣлалъ дѣло, для котораго трудно подобрать приличное названіе.

— 9. Я только что отъ министра. Онъ ввѣрилъ мнѣ нѣсколько важныхъ дѣлъ, которыя я долженъ обработать для его личнаго доклада государю. Все должно быть готово къ половинѣ декабря. Тутъ, между прочимъ, дѣло объ отмѣнѣ ограниченія числа студентовъ, принимаемыхъ въ университетъ, и другое—о возвращеніи дополнительнаго жалованья профессорамъ, и прочее. Работы много, и работы трудной, ибо тутъ все о разныхъ отмѣнахъ. Зато это не текущіе пустяки, а вопросы важные, надъ которыми пріятно поработать.

— 10. Переговоры съ Сербиновичемъ о „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“. Сербиновичъ проситъ, чтобы его оставили еще на годъ моимъ соредакторомъ. Я буду входить въ сношенія съ нашими учеными и привлекать ихъ къ участію въ Журналѣ и вообще заниматься литературною частью. Жалованье пополамъ.

Декабрь.—9. Кончилъ доклады государю. Сегодня читалъ ихъ министру. Онъ остался очень доволенъ и, по обыкновенію, горячо обнялъ меня. Больше всего труда стоило мнѣ грамота московскому университету, по случаю столѣтняго юбилея, который будетъ праздноваться 12-го января слѣдующаго года. Мнѣ хотѣлось, какъ можно рельефнѣе означить заслуги университета и придать всему торжественный характеръ. Авраамъ Сергѣевичъ все одобрилъ.

— 12. Министръ просилъ меня передѣлать докладъ о пенсіяхъ, написанный въ департаментѣ и очень плохо. Самая несносная работа—это передѣлыванье. Несравненно легче написать

самому. Надо просидѣть за дѣломъ ночь, такъ какъ докладъ долженъ быть готовъ къ утру.

— 13. Докладъ о пенсіяхъ готовъ. Министръ желалъ, между прочимъ, сдѣлать кое-какія перестановки, чтобы сообщить всему болѣе мягкій характеръ. Главная трудность въ томъ, что приходится хлопотать объ отмѣнѣ прежнихъ и еще очень недавнихъ постановленій. Министерство въ настоящее время только и занято тѣмъ, что вытаскиваетъ изъ воды камни, набросанные предшествовавшими управленіями, особенно при Шихматовѣ. Надо отдать справедливость Аврааму Сергѣевичу: онъ вообще дѣйствуетъ благородно и смѣло. Первое, впрочемъ, ему присуще, но долго ли его хватитъ на второе—не знаю. Сегодня мы съ нимъ имѣли откровенный разговоръ. Во всякомъ случаѣ, намѣренія его чисты, какъ ясный день.

— Я не боюсь, сказалъ онъ между прочимъ,—представлять государю доклады даже объ отмѣнѣ того, что имъ самимъ повелѣно, потому что ничего не ищу для себя, а, по крайнему моему убѣжденію, думаю только о томъ, что̀ полезно для него и для отечества. Если я ошибаюсь, пусть меня просвѣтятъ; но скрывать отъ него истину я не хочу, какъ вѣрноподданный и какъ сынъ Россіи.

Съ министромъ, такъ благородно настроеннымъ—хорошо и работать. Въ минуты подобнаго одушевленія у Авраама Сергѣевича мы вполнѣ сходимся съ нимъ въ видахъ. Совѣщаясь тогда о какомъ-нибудь дѣлѣ, я заранѣе знаю его мнѣніе, а онъ мое и мы безъ усилія соглашаемся въ подробностяхъ, потому что съ самаго начала согласны сердцемъ. Ахъ, еслибъ только не эти канцелярскіе тормазы!..

Онъ, между прочимъ, сообщилъ мнѣ любопытное правило, которымъ руководствовался князь Шихматовъ.

— Авраамъ Сергѣевичъ! говорилъ онъ ему при каждомъ серьезномъ случаѣ, гдѣ требовалось энергическое дѣйствіе,— да будетъ вамъ извѣстно, что у меня нѣтъ ни своей мысли, ни своей воли — я только слѣпое орудіе воли государя.

— 15. Наконецъ всѣ наши доклады перечитаны, переписаны, еще перечитаны и совсѣмъ готовы. Министръ меня благодарилъ, какъ другъ. Работы было много, но работы хорошей, серьезной, и я не уставалъ, работалъ съ одушевленіемъ, могу ска-

зать — съ любовью. Если благія намѣренія министра осуществятся, я буду въ правѣ себѣ сказать: „тутъ есть капля и моего меду“. Самое важное изъ настоящихъ дѣлъ то, которое касается цензуры, то есть уничтоженія негласнаго комитета, а съ нимъ вмѣстѣ и большинства цензурныхъ бѣдствій и нелѣпостей. Задача въ томъ, чтобы ввести цензуру въ рамки, гдѣ не было бы мѣста произволу людей недобросовѣстныхъ и невѣжественныхъ, которые теперь располагаютъ ею ко вреду просвѣщенія. Теперь не грѣшно немножко и отдохнуть.

— 17. Не въ добрую минуту подумалъ я объ отдыхѣ. Едва успѣлъ я снять съ себя боевые доспѣхи, какъ опять приходится въ нихъ облекаться. Пріѣзжаю изъ Смольнаго и нахожу у себя записку отъ министра: зоветъ къ себѣ. Ѣду. Онъ поручаетъ мнѣ передѣлать еще одну записку къ государю, составленную въ департаментѣ. Я передѣлываю, онъ одобряетъ и... снова передаетъ въ департаментъ, гдѣ ее вторично передѣлываютъ и, разумѣется, съ негодованіемъ на меня. Это большая неловкость со стороны Авраама Сергѣевича, которая ставитъ меня въ непріязненное отношеніе съ его чиновниками. Это бездѣлица, но она еще обостряетъ ихъ непріязнь ко мнѣ. Возвращаюсь домой около полуночи и застаю опасную болѣзнь: мой бѣдный мальчикъ захворалъ крупомъ...

— 18. Опасность миновала. Можно опять свободнѣе вздохнуть.

— 19. Толкуютъ объ юбилеѣ Греча. Многіе находятъ его неумѣстнымъ. Во-первыхъ, литературныя заслуги Греча, которыя у него конечно есть, не таковы однако, чтобы дать ему право на этотъ почетъ. Какъ же, послѣ того, должно общество выражать свою признательность дѣятелямъ, подобнымъ Крылову, Пушкину, Жуковскому, Гоголю? Во-вторыхъ, репутація Греча двусмысленна. Въ чемъ только не подозрѣваютъ его! Да и дружба съ Булгаринымъ не дѣлаетъ ему чести и не возбуждаетъ къ нему довѣрія. Въ случаяхъ торжественнаго изъявленія кому-нибудь уваженія отъ имени общества, надо же, наконецъ, брать въ разсчетъ также и нравственность. Настоящій юбилей—личный, а не общественный, хотя въ газетахъ и было воззваніе на всю Россію. Его затѣяли пріятели Греча съ Яковомъ Ивановичемъ Ростовцевымъ, у котораго много подчиненныхъ и знакомыхъ, такъ что

юбилей вѣроятно состоится, то есть соберется сумма, достаточная для хорошаго обѣда—въ чемъ и вся сила. Но зачѣмъ же эту пріятельскую фикцію раздувать въ дѣло общественное?

Я рѣшительно уклонился отъ участія въ немъ, на что у меня, кромѣ нравственныхъ, есть еще и матеріальная причина: я не въ состояніи такъ непроизводительно бросить рублей двадцать пять. Будемъ надѣяться, что это не зачтется тѣмъ, кто не явится на готовящійся тріумфъ.

Между тѣмъ почтенный и добрѣйшій адмиралъ П. Ив. Рикордъ, который, какъ солнце, безразлично улыбается и правымъ, и неправымъ, ѣздитъ по городу и вербуетъ участниковъ. Надняхъ онъ былъ у нашего министра, но тотъ отвѣчалъ на его приглашеніе сухо и холодно.

При мнѣ Иванъ Ивановичъ Давыдовъ докладывалъ министру проектъ адреса, которымъ Академія Наукъ намѣрена привѣтствовать Московскій университетъ въ день юбилея. Онъ написанъ высокопарно и пусто. Министръ радикально отвергъ его. Особенно не понравилась ему фраза: „Елисавета послѣдовала гласу своего родителя, который произнесъ: да будетъ въ Россіи свѣтъ—и бысть". Онъ даже увидѣлъ въ этомъ профанацію священныхъ словъ Библіи. Я все время доклада молчалъ и только при фразѣ: „Академія, участвуя съ Московскимъ университетомъ въ славѣ просвѣщенія Россіи, радостно его поздравляетъ" и т. д. —подумалъ про себя, что со стороны Академіи было бы скромнѣе и тактичнѣе не выставлять и себя также просвѣтительницею Россіи.

Государь назначилъ министру аудіенцію завтра въ половинѣ 12-го часа. Авраамъ Сергѣевичъ уже сегодня ѣдетъ въ Гатчину, гдѣ будетъ ночевать. Онъ пригласилъ меня быть у него завтра вечеромъ, чтобъ узнать о результатѣ его докладовъ.

— Помолитесь за успѣхъ,—сказалъ онъ мнѣ на прощанье.

Да, я молюсь, и еще какъ горячо! Эти доклады имѣютъ въ виду добро и пользу нашего просвѣщенія, а, право, оно всего больше нужно Россіи. Мы еще дѣти въ немъ. Полуобразованность—наше бѣдствіе. Отсюда лживость и поверхностность—эти два бича, удручающіе наше, такъ называемое, образованное общество. Чѣмъ больше и основательнѣе будемъ мы учиться, тѣмъ скорѣе отъ нихъ избавимся.

Вотъ примѣръ того, какъ смотрятъ у насъ на истину люди, призванные быть ея глашатаями и опорою въ дѣлѣ воспитанія. Въ комитетѣ для разсмотра учебныхъ руководствъ, надняхъ разсматривалась „Исторія“ Смарагдова (новое изданіе). Предсѣдатель комитета, Иванъ Ивановичъ Давыдовъ, потребовалъ исключенія изъ книги всего, что касается Магомета, такъ какъ тотъ былъ „негодяй и основатель ложной религіи“. Члены изумились. Профессоръ Фишеръ обратился къ предсѣдателю и сказалъ:

— Чего же вы хотите, ваше превосходительство? Чтобы учащіеся Исторіи не знали того, что происходило на свѣтѣ? Тогда для чего же и Исторія? Что же сказать о магометанахъ: какую вѣру они исповѣдуютъ? Неужели наука въ томъ, чтобы завѣдомо распространять ложь?

Фишеръ еще много говорилъ въ этомъ смыслѣ, не щадя Давыдова, который, наконецъ, долженъ былъ взять назадъ свое предложеніе.

— 20. Попечитель очень со мной любезенъ. Недавно онъ посѣтилъ мою лекцію въ университетѣ. Я говорилъ о Державинѣ. Когда я кончилъ, попечитель сказалъ:—„Я никогда не слыхалъ литературной лекціи столь основательной и изящной“. Я самъ о себѣ знаю только то, что все это время чувствую себя особенно одушевленнымъ, а мои лекціи въ университетѣ—это часть моей души и та отрасль моей дѣятельности, для которой я сознаю себя всего больше приспособленнымъ.

— 20-го вечеромъ. Министръ вернулся отъ государя. Я поѣхалъ къ нему узнать, что тамъ происходило. Государь былъ очень милостивъ. Грамота московскому университету подписана, съ замѣчаніемъ, что она очень хорошо написана. Записку о допущеніи въ московскій и с.-петербургскій университеты неограниченнаго числа студентовъ государь прочелъ внимательно, сказалъ, что онъ очень доволенъ здѣшнимъ университетомъ, но разрѣшилъ принимать въ оба университета, сверхъ 300, еще по 50 только. Наслѣдникъ, присутствовавшій при докладѣ, вмѣстѣ съ министромъ просили еще увеличить это число.

— Не просите меня, сказалъ государь:—довольно на этотъ разъ. А тамъ, посмотримъ.

Однако, министръ еще осмѣлился сказать:

— Позвольте мнѣ, ваше величество, у васъ спросить: доходили ли до васъ какимъ-нибудь путемъ дурные слухи о нашихъ университетахъ?

— Отвѣчу тебѣ также искренно, какъ ты искренно спрашиваешь, сказалъ государь:—нѣтъ!

Записку о цензурѣ онъ оставилъ у себя, съ замѣчаніемъ:

— Дай мнѣ это самому прочесть и обдумать.

Записку о пенсіяхъ велѣлъ внести въ комитетъ министровъ.

— Я готовъ сдѣлать по твоему, сказалъ государь,—только прежде надо выслушать мнѣніе и другихъ.

— Государь,—попытался вставить Норовъ,—я боюсь тамъ возраженій. Прочіе министры не знаютъ дѣлъ нашихъ такъ хорошо. Министерство народнаго просвѣщенія находится въ совсѣмъ иныхъ условіяхъ, чѣмъ другія министерства.

Записка, однакожъ, всетаки пойдетъ въ комитетъ министровъ. Всѣ прочіе доклады государъ утвердилъ.

Мы съ Авраамомъ Сергѣевичемъ горячо обнялись.

— 22. Заходилъ въ министерскую канцелярію. Не добромъ пахнуло на меня тамъ.

— 25. Рождество. Былъ у обѣдни въ министерской церкви, но обѣдать у министра отказался. Вечеромъ обдумывалъ рѣчь къ столѣтнему юбилею московскаго университета.

— 26. Узналъ о разныхъ противъ меня канцелярскихъ козняхъ. Не весело. Второй часъ ночи. Я было легъ въ постель, но не спится, хотя я и прошлую ночь провелъ почти безъ сна за работой. Мысль шагаетъ далеко, но все, на чемъ она останавливается, немедленно подергивается туманомъ грусти.

Что значатъ успѣхи какихъ бы то ни было начинаній въ жизни? Прекращеніе одной тяжкой заботы и призывъ къ другой—тягчайшей. Это безконечная смѣна усилій, труда, строгихъ бдѣній и тревогъ,—безконечная гряда волнъ, которыя поглощаютъ одна другую. Во всякомъ успѣхѣ—готовый зародышъ бѣды, которая ждетъ только минуты, чтобы напасть на васъ врасплохъ и поразить васъ глубже и неисцѣлимѣе, когда вы всего меньше ожидаете пораженія.

Истинная человѣчность въ томъ, чтобъ въ каждомъ человѣкѣ уважать его особенности, его личность—права, призваніе и убѣжденія, если они разумны и законны, и прощать

ему, если они незаконны и неразумны. Но, увы! чѣмъ больше узнаешь людей, тѣмъ менѣе находишь ихъ достойными уваженія и тѣмъ труднѣе становится имъ прощать.

И самая продолжительная, и самая благополучная жизнь всетаки не болѣе, какъ сонъ. Ежедневно приходится повторять съ Шекспиромъ: „Какъ ничтоженъ и суетенъ и малъ дѣяній ходъ на свѣтѣ!"

Самообразованіе, безпрерывное самоусовершенствованіе, внутреннее самоустройство, въ видахъ возможнаго умственнаго и нравственнаго возвышенія—вотъ великая задача жизни, вотъ трудъ, который стоитъ величайшихъ усилій.

Весьма важная вещь въ своемъ внутреннемъ хозяйствѣ забыть про то, что̀ могутъ сказать о насъ люди, что̀ подумаютъ о насъ люди. Кто колеблется отъ людскихъ толковъ или прельщается ихъ хвалами, кого—одни въ состояніи унизить, а другіе возвысить въ собственныхъ глазахъ, тотъ обреченъ быть рабомъ и жертвою, тотъ никогда не вкуситъ сладости свободы и душевнаго мира.

Художникъ истощаетъ всѣ силы ума, чтобы изобразить на полотнѣ или извлечь изъ мрамора совершеннѣйшій идеальный образъ, сдѣлаться творцомъ изящнаго созданья. Почему же мы не хотимъ употребить такихъ же усилій, чтобы создать нѣчто подобное изъ самихъ себя? Развѣ наша личность такой негодный матеріалъ, что надъ нимъ не стоитъ и трудиться?

— 28. Поутру принялся за рѣчь къ московскому юбилею. Работа не ладилась. Вотъ теперь, вечеромъ, голова начала проясняться и мысли, какъ весенніе цвѣты, кое-гдѣ пробиваться на почвѣ усталаго духа. Тутъ вдругъ, какъ рой комаровъ, налетѣла куча разнообразныхъ дрязгъ.... Но какъ бы то ни было, а надо вооружиться терпѣніемъ и мужествомъ и сдѣлать свое дѣло.....

Юбилей Греча состоялся 27-го, т. е. вчера, въ понедѣльникъ. Я, разумѣется, на немъ не былъ. Говорятъ, народу было много, но ученыхъ и литераторовъ, сколько нибудь извѣстныхъ—мало. Вотъ странность однако: государь ничего не пожаловалъ Гречу. Этого еще не случалось въ подобныхъ случаяхъ, и это тѣмъ знаменательнѣе, что въ то же самое время Востокову дана Станиславская звѣзда и лента.

— 29. Сегодня было публичное собраніе въ Академіи Наукъ,

на которое явился и Гречъ, точно хвастаясь, что вотъ я, хоть и не членъ Академіи, однако сама публика меня увѣнчала. Но вышло нѣчто для него непріятное. Отчетъ читалъ Плетневъ. Исчисляя и превознося заслуги Востокова, онъ особенно на нихъ налегъ, на зло Гречу, котораго терпѣть не можетъ. Когда Плетневъ кончилъ, всталъ министръ и, обратясь къ Востокову, въ лестныхъ выраженіяхъ поздравилъ его съ царскою милостью. Гречъ немедленно скрылся.

— 30. Весь день велъ себя, какъ нельзя хуже. Вчера узналъ нѣкоторыя новости объ университетахъ и такъ огорчился, что не спалъ до семи часовъ утра. Первая слабость. Днемъ послѣдовали другія, въ видѣ тревожнаго состоянія духа и т. д. Пора бы, кажется, усвоить себѣ болѣе спокойное и безстрастное воззрѣніе на дѣла мірскія и человѣческія. Обѣдалъ у Авраама Сергѣевича. Вечеромъ Майковъ читалъ свои патріотическіе стихи, а потомъ мы съ министромъ ушли въ его кабинетъ, гдѣ я ему чистосердечно высказалъ мои сомнѣнія. Онъ старался меня успокоить и прочее. Авраамъ Сергѣевичъ несомнѣнно добрый, хорошій человѣкъ, но его слишкомъ легко сбить съ толку, а съ этимъ— и не министру бѣда!

Получилъ отъ университета бумагу о назначеніи меня депутатомъ на московскій юбилей, билетъ на проѣздъ и 44 рубля на расходъ. Не особенно щедро, но я надѣюсь выпутаться съ помощью остатка отъ 1000 рублей, выданныхъ мнѣ недавно. Рѣчь, моя написана, а затѣмъ уже не трудно приготовиться къ отъѣзду

1855 годъ.

Январь.—2. Новый годъ встрѣтилъ у Авраама Сергѣевича. Его видимо осаждали тревожныя мысли, какъ и меня, хотя отъ разныхъ причинъ. Онъ предложилъ мнѣ тостъ именно за наши думы. Кстати. Я чокнулся съ нимъ, перечокался еще съ разными лицами. Вернулся около двухъ часовъ и засталъ тамъ еще нѣсколькихъ добрыхъ друзей, встрѣчавшихъ Новый годъ съ моей семьей. Мы выпили еще по рюмкѣ вина и разошлись.

Сегодня читалъ у Плетнева мою поздравительную рѣчь московскому университету отъ нашего. Ее съ жаромъ одобрили.

Позже пріѣхалъ князь Щербатовъ, помощникъ нашего попечителя. Это умный человѣкъ. Онъ отлично знаетъ нашу часть, особенно гимназіи, которыя онъ неоднократно осматривалъ и изучалъ. Онъ говоритъ, что со времени введенныхъ Шихматовымъ измѣненій, онѣ начали быстро падать. Я не разъ пытался внушить Аврааму Сергѣевичу желаніе съ нимъ сблизиться, но тотъ, не знаю почему, отъ него пятится.

— 9. Сегодня ѣдемъ въ Москву. Семь часовъ утра. Все готово. Къ десяти я долженъ быть у Авраама Сергѣевича, а въ одиннадцать ужъ, вмѣстѣ съ нимъ, на желѣзной дорогѣ.

— 17. Вторникъ. Вчера пріѣхалъ изъ Москвы больной и разстроенный. Была уже половина двѣнадцатаго, когда поѣздъ остановился у цѣли, вмѣсто девяти, какъ слѣдовало. Замедленіе произошло отъ вьюги, которая бушевала всю ночь и заметала рельсы.

Въ Москвѣ я провелъ недѣлю. Изъ Петербурга я отправился съ министромъ. Намъ дали особый вагонъ, гдѣ помѣщался также и Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ. Поѣздъ былъ огромный: масса народу ѣхала на юбилей московскаго университета. Предстоящее торжество возбуждало замѣчательное сочувствіе во всѣхъ, кто когда-нибудь и чему нибудь учился. Съ нами ѣхали депутаты отъ всѣхъ петербургскихъ ученыхъ сословій и учебныхъ заведеній. Яковъ Ивановичъ большинство изъ нихъ созвалъ въ нашъ вагонъ. Тутъ были: Остроградскій, Шульгинъ, Милютинъ, директора: Пажескаго корпуса, школы Правовѣдѣнія и т. д. Яковъ Ивановичъ устроилъ настоящій пиръ. Подали завтракъ. Не жалѣли вина. Общество сдѣлалось шумнымъ и веселымъ. Потомъ, играющіе въ карты сѣли за карточные столы, остальные раздѣлились на группы, гдѣ разговоръ затянулся далеко за полночь. Итакъ путешествіе, благодаря Ростовцеву, было оживленное. Вагонъ нашъ былъ хорошо прибранъ и натопленъ. Въ Москву мы пріѣхали на слѣдующее утро, ровно въ девять часовъ. На дебаркадерѣ министра встрѣтили попечитель, ректоръ и деканы университета.

Помѣщеніе намъ отвели въ самомъ зданіи университета. Едва успѣлъ я расположиться въ моей комнатѣ, какъ ко мнѣ явились другіе наши депутаты: Баршевъ, Воскресенскій и Благовѣщенскій. Мы порѣшили, не теряя времени, немедленно сдѣлать необходимые оффиціальные визиты. Но насъ предупре-

дили любезные москвичи: попечитель Назимовъ, оберъ-полицеймейстеръ Берингъ, ректоръ Альфонскій и Шевыревъ, Берингъ, между прочимъ, просилъ меня къ себѣ обѣдать. Проводивъ гостей, я надѣлъ мундиръ и мы отправились съ визитами. Были у ректора, попечителя, генералъ-губернатора и, наконецъ, у митрополита Филарета. Онъ былъ очень любезенъ и выразилъ удовольствіе лично со мной познакомиться. Вообще, насъ вездѣ принимали съ большимъ почетомъ.

Обѣдалъ я у Беринга, а вечеромъ провелъ съ министромъ въ совѣщаніи о предстоящемъ юбилеѣ.

— 11-го вечеромъ состоялась торжественная всенощная въ университетской церкви. Для меня лично этотъ день былъ пренепріятный. У меня произошло глупѣйшее столкновеніе съ состоящимъ при министрѣ вице-директоромъ Кисловскимъ. Этотъ человѣкъ уже давно выказывалъ нерасположеніе ко мнѣ и къ моимъ дѣйствіямъ, которыя всячески старался тормозить. Не разъ пытался онъ встать между мною и министромъ и поселить въ немъ недовѣріе ко мнѣ. Въ настоящемъ случаѣ его постоянная оппозиція до того раздражила меня, что я не вытерпѣлъ и сказалъ ему нѣсколько невѣжливыхъ словъ. Не могу простить себѣ этой вспышки. Она поселила во мнѣ сильное недовольство собой, которое набросило тѣнь на все дальнѣйшее пребываніе мое въ Москвѣ. А это пребываніе, между тѣмъ, могло бы принести мнѣ большое удовлетвореніе: московскіе ученые такъ радушно меня вездѣ принимали и такъ горячо выражали мнѣ свое сочувствіе и свою признательность за мою дѣятельность по министерству, что я невольно былъ тронутъ...

— 12-го, въ среду, въ половинѣ одиннадцатаго началась обѣдня. Служилъ митрополитъ Филаретъ. Проповѣди его я не слышалъ, потому что, за тѣснотою и духотою почувствовалъ себя дурно и принужденъ былъ выйти изъ церкви. Вечеромъ, въ семь часовъ, актъ. Въ теченіе его была минута дѣйствительно свѣтлая и торжественная: это когда различныя депутаціи приносили университету свои поздравленія. Тутъ и я сказалъ свою рѣчь. По окончаніи ея раздались восклицанія: „браво! прекрасно!“ Но потомъ меня упрекали за то, что я читалъ не довольно громко и задніе ряды почти не слышали меня. Было невыносимо тѣсно и душно. Я больше не могъ выносить нестерпимаго жара

и изъ парадной залы удалился въ боковую, гдѣ и оставался уже до конца акта, т. е. до одиннадцати часовъ. Издали слышалъ только восторженные крики, заключившіе рѣчь Шевырева и стихи, проговоренные речитативомъ однимъ изъ студентовъ.

— 13-е, четвергъ, провелъ весь день въ своей комнатѣ, больной и физически и нравственно. Сегодня былъ парадный обѣдъ въ университетѣ, на которомъ, говорятъ, присутствовало четыреста пятьдесятъ человѣкъ. Вечеромъ Леонтьевъ и еще нѣкоторые другіе приглашали меня къ себѣ. Я не поѣхалъ, отговариваясь болѣзнью.

— 14-го, въ пятницу, состоялся студентскій обѣдъ въ университетѣ: тутъ и я уже долженъ былъ присутствовать. Восторги студентовъ и крики: „ура!“ дошли, наконецъ, до неистовства. Тутъ, конечно, было и чувство, но оно приняло уже какой-то дикій характеръ, такъ что въ заключеніе нельзя было разобрать, что это такое: чувство или нервическое раздраженіе, подогрѣтое шампанскимъ? Мнѣ стало грустно. Истина и убѣжденіе такъ не выражаются. Извѣстно, что у насъ за оффиціальными обѣдами никогда не бываетъ недостатка въ восторгахъ, также какъ и въ винѣ.

Приглашенія на вечера сыпятся со всѣхъ сторонъ, но я не былъ ни на одномъ. Московская ученая братія всячески старается устроить мнѣ овацію, а я стараюсь всячески этого избѣгнуть. Они слишкомъ преувеличиваютъ мое вліяніе въ министерствѣ и участіе во всемъ, что дѣлается въ немъ порядочнаго.

Грамота государя университету произвела большой эффектъ. Всѣ утверждаютъ, что писалъ я. Разумѣется, я вездѣ стараюсь увѣрить въ противномъ. Просилъ Каткова и Шевырева поддерживать мое отрицаніе. По крайней мѣрѣ, не говорили бы во всеуслышаніе, иначе это можетъ еще обострить мои отношенія съ министерствомъ и быть непріятно Аврааму Сергѣевичу.

— 16-го, въ субботу, обѣдъ у генералъ-губернатора Закревскаго и вечеръ у Назимова. Тамъ со мной были очень любезны мои бывшія ученицы: Назимова, Козакова и новая моя знакомая, фрейлина великой княгини Елены Павловны, Эйлеръ.

Изъ московскихъ профессоровъ чуть ли не больше всѣхъ оказывалъ мнѣ любезностей и знаковъ уваженія Шевыревъ, который еще недавно и печатно и словесно меня жестоко ругалъ. Мнѣ же

всѣхъ больше по душѣ пришелся Грановскій. Это человѣкъ высокаго таланта и благородныхъ чувствъ. Онъ вполнѣ очеловѣченъ наукою. Въ немъ какая-то классическая правота и благородство. Не менѣе уменъ, талантливъ и образованъ Катковъ, но Грановскій ближе моему сердцу.

Въ воскресенье, 17-го, мы покинули Москву. Проводы были блестящіе. На желѣзную дорогу явились всѣ члены университета, съ попечителемъ и ректоромъ во главѣ. Министръ оставилъ по себѣ въ Москвѣ очень пріятное впечатлѣніе своимъ простымъ, искреннимъ обращеніемъ.

Возвращались мы тѣмъ же порядкомъ, какъ ѣхали въ Москву. Я. И. Ростовцевъ опять всѣми завладѣлъ, опять устроилъ сытный завтракъ съ винами. Яковъ Ивановичъ, между прочимъ, предложилъ тостъ: „за здоровье урода двѣнадцатаго года!“ т. е. за Авраама Сергѣевича Норова, который, какъ извѣстно, участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи, лишился ноги и теперь ходитъ на деревяшкѣ.

Много было толковъ о юбилеѣ. Всѣ въ восторгѣ отъ него.

Я чувствовалъ себя нездоровымъ и сидѣлъ въ сторонѣ, разговаривая то съ тѣмъ, то съ другимъ. Меня совсѣмъ плѣнилъ генералъ Д. А. Милютинъ. Это человѣкъ съ благороднымъ образомъ мыслей, свѣтлымъ умомъ и широкимъ образованіемъ. Онъ отлично понимаетъ настоящее положеніе вещей, скудость нашего образованія и необходимость лучшаго. Его товарищъ по военной академіи, П. С. Лебедевъ, съ которымъ я уже былъ и прежде знакомъ,—умъ легкій и раскидистый. Мы съ нимъ много говорили во время дороги. По временамъ къ намъ присоединялись Остроградскій и Шульгинъ. Министръ и Ростовцевъ играли въ карты.

Ночью поднялась вьюга. Это задержало движеніе поѣзда, такъ что мы опоздали пріѣздомъ въ Петербургъ на два съ половиною часа.

— 20. Былъ у попечителя, у ректора, а вечеромъ у министра.

— 23. Нездоровится до того, что вечеромъ не могъ выйти къ тѣмъ, которые пришли навѣстить меня послѣ пріѣзда. А днемъ я насилу дотащился до залы, чтобъ принять нѣсколькихъ казанскихъ профессоровъ и К. Д. Кавелина, который пришелъ, какъ онъ говорилъ, за тѣмъ, чтобы поблагодарить меня за мно-

гое въ юбилеѣ, полагая, что это мой подвигъ. Право, право, господа, лучше бы поменьше объ этомъ говорить! Да и что смогъ бы я, еслибъ не пожелалъ того-же и министръ?

— 25. Вчера были у меня съ визитами ректоръ московскаго университета и Шевыревъ, пріѣхавшіе депутатами благодарить государя. Къ удовольствію моему, навѣстилъ меня также Д. А. Милютинъ. Позже пріѣхалъ Лебедевъ, отъ имени Ростовцева, пригласить меня на обѣдъ, который Военная Академія даетъ московскимъ депутатамъ. Врядъ ли я буду въ состояніи поѣхать.

— 26. Былъ на лекціи въ университетѣ, хотѣлъ сдѣлать визиты пріѣзжимъ изъ Москвы и не могъ. Вотъ и настоящая болѣзнь.

Февраль.—17. До сихъ поръ все еще не могу раздѣлаться съ болѣзнью.

— 18. Часу въ 3-мъ пополудни входитъ ко мнѣ въ кабинетъ Звегинцевъ, мужъ сестры моей жены, служащій казначеемъ при Наслѣдникѣ. Лицо у него, какъ говорится, было перевернутое и глаза красные.

— Знаете ли вы, что́ случилось? спросилъ онъ.

Я не зналъ, но мысль моя почему-то обратилась ко двору. Я подумалъ, что умерла императрица, которая давно больна, а въ послѣднее время даже была опасно больна. Но мой посѣтитель вдругъ сказалъ:

— Государь скончался!

Эта вѣсть прежде всего поразила меня неожиданностью. Я всегда думалъ, да и не я одинъ, что императоръ Николай переживетъ и насъ, и дѣтей нашихъ, и чуть не внуковъ. Но вотъ его убила эта несчастная война. Начиная ее, онъ не предвидѣлъ, что она превратится въ такое бремя, котораго не вынесутъ ни нравственныя, ни физическія силы его. Въ настоящихъ обстоятельствахъ смерть его является особенно важнымъ событіемъ, которое можетъ повести къ неожиданнымъ результатамъ. Для Россіи очевидно наступаетъ новая эпоха. Императоръ умеръ, да здравствуетъ Императоръ! Длинная и, надо таки сознаться, безотрадная страница въ исторіи русскаго царства дописана до конца. Новая страница перевертывается въ ней рукою времени. Какія событія занесетъ въ нее новая царственная рука, какія надежды осуществитъ она?...

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.